

УДК 930
ББК 63
И90

Редколлегия:

А. К. Сорокин (ответственный редактор),
С. А. Котов (ответственный редактор),
А. С. Кочетова, А. В. Лукашин (ответственный секретарь),
Е. М. Мягкова, А. В. Репников, Т. В. Седова, А. А. Ширинянц

**Исторические документы и актуальные проблемы архео-
И90 графии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории
нового и новейшего времени.** Сборник тезисов докладов участ-
ников Третьей международной конференции молодых ученых и
специалистов «Сlio-2013» / [отв. ред. С. А. Котов]. — М. : Россий-
ская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. — 582 с.

ISBN 978-5-8243-1768-8

УДК 930
ББК 63

ISBN 978-5-8243-1768-8

©Российский государственный архив
социально-политической истории,
2013
©Российская политическая энцикло-
педия, 2013

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АНГЛИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Д. А. Авакян
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Проблемы, возникшие в Англии на рубеже XVIII–XIX вв., определили для страны принципиально новый тип политического и социально-экономического реформирования.

До конца 1760-х гг. английская промышленность развивалась медленно, страна не испытывала никаких революционных потрясений ни в технике, ни в экономической, ни в социальной жизни. Внешняя торговля была незначительна, экспортировались не мануфактурные изделия, а в основном зерно и шерсть. За исключением периодически повторявшихся неурожаяв и эпидемий, никаких потрясения промышленная жизнь страны не испытывала. Объемы производства и потребления почти уравнивали друг друга. Накопление капитала происходило медленно и распределялось между множеством мелких собственников, производство имело домашний характер.

В течение нескольких десятилетий (1770-е гг. – середина XIX в.) в экономической, социальной, политической, культурной сферах жизни страны произошли изменения, которые полностью преобразили уклад жизни нации. Совокупность процессов вошла в историю под названием «индустриальная революция» или «промышленный переворот». Развитие промышленного производства повлекло за собой изменение в соотношении городского и сельского населения. Урбанизация как процесс, связанный с повышением роли городов в жизни общества, стала складываться именно в этот период. Новые промышленные города в Англии стали центром экономической и общественно-политической жизни.

В политической истории Англии не раз происходили партийные перегруппировки. Одна из самых серьезных произошла в первой половине XIX в., когда вместо системы «виги-тори» стала постепенно складываться система «либералы-консерваторы». Основными векторами развития политической системы Англии в XIX в. были проведение избирательных реформ (1832 г., 1867 г., 1884–1885 гг.), повышение роли исполнительной власти. В конце XVIII в. партии тори

удалось сплотить вокруг себя представителей буржуазии для борьбы с якобинством как в самой Англии, так и за границей. Виги в этот период утратили свое политическое влияние.

На рубеже XVIII–XIX вв. промышленников отстраняли от участия в политическом процессе, сама промышленная буржуазия рассматривала сферу государственного управления как привилегию аристократов, имевших необходимое образование и традиции. Только небольшое количество новых фабричных городов на севере страны, где были сосредоточены основные ресурсы хлопковой, льняной и мануфактурной отраслей промышленности и промышленный капитал, были наиболее сильными, имели свое представительство в парламенте. В целом же промышленники предоставляли аристократии возможность управлять страной в обмен на некоторые уступки.

Таким образом, борьба за политическое доминирование между тори и вигами представляла собой борьбу между крупными землевладельцами, которые объединились с торгово-финансовой буржуазией, с одной стороны, и промышленниками – с другой. По мере развития промышленного производства стало происходить изменение социально-экономической структуры общества, постепенно укреплялись позиции промышленной буржуазии, образ жизни и общественные интересы промышленников и землевладельцев стали сближаться. У крупных промышленников появилась возможность приобретать землю и титулы, вступая, таким образом, в ряды земельной аристократии, в то время как многие крупные землевладельцы стали заниматься предпринимательством. В начале XIX в. состав земельной аристократии пополнялся и из числа людей, которых назначали пэрами и которые получали от правительства и короля земли за успехи в развитии промышленности и торговли, за военные услуги. В 1815 г., после введения хлебных законов, устанавливавших высокие протекционистские пошлины на импорт зерна из Англии, произошло столкновение интересов буржуазии и землевладельцев.

Результатом принятия хлебных законов стало сокращение поступления хлеба на внутренний рынок, что обеспечило землевладельцам большие доходы из-за снижения конкурентоспособности иностранных поставщиков зерна. Английские землевладельцы повышали цены на хлеб, что отразилось на материальном положении большей части населения. Возросла цена рабочей силы и стоимость сельскохозяйственного сырья, необходимого для промышленного производства. В этих условиях у промышленников появилась необходимость вести самостоятельную политическую борьбу для защиты экономических

интересов. Не обладая большими возможностями, в начале XIX в. промышленники предпочли формировать свои партийные структуры в рамках уже существующей политической системы, действуя через партию вигов.

Кроме того, хлебные законы снизили уровень политического влияния тори. Либерально настроенная часть тори начала поиск компромисса с оппозицией, которая требовала проведения парламентской реформы. Промышленная революция и сопровождавшие ее экономические кризисы, социальные изменения принесли с собой повышение политической активности населения и расширение политической сферы, что выразилось в появлении на политической арене так называемой третьей силы – радикалов, массового радикального движения, деятельности различного рода демократических объединений. В середине 1830-х гг. появились два общественных движения: чартизм и фритредерство. В движении чартизма принимали участие ремесленники, фабричные рабочие, мелкие и средние собственники, что отражало происходившие социальные перемены, когда наряду с промышленным производством оставалось достаточно развитым ремесленное и мануфактурное. Фритредеры, которые выдвигали требования свободной торговли, создали в 1838 г. Лигу борьбы против хлебных законов.

Центральное место во внутриполитической жизни Англии в конце 1820-х – начале 1830-х гг. занимала борьба вокруг вопроса об изменении системы парламентского представительства. Дореформенная парламентская система во многом основывалась на системе традиций и прецедентов. Процедура выборов в парламент существовала в почти неизменном виде с начала XVII в. На рубеже XVIII–XIX вв. появлялись новые промышленные центры, возросли масштабы внутренней миграции, что привело к распаду старых городов и деревень. Это привело к появлению так называемых гнилых местечек, которые, несмотря на небольшое количество населения, сохранили представительство в парламенте.

Такие местечки имели право посылать в парламент одного или двух депутатов, в то время как многие новые промышленные центры были лишены представительства в парламенте. Такое состояние избирательной системы соответствовало интересам крупных землевладельцев, которые продолжали удерживать в своих руках капитал. Благодаря прессе сведения из Лондона о заседаниях парламента поступали практически во все крупные развивающиеся регионы страны довольно быстро по тем временам в связи с расширившейся сетью

дорог. Жители торгово-промышленных центров и портовых городов были готовы принять участие в митингах и протестовать. Политическая борьба против общественных выступлений, в том числе законодательные запреты на митинги, общественные собрания, усиливала и борьбу самих партий за влияние.

Кроме того, внутри самого парламента в этот период было представлено несколько политических группировок. Кабинет тори проводил ограниченную либеральную политику, что усиливало размежевание членов парламента. Тори представляли собой опору правительства, не имея четко выраженных политических симпатий, ультра-тори представляли собой непримиримых противников любых изменений. Внутри вигов было несколько группировок, левая часть которых выступала за дальнейшие реформы.

Задача преобразования существующих институтов в Англии была ключевой в процессе трансформации парламентских партий в партии политические. Согласно Акту о реформе 1832 г., принятому по инициативе партии вигов, более 50 «гнилых местечек» с населением менее 2 тысяч жителей были лишены представительства в парламенте. Небольшие города с населением менее 4 тысяч жителей стали посылать одного депутата вместо двух, а некоторые города – двух депутатов вместо четырех. В итоге освободилось 143 депутатских места, распределенные между новыми городами и сельскими округами. Были введены новые финансовые цензы для избирателей. Другими условиями участия в выборах были уплата налога для бедных и проживание не менее 6 месяцев в данном избирательном округе.

В системе представительства сохранилась диспропорция между сельским и городским населением, но активный процесс урбанизации постепенно нивелировал эту разницу. В этот период происходили изменения в системе местного самоуправления. До 1835 г. большинство городов находились под влиянием корпораций, которые, как правило, выражали интересы влиятельных лиц. В городах, появившихся на рубеже XVIII–XIX вв., не было эффективной системы административного управления, в то время как именно новые промышленные центры сталкивались с огромным количеством социальных проблем (несоблюдение санитарно-гигиенических норм на производстве, использование детского труда и т. д.), требующих решения. В 1835 г. Акт о муниципальных корпорациях установил правовой статус 178 городов Англии и Уэльса. Управление принадлежало выборным городским советам, которые избирали на один год мэра.

Были организованы советы городов, которые управляли городским имуществом, издавали постановления для охраны порядка. После реформирования системы представительства с ростом городского населения и политической активности населения усилилась роль выборов при формировании партийного состава парламента, что привело к повышению соперничества политических партий. Политические общества, союзы организовывались для достижения определенных целей, направленных на изменение устаревшего законодательства. Развитие транспорта, прессы, средств коммуникации между новыми промышленными центрами способствовали росту политической мобильности, вовлечению населения в обсуждение государственных проблем. Таким образом, в конце XVIII – начале XIX в. города в Англии стали центрами политических и социальных изменений.

ЮСТИЦИЯ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ СЕРЕДИНЫ XIX в. (по материалам журнала «Русский вестник»)

*И. Г. Адоньева, к.и.н.
(Новосибирский государственный
технический университет)*

Эпоха Великих реформ и потребность преобразования судебной сферы актуализировали изучение опыта зарубежных стран, прежде всего Англии и Франции. Как в правительственных кругах, так и среди образованного общества происходили жаркие дискуссии между англоманами и галломанами по вопросу выбора образца для изменений. В то же время представление о справедливости социально-политического устройства США являлось одним из элементов сознания образованного общества со времен декабристов¹. Меньше внимания уделялось Канаде по причине ее колониальной зависимости. Применительно к европейским странам присутствовало научное осмысление их правового опыта, а американская юстиция пока была, за редким исключением, предметом поверхностного взгляда, нежели анализа. Поэтому вписанные в контекст «путевых заметок» наблюдения за судебной системой стран Северной Америки являются источниками для изучения правовых взглядов русской интеллектуальной элиты второй половины XIX в.

В процессе исследования темы «Репрезентация права в русской журнальной прессе второй половины XIX в.» был изучен уже известный науке источник – заметки о путешествии по США писателя Э. Р. Циммермана, опубликованные в журнале «Русский вестник» в 1859 г., где, помимо прочих сюжетов, затрагивается американская юстиция. В том же году были напечатаны путевые очерки, посвященные поездке по Североамериканским штатам, автора Р. Матиль, личность которого еще предстоит выяснить. Опираясь на контекст источника, можно предположить, что он является эмигрантом из Рос-

¹ Задохин А. Америка в зеркале русского сознания: [Электронный ресурс]. URL: http://www.rau.su/observer/N9_01/9_11.htm (дата обращения: 08.02.2013).

сийской империи, успешно занявшийся в США частным предпринимательством, в силу чего достаточно часто сталкивался с местной судебной системой. Также в 1859 г. в «Русском вестнике» появились заметки о путешествии по Канаде писателя и юриста А. Б. Лакиера, который уделил профессиональное внимание ее судебной системе. Можно выявить три позиции: адаптировавшегося эмигранта, путешественника и специалиста.

Особенностью изучения поставленной проблематики является сложность источниковедческой квалификации эмпирического материала. Привлеченные для рассмотрения тексты сочетают в себе черты нескольких жанров. С одной стороны, это мемуары, путевые заметки или очерки, то есть источники личного происхождения. С другой стороны, они создавались с целью опубликования в периодической печати, то есть могут быть частично охарактеризованы как публицистические. Представляется наиболее оптимальным согласиться с мнением С. В. Житомирской о том, что особенностью «материалов личного происхождения является зыбкость границ между отдельными их видами, жанровая неопределенность, легкость перехода одного вида в другой»².

Репрезентация сюжетов американской юстиции в печати была проявлением российского правового дискурса, рассматриваемого как все измерения (реальные и воображаемые) отношения общества к праву, в который включаются не только труды профессиональных юристов, но и писателей, публицистов, тех, кто описывал юридически значимые ситуации³. Значение «толстого» журнала в формировании, структурировании и трансляции общественного сознания обуславливает интерес к изложению в них правовых сюжетов. Их авторский корпус и читательская аудитория были представлены интеллектуальной элитой империи. «Толстые журналы» стали полем для публицистики, вызванной к жизни модернизацией страны. В начале правления императора Александра II, несмотря на то что действовали цензурные установления Николая I, печать смело заявила о себе поднятием актуальных вопросов⁴. Правосудие было одним из них, что обеспечило высокий уровень интереса к юридической тематике.

² Житомирская С. В. Предисловие // Воспоминания и дневники XVIII–XX вв.: указатель рукописей. М., 1976. С. 4.

³ Бенн С. Одежды Клио. М.: Канон, 2011. С. 21–22.

⁴ Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв.: [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://evartist.narod.ru/text9/35.htm>

Любопытные наблюдения представил Р. Матиль, изнутри познавший жизнь в США. У него заметны англоманские настроения, что в целом было характерно для авторов «Русского вестника»: «США – продолжение Англии, в метрополии и заключается источник благосостояния и могущества Североамериканского союза⁵. От нее заимствовал свое законодательство; отправьтесь в какой угодно суд, и через несколько минут вы непременно услышите, что адвокаты ссылаются на английский Common Law, почитаемый охраной прав американского народа». На этом восторги заканчиваются, и начинается разбор отправления правосудия в США, тон которого варьируется от ироничного до критичного. Российский читатель середины XIX в., привыкший, по возможности, избегать столкновений с отечественным «кривосудием», с удивлением узнавал, что в рамках спора о корове стоимостью около двадцати долларов «пятьдесят свидетелей были допрошены, и судебные издержки процесса простирались до шестиста долларов»⁶. Описывая подобные казусы, автор не раскрывает их причину – прецедентное право. Более привычным для отечественной читательской аудитории было описание суда Линча, близкого к привычному российскому самосуду. Но он, с точки зрения Матилия, не более чем управление чернью, предоставление ей «зрелищ» посредством участия в сомнительном с точки зрения правосудия мероприятии⁷.

Э. Р. Циммерман не мог погрузиться в особенности американской судебной системы и правосознания жителей США, поэтому его наблюдения представляют собой общий взгляд на образ жизни, из которых можно выделить представляющие интерес аспекты. Для него было достаточно необычным отсутствие сословных границ, но наличие жесткого расового разделения. Кроме того, удивление вызывало почтение по отношению к женщинам⁸. Для человека, принадлежащего европейской культуре, а тем более для россиянина, такое «перевернутое» положение вещей выглядело если не абсурдным, то необычным: ведь представления о границах внутри социума и чести не допускали свободного контакта между различными группами, а выходец из Африки считался более экзотикой, чем личностью.

⁵ Матиль Р. Из Америки // Русский вестник. 1859. С. 343–360.

⁶ Там же. С. 362.

⁷ Матиль Р. Из Америки // Русский вестник. 1859. С. 361.

⁸ Циммерман Э. Р. Путешествие по Америке. От Нью-Йорка до Чарльстона // Русский вестник. 1859. № 2. Т. 19. Кн. 1. С. 405–434.

Юрист А. Б. Лакиер представил небольшой обзор судебной системы Канады, понятный более специалистам, чем обывателям. Он отметил, что в английской части страны сохранилась судебная система такая же, как в доминионе, со сложным переплетением и специализацией органов отправления правосудия⁹. Англоманские устремления автора особенно заметны, когда он высказывается, что французской Канаде следует воспринять правовые нормы, действующие в ее соседней части.

Таким образом, фрагментарные сюжеты, посвященные юстиции стран Северной Америки на страницах журнала «Русский вестник», отличаются некоторой амбивалентностью суждений. По отношению к США, с одной стороны, присутствует симпатия по отношению к видимому отсутствию сословных границ. С другой – очевидно недоумение по поводу наличия расовых перегородок, что даже при знании реалий Америки рассматриваемого периода для жителя многонациональной Российской империи, пусть даже с ее своеобразной национальной политикой, смотрелось парадоксально. Также неоднозначно воспринималась правовая культура Северной Америки: привыкшие максимально избегать контактов с отечественной юстицией россияне не могли понять стремления американцев отстаивать свои права через суд. Одновременно очевидны англоманские устремления всех авторов, обусловленные как профессиональными, так и личностными факторами.

⁹ *Лакиер А. Б.* Поездка по Канаде. Из путевых записок // *Русский вестник*. 1858. № 10. Кн. 1. С. 531–565.

ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИКА: ФЕНОМЕН ШОТЛАНДСКОЙ ШКОЛЫ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

М. Г. Алексашина
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Французский писатель Андре Моруа, написавший биографию великого шотландца, первооткрывателя пенициллина Александра Флеминга, начинает свою книгу с такой фразы: «Шотландцы – не англичане, отнюдь». Тогда возникает вопрос: что же такое шотландский национальный характер? Быть может, именно он повлиял на возникновение такого интеллектуального феномена, как шотландское просвещение?

Определить шотландский характер довольно трудно. Если не брать в расчет великое множество насмешек про шотландцев, которые давно укоренились в фольклоре и анекдотах англичан, можно сказать, что шотландцы обладают следующими качествами: они расчетливы, трудолюбивы, бережливы, к тому же деловиты, молчаливы и трезвы, поэтому любят «помудрствовать».

Конечно, не стоит объяснять все, ссылаясь только лишь на их характер. Положение самой страны и народа в XVIII веке является также определяющей причиной появления шотландского просвещения.

Издавна шотландцы вели войны с Англией. В 1603 г. шотландский король Иаков VI Стюарт стал английским королем Иаковом I, объединив обе части острова под английской короной. Но это действие носило лишь формальный характер: экономически Шотландия и Англия были независимы друг от друга. В течение XVII века борьба продолжалась, при этом она приобрела религиозную окраску. Пресвитерианская Шотландия отказывалась признать англиканскую церковь. Государственная уния была заключена в 1707 г. Ее одобрили английские и шотландские промышленники, богатые фермеры и купцы. Таможенные барьеры исчезли, Глазговские купцы получили доступ к английским колониям. С другой стороны, шотландская аристократия была против этой унии. Опираясь на воинствующих горцев, аристократы несколько раз поднимали восстания. Но экономически развитое равнинное население страны их не поддерживало, и они заворачи-

лись неудачей. Эта эпоха описана в исторических романах Вальтера Скотта «Пуритане», «Черный карлик», «Роб Рой», «Уэйверли».

За XVIII век Шотландия резко изменилась экономически. Целый промышленный район вырос около Глазго. Фермеры-арендаторы и землевладельцы вводили усовершенствования в сельское хозяйство. Тем не менее экономический прогресс затронул лишь равнинную Шотландию, горная страна сохраняла пережитки родового строя.

Влияние церкви и религии на общественную жизнь уменьшилось. Церковь потеряла контроль над университетами. Шотландские университеты наполнились духом свободомыслия, большой ролью светских наук и практическим уклоном. Маленькая Шотландия воспитала изобретателя паровой машины Джемса Уатта, основоположника современной химии Джозефа Блэка, экономиста Джемса Стюарта, философа Давида Юма, экономиста Адама Смита, историка Уильяма Робертсона, социолога и экономиста Адама Фергюсона¹, геолога Джемса Хаттона, врача Уильяма Хантера, архитектора Роберта Адама.

Шотландия XVIII века характеризуется одновременно и противоборством, и симбиозом двух культур – высокой культуры, насажденной Англией, и народной культурой. Если первая – это философские и научные общества, университеты, высокая поэзия, то вторая ассоциируется с культурой народа и воплощена в поэмах и балладах.

Что касается английского языка, то к середине XVIII века он становится основным языком в профессиональных сообществах врачей, профессоров, юристов. Английский стал языковой средой новых людей, известных как *literati*. Именно *literati* стали олицетворением шотландского просвещения. Они твердо верили в возможность культивирования и роста добродетели, справедливости, науки, религиозной терпимости, интеллектуальной свободы. *Literati* были шотландцами по духу, мировосприятию, пользовавшимися английским языком как инструментом и каналом связи с английским ученым сообществом.

Общебританской традицией эпохи просвещения считается большое количество клубов. Шотландия не отставала в этом. В Эдинбурге в 1754 г. было основано «Общество Избранных» (*Selected Society*), в 1762 г. – «Покер клуб» (*Poker Club*), в 1783 г. – Эдинбургское Королевское Общество. В Абердине Томас Рид, Джон Грегори, Джордж Кэмпбелл учредили «Абердинское Философское общество», или

¹ *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества / пер. с англ. И. И. Мюрберг; под ред. М. А. Абрамова. М.: РОССПЭН, 2000.

«Клуб мудрых» (Wise Club). К слову, Британская энциклопедия, редактором которой был молодой Вильям Смелли, вполне могла соперничать со знаменитой Энциклопедией Дидро и Даламбера. Отсюда вывод: шотландское просвещение стремилось быть одновременно и интернациональным, и чисто шотландским.

Можно судить о зарождении школы шотландской философии именно в эпоху Просвещения. Тем не менее Александр Броди, известный исследователь многовековой шотландской философии, утверждает, что в Шотландии действительно существует своя философская традиция. Но эта традиция не сводится к философии Просвещения, хотя именно в этот период она так ярко представлена. Традицию эту можно проследить со времени Высокого Средневековья, и первый ее расцвет приходится на дореформационный период. Броди выделяет три периода в развитии шотландской философии, которые представлены Иоанном Дунсом Скотом, Джоном Майром и Томасом Ридом соответственно. Для Броди неважно, читали ли Майр и Рид своего предшественника: дух Скота присутствует в их философии, поскольку «шотландская философия, конечно, больше, чем системы этих великих людей; это огромная культура с богатой структурой, диалог, осуществленный через семь или восемь веков и почти всегда проникший глубоко в дух человеческий»².

Стоит заметить, что социальная мысль Шотландии XVIII века постоянно имеет дело с общим проектом конструирования общества. Отсюда Давид Юм предстает как философ – посредник, облегчающий взаимодействие между чуждыми друг другу царством философии и образованным обществом. Отсюда же прочтение «Теории нравственных чувств»³ Адама Смита с его описанием понятия «симпатии» как основания силы, противостоящей тенденциям общества преследующих свои частные интересы торговцев, о которых можно прочесть в «Богатстве наций»⁴.

Адам Фергюсон и Адам Смит⁵ сошлись во мнении о том, что общество и экономика живут по своим собственным законам. Люди

² *Broadie A. Why Scottish Philosophy Matters. Edinburgh, 2000.*

³ *Смит А. Теория нравственных чувств / вступ. ст. Б. В. Мееровского; подгот. текста, коммент. А. Ф. Грязнова. М.: Республика, 1997.*

⁴ *Мукешин М. И. Социальная философия шотландского Просвещения. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2005. С. 10.*

⁵ *Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ.; предисл. В. С. Афанасьева. М.: Эксмо, 2007.*

мотивируются противоречиями между стремлением к добру и эгоистическим интересом. В гражданском обществе индивид связан с целым эгоистическим интересом и тщеславием, а также доброй волей и симпатией. Общество будет лучше с симпатией и альтруизмом, но эти последние вовсе не являются необходимыми для продолжения его существования. В то же время Давид Юм и Адам Смит считали, что гражданское общество может расцвести только под покровительством аристократов. *Literati* верили, что культура может совладеть с требованиями передового коммерческого общества. Для них гражданское общество защищало жизнь, свободу и собственность. Отсюда следует вывод о том, что социальные учения также были продиктованы некоторым напряжением между той же высокой и народной культурой, развивающимся буржуазным обществом.

В заключение можно сказать, что маленькая и нищая Шотландия, не гнушаясь заимствований чужих достижений, смогла построить национальную структуру социальных и экономических отношений, что позволило ей превратиться из отсталой окраины Европы в общепризнанный центр просвещения, философии, науки, литературы, промышленности.

БОЛЕЗНЬ ЛЕНИНА И РОЖДЕНИЕ «ТРОЙКИ»

Д. И. Апальков
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Принятая в марте 1921 г. X съездом РКП(б) резолюция «О единстве партии» запрещала фракционную деятельность в партии. Вместе с тем уже к 1921 г. фракционный метод вошел в большевистскую политическую культуру настолько прочно, что его нельзя было искоренить посредством никакой резолюции. После 1921 г. фракции продолжали существовать, запрет лишь сделал фракционную политику более скрытой, а значит и более опасной. Резолюция «О единстве партии» создавала возможность того, что лидеры победившей фракции при должной поддержке в ЦК и ЦКК могли добиться снятия с должности или даже исключения из партии побежденных, инкриминировав им фракционную деятельность.

Очевидно, что единственным фактором, сдерживавшим активность фракционной деятельности внутри партии большевиков, был непререкаемый авторитет ее вождя и наставника Ленина. Однако 25 мая 1922 г. произошло то, что стало поворотным моментом на пути к бескомпромиссной внутрипартийной борьбе 1920-х гг. Ленин перенес свой первый инсульт, который вывел его из строя на несколько месяцев.

Именно в эти дни, когда в любой момент мог встать вопрос о преемнике Ленина, и стала складываться «тройка», состоявшая из Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и И. В. Сталина. Несмотря на определенные разногласия и далеко идущие планы каждого из членов «тройки», их объединяла общая цель — не допустить лидерства «второго человека в партии» Л. Д. Троцкого, блокировать его инициативы, дискредитировать и в итоге исключить из процесса политической жизни.

Вернувшись к работе после полугодового отсутствия, Ленин был глубоко разочарован тем, что увидел. Позднее Н. К. Крупская писала, что Ленина чрезвычайно обеспокоили нравы, водворившиеся в «верхах» в его отсутствие¹. Прежде всего, Ленин не мог не обратить

¹ Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. М., 2004. С. 272.

внимания на то, что в структуре ЦК произошли весьма серьезные качественные подвижки. И связаны они были с деятельностью генерального секретаря партии Сталина.

Ленин считал, что секретарю партии следует заниматься чисто административной работой. Однако же, как справедливо заметил Р. Такер, «Ленин не учел того, что секретарская должность таит в себе возможность сосредоточить всю полноту власти в руках одного человека, особенно такого политически сверхамбициозного, как Сталин»².

Механизм сталинской политики собственного продвижения к власти базировался на стратегии использования Секретариата для образования в провинции надежной партийной клиентуры и последующего превращения местной силы в силу центра. Через Учетно-распределительный отдел и разъездных инструкторов ЦК на местах выявлялись способные люди, подававшие надежды быть полезными Сталину. Процедура выборов продолжала соблюдаться. Однако на результаты выборов все в большей степени влияли рекомендации ЦК, которые приобретали силу директив³. Недаром бывший секретарь ЦК Преображенский жаловался XII съезду, что около 30 процентов всех секретарей губернских комитетов партии были «рекомендованы» Центральным Комитетом⁴.

Таким образом, Сталину за короткий срок удалось превратить Секретариат ЦК из организационно-технического органа в политический механизм, который позволил ему, по выражению Ленина, «сосредоточить в своих руках необъятную власть»⁵.

Сложившаяся ситуация заставила Ленина пытаться создать политический противовес власти «тройки». И этот противовес был найден в виде блока «Ленин – Троцкий», который активизировался уже в ноябре 1922 г., когда встал вопрос о монополии внешней торговли.

После того как 16 декабря 1922 г. с Лениным происходит второй инсульт, он начинает диктовать то, что считает необходимым сказать партии на очередном, XII съезде РКП(б). Плодом этих усилий стали письма и статьи, получившие название «Политическое завещание».

В ленинском «Письме к съезду» однозначно негативная нравственная характеристика давалась одному Сталину. Персональная рекомендация съезду была дана также только в отношении Сталина.

² Такер Р. Сталин. История и личность. М., 2006. С. 201.

³ Там же. С. 202.

⁴ Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1968. С. 146.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 345.

Несмотря на категорические указания Ленина об абсолютной секретности «Письма к съезду», известно, что Сталин был знаком с его первой записью уже в конце декабря 1922 г.⁶

Сталин понимал, что пристальный интерес Ленина по поводу «грузинского инцидента» также работает против него. Наконец, из направленной ему 5 марта 1923 г. ленинской записки по поводу грубости в отношении Крупской Сталин понял, что Ленин готов и к разрыву личных отношений⁷.

Таким образом, Сталин отчетливо осознавал, что возвращение Ленина к активной политической жизни означало бы для него политическую смерть. В этой ситуации Сталин, владевший объективной информацией о состоянии здоровья Ленина, надеялся выиграть время. 5 марта 1923 г. посредством телефонного опроса членов Политбюро он вносит предложение о переносе XII съезда на более поздний срок.

Вскоре у Ленина происходит резкое обострение болезни, которое по существу исключило его из политической жизни. Угроза краха политической карьеры Сталина миновала.

Казалось бы, Троцкий имел превосходный шанс для того, чтобы опередить «тройку» и использовать XII съезд для своего наступления против нее. В распоряжении Троцкого находился серьезный компромат на Сталина, касавшийся «грузинского инцидента». Дело в том, что 5 марта 1923 г. Троцкий получил от Ленина статью «К вопросу о национальностях или об автономизации» в сопровождении двух продиктованных им записок. В одной из этих записок Ленин просил Троцкого «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии», которое «находится под «преследованием Сталина и Дзержинского»⁸.

Тем не менее Троцкий тогда не решился вынести борьбу за пределы Политбюро и тем самым прямо противопоставить себя «тройке», как он сделал это спустя несколько месяцев, в октябре 1923 г. Как писал И. Дойчер, «в тот момент, когда Сталину грозила политическая гибель, Троцкий протянул ему всепрощающую руку»⁹. «Тройка» в свою очередь понимала, что после XII съезда партии пришло время для открытого наступления на Троцкого.

⁶ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 157–159.

⁷ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 192–193.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 54. С. 329.

⁹ Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929. М., 2006. С. 108.

Троцкий, занимая должность председателя Реввоенсовета, располагал отличным идеологическим аппаратом, разветвленным по всему Союзу, повсюду, где располагались воинские части. С помощью политически подкованных красноармейцев, возвращавшихся из армии домой, Троцкий имел возможность распространять свое влияние далеко за пределы военных гарнизонов. Поэтому неудивительно, что открытое наступление «тройки» на позиции Троцкого началось именно в этом направлении.

По существу, постановление «О составе РВСР»¹⁰, принятое Пленумом ЦК 25 сентября 1923 г. без участия Троцкого, носило провокационный характер. Безусловно, Троцкий был чрезвычайно оскорблен таким вмешательством ЦК в дела Реввоенсовета. Его письмо членам ЦК и ЦКК РКП(б) от 8 октября 1923 г. положило начало выходу внутрипартийной борьбы за рамки Политбюро.

В этом письме Троцкий изложил свою точку зрения по важнейшим проблемам партии и страны. Помимо всего прочего, Троцкий весьма четко охарактеризовал политику назначения, отметив, что она исходила из того, в какой мере тот или иной партийный работник может содействовать тому курсу, который проводится через Секретариат ЦК¹¹.

Существенное обострение ситуации вызвало «Заявление 46-ти», поступившее в Политбюро 15 октября 1923 г. Это заявление, подписанное 46 старыми большевиками, содержало выразительное описание нездоровой атмосферы внутри партии. Таким образом, оно фактически представляло собой акцию в поддержку Троцкого.

Столкнувшись с активной и влиятельной оппозицией своей политике, «тройка» немедленно стала принимать меры по превращению этой оппозиции во фракцию. Уже 19 октября 1923 г. в адрес ЦК и ЦКК был направлен «Ответ членов Политбюро на письмо Троцкого». На основе этих утверждений делался вывод, что «тов. Троцкий стал центром, вокруг которого собираются все противники основных кадров партии»¹².

Продолжением внутрипартийной дискуссии стал объединенный Пленум ЦК и ЦКК, который состоялся 25–27 октября 1923 г.

Об атмосфере октябрьского Пленума, да и вообще о том, какими методами велась на нем борьба против Троцкого, красноречиво

¹⁰ Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 147–148.

¹¹ Там же. С. 158.

¹² Там же. С. 212.

свидетельствует адресованное Зиновьеву письмо Крупской, присутствовавшей на некоторых заседаниях Пленума. Она прямо обвиняла «тройку» в том, что они могли, но не захотели преодолеть разногласия с Троцким, создали «атмосферу склоки и личных счетов»¹³. Следует подчеркнуть, что оценки Крупской особенно важны, поскольку Зиновьев был ее близким другом.

Октябрьский Пленум является своего рода рубежным моментом в истории внутрипартийной борьбы 20-х гг. Троцкий, оказавшийся в атмосфере непримиримой вражды, потерпел на этом Пленуме свое первое серьезное поражение в борьбе с «тройкой», поскольку впервые его позиции были расценены как фракционная деятельность. Так, было положено начало свержению Троцкого с пьедестала триумфатора Революции и Гражданской войны, созданию из образа Троцкого того пугала, при помощи которого Сталин сохранял и укреплял собственные властные позиции.

¹³ Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 272.

МОСКОВСКИЙ ОТКРЫТЫЙ ПРОЦЕСС 1936 г.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Ж. В. Артамонова, к.и.н.
(РГАСПИ)*

Публичный судебно-политический процесс¹ по делу так называемого антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра, более известный как первый Московский открытый процесс, проходил в Москве в Октябрьском зале Дома Союзов с 19 по 24 августа 1936 г. Суду были преданы 16 человек. Среди них такие известные большевики, активные деятели Революции и Гражданской войны, как Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов, И. П. Бакаев, С. В. Мрачковский, В. А. Тер-Ваганян, И. Н. Смирнов и некоторые другие. Все подсудимые были приговорены к высшей мере наказания.

«В этом деле много еще темного, непонятного. ...Невозможно ведь это понять нормальному человеку»². Эти слова, сказанные советским писателем Иваном Евдокимовым о третьем Московском процессе 1938 г., были близки многим его современникам. Один из символов эпохи Большого террора – открытые/показательные Московские процессы 1930-х гг. ставили целый ряд вопросов, поиск ответов на которые чаще всего заводил в тупик.

¹ Политическим является тот судебный процесс, который проводится в рамках существующего судебного порядка в интересах действующего режима для подавления реальных или потенциальных противников. (Цит. по: Красильников С. А. Судебные политические процессы 1920-х гг. в советской России/СССР как исследовательский феномен: дискуссионные проблемы // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Сравнительный анализ механизмов и практик проведения. Новосибирск, 2010. С. 11.)

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 32. Сводка агентурных сообщений об откликах на процесс «право-троцкистского блока» за подписью народного комиссара внутренних дел СССР Н. И. Ежова И. В. Сталину от 2 марта 1938 г.

Слова Евдокимова не потеряли своей актуальности и сегодня. Обращение к этой «острой», спорной и драматичной теме советской истории вызывает многочисленные дискуссии, нередко приобретающие политизированный характер. Ситуация усугубляется еще и тем, что традиция судебных политических процессов выходит за рамки советского периода и как никогда становится популярной в настоящее время.

Московский процесс 1936 г. — отнюдь не уникальное явление советской общественно-политической жизни. Практика проведения знаковых судебно-политических процессов, определяющих главный вектор политической борьбы в стране, применялась на протяжении всей истории Советского государства. Между тем Московский процесс 1936 г., как и любой судебно-политический процесс, обладает своей определенной исторической значимостью.

Подлинная история Московских процессов 1936–1938 гг. тщательно скрывалась от широкой общественности. Параллельно с физическим уничтожением пятидесяти четырех обвиняемых, прошедших по трем процессам, стиралась и любая память о них. Они исчезали с фотографий, плакатов, картин, в книгах зачеркивались их имена, переименовывались города и улицы, переписывалась история партии и Советского государства³.

В подобной ситуации тема Московских открытых процессов 1930-х гг. как научная проблема была закрыта для исследователей. Сформулированная газетными публикациями во время процессов, агитационной литературой, популярными брошюрами, учебниками уголовного права и «Кратким курсом» официальная историографическая концепция этих событий оставалась неизменной почти до конца 1980-х гг.⁴

³ См., например: *Кинг Д.* Пропавшие комиссары: Фальсификация фотографий и произведений искусства в сталинскую эпоху. М., 2012. 208 с.; ГА РФ. Ф. Р-5283. Оп. 1а. Д. 292. Л. 1–11; Приказы № 40 от 15 февраля 1935 г. и № 1323 от 19 июня 1935 г. Главного управления по делам литературы и издательств при Наркомате просвещения РСФСР об изъятии троцкистско-зиновьевской литературы.

⁴ *Вышинский А. Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941; История Всесоюзной коммунистической партии (большевики): Краткий курс. М., 1938; *Голиков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья. М., 1975; О методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры: Сб. статей. М., 1937; Шпионам и изменникам Родины нет и не будет пощады: Сб. статей. М., 1937.

В дни Московских процессов шло параллельное формирование других, альтернативных версий событий.

В 1936 г. в журнале «Социалистический вестник» была опубликована анонимная статья под названием «Как готовился московский процесс (Из письма старого большевика)»⁵. Позже историк Б. И. Николаевский признался в ее авторстве. В статье приводились данные о расстановке сил в Политбюро, о следствии и судебных процессах после убийства С. М. Кирова, о механизме принятия решений по подготовке и проведению первого Московского процесса. Версия событий Б. И. Николаевского оказала значительное воздействие на свидетельства отдельных «очевидцев» и на научную литературу⁶. Несмотря на то что открытые в последние десятилетия многочисленные документы опровергают информацию Николаевского, она до сих пор активно используется в исторических исследованиях.

Московские процессы 1936–1938 гг. сопровождались параллельной контркампанией под руководством Л. Д. Троцкого. Л. Седова и зарубежных троцкистов⁷. Троцкий и его сторонники представили анализ фактической стороны процессов, подробные интерпретации причин проведения показательных судов, их целей и задач, причин признаний на них подсудимых, а также попытались реконструировать механизм организации и проведения процессов.

Другой, своеобразной и наиболее яркой попыткой этого этапа осмысления Московских процессов стал роман А. Кестлера «Слепая тьма»⁸. В романе писатель попытался объяснить мотивы поведения и причины признаний подсудимых на показательных процессах. Интерпретация Кестлера оказала «долгосрочное» воздействие на всю

⁵ Социалистический вестник. 1936. № 23/24. С. 20–23; 1937. № 1/2. С. 17–24.

⁶ См., например: Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк; Иерусалим; Париж, 1983. Также см.: Хлевнюк О. История «Тайной истории» // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 114–119.

⁷ В дни первого Московского процесса Л. Седов занимался подготовкой брошюры «Красная книга о московском процессе. Она была напечатана в журнале «Бюллетень оппозиции» под названием «Московский процесс – процесс над Октябрем» (Бюллетень оппозиции. 1936. № 52–53). Также см.: The Case of Leon Trotsky: Report of Hearings on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials. N. Y., 1937; Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991; Он же. Преступления И. В. Сталина. М., 1994.

⁸ Кестлер А. Слепая тьма. М., 1989.

«доархивную» историографию проблемы и надолго определила господствующие в ней ключевые подходы и оценки.

Свое значение до сих пор сохраняют труды зарубежных историков, советологов, обществоведов и диссидентов (А. Авторханов, Р. Конквест, С. Коэн, Р. Медведев, Р. Такер и другие⁹), которые одними из первых в 1960–1970-е гг. приступили к научному исследованию отдельных аспектов системы в предвоенный период. Между тем из-за неполноты документальной базы многие вопросы, связанные с Московскими процессами, в то время рассмотреть было невозможно, и многие выводы указанных авторов носили вероятностный характер.

Единственно возможными материалами для изучения темы вплоть до конца 1980-х гг. были собрания сочинений руководителей страны, опубликованные стенограммы партийных пленумов, конференций, судебные отчеты и стенограммы процессов, сборники уголовного законодательства, советская периодическая печать, свидетельства и воспоминания деятелей русского зарубежья и перебежчиков, публицистические материалы. Большинство этих источников скорее искажали картину событий, чем проясняли ее.

Положение изменилось только в 1980-е гг. Общественный и научный интерес к теме сталинских репрессий и их символа – Московских открытых процессов – усиливался рассекречиванием значительных документальных комплексов и более открытой деятельностью архивов. Созданная в 1987 г. Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, исследовала и ввела в оборот большое количество документов о Московских процессах¹⁰.

В 1990-х гг. было издано несколько монографий по теме. Исследование А. Кирилиной посвящено обстоятельствам убийства С. М. Кирова, следствию по делу и «послекировским» судебным политическим

⁹ *Avtorkhanov A.* Stalin and the Soviet Communist Party: a Study in the Technology of Power. N. Y., 1959; *Cohen St.* Bukharin and the Bolshevik Revolution: a political Biography. N. Y., 1973; *Conquest R.* The Great Terror: Stalin's purge of the Thirties. N. Y., 1973; *Medvedev R. A.* On Stalin and Stalinism. Oxford, 1979; *Tucker R. C.* The Great Purge Trial. N. Y., 1965.

На русском языке: *Авторханов А.* Технология власти. М.; СПб., 1991; *Конквест Р.* Большой террор: в 2 т. Рига, 1991; *Коэн С.* Бухарин: политическая биография, 1888–1938. М., 1988; *Медведев Р. А.* О Сталине и сталинизме. М., 1990; *Такер Р.* Сталин: путь к власти, 1879–1929: история и личность. М., 1990.

¹⁰ Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. М., 1991.

процессам 1934–1935 гг.¹¹ Монография В. З. Роговина «1937», целиком посвященная репрессиям среди правящей элиты и показательным процессам 1930-х гг., по большей части представляет собой анализ суждений Л. Д. Троцкого без использования ставших доступными в то время материалов российских архивов.

Как показал историографический анализ, тема Московских открытых процессов прочно вошла в сферу интересов ученых, стала сопутствующей для исследований по истории СССР 1930-х гг., в ряде монографий поставлены важные научные вопросы, сделан ряд оригинальных наблюдений.

Несмотря на обилие и разнообразие публикаций, Московские процессы в них выступают периферийным сюжетом, они до сих пор не стали самостоятельным объектом исследования. Многочисленные попытки осмыслить эту тему в целом не вышли за пределы интерпретаций 1930–1940-х гг., а ставшие доступными архивные материалы так и не были систематически и в комплексе изучены.

Между тем на современном этапе, в связи с открытием архивов, появились реальные возможности для глубокого осмысления феномена Московских процессов. Имеющиеся в распоряжении историков документы позволяют рассмотреть Московские процессы как многомерный исторический событийный узел, вобравший в себя огромный круг событий, лиц, политических, экономических, социальных, культурных, внешнеполитических контекстов советской действительности.

¹¹ Кирилина А. Рикошет, или сколько человек было убито выстрелом в Смольном. СПб., 1993. Переиздание монографии с некоторыми дополнениями см.: Кирилина А. Неизвестный Киров. СПб.; М., 2001.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ПУБЛИЦИСТИКЕ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ СЕРЕДИНЫ XIX в. (М. П. Погодин, М. Н. Катков)

М. Н. Архипова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Среди множества проблем, присущих внутренней и внешней политике Российской империи в XIX в., польский вопрос традиционно занимал особое положение. Специфика именно этого исторического сюжета связана со многими факторами, среди которых и особое место Царства Польского в геополитическом пространстве Европы, и уникальный статус этой территории в рамках самой империи. Середину XIX в. можно по праву назвать периодом, когда данный вопрос обострился и вылился в польское восстание 1863 г., за которым последовали действие правительства империи, связанные с его подавлением, и отклик европейского сообщества.

Всплеск публикаций в прессе, вызванный чередой событий, произошедших в Царстве Польском, представляет собой неисчерпаемый источник информации для изучения международных отношений и главенствующих идеологических течений Европы и России. Очевидно, что наибольшее распространение в Российской империи получила точка зрения публицистов консервативного толка, которые, по мнению многих исследователей, обладали способностью «...не просто выражать настроения и убеждения привилегированного общества, но и в какой-то мере его направлять, руководить им»¹. Центральными фигурами этого течения были М. П. Погодин и М. Н. Катков.

Общим в творческом наследии этих публицистов, как и всех авторов консервативного направления, было четкое осознание наличия в России территорий, на которых исконно обитало русское население, и национальных окраин, где проживали «дружественные» и «враждебные» народности, причем степень «враждебности» определялась по уровню их сепаратистских настроений. Волнения в подобных об-

¹ Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М.: Наука, 1978. С. 49.

ластях могли поставить под вопрос целостность империи. Обоснованность данных опасений продемонстрировало Польское восстание 1863 г., которое нашло отражение в публицистике М. П. Погодина и М. Н. Каткова. В статьях, посвященных польскому вопросу, они сходились во мнении о том, что его решение относится к внутренним проблемам империи, а его мушкетирование в европейской прессе – не что иное, как попытка ослабить авторитет России на международной арене. В апрельском выпуске «Московских ведомостей» от 1863 г. М. Н. Катков писал: «Независимая Польша в глазах многих государственных людей Европы есть утопия; но беспокойная Польша для многих полезна, и Поляки с легкомысленным самоотвержением становятся игрушкой, орудием в чужих руках, работают для тех, кто не имеет к ним никакого сочувствия, а поджигает их из своих выгод, чтобы загребать жар их руками»². М. П. Погодин и М. Н. Катков старались разъяснить своим читателям смысл внешней и внутренней политики русского правительства, критикуя или оправдывая ее. Так, М. П. Погодин вступал в полемику с западными журналами в надежде уменьшить «вред, происшедший от нашего пренебрежения общим мнением»³. М. Н. Катков, анализируя высказывания в английской прессе по поводу польского восстания 1863 г., в свою очередь выявлял истинные причины участия этой страны в «разрешении» вопроса: «В Англии и в настоящую минуту сочувствие к Польше поддерживается искусственно...»⁴, и как только эта поддержка мятежников перестанет «окупаться», Великобритания отставит этот вопрос в сторону, ведь «Англия не придает особенного значения идее национальности; но она понимает собственные выгоды и пользуется случаем извлечь возможную пользу из данного положения»⁵. В более поздних статьях

² Катков М. Н. «Московские ведомости» № 74, от 6 апреля // Собрание передовых статей Московских ведомостей 1863 год. М.: Типография В. В. Чичерина. 1897. С. 158.

³ Погодин М. П. К графине Б.....ой, о начавшейся войне. 1853 // Погодин М. П. Избранные труды / М. П. Погодин; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, К. В. Рясенцев; подготовка текстов А. А. Ширинянц, К. В. Рясенцев, Е. П. Харченко]. М.: РОССПЭН, 2010. С. 268.

⁴ Катков М. Н. «Московские ведомости» № 85, от 20 апреля // Собрание передовых статей Московских ведомостей 1863 год. М.: Типография В. В. Чичерина. 1897. С. 169.

⁵ Катков М. Н. «Московские ведомости» № 2(Б), от 3 января // Собрание передовых статей Московских ведомостей 1863 год. М.: Типография В. В. Чичерина. 1897. С. 10.

М. Н. Катков прямо обвиняет Англию в том, что она «...имеет зуб на нас [Российскую империю] за восточный вопрос, и вот она раздувает польское дело, хотя, может быть, было бы достойнее великой державы действовать собственными средствами, не покупать себе удобств польской кровью»⁶. Важным моментом в публицистике обоих авторов является поиск решения польского вопроса. В данном случае они стояли на различных позициях: М. Н. Катков видел единственный возможный путь в слиянии польской национальности с русской в плане политическом, с безусловным сохранением культурной и религиозной независимости Польши⁷, а М. П. Погодин разрабатывал систему мер, при реализации которых Царство Польское должно было стать «образцом Русского управления»⁸ для всех остальных славянских народов. Для М. П. Погодина и для его современников вопрос об урегулировании отношений с Польшей был крайне актуальным. Благополучное решение польского вопроса приводило бы к целому ряду выгодных для Российской империи последствий, среди которых М. П. Погодин выделял и образование форпоста на западных границах страны, и повышение статуса империи на мировой арене, и позитивный пример русской политики управления для других славянских народов.

Нужно отметить, что границы национальных интересов в трактовке государственных деятелей и консервативных мыслителей России всегда выходили за рамки существующей территории государства, однако и внимание иностранных держав распространялось не только на внешние зоны влияния Российской империи, но и на ее внутренние дела. Польский вопрос и его освещение в российской и зарубежной публицистике служит прекрасной иллюстрацией данного тезиса. На долю М. П. Погодина и М. Н. Каткова, освещавших его в печати

⁶ Катков М. Н. «Московские ведомости» № 80, от 20 апреля / / Собрание передовых статей Московских ведомостей 1863 год. М.: Типография В. В. Чичерина. 1897. С. 169.

⁷ Катков М. Н. №57, от 13 марта / / Собрание передовых статей Московских ведомостей 1863 год. М.: Типография В. В. Чичерина. 1897. С. 115.

⁸ Погодин М. П. Письмо к Министру народного просвещения, по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году / / М. П. Погодин; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. А. Ширина, К. В. Рясенцев; подготовка текстов А. А. Ширина, К. В. Рясенцев, Е. П. Харченко]. М.: РОССПЭН, 2010. С. 202.

с консервативных позиций, выпала ответственная задача, с которой они постарались справиться. Об этом свидетельствует хотя бы то, что именно они задали тон рассуждениям о польском вопросе в консервативной среде во второй половине XIX и начале XX в.⁹

⁹ Так, например, в работах публициста и общественного деятеля А. П. Липранди, посвященных все той же теме, можно найти как прямые цитаты М. П. Погодина и М. Н. Каткова, так и близкие по духу идеи. См.: *Липранди П. А. Польша и Польский вопрос*. СПб.: Типография Э. Е. Кительбергер, 1901.

ОТНОШЕНИЕ УКРАИНСКИХ И ПОЛЬСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ К ЕВРЕЯМ В 1930-е гг.: ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

*А. И. Баканов, к.и.н.
(РГАСПИ)*

После поражения в украинско-польской войне 1918–1919 гг. за независимость земли украинской Галиции оказались включены в состав польского государства. Окончательно это решение было оформлено решением Совета послов 14 марта 1923 г. Галичина так же, как и Холмщина, и Волынь, почти на 20 лет была составной частью Польши и так или иначе пребывала в польском культурном поле. В этой связи представляется интересным сравнить отношение украинского и польского национализмов к евреям и посмотреть, что в них было общим, а что различным. Несмотря на то что отношение польских и украинских националистов к евреям неоднократно становились предметом исследователей¹, научных работ, ставивших своей целью рассмотреть отношение украинских и польских националистов к евреям в сравнительной перспективе, насколько нам известно, не появлялось.

Данная работа посвящена отношению двух националистических организаций, представлявших правый фланг политического спектра, – ОУН и польских национал-демократов (эндеков) к евреям.

Организация украинских националистов (ОУН) была создана в 1929 г. путем объединения нескольких небольших украинских националистических групп.

¹ О восприятии украинскими националистами евреев в межвоенные годы см., например: *В`ятрович В.* Ставлення ОУН до євреїв: формування позиції на тлі катастроф. Львів, 2006; *Гон М.* Із кривдою на самоті: українсько-єврейські взаємини на західноукраїнських землях у складі Польщі [1935–1939]. Рівне, 2005. О восприятии евреев польскими националистами: *Holzer J.* The Political Right in Poland, 1918–1938 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 12. № 3. (Jul. 1977), P. 394–412; *Rudnicki Sz.* Oboz Narodowo-Radykalny. Warszawa, 1985.

История польских национал-демократов древнее и уходит корнями в конец XIX в. к Национальной лиге, созданной в 1893 г. Р. Дмовским.

В 1930-е гг. эндеки были представлены несколькими организациями: наряду с созданной в 1928 г. Национальной партией в 1927–1933 гг. существовал возглавляемый эндеками Лагерь Великой Польши, а в 1934 г. от национал-демократов отделились более радикальные «молодые», организовавшие свой Национал-радикальный лагерь.

Все организации, представлявшие польскую национал-демократию, были проникнуты антисемитизмом и в своих взглядах на «еврейский вопрос» отличались только степенью радикальности программ решения «вопроса» и методами.

Перед ОУН и польскими эндеками стояли разные задачи: перед ОУН – задача создания независимого украинского государства, а перед эндеками – укрепления и развития уже имеющегося польского государства в соответствии с их видением места Польши в мире и представлениями о внутривосточном устройстве Польши.

Поэтому украинских националистов «еврейский вопрос» интересовал постольку, поскольку он был связан с вопросом борьбы за независимость украинских земель. Для эндеков же еврейский вопрос был одним из основных и являлся сущностным для их мировоззрения.

Польские националисты уже к началу 1930-х гг. сформулировали проект антиеврейского законодательства, который включал запрещение смешанных браков между поляками и евреями, запрет евреям занимать государственные должности и заниматься рядом профессий и т. д.² Целью-идеалом для эндеков было выселение всех евреев за пределы Польши.

Украинские националисты в своих программных документах не выдвигали никаких будущих путей решения «еврейского вопроса», однако имеющиеся в нашем распоряжении источники опровергают утверждение об отсутствии антисемитизма среди украинских националистов³. Работы, печатавшиеся в официальных органах украинских

² *Życie i śmierć dla Narodu! Antologia myśli narodowo-radykalnej z lat trzydziestych XX wieku / pod red. A. Melleri i P. Tomaszewskiego. Warszawa, 2011. S. 83–87.*

³ Одним из самых известных авторов, отстаивающих эту точку зрения, является В. Вятрович: *В`ятрович В.* Ставлення ОУН до євреїв: формування позиції на тлі катастроф. Львів, 2006.

націоналістів, демонструють наявність серед українських націоналістів великої кількості антиєврейських стереотипів.

Найбільше близько до «польському» або навіть «німецькому» варіанту рішення єврейського питання видний український націоналіст, член Проводу українських націоналістів В. Мартинець⁴. Він пропонував повну сегрегацію української та єврейської общин в Україні, включаючи заборону на міжетнічні шлюби, спільну працю українців та євреїв тощо. Відмінною рисою діяльності Мартинця є те, що вона де-факто була заснована на расовому розумінні українців та євреїв як окремих біологічних одиниць.

Програмний антисемітизм польських ендеків призвів до антиєврейської практики: економічному антисемітизму – бойкоту єврейських продавців та товарів; шумної кампанії за «лавочне гетто» в університетах та руху за *numerus clausus*⁵; випадкам фізичного знущання над євреями⁶.

Українські націоналісти, як і польські ендеки, проповідували економічний антисемітизм та бойкот єврейських товарів. Як і серед польських ендеків, серед них був поширений стереотип «жидокомунізму», впевненість в тому, що євреї є природними сторонниками більшовизму та несуть відповідальність за дії радянського комуністичного режиму.

Хоча випадки нападу українських націоналістів на євреїв в міжвоєнні роки були, вони рідкі та їх складно ідентифікувати як напади, здійснені на ґрунті національної ворожнечі. Більш звичайними були напади українських націоналістів на єврейські господарства та пошкодження єврейської власності⁷.

Відмінною рисою антисемітизму українських націоналістів було відсутність у них будь-яких антимасонських мотивів, які були характерні для польських ендеків.

⁴ *Мартинець В.* Жидівська проблема в Україні. Лондон, 1938.

⁵ Движение за *numerus clausus* – движение за то, чтобы число студентов-евреев было не выше их общего процентного числа в стране.

⁶ *Michlik J. B.* Poland's threatening other: The image of the Jew from 1880 to the present. Linkoln; London, 2006. P. 109–130; *Rudnicki Sh.* Oboz Narodowo-Radykalny. Warszawa, 1985. S. 112–117, 138–145, 265–266.

⁷ *Гон М.* Из кривдою на самоті: українсько-єврейські взаємини на західноукраїнських землях у складі Польщі [1935–1939]. Рівне, 2005. С. 79–80, 102.

Другой отличительной чертой антисемитизма украинских националистов по сравнению с польским и другими европейскими антисемитизмами – отсутствие апелляций к «Протоколам сионских мудрецов», для них «Протоколы» не имели сколько-нибудь существенного значения.

Несмотря на то что еврейский вопрос (в отличие от польских эндеков) не был для украинских националистов центральным, уже в 1930-е гг. украинские националисты разделяли большинство бытовавших антисемитских стереотипов, что предопределило антиеврейскую политику ОУН в начале 1940-х гг. и участие украинских националистов в еврейских погромах в 1941 г.

КОМИССИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В БОРЬБЕ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ И ПРЕСТУПНОСТЬЮ В 1920-е гг. В ТУЛЕ

А. С. Баташова
(ГАУ ТО)

Борьба по ликвидации преступности среди несовершеннолетних, детской беспризорности и безнадзорности занимала значительное место в деятельности органов власти после Гражданской войны. Это объяснялось тем, что количество детей, проживающих в неблагоприятных условиях, резко возросло. В стране число беспризорников в 20-х гг. XX по неофициальным данным насчитывалось до 4,5 млн детей¹. Сколько же было детей, живущих с родителями и нуждающихся в помощи от государства, подсчитать сложно.

В литературе проблема положения детей освещалась по-разному. В публикациях, относящихся к 1920-м гг., отмечалось, что беспризорность стала массовым явлением, характерным для всех городов страны. Особое внимание уделялось проблемам развития и оснащения приемников-распределителей, детских домов (К. Студинский, Н. Деянова и др.)². К середине 1930-х гг. дискуссии о борьбе с беспризорностью прекратились, во многом это связано с тем, что борьба с детской преступностью и безнадзорностью приняла более жесткий характер и периодически печатались заявления о решении данных проблем.

В послевоенные десятилетия изучалась история создания и функционирования детских коллективов, анализировались проблемы сочетания образования и трудовой жизни. В новейшее время интерес к этой теме активно возрождается. В числе первых были опубликованы статьи А. Ю. Рожкова, в которых представлен особый, автор-

¹ Дети улицы. Образование и социальная адаптация безнадзорных детей / под ред. А. Н. Майорова. М., 2001. С. 112.

² Студинский К. К работе с беспризорными в детских домах // Детский дом. 1928. № 3; Деянова Н. Борьба с детской беспризорностью в условиях центра: на основании материала по приему ребят в Московские детучреждения в 1928/29 г. // Детский дом. 1930. № 2–3; и др.

ский взгляд на проблему, что «не спасение детей было главной целью большевиков, а недопущение этого спасения “классово чуждыми” руками»³. С таким подходом автора можно согласиться лишь частично. Безусловно, подобные опасения у власти были, но при этом нельзя не учитывать, что основой социальной политики также было стремление дать подрастающему поколению наилучшие условия жизни, обеспечить нормальное физическое и духовное развитие.

История детской беспризорности и преступности активно изучается и в региональном разрезе. Например, Сажина Н. С. опубликовала ряд статей по материалам Уральского региона, касающихся работы детской комиссии и комиссии по делам несовершеннолетних⁴.

В зарубежной литературе за последнее десятилетие появился ряд важных работ. В работе Ш. Фицпатрик, посвященной российскому городу 1930-х гг., есть специальный раздел по вопросам семьи и семейным отношениям⁵. В книге К. Келли «Дети государства, 1935–1953 гг.»⁶ и статье «Маленькие граждане большой страны»⁷ автор пытается найти позитивные стороны в работе с беспризорными детьми. К их числу она относит практику прикрепления к детским домам «шефских» организаций, учреждение «патроната над детьми».

Если говорить о практической деятельности, то в ней советская власть в 20-е гг. XX века опиралась на теорию педагогов-марксистов, о том, что дефективность ребенка порождается не плохой наследственностью, а плохими условиями жизни: «Так называемый малолетний преступник живет под властью эмоций... Окружающая его среда – воры, игра в карты и тому подобное – вот настоящий преступник. Не произносите над ребенком приговора суда, не налагайте наказаний и не клеймите его именем преступника...»⁸

³ Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 137.

⁴ <http://do.teleclinica.ru/201965/>, <http://do.teleclinica.ru/180513/>

⁵ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 336 с.

⁶ http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_58/2390-deti-gosudarstva-1935-1953.html

⁷ <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrimon.html>

⁸ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. Р-326. Оп. 4. Д. 3851. Л. 9.

На первом этапе преобразований в июне 1919 г. были открыты специальные социальные учреждения: приемные и распределительные пункты, комиссии по делам несовершеннолетних, детские дома и колонии. Связующим звеном в этой цепочке учреждений стала комиссия по делам несовершеннолетних (комонес). На нее были возложены задачи профилактики детских правонарушений и борьбы с их последствиями.

Именно на заседаниях комиссии решалась дальнейшая судьба малолетнего преступника: передача дела в суд или направление в детский дом, трудовую колонию. Постепенно такие комиссии стали функционировать в большинстве уездов и губерний.

В Туле комонес был организован в 1920 г. В декрете СНК от 9 января 1918 г. говорилось, что комиссия должна была сформироваться из представителей ведомств «общественного призрения, народного просвещения и юстиции в количестве не менее трех лиц, причем, однако, одним из этих лиц должен быть врач»⁹.

Работала комиссия, как по заявлениям пострадавших граждан, так и по сообщениям из милиции. Также все дела, находившиеся на рассмотрении суда, должны были быть переправлены в комонес, если решения по ним уже были вынесены, то они пересматривались с учетом нового похода в отношении несовершеннолетних преступников¹⁰.

Подробно организация комиссии по делам несовершеннолетних была расписана в «Постановление Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР» от 30 июля 1920 г.¹¹ Здесь был назван порядок заседаний, список полномочий комиссии и те меры, которыми она располагала для исправления малолетних преступников. Само заседание во многом походило на обычное слушание с вызовом свидетелей, допросами и ведением протоколов. Но, учитывая интересы ребенка, заседания были не публичны, и заметки в газетах должны были печататься без упоминаний фамилий.

Рассмотрев отчеты о деятельности комиссий по делам несовершеннолетних в городе Туле за 1919–1926 гг., можно сказать, что в среднем за год рассматривалось около трехсот случаев. Так, в 1925–1926 гг. в комиссию поступило 284 дела, часть из которых была перенесена на следующий год.

Рассматриваемые комиссией дела в основном носили экономический характер: на кражи приходилось до 80 % случаев, на незаконную

⁹ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. Р-326. Оп. 4. Д. 3851. Л. 11.

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 4. Д. 3842. Л. 17.

¹¹ <http://www.bestpravo.ru/sssр/eh-gosudarstvo/v3a.htm>

торговлю – 5 %¹². Такой характер преступлений объяснялся тем, что «основным мотивом правонарушений является экономическая сторона условий существования правонарушителей, недостаток питания заставляет несовершеннолетних искать промысла на стороне...»¹³

Наказания имели так называемый медико-педагогический характер¹⁴. Малолетних правонарушителей после внушения возвращали под надзор родителей, «с января 1925 года 125 детей было передано родителям»¹⁵. Если ребенок был круглой сиротой, то его направляли в детский дом или трудовую колонию. Такой процент решений в среднем составлял 20–25 % от общего числа.

Вынесением одного решения по делу комиссия не ограничивалась. Она осуществляла контроль над его исполнением с помощью родителей, опекунов или милиции. Проводились дополнительные работы профилактического характера. «Каждый здоровый и нормальный ребенок таит в себе возможность развиться в хорошего человека, если будут созданы соответствующие для его развития условия...»¹⁶

Но, несмотря на такую разнообразную деятельность, свою роль по предотвращению и искоренению детской преступности и беспризорности комиссия по делам несовершеннолетних не исполнила. В среднем за год через комиссию по Туле проходило несколько сотен дел, тогда как число беспризорных равнялось тысячам.

Причинами такой неэффективной работы можно назвать несколько факторов. Во-первых, члены комиссии помимо участия в заседаниях были перегружены служебными обязанностями. В месячных отчетах за 1925 г. видно, что более чем в половине случаев часть членов комиссии отсутствует или замещается другими лицами¹⁷. Во-вторых, согласно постановлению Наркомпроса РСФСР от 30 июля 1920 г. дела должны были оформляться определенным образом, в случае несоблюдения этого принципа комиссия не рассматривала данный случай¹⁸.

Также тот арсенал мер, которыми владела комиссия, вроде внушения или беседы, не всегда влиял на малолетнего преступника, по-

¹² ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 4. Д. 3851. Л. 11.

¹³ Там же. Д. 4022. Л. 21.

¹⁴ <http://www.bestpravo.ru/sssr/eh-gosudarstvo/v3a.htm>

¹⁵ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 4. Д. 3851. Л. 14.

¹⁶ Там же. Д. 3852. Л. 5, 8, 9, 12.

¹⁷ Там же. Д. 3855. Л. 21.

¹⁸ <http://www.bestpravo.ru/sssr/eh-gosudarstvo/v3a.htm>

скольку были зафиксированы повторные случаи краж одними и теми же лицами¹⁹.

В результате на рубеже 20–30-х гг. XX в. можно отметить изменение отношения органов власти к этому вопросу. Предыдущие меры были рассчитаны на долговременное возвращение детей к «нормальной жизни». Теперь же у советской власти появилось стремление в кратчайшие сроки искоренить вопросы детской преступности и беспризорности.

В Тульской губернии результат работы комиссии по делам несовершеннолетних можно оценивать как положительный, поскольку каждый год нуждающиеся дети получали помощь или возможность начать свою жизнь по-новому. Но при этом главная задача комиссии, а именно искоренение детской преступности и беспризорности в губернии, не была решена.

¹⁹ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 4. Д. 3851. Л. 18.

ЭЛЕКТРОННАЯ АРХЕОГРАФИЯ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

М. В. Батшеев, С. А. Трифонова
(РНИИ Культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева)

Бурное развитие информационных технологий, наблюдаемое в последние два десятилетия, все настойчивее ставит вопрос о представлении результатов исторических исследований в электронном виде, а также о присутствии архивных учреждений в том или ином виде в сети Интернет.

Однако у этого, на первый взгляд понятного и простого желания – выйти в сеть, сделать свои работы доступными для всех желающих, есть ряд сложностей, на которых хотелось бы остановиться.

Проблема первая и, наверное, самая главная: отсутствие терминологии. До сих пор приоритет в освоении возможностей всемирной паутины был у представителей информационных технологий. Они оперируют во всех сегментах интернета терминами из своего профессионального лексикона, к которым они привыкли и которые им понятны. Архивное дело и археография не стали здесь исключением. Нашу отрасль они обогатили термином «электронный образ документа».

Этот термин настолько уже прижился в делопроизводстве и в архивном деле, что даже зафиксирован в официальном документе правительства Российской Федерации. В постановлении № 751 от 7.09.2011 г. «О внесении изменений в Правила делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти» интересующий нас термин трактуется следующим образом: «электронный образ документа» – электронная копия документа, изготовленного на бумажном носителе»¹.

Несмотря на то что данный термин используется преимущественно в сфере электронного документооборота, его постепенно начинают употреблять и некоторые архивисты, занимающиеся подготовкой публикаций в сети Интернет хранящихся в архивах документов. Ис-

¹ <http://www.rg.ru/2011/09/16/deloproizvodstvo-dok.html>

пользование в контексте данной деятельности термина «электронный образ документа» является семантически неправильным. Для примера обратимся к сайту РГАЛИ. На главной странице размещено объявление о запуске двух сайтов, посвященных творческому наследию А. А. Ахматовой и В. И. Иванова. На сайтах размещены описи и каталоги архивных собраний с указанием местонахождения и шифра материалов, а также электронные образы самих документов. Все это предоставляет исследователям исключительные возможности для поиска материалов, находящихся в различных архивохранилищах, и последующей работы с источниками в режиме on-line². Однако, что интересно, на самих сайтах термин «электронный образ документа» не фигурирует, а вместо него используется термин «цифровая копия документа». Данный термин представляется нам более отвечающим сути электронной публикации документов.

Другой проблемой является то, что большинство публикаций исторических документов в интернете подготовлены не профессионалами. В результате мы имеем публикации, которые по старой советской классификации нельзя назвать не только научными, но даже и популярными. Старое проверенное деление публикаций на археографические и нет перестало быть универсальным критерием в оценке качества представленного на суд читателя продукта.

Обратимся к уже упоминавшемуся нами сайту РГАЛИ. Здесь в свободном доступе имеется уникальный проект Мультимедийная информационная система «Отечественная война 1812 года и ее отражение в идеологии и художественной культуре XIX–XX веков». Работа над проектом проводилась при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (проект № 11-1-12058в)³.

При подготовке любой публикации всегда важно знать, какими критериями руководствовались авторы при подготовке публикации. Как можно узнать из предисловия, «основными критериями при включении документов в базу были: содержание документа, отвечающее обозначенной теме; для исторических документов – дата создания; для изобразительных материалов – объект изображения (персона, участник военных действий, изображение отдельных эпизодов войны»⁴.

В предисловии к публикации составителями вынесено еще одно условие, которым они руководствовались в своей работе: «РГАЛИ

² <http://rgali.ru/object/255135185?lc=ru>

³ <http://rgali.ru/object/242493365?lc=ru>

⁴ Там же.

не является профильным архивом, хранящим документы по военной истории России, поэтому включение в БД выявленных в родовых дворянских архивах, в собраниях коллекционеров, материалов, условно названных “историческими документами” (кавычки поставлены авторами. – М. Б.) о событиях Отечественной войны 1812 г. и заграничных походах русских войск в 1813–1814 гг., позволяет дополнить источниковую базу для изучения истории нашей страны этого периода»⁵.

Данное утверждение авторов порождает ряд вопросов к ним. Если РГАЛИ, как утверждают работники архива, которые готовили эту публикацию, «не является профильным архивом, хранящим документы по военной истории России», то зачем надо было делать эту публикацию? Вероятно, РГАЛИ является профильным архивом, который хранит «родовые дворянские архивы»? Если это так, то нельзя ли написать об этом на первой странице своего сайта, а то там все про деятелей литературы и искусства, и не слова про благородное сословие. Следующая мысль, приведенная в цитате, вызывает просто шок: оказывается, выявленные в фондах архива документы только условно можно назвать «историческими документами». Глупо, наверное, задавать вопрос: если они условно исторические документы, то зачем вы их включаете в базу, да и просто держите в своих фондах? А как они могут «дополнить источниковую базу для изучения истории нашей страны этого периода», если не являются на самом деле, по мнению авторов, «историческими документами»? Ответов на такие понятные и логичные вопросы в предисловии нет.

Хотелось бы, чтобы в такой интересной публикации присутствовал развернутый авторский текст, обосновывающий принципы отбора авторов и их автографов, а также того, что они понимают под идеологией.

В публикацию представлен документ, который давно уже введен в научный оборот. Имеется в виду документ «О бытности французов в Москве, из дневных записок его превосходительства Ивана Акинфиевича Тутолмина, самовидца ужасов производимых врагами в древней русской столице»⁶. Однако данный документ под названием «Подробное донесение ее императорскому величеству государыни императрице Марии Федоровне о состоянии Московского воспитательного дома в бытность неприятеля в Москве» был опубликован еще полтора

⁵ Там же.

⁶ <http://rgali.ru/object/235250493?lc=ru>

века назад⁷. Текст документа, приведенный на сайте РГАЛИ, несколько меньше по объему, чем текст, который был напечатан в XIX веке. Кроме этого, та публикация в отличие от современной отличается несколько большим количеством информации и определенной логической завершенностью.

Составители включили в публикацию электронную копию документа «О сдаче оружия», манифест для чтения в церквях. Текст данного документа также уже был введен в научный оборот. Он впервые был опубликован в сборнике «Бумаги, собранные П. И. Щукиным, относящиеся к событиям 1812 г.»⁸. Очень любопытный документ, позволяющий под не совсем привычным нам углом посмотреть на взаимоотношения царской власти и представителей непривилегированных сословий сразу после окончания кампании 1812 г.

Удачной идеей авторов публикации является включение комплекса документов, связанных с празднованием в Москве в 1814 г. окончания войны. Здесь представлены следующие документы: «Программа и смета праздника, устраиваемого дворянством Москвы по случаю взятия Парижа, список участвующих по подписке», «План проведения праздника в Москве по случаю взятия Парижа, список участников по подписке», «Перечень прав и обязанностей “директоров” – распорядителей праздника в Москве, устраиваемого дворянством по случаю взятия Парижа».

Данная тема практически не исследована в историографии, поэтому будущие историки, которые заинтересуются повседневной жизнью Москвы того времени, обязательно обратят внимание на эту публикацию.

⁷ Чтения Общества Истории и Древностей Российских. М., 1860. Кн. II. С. 161–184.

⁸ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. X. М., 1908. С. 259.

МОСКОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ АРХЕОГРАФИИ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Е. И. Беляева
(ИАИ РГГУ)

Деятельность Московского археологического института (МАИ) (1907–1922 гг.) как исследовательского центра и одновременно новаторского по своим педагогическим принципам учебного заведения уже получала отражение в научной литературе XX в.¹ Однако его значение в качестве крупного археографического центра, который не только издавал документы, но и формировал собственные принципы публикации источников, до сих пор не получило достойного исследования.

Появление Московского археологического института – частного учебного заведения, предназначенного для дополнительного образования в области источниковедения, текстологии и архивоведения, несомненно, связано с опытом Школы хартий (École nationale des chartes, 1821) во Франции, Петербургского археологического института (ПАИ, 1877–1922), открытого в северной столице по инициа-

¹ *Маяковский И. Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. Ч. 1. История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции. М., 1941. С. 286, 290, 338–339; *Разгон А. М.* Археологические музеи в России (1861–1917) // Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. Вып. 3. С. 190–230; *Пашков А. М.* Вспомогательные исторические дисциплины в отечественном архивном образовании в конце XIX – начале XX в. М., 1984. 244 с.; *Иванов А. Е.* Московский археологический институт – центр российского исторического культуроведения // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 47–63; *Стрижова Н. Б.* Московский археологический институт // Москва в начале XX века: Будни и праздники. Московская старина. Новорусский стиль. Книга-альбом / авт.-сост. А. С. Федотов. М., 1997. С. 152–169; ил.; *Хорхордина Т. И., Волкова Т. С.* Российские архивы. История и современность. Учебник. М., 2012. 414 с.; *Хорхордина Т. И.* История архивоведческой мысли: Учебник. М., 2012. 448 с.; *Она же.* Московский археологический институт (МАИ). История Миусс: Электронный ресурс. URL: <http://www.rodnaya-istoriya.ru/index.php/istoriya-miuss/istoriya-miuss/moskovskiie-arxeologicheskie-institut-mai.html>

тиве сенатора, замечательного отечественного историка-архивиста Н. А. Калачова (1819–1885). Он же затем подал идею создания сходного института и в Москве. Кончина Н. В. Калачова на некоторое время лишь отодвинула эти планы.

В конце XIX в. деятели Археографической комиссии Московского археологического общества (МАО, 1896) предложили создать в Москве археографические курсы по типу Петербургского археологического института. Существовала мысль о создании школы архивистов при МАМЮ², которую активно поддерживал управляющий Московским архивом Министерства юстиции Д. Я. Самоквасов (1843–1911). Известный отечественный историк, глава «московской школы» В. О. Ключевский (1841–1911) также был приверженцем создания учреждения подобного направления деятельности³.

Инициатором создания и руководителем вплоть до закрытия Московского археологического института стал выпускник ПАИ 1897 г., приват-доцент Императорского Харьковского университета Александр Иванович Успенский (1873–1938). Ему удалось увлечь идеей своего однокурсника генерала В. Г. Глазова, министра просвещения в 1904–1905 гг. Они объединили вокруг своей инициативы большую группу деятелей; около трети из тридцати человек, подписавших проект Положения о МАИ, являлись крупными чиновниками, многие – известными историками, профессорами и академиками, как, например, К. Я. Грот, Д. В. Цветаев, Е. И. Барсов, И. Е. Забелин, А. Н. Филиппов, С. И. Соболевский, Н. И. Романов и др.

В «Положении» об институте говорилось, что он призван вести научную разработку проблем археологии, русской истории, вспомогательных исторических дисциплин и археографии⁴, причем под последней тогда подразумевалась не столько публикаторская деятельность, сколько архивоведение. Эти представления о профиле занятий института в полной мере отразили сложившуюся к началу XX в. в России классификацию исторических наук, когда вещественными источниками занималась археология, а письменными – археография. В соответствии с этим в составе Московского археологического института было образовано два отделения (факультета): археологиче-

² Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 376. Оп. 3. Д. 94. Л. 20 об., 21.

³ Отчет о состоянии... за 1911/12 учебный год. М., 1913. 73 с.

⁴ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Т. 27. Ст. 28 844.

ское и археографическое⁵. Позже, в 1918 г., было образовано еще одно отделение – факультет Истории искусств, что указало, среди прочих, на новую задачу института – подготовку музейных специалистов. В МАИ устанавливался трехлетний срок обучения (два года для слушания лекций и третий год для подготовки выпускного сочинения – диссертации). Годовой курс охватывал 100 учебных дней, а не 200, как в университете. Лекционные занятия в институте по числу учебных часов заметно уступали практическим.

Преподавательский состав института включал в основном совместителей – профессоров и преподавателей других высших учебных заведений; немалую часть дисциплин вели практические работники архивов, музеев, библиотек, сотрудники научно-исторических обществ, являвшиеся знатоками вспомогательных исторических дисциплин. Институт был одним из немногих неправительственных высших учебных заведений, приступивших к подготовке собственных кандидатов на преподавательские должности из числа слушателей, «показавших выдающиеся успехи во время прохождения курса».

Система присвоения квалификации выпускникам также отражала особенности представлений об «археографии» и «археологии». После защиты квалификационной работы слушатели получали одно из двух званий: «ученого археолога» или «ученого архивиста». Прослушавшие полный курс, но не защитившие диссертацию, составляли категорию «окончивших курс». Выпускники МАИ, которым были присвоены звания, избирались в «действительные члены», а «окончившие курс» претендовали на «членов-сотрудников». Таким образом, в институте создавалась система «воспроизведения кадров», проверенная временем и свойственная всем высокопрофессиональным учебным заведениям.

В 1913 г. руководство института сделало попытку увеличить срок обучения с трех до четырех лет. Было сформировано 23 кафедры (к 1913 г. их было 37)⁶, значительно расширилась программы, появились новые дисциплины. Однако реализовалось это прошение лишь в 1918 г.⁷, когда до резкого закрытия института оставалось чуть больше трех лет. Ни один из курсов, намеченных для изучения в 1907 г., никогда не прерывался вплоть до закрытия МАИ⁸.

⁵ Там же.

⁶ ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 32. Л. 57.

⁷ Там же. Д. 75. Л. 21, 22.

⁸ *Пашков А. М.* Вспомогательные исторические дисциплины в отечественном архивном образовании в конце XIX – начале XX в. М., 1984. С. 114.

Согласно уставу в МАИ принимались лица обоего пола, окончивших высшие учебные заведения любого профиля, которые зачислялись «действительными студентами»⁹. Однако на деле уже в 1911–1917 гг. из 1682 человек, учившихся на III курсе, только 316 (около 19 %) имели высшее образование. Большинство составляли лица без высшего образования, которые «по усмотрению Совета» зачислялись в «вольнослушатели».

На 1917 г. в институте числился 51 человек преподавателей и лекторов¹⁰, которые занимались обучением более двухсот студентов. Всего с 1907 по 1917 гг. дипломы об окончании института со званием «ученых архивистов» и «ученых археологов» удостоилось не менее 292 человек¹¹.

В разные годы в институте обучались многие деятели отечественной науки и культуры: археологи Н. К. Ауэрбах, В. В. Гольмстен, П. С. Рыков, Д. Н. Эдинг; знатоки и историки искусства В. С. Воронов, Н. Н. Соболев; генеалог В. И. Чернопятков; книговед У. Г. Иваск; искусствоведы – будущий писатель С. Н. Дурылин, известная собирательница предметов искусства и меценат, владелица усадьбы Талашкино княгиня М. К. Тенишева. Знаменитыми слушателями МАИ были московский предприниматель, автор книги «Москва купеческая» П. А. Бурышкин, будущий Патриарх Московский и Всея Руси Тихон¹², дочь одного из основоположников отечественной археологии В. А. Городцова, многочисленные представители знаменитого семейства Рябушинских¹³ и др.

МАИ на основе даров и обмена формировал собственную коллекцию древностей и музеев, собирал библиотеку, открывал филиалы, развивал издательскую и публикаторскую деятельность. Своими ценными сокровищами славился Историко-этнографический музей, музей в г. Егорьевске¹⁴. Эти коллекции всегда демонстрировались учащимся во

⁹ ПСЗРИ. 3-е изд. Т. 2. № 28 844. СПб., 1910. Ст. 2.

¹⁰ *Стрижова Н. Б.* Указ. соч. С. 367–368.

¹¹ *Пашков А. М.* Указ. соч. С. 113.

¹² Факт обучения в Московском археологическом институте Патриарха Тихона, вероятно, сыграл не последнюю роль в окончании деятельности института 1 июля 1922 г. К «делу Тихона» были привлечены профессора института, в том числе директор А. И. Успенский.

¹³ *Стрижова Н. Б.* Указ. соч. С. 152.

¹⁴ Его на собственные средства устроила княгиня М. К. Тенишева в 1912 г., передав МАИ почти 8 тыс. экспонатов. В 1915 г. М. Н. Бардыгин, купец 1-й

время лекций. Существовала явная тенденция открытия подобных музеев в филиалах института в г. Смоленске, Калуге, Нижнем Новгороде¹⁵. (Кстати, МАИ было одним из немногих учебных заведений России, которое имело филиальную сеть, постоянно развивавшуюся¹⁶.)

Помимо музейных собраний и коллекций институт располагал замечательной библиотекой, служившей студентам и преподавателям. В результате обмена, дарения уже к 1909/10 учебному году фонд библиотеки составил 9,5 тысяч томов, а к 1912/13 учебному году – 11 290 томов книг. В институт регулярно поступало около 56 наименований периодических издания от учреждений и организаций, с которыми МАИ имел соответствующие договоренности (среди них – «Варшавские университетские известия», «Журнал министерства народного Просвещения», «Душеполезное чтение», «Известия Императорской археологической комиссии», «Костромская Старина» и др.)¹⁷.

Целью всей научно-исследовательской и образовательной деятельности МАИ была изначально определена «разработка археологии, археографии и русской истории с ее вспомогательными дисциплинами»¹⁸. Профиль занятий Археографического отделения МАИ имел свои особенности, связанные с различием понимания занятий археографии в начале XX в. и ныне. Студенты археографического отделения получали знания, ориентированные только на освоение письменности, прежде всего древней, для изучения архивных документальных комплексов XV–XIX вв. по социально-экономической и культурной истории России¹⁹. Наиболее близкими к изучению археографии в се-

гильдии, фабрикант и известный предприниматель, передал в дар институту собранную им музейную коллекцию в г. Егорьевске Рязанской губернии, которая состояла из 10 587 предметов (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 15. Л. 135).

¹⁵ Отчет о состоянии Московского... за 1911/12 академический год. М., 1913. С. 88.

¹⁶ Самый первый филиал был открыт в Смоленске в 1910 г., затем в Калуге, Витебске, Нижнем Новгороде, в Ярославле, в 1912 г. МАИ был одним из немногих институтов в России, который имел свои филиалы, причем они открывались в течение всего периода его недолгого существования, а их слушатели обладали равными с москвичами правами; существовал даже проект открытия отделения даже за рубежом, в Риме.

¹⁷ Отчет о состоянии Московского... за 1912/13 академический год. М., 1914. С. 89–92.

¹⁸ ПСЗРИ. 3-е изд. 1910. Т. 27. Ст. 28 844. § 1.

¹⁹ Памяти Ивана Филипповича Колесникова // Труды МГИАИ. М., 1954. Т. 7. С. 232.

годняшнем понимании были курсы по славяно-русской палеографии, чтению древних рукописей, дипломатике.

Одним из наиболее видных преподавателей палеографии в МАИ был Н. А. Маркс, бывший военный, защитивший в стенах института свою диссертацию «Начертания северорусской скорописи по азбукам-прописям и по документам XVII века»²⁰ и читавший практический курс «Чтение древних рукописей». Особое внимание Н. А. Маркс уделял изучению скорописи, чтению и объяснению рукописей XVI–XVIII вв.²¹ С 1908 г. он вместе с коллегой И. Ф. Колесниковым становится преподавателем двух слушателей 2-го курса. Недостаток практических наглядных пособий для студентов стал причиной того, что Н. А. Маркс вскоре сумел организовать факсимильный выпуск нескольких русских азбук XVII в. (из собрания директора МАИ А. И. Успенского), тексты договоров Руси с Византией времен X в., а также совместно с И. Ф. Колесниковым – сборник делопроизводственных документов и актов XIII–XVIII вв. Параллельно этим занятиям в институте Н. А. Маркс, всегда интересовавшийся фольклором и этнографией, создал интересный сборник «Легенды Крыма», который до 1917 г. выдержал несколько изданий.

И. Ф. Колесников (1872–1952), бывший выпускник ПАИ и Петербургской духовной академии²², совместно с Н. А. Марксом не только осуществил выпуск сборника документов и актов периода русского Средневековья, но и подготовил собственный курс занятий, затем лигрографированный конспект по чтению рукописей²³.

В 1911 г., после того как Н. А. Маркс покинул институт, на его место был избран выпускник Московского университета и недавний выпускник МАИ Владимир Карлович Клейн (1883–1938)²⁴. Его диссер-

²⁰ Отзыв Р. Ф. Брандта о диссертации Н. А. Маркса // Отчет о состоянии Московского... за 1909/10 академический год. М., 1911. С. 24–25.

²¹ Программа по предмету чтения рукописей // Отчет о состоянии Московского... за 1908/09 академический год. М., 1910. С. 23–24.

²² ЦИАМ Ф. 376. Оп. 2. Д. 70; Памяти Ивана Филипповича Колесникова // ТМГИАИ. М., 1954. Т. 7. 239 с.; Амосов А. А. Археография в трудах П. А. Колесникова // Археографический ежегодник за 1982 год.

²³ ЦИАМ Ф. 376. Оп. 2. Д. 70; Памяти Ивана Филипповича Колесникова // ТМГИАИ. М., 1954. Т. 7. 239 с.; Амосов А. А. Археография в трудах П. А. Колесникова // Археографический ежегодник за 1982 год; Колесников М. Ф. Чтение древних рукописей. Конспект. Курс 1–2. 1-е изд. М., 1910–1911; 2-е изд. М., 1913–1914.

²⁴ Блестящий знаток русского Средневековья В. К. Клейн сумел пройти сквозь сложные обстоятельства рубежа 1920–1930-х гг., занять пост замести-

тация, посвященная дипломатическому исследованию и публикации Угличского следственного дела 1591 г., во многом изменила существовавшие со времен Н. М. Карамзина о подложности документов и вине Годуновых, ибо с математической точностью доказала и объяснила все изъяны и утраты документов, подлинность самого источника, а также полноту и достоверность проведенного в конце XVI в. расследования²⁵. Огромную ценность этой книги, помимо публикации самого дела, составляет дипломатическое исследование памятника.

Талантливым преподавателем дипломатики был Н. Н. Ардашев (1862–1923). Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, статский советник, он в 1888–1895 гг. и с 1902 г. до конца жизни был архивариусом Московского архива Министерства юстиции. В научных кругах более известен как архивист и археограф, знаток фондов XVII в.²⁶, а также член-учредитель Московского археологического института, бессменный руководитель кафедры дипломатики весь период существования МАИ. Делом огромной важности было то, что практические занятия студенты проводили непосредственно в МАМЮ. Предоставленный для вечерних занятий редакционный зал архива был оборудован под аудиторию на личные средства Д. Я. Самоквасова²⁷. Занятия там, посвященные обработке неразобранных книг и столбцов Поместного приказа, шли даже по воскресеньям, праздничным дням, а в обычные дни – по вечерам²⁸. Такая организация практических занятий, сочетавшаяся с исследованиями, стимулировала слушателей. В 1910–1913 гг. ими было защищено восемь диссертаций по дипломатике.

Изменение политической обстановки в стране не могло не оказать влияния на деятельность МАИ, хотя первоначально, видимо, предполагалось, что в новых условиях некоторые планы института осуществятся успешнее. Именно в 1918 г. курс обучения был увеличен до

теля директора Оружейной палаты, однако так называемое кремлевское дело стоило ему жизни. Приговоренный в 1935 г. к трем годам лишения свободы, он погиб в заключении.

²⁵ Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15-го мая 1591 года. Ч. I. Дипломатическое исследование подлинника / сост., публикация В. Клейна // Императорский Московский археологический институт им. Императора Николая II. Записки... Т. XXV. М., 1913. С. XLVI + 131 с.

²⁶ Пашков А. М. Указ. соч. С. 135.

²⁷ Отчет о состоянии Московского... за 1909/10 академический год. М., 1911. С. 56–57.

²⁸ Пашков А. М. Указ. соч. С. 139.

четырёх лет, был открыт факультет истории искусства. Более того, к продолжавшим действовать филиалам прибавились новые в Ростове²⁹ (1921), Воронеже³⁰ (1920), Оренбурге (1920). Немногое предвещало тогда быстрое закрытие и забвение института.

Все эти годы, с 1908 г., МАИ выпускал свои «Записки», которых в общей сложности вышло 32 тома³¹. Именно там увидели свет все наиболее важные публикации источников, осуществленные преподавателями и студентами МАИ. До 1917 г., когда издание «Записок» было прекращено, мы насчитали более 30 фундаментальных публикаций источников, которые всегда были открытием новых архивных материалов, дававшим новые направления для исследований. Как в «Записках», так и в отдельных изданиях МАИ впервые увидели свет такие важные источники, как «Журналы Сената» времен правления Анны Иоанновны, «Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия», столбцы Поместного приказа, описание путешествия французского исследователя Ламартиньера. Редкими для археографии сюжетами стали публикации по истории отечественной медицины, психиатрии, судебно-следственные дела XVII в., публикации нотного материала и исследования по истории русской и зарубежной музыкальной культуры XII–XVII вв.

Итак, важнейшим педагогическим принципом института стало обучение в ходе научного исследования. Студенты института были вовлечены в деятельность целого ряда столичных архивов, прежде всего МАМЮ, где они получали ценнейшие знания по практической археографии.

Новаторский характер носили факсимильные издания русских азбук XVII в., договоров Руси с Византией X в., образцов делопроиз-

²⁹ См. об отделении: *Аграфонов П. Г.* Ростовское отделение Московского археологического института // История и культура Ростовской земли. 2002: [Материалы научной конференции, 12–14 ноября 2002 г.] / кол. авт. «Ростовский кремль», государственный музей-заповедник; ред. В. В. Зякин. Ростов: Б/и, 2003. С. 385–390.

³⁰ См. об отделении: *Акинъшин А. Н.* Воронежское отделение Московского археологического института (1920–1923 гг.) // Исторические записки: Научные труды Исторического факультета [Воронежского университета]. Вып. 10. Воронеж, 2004. С. 129–161; Прилож.: Студенты Воронежского отделения МАИ.

³¹ В литературе бьтует цифра в 40 томов, однако в действительности они выпускались не по порядку, а некоторые номера были, видимо, «зарезервированы» для публикации ряда диссертаций, но события Революции 1917 г. помешали их выходу в свет.

водственных и деловых документов XIV–XVII вв., осуществленные институтом и предназначенные для практических занятий со студентами. Вероятно, и сегодня не каждое учебное заведение близкого профиля могло бы себе позволить такие издания.

В целом именно публикаторская деятельность Московского археологического института показала, как постепенно рос авторитет института, формировалась присущая ему культура изданий, начали применяться наиболее передовые по тому времени приемы, часть которых разрабатывалась самими преподавателями института. За недолгое время существования МАИ им была отточена методика публикации источников XVI–XVII вв., возникали новые формы публикации в связи с вовлечением в научный оборот новых видов источников (музыкальных, нотных, судебно-следственных). Именно это и стало основой формирования МАИ собственной исторической школы, главной ценностью которой было умение работать с источником, а грани между историками и публикаторами фактически не существовало. Этот важнейший принцип, к сожалению, в дальнейшем стал забываться, уводя археографию в область только методических приемов, затушевывая важнейшее предназначение археографических публикаций – служить познанию истории.

ВЗАИМОСВЯЗЬ «НАРОДНОГО» И «ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» В КОНСЕРВАТИВНОЙ МЫСЛИ РОССИИ XIX ВЕКА

*Е. В. Бобровских
(МГУ имени М. В. Ломоносова)*

Идеи охранения национальной самобытности получили широкое развитие в политической мысли XIX века. Охранительные мотивы как в западноевропейском, так и в русском консерватизме, всегда существовали близко с мотивами националистическими, однако концептуальное понимание национальной самобытности в западной и русской консервативной традиции было разным.

В своих теоретических построениях западные мыслители отталкивались от понятия «народного духа», впервые появившегося еще в XVII в. и получившего свое развитие в трудах французских просветителей и представителей немецкого романтического национализма. Одним из результатов эволюции «народного духа» стало обоснование национального государства и идеи национальной исключительности.

Базовым понятием русской консервативной мысли XIX в. была «народность». На первых этапах своей эволюции данный термин употреблялся в значении, близком «народному духу» и по сути являлся его русским аналогом. Но чуть позже «народность» стала «обрастать» своими особыми коннотациями. В середине XIX столетия русские консерваторы часто употребляли такие синонимичные «народности» понятия, как «народная личность», «народная физиономия», «народная стихия». Несмотря на вековую историю термина, прийти к четкой дефиниции «народности» представителям русской консервативной мысли не удалось даже к началу XX в. Однако признание сложности, многогранности и неуловимости понятия являлось не единственным общим местом в трудах мыслителей. Как бы «народность» не интерпретировалась и в каких бы значениях не употреблялась, она всегда сохраняла значение «самобытности».

И славянофилы, и почвенники, и другие представители русской консервативной мысли указывали на необходимость обращения к «народности» как условие спасения и возрождения России. К. С. Аксаков с радостью заявлял, что после полуторавекового «нравствен-

ного ига Западной Европы»¹ мысль о народности пробудилась в России. По его мнению, отсутствие народности ведет к гибели самого народа. Его младший брат, И. С. Аксаков, считал, обращение к народности единственным путем к могуществу России. Но европейские мерилы силы здесь не подойдут. Важно не забывать о самобытности, об индивидуальной исторической судьбе. «От взаимного отношения народной Руси и официальной России зависит мера истинной, а не мнимой силы русского государства. Когда мы были сильны в смысле западном, – мы были слабы в нашем народном, русском смысле, и эта слабость не замедлила обнаружиться в Восточную войну. Мы возвращаемся теперь к источнику силы и являемся слабыми в глазах европейцев! Это понятно. Нам остается им показать, какова наша настоящая, не мишурная сила»².

С критерием силы и могущества государства связывает народность и Д. А. Хомяков, сын основоположника славянофильской школы А. С. Хомякова. По его мнению, сила народа проявляется в его истинной оригинальности, не искусственно созданной. Чем больше народ укрепляет начала народности, тем сильнее он становится. Своеобразное и самобытное будет оценено во всем мире. «Подражательное» и скопированное вызывает презрение и насмешки. Так, например, русское искусство оценено всем миром, а государственное устройство – вовсе нет. «Только самобытностью крепки народ и государство»³.

Тема народности у Н. Н. Страхова тесно сопряжена с идеей самобытного развития народов («идея самобытных народностей»). Развитие любого организма, в том числе и народного, означает раскрытие его самостоятельности. «Что не самостоятельно, то не может быть прочно и плодотворно»⁴. Страхов отмечает, что в XIX веке на арену истории вышли народности, потеснив тем самым великих личностей. Всеобщая история стала пониматься как история народов. В таком ключе возникает вопрос об их сосуществовании. С этой точки зрения народность рассматривается Страховым как национализм.

¹ Имеется в виду период от начала царствования Петра I. См.: Аксаков К. С. Передовые статьи газеты «Молва» // Аксаков К. С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 219.

² Аксаков И. С. В чем сила России? // Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 103.

³ Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность // Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 295.

⁴ Страхов Н. Н. Ряд статей о русской литературе // Страхов Н. Н. Борьба с Западом. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 101.

При этом национализм приемлем для него лишь с положительной стороны в отличие от национализма Древнего мира (племенного раздора и насилия). Для Страхова это означает: «Народы, уважайте и любите друг друга! Не ищите владычества над другим народом и не вмешивайтесь в его дела!»⁵ В течение исторического времени человечество разделилось на племена, каждое из которых обладает отличительными признаками внешности людей и их особой формой душевной жизни. Принцип народности (национальности) состоит в признании права каждого из них на естественное самобытное развитие, что подразумевает сохранение глубокой исторической и духовной связи между людьми конкретного народа.

Таким образом, вполне заметно, что, по мнению представителей русской консервативной мысли XIX века, обращение к народности и следование самобытным путем развития не только не противоречит, а является важнейшим условием общечеловеческого единства. По К. С. Аксакову, народность – более развитая форма национальных отношений, при которой человеческие интересы наполняют народ и находят в нем свое свободное выражение. То есть народность – это не признание национальной исключительности. Народность есть условие любого творчества, и прежде всего творчества мирового масштаба. «А именно этой-то народности, этого-то самобытного воззрения и недостает нашей умственной деятельности; а оттого, что в ней нет народности, нет в ней и общечеловеческого»⁶.

Присутствие народности в духовной сфере считал необходимым для развития народной личности и Ю. Ф. Самарин. Мировые шедевры и великие открытия возможны лишь благодаря фактору народности. Однако не стоит понимать данный тезис превратно, как «желание во что бы ни стало отличаться от других, как будто бы в этом отличии заключалась цель направления»⁷. Противопоставление народного и общечеловеческого есть самая серьезная ошибка, по его мнению. «Здоровое понятие о народности ограничивается, с одной стороны, боязнью исключительности, с другой – боязнью слепого подражания»⁸.

Д. А. Хомяков считал, что только истинно народный гений способен воспеть общечеловеческие ценности. Следовательно, народность

⁵ *Страхов Н. Н.* Ряд статей о русской литературе // *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 395.

⁶ *Аксаков К. С.* О русском воззрении // *Аксаков К. С.* Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 140.

⁷ *Самарин Ю. Ф.* Два слова о народности в науке // *Самарин Ю. Ф.* Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 437.

⁸ Там же.

есть средство для службы общечеловеческим идеалам. Всечеловеческого языка не существует, как не существует человека без национальности. Непреходящее в народе создается при помощи народного духа и творчества.

В этой связи русские консервативные мыслители не могли не затронуть такую важную тему, как «принцип народности», который позже, получив развитие, выразился в «праве наций на самоопределение». Еще К. С. Аксаков писал, что народ без народности – «это явление жалкое, несчастное, бесполезное и себе, и другим»⁹. Для сохранения мира и равновесия нужно признать каждую народность, признать право каждого народа на свою личность и народный облик. Ю. Ф. Самарин, развив эту тему, добавил несколько важных моментов. Каждый народ, этническую общность Самарин называет личностью. Любая народная личность имеет право на особое общественное устройство, которое могло бы предоставить каждому человеку свободу вероисповедания, официальное употребление народного языка и сохранение особенностей гражданского быта. Самарин тем самым очерчивает границы законных требований народной личности по отношению к другим этносам. В этом смысле все народы являются равноправными. Однако претензии некоторых этнических групп на суверенитет не всегда являются оправданными. «Хотя народность и государственная форма – два явления, тесно между собою связанные, однако первое не обуславливает собою необходимости второго»¹⁰.

Таким образом, можно заключить, что аналогичная немецкому эпоха русского романтического национализма дала свои, особенные плоды. Развитие идеи «народности» и следования самобытным путем развития в русской консервативной социально-политической мысли привело к формированию позитивного понимания феномена национализма. Основная суть такого понимания заключается в стремлении к «всеединству» и «всечеловеческому благу», достижение которого возможно только на основе «принципа народности», то есть признания права самобытного развития и уважение к национальным особенностям каждого народа. В результате, по мнению русских консерваторов, именно фактор «народности» есть условие «всемирности».

⁹ Аксаков К. С. Передовые статьи газеты «Молва» // Аксаков К. С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 199.

¹⁰ Самарин Ю. Ф. Современный объем польского вопроса // Самарин Ю. Ф. Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 336.

**БРАКИ С ИНОСЛАВНЫМИ В СРЕДЕ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
(на материалах Тверской губернии)**

*Ю. В. Бодрова, к.и.н.
(ТвГУ)*

Превращение Российской империи в государство с многонациональным составом населения, тесные связи с зарубежными странами требовали законодательного регулирования браков между представителями разных исповеданий. Первые прецеденты участия русского правительства в вопросах создания семьи православных с представителями других вероисповеданий наблюдались еще в петровскую эпоху. Но все споры велись, главным образом, о том, в чьей юрисдикции должны находиться браки – в светской или церковной. Остроту проблемы межконфессиональных браков придавал польский вопрос. После неоднократного раздела Польши, присоединения ее западных окраин к России и ассимиляции польского населения возникла потребность в законодательном регулировании браков между представителями разных вероисповеданий¹.

Первоначально все «инославные» конфессии (католицизм и различные течения протестантизма) были поставлены в равные условия как по отношению друг к другу, так и по отношению к государственному православию. Впоследствии лютеране и кальвинисты получили ряд привилегий, но в отношении католиков методично вводились новые ограничительные меры. После подавления польского восстания 1831 г. много овдовевших полек вышли замуж за молодых русских офицеров², что повлекло за собой принятие решения Святейшим Синодом об обязательном заключении браков православных в Царстве Польском православными священниками. В 1836 г. был принят закон

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи – I (Далее ПСЗРИ-I). Т. XXIII. СПб., 1830. С. 320.

² *Гене А.* Виленские воспоминания // Русская старина. 1914. № 5. С. 420.

«О союзах брачных», который закрепил преимущества православной церкви в вопросе о смешанных браках. Подтверждением чему стал Устав Духовных Консисторий³, одна из основных идей которого сводилась к признанию брака православного лица с инославным действительным лишь после свершения его в Православной церкви Православным священником. От Православной церкви зависело также и разрешение на развод. Согласно ст. 27 Устава перед вступлением в брак православного лица с иноверным священник берет от последнего обязательство воспитывать своих будущих детей согласно законам Государства Российского, т. е. в православной вере⁴.

С воссоединением униатской церкви с православием духовенство приобрело право требовать, чтобы дети тех католических родителей, которые были крещены униатскими священниками хотя бы даже задолго до акта воссоединения, числились бы православными. Появление семей, где одни дети были католиками, а другие – православными, стало неизбежным следствием политики российского правительства в области законодательного регулирования смешанных браков. Карательные меры за несоблюдение правовых норм о смешанных браках были закреплены в Уложении о наказаниях 1845 г. Их суть сводилась к установлению меры наказаний для членов смешанной семьи, нарушивших обязательство воспитывать детей своих в православной вере, вплоть до тюремного заключения⁵.

Для Тверской губернии характерно небольшое число смешанных браков. На середину XIX в. (1851–1858 гг.) из общего количества семей, выявленных в среде губернского и уездного чиновничества, смешанные пары составляли 2,2 % (т. е. 10 семей из 451)⁶. Из этих 10 браков 5 (т. е. половина) были заключены между мужчинами православного исповедания и женщинами, принадлежавшими к неправославным ветвям христианства. Три чиновника были женаты на лютеранках и два чиновника – на католичках. Другая половина смешанных браков (т. е. тоже 5) была заключена между чиновниками неправославного исповедания (среди них 3 католика и 2 лютеранина) с православными женщинами.

³ ПСЗРИ-II. Т. XVI. СПб., 1842.

⁴ Там же. С. 225.

⁵ ПСЗРИ-II. Т. XX. СПб., 1846. С. 631.

⁶ См.: Формулярные списки чиновников и канцелярских служителей Тверской губернии за 1857–1858 гг. (Государственный архив Тверской области. Фонд 466. Опись 2. Дела 1674, 1744, 1753: Ф. 20. Оп. 1. Д. 2793).

Большая часть чиновников, состоявших в смешанных браках (7 человек – 70 %), принадлежала к потомственному дворянству. Поскольку вступление в подобный брачный союз являлось следствием перемещений дворянина по долгу сначала военной, затем гражданской службы. Дворянами являлись все чиновники неправославного и 40 % православного исповедания. Женщины, как православные, так и неправославные, в большинстве своем также имели дворянское происхождение.

Все чиновники независимо от их вероисповедания являлись подданными Российской империи. В соответствии со ст. 21410 Полного собрания законов Российской империи все чиновники, состоявшие на службе, являвшиеся потомками иностранцев, официально принесли присягу на подданство России⁷. Женщины неправославного исповедания, выходя замуж за подданного России, утрачивали свою национальную идентичность и автоматически становились также российскими подданными.

Средний возраст неправославного чиновника, вступавшего в первый брак, составлял 34 года. Поскольку в большинстве своем неправославные чиновники начинали карьеру в военных чинах, то частая перемена места службы, сопровождавшаяся бытовой необустроенностью, препятствовала обзаведению семьей. Поэтому оптимальным временем создания семейного очага являлся период оседлости после отставки от военной службы. Как правило, знакомство инославного чиновника со своей будущей женой происходило в пределах Тверской губернии. Это мог быть уроженец Тверской губернии, родившийся в неправославной семье, давно осевшей на тверской земле, или выходец из Прибалтики, Польши, оказавшийся в Тверской губернии в связи с перемещениями по службе.

Православный чиновник также в большинстве случаев знакомился с потенциальной супругой на территории Тверской губернии, где проживала ее семья. Всего в двух случаях знакомство произошло за пределами Тверской губернии, где чиновники пребывали по служебным обязательствам.

В семьях, созданных супругами, один из которых являлся православным, в соответствии с российским законодательством дети должны быть крещены в православную веру. Это законоположение выполнялось безоговорочно, так как являлось условием разрешения на вступление в смешанный брак. Не нарушалось оно и в Тверской

⁷ ПСЗРИ-П. Т. XXII. СПб., 1848. С. 620–621.

губернии, все дети, рожденные в смешанных чиновничьих семьях, были православного исповедания. Однако наречение детей неправославными именами заставляет задуматься об истинности и глубине их верования.

Таким образом, государственное регулирование вопросов смешанных браков в соответствии с общеполитическими принципами, основанными на сохранении единства русской православной церкви, не всегда приносило ожидаемые результаты. С одной стороны, потомству, воспитанному по обрядам православия, требовался значительный срок, чтобы сменить религиозную ориентацию, унаследованную от неправославного родителя. Порой эта цель достигалась только через несколько поколений. С другой стороны, дети, рожденные от смешанного брака, нередко пополняли ряды так называемых мнимо-православных, официальная принадлежность которых к государственной церкви скрывала либо тайную приверженность к неправославному исповеданию, либо религиозную индифферентность. Впоследствии они соединялись брачными узами с инославными, что в итоге приводило к созданию семей с чуждыми православию мироощущением и обычаями. В этом случае вместо предполагаемой ассимиляции «иноверного» населения происходил совершенно обратный процесс, и православный супруг тайно переходил в католическую либо протестантскую веру. Кроме того, обязательное обращение детей в православие отворачивало многих от вступления в смешанный союз либо приводило к внебрачному сожительству.

ИЛЛИРИЗМ КАК ФЕНОМЕН ХОРВАТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

В. А. Болдин
(МГУ имени Ломоносова)

После наполеоновских войн в Австрийской империи назрел австро-венгерский конфликт, в котором Хорватия стала «разменной монетой». Имперские власти, вынужденные делать уступки то венграм, то хорватам, старались найти в последних противовес венгерскому национальному движению, представлявшему серьезную опасность дому Габсбургов. На этом фоне возник национальный подъем хорватского народа. Социальной основой движения явилась прежде всего буржуазия и часть дворянства; аристократия же возглавила провенгерскую группировку («мадьяроны»), враждебную национальному движению. Основными идеологами национального Возрождения хорватских земель стали Людевит Гай, Иван Кукулевич-Сакцинский, граф Янко Драшкович, словенский поэт С. Враз, которые исходили из факта этнического родства всех южных славян и идеала их национального единства. Считая, что южные славяне являются потомками древних иллирийцев, деятели хорватского Возрождения называли их иллирийским народом. В связи с этим хорватское национальное Возрождение получило название иллирийского движения – иллиризма¹.

Важным пунктом программы иллирийского движения было культурное и духовное единение всех южных славян. Именно для этой цели предполагалось создание единого литературного языка как основы объединения будущей нации. О такой роли общеславянского языка не раз говорили и русские панслависты. В частности, можно вспомнить концепцию ученого-слависта В. И. Ламанского, который утверждал, что одним из условий становления из народности нации

¹ См.: *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М.: Наука, 1970; *Шириянц А., Мирикова А.* Русофобский мит на «панславизма» / Политически изследования. Българска асоциация за политически науки. София. Брой 1–2. 2010. С. 85–110; *Шириянц А. А., Мирикова А. В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М.: Социально-политическая мысль, 2010.

является общий литературный язык, «орган общей образованности»². Для сплочения нации «иллиры» приняли в качестве литературного языка не кайкавский диалект собственно Хорватии, а наиболее развитый и распространенный штокавский диалект (на штокавшину Гай перевел свои издания). Но на этом диалекте говорили также все сербы и боснийские мусульмане, в общей сложности несколько миллионов человек. Таким образом, языковой рубеж между самими хорватами был преодолен, но вместе с ним и рубеж, отделявший Хорватию от сербов и мусульман (хотя полного тождества хорватского и сербского языков достигнуто не было)³.

Взгляды на объединение южнославянских племен у представителей иллиризма были не столь однозначны, как может показаться. Здесь существовало множество противоречий. Одним из аспектов программы «иллиров» стало «противостояние великосербизму». Политические лидеры иллиризма рассматривали политику сербского правительства, в частности его национально-политическую программу «Начертание» И. Гарашанина как попытку распространения сербского влияния на хорватские территории и угрозу освоения сербами хорватских территорий. Представители иллиризма старались внедрить в общественное сознание тезис о том, что распространение «великосербской» идеологии приведет к осуществлению единства сербов, хорватов и мусульман Боснии и Герцеговины не под хорватским, а под сербским началом⁴. Многие деятели иллиризма сотрудничали с властями Австрийской империи, которые использовали зарождающееся национальное движение в Хорватии как орудие в борьбе против венгерского сепаратизма. Так, например, русский ученый и общественный деятель А. Гильфердинг характеризовал Л. Гая, виднейшего деятеля иллиризма, как «одно из самых искусных орудий австрийской политики»⁵. Другой же русский филолог-славист И. И. Срезневский

² См.: *Ламанский В. И.* Проекты славянских федераций. Обзор // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 110. Л. 2.

³ См.: *Фрейдзон В. И.* Хорватский Югославизм в 30–90-е годы XIX века // Славяноведение. 1998. № 5. С. 5.

⁴ См.: *Филимонова А.* Понятие «Великая Сербия» в политике хорватских и словенских католических деятелей (1914–1918): [Электронный ресурс] // Православие.Ru: [сайт]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/5293.htm> (дата обращения: 11.03.2013).

⁵ См.: *Кулаковский П.* Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава, 1894. С. 286.

и вовсе обвинял Л. Гая в «антиславизме» и чрезмерном угождении «венской политике»⁶. Не менее противоречивым моментом в идеологии иллиризма стало воздействие на формирующуюся хорватскую национальную идеологию идей католического экспансионизма. Идея иллиризма использовалась Ватиканом в качестве основы для расширения влияния католицизма на Балканах. Для этого в Риме, Ферме, Лоретто и др. городах создавались миссионерские «иллирские» учебные заведения, в которых студенты готовились к проповеди католического учения среди балканских народов. В 1855 г. между австрийским правительством и Ватиканом было заключено соглашение (конкордат), по которому Римский папа получил право отдавать свои распоряжения католическому духовенству Австрии без всякого контроля со стороны правительства; над периодической печатью и преподаванием в школах и университетах устанавливался надзор епископов. Большую роль в Австрийской империи снова стали играть иезуиты⁷.

Что касается политической программы иллирийского движения, то иллиризм выдвинул идею объединения хорватских земель и расширения их автономии, равноправия с Венгрией. Наиболее четко программу иллиризма можно проследить на основе требований, которые иллирийские группировки выдвигали в марте 1848 г., в период политического кризиса внутри Австрийской империи. Ключевыми требованиями были: объединение хорватских земель, создание национального правительства, ответственного перед собором, требования демократических свобод, ликвидация сословных привилегий и феодальной зависимости крестьян. Более того, лидеры иллиризма поддерживали назначение на пост бана полковника Йосипа Елачица, верно-го императору и вместе с тем близкого национальному движению. Это олицетворяло их линию на компромисс с Веной. Иллиры выступили за преобразование Австрийской империи на конституционных и федералистских началах⁸.

⁶ См.: Кулаковский П. Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава, 1894. С. 287.

⁷ См.: Филимонова А. Понятие «Великая Сербия» в политике хорватских и словенских католических деятелей (1914–1918): [Электронный ресурс] // Православие.Ru: [сайт]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/5293.htm> (дата обращения: 11.03.2013).

⁸ См.: Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М.: Наука, 1970. С. 20.

Характеризуя в целом политическую программу иллиризма, следует отметить, во-первых, его относительно демократический характер, во-вторых, стремление провести федералистские преобразования в самой империи, усилить автономность Хорватии, без отделения от империи Габсбургов, в-третьих, готовность пойти на компромисс с различными политическими силами, в том числе с сербами Войводины и словенцами. Иллиризм добился определенных политических завоеваний в ходе революционных событий 1848 г. во многом благодаря поддержке Австрии в конфликте с Венгрией. Но эти достижения оказались недолговечными, и уже к 1850 г. иллиризм потерял былые позиции⁹.

Иллиризм, охвативший не только культурную и духовную, но и политическую сферу жизни хорватского общества, стал первой попыткой объединения южных славян в единое целое, создания интеграционной идеологии на Балканах. Вклад его идеологов в развитие югославянской мысли, в духовное и культурное развитие хорватского общества, укрепление традиций борьбы за национальную свободу и независимость трудно переоценить, ведь именно деятельность «иллиров» во многом заложила те основы, которые позволили в начале XX века создать независимое южнославянское государство.

⁹ См.: Там же. С. 22.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОХРАННЫХ ОТДЕЛЕНИЙ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1907–1914 гг.) (по материалам Рязанской губернии)

*О. В. Большакова
(ТГПУ им. Л. Н. Толстого)*

В результате государственного переворота 3 июня 1907 г. в России установилась так называемая третьеиюньская политическая система, которая знаменовала собой поворот к политической реакции и конец Революции 1905–1907 гг. Вместе с тем этот переворот означал и переход к реформам, которые должны были предотвратить новые социальные потрясения и способствовать модернизации страны.

Проводником такого курса стал председатель Совета министров (1906–1911 гг.) Петр Аркадьевич Столыпин. Его основное требование: «сначала успокоение, а затем реформы».

В 1907–1914 гг. основные задачи РГЖУ сводились к следующим: 1. Пресечение революционной деятельности оппозиционных партий. 2. Выявление иностранного шпионажа. 3. Выявление политической неблагонадежности. 4. Недопущение антивоенной пропаганды.

Согласно политическим обзорам Рязанской губернии политическое настроение по губернии в целом было спокойное по сравнению с предыдущим революционным периодом.

Основной задачей охранных структур на местах становится наблюдение за политическим спокойствием населения и надзор за неблагонадежными лицами.

Согласно рапортам уездных исправников и полицмейстера г. Рязани рязанскому губернатору на территории Рязанской губернии проживали лица, находящиеся под гласным надзором полиции. Губернатору сообщались необходимые сведения о них: количество поднадзорных в каждом уезде, их имена, а иногда и положение в обществе, занимаемое ими, откуда высланы данные лица. Так, рапорт рязанского полицмейстера содержит следующую информацию: «...имею честь донести Вашему Превосходительству, что в г. Рязани в настоящее время проживает два лица привилегированного звания и два лица простого, из которых трое высланы из г. Москвы и одно из Пензенской губернии в

порядке 34 статьи Положения о государственной охране под гласный надзор полиции»¹.

Кроме гласного надзора представителями охранных структур ежемесячно составлялись ведомости о числе лиц, содержащихся под стражей, в среднем от 25 до 50 человек в месяц².

В обязанности Губернского жандармского управления входило не только наблюдение за российскими гражданами, приезжающими в губернию, но и за покидавшими Рязань постоянными его жителями, особенно отъезжающими за границу. Канцелярия рязанского губернатора немедленно по выдаче кому-либо заграничного паспорта уведомляла о том РГЖУ, которое, в свою очередь, сообщало об этом в Департамент полиции.

Одной из важных функций РГЖУ было введение контрразведывательной деятельности. Так устанавливался контроль за шпионами в случае их появления в Рязанской губернии.

Департамент полиции присылал следующие сведения: о китайских подданных, причастных к военному шпионству³; Дмитрию Дильчеве, Дмитрию Богданове, Константине Величкове, Петре и Вере Доскаловых, Рихтере с женой Э. Лакон, находящимися в командировке на территории России с военно-разведывательными целями в пользу Австрии⁴; данные о капитане австрийских войск Хрбеке, находящемся в России с военно-разведывательными целями⁵, сведения с подробным описанием германского подданного Курта Бернгарда⁶.

Особенно перед Первой мировой войной широкую разведку и контрразведку против России вели Германия и Австро-Венгрия.

Кроме конкретных действий в отношении обозначенных шпионов, негласному наблюдению и проверке подвергались все иностранцы, прибывающие в Рязанскую губернию для выяснения истинной цели визита⁷.

¹ Рапорты уездных исправников о количестве лиц, состоящих под гласным надзором полиции (1.01.1908 – 9.04.1908) // Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 5. Оп. 4. Д. 4781. Л. 21

² Там же. Л. 41.

³ О розыске иностранных шпионов (1909–1915) // ГАРО. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 330. Л. 6.

⁴ О розыске иностранных шпионов (1909–1915) // ГАРО. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 330. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 54.

⁶ Там же. Л. 153–154.

⁷ Там же. Л. 159.

Также кроме наблюдения за иностранцами иногда приходилось проверять и жителей самой Рязанской губернии на наличие связей с иностранным шпионажем. Так, наблюдению и проверке был подвержен житель Рязанской губернии Борис Александрович Курпель, являвшийся корреспондентом Московского отделения «Международного справочного бюро о кредитоспособности Шimmelпфенг», которое навлекло на себя серьезные подозрения в шпионаже⁸.

В ходе наблюдения и тщательной проверки Александра Курпеля была доказана его благонадежность, о чем и сообщалось начальнику Отдельного корпуса жандармов с приложением копии письма, полученного в результате перлюстрации.

Несмотря на предвоенные годы, на территории Рязанской губернии активных действий вражеских разведок замечено не было.

Кроме надзора за шпионами и предполагаемыми преступниками в губернии устанавливался контроль за преподавателями и учащимися гимназий⁹. В связи с революционными событиями 1905–1907 гг. под наблюдением РГЖУ находились члены революционных организаций.

Особенно угрозу представляла партия РСДРП и все подпольные организации, с ней связанные. Поэтому они подвергались особому вниманию. В Рязани известна была подобная организация при с. Щурово Зарайского уезда на заводе Лингардт.

По агентурным сведениям было установлено, что глава цементного завода, на котором трудится 1000 рабочих, по убеждению монархист. Но также подлинно известно было, что среди рабочих Щуровского цементного завода Лингардта хорошо поставлена работа социал-демократического подполья.

30 апреля 1914 г. с утра рабочие цементного завода Лингардт, находящегося за полосой отчуждения близ станции Щурово, в числе около 1000 человек прекратили работы¹⁰.

Особое внимание Охранные структуры уделяли политическому настроению населения Рязанской губернии в такие дни, как 1 мая.

⁸ О розыске иностранных шпионов (1909–1915) // ГАРО. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 330. Л. 20.

⁹ Переписка по наблюдению за разными лицами и списки преподавателей и учащихся гимназий города Рязани (10 января – 19 ноября 1910 г.) // ГАРО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 731.

¹⁰ Переписка о деятельности подпольной организации партии социал-демократов, организованной при с. Щурово, Зарайского уезда на заводе Лингардт (1910 г.) // ГАРО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 746.

Все это делалось для того, чтобы заранее предотвратить возможные беспорядки.

Департамент полиции по Особому отделу рассылал Циркуляр губернаторам, начальникам губернских и областных жандармских и железнодорожных полицейских управлений и Охранных отделений с предписанием о необходимости предупреждения беспорядков 1 мая: «...О последующем Департамент просит уведомить, с указанием как пройдет день 1 мая во вверенной вам местности»¹¹.

На основании данного Цирюляра Департамента Полиции рязанский губернатор направил соответственный Цирюляр уездным исправникам рязанской губернии и Полицмейстеру г. Рязани с требованием последующего отчета о том, как пройдет празднование 1 мая на территории Рязанской губернии.

Отчеты были предоставлены соответственно предписанию и содержали сведения об отсутствии происшествий в день празднования 1 мая¹².

На основе рапортов Рязанского Полицмейстера и рязанских уездных исправников можно заключить, что в Рязанской губернии не происходило в период 1907–1914 гг. политических волнений и даже в революционный праздник 1 мая сохранялось спокойствие и порядок.

После революционных событий 1905–1907 гг. особое место в деятельности охранных структур на местах стала занимать охрана грузов, перевозимых по железной дороге, а также охрана императорских поездов.

В случае перевозки ценного груза начальник ЖПУ ж/д направлял предписание заведующему отделением железных дорог, направленное на принятие соответствующих мер по охране¹³.

Другая разновидность охраны поездов – это охрана поездов императорских и высочайших особ. Для осуществления всех необходимых для этого мер начальникам ЖПУ ж/д направлялись секретные инструкции.

В них подробно описывался маршрут движения поезда со всеми географическими названиями и подробным описанием природно-

¹¹ Рапорты уездных исправников о проведении дня 1 мая 1910 г. по уездам губернии (1910) // ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5220. Л. 1.

¹² Рапорты уездных исправников о проведении дня 1 мая 1910 г. по уездам губернии (1910) // ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5220. Л. 3.

¹³ Переписка по охране перевозимых по ж/д лиц, ценностей и транспортов военного времени (1909) // ГАРО. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 53. Л. 90.

го рельефа. Список фамилий работников железных дорог, названия станций и т. п.¹⁴

Но до 1914 г. архивные дела содержат только инструкции. С началом Первой мировой войны их становится значительно больше.

Также ЖПУ ж/д занимались пресечением революционной пропаганды среди служащих и рабочих. Так, оно осуществляло контроль за распространением нелегальной литературы¹⁵.

В качестве предварительных мер, принимаемых в предзабастовочный период, Начальник Московско-Камышинского ЖПУ ж/д устанавливал деловую переписку с начальниками Отделений с целью выяснения политического настроения железнодорожных служащих¹⁶. В ходе проведенных мероприятий было выяснено, что к 1914 г. среди железнодорожных служащих революционно настроенных становилось все меньше, а благонадежных все больше.

¹⁴ Секретные инструкции по охране императорских поездов, о политических партиях (1913 г.) // ГАРО. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 95.

¹⁵ О наблюдении за торговлей произведениями печати (10 января 1911 – 22 января 1912 г.) // ГАРО. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 76. Л. 4. Л. 11.

¹⁶ Переписка о предварительных мерах охраны в предзабастовочный и забастовочный периоды (1914 г.) // ГАРО. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 113. Л. 7.

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРИРОДНЫХ И ТЕХНОГЕННЫХ КАТАСТРОФ В СССР И ЛИКВИДАЦИЯ ИХ ПОСЛЕДСТВИЙ

*В. И. Бондаренко
(КубГУ)*

В наши дни тема природных и техногенных катастроф стала очень актуальна. По мнению многих специалистов, мир сегодня находится накануне великого поворота, связанного с исчерпанием прежних, пробужденных эпохой модерна и постмодерна, практик и с угрозой глобальных кризисов и катастроф. Из года в год человечество ждет крупных природных катаклизмов, технологических аварий с масштабными и непредсказуемыми для людей последствиями. В связи с этими событиями техногенные и природные катастрофы не могли не объединиться в самый актуальный блок, который стал проблематикой № 1 современного социально-исторического бытия и в настоящее время является предметом исследования специалистов разных отраслей гуманитарного и естественно-научного знания¹.

Историческая наука также пытается не отставать от заданной парадигмы. Изучение историками как природных, так и рукотворных бедствий и ликвидации их последствий, с каждым годом все шире пробивает себе дорогу, в том числе и в России.

XX век по существу стал веком катастроф: социальных, природных, техногенных. Во многих странах войны, революции чередовались с разрушительными природными катаклизмами, а начиная с 50-х гг. прошлого столетия и крупными промышленными авариями. Не стал исключением из этого списка и Советский Союз.

В период с 1945 по 1991 г. СССР потряс ряд крупных природных и техногенных катастроф: это землетрясения в Ашхабаде 1948 г., Ташкенте 1966 г., Армении 1988 г.; авария на Чернобыльской АЭС 1986 г. и химкомбинате «Маяк» 1957 г. Подчеркнем, что последняя из этого списка (другое название – Кыштымская трагедия) стала достоянием

¹ Мотрошилова Н. В. Чернобыль, Фукусима – что дальше? // Философские науки. 2011. № 6. С. 5.

общества 3 июля 1989 г., спустя 32 года, когда факт взрыва на предприятии и утечки радиоактивных веществ был подтвержден на заседании Верховного Совета СССР².

Отметим, что ликвидация последствий катастроф в Советском Союзе имела свои особенности и являлась масштабной, героико-трагической эпопеей с многочисленными примерами мужества и самопожертвования, соучастия и сострадания, с одной стороны, и обмана и лжи, режимом секретности – с другой. В СССР это была настоящая битва со своей передовой, тылом, многочисленными героями и жертвами. Так, на 1 августа 1988 г. за участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС было награждено правительственными наградами 9361 чел.³ Награждение орденами и медалями ликвидаторов за их подвиг из года в год производится и президентом РФ.

Несмотря на всю актуальность и перспективность изучения озвученной нами темы, сегодня многие историки в своих исследованиях не затрагивают природные и техногенные катастрофы. Такое положение дел объясняется двумя причинами: отсутствием продуманной методологии по изучению данного вопроса и на первый взгляд довольно скудной источниковой базы, открытой сегодня для исследователей. Подчеркнем, что последнее утверждение является ложным. Ниже рассмотрим данную проблему более подробно.

Все источники по изучению в рамках исторической науки природных и техногенных катастроф в СССР и ликвидации их последствий можно объединить в несколько групп, из которых нужно выделить три наиболее приоритетные:

- 1) документальные;
- 2) мемуарная литература, воспоминания очевидцев, участников ликвидации последствий катастроф;
- 3) материалы СМИ.

Довольно объемный пласт документов по интересующей нас теме хранят такие федеральные российские архивы, как ГА РФ, РГАНИ, РГАСПИ, РГАЭ, а также ЦА МО, в котором мы можем обнаружить материалы об участии военных подразделений в работах непосредственно в зоне бедствия. Значительный объем документов находится и в других ведомственных архивных учреждениях. Кроме того, учитывая тот факт, что ликвидация последствий катастроф носила всесоюзный характер, в республиканских, краевых, областных архивах со-

² Рябов Л. Д. Выступление на заседании Верховного Совета СССР 3 июля 1989 года // Известия. 1998. 6 июля.

³ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 145. Д. 3863. Л. 3.

держится большое количество информация о помощи пострадавшим районам того или иного региона РФ. Стоит сказать, что в большинстве своем российские архивные учреждения не имеют отдельных фондов, посвященных катастрофам в Советском Союзе, и поэтому поиск документов требует от историков смекалки, выдержки и времени. Помимо этого, в наши дни не все материалы доступны для широкого круга исследователей.

Огромное количество документов сегодня содержат архивы тех стран, где непосредственно случилась катастрофа. Так, материалы о Ташкентском землетрясении 1966 г. хранят архивные учреждения Узбекистана, аварии на Чернобыльской АЭС – Украины и Белоруссии, Спитакском землетрясении – Армении соответственно и т. д. Отметим, что именно здесь находится наиболее интересная информация о вышеперечисленных бедствиях, которым посвящены отдельные фонды.

Природные и техногенные катастрофы в СССР и ликвидация их последствий всегда привлекали к себе внимание общественности и спецслужб других стран. Поэтому поиск документов нужно организовывать и здесь. Например, в недавнем прошлом ЦРУ рассекретило часть материалов, посвященных аварии на Чернобыльской АЭС, которые стали доступны в электронном виде на официальном сайте управления.

Рассматривая документальные источники, необходимо отметить, что год из года увеличивается количество опубликованных документов по интересующей нас теме, хранящихся в архивных учреждениях. В основном это происходит к годовщинам катастроф. Так, в 2006 г. по указу президента Украины была рассекречена часть документов об аварии на ЧАЭС из архива Службы Безопасности Украины, многие из которых мы можем найти сегодня в сети Интернет. В 2011 г. к 25-летней годовщине Чернобыльской катастрофы приурочена on-line выставка документов, хранящихся в центральных архивных учреждениях России, Украины и Белоруссии⁴. В 2008 г. при поддержке Национального архива Армении вышел сборник материалов, посвященных Спитакскому землетрясению 1988 г.⁵ И этот список можно продолжать еще очень долго.

⁴ Выставка доступна по эл. адресу: <http://www.archives.gov.ua/Rus/Sections/>

⁵ Спитакское землетрясение: Зона бедствия вчера и сегодня. Взгляд через 20 лет. Сборник документов / сост. А. Вирабян. Ереван, 2008.

Теперь перейдем к другому, не менее важному виду источников: воспоминаниям очевидцев и непосредственных участников ликвидации последствий катастроф. Отметим, что мемуарная литература, а также устная история всегда довольно существенно дополняет исследование и делает его более объективным. К сожалению, с каждым годом число людей – непосредственных свидетелей изучаемых нами событий – неуклонно уменьшается. Поэтому первоочередной задачей сегодня для историков должно являться накопление и расширение базы воспоминаний, записанных на разные носители информации.

Полезными для исследователей будут и материалы СМИ. Стоит сказать, что советская пресса и телевидение довольно хорошо освещали Ташкентское и Спитакское землетрясения, аварию на ЧАЭС и ликвидацию последствий в нужном для правительства Советского Союза русле. Однако, несмотря на жесткую цензуру и идеологическую направленность, в репортажах историки могут найти для себя множество ценной информации. Стихийные бедствия и промышленные аварии в СССР вызвали бурный интерес и у западных СМИ.

Подводя итоги по вышесказанному вопросу, подчеркнем, что на сегодняшний день существует довольно большой объем источников, доступных для исследователей, по которым возможно и нужно изучать природные и техногенные катастрофы. В наши дни главной задачей для историков, интересующихся указанной проблемой, должен стать поиск, накопление и расширение источниковой базы. При этом отметим, что только при рассмотрении всех указанных видов источников, их сопоставлению и синтезу можно восстановить картину событий прошлого.

КОНСЕРВАТИВНАЯ ВОЛНА В США

М. А. Бочарова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Неоконсервативная идеология в США сложилась как сложный продукт теоретических и практических предпосылок. В последней трети XX в. в США наблюдалась ситуация, при которой традиционный кейнсианский подход в экономике перестал работать и приносить ожидаемый результат. Неоконсерватизм представлял собой течение¹, возникшее как реакция на просчеты и ошибки классического либерализма.

Центральным принципом неоконсервативного внешнеполитического курса является предельно широкая, глобальная трактовка понятия «национальных интересов» США, которые простираются по всему миру. Любая страна в любой точке планеты, проводящая политику, которая противоречит интересам США, рассматривается как угроза их национальным интересам, как опасность, которая должна быть ликвидирована любыми средствами².

Никаких сомнений не вызывает вопрос о злободневности заявленной темы. «В современной повестке дня неоконсервативная идеология в США является наиболее влиятельным глобальным имперским проектом, пока не имеющим альтернативы. XX в. был ознаменован гибелью многих мощнейших государств, но этот факт уже ни у кого не вызывает сожаления»³.

«Исторические предпосылки формирования неоконсервативной идеологии, несомненно, нужно рассматривать сквозь призму настрое-

¹ К числу неоконсерваторов традиционно относят таких личностей, как Дж. Буш-мл. Д. Чейни, Дж. Киркпатрик. Д. Рамсфельд, Р. Кагана, И. и У. Кристолов, П. Вулфовица. Особое место в этой «плеяде» всегда занимали Л. Штраус (как отец-основатель этой идеологии) и Ф. Фукуяма (как бывший ярый сторонник, а ныне противник неоконсерватизма).

² См. об этом: *Heywood A. Political ideologies: An introduction*. 3rd ed. L., 2003. P. 56.

³ *Cooper D. Neoconservatism and American Foreign Policy: A Critical Analysis*. N. Y., 2011. P. 41.

ний, которые завладели умами представителей американского общества после холодной войны⁴. Таким образом, неоконсерватизм являл собой реакцию на социальные изменения, порожденные либеральными реформами и ослаблением моральных стандартов: «Хотя США и встретили XX столетие со старыми либеральными лозунгами, несомненным фактом остается то, что реальный политический курс был пропитан консервативными идеями. А последующий акцент на традиционную власть наглядно продемонстрировал, что неоконсерватизм имеет свои корни в консерватизме»⁵. Но все-таки от классического консерватизма его отличало то, что укрепление общества должно происходить благодаря введению социальной дисциплины. В результате такого «синтеза» и произошло рождение неоконсерватизма, ставшего символом очень влиятельного имперского проекта США.

Неоконсерваторами были четко сформулированы основные понятия, ставшие критериями общественной жизни: закон и порядок, общественная мораль и национальная идентичность. Неоконсерваторы считают, что рост преступности и асоциальное поведение являются следствием снижения авторитета власти, которое затронуло большинство западных стран с 1960 г. Неоконсерваторы считают, что «корень зла» находится в человеческой душе, а не в социальной несправедливости, «поэтому любое преступление может остановить только страх перед тяжелым наказанием. Только серьезное наказание может быть эффективным, поэтому неоконсерваторы ратовали за восстановление смертной казни. Стоит упомянуть, что к концу 1980-х годов смертная казнь была восстановлена в большинстве государств»⁶.

Представители неоконсервативного течения видели две губительные проблемы для государства, вытекающие из общественной вседозволенности. Во-первых, свобода выбора моральных ориентиров и образа жизни может привести любого из нас к аморальному и жестокому взгляду на все окружающее. Вторая проблема общественной вседозволенности заключалась в том, что каждый гражданин может выбрать свою собственную нравственную или духовную позицию, а это гораздо хуже неправильного образа жизни. «Для либерального направления духовный плюрализм является естественным явлением, ибо он способствует разнообразию в любой дискуссии, но для

⁴ Heywood A. Political ideologies: An introduction. 3rd ed. L., 2003. P. 32.

⁵ Kristol I. Neoconservatism: the autobiography of an idea. N. Y., 1995. P. 69.

⁶ Fuller A. L. Taking the fight to the enemy neoconservatism and the age of ideology. N. Y., 2011. P. 141.

неоконсерваторов такой плюрализм является губительным, так как подрывает сплоченность общества»⁷. Общество, где царит вседозволенность – это общество, где отсутствуют этические нормы и объединяющие духовные ориентиры.

В конце концов, неоконсерватизм характеризуется стремлением к укреплению национального самосознания перед лицом угроз извне и изнутри. Значение нации с неоконсервативной точки зрения состоит в том, что она связывает воедино общество, обеспечивая его общей культурной и гражданской идентичностью, которая берет свое начало из истории и традиций. Повышение культурного разнообразия способствует ослаблению межгосударственных связей, угрожает политическому сообществу и создает основу для этнических и расовых конфликтов. Таким образом, уже в начале своего существования идеология четко определила двух главных врагов – страны социализма во главе с СССР и исламский мир.

Неоконсерватизм в политике первоначально связывался с именем М. Тэтчер, сформировавшей правительство Великобритании после выборов в 1979 г. С приходом в Белый дом правительства Р. Рейгана в результате его победы на выборах 1980 г. начал осуществляться американский вариант аналогичной политики в области экономики и социальных отношений. «Тэтчеризм» и «Рейганомика» как раз и стали ассоциироваться с новым, правоконсервативным направлением в политике стран Запада⁸.

Прикрываясь декорацией классической либеральной теории, выступающей за деидеологизацию общественной жизни, неоконсерватизм занимается активной реидеологизацией как внутри США, так и за их пределами, используя разнообразные методы пропаганды, манипуляции массовым сознанием и создания мифов⁹.

Подводя итоги, можно констатировать, что ядром неоконсерватизма является предельно циничная, но хорошо продуманная внешнеполитическая стратегия по осуществлению мировой экспансии и установлению господства над всеми странами. Неоконсерваторы учли опыт классических идеологий, тем самым создав мощный арсе-

⁷ *Cooper D.* Neoconservatism and American Foreign Policy: A Critical Analysis. N. Y., 2011. P. 84.

⁸ См. об этом: *Fuller A. L.* Taking the fight to the enemy neoconservatism and the age of ideology. N. Y., 2011. P. 38.

⁹ См. об этом: *Kristol I.* Neoconservatism: the autobiography of an idea. N. Y., 1995. P. 56.

нал идеологических, политических и экономических инструментов, включая даже такие явные элементы политической агрессии, как война, террор, государственный переворот и т. д.

Помимо этого можно отметить, что неоконсерватизм во внутренней политике предполагает особый вариант взаимодействия общества и государства, построенный на явном доминировании последнего, а также характеризующегося важной ролью идеологических конструкций «нация» и «национальные интересы».

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СТРУКТУРЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ УКРАИНЫ В ХРУЩЕВСКИЙ ПЕРИОД

О. В. Булгакова

(Институт истории Украины НАН Украины)

Понятие «интеллигенция» в современном гуманитарном дискурсе является наиболее сложным. Ведь суть его понимания лежит во многих плоскостях: философской, морально-этической, социологической и др. Если в советские времена, как отмечает украинский историк Виктор Крупина, общество было разделено на три класса – рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию, последняя включала всех, кто не принадлежал к первым двум – служащих, правоохранителей, врачей, учителей¹, то в последнее время историки все чаще в своих исследованиях предлагают собственную стратификацию интеллигенции, выделяя и изучая отдельные ее группы. Наиболее распространенным в украинской историографии, по мнению историка Натальи Лаас является структуризация интеллигенции по профессиональному признаку и роду занятий².

Сегодня интерес исследователей прикован к социальной истории, изучение которой в полной мере может дать комплексный междисциплинарный подход с привлечением таких наук, как социология, психология, философия, демография и др.

Научно-педагогическая интеллигенция как отдельная социально-профессиональная группа рассматривалась такими исследователями, как В. Даниленко, Г. Касьянов, М. Кузьменко, Т. Марусик и др. Однако научно-педагогическая интеллигенция Украины периода хрущев-

¹ *Крупина В.* Номенклатура повоєнної України в сучасній історіографії // Український історичний збірник. Вип. 13. К.: Інститут історії України НАН України, 2010. С. 129.

² *Лаас Н.* Соціальна історія повоєнної України: досвід української та англomовної історіографії // Пoвoєннa Укpaїнa: нapиcи coцiяльнoї іcтopії (дpyгa пoлoвинa 1940-x – cєpeдинa 1950-x pp.): Кoлeктивнa мoнoгpaфiя / вiдп. peд. В. М. Дaнилeнкo; y 3-x чacтинax. Ч. 1, 2. К.: Інститут історії України НАН України, 2010. С. 91.

ской оттепели не была объектом научного изучения. Мы будем рассматривать научно-педагогическую интеллигенцию как отдельную социо-профессиональную группу и попробуем очертить ее место в структуре интеллигенции Украины данного периода.

Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. наибольшее количество вузов находилось в крупных городах: Киеве, Харькове, Львове, Одессе, Днепропетровске. Соответственно в этих вузах было сосредоточено наибольшее количество научно-педагогических работников. Если на 1 января 1947 г. количество преподавателей достигало 12 686 чел., а количество вузов – 156³, то через десять лет их уже насчитывалось 22 574 чел., а количество вузов составляло 138⁴.

Одной из причин увеличения количества преподавателей можно назвать рост студенчества, который наблюдался в эти годы. Как отмечает Наталья Хоменко, если в начале 1950-х гг. в вузах УССР обучалось 153 тыс. студентов стационара, то в конце 1960-х гг. их количество выросло почти в два раза⁵. Это было связано с тем, что провозглашенные руководством СССР социально-экономические реформы требовали для своей реализации большого количества дипломированных специалистов. А между количеством студентов и преподавателей в вузе существует прямая взаимозависимость.

Рассмотрим количество преподавателей в крупнейших университетах Украины в этот период⁶:

Название университета	Количество профессоров, докт. наук	Количество доцентов, канд. наук	Количество аспирантов
Киевский университет	57	210	244
Харьковский	43	221	201
Львовский	28	220	119

³ *Синецкий А. Я.* Профессорско-преподавательские кадры высшей школы. М., 1950. С. 142.

⁴ Народне господарство УРСР в 1959 році. Статистичний щорічник. К., 1960. С. 615, 625.

⁵ *Хоменко Н. М.* Повсякденне життя студентської молоді України (1950–1960-ті рр.). Автореф. дис. канд. іст. наук. К.: Інститут історії України НАН України, 2008. С. 9.

⁶ Таблица составлена по данным, приведенным в книге: Высшие Учебные заведения СССР. Университеты, экономические и юридические вузы / под ред. Полухина П. И. М.: Высшая школа, 1962. 320 с.

Название университета	Количество профессоров, докт. наук	Количество доцентов, канд. наук	Количество аспирантов
Одесский	15	153	82
Днепропетровский	13	130	96
Черновицкий	12	112	67
Ужгородский	88		27

Как видно из этой таблицы, наибольшее количество докторов и кандидатов наук было сосредоточено в Киевском, Харьковском, Львовском и Одесском университетах.

Если говорить о количественных показателях научно-педагогической интеллигенции по стране в целом, они следующие: в 1959 г. в вузах Украины насчитывалось 23 280 чел. научных работников. Из них докторов наук – 827 чел., кандидатов наук – 8295 чел.

Трудность подсчета заключается в том, что в статистических документах преподавателей вузов засчитывали к научным работникам и давали их общее количество. Характеризуя количественные показатели, можем отметить динамику роста научных работников с 30 232 чел. в 1955 г. до 46 657 в 1960 г.

Рассмотрим качественные показатели научно-педагогической интеллигенции. Из общего количества научных работников 46 657 чел. насчитывалось докторов наук 1343 чел., а кандидатов наук – 13 622 чел. Ученое звание профессора имели 1308 чел., доцента – 5892. Национальный состав на 1960 г.: украинцы составляли – 22 523 чел., из них женщины – 6958 чел.

Несмотря на то что количественно-качественные показатели научно-педагогической интеллигенции возрастали, количество докторов наук оставалось низким. В связи с этим в этот период наблюдается попытка власти улучшить качественные показатели научно-педагогической интеллигенции. Так, принимаются постановления направленные на улучшение качественных характеристик, а именно увеличение кандидатов и докторов наук в вузах.

Одной из важнейших составляющих жизни и деятельности представителей научно-педагогической интеллигенции была партийность. Как отмечает Виктор Крупина, партийность преподавателей была свидетельством их лояльности к власти, формой контроля за ними, а также фактором, который способствовал карьере. Поэтому подавляющее большинство вузовской интеллигенции было членами партии.

В данный период распространенным явлением в среде научно-педагогической интеллигенции было совместительство, с которым власть вела постоянную борьбу. Это в основном можно объяснить тем, что ученые Академии наук УССР получали меньшую заработную плату, чем преподаватели, и часто переходили на преподавательскую деятельность или совмещали научную работу и преподавательскую. В отдельных случаях согласие на совместительство могло дать непосредственно руководство вуза или института. Чтобы преодолеть это явление время от времени проводились проверки вузов на выявление совместителей. Ведь по сложившейся традиции либо стереотипу человек добросовестно и с полной отдачей может работать только на одной работе. К тому же не все, даже выдающиеся ученые были способны читать лекции в вузе на высоком уровне.

Представителей научно-педагогической интеллигенции можно выделить из интеллигенции и по характерным чертам, которыми они обладали. Как отмечает Г. Будник, типичными чертами научно-педагогической интеллигенции советской эпохи были: «Высокий уровень образования, коллективизм, активная жизненная позиция, приоритет общественных ценностей над личными, патриотизм, отношение к труду как к нравственной ценности, социальный оптимизм»⁷. Такой портрет научно-педагогической интеллигенции не может быть исчерпывающим, однако он достаточно емко характеризует представителей данной социально-профессиональной группы этого периода.

Изложив некоторые из параметров составляющих социального лица научно-педагогической интеллигенции, мы пришли к выводу, что вузовская интеллигенция Украины была довольно численной, мобильной, социально-профессиональной группой и занимала в силу выполняемых ею функций накопления, сохранения и передачи знаний важнейшее место как в структуре интеллигенции, так и в социуме.

⁷ Будник Г. А. Формирование интеллигенции в высшей школе Российской Федерации. 1945–1991 гг. / ГОУВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина». Иваново, 2009. С. 23.

ТУЛЬСКОЕ КУПЕЧЕСТВО И ЕГО СОСЛОВНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Е. Е. Бурцева
(ТГПУ им. Л. Н. Толстого)

Эволюция сословного строя и в период Великих реформ и в первые годы XX в. затронула основы существования всех городских сословий, в том числе и купечества. Социальная модернизация последней трети XIX – начала XX в. привнесла кардинальные изменения в социально-правовой статус купцов и систему функционирования их сословных объединений.

Сословная организация гильдейского купечества в Российской империи окончательно была оформлена в результате городских реформ 70–80-х гг. XVIII в., положивших начало новой сословно-податной системе в городах. Во второй половине XIX в. гильдейское купечество продолжало составлять основную по численности и значимости часть предпринимателей. В результате преобразований 1860-х гг. и под воздействием социально-экономических факторов изменились состав и численность купеческого сословия. Закон 1863 г. открыл доступ в купечество всем сословиям и упразднил его сословные преимущества при уплате торговых сборов, однако это не привело к росту числа купцов.

О численности тульского гильдейского купечества можно судить по выкупленным свидетельствам. Если к началу рассматриваемого периода гильдейские свидетельства выкупили 392 купца, то в начале 80-х гг. XIX в. – 265¹. Уменьшение числа выкупленных свидетельств объясняется изменением системы налогообложения предпринимательства в 1880–1885 гг., приведшим к увеличению налоговых ставок, и начавшимся в России в 1880–1890-е гг. процессом монополизации гильдейских капиталов. С 1 января 1899 г. вступило в силу «Положение о государственном промысловом налоге»: отныне для занятия

¹ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 90. Оп. 1/37. Д. 30553. Л. 1; Ф. 52. Оп. 1. Д. 329. Л. 35–40.

предпринимательской деятельностью стало необязательным выкупать сословные купеческие свидетельства. Поэтому после 1898 г. число выбранных купеческих свидетельств в Туле, как и по всей России, продолжало снижаться и в 1917 г. равнялось 207². Таким образом, прослеживается зависимость между изменениями социально-правовых условий деятельности предпринимателей и численностью гильдейского купечества.

Также происходили изменения и в купеческом сословии в целом. Купеческое сословие состояло из гильдейских купцов – глав семейств и членов купеческих семейств. В рассматриваемый период в Туле наблюдается сокращение общего количества членов купеческого сословия: 1870 г. – 2021 чел., 1895 г. – 1244 чел., 1917 г. – 1075 чел.³

Купцы г. Тулы составляли купеческое общество и имели свое сословное самоуправление. В Туле существовала упрощенная система купеческого самоуправления, предполагавшая избрание и деятельность купеческого старосты и его товарища. Они выбирались в начале каждого года путем голосования всем купеческим обществом «из зажиточнейших купцов», принадлежащих к этому обществу⁴. Сменяемость купеческих старост была незначительной. За рассматриваемый период должность тульского купеческого старосты исполняли несколько (шесть) человек: А. П. Даев, Д. М. Авчинников, П. А. Постников, С. Ф. Занфтлебен, М. М. Иванов, И. И. Богатырев. Круг должностных обязанностей купеческого старосты регламентировался законодательством. Каждый купеческий староста по истечении срока нахождения на должности отчитывался о состоянии купеческой казны и в случае финансовых нарушений подвергался взысканию⁵. По инициативе старост созывались собрания купеческих обществ. Основными вопросами повестки собраний были, как правило, выборы должностных лиц, решение хозяйственно-финансовых вопросов и благотворительная деятельность.

Тульское купеческое общество, являясь юридическим лицом, владело имуществом и капиталами, на доходы от которых, главным образом, и функционировало. Согласно «перечневой ведомости» в его распоряжении к 1 января 1885 г. имелось капиталов и имуществ на сумму

² ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. р1905. Оп. 5. Д. 46. Л. 1–149.

³ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 90. Оп. 1. Т. 38. Д. 31373; Ф. 52. Оп. 1. Д. 520; Ф. р1905. Оп. 5. Д. 46.

⁴ СЗ РИ. 1899. Т. 9. Ст. 590.

⁵ СЗ РИ. 1899. Т. 9. Ст. 596.

220 161 руб. 23 коп.⁶ Проценты с капиталов существенно пополняли бюджет купеческого общества, но основная доходная часть (от 60 % и более) формировалась в основном за счет средств, полученных от сдачи в аренду имеющихся помещений. Основными расходными статьями являлись траты на благотворительную деятельность (1884 г. – 49 %) и расходы на содержание органов купеческого самоуправления (1884 г. – 22,5 %)⁷.

В рассматриваемый период помимо уменьшения численности купеческого общества наблюдалось также снижение активности членов этого объединения. Причиной такого индифферентного отношения являлось то, что свои интересы, связанные с предпринимательской деятельностью, купцы г. Тулы могли отстаивать и через органы городского самоуправления, в которых имели широкое представительство.

1899 г. стал переломным годом в развитии российского купечества: теперь занятие предпринимательской деятельностью перестало быть напрямую связанным с принадлежностью к купеческому сословию. Звание купца-гильдейца больше не являлось показателем принадлежности к торгово-промышленной элите страны. В купеческом сословии оставались, в основном, лишь лица, традиционно носившие купеческое звание, да те, кому было нужно оградить себя от административно-полицейских притеснений, например, предприниматели еврейской национальности.

В начале XX в. основные функции тульского купеческого общества сводились почти исключительно к благотворительной деятельности, поэтому оно стало представлять интерес только для обедневшей или разорившейся части городского населения. Активные и преуспевающие предприниматели не были заинтересованы в членстве в купеческом обществе. Внимание деловых людей привлекали другие организации, пребывание в которых давало полезные связи и помогало профессиональной и политической деятельности⁸. Учреждениями, представляющими интересы торгово-промышленного класса, являлись: Торгово-промышленный союз, биржевые общества и комитеты,

⁶ Отчет о приходе, расходе и остатке сумм, принадлежащих тульскому купеческому обществу, получаемых с принадлежащих оному недвижимых имуществ и капиталов за 1884 г. Тула, 1885. С. 15.

⁷ Там же. С. 5–7.

⁸ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 508.

купеческие собрания. В Туле одним из таких заведений являлось купеческое собрание (клуб)⁹.

Таким образом, в последней трети XIX – начале XX в. в Туле наблюдалось «размывание» сословной организации торгово-промышленного класса и, соответственно, ослабление сословного купеческого объединения (общества). Сословные границы купечества постепенно теряли четкость, а купеческое общество отличалось разнородностью своего состава. По своей природе, структуре и характеру купеческое самоуправление стало не способно выражать интересы сформировавшейся в первые пореформенные десятилетия крупной буржуазии. Деятельность органов купеческого самоуправления в Туле постепенно сводилась на нет и в конце рассматриваемого периода заключалась лишь в управлении делами сословного хозяйства, благотворительности и в исполнении канцелярских формальностей. Тем не менее тульское купеческое общество продолжало функционировать вплоть до 1917 г., хотя и без особого размаха.

⁹ Памятная книжка Тульской губернии на 1914 г. Тула: Типография Губернского Правления, 1914. Отдел II. С. 110.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ Н. С. ХРУЩЕВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (1953–1964 гг.)

А. В. Ведерников
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Для периода советской истории 1953–1964 гг. характерно повышенное внимание государства и партии к региональной политике и проблематике оптимизации управленческих процессов. Изучение преобразований в сфере регионального управления в рассматриваемый период позволяет составить более полное представление о ходе развития советского государства в хрущевское десятилетие, выявить причины неуспеха административных реформ Н. С. Хрущева, недовольство которыми во многом обусловило отстранение его от власти.

После смерти Сталина остро встал вопрос о будущем советской политической системы: победа Н. С. Хрущева во внутрипартийной борьбе была в немалой степени обусловлена поддержкой со стороны региональных партийных секретарей. В ходе XX съезда КПСС в феврале 1956 г. в Устав партии были внесены изменения, расширявшие права местных партийных органов¹.

Кадровая политика КПСС в рассматриваемый период отражает компромисс между интересами центральных и региональных партийных органов. Развернувшаяся кампания по сокращению бюрократического аппарата имела некоторый успех за счет улучшения административно-территориального устройства в республиках, упразднения ряда первичных партийных организаций, однако не принесла качественного изменения процесса управления, поскольку в повседневной работе ведомств по-прежнему преобладал «бюрократически-канцелярский стиль руководства». В силу непоследовательности, отсутствия единой научно обоснованной стратегии проведения реформ первоначальный положительный импульс, заданный социально-экономическими преобразованиями, прежде всего в

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. М., 1986. С. 27.

сельском хозяйстве, быстро иссяк. В развитии народного хозяйства начали нарастать негативные тенденции².

В феврале 1957 г. на Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев отметил, что «центр тяжести оперативного управления промышленностью и строительством должен быть перенесен на места», что ознаменовало начало известной «совнархозовской» реформы. Созданные на смену министерствам советы народного хозяйства строились по совсем иному – территориально-производственному – принципу; каждый совнархоз ведал хозяйством на территории соответствующего экономического района.

Не получив от совнархозов ощутимой экономической выгоды, советская бюрократия действовала привычными командно-административными методами, и в предпринятых шагах легко угадывается тенденция к централизации управления экономикой. Было осуществлено укрупнение экономических районов и совнархозов, образованы совнархозы союзных республик, СНХ СССР и ВСНХ СССР. Такого рода многоступенчатая система управления создавала трудности в координации управления и порождала параллелизм в работе аппарата управления. Противоречие между основной тенденцией отраслевого развития промышленности и системой территориального управления, лежащее в основании этой вертикально централизованной системы управления, препятствовало дальнейшему экономическому росту.

Зачастую компетентность и опыт местных чиновников в вопросах принятия управленческих решений были недостаточными. Современниками отмечается существование между партийными секретарями областного звена неформальных связей, что позже будет раскритиковано как «местничество» и «кампанейщина». Региональные политические секретари стали обладать своим собственным политическим весом, это наиболее ясно проявится в ходе политических кризисов июня 1957 г. и октября 1964 г.³

Кульминацией административных преобразований стала реорганизация партийных и советских органов по производственному принципу, начало которой было положено в ходе Пленума ЦК КПСС в ноябре 1962 г. Хрущев предлагал выдержать деление по производственному принципу партийных органов «снизу доверху» по аналогии

² Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М.: Институт российской истории РАН, 2001. С. 275–276.

³ Аджубей А. И. От оттепели до застоя. М., 1990. С. 53.

с первичными партийными организациями. Предполагалось создать комитеты и бюро по управлению промышленностью и соответствующие органы по управлению сельским хозяйством, распространить данный принцип на советские органы (райисполкомы, облисполкомы и т. д.), а в особых случаях создавать органы для координации управления отраслями.

Реорганизация не принесла ожидаемых дивидендов и вызвала дезорганизацию в системе управления. Произошло полное смешение функций и обязанностей партийных, советских и хозяйственных органов. Беспорядок и хаос в сфере управления порождали обстановку безответственности и неуверенности. После смещения Хрущева в 1964 г. дореформенная структура аппарата управления была восстановлена. Из всего вышесказанного мы приходим к следующим выводам. Для периода 1953–1964 гг. характерно активное реформирование управленческого аппарата. Административные реформы Н. С. Хрущева, а именно попытки внедрения в управленческую практику принципов субсидиарности, расширения самостоятельности региональных структур, в условиях высокоцентрализованной системы управления СССР потерпели крах.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МОБИЛИЗАЦИОННЫХ РЕФОРМ Ю. В. АНДРОПОВА¹

*А. В. Ведерникова
(Челябинский государственный университет)*

С мая 1982 г. изменяется политическое положение Ю. В. Андропова и начинается новый этап его карьеры. Юрия Владимировича избирают секретарем ЦК, и он вынужден оставить пост руководителя КГБ. Уже тогда многие восприняли это как назначение приемника Л. И. Брежневу. 12 ноября 1982 г. Андропов на пленуме ЦК был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС, а 16 июня 1983 г. упрочил свое положение, став председателем Президиума Верховного Совета СССР.

С началом нового карьерного этапа в статьях и речах Андропова стали звучать новые идеи и теоретические конструкции, получили свое отражение самые злободневные и актуальные темы советской действительности. Соответственно, уместно разделение всех текстов Юрия Владимировича на внутри- и внешнеполитические.

Борьба за улучшение экономического положения советского государства, в рамках которого явно прослеживались элементы экономической стагнации, началась с широкомасштабной кампании по наведению «элементарного порядка и производственной дисциплины». Для Андропова она была «нулевым циклом» реформ. Без этого просто нельзя было приступать к реализации потенциала, заложенного в общественно-политической системе советского государства². Уже в последние месяцы жизни Брежнева Андропов очертил курс на борьбу с коррупцией, а встав во главе страны и партии, развернул беспрецедентную кампанию по «наведению порядка».

Во многих своих статьях и выступлениях Ю. В. Андропов обращался к вопросу о социалистической дисциплине, которому партия

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» (государственное соглашение № 14.В37.21.0001).

² Млечин Л. М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М., 2008. С. 28.

уделяла особо пристальное внимание³. В своих работах Юрий Владимирович указывает на решающее значение данной проблемы: «Смысл усилий партии по улучшению управления, повышению организованности, деловитости, плановой, государственной и трудовой дисциплины состоит не только в том, чтобы избавиться от определенных недостатков и трудностей, что само по себе имеет огромное значение, но и в том, чтобы, в конечном счете, еще больше упрочить те основы, на которых зиждется социалистический образ жизни»⁴.

На большинстве предприятий появились плакаты по типу «Все рабочее время – работе!». Ужесточились наказания за прогулы и опоздания: виновным грозили не только вычеты из зарплаты и сокращения отпуска, но также и перевод на нижеоплачиваемую работу, и даже привлечение к юридической ответственности в соответствии с законодательством. В дневное время на улицах, в магазинах, кинотеатрах и даже банях милиция устраивала рейды, проверяя, по какой причине граждане не находятся на рабочих местах. Правда, режим работы многочисленных публичных мест не изменился, и попасть туда можно было лишь под угрозой быть обвиненным в прогуле. Власть пыталась добиться от общества максимальной самоотдачи посредством административных, внеэкономических мер. В своих выступлениях Андропов часто перефразировал В. И. Ленина: «Дисциплина – это то звено, за которое надо ухватиться, чтобы вытащить всю цепь»⁵.

По мнению ряда исследователей, Андропов задумал настоящую перестройку экономики, и отчасти политической системы, начав этот процесс с осторожных шагов⁶. По мнению Юрия Владимировича, «сначала нужно постепенно перестроить промышленность и сельское хозяйство, и только получив позитивные результаты, приниматься за реорганизацию политических институтов в направлении их демократизации»⁷. Естественные границы этих процессов определялись национальными глубинными интересами России и сохранением потенциала социализма.

Был принят ряд постановлений ЦК КПСС и Совмина СССР о мерах регулирования развития отраслей промышленности на основе

³ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1984. С. 4.

⁴ Там же. С. 427.

⁵ Там же. С. 470.

⁶ Круглов В. В., Лабудина А. В. Иная стратегия реформ (к 95-летию Ю. В. Андропова) // Управленческое консультирование. 2010 № 1. С. 164–186; Медведев Р. А. Андропов. М., 2006.

⁷ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 503.

чисто экономических методов, о повышении роли трудовых коллективов. Андропов ставил задачу частично децентрализовать экономику, предать плановой системе менее всеобъемлющий и директивно-административный характер, резко повысить экономическую заинтересованность трудящихся и самих предприятий в эффективности производства, не изменяя ценностям социализма. Необходимо создать такие условия, экономические и организационные, которые стимулировали бы качественный производительный труд, инициативу и предприимчивость⁸.

Здесь особую роль приобретал творческий поиск новых методов и форм экономической деятельности. Андропов санкционировал проведение крупномасштабных экспериментов по подготовке новой экономической реформы. Для этого в ЦК КПСС был создан специальный экономический отдел, который возглавил Н. И. Рыжков. Вокруг Юрия Владимировича стала складываться группа ученых и специалистов, готовивших разработки новых путей развития экономики. Сам Андропов выступил с фундаментальной статьей «Учение Карла Маркса и некоторые проблемы социалистического строительства СССР», где были высказаны новые положения в области марксистской теории и критические оценки предшествующего социалистического развития. В статье указывалось, что конкретные пути становления социалистического общества пролегли совсем не так, как предполагали основоположники. На июньском пленуме ЦК КПСС в 1983 г. Андропов развил эту мысль: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не знаем в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок»⁹. Это высказывание Юрия Владимировича фактически означало признание того, что объявленный «развитой социализм» был иллюзией. В своей статье Андропов явно предостерегает от «возможных преувеличений в понимании степени приближения страны к высшей фазе коммунизма». Он пытался улучшить экономическое положение страны путем повышения эффективности управления без изменения основных принципов развития социалистического хозяйства, развернул борьбу с коррупцией нарушениями партийной, государственной и трудовой дисциплины, что привело к значительным кадровым переменам. Впервые обнаро-

⁸ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 522.

⁹ Там же. С. 418.

дованы и подверглись критике факты застойных явлений в экономике, невыполнение планов, торможение научно-технического прогресса и др.

Ю. В. Лужков дал интересное определение всему периоду Андропова, назвав его «очищение страхом». В отличие от ужасающего страха 1937 г. это было чувство дисциплинирующего порядка, которое побуждало бороться с нерадивостью, расхлябанностью, формализмом, рвачеством. Уважать закон, перед которым равны действительно все, и нет тех, кто «ровнее»¹⁰.

Исследователи часто называют Ю. В. Андропова руководителем «сталинского» типа, классическим примером партийного функционера «старой» школы. Действительно, в методах, им используемых, еще прослеживается преемственность от сталинских мобилизационных практик, но в его теоретических взглядах уже виден ревизионистский взгляд на социалистическую систему. Андропов понимал всю тяжесть положения государства и доступными ему способами и методами постарался вывести СССР на новый уровень. За короткое время руководства огромной страной ему больше приходилось реагировать на обстоятельства, нежели управлять ими, что наложило свой отпечаток на характер как внутренней, так и внешней политики, проводившейся в эти годы.

¹⁰ Материалы «круглого стола» см.: Труды Вольного экономического общества. М., 2009. Т. 121, 6. С. 93.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

*А. А. Веселов, к.и.н.
(НИУ «МЭИ»)*

Культура рубежа столетий и первых десятилетий XX в. отразила в своем развитии сложность и противоречивость эпохи, полной острейших социальных и политических конфликтов, которые привнесли в сознание интеллигенции новые черты и особенности в их мировоззрение. Наибольшее влияние на культурный процесс в это время оказали российская модернизация экономики при высочайшем уровне обнищания масс, революционный подъем, кризис православной церкви и так называемая эстетическая революция. Общеизвестно, что политические события оказывали влияние на художественное творчество, но не меняли направленности в его развитии.

Однако при этом политика активно вторгалась в творческие сообщества. Менялся характер собраний в художественных салонах. Например, в «домашние политические митинги с продажей билетов» превратились в 1905 г., по мнению Андрея Белого, собрания в московском салоне М. К. Морозовой. Клуб стал местом сражений радикалов и либералов, где один из конфликтов окончился «крупным скандалом (едва ли не с приподниманием в воздух стульев)». Сама М. К. Морозова пожертвовала несколько тысяч рублей на организацию либеральной партии. Аналогичным образом действовала ее свекровь В. А. Морозова, которая была главной благотворительницей газеты «Русские ведомости»¹.

В некоторых творческих объединениях открыто говорилось о поддержке революционного движения. Так, в московском литературно-художественном кружке, созданном в 1899 г. по инициативе А. П. Че-

¹ *Азарт*. 1906. № 4. С. 12.

хова, К. С. Станиславского, М. Н. Ермоловой, А. И. Южина-Сумбатова, А. Ф. Кони и др. часто обсуждались вопросы общественного развития, мнений различных политических деятелей. В его составе были действительные члены, кандидаты в действительные члены. Наиболее известными представителями кружка являлись такие деятели русской культуры, как Константин Бальмонт, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, К. И. Чуковский, М. Волошин, Чулков, Городецкий, К. Е. Маковский, Н. А. Бердяев. Кружок располагал большой библиотекой, галереей портретов писателей и деятелей искусств, созданных И. Е. Репиным, В. А. Серовым, Н. П. Ульяновым, А. Я. Головиным, С. В. Малютиным.

На знаменитых «вторниках» кружка выступали русские и зарубежные писатели, артисты, читались доклады и лекции, проходили диспуты, отмечались юбилеи. Особой популярностью пользовались выступления К. Д. Бальмонта, А. Белого, М. А. Волошина, В. И. Иванова.

Члены кружка осуществляли благотворительную деятельность. Кружок финансировал заграничные гастроли МХТ в 1906 г. В 1907 г. при нем было организовано Общество свободной эстетики. Во время Первой мировой войны в здании Литературно-художественного кружка был открыт городской госпиталь, и на средства кружка на Соколиной горе устроен лазарет.

К 1917 г. в кружке насчитывалось 300 действительных членов, 213 кандидатов, 407 членов-соревнователей. На одно из заседаний Литературно-художественного кружка была приглашена участница российского революционного движения Инесса Арманд, которая сказала, что «либералам, конечно, не место на баррикадах, но они должны содействовать крайним партиям»². Никаких серьезных последствий ее выступление не имело. По мнению И. С. Розенталя, такое поведение И. Арманд можно объяснить «общей эйфорией в стране и революционной модой на восприятие общественно-политических событий»³.

В сообществах творческой интеллигенции на формирование их мнений могли также влиять и профессиональные взгляды конкретных членов. В Московском педагогическом собрании не нашло положительного отклика предложение социал-демократа В. М. Фриче против репрессий в отношении бастующих учащихся, так как такое

² Голоса истории: Сб. науч. трудов. Вып. 22. Кн. 1 М., 1990. С. 37.

³ *Розенталь И. С.* Политические клубы, кружки, салоны // *Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века.* М., 2012. С. 171.

решение «погубит собрание»⁴. Важнейшими событиями студенческого движения в годы назревания революционного кризиса явились: 2-я и 3-я всеобщие студенческие забастовки зимой 1901 г. и 1902 г., в каждой из которых участвовало более 30 тысяч учащихся; демонстрации протеста совместно с рабочими в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и Казани против отдачи 183 студентов в солдаты, против «временных правил» правительства 29 июля 1899 г. и 22 декабря 1901 г.; рабоче-студенческие демонстрации в Петербурге и Москве (ноябрь – декабрь 1904 г.) в поддержку основных политических требований РСДРП. Протест учащейся молодежи принял общенародный политический характер.

Данная реакция собрания свидетельствует о том, что определенная часть творческой интеллигенции стремилась дистанцироваться от политики в сложный для России период времени.

После Манифеста 17 октября 1905 г. основой деятельности правых и основных либеральных партий, кадетской и «Союза 17 октября» стало формирование общественного мнения и привлечение большего числа сторонников из представителей творческой интеллигенции. Первыми к такой работе приступили московские кадеты. По решению ЦК кадетской партии, принятому 21 октября 1905 г., в Москве был организован их партийный клуб в помещении уже известного Литературно-художественного кружка. Правление кружка предоставило им две комнаты, где дежурили члены ЦК этой партии князь Д. И. Шаховской и Г. Ф. Шершеневич.

При участии членов Литературно-художественного кружка проходили диспуты между кадетами и октябристами. Кадеты П. И. Новгородцев, Ф. Ф. Кокошкин, С. А. Котляровский и другие выступали с лекциями о программе и тактике партии. В Кружке бурно приветствовали делегатов I съезда партии, в особенности лидера и организатора партии П. Н. Милюкова.

С июля 1906 г. в Москве действовал Клуб Партии народной свободы (кадетов) четырех районов – Арбатского, Пречистинского, Преснинского и Хамовнического районов. Это были те части города, где проживала творческая интеллигенция. В Клубе находилась библиотека, чайный буфет и столовая без продажи алкогольных напитков. Клуб должен был «...содействовать сближению членов партии на основе совместного изучения и обсуждения общеполитических вопросов путем устройства докладов, чтений и бесед»⁵.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1 Д. 224. Л. 49–50.

⁵ ГА РФ. Ф. 192 00. 1905. Д. 999. Оп. 7. Ч. 43. Л. 43.

В сентябре того же года кадеты организовали Народный клуб, проводивший с разрешения властей собрания в Политехническом музее под председательством Павла Долгорукова⁶.

Вопрос о свободе идейно-политической встал настолько остро, что даже чисто политическая терминология стала использоваться художественными объединениями в данный период. Общество «Супремус» Константина Малевича объявлялось «новым государством» живописи. Это был прецедент не только в российской, но и мировой культуре.

В начале XX века дифференциация по политическому признаку только наметилась и не стала угрозой для раскола. Даже после 1917 г. на союзы творческой интеллигенции большее влияние оказывали не политические, а эстетические идеи.

Объединяющими началами всех сообществ творческой интеллигенции по-прежнему оставались: художественное творчество, выполнение общественных функций по созданию и сохранению русской национальной культуры и просвещение общества.

⁶ Там же.

ПРОБЛЕМА ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ И ПОЗИЦИЯ ПОЛЬШИ В СЕРЕДИНЕ 1950-х гг.

Л. В. Гавриловец, к.и.н.

(Национальный институт образования, Белоруссия)

Проблема объединения Германии во второй половине 1950-х гг. формировалась под воздействием общей международной ситуации, а также политики двух германских государств. Среди факторов, влияющих на проблему объединения двух германских государств, можно выделить их политическое, правовое, административное и общественно-экономическое развитие. Политика ФРГ препятствовала нормализации отношений между двумя германскими государствами и тем самым осложняла решение проблемы объединения. Основными элементами такой политики было стремление к ликвидации ГДР как отдельного государства и вхождение его в состав ФРГ. ФРГ выдвигала претензии и в отношении территориального расширения Польши, а также стремилась к приобретению атомного оружия.

Воссоединение Германии стало политической целью в обеих ее частях, при этом и ФРГ, и ГДР претендовали на то, чтобы быть законным представителем всего немецкого народа. ФРГ стремилась к воссоединению Германии «в мире и свободе» на основе демократической и федеративной политической системы в рамках единой Европы, а лидеры ГДР считали социалистическую систему лучшим строем для всей Германии и ее народа¹.

Так, премьер-министр ГДР О. Гротеволь в письме канцлеру К. Аденауэру еще в ноябре 1950 г. предложил образовать на паритетных началах общегерманский Учредительный совет, который мог бы начать подготовку условий по проведению свободных общегерманских выборов для создания «единой, демократической и миролюбивой Германии». В этих целях была выдвинута идея встречи представителей правительства ГДР и ФРГ («Немцы за один стол!»). Правительство ФРГ неизменно отклоняло подобного рода предложения, хотя постоянно подчеркивало, что восстановление немецкого

¹ История Германии: в 3 т. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века / отв. ред. С. А. Васютин [и др.]. М.: КДУ, 2008. С. 536.

единства могло быть достигнуто только путем проведения свободных общегерманских выборов, создания на их основе общегерманского парламента и единого германского правительства, с которым будет заключен мирный договор. Но при этом воссоединившееся государство должно было иметь право свободно вступать в союзы (в том числе присоединиться к НАТО), что было неприемлемо для руководства СССР и ГДР.

Позиция СССР по вопросу восстановления немецкого единства была прямо противоположной позиции федерального правительства, о чем свидетельствует нота советского правительства 1956 г., в которой утверждалось, что из-за проведения в ФРГ «политики ремилитаризации и ограничения гражданских свобод, свидетельством которой является запрещение КПГ», нет условий для проведения общегерманских выборов. Поэтому, по мнению Москвы, вопрос восстановления единства Германии – это вопрос сближения между обоими германскими государствами, а также достижения соглашения между ГДР и ФРГ². Польша расценила эту ноту как важнейший документ, указывающий путь к решению германской проблемы.

Польское правительство в своих заявлениях высказывало невозможность решения проблемы объединения Германии без участия двух германских государств, критиковало западные предложения, основывавшиеся на так называемых решениях «свободных выборов», и одновременно поддерживало предложения, изложенные правительством ГДР. Что касается первой проблемы, то польское правительство выдвигало четыре основных аргумента: «свободные выборы» как метод объединения Германии нереалистичны в связи с фактом существования двух германских государств; предложенные ФРГ принципы объединения означали бы усиление германских милитаристских сил, а в результате предложенного Западом плана объединения возникло бы сильное империалистическое германское государство; попытки объединения на западном базисе стали бы нарушением силовой системы и могли бы привести к возникновению нового конфликта. Польское правительство посчитало необходимым поддержать позицию ГДР по объединению Германии, в основе которой была идея постепенного сближения двух германских государств на основе укрепления доверия между ними³.

² Трибуна людей о ноте советского правительства правительству ФРГ // ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 24. Д. 1650. Л. 188.

³ Problem samostanowienia i zjednoczenia Niemiec // AMSZ. Z. 26. W. 5. T. 41. L. 129.

В заявлении польского правительства от 30 января 1955 г. рассматривались два варианта решения германской проблемы. Во-первых, правительство Польши изъявило желание установить дипломатические отношения с ФРГ и тем самым укрепить польско-германскую границу. Во-вторых, не исключалась возможность объединения Германии на демократических основах⁴. Во время дебатов о ратификации Варшавского договора в Сейме 19 мая 1955 г. среди депутатов от ПОРП появилось новое мнение о том, что Парижские договоры отодвинули на неопределенный период перспективу объединения Германии. Однако существовал и другой вариант решения данной проблемы – это путь германо-германского диалога, а также признания ГДР и ФРГ. После фиаско Женевской конференции ПОРП пришла к выводу, что и этот вариант решения германского вопроса связан с трудностями, возникшими в связи с несогласованностью позиций четырех государств-победителей. Ни СССР, ни западные державы, ни политические элиты обоих германских государств, по существу, не были заинтересованы в объединении Германии, хотя исходили при этом из разных соображений. Великие державы не хотели терять «свою» часть Германии, а лидеры ФРГ и ГДР стремились сохранить сложившуюся систему.

Премьер-министр ГДР О. Гротеволь в выступлении от 28 апреля 1956 г. в Берлине опроверг западногерманские утверждения о воссоединении Германии великими державами, заявив, что «воссоединение Германии – дело самих немцев»⁵. В свою очередь председатель комиссии бундстага ФРГ по общегерманским вопросам Г. Венер в выступлении 10 мая 1956 г. отметил, что «чем больше Федеративная Республика делает упущений в области урегулирования вопроса о воссоединении, тем выше подымется авторитет ГДР»⁶. Так, в июле 1957 г. восточногерманское правительство предложило создать конфедерацию двух государств на основе международного договора, договориться о запрещении размещения и изготовления атомного оружия на территории Германии; о выходе обоих германских госу-

⁴ Oświadczenie rządu PRL w sprawie pokojowego uregulowania problemu niemieckiego, Warszawa, 30 stycznia 1955 r. // *Polityka i dyplomacja polska wobec Niemiec. T. 1. 1945–1970* / М. Tomala. W-wa: DW ELIPSA, 2005. S. 81–82.

⁵ Воссоединение Германии – дело самих немцев // *Правда*. 1956. 29 апр. С. 3.

⁶ Выступление председателя комиссии бундстага ФРГ по общегерманским вопросам // *Правда*. 1956. 11 мая. С. 3.

дарств из НАТО и из ОВД; об отмене всеобщей воинской повинности и взаимном соглашении о численности войск. Правительство Польши выразило свое согласие с планом ГДР, но при этом отмечало, что «объединение Германии – это вопрос, который никто, не исключая боннского правительства, не знает как решить, чтобы создать единое германское государство»⁷.

По мнению правительства ПНР, заключение мирного договора с Германией, а также достижение соглашения в сфере европейской безопасности могли привести к прогрессу в процессе объединения двух германских государств. Однако правительство ФРГ отвергало все предложения ГДР по урегулированию проблемы объединения. Не способствовала этому и «доктрина Хальштейна», в которой ФРГ утверждала, что налаживание дипломатических отношений с ГДР признается как акт, способствующий углублению разделения Германии.

Таким образом, в 50-е гг. XX в. польская концепция по вопросу объединения Германии не формировалась, но комментировались проекты держав, которые как советские полностью применялись или как западные отвергались. Вхождение Польши в ОВД не оставляет никаких сомнений, что на ее позицию в этом вопросе во многом влияла проводимая СССР внешняя политика, направленная на признание «германской конфедерации».

⁷ Oświadczenie rządu PRL z 3 sierpnia 1957 r. // Zbiór dokumentów. 1957. № 8. S. 51.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПЛАТОНА И ДЖ. ОРУЭЛЛА О ПРАВИЛЬНОМ И НЕПРАВИЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Д. А. Голдинова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

До начала XX в. Платона причисляли к плеяде мыслителей гуманистов и связывали его понимание государственного устройства с категориями моральности и справедливости.

По мнению Михаленко, «отношение либеральной интеллигенции на Западе к учению Платона... стало резко меняться начиная с 30-х годов XX века. Для либералов начала раскрываться одиозность платоновского политического идеала. Это происходило в связи с победой фашизма в Италии, Германии, Испании и утверждением диктатуры пролетариата в Советской России – режимов, открыто объявивших о своей враждебности буржуазной демократии и либерализму»¹.

Идеи Платона стали рассматривать в контексте тоталитарной модели управления такие мыслители, как К. Поппер и Б. Рассел. Последний писал: «Платон обладал искусством так маскировать свои нелиберальные советы, что они вводили в заблуждение в последующие века многих людей, которые восхищались его диалогом “Государство”, не понимая того, что заключалось в его рецептах. Всегда считалось правильным хвалить Платона, но не понимать его. ...Я хочу понять Платона, но обращаться с ним так же непочтительно, как если бы он был современным английским или американским адвокатом тоталитаризма»².

Взгляды Платона о диктаторской форме взаимоотношений между властью и народом находят сходные черты с мыслями о «большом» обществе XX в. Д. Оруэлла, который в труде «1984» описал в гротескно-пессимистичной манере видящиеся ему последствия существующих в XX в. тоталитарных режимов.

¹ Михаленко Ю. П. Платон и современная антитеза либерализма и тотализма. М., 1998. С. 3.

² Рассел Б. История западной философии. М.: АСТ, 2001. С. 123.

Э. Фромм признавал достоинство книги Оруэлла в том, «что она выразила новое настроение беспомощности, которое наполнило собой наше время, порожденное Первой мировой войной, предательством социалистических надежд Сталинским реакционным государственным капитализмом; жестким экономическим кризисом в конце двадцатых; победой варварства в Германии; безумием Сталинского террора в тридцатых; Второй мировой войной, использованием атомной бомбы против Японии»³.

В концепциях мыслители описывают авторитарный тип управления, связанный с полнотой власти в руках правителя. В диалогах «Государство» и «Законы» Платон предлагает в качестве идеального вождя личность, обладающую интеллектуальной и физической исключительностью, ко всему способную самовольно принимать рациональные решения, полезные для всего общества. В государстве Океания, изображенном Оруэллом в произведении «1984», Старший брат благодаря идеологической пропаганде и применяемому физическому насилию не нуждается в оправдании господства перед гражданами, его образ как вождя априори обожествлен в сознании народа, что гарантирует беспрекословность в исполнении его приказаний и постановлений населением.

Ведущей ценностью для государства Платон признает политическую стабильность, которая достигается через организацию прочной «команды» вокруг вождя, содействующей претворению его повелений в области управления народом. В диалоге «Государство» воинам, ближним советникам правителя, в целях предотвращения конфликтов на почве распределения денежных благ запрещается владение имуществом и финансами. У стражей нет и собственной семьи: общность детей и жен. Совместный быт, равным образом, служит формированию единомыслия среди политической элиты. Члены внутренней и внешней партии «Англсоц» у Оруэлла ведут более аскетичный образ жизни, нежели платоновские стражи.

Они подлежат тотальному контролю в частной жизни со стороны власти, получают продовольствие для поддержания жизнедеятельности в дозированных государством количествах, довольствуются произведениями искусства, содержащими лишь прославление идеологии государственного строя, лишаются переживания возвышенных чувств

³ Фромм Э. Комментарий к роману Дж. Оруэлла «1984»: [Электронный ресурс]. URL: <http://avtonom.org/old/lib/theory/fromm/1984.html?q=lib/theory/fromm/1984.html>

по отношению к друг другу (любви, заботы, сострадания). Помощники вождя как у Платона, так и у Оруэлла, получают образование, прежде всего направленное на рост «фанатизма», «квазирелигиозности» по отношению к существующей политической системе.

Сословие подданных Платон именует «производителями», поскольку основное назначение их деятельности – обеспечение средствами к существованию высших правящих сословий. Подданные ограничены в реализации индивидуальной и политической свободы. В «Законах» Платон описывает систему «эстетического» воспитания общества через общественные песнопения, возвеличивающие в текстах государственный строй, хороводоведения, пляски, жертвоприношения. Пролов с их умственными возможностями и руководством инстинктами в поведении Оруэлл отождествляет с животными. Для него низшее сословие не имеет ценности как субъект государства. С целью предотвращения восстаний со стороны пролов через СМИ их знакомят с «позитивной» статистикой хозяйственного развития страны, прогнозируя улучшения качества жизни и оправдывая временно «скудное» экономическое состояние вовлечением страны в военные действия.

Главное требование для возникновения предложенного строя в проектах Платона и Д. Оруэлла – разрыв с историей. Так, философы Платона перед установлением идеального строя «очищают» общество от лиц с непригодными нравами, унаследованными из прошлого, путем изгнания из государства или смертной казни. В государстве Оруэлла партийцы трудятся над исправлением истории минувших лет, фальсифицируют факты прежних дней для соответствия нынешнему времени. Так, партия под руководством вождя «творит» свою философию истории, независимую от объективного времени.

Несмотря на содержание преемства идей Платона в работе «1984», концепция Оруэлла содержит новаторские идеи, обусловленные окружающими автора реалиями и связанные с развитием техники, науки, информации в XX веке. Общество Оруэлла испытывает манипулирование средствами массовой информации (появление печати, радио, телевидения), терпит прицелы «устройств», запечатлевающих их действия в 24-часовом режиме и передающих сведения должностным лицам; становится очевидцем трансформации лингвистики в политический инструмент (сокращение языковых единиц с целью устранения возможности оппозиционного правительству мышления).

Следует помнить, что описанные мыслителями концепции, которые предлагают сходные способы организации общества в государст-

ве, имеют различное назначение по отношению к действительности. Платон видел свою теорию как идеальную модель для организации жизни в греческом полисе, поскольку был неудовлетворен установившейся к середине V в до н. э. демократией в Древней Греции. Дж. Оруэлл в работе «1984» изобразил карикатуру на государства с социалистическим режимом XX века. В связи с этим можно сделать вывод: каждый исторический период характеризуется специфическим набором политических идеалов, порождаемых реакцией на сложившиеся социальные, экономические, культурные обстоятельства.

1750–1850 гг.: «ПЕРЕЛОМНОЕ ВРЕМЯ» ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ ПО ТЕОРИИ РАЙНХАРТА КОЗЕЛЛЕКА

*А. В. Горбий, к.и.н.
(Тверской государственный университет)*

История понятий – оригинальное направление западногерманской гуманитарной мысли второй половины XX века, возникшее как ответ на необходимость переосмысления истории Германии с учетом нацистского этапа. Среди историков ведущим представителем этого направления стал Райнхарт Козеллек, который предложил принципиально новую периодизацию истории, а именно выделение 1750–1850 гг. в качестве «переломного времени».

Цель данного доклада – проанализировать основные положения и спорные моменты концепции «переломного времени» Райнхарта Козеллека.

Главным отражением и свидетельством теории Козеллека является 8-томный словарь «Базовые понятия истории»¹. В статье, описывавшей программу составления словаря, Козеллек указывал, что изменение значений понятий началось около 1750 г., но лишь около 1770 г. новые представления людей о своем времени и об истории нашли отражение в появлении неологизмов и принципиальной смене значений слов². Козеллек принял 1850 г. за условную дату окончания «переломного времени», когда завершились те трансформации понятий, которые начались около 1750 г.³

Основной чертой «переломного» (нового) времени является темпорализация (*Verzeitlichung*) опыта. В прежние эпохи исторический

¹ Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. In 8 Bänden. Stuttgart: Klett-Cotta, 1972–1997.

² Koselleck R. Richtlinien für das Lexikon politisch-sozialer Begriffe der Neuzeit // Archiv für Begriffsgeschichte. № 2. 1967. S. 81.

³ Palonen K. Die Entzauberung der Begriffe. Das Umschreiben der politischen Begriffe bei Quentin Skinner und Reinhart Koselleck. Münster, 2004. S. 247–248.

опыт поколений не менял их представления о прошлом и будущем, поскольку он органично вписывался в стабильную картину мира. В «переломное время» происходит настолько резкое изменение социально-политических условий, что текущий опыт неизбежно меняет картину мира, он распространяется на прошлое и изменяет представления о нем⁴. Темпорализация опыта приводит к тому, что модели будущего отделяются от горизонта прошлого, они больше не опираются на прошлый опыт. В результате возникают «понятия движения» – «развитие», «прогресс», «история», «реформа», «кризис», «эволюция», «революция»⁵.

Поскольку новые понятия не были наполнены содержанием исторического опыта, это приходилось компенсировать возрастанием ожиданий, связанных с новыми понятиями. «Чем меньше опыта, тем больше ожиданий» – такова формула нового времени, как считал Козеллек⁶. Данная формула означает, что модерн представляет собой уникальную и случайную комбинацию элементов.

Случайность и произвольность хода истории начиная с «переломного времени» лишала массы, только высвободившиеся из жестких рамок традиционного общества, ориентиров и вселяла в них неуверенность. В этом Козеллек видит истоки тоталитаризма и мировых войн. Неуверенность заставляла массы объединяться вокруг идей, а поскольку эти идеи представляли собой «коллективные сингуляры» – претендовали на универсальность («одна история», «одно светлое будущее», «одна нация»), – то они порождали нетерпимость к другим общностям⁷.

В то же время Козеллек отмечает и стабилизирующую функцию «понятий движения»: благодаря своей гибкости и многозначности они обеспечивают понимание между современниками (синхронный

⁴ *Koselleck R.* Das achtzehnte Jahrhundert als Beginn der Neuzeit // Epochenschwelle und Epochenbewusstsein. Poetik und Hermeneutik / hrsg. von R. Herzog und R. Koselleck. Band XII. München: Fink, 1987. S. 279.

⁵ *Koselleck R.* «Erfahrungsraum» und «Erwartungshorizont» – zwei historische Kategorien // Soziale Bewegung und politische Verfassung. Beiträge zur Geschichte der modernen Welt / hrsg. von U. Engelhardt, V. Sellin und H. Stuke. Stuttgart: Klett-Cotta, 1976. S. 32.

⁶ *Hoffmann S.-L.* Reinhart Kosellecks Historik // ZeitRäume. Postdamer Almanach des Zentrums für Zeithistorische Forschung / hrsg. von M. Sabrow. 2010. S. 46.

⁷ Ibid. S. 44.

аспект) и воспроизводство социально-политических идей во времени (диахронный аспект)⁸.

Концепция «переломного времени» Райнхарта Козеллека вызвала широкий резонанс среди историков Германии и других стран и привлекала к себе немалую долю критики. Пожалуй, самым серьезным аргументом является сложность перенесения этой концепции за пределы Германии даже на историю других стран Западной Европы, не говоря уже об остальном мире. В частности, ведущий представитель англо-американской интеллектуальной истории Джон Покок заявлял, что в Великобритании «переломное время» невозможно зарегистрировать⁹.

Пути решения данной проблемы предложил один из последователей Козеллека Йорн Леонхард в своей статье о понятии «либерализм» в Германии, Англии, Франции и Италии. Он отмечает разнообразие значений и контекстов употребления этого понятия в период 1750–1850 гг. и делает вывод о необходимости плюрализации концепции «переломного времени» и ее сравнительной дифференциации с учетом особенностей истории разных стран¹⁰.

Важным аргументом в пользу существования «переломного времени» Козеллек считал тот факт, что именно в 1750–1850 гг. понятие «история» превращается в «коллективный сингуляр». Однако исследователи утверждают, что представление о единстве истории прослеживается еще у французских авторов XVII века¹¹. В связи с этим эти исследователи заявляют о необходимости пересмотра концепции «переломного времени», в особенности о переосмыслении роли религии в 1750–1850 гг.

Как известно, Козеллек выступал против какого-либо детерминизма в истории, поскольку детерминизм легко может стать орудием в политической борьбе. Однако именно в религиозной сфере – в

⁸ *Koselleck R.* Sprachwandel und Ereignisgeschichte // *Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken.* № 43. 1989. S. 666.

⁹ *Richter M.* Opening a Dialogue and Recognizing an Achievement // *Archiv für Begriffsgeschichte.* № 39. 1996. S. 22.

¹⁰ *Leonhard J.* Erfahrungsgeschichten der Moderne: Von der komparativen Semantik zur Temporalisierung europäischer Sattelzeiten // *Begriffene Geschichte. Beiträge zum Werk Reinhart Kosellecks* / hrsg. von H. Joas und P. Vogt. Berlin: Suhrkamp, 2011. S. 428, 434.

¹¹ *Sawilla J. M.* «Geschichte»: Ein Produkt der deutschen Aufklärung? Eine Kritik an Reinhart Kosellecks Begriff des “Kollektivsingulars Geschichte” // *Zeitschrift für Historische Forschung.* № 31. 2004. S. 381–428.

этом чувствуется влияние Карла Левита – он допустил недостаточно обоснованные обобщения в виде утверждения о всеобъемлющем и безостановочном процессе секуляризации начиная с «переломного времени»¹².

Итак, история понятий Козеллека – пожалуй, самый широкомаштабный проект немецкой исторической науки второй половины XX века – позволяет абсолютно по-новому взглянуть на 1750–1850 гг. европейской истории. Взамен прежних периодизаций, основанных на сменединастий, политических режимов или социально-экономических формаций, Козеллек выдвигает на первый план изменения языковых понятий, а вместе с ними изменения мировоззрения и общественного сознания.

Поскольку «переломное время» представляется неразрывно связанным с дальнейшей историей модерна, изучение «переломного времени» способно, по замыслу Козеллека, пролить свет на многие процессы в современном обществе.

Безусловно, концепция «переломного времени» не лишена недостатков и односторонности, связанной с ее укорененностью в историческом опыте Германии. Однако, по-видимому, данную концепцию следует воспринимать не как однозначную универсальную доктрину, а скорее как эпистемологическую модель, которая может быть развита и адаптирована к конкретно-историческому материалу других стран.

¹² Joas H. Die Kontingenz der Säkularisierung. Überlegungen zum Problem der Säkularisierung im Werk Reinhart Kosellecks // *Begriffene Geschichte*. S. 319–338.

ЦЕНЗУРА И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИДЕИ В КОНСЕРВАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

А. А. Горохов
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Для анализа истории русской консервативной мысли чрезвычайно большое значение имеют личные дневники и письма, так как в них мыслители могли излагать свои политические и социальные воззрения без учета цензуры. Русские консерваторы первой половины XIX столетия так же, как и представители иных взглядов, подвергались цензурной вычитке. К примеру, на цензуру жаловались в своих письмах видные русские консервативные мыслители М. П. Погодин¹ (1800–1875) и С. П. Шевырев² (1806–1864). Погодин писал к князю П. А. Вяземскому: «Помилуйте – характер нашей цензуры непременно должен быть изменен. Иначе все будет печататься за границею, посыпанное горчицею и перцем»³. О негативных проявлениях цензуры писал и Шевырев, замечая, что «Уваров министр гениальный пал

¹ О творчестве М. П. Погодина см.: *Ширинац А. А.* Русский хранитель: политический консерватизм М. П. Погодина. М.: Русский Мирь, 2008; *Рясенцев К. В., Шириняц А. А.* М. П. Погодин и поиски русской национальной идеи. 1830–1840-е гг. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2007. № 1. С. 18–31.

² О роли и месте С. П. Шевырева в истории русской социально-политической мысли см.: *Ширинац А. А.* С. П. Шевырев в истории социально-политической мысли России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Том 7. № 1. С. 5–16; *Ширинац А. А.* Степан Петрович Шевырев // Шевырев С. П. Избранные труды / сост. А. А. Шириняц, К. В. Рясенцев; автор вступ. статьи А. А. Шириняц; авторы коммент. М. К. Кирюшина, К. В. Рясенцев, А. А. Шириняц. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 5–67.

³ [*Погодин М. П.*]. Письма М. П. Погодина к князю П. А. Вяземскому // Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов (из Остафьевского архива). СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1901. С. 64.

цензурою, за которою смотреть было ему некогда»⁴. Именно в личных дневниках и письмах консервативные мыслители высказывали наиболее смелые политические идеи. В связи с этим анализ таких источников позволяет более полно понять содержание политических идей и разделяемых социально-политических ценностей в русской консервативной мысли.

Например, Шевырев на страницах личного дневника изложил «конституционные» идеи и мысли об исторических изменениях форм государственного управления. Он образно описал идеальную форму правления: «одни будут стоять за монархию и предлагать в пример пчел; другие – за республику, указывая на муравьев, из коих каждый трудится равно, не страшась правителя. Фаустул⁵ помирят их словами: вы не пчелы, не муравьи; изберите из обоих лучшее – у пчел матку, у муравьев – равенство»⁶. Это и есть идеальная монархическая форма власти, которая должна гарантировать равенство поданных (граждан). В России такая форма может осуществиться при принятии конституционной хартии. По этому поводу Шевырев замечает: «Русская конституционная хартия, которую некогда даст... второй Петр Великий, будет именоваться царь»⁷. И хотя он собственно конституционную идею в дневнике далее не развивает, сам факт наличия этой строчки говорит о многом.

На наш взгляд, данную мысль необходимо анализировать в соотношении с пониманием Шевыревым идеальной формы правления (единство самодержавной власти и равенства) и признанием ценности свободы⁸. Поэтому можно предположить, что под конституционной хартией он мог понимать акт отмены крепостного права, утверждения

⁴ [Шевырев С. П.]. Письма С. П. Шевырева к князю П. А. Вяземскому // Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов (из Остафьевского архива). СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1901. С. 172.

⁵ Фаустул Амулия – Свинопас, воспитатель Ромула и Рема, герой пьесы С. П. Шевырева «Ромул» (Шевырев С. П. Итальянские впечатления. СПб.: Академический проект, 2006. С. 576).

⁶ Шевырев С. П. [Итальянский дневник] Журнал первый // Шевырев С. П. Итальянские впечатления. СПб.: Академический проект, 2006. С. 154.

⁷ Он же. [Итальянский дневник] Журнал второй // Там же. С. 245.

⁸ Шевырев С. П. несколько раз писал князю П. А. Вяземскому о ценности свободы, к примеру: «Дайте мне свободу, академическое кресло с жалованьем – и я еще поработаю. Работы всем много в России, а тому, кто не переставал работать головою, еще более» ([Шевырев С. П.]. Письма С. П. Шевырева к князю П. А. Вяземскому // Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева

свободы крестьян⁹ и провозглашения гражданского равенства в Российской империи. Такой акт был бы естественен для православного государства, стремящегося стать лидером мировых политических отношений, а также повышал бы уровень моральной силы самодержавного управления, развивал творческий, культурный, социальный и экономический потенциал народа Российской империи. Вероятность того, что Шевырев мог разделять конституционные идеи, подтверждается также его взглядами на эволюцию форм государственной власти.

Он считал, что каждая форма государственной власти – это результат той эпохи, в которую зародилось то или иное государство. В частности, он писал: «Греки хотят монархии¹⁰: видно, что этот народ не на степени понятий века. Зачем же заранее готовить себе революцию? Не лучше ли теперь избежать ее предусмотрительно? Теперь молодому народу образоваться в монархию все то же, что современному поэту писать классическую трагедию. Это анахронизм... вечно должны сочиняться новые государства»¹¹. Можно сказать, что Шевырев иде-

и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов (из Остафьевского архива). СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1901. С. 160–161).

⁹ То, что Шевырев был противником крепостного права и сторонником ценности свободы, подтверждается также его стихотворением, которое было написано в 1861 г. в честь отмены крепостного права в России: «О люди русские, благословим сей день / И воздадим хвалу мы Богу всеблагому / За то, что с родины слетает рабства тень, / Не будет человек принадлежать другому... / Везде цветет она, свобода – божий плод! / Везде зовет на пир счастливые народы! / История, пришел и наш черед; / Пора и нам вкусить божественной свободы!» (*Шевырев С. П.* 19 февраля [Стихотворение] // Сборник русской поэзии «Лирикон»: [сайт]. URL: <http://liricon.ru/19-fevralya.html> (дата обращения: 09.03.2013)).

¹⁰ С. П. Шевырев пишет о политической ситуации в Греции 15 мая 1830 г. уже после подписания Лондонского протокола (3 февраля 1830 г.), согласно которому Российская империя, Великобритания и Франция признали независимость Греции от Османской империи. Протоколу предшествовал Адрианопольский мирный договор между Россией и Османской империей (Турцией) 1829 г., который завершил Русско-турецкую войну 1828–1829 гг. Победа России в данной войне позволила Греции обрести свою независимость и новую государственность. В 1832 г. V Национальное Собрание, признав Лондонский протокол, приняло Конституцию Королевства Греция.

¹¹ *Шевырев С. П.* [Итальянский дневник] Журнал первый // Шевырев С. П. Итальянские впечатления. СПб.: Академический проект, 2006. С. 154.

альную форму самодержавной власти соотносил с духом времени, не допуская резонанса между исторически сложившейся формой власти и потребностями дальнейшего развития Российской империи.

Появление конституционных идей в русской консервативной мысли является следствием конституционных инициатив самодержавной власти. Александр I до 1820 г. рассматривал варианты учреждения в России конституции. Более того, конституционные идеи в рамках Российской империи Александром I были воплощены в Польше¹² и в Финляндии¹³, которые входили в состав Российской империи. В эту эпоху о свободе, эволюционном пути развития политических систем и конституции писал С. С. Уваров: «Сколько неудачных опытов прежде английской конституции! Политическая свобода не есть состояние мечтательного благополучия, до которого бы можно было достигнуть без трудов. Политическая свобода, по словам знаменитого оратора нашего века (лорда Эрскина), есть последний и прекраснейший дар Бога»¹⁴. Уваров в 1818 г., вероятно, так же, как и Шевырев в 1831 г.

¹² Конституция Польши имела большое значение для будущего социально-политического развития России. Историк С. В. Мироненко считает, что Александр I рассматривал конституцию в Польше не только как «конституционное устройство новой и особой части империи». Он рассматривал как «первый шаг на пути к конституции русской» (*Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. С. 153).

¹³ Русский государственный деятель С. Ю. Витте писал, что «сто лет тому назад император Александр I дал присоединенной к империи Финляндии конституцию, т. е. *политическое* самоуправление, что Финляндия, будучи присоединена к Российской державе, составляет окраину особого рода, главным звеном соединения которой с империей составляет то, что российский самодержавный император есть вместе с тем великий князь финляндский, т. е. конституционный монарх Финляндии, управляемой по особой конституции, ей данной» (*Vitte С. Ю.* Воспоминания. Царствование Николая Второго: в 2 т. Т. 2. Берлин: Слово, 1922. С. 221). Аналогичного мнения придерживался историк, академик АН СССР Е. В. Тарле, который в 1944 г. утверждал, что «Финляндия получила конституцию, и эту конституцию дал им Александр... который создал им государство» (Доклад академика Тарле на ученом совете Ленинградского университета – О роли территориального расширения России в XIX–XX вв. Машинописная расшифровка стенограммы // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 10).

¹⁴ *Уваров С. С.* Речь Президента Императорской Академии наук, Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании главного педагогического института 22 марта, 1818 года // Уваров С. С. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамова, С. В. Уда-

(уже при Николае I), не исключал возможности в исторической перспективе принятия в России конституции, но при сохранении монархической формы государственной власти. Отличие в том, что Уваров высказал свои мысли публично, а Шевырев – в личном дневнике.

ИСТОРИЯ ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТА ГОРОДА КУЙБЫШЕВА В 1941–1945 гг. В ДОКУМЕНТАХ МЕСТНЫХ АРХИВОВ

*А. В. Горшенин
(Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия)*

Значение пассажирского электротранспорта г. Куйбышева в годы Великой Отечественной войны трудно переоценить. Трамваи и троллейбусы доставляли работников на военные предприятия, раненых – в госпитали, а кроме этого осуществляли грузовые перевозки.

В ходе исследования были выявлены и проанализированы материалы двух местных архивов – Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО) и Самарского областного государственного архива социально-политической истории (СОГАСПИ).

Наиболее подробно работа городского электротранспорта периода Великой Отечественной войны отражена в фонде трамвайно-троллейбусного управления ЦГАСО¹. Большую часть материалов составляет разнообразная делопроизводственная документация. Это протоколы заседаний и совещаний, приказы руководства управления, распоряжения оперативного характера, инструкции, докладные записки и др. Весьма информативна служебная переписка ТТУ с другими организациями и местными органами власти. Она дает представление о том, как строилась троллейбусная линия в городе и трамвайная ветка на станцию Безымянка, где были размещены эвакуированные промышленные предприятия. Также в материалах переписки получили освещение структурные изменения, происходившие в трамвайно-троллейбусном управлении в течение войны. В документах фонда содержатся правила пользования трамваем в городе Куйбышеве², а также устав трамвайно-троллейбусного управления, принятый 18 мая 1942 г.³

¹ ЦГАСО. Ф. Р-950. Трамвайно-троллейбусное управление отдела коммунального хозяйства исполкома горсовета депутатов трудящихся.

² ЦГАСО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 139. Л. 11–14.

³ Там же. Д. 149. Л. 1–5.

Что касается пуска в эксплуатацию троллейбуса, то из документов следует, что строительство осуществлялось за счет средств Наркомхоза, а генеральная смета на контактную сеть протяженностью 3,5 км составила 693,2 тыс. руб.⁴ 6 ноября 1942 г. было открыто движение троллейбусов по маршруту «Ж/д вокзал – пл. Революции». На содержание троллейбуса выделили 40 тыс. руб. за счет накоплений трамвайного хозяйства⁵.

Следует отметить, что в связи с возведением в 1940 г. на территории Безымянки (в нескольких километрах от Куйбышева) крупнейшего в стране авиационного комплекса началось строительство трамвайной ветки. Ее протяженность составила 12,4 км⁶. В годы войны она связывала город и около двух десятков важнейших военно-промышленных объектов, разместившихся на станции Безымянка.

Значительный интерес представляют материалы фонда исполкома Куйбышевского городского Совета⁷. В нем сосредоточены нормативно-законодательные акты и делопроизводственная документация военных лет (постановления и распоряжения ГКО, ЦК ВКП(б), различных наркоматов, протоколы, докладные записки и др.). Следует отметить распоряжение СНК СССР, в котором органы НКВД обязывались «...за счет своих материальных ресурсов достроить трамвайные пути от конечной остановки на Безымянке до заводов Наркомавиапрома, а также закончить строительство трамвайного депо на Безымянке и тяговой подстанции № 5»⁸.

Кадры для нужд трамвайно-троллейбусного управления готовил филиал Московского института технического обучения. Информация об этом содержится в фонде института⁹. Необходимо подчеркнуть, что документы данного фонда ранее не привлекали внимание исследователей. Срок обучения исчислялся не только месяцами и годами, но и часами. Например, курсы слесарей для нужд ТТУ имели программу, рассчитанную на 120 часов, которую можно было освоить в сроки от нескольких месяцев до года¹⁰. Обучение вели профессио-

⁴ ЦГАСО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 158. Л. 17.

⁵ Там же. Д. 150. Л. 24.

⁶ Там же. Д. 135. Л. 1.

⁷ ЦГАСО. Ф. Р-56. Самарский городской Совет народных депутатов.

⁸ ЦГАСО. Ф. Р-56. Оп. 47. Д. 7. Л. 17–18.

⁹ ЦГАСО. Ф. Р-4150. Куйбышевский филиал института технического обучения министерства коммунального хозяйства РСФСР.

¹⁰ ЦГАСО. Ф. Р-4150. Оп. 1. Д. 21. Л. 16 об.

нальные преподаватели, иногда руководство института привлекало опытных работников заинтересованных предприятий. Так, занятия по дисциплине «Трамвайное дело» в филиале вел главный инженер Куйбышевского ТТУ. «Правила движения трамвая» преподавал начальник службы движения, а «Устройство вагона и должностные инструкции» усваивались под руководством начальника ТТУ¹¹.

В СОГАСПИ по интересующей нас проблематике наибольший интерес представляют документы партийного комитета Куйбышевского трамвайно-троллейбусного управления¹². В нем находятся протоколы общих партийных собраний и партбюро, а также отчетные доклады. Данные документы содержат ценную информацию о социальной политике военного времени, о повседневной жизни работников предприятия.

В указанном фонде также обнаружены материалы по истории отдела рабочего снабжения, которые дают представление не только о структуре и организации отдела, но и сведения о недостатках в его работе. В протоколе заседания партбюро ТТУ от 1 декабря 1943 г. отмечалось: «В работе столовой много недостатков, как в качестве блюд, так в культурном и санитарном обслуживании работников. Среди некоторых работников столовой и магазина практиковалось обвешивание хлеба, выдача обедов, не соответствующая нормам веса, указанных в меню...»¹³

В архивных документах значительное место занимает освещение деятельности предприятия по оказанию помощи фронту и семьям работников ТТУ города Куйбышева, ушедших на войну. Так, на предприятии был организован сбор средств на подарки фронтовикам. «Только за 1941 г. собрали на подарки 11 236 рублей, а уже в 1942 г. собрали 35 000 рублей»¹⁴. Работники участвовали и в сборе средств на постройку военной техники для фронта. Всего силами работников ТТУ было собрано в 1943 г. 26 964 руб., а в 1944 г. – 26 956 руб.¹⁵

Работники оказывали помощь и семьям товарищей, которые ушли на фронт. Например, из постановления заседания партбюро в феврале 1944 г. мы узнаем о том, что «был организован месячник по оказанию

¹¹ Там же. Д. 11. Л. 2.

¹² СОГАСПИ. Ф. 1753. Партийный комитет Куйбышевского трамвайно-троллейбусного управления.

¹³ СОГАСПИ. Ф. 1753. Оп. 1. Д. 55. Л. 61.

¹⁴ Там же. Д. 50. Л. 68.

¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 49.

помощи семьям военнослужащих. Собрания в службах предприятия приняли решения об отработке двух выходных дней в феврале и марте, а средства за отработанные дни передали в фонд помощи семьям военнослужащих. Также предприятием была организована бесплатная починка обуви детям-школьникам из семей военнослужащих»¹⁶.

В делах данного фонда описывается и жилищная ситуация на предприятии: «...в общежитии, которое располагалось на ул. Куйбышева, 58, отсутствовали самые элементарные условия, а именно не было тумбочек, столов, стульев, табуретов, умывальников, кружек, бачков для питья, урн»¹⁷.

Содержательная организационно-распорядительная и отчетная документация по истории городского электротранспорта в 1941–1945 гг. сосредоточена в фонде Куйбышевского областного комитета ВКП(б)¹⁸. Весьма интересной является информация о ремонте вагонов и изготовлении запчастей для нужд ТТУ силами заводов авиационной промышленности. «На август 1944 г. завод № 18 им. Ворошилова изготовил для ТТУ 63 наименования деталей, а руководство завода выделило бригаду из 15 человек во главе с инженером Поляковым для ремонта вагонов»¹⁹.

Информация о деятельности предприятия в условиях войны была выявлена в материалах фонда Куйбышевского городского комитета партии²⁰. Особенно тщательно в горкоме рассматривались вопросы строительства троллейбусной линии и контроля этой деятельности, что нашло отражение в организационных и отчетных документах. Так, «на заседании бюро Куйбышевского горкома в июне 1942 г. строительство троллейбуса было возложено на проектно-монтажное управление № 8 “Центроэлектромонтаж”. А разработка технической документации и сметы была возложена на специальное проектное бюро НКАП»²¹.

¹⁶ СОГАСПИ. Ф. 1753. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

¹⁷ Там же. Д. 8. Л. 7.

¹⁸ СОГАСПИ. Ф. 656. Самарский областной комитет Коммунистической партии Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

¹⁹ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 23. Д. 11. Л. 6.

²⁰ СОГАСПИ. Ф. 714. Самарский городской комитет Коммунистической партии Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

²¹ СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 852. Л. 104.

Таким образом, материалы двух местных архивов – ЦГАСО и СОГАСПИ – содержат значительную по объему и разнообразную по содержанию информацию о месте и роли электротранспорта в одном из крупных тыловых городов в годы Великой Отечественной войны. Опираясь на документы рассмотренных фондов, можно достаточно полно изучить производственные, материально-технические, социальные и другие аспекты деятельности трамвайно-троллейбусного управления города Куйбышева в 1941–1945 гг. Так как в указанных фондах преобладает делопроизводственная и законодательная документация, то в дальнейшем информацию, главным образом официального характера, следует восполнить материалами других видов источников – периодической печати, источников личного происхождения, «устной истории».

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ОБЪЕКТИВНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

А. Г. Гусев
(МГОСГИ)

Объективность исторической науки – это сложное, уязвимое и поэтому подверженное влиянию многих факторов понятие. Отечественные ученые неоднократно затрагивали данный вопрос в исследованиях¹, пытались по-своему классифицировать факторы, которые в конечном итоге зависят от личности и убеждений историка, внешних сил, способных повлиять на него, и источников, выступающих в качестве основного «сырья» исторической науки.

Личностные (субъективные) и внешние по отношению к исследователю факторы

Первый и самый субъективный фактор – это личность, индивидуальность исследователя, его субъективность²; это его интуиция, воображение, фантазия «и многое другое, что характеризует каждого исследователя как человеческую индивидуальность»³.

Следующий фактор – избирательность исследователя. Занимаясь даже самой узкой темой, историк не может охватить всего количества относящихся к ней фактов, а отбирает лишь те, которые представляют для него наибольший интерес. Отбор этот, производимый исследователем, по определению не может быть объективным⁴.

¹ См., напр.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003; Белоусов Л. С. Может ли история быть объективной? // Может ли история быть объективной? Материалы международной научной конференции. М., 2012. С. 19–28.

² О субъективности исследователя см.: Нысанбаев А. Проблема объективности в историческом познании. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=72206> (дата обращения: 27.12.2012).

³ Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 265–269.

⁴ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 157.

Воспитание, образование, религиозность, среда, в которой историк вырос и проживает, его национальная и политическая принадлежность – безусловно, все названное влияет извне на личность историка, формирует ценности, предпочтения, научные интересы ученого, определяет его пристрастия и, как следствие, порождает субъективизм⁵. Пример подобного субъективизма – новые (постсоветские) трактовки государственной истории в республиках бывшего СССР, в которых чувство национального самосознания оказалось сильнее стремления познать истину⁶.

Еще один фактор – это давление времени, пресс современности, ведь «нельзя оценивать события прошлого, тем более далекого прошлого с позиций сегодняшнего дня»⁷. Так, Иван IV сегодня кажется нам жестоким тираном, бездушным убийцей, а в XVI в. он был типичным европейским правителем и поступки его мало отличались от деяний других монархов⁸.

Особенно сильное влияние на исследователя способно оказать государство со своей идеологией, и для нашей страны этот вопрос является особенно актуальным. К примеру, многие работы по истории Российской империи в советский период были написаны односторонне, с позиций осуждения царизма, и это отражало позицию государства. Не является исключением и развитие исторической науки в постсоветский период: в Российской Федерации, особенно в 1990-е гг., активно переписывалась история СССР, и во многом это тоже выражение государственной точки зрения.

Влияние общества на объективность истории проявляется в отношении к тем или иным историческим событиям, в «социальной памяти», обладающей некоторыми характерными чертами. Первая – это

⁵ Нысанбаев А. Указ. соч.

⁶ Публикация от 1.12.2009 г., в которой приведены данные анализа учеными МГУ 187-ми школьных учебников истории 12-ти страны бывшего Советского Союза: Акимов В. URL: <http://www.nr2.ru/moskow/259452.html> (дата обращения: 11.02.2013).

⁷ Громыко А. А. Методология истории и проблема исторической объективности // Может ли история быть объективной? ... С. 65.

⁸ К примеру, английский современный царя Генрих VIII Тюдор приговорил к казни двух своих жен (из шести), а в правление его дочери, королевы Марии Тюдор, получившей прозвище «Кровавая», в Британии пылали костры, на которых жгли протестантов.

уважение к традициям⁹, которое «замалчивает исторические перемены»; вторая – ностальгия, являющаяся процессом «избирательной амнезии»¹⁰ (взгляд на прошлое как на лучшее, отрицание возможности положительных перемен); третья черта социальной памяти – вера в прогресс¹¹, которая создает эффект мрачного прошлого, признает исключительно поступательную модель исторического развития.

Таким образом, огромное влияние на развитие исторической науки и, как следствие, на ее объективность оказывают факторы, зависящие от личности историка, его интеллектуально-психологических особенностей, профессионализма, пристрастий, а также от воздействия на него внешних сил – государственной идеологии и социальной памяти.

Источниковедческие факторы

Влияние источников на наши знания о прошлом очень велико, но полное и безусловное доверие к ним может негативно сказываться на объективности, ведь не все источники сохранились до наших дней; не все сохранившиеся источники в силу тех или иных причин доступны для исследователя; из доступных исследователю источников он отбирает только наиболее соответствующие теме либо наиболее его заинтересовавшие. Следует отметить также избирательность авторов источников: фиксировали они не все подряд, а лишь то, что казалось интересным и значительным, к тому же некоторые события в свое время не считались ключевыми и важными. Кроме того, многие документы являются недоступными для исследователей в силу законодательного ограничения, наложенного на их использование, – секретности¹².

Для полноценного изучения источника в первую очередь необходимо научиться понимать, что в нем написано, потому проблема прочтения и истолкования текстов исторических документов является очень значимой. Во-первых, необходимо прочитать текст, некоторые участки которого из-за неразборчивости почерка или в силу других причин могут быть нечитаемыми, что, безусловно, отражается на понимании всего источника в целом. Во-вторых, «любой исторический документ

⁹ Тош Д. Указ. соч. С. 22.

¹⁰ Там же. С. 25.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Некоторые документы по истории Второй мировой войны, к примеру, до сих пор являются секретными, что не позволяет исследователям составить объективное представление о некоторых фактах и событиях военного периода.

искажен структурой мышления и языка, преобладавшей в период его написания»¹³, т. е. текст, отдаленный от исследователя на несколько столетий, может быть просто неправильно понят, проанализирован в рамках современного для него мировоззрения. В-третьих, подлинный смысл источника можно уловить только в определенном контексте, только обладая обширными общими знаниями по теме, так как не всегда, прочитав текст, можно понять истинные намерения автора.

Немаловажное значение имеет степень достоверности информации, изложенной в исторических документах, ведь они не всегда содержат правдивые сведения. Во-первых, это связано с тем, что «исторические документы всегда “подтасованы” в интересах правящего класса»¹⁴. Во-вторых, с намерениями, предрассудками, убеждениями автора. Сюда же отнесем и проблему, связанную с фальсификациями, т. е. намеренным созданием подложных источников.

Кроме рассмотренных письменных исторических источников существуют и другие их виды – изобразительные, кино- и фотодокументы и т. д., и все они способны оказывать влияние на объективность исторической науки в целом.

Подводя итоги вышесказанному, обозначим выделенные нами источниковедческие факторы. Во-первых, на объективность исторической науки может повлиять использование источников как таковое; во-вторых, то, как мы читаем, истолкуем и поймем изложенную в них информацию; в-третьих, влияние может оказать подлинность источников, достоверность их содержания.

¹³ Тош Д. Указ. соч. С. 189.

¹⁴ Там же. 155.

МЕЖДУ ОБЩЕСТВОМ И ВЛАСТЬЮ: ПРОЕКТ «КРЕСТЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЫ» И СЕЛЬКОРОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1920–1930-х гг.¹

Я. Н. Даревская
(СмолГУ)

В 1920–1930 гг. происходили коренные изменения советского государства, затронувшие все сферы жизнедеятельности общества. Политика, проводившаяся под руководством коммунистической партии, была призвана объединить людей по классовому признаку на основе идеологии большевизма, приоритете коллективистских ценностей и неукоснительном следовании партийным указаниям вышестоящих органов. Формирование данных качеств у населения происходило при непосредственном влиянии СМИ, важнейшее место среди которых занимала газетная периодическая печать того времени. Здесь одной из ключевых фигур являлись участники рабселькоровского движения. Это движение стало важнейшим звеном системы советской прессы на местах.

Сельские корреспонденты работали на внештатной или формально «штатной» основе. Их деятельность рассматривалась как своеобразная форма общественной активности, участок фронта борьбы за советский строй. Селькор осознавал всю важность своей миссии, ощущая причастность к управлению государством.

Селькоровское движение стало для центральной власти нужным инструментом на местах, своеобразной формой обратной связи между этой властью и обществом. С целью усиления агитационной политики в деревне в период расцвета селькоровского движения созывались различные съезды селькоров, на места высылались письма и инструкции, в 1925 г. был создан центральный журнал «Селькор»². Перед выборами в Верховный Совет СССР каждому селькору редакцией газеты была направлена инструкция, как подготовить деревню к выборам,

¹ Текст подготовлен в рамках проекта РГНФ, № 11-01-00154а.

² Алферов В. Н. Воплощение ленинского принципа народности в партийно-советской печати. М., 1984. С. 50.

а также с просьбой информировать редакцию, знают ли крестьяне, что товарищ Сталин баллотировался по Сталинскому избирательному округу³. Письма селькоров, публиковавшиеся в печати, представляют значительный интерес для изучения массовых настроений и социальной психологии того времени, даже несмотря на то что отражали они прежде всего воззрения небольшой по численности части населения – грамотной и общественно активной.

В газету, естественно, попадали не все письма и заметки, поступавшие в редакцию. Массив корреспонденции подвергался жесткому отбору в соответствии с проводившейся на тот момент времени политической линией. Заметки селькоров в конце 1920-х гг. тщательно отслеживались прокуратурой, так как каждый опубликованный материал составлял основу для прокурорского реагирования и впоследствии мог лечь в основу уголовного дела. Заклейменные селькором попадали под негласный контроль и позднее в период массовых политических репрессий 1930-х гг. составляли группу потенциально преследуемых.

Кто составлял своего рода агентуру на селе и каково социальное происхождение сельских корреспондентов? В подавляющем большинстве это бедняки, которые на волне одобрения и поддержки советской власти получили возможность выбраться из своего бедственного положения. Селькоры воспринимались как передовые люди деревни, борцы за ее «социалистическое преобразование». Но зачастую к селькоровскому движению примыкали не только из-за общественных интересов, но и ради личной выгоды. В некоторых случаях стать селькором – был единственный способ получить высшее образование (а соответственно и «выбиться в люди»). Селькоровское движение было одним из социальных лифтов, определяя возможности социальной мобильности. В некоторых регионах по особым квотам молодые корреспонденты направлялись на учебу в город⁴. Нередко селькоровские письма служили для сведения личных счетов, доноительства, чрезмерного раздувания образа «классового врага».

Были случаи, когда заметки писались с целью получения бесплатной подписки на газету на правах селькора. В редакцию поступали письма о том, что ранее высланные экземпляры не поступили, и просьбы выслать газеты повторно. «Редакция хоть селькором когда хочешь и не зачисляй, но начини высылать газету», – писали в редак-

³ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 134.

⁴ Селькор. 1926. № 4. С. 22.

цию «Крестьянской газеты»⁵. Нередкими были случаи, когда для того, чтобы особо выделиться своим усердием, селькор направлял в редакцию множество заметок, часть из которых собственно ему не принадлежала: «Тов. Рунцов! За последнее время мы получили от вас много писем по разным вопросам. Просматривая районную газету “Крепи колхоз” мы обнаружили, что многие ваши письма заимствованы или просто списаны с опубликованных заметок в районной газете», – отвечает инструктор отдела селькоров и писем «Крестьянской газеты» предприимчивому корреспонденту⁶.

Деятельность сельских корреспондентов проходила в довольно сложных условиях – в заметках неоднократно встречаются упоминания о враждебно настроенных односельчанах, частых угрозах расправы, иногда и покушениях. Широкий резонанс получали случаи убийств селькоров. Многие были вынуждены скрывать свои имена и использовали псевдонимы. Страницы газет 1920-х гг. демонстрируют: почти все статьи и заметки подписаны либо просто инициалами, либо псевдонимами. Естественно, что на селе к изболочающему иной раз своего соседа, а иногда и руководящее звено крестьянину не относились с теплотой. Поэтому и приходилось скрываться под звучными подписями: Разоблачитель, Прохожий и т. д.

Селькоровское движение и институт сельских корреспондентов активно изучаются в постсоветской России⁷. При этом важна дальнейшая детализация проблематики исследований. Так, анализ публикаций эпохи Большого террора показал, что селькоровское движение принимало активное участие в разоблачительно-проработочных кампаниях середины 1930-х гг. Характерный пример приводит О. В. Хлевнюк: молодой селькор в 1935 г. разоблачает группу расхитителей, в числе которых был и его отец. Семья (мать и две малолетние сестры) остались без кормильца, соседи стали презирать молодого человека. Корреспондент, в свою очередь, обратился в газету, о нем написали большой материал, разъяснив, что селькор выполнил свой комсомольский долг⁸.

⁵ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 598. Л. 27–27.

⁶ Там же. Оп. 10. Д. 134.

⁷ Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / сост. С. С. Крюков. М., 2001; Письма смоленских крестьян в редакцию «Крестьянской газеты»: Материалы по социальной истории провинции середины 1920-х годов / сост. М. В. Каиль, О. В. Кобец; под ред. Е. В. Кодина. Смоленск, 2011.

⁸ Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 71.

Таким образом, политическая обстановка в стране накладывала свой отпечаток на работу такого далекого, казалось бы, от политики селькоровского звена. Можно сказать, что в 1930-е гг. сельские корреспонденты выполняли, своего рода, подсобную работу для прокуратуры. А если селькор в чем-то сомневался, то всегда мог обратиться в свою газету, где уважаемая редакция подскажет правильный путь.

ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА РОССИИ РАННИМИ АНГЛИЙСКИМИ ПРОСВЕТИТЕЛЯМИ

*К. С. Десятков, к.и.н.
(НовГУ)*

Восприятие России западным миром на протяжении последних трех столетий остается, с одной стороны, чрезвычайно актуальной и животрепещущей темой, с другой – очень сложной и методологически разнообразной. Связано это с различными причинами и прежде всего с кризисом европейского самосознания и процессом европеизации мира в целом, когда Европа после территориальной экспансии XVI века, дойдя до индустриализации новейшего времени парадоксальным образом, постепенно утрачивает господствующие позиции и лицом к лицу сталкивается с окрепшими соперниками и партнерами, осознав невозможность дальнейшего нерелефторного развития. И проблематика «другого» в данном контексте приобретает совершенно особый смысл, а именно как формирование и конструирование через негативный/позитивный образ «восточного» соседа целого ряда европейских коллективных идентичностей: региональных, национальных и общеевропейских. В то же время просветительская модель взаимодействия с «другим» состояла в том, чтобы через взаимоотношения в определенной сфере (например, торговля, наука и т. п.) включить чужие культурные ареалы в свой культурный кругозор, адаптировать «чужое» к «своему». Поэтому роль раннего английского Просвещения в случаях межкультурного проектирования XVIII столетия и создания многоуровневой модели обращения к «другому» очень важна и неоднозначна.

Что касается методологических позиций исследования данной проблематики, то автор исходил в основном из концепций этнической группы норвежского антрополога Ф. Барта («Этнические группы и социальные границы») и работ его соотечественника постструктуралиста-международника И. Нойманна («Использование “другого”: образы Востока в формировании европейских идентичностей»). Наряду с теорией «смены ракурсов» немецкого историка Дитера Гро и концепцией «взаимодействия культур» Б. Вальденфельса, оказавших серьезную помощь при анализе «чужих» культурных ареалов.

Подобную проблематику затрагивали в своих работах палестинско-американский литературовед Эдвард Саид («Ориентализм») и американский историк Ларри Вульф («Изобретая Восточную Европу»), которые показали значение Востока как «Другого» для становления понятия Европы в эпоху Просвещения. Фактически европейское самоопределение формировалось на основе восприятия Европы в качестве центра цивилизации и прогресса в противоположность восточной, азиатской отсталости. При этом Восток не обязательно ассоциируется только с нехристианскими культурами. Для западноевропейского дискурса идея «Восточной Европы» – этого «не вполне европейского» пространства, которое выступает объектом цивилизаторских усилий носителей европейской идеи, – едва ли не более важна и актуальна. Именно Просвещение, чьи интеллектуальные центры располагались как раз в Западной Европе, поддерживало, а затем монополизировало изобретенный в XVIII веке неологизм, понятие «цивизованности»; а затем на том же самом континенте в сумеречном краю отсталости, даже варварства, цивилизованность обнаружила своего полудвойника, полупротивоположность.

В то же время в спекуляциях просветителей «открывшаяся миру», точнее, представшая ему в качестве некоей *tabularasa*, Россия начинает играть важную роль как модель, как воображаемое место, на которое проецируются возможные (а по сути утопические) способы решения специфических европейских проблем, как объект отвлеченных историко-философских умозрений. И происходит это гораздо раньше попыток Вольтера и Руссо сконструировать новый образ Европы в раннем немецком (Лейбниц и Вебер) и английском Просвещении (Дефо, Свифт, Стиль и др.).

Обычно различные концептуализации России сводились в общей европейской мысли на протяжении нескольких веков к двум ведущим идеологемам: многозначный образ «варвара у ворот» и образ вечного подмастерья, который постоянно учится у Европы, постоянно учится быть европейцем и постоянно оказывается в ситуации недоучившегося. Не случайно положительный образ России в глазах многих британских просветителей XVIII века связывался с реформами Петра I, которые с воодушевлением были восприняты в Европе. Разумеется, в значительной мере это было вызвано масштабом петровских преобразований, однако резонанс, вызванный на Западе политикой Петра, в первую очередь объяснялся все же ментальным состоянием самого западно-европейского общества: в этот исторический период Европа активно расширяла свои контакты с новыми для нее культурными

мирами, и как раз то обстоятельство, что русский царь брал за образец европейские институты, а не Европа равнялась на Россию, чрезвычайно возвышало европейцев в собственных глазах.

В целом положительный образ России и ее правителя в основном создавали некоторые английские журналисты и публицисты того времени, особенно Ричард Стиль и Джозеф Аддисон на страницах сатирико-нравоучительных журналов «Болтун», «Зритель» и др. Причем происходило это, главным образом, с использованием идеологии «вечного подмастерья» с использованием элементов фантазии и вымысла в воображаемых путешествиях в землях «восточного соседа». И, напротив, негативный образ России, конструировали известные британские писатели-просветители Джонатан Свифт и Даниель Дефо в своих знаменитых памфлетах и статьях. Конечно, следует учитывать, что во многом они работали по заказу (своих партий или даже правительства), но при этом активно используя идеологему «варвара у ворот», различные типы оценочных стереотипов и порой намеренное искажение информации. Предположительно первый из них совершал это вполне искренне и осознанно, но в отношении второго закрадываются большие сомнения. Дело в том, что Даниель Дефо не раз заключался в тюрьму как за свои памфлеты, так и за неуплату долгов. И после того как его несколько раз выкупал оттуда (в 1704 и 1713 гг.) спикер палаты общин и будущий глава торийского правительства Роберт Харли, талантливый писатель был вынужден выполнять функции главы секретной службы при министре-тори. И на этой «службе» Дефо проработал около десяти лет. Помимо всего прочего в его обязанности входило «продвижение в печать» взглядов правительства вне зависимости от того, каковы будут состав кабинета министров и его политическая ориентация. Зная о данной «повинности» литератора, совершенно другими глазами можно рассматривать его дискуссию с Р. Стилем о «героических» сторонах личности Петра I и оскорбительные выпады против царя в статье, посвященной событиям в Померании 1712–1713 гг. Между тем Д. Дефо в 1723 г. анонимно выпускает в свет «Беспристрастную историю жизни и деяний Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии», в которой акценты чудесным образом изменены и царь предстает истинным отцом своих подданных, правителем, проводящим преобразования «без значительных завоеваний территорий других государей, но с помощью улучшения экономики, привычек, обычаев и торговли собственного народа».

Что касается источников информации о России, которые использовали английские просветители и публицисты, то здесь сказывались

самые разные факторы: специфика профессии, доступ к секретной информации, дружеские контакты в дипломатической сфере, наконец, цели, которые преследовал автор. Основными источниками долгое время оставались описания и рассказы дипломатов и путешественников и карты, на основании которых просветители затем конструировали образы Восточной Европы и России в качестве ее значительной составной части, столь необходимые для формирования идеи европейской цивилизации (работа голландца И. Крелля «Нынешнее состояние Московской империи к 1699 году» (1700), книга К. де Бруина «Путешествие через Московию в Персию и Индию...» (1711), труд английского инженера, капитана Дж. Перри «Состояние России при нынешнем царе» (1716) и другие). Карты России использовались при этом тоже голландские, например, путешественника И. Идеса, который составил их во время путешествия из России в Китай по заданию московского правительства, или карты того же Д. Перри. Из «секретных» работ следует отметить сочинение британского посланника в Москве Ч. Уитворта «О России, какой она была в 1710 году» (впервые издана в 1758 г.). Сбор достоверной систематической информации о северо-восточном соседе стал возможен во многом благодаря организации постоянного дипломатического представительства Англии в Москве.

Итак, в первой четверти XVIII столетия Англия, преодолевая последствия социальных и культурных «вызовов» эпохи, как и другие страны Европы, все еще находилась в творческом поиске своей национальной и культурной идентичности. Однако происходило это на разных уровнях: с одной стороны, она почти идеально восприняла модель «западной» идентичности, став со временем образцом для подражания во многих европейских странах и уже в век Просвещения, заложив основы будущей Британской империи. С другой – английская культура и общество не забывала ощущать себя даже не региональной британской (учитывая Шотландию и Уэльс), а именно английской нацией. Поэтому не случайно процесс формирования коллективных идентичностей продолжался на всех трех уровнях: национальном, региональном и общеевропейском. И именно раннее английское Просвещение сыграло здесь ведущую роль на всех уровнях, используя образы и идеологемы конституирующего восточного «другого» для конструирования положительного образа как самой страны, так и Запада в целом. Так, Россия в качестве значимого «восточного другого» предстает перед нами как конструируемый интеллектуальный объект. Англичане самых разных социальных слоев и страт вступают в него,

воображают его, к нему обращаются и возвращаются снова и снова, его наносят на карту и заселяют. Но при этом в источниках проглядывает и собственно действующий субъект – европейские путешественники и «необходимые иноземцы» на русской службе, а также философы и писатели раннего английского Просвещения.

Н. В. УСТЮГОВ КАК ИСТОРИК КОЛОНИЗАЦИИ УРАЛА

Е. П. Емельянов

(Институт истории и археологии УрО РАН)

В отличие от современной исторической науки, в центре внимания которой находятся психологические и лингвистические феномены, историческая наука первой половины XX столетия была сосредоточена на изучении проблем социальных и экономических. В отечественной исторической науке социально-экономическая история занимала особенно значимое положение, что было связано с утверждением в 1920-е гг. в качестве единственной разрешенной методологии гуманитарных наук марксизма, провозглашавшего экономический базис главным фактором развития общества.

Высокий уровень дореволюционных исследований по данной проблематике и большое значение социально-экономических вопросов в марксистском учении привели к появлению целого ряда выдающихся трудов по социально-экономической истории России XV–XVIII веков. Одно из первых мест среди отечественных историков, посвятивших свое творчество данным проблемам, занимал профессор Московского государственного историко-архивного института Николай Владимирович Устюгов (1896/97–1963), автор концепции раннего генезиса капитализма в России. В последние годы жизни он приступил к написанию монографии о заселении русскими крестьянами южного Зауралья и перестройке их хозяйства под влиянием местных природных условий¹. Эта работа осталась незавершенной, но основные результаты данного исследования были изложены Устюговым в докладах на ряде научных конференций.

В 1958 г. в Таллине состоялся первый симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, где Устюгов выступил с пленарным докладом «Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в.», в котором кратко обрисовал основные сюжеты

¹ Преображенский А. А. Творческий путь Николая Владимировича Устюгова // Города феодальной России. М., 1966. С. 13.

планируемого исследования². В своем выступлении Устюгов выявил направление и хронологию русской колонизации данного края. Анализируя вышеназванные аспекты русского освоения Зауралья, он показал взаимосвязь крестьянской и правительственной колонизации края, проявлявшуюся в потребности крестьян в правительственных войсках, которые могли обеспечить защиту их поселений от кочевников³. Кратко обрисовав основные этапы русского продвижения в Зауралье, начавшегося в 1670-е гг., Устюгов рассмотрел результаты, которых достигла русская колонизация края к 1790-м гг.

На основе материалов пятой ревизии он показал, что русские составляли четыре пятых населения края. В социальном плане население было в основном крестьянским: 62,3 % жителей принадлежало к крестьянам, подавляющее большинство которых являлось государственными⁴. Устюгов показал в своей статье постепенную перестройку хозяйства русских крестьян под влиянием климатических условий края: заморозки и засухи вынудили их отказаться от традиции использования в качестве основной продовольственной культуры озимой ржи в пользу яровой пшеницы, приносившей на данных территориях заметно больший урожай.

Продолжая свои исследования по данной тематике, Устюгов в 1960 г. выступил с докладом «Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в.» на конференции по истории Сибири и Дальнего Востока в Иркутске. В данном выступлении он ясно выдвинул тезис о взаимосвязи вольной и правительственной колонизации. Устюгов утверждал: «Правительственная и вольная колонизация – два параллельных процесса, взаимно обусловленных, тесно друг с другом связанных, немыслимых один без другого»⁵. Следует отметить, что описание взаимодействия правительственной и вольной колонизации встречалось в советской историографии и раньше, однако вывод об их

² *Комиссаренко А. И.* Николай Владимирович Устюгов – участник сессий симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. 1958–1963 гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2009. Кн. 1. С. 31.

³ *Устюгов Н. В.* Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1959. С. 34–36.

⁴ *Устюгов Н. В.* Из истории... С. 38.

⁵ *Устюгов Н. В.* Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 67.

взаимной обусловленности был сформулирован именно Устюговым⁶. Он писал, что в освоении Южного Зауралья особенно отчетливо проявилась связь двух направлений русской колонизации, и утверждал, что условием успешного развития сельского хозяйства русских переселенцев в Зауралье являлась надежная оборона границ со степью⁷.

Если в предыдущей статье он показывал потребность крестьян в правительственной защите, то в данной работе он продемонстрировал зависимость правительственных гарнизонов от поставок крестьянами продовольствия. Устюгов показал, как правительство в течение XVIII в. искало наиболее выгодную форму крестьянских повинностей, позволяющую максимально эффективно обеспечить продовольственные поставки для крепостей: в начале столетия крестьяне Южного Зауралья обрабатывали «государственную десятинную пашню», замененную в 1743 г. натуральным хлебным оброком, который, в свою очередь, в 1783 г. был переведен в денежную форму.

Занимаясь исследованиями по истории крестьянства Зауралья, Устюгов не оставлял изучение прошлого Прикамья, на материалах которого была написана его докторская диссертация. В 1962 г. он опубликовал в сборнике, посвященном семидесятилетию профессора В. К. Яцунского, статью «Крестьянская колонизация южной части Соликамского уезда во второй половине XVII в.». В ней Устюгов рассматривал освоение русскими переселенцами земель, лежащих вдоль трех притоков Камы: Обвы, Инвы и Косьвы, вошедших в 1643–1644 гг. в Соликамский уезд. Основываясь на данных переписных книг, он показал, что за период с 1646 по 1679 г. население Обвенского, Инвенского и Косьвенского поречий выросло почти в три раза, что во многом было связано с приходом на эти территории переселенцев из других областей страны. В данной работе Устюгов подтвердил выводы своего ученика А. А. Преображенского, утверждавшего, что большую часть переселенцев в Прикамье составляли жители Поморья⁸. При этом Устюгов подчеркнул, что большая часть новоприбывших обладала возможностью нести нормальное крестьянское тягло⁹. Вместе с

⁶ *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 293–307.

⁷ *Устюгов Н. В.* Основные черты... С. 74.

⁸ *Преображенский А. А.* Очерки истории колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М., 1956. С. 60, 87.

⁹ *Устюгов Н. В.* Крестьянская колонизация южной части Соликамского уезда во второй половине XVII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. Сборник V. С. 85–88.

этим он отмечал, что 41 % пришлых людей по данным 1678–1679 гг. не имели собственных дворов и жили на положении подворников, половников и наймитов.

Большая часть переселенцев разместилась в Обвенском поречье, являвшемся наиболее плодородным из всех земель, рассматриваемых в статье, и где по данным 1678–1679 гг. проживало 84,5 % переселенцев. Там же находился и наибольший процент переселенцев, являвшихся половниками и арендовавших земли либо разбогатевших местных крестьян, либо соликамских посадских людей, приобретших владения в поречьях. Устюгов отмечал, что некоторые посадские хозяйства имели ярко выраженный предпринимательский характер, и приводил в качестве примера находившееся в Обвенском поречье хозяйство Ивана Сычева, на которого трудились 14 половников¹⁰.

Статьи Устюгова по истории колонизации Урала отличаются свободой от идеологической догматики (в частности в них не встречается ссылок на труды классиков марксизма-ленинизма). Отдавая предпочтение фактам перед идеологией, Устюгов показал взаимосвязь правительственной и крестьянской колонизации Южного Зауралья и указал на то, что большую часть переселенцев в Прикамье составляли отнюдь не бедняки, а владельцы полноценных крестьянских хозяйств. Эти выводы Устюгова были развиты в работах последующих поколений отечественных историков.

¹⁰ Устюгов Н. В. Крестьянская колонизация... С. 93–94.

МЕМУАРЫ ОБ ОБУЧЕНИИ КУПЕЧЕСКИХ ДЕТЕЙ В РОССИИ В XVIII в.

А. В. Емельянова

(УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Большое значение для изучения истории домашнего образования в России XVIII в. имеют источники личного происхождения, в частности мемуары. Большинство мемуаров было написано дворянами, но есть и работы представителей купеческого сословия. В четырех мемуарах (П. И. Рычкова, Ф. В. Каржавина, И. А. Толченова, Д. Е. Смышляева) затрагивается история домашнего обучения купеческих детей. Воспоминания воспроизводят типичную картину обучения в купеческих семьях этого периода, отражают многие ценные факты, отсутствующие в других видах документов.

Российский чиновник, географ и краевед Петр Иванович Рычков родился в 1712 г. в Вологде. Его отец Иван Иванович занимался торговым промыслом – сплавом хлеба по рекам Сухоне и Северной Двине к Архангельску для отпуска его за границу. Мать Капитолина Ивановна была дочерью вологодского купца Свешникова.

Из «Записок» П. И. Рычкова мы узнаем о том, что автор «...около 8 лет, читать и писать по-русски умел уже нарочито»¹. После переезда в Москву в 1720 г. отец отдал Петра обучаться голландскому языку: «потому что великую склонность имел к коммерции и к сей нации»², а также началам арифметики. Дальнейшее обучение бухгалтерской науке и внешней коммерции Рычков продолжил под руководством друга его отца, директора полотняных фабрик Ивана Павловича Тамеса: «Он меня как сына любил и в своей конторе не только языков и бухгалтерству учил, но и при всех своих рассуждениях и представлениях к размножению мануфактур и к пользе Российской коммерции чиненных всегда употреблял...»³ На этом образование П. И. Рычкова закончилось.

¹ Рычков П. И. Записки // Русский архив. 1905. Кн. 3. № 11. С. 298.

² Там же.

³ Рычков П. И. Записки // Русский архив. 1905. Кн. 3. № 11. С. 299.

Путешественник и литератор, надворный советник Федор Васильевич Каржавин родился в 1745 г. в Петербурге в старообрядческой семье ямщиков. Отец его Василий Каржавин, купец I гильдии, мечтал сделать сына образованным человеком и его обучением занимался сам: «...начал учить меня сам на 6-м году российской и латинской грамоте, также географии и вродил во мне охоту к наукам»⁴. Примечательно, что отец Каржавина, обучавшийся в первой половине XVIII в., кроме грамоты знал и другие науки: латинский язык и географию. В 1752 г. В. Каржавин отправился с 7-летним сыном через Пруссию в Данциг, оттуда в Лондон, а затем в Париж. В Париже Федор был отдан «на попечение дяди Ерофея Каржавина, который жил во Франции более 10 лет» и учился в Сорбонне⁵. Ф. В. Каржавин учился в Париже в колледже Лизье при Парижском университете, а после его окончания стал студентом Коллегии иностранных дел при Парижской русской миссии. После отъезда дяди из Парижа он жил на содержании у книгопродавца-издателя Ж. Т. Гериссана, который получал ежемесячно от отца Каржавина 1000 франков. В 1761 г. Гериссан отдал Федора в пансион профессора греческого языка Жана Вовилье. Каржавин также посещал лекции в Сорбонне, где изучал французский, итальянский, греческий и латинский языки.

Еще один уникальный памятник купеческой мемуаристики конца XVIII в. — «Журнал или записки жизни и приключений купца Толченова Ивана Алексеевича». Автор «Журнала» родился в 1754 г. в семье дмитровского купца Алексея Ильича, который занимался хлебной торговлей и был одним из самых богатых горожан. Он скупал зерно и муку в Среднем Поволжье и водным путем отвозил в Петербург.

И. А. Толченова начали обучать грамоте в пятилетнем возрасте: «Учился дома без надзирания настоящего учителя и почти самоучкою, однако менее нежели в год начал читать всякую печать свободно и потом учился писать... учился еще арифметике до тройных правил под присмотром родителя своего»⁶. В 1768 г. 14-летний автор «Журнала» обучался географии у наставника Санкт-Петербургской семинарии иеромонаха Вениамина.

С раннего возраста отец приобщает сына к делу: в возрасте 14 лет Алексей сопровождал хлебный караван в Петербург, а через год уча-

⁴ Каржавин Ф. В. Записка Ф. В. Каржавина о своей жизни (1788) // Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 238.

⁵ Там же. С. 278.

⁶ Толченов И. А. Журнал или записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова. М., 1974. С. 29–30.

ствовал в закупке зерна в Орле. С 18 лет И. А. Толченев выполнял самостоятельные операции: в зимние месяцы отправлялся в дальний путь для закупки пшеницы, ржи и муки, весной хлопотал об отправке каравана в Рыбной слободе и Вышнем Волочке, летом руководил реализацией товара.

Особо нужно отметить среди мемуаров XVIII в. автобиографию пермского купца Д. Е. Смышляева. Он родился в 1790 г. в Соликамске в семье Емельяна Меркурьевича, купца 3-й гильдии, владельца кожевенного и мыловаренного заводов. В 1795 г. в возрасте пяти лет Дмитрий был отдан «в выучку семидесятилетней деве, пономарской дочери Александре Ивановне»⁷. У нее мальчик учился грамоте полгода. В 7 лет его записали в малое народное училище уездного города Соликамска. Автор дает яркую характеристику своему учителю, описывает его личные качества, образование, финансовое положение: «Учитель у нас был один (из духовных, перешедший в светские), Дмитрий Петрович Попов, кончивший курс учения в Вятской семинарии – человек усердный и строгий».

В программу обучения в Соликамском народном училище входили такие предметы, как чтение, письмо и арифметика. Автор записок подробно описал то, что лучше всего запечатлела его детская память, а именно систему наказания: «У учителя нашего была медная указка, коею он бил ослушников и лентяев по головам... как хватит по голове, то искры посыплются, и голову в кровь раскроит. Столь же часто ставил нас на горюх, на колени, на несколько часов. Был у нас один ученик, с которым не мог учитель наш справиться: и глуп, и туп и дерзок. Надо его было выгнать из училища, то его высекли нещадно, поставили у ворот, надевши на него рогожу изорванную, и трое суток должны были товарищи, проходя мимо него плевать и харкать»⁸. Это свидетельство ученика показывает, что и среди учителей казенных школ были люди, не отличавшиеся высокой нравственностью. В 1798 г., когда умер отец Смышляева, он был вынужден уйти из школы и наняться в услужение к купцу Ивану Братчикову.

Интересны сведения, касающиеся дальнейшего обучения Д. Е. Смышляева в Пермском главном народном училище, куда он был устроен в 1799 г. родственником Я. Любимовым. Смышляев жил на квартире у старшего учителя, коллежского советника Никиты Савича

⁷ *Смышляев Д. Е.* Записка, найденная в бумагах покойного купца Смышляева // Пермский сборник. М., 1860. С. XXIII.

⁸ Там же. С. XXIII.

Попова на его содержании. Автор «Записок» подчеркивает скупость и нечеловеческую жестокость этого учителя: «...я воспитан был не как пансионер, а как слуга, не имея порядочного стола, а с работником и с работницею»⁹. На Пасху он случайно разбил поднос с посудой, за что был жестоко наказан: «Учитель мой, схватя (меня) за волосы, бил и пинками столько, сколько его силы стало – окровавил меня и проломил мне голову, не принимая никаких оправданий»¹⁰. Поскольку в домашней обстановке учитель проявил столь большую меру жестокости, ясно, что и в школе он не брезговал физическими наказаниями учеников. На этом обучение закончилось, в 12 лет муж сестры забрал мальчика с собой торговать на Макарьевскую ярмарку, «обещая отдать в Москву, для обучения торговым делам»¹¹.

Мемуары позволяют узнать о содержании и условиях обучения детей в купеческих семьях. В программу обучения входили предметы, необходимые для занятия торговлей, такие как арифметика и география. Представители крупного купечества, занимавшиеся торговлей с зарубежными странами, обучали детей иностранным языкам. В конце XVIII в. после Училищной реформы Екатерины II некоторые купцы, не имевшие возможности дать детям хорошее домашнее образование, отдавали их в казенные училища, уровень преподавания в которых был низким.

⁹ *Смышляев Д. Е.* Записка, найденная в бумагах покойного купца Смышляева // Пермский сборник. М., 1860. С. XXIX.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Смышляев Д. Е.* Записка, найденная в бумагах покойного купца Смышляева // Пермский сборник. М., 1860. С. XXX.

СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В XVIII–XIX вв.

М. В. Еремин
(СВГУ)

Актуальность изучения административных преобразований объясняется научными и практическими задачами. Ведомственность, эффективность управления, разграничение и координация полномочий центральных и местных органов управления – это проблемы, созвучные современным. Преобразования XIX в. ставили своей целью поиск оптимизации регионального управления, обеспечивавшего благоприятные условия экономического и политического развития, защиту национальных интересов и границ. Целью административной политики самодержавия было не только создание эффективного управленческого механизма, но и поиск оптимального соотношения полномочий между центральными ведомствами и местной администрацией¹. Историк А. В. Ремнев считает, что к концу XIX в. в правительстве формируется взгляд на северо-восточные окраины России как на самостоятельный регион, для которого должна быть разработана соответствующая система управления².

В 1775 г. правительство Екатерины II приняло «Учреждения для управления губерний Российской империи». В Сибири и на Дальнем Востоке это положение вводилось дополнительными актами с 1779 по 1784 г. Наиболее крупными территориально-административными единицами стали наместничества: в Сибири – Тобольское, Иркутское и Колыванское. В Тобольске, Колывани и Иркутске были учреждены губернские правления под руководством губернаторов – исполнителей предписаний наместника (генерал-губернатора). Правления координировали действия вновь созданных отраслевых губернских учреждений: казенной палаты, казначейства, палаты уголовного и

¹ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. С. 129–130.

² Там же. С. 130.

гражданского суда, верховного и нижнего надворных судов, губернского прокурора, магистрата, военной команды. Наместничества делились на области, в аппарат управления которых входили верхняя расправа, совестный суд, казначейство, военная команда и магистрат. На Дальнем Востоке были образованы области: Нерчинская, Якутская и Охотская, делившиеся на уезды. Управление на местах осуществляли уездные и городские учреждения. В каждом уезде имелись нижние земские суд и расправа, казначейство, землемер, стряпчий, доктор, воинская команда. В городах были введены должности городничих и в 1782 г. – полицейские управы благочиния³.

В 1796–1798 гг. наместничества были ликвидированы, и Сибирь поделена на Тобольскую и Иркутскую губернии. Отдаленность Сибири и Дальнего Востока от центра, обширность территорий, слабая заселенность и освоенность, этническая и социальная разнородность обитателей и т. п. затрудняли управление. В правящих кругах в начале XIX в. основополагающей стала идея об отступлении на окраинах от общегосударственной административно-политической структуры. В отличие от остальной России, где в 1797 г. для централизации власти должность генерал-губернатора упразднили, в Сибири и на Дальнем Востоке ее в 1803 г. восстановили. В Томской и Иркутской губерниях вместо правлений стали функционировать губернские правительства с двумя экспедициями: исполнительной и казенной. В Охотске кроме гражданского создавалось портовое управление. В 1803 г. была образована Камчатская область⁴.

Причиной реформы стали злоупотребления сибирской администрации. 22 марта 1819 г. Александр I освободил от должности генерал-губернатора Сибири И. Б. Пестеля и назначил на его место М. М. Сперанского. В результате ревизии, проведенной Сперанским, было выявлено около 700 чиновников, замешанных в злоупотреблениях, и проведена реформа управления. В январе 1822 г. Сибирь была разделена на Западно- и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства. В состав последнего вошли Иркутская и Енисейская губернии, Якутская область, а также Охотское и Камчатское управление (Камчатская область упразднена). В июле 1822 г. Александр I утвердил «Учрежде-

³ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. С. 131.

⁴ Системы управления охото-камчатским краем (середина XIX – начало XX в.) // *Салогуб Я. Л.* Административная политика царизма и реорганизация системы управления охото-камчатским краем (право и политика). 2005. № 5.

ние для управления Сибирских губерний» с приложениями-уставами: об управлении инородцами, об этапах, о сухопутных сообщениях, о городских казаках, о земских повинностях⁵.

В каждой губернии администрацию возглавлял губернатор, при котором имелся совещательный совет. В аппарат управления входили губернское правление, казенная палата и губернский суд. Губернии подразделялись на округа, во главе которых были поставлены окружные начальники, управляющие с помощью окружного совета. Важное место в системе управления округом занимали окружная полиция и земский суд, возглавлял которые земский исправник. Личный состав этих учреждений назначался. В городах полицией заведовал городничий, а управление хозяйством осуществлялось сословной думой, состоявшей из городского головы и двух-трех заседателей. Небольшие города, каких на Дальнем Востоке было большинство, управлялись городничим и выборным старостой.

Устав «Об управлении инородцев» имел разделы: «Права инородцев», «Состав управления инородцев», «Наказ управления инородцев», «О порядке сборов податей и повинностей с инородцев» и состоял из 372 параграфов. Он законодательно закреплял политику государства по отношению к малым народам Сибири и Дальнего Востока. Устав разделил нерусские народы на три категории: бродячих, кочевых и оседлых. Для охотничьих оленеводческих народов Крайнего Севера (бродячих) сохранялась сложившаяся ранее система взаимоотношений администрации с местной родоплеменной верхушкой «князьцами» и «старостами». Управление кочевыми народами (бурятами, якутами, эвенками и др.) осуществляли родовое управление, инородная управа и степная дума. «Кочевые инородцы» были приравнены к крестьянскому сословию, земельные угодья закреплены за ними. Сохранялось и право решать дела по родовым традициям.

В то же время они освобождались от рекрутской повинности, и вводилось подушное обложение. Инородная управа объединяла несколько улусов или стойбищ и осуществляла полицейские, хозяйственно-финансовые и судебные функции: выполняла предписания начальства, разбирала мелкие судебные дела, исполняла судебные приговоры, проводила раскладку ясака и других налогов, сбор недоимок и т. д. Управу возглавляли голова и несколько заседателей, избираемых на три года. Устав 1822 г. имел положительное значение:

⁵ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. С. 131.

упорядочено управление делами аборигенного населения и определено его правовое положение.

В 1849 г. из-за переноса основного тихоокеанского порта из Охотска в Петропавловск Охотское управление было упразднено, а Охотский округ был подчинен Якутской области. Камчатское приморское управление получило статус самостоятельной области по Положению, утвержденному 10 января 1851 г. В Камчатскую область входили Петропавловский, Анадырский, Охотский, Гижигинский, Командорский уезды⁶.

Восточно-сибирский генерал-губернатор подчинялся министерству внутренних дел и назначался царем. Во главе областей стояли губернаторы. Уезды возглавляли назначаемые губернаторами уездные начальники. На местах государственную власть представляли и осуществляли исправники, полицмейстеры, становые, урядники и др. Реформы 1860–1870-х гг. слабо коснулись дальневосточной окраины: «Городовое положение» и судебная реформа стали осуществляться лишь в 1890-е гг., а земства так и не введены до 1917 г. Только в середине 1890-х гг. были отменены телесные наказания.

Большая часть администрации при сложных условиях жизни, низких окладах, слабых перспективах карьерного роста комплектовалась из энтузиастов, много сделавших для развития региона и улучшения положения аборигенного населения и россиян. Однако были случаи, впрочем, редкие, злоупотреблений. На Северо-востоке при полном отсутствии органов самоуправления отсутствовала возможность общественного контроля и взаимодействия общества и администрации.

⁶ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – февраль 1917 г.) М.: Наука, 1990. С. 131–132.

КОНЦЕССИОНИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

*О. В. Ерохина, д.и.н.
(Урюпинский филиал Волгоградского
государственного университета)*

Актуальность темы обусловлена современным состоянием экономики России, в которой преобладающую роль играло и продолжает играть сельское хозяйство. В связи с этим правительством была разработана государственная программа по развитию сельского хозяйства на 2013–2020 гг. Приоритетным направлением государственной аграрной политики определено повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции на внутреннем и внешнем рынках. Основой для этого является повышение финансовой эффективности и модернизация производства, ускоренное развитие приоритетных отраслей, сохранение и воспроизведение сельскохозяйственных ресурсов. Кроме того, предполагается привлечение иностранных инвестиций.

Необходимо отметить, что вопрос о привлечении иностранных капиталов и иностранного предпринимательского опыта в русское сельскохозяйственное производство поднимался еще до Первой мировой войны. Российская империя была мировым поставщиком зерновой продукции – около 40,6 % всех зерновых, 75 % льняного волокна и огромного количества других сельхозпродуктов¹. В целом сельскохозяйственная продукция составляла 75–76 % всего русского экспорта².

Глубоким потрясением для России стала Октябрьская революция 1917 г. и последовавшие за ней годы Гражданской войны и политики «военного коммунизма». В результате крестьянство становится не за-

¹ Загоруйко М. М. Булатов В. В. Наркомземовские концессии: сельское хозяйство и водные промыслы. Волгоград, 2010. С. 18.

² Кацеленбаум З. С. Сельскохозяйственный кредит в России // Социалистическое хозяйство. 1923. № 6–8. С. 117.

интересованным в собственном труде, а удельный вес нашей страны в системе мирового сельского хозяйства резко сократился.

В резолюции XII партийного съезда было заявлено: «Сельское хозяйство, несмотря на то что оно все еще находится у нас на низком техническом уровне, имеет первенствующее значение для всей экономики Советской России»³. Советское правительство было поставлено перед необходимостью принятия антикризисных мер. Одной из них была концессионная политика, направленная на стимулирование развития отрасли, создание и модернизацию предприятий по выпуску сельскохозяйственных машин и оборудования, способная вовлечь в сельскохозяйственный оборот неиспользуемые и малонаселенные земли.

Осуществление вышеназванных мероприятий требовало колоссальных инвестиций. Например, мелиорация засушливых и заболоченных земель площадью 28 млн дес. и ввод их в сельхозоборот оценивались М. И. Лацисом в 2,1 млрд руб. золотом⁴.

На территории РСФСР в период с 1922 г. по середину 1930-х гг. действовало 4 концессии: «Маныч» («Маныч-Крупп»), «Друзаг», «Прикумское Русско-американское товарищество», «Друаг». Все концессии располагались на юге и юго-востоке европейской части России. Необходимо отметить, что условия заключения договоров и деятельность концессий имели свои особенности.

Первый концессионный договор был заключен с акционерным обществом «Фридрих Крупп в Эссене» 23 марта 1922 г. сроком на 24 года. Подписанию этого договора уделялось особое внимание со стороны В. И. Ленина, считавшего необходимым принять предложение Ф. Круппа перед Генуэзской конференцией⁵. Концессионер получил в эксплуатацию 50 тыс. дес. земли в Северо-Кавказском крае, а в качестве платы за концессию он обязан был передавать советскому правительству 20 % с валового урожая⁶.

Первоначально основную часть средств концессионер потратил на приобретение инвентаря и капитальный ремонт строений. Кроме того, были дополнительно построены здания подсобные и для хозяй-

³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1953). Ч. 1. М., 1953. С. 687–688.

⁴ Лацис М. И. Сельскохозяйственные концессии. М., 1926. С. 7.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 135–136.

⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 118. Л. 5.

ственных нужд, среди которых дизельная электростанция и кирпичный завод⁷. Известь и кирпич, производимые на концессии, продавались местному населению.

Несмотря на значительные затраты концессионное хозяйство неслось убытки – 985,2 тыс. руб. на 1 июля 1926 г. После длительных переговоров с советскими властями 9 сентября 1927 г. был подписан новый концессионный договор о смене хозяйственной специализации в сторону создания тонкорунного мериносового овцеводства. Однако концессионное производство продолжало оставаться нерентабельным, и к 1 октября 1928 г. убытки достигли 2,3 млн руб. Из политических соображений в сентябре 1928 г. советское правительство согласилось на создание смешанной концессии «Маньч-Крупп»⁸. С этого момента наблюдалась устойчивая динамика роста основных экономических показателей, и 1933 г. концессия завершила с прибылью в 462,5 тыс. руб.⁹ Но в середине 1934 г. советским руководством было принято решение о расторжении договора и ликвидации концессии с 1 сентября 1934 г.

Осенью 1922 г. был заключен договор Германским обществом семеноводов (*Deutsche Saatbau Gesellschaft*)¹⁰. Согласно договору концессионер должен был организовать семеноводческое зерновое производство и механизировать его. Концессионными органами отмечалось, что до 1927 г. хозяйство концессии велось без определенного плана, севооборот не был установлен, эксплуатация земель велась хищническим способом, техника полеводства была низкая. Вместе с тем умалчивалось, что при заключении договора не были учтены свойства почв – солончаки, которые не позволяли заниматься исключительно семеноводством.

В результате осенью 1927 г. с концессионером был заключен новый договор о передаче трех компактно расположенных участков со всеми находившимися на них строениями, сооружением и оборудованием. После этого валовые показатели производства почти утроились. Почвенно-климатические условия района способствовали ведению семеноводческого и зернового хозяйства, развитию животноводства (разведение коней, свиней, коз, овец).

⁷ ГАРО. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 64. Л. 93–94.

⁸ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 3282. Л. 1–3.

⁹ РГАЭ. Ф. 7866. Оп. 1. Д. 582. Л. 1, 13.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 5446. Оп. 55. Д. 334. Л. 119–121.

Концессия «Друзаг» развивалась как многоотраслевое хозяйство. Был свой садоводческий питомник, виноградник, пасека. Производимая продукция реализовывалась среди своих рабочих и служащих¹¹.

Постепенно концессия обрастала подсобными предприятиями, которые способствовали ее формированию в полноценный агропромышленный комплекс. Так, были модернизированы механические мастерские и мельница, построены крахмальный и колбасный заводы, закуплены маслобойка для переработки подсолнуха и льна и оборудование для сыроваренного производства, организовано кожевенное производство, имелась хлебопекарня. Кроме того, рассматривалась возможность приобретения оборудования для организации шерсто-мойного и фетрового производств¹².

С 15 апреля по 1 ноября 1930 г. на концессии была отмечена высокая товарность производства, выразившаяся в продаже продукции на 1,8 млн руб., а с 1 мая по 15 декабря 1931 г. – более чем на 4 млн руб.¹³ Экономический обозреватель Н. Бассехес был прав, утверждая, что рассматривать концессии «оторванными от остальной системы Советского Союза значило бы искажать их экономическое значение»¹⁴. Реализация продукции по высоким ценам не соответствовала государственной политике, и надзирающие органы все чаще стали поднимать вопрос об ограничении роста высоких прибылей концессионера. Реакция не заставила себя ждать, и к концессионеру были применены «согласованные действия» с целью сделать концессию убыточной: срыв поставок вагонов, препятствия при выплате аккредитивов, аресты лиц, «дружелюбно» относящихся к концессии, организация забастовок рабочих. В результате к концу 1933 г. произошла «дружелюбная» ликвидация концессии.

19 июня 1923 г. Немецко-Волжский банк сельскохозяйственно-го кредита заключил концессионный договор на земельный участок в размере 100 тыс. дес. на территории АССР Немцев Поволжья для восстановления сельского хозяйства. Используя свое право на сдачу своей земли в субаренду, ему удалось с помощью немецких фирм создать «Германо-русское аграрное общество» (Друзаг)¹⁵.

Однако с самого начала концессию преследовали неудачи. Из-за дождей осенью 1923 г. концессия не смогла произвести подготови-

¹¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1284. Л. 15.

¹² Там же. Л. 21.

¹³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37с. Д. 244. Л. 7 об.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1284. Л. 25.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1669. Л. 13.

тельные работы на земле. Весной 1924 г. сначала на таможене застряли вагоны с сельскохозяйственной техникой, а затем железнодорожники отправили их не в немецкий, а в сибирский город Покровск¹⁶. Кроме того, весенним паводком был уничтожен оросительный канал, концессионеру пришлось ввиду отсутствия собственного семенного материала воспользоваться низкосортными семенами пшеницы своего партнера Немецко-Волжского банка, а летняя засуха уничтожила все надежды на хороший урожай.

В 1925 г. была предпринята очередная попытка получить хороший урожай, которая провалилась из-за дождей, уничтоживших 70 % зерна. Следует отметить, что правительственная инспекция после обследования в 1926 г. констатировала неудовлетворительное использование земельного фонда: засевалось не более 8 % всей земли¹⁷.

Указанные выше неблагоприятные обстоятельства способствовали постановке вопроса о ликвидации концессии на переговорах в Москве в конце 1926 г. между директором «Германо-русского аграрного общества» Ф. фон Рейнбабеном и заместителем председателя ГKK А. А. Иоффе. 31 декабря 1927 г. концессия была ликвидирована.

Летом 1925 г. был подписан договор с «Прикумским русско-американским товариществом» об организации полеводческих образцово-показательных хозяйств посредством механизации и рационального использования угодий и подсобных предприятий¹⁸. На концессии работали 3 мельницы и 1 крупорушка, разводили овец и свиней, занимались виноградарством. Основным направлением хозяйства считалось полеводство.

Несмотря на все усилия концессионера, все отрасли, кроме мукомольно-крупяного производства, оказались убыточными. В результате было принято решение ликвидировать концессию так, чтобы «такая ликвидация не произвела бы отрицательное впечатление в Америке»¹⁹, и в 1930 г. она перестала существовать.

В целом концессии продемонстрировали высококультурные навыки хозяйствования на земле, способствовали производству селекционных семян, развитию животноводства и показывали эффективность широкого применения сельскохозяйственной техники. Однако в све-

¹⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 55. Д. 778. Л. 8.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1081. Л. 38.

¹⁸ Там же. Д. 1165. Л. 38.

¹⁹ Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): Документы и материалы Т. 2. М., 2005. С. 584.

те проводимой политики коллективизации они оказались ненужными островками капитализма, а сельское хозяйство осталось отсталым и преимущественно экстенсивным сектором экономики. Впрочем, оно остается таковым и сейчас.

ПРОЕКТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИХ ДВОРЦОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В ПРАВЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА II

А. А. Ефимов
(СПбГУ)

Занимаясь изучением истории Санкт-Петербурга, невозможно не обращать внимания на деятельность Министерства Императорского Двора в области градостроительства. Благодаря работе, проводившейся этим ведомством, были сформированы основные площади центральной части, такие как Дворцовая, Исаакиевская, Театральная площади и площадь Искусств. Тем не менее, несмотря на всю значимость деятельности Придворного ведомства для формирования облика столицы Российской империи, крупных исследований по данной тематике на настоящий момент не существует.

Одним из важнейших направлений деятельности Министерства Императорского Двора на территории Санкт-Петербурга являлось строительство резиденций членов императорской фамилии. Периодом расцвета дворцового строительства в XIX веке стала эпоха Николая I, когда был возведен Мариинский дворец, построено здание Нового Эрмитажа и восстановлен после разрушительного пожара Зимний дворец, а также проведена подготовка к строительству Николаевского и Ново-Михайловского дворцов. Однако такая активность имела оборотной стороной значительное истощение денежных средств, что привело к радикальному изменению в строительной политике министерства при Александре II.

В данном докладе будет кратко рассмотрено, какие варианты строительства новых резиденций членов императорской семьи предлагались к воплощению при Александре II.

Суть всех предложений может быть сведена к двум тезисам: о приспособлении уже существующих зданий под резиденции великих князей и о необходимости уменьшения размеров новых дворцов в сравнении со строившимися ранее.

В 1859 г. было выдвинуто предположение о приспособлении Таврического дворца, находящегося на Шпалерной улице, под резиденцию одного из великих князей. На проведение реконструкции предусма-

тривалось выделить 500 000 рублей серебром. Строительная контора, основываясь на опыте возведения предыдущих дворцов, в своем докладе высказала мнение, что такая сумма окажется недостаточной при условии сохранения прежних масштабов резиденций. Для осуществления перестройки за предложенную сумму требовалось принять решение о сокращении размеров вновь строящихся дворцовых зданий как применительно к парадным помещениям, так и к квартирам для придворного штата. Число последних было предложено уменьшить таким образом, чтобы непосредственно во дворце жили только те придворные и придворные служители, постоянное присутствие которых необходимо, а остальные должны были получать денежные выплаты для найма квартир¹.

Этот проект не был реализован, и в следующем году появился очередной проект. На этот раз предполагалось передать Таврический дворец для помещения в нем Екатерининского института благородных девиц, здание Екатерининского института, располагавшееся на набережной реки Фонтанки, реконструировать под дворец. Принц Ольденбургский, под покровительством которого находился институт, и статс-секретарь Гофман высказались решительно против этого, объяснив свое решение тем, что перемещение института в Таврический дворец и приспособление здания института под резиденцию великого князя может потребовать больших средств, чем постройка отдельного нового здания. Министр Императорского Двора граф Адлерберг в свою очередь согласился с мнением о значительности издержек на такую ротацию, однако высказал сомнение в том, что строительство совершенно нового сооружения обойдется дешевле, предложив вернуться к идее об использовании Таврического дворца для великокняжеской резиденции после принятия окончательного решения о размерах вновь строящихся дворцов².

Вновь обратились к вопросу поиска места для строительства резиденций великих князей через два года в июне 1862 г., когда специальная комиссия, в которой состояли представители Строительной конторы Министерства Императорского Двора и несколько архитекторов, провела осмотр нескольких зданий на предмет их возможного приспособления под дворцы. Осмотру подверглись: дом Министра финансов на Дворцовой набережной, здание Румянцевского музея

¹ РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 28. Л. 207–210. Доклад Строительной конторы от 5 мая 1859 г.

² РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 29. Л. 52–53 об. О Таврическом дворце.

на Английской набережной и дом на Сергиевской улице, принадлежавший наследникам госпожи Бутурлиной. У каждого из этих сооружений комиссия нашла как положительные, так и отрицательные стороны, однако негативные моменты значительно преобладали. В частности, ни один из этих домов по действовавшим на тот момент Правилам для построек великокняжеских дворцов не мог стать основой для резиденции без приобретения дополнительных участков и проведения масштабной перестройки купленных зданий. Император, ознакомившись с докладом комиссии, приказал не приобретать ни один из этих домов³.

К концу 1862 г. комиссия, сформированная по распоряжению Александра II для определения «действительно необходимых размеров» новых дворцов для великих князей, завершила свою работу. Выводы комиссии стали основанием для составления программы и проведения конкурса проектов двух великокняжеских дворцов. Максимальная сумма на каждый из дворцов была установлена в размере 750 000 рублей серебром без учета расходов на меблирование и установку системы газового освещения. Для размещения новых резиденций августейших детей императора были предназначены Запасной дворец и приобретенные Департаментом уделов дома Воронцова-Дашкова и Каратыгиной.

При этом два первых здания предназначалось перестроить непосредственно во дворцы, а для размещения служебных построек надлежало использовать третье строение⁴. По итогам проведенного конкурса были выбраны два проекта-победителя для представления императору на утверждение. Однако государь принял решения не воплощать ни один из этих проектов до момента рассмотрения предложения генерал-адъютанта графа Перовского о значительном сокращении и упрощении программы конкурса⁵.

Предложение графа Перовского состояло в радикальном изменении принципов дворцового строительства, подразумевавшем замену перестройки зданий для двух дворцов созданием на базе каждого из

³ Там же. Д. 34. Л. 215–220. Доклад Строительной конторы от 12 июня 1862 г.

⁴ РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 36. Л. 88–90 об. О проектах дворцов для великих князей; Объявление о конкурсе на построение дворцов для двух августейших сыновей их императорских величеств в Санкт-Петербурге. СПб., 1862. Л. 1, 4.

⁵ РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 37. Л. 15–16 об. Доклад Строительной конторы от 20 июля 1863 г.

трех домов отдельного дворца для великих князей Александра, Владимира и Алексея Александровичей после проведения незначительного ремонта, а сокращение штатов прислуги позволило бы уменьшить число служебных построек. Кроме того, предлагалось отказаться от возведения при каждом из дворцов отдельного манежа, поскольку поблизости находились манеж Зимнего дворца и Конюшенный берейторский манеж, и исключить из проектов пункт о собственной домово́й церкви при каждом из дворцов, ограничившись одной общей церковью для братьев, великих князей⁶.

Это предложение было рассмотрено, но его реализации воспрепятствовал целый ряд обстоятельств, главным из которых стала смерть цесаревича Николая Александровича, вследствие которой отпала сама необходимость в поиске средств на строительство двух новых дворцов. Великий князь Александр Александрович, став наследником, занял Аничков дворец, служивший в XIX веке резиденцией цесаревичей, а для великого князя Владимира Александровича была построена резиденция на месте Запасного дворца⁷.

⁶ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 777. Л. 7–8 об. Мнение генерал-адъютанта Перовского.

⁷ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 778. Л. 1. Выписка из предложения г. министра императорского двора к г. генерал-адъютанту графу Перовскому; *Величенко М. Н., Миролюбова Г. А.* Дворец великого князя Владимира Александровича. СПб., 1997. С. 12.

«MONUMENTA GERMANIAE HISTORICA» КАК ФЕНОМЕН АРХЕОГРАФИИ И ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

*А. А. Журкина
(ИАИ РГГУ)*

В 1819 г. во Франкфурте-на-Майне было образованно «Общество для изучения древней германской истории». У истоков его основания стоял видный политик, сторонник «общегерманской идеи» барон Генрих-Фридрих-Карл фон Штейн (1757–1831). Прусский реформатор, чьи планы лишь частично оказались востребованными на родине, он нашел сочувствие в России. Окончательно вернувшись в Германию после наполеоновских войн и Венского конгресса, Г. фон Штейн решает обратиться к прошлому нации и путем публикации исторических документов воссоздать почти тысячелетнюю историю своего отечества. Как позднее писал один из исследователей деятельности Общества и его «детища» – грандиозного публикаторского проекта «Monumenta Germaniae historica» (MGH) – К. Мэртль, «в то время популяризация общегерманской истории была призвана ускорить рождение чувства национальной идентичности у раздробленных в политическом отношении немцев по окончании наполеоновских войн, заметно усиливших общегерманский патриотизм»¹.

Г. фон Штейн был сторонником сословных начал и этим публикаторским проектом хотел возвысить роль крупных землевладельцев, показать их стремление к единству немцев и просвещению. Штейн полагал, что существование Общества и его публикаторская деятельность должны были финансироваться отнюдь не банками или купцами (причем среди жертвователей могли оказаться граф Н. П. Румянцев, Александр I, были и такие возможности). Он считал, что изучение истории Германии должно было стать заслугой немецкого дворянства: «Первая мысль всегда была осуществить ученое предприятие посредством взносов вестфальских помещиков без содействия каких-

¹ Мэртль К. Monumenta Germaniae Historica: взгляд изнутри // Средние века. Вып. 58. М., 1995. С. 87–88.

либо правительств и купцов... В наш демократический век дворянство может поддержать себя только благородным, здоровым, вносимым в жизнь образом мыслей»². Однако в итоге немногие состоятельные дворяне согласились участвовать в этом деле, и помощь была оказана со стороны нового поколения богатых дельцов.

Период мира после страшной европейской войны, который в Германии получил название «бидермайер», стал истоком романтизма – течения, охватившего в Европе не только искусство, литературу, но всю гуманитарную область знания, в особенности историческую науку. Забота о спасении остатков средневековой истории, интерес к прошлому своего края основывались не только на антикварном интересе, но и простирались на потребности будущего. «Общество для изучения древней германской истории», действовавшее в этом же направлении, стало одним из знаковых проявлений того периода. Своей эмблемой оно сделало латинский девиз «Священная любовь к Отечеству вдохновляет» в окружении дубового венка.

Сразу после учреждения была выдвинута программа публикации документов, охватывавших предположительно 500–1500 гг. и рассчитанная на издание двух десятков томов. Так было положено начало деятельности исторического общества, которое в итоге сформировало облик исторической науки Германии (а во многом и Европы), создало собственную научную школу и методы исследования, фактически выступило одним из двигателей политического процесса – случай, не часто встречавшийся в истории археографии. Более того, Общество продолжает свое существование и сегодня, постоянно расширяя прежнюю программу и осваивая новые методы публикации источников.

Уже в 1820 г. было объявлено о начале широкого выявления документов по истории Германии в архивах земель, включая монастыри, а также об издании журнала «Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde» («Архив Общества по изучению древней германской истории»), где предполагалось публиковать исследовательские материалы, небольшие архивные находки, отчеты «странствующих историков» о своих археографических экспедициях.

Для организации всей деятельности барон фон Штейн создает Центральную дирекцию, куда кроме него самого вошли уполномоченные в Союзном сейме бароны Аретин (от Баварии), Вангенгейм (от Вюртемберга), Плессен (от Мекленбурга), Беркгейм (от Бадена).

² Бузескул В. П. Из истории МГН. // Доклады Академии Наук СССР. «В». 1925. С. 64.

Членами Центральной дирекции также состояли банкир Мюллер, секретарь Бюхлер и редактор «Архива» Дюмге. Позже членом дирекции стал барон Наглер (в Сейме представлял Пруссию).

В первом же номере «Архива» было помещено «Объявление», где сообщалось о предстоящем издании полного собрания лучших писателей немецкой средневековой истории. К.-Г. Дюмге сообщал, что в Германии никогда не было организаций или обществ, подобных Конгрегации мавристов во Франции, а значит, немецким историкам предстояло пройти тот же путь, чтобы сделать доступным колоссальное количество источников, повествующих о собственном прошлом. В «Объявлении» также говорилось, что источники одного вида будут издаваться группами, внутри – по хронологии; для публикации предполагалось избирать один источник текста, а выявленные разночтения публиковать в привязке к документу. Планировалось издание справочника по изданным источникам.

В 1821 г. правление MGH было передано Георгу Генриху Пертцу (1795–1876), служившему тогда секретарем государственных архивов Ганновера. Г. Пертц стал совмещать прежнюю должность с новым поприщем, в 1827 г. был назначен главным хранителем Ганноверской библиотеки³, что лишь упрочило его авторитет в исторических кругах. Начав работу по обследованию монастырских хранилищ, подготовке к публикации каролингских грамот, он вместе со своим другом Йоханном Фридрихом Бемером (1795–1863) взял на себя координацию всей деятельности Общества и планирование изданий⁴.

Первоначальная концепция всего публикаторского проекта предполагала издание 20 томов крупного формата в сериях: «*Scriptores*» («Писатели», MGH SS), где должны были увидеть свет нарративные источники (жития, хроники, анналы, истории, *res gestae*, трактаты); «*Leges*» («Законы», MGH LL – «варварские правды», капитулярии, постановления церковных соборов, формулы); «*Diplomata*» («Документы», MGH DD – официальные источники V–XIII вв.); «*Epistolae*» («Письма» – личные документы и переписка римских пап, монахов, королей VI–XIII вв.); «*Antiquitates*» («Древности» – различные литературные памятники, а также некрологи, поминальные книги и др.). (Сейчас прежнее деление сохранилось, но структура издания стала очень дробной из-за введения многочисленных подрубрик и новых серий.)

³ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 15. М., 1992. С. 435.

⁴ Wilhelm Wattenbach: Pertz, Georg Heinrich. In: Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 25. Leipzig: Duncker & Humblot, 1887. S. 407.

Первый том «Историков» был издан в 1826 г. в Ганновере, второй том из этой же серии – в 1829 г. Издателями применялся не только хронологический, но и иерархический, и географический принципы группировки источников. В 1835 и 1837 гг. вышли первые тома «Законов», где увидели свет меровингские и каролингские капитулярии, изданные с нарушением единого принципа группировки материала. На протяжении почти полувека, до 1875 г., Общество готовило к публикации и издавало «варварские правды». С 1839 г., когда был выпущен первый том «Германских деесписателей для учебного использования, извлеченных из “Исторических памятников Германии”», Общество начинает издавать учебные публикации на основе научных и в этом смысле может считаться пионером в области разработки учебного типа археографических изданий. Для популяризации средневековых текстов около середины XIX в. начинается еще одна серия – «Историографы ранних германских времен» («Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit»), которая давала перевод источников с латыни на немецкий язык (она продолжается и ныне в несколько измененном виде).

Публикации Общества скоро приобрели не только общегерманский, но и международный характер, так как отраженные в них события европейской истории, войны, церковная политика пап, Реформация связали сложными узами Германию со всеми странами Запада.

С течением времени структура MGH все больше усложнялась, появлялись все новые серии; хотя общее количество всех томов подсчитать уже затруднительно, ныне их суммарное количество приближается к тремстам.

Научный успех Monumenta был огромен. Несомненно, что он обуславливался воплощением критического метода исследования, который начал разрабатывать историк античности Бартольд Георг Нибур (1776–1831)⁵. Историк-антиковед, полиглот, человек энциклопедических знаний и дарований Нибур считается основателем критического метода в изучении текстов античности⁶. Основные принципы заключались в том, что, работая над подготовкой издания, необходимо найти как можно больше вариантов, редакций текстов рукописей, устано-

⁵ Bresslau H. Geschichte der Monumenta Geimaniae Historica // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde (далее – NA). 1921. Bd. 42.

⁶ Его метод оказал влияние на всю европейскую историческую науку, в том числе на русских историков-антиковедов П. Н. Кудрявцева, Т. Н. Грановского и др. См.: БСЭ. 3-е изд. Т. 82 и 4 доп. СПб. С. 317.

вить точное место и время их появления, найти все отличия⁷. Нибур, подобно и другим немецким историкам, был тесно связан с MGH, помогая готовить отдельные тома публикаций.

Леопольд фон Ранке (1795–1886), Теодор Моммзен (1817–1903) и др. историки к середине XIX в. завершили разработку метода филологической критики, когда источник как бы «расчленялся» на составные части, каждая из которых подвергалась так называемой имманентной критике. Ученики Ранке вспоминали три его важнейших научных заповеди: «Kritik, Präcision und Penetration» (Критика, Процесс, Проникновение). Основу критического метода составляло обращение к подлинным источникам, а в идеале – к первоисточнику, определение степени достоверности авторства, места и времени происхождения, зависимости документов друг от друга. Трактат Леопольда Ранке «Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber» стал достоянием всего научного сообщества Европы, как и его труды в Monumenta и Обществе, при котором он основал журнал «Historisch-politische Zeitschrift» («Историко-политический журнал»), а также занимался выпуском «Летописей Германского государства».

Другим следствием научно-методических поисков историков, близких к MGH, стало формирование принципов научной истории, практики ведения «научных семинариев», дававшим начало новым историческим школам⁸.

Объединение немецких земель при гегемонии Пруссии после франко-прусской войны привело к изменению статуса Общества. Научный авторитет ученого сообщества, вобравшего в свою орбиту лучшие ученые силы Германии (и не только), возвысил его в глазах официальной власти. Общество и его детище – «Monumenta Germaniae historica» – приобретают особое положение в среде академической и университетской общности. С 1870-х гг. меняется внутренняя структура, которая все более стала приближаться к организации материала в изданиях Общества и делению на серии и подсерии. Первым руководителем обновленного Общества и реорганизованной MGH в 1875–1886 гг. стал Георг Вайц (1813–1886), один из лучших учеников Леопольда фон Ранке.

В 1876 г. Теодор фон Зиккель (1826–1908) – выдающийся историк-эрудит, основавший в 1854 г. в Вене Институт австрийских историче-

⁷ Люблинская А. А. Источниковедение истории Средних веков. Л., 1955. С. 346.

⁸ Вайнштейн О. Л. Леопольд фон Ранке и современная буржуазная историография // К критике новейшей буржуазной историографии. М.; Л., 1961.

ских исследований, обучавшийся в Париже в Школе хартий, в связи с изданием в рамках MGH каролингских грамот опубликовал программу и Правила издания грамот. Разработанная фон Зиккелем методика была принята и за пределами Германии.

В 1887 г. учреждается должность президента Общества, который получил статус имперского чиновника и твердое финансирование из государственной казны. К началу XX в. Общество имело в научном мире огромный авторитет, а в самой Германии не существовало кафедры средневековой истории, глава которой не сотрудничал бы с MGH. Таким образом, путь, пройденный Обществом по изучению древней германской истории, и огромное количество текстов, опубликованных в рамках MGH, позволили Средневековью занять полагающееся ему место в европейской истории, а само Общество поставили на уровень национальной академии.

Бурные события XX в., несмотря на ключевую роль в них Германии, не снизили авторитета «*Monumenta Germaniae historica*». Более того, развиваемый в рамках MGH метод исследования, вероятно, сыграл не последнюю роль в том, что, «обожествление» текста привело к серьезной эволюции взглядов на сам исторический источник. Начинается эпоха его «очеловечивания», развиваемая уже в рамках Школы «Анналов» Марка Блока (1886–1944) и Люсьена Февра (1878–1956). В 20-х гг. XX в. они выдвигают идею познания истории путем постоянного совершенствования методов исследования и развития антропологического подхода к прошлому, когда путь исследования меняет свой вектор от настоящего к прошлому⁹.

⁹ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1991. С. 356 (перв. изд. на фр. языке – 1964).

КОНЦЕПЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В МИРОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

О. В. Забельникова, к.и.н.

(Национальный институт образования, Белоруссия)

Проблема формирования латиноамериканской цивилизации в историографии обусловлена возникшим противоречием в определении доминирующего этнокультурного компонента (индейский, европейский или африканский), оказавшего системообразующее влияние на становление латиноамериканской цивилизации. В историографии можно выделить три концептуальных подхода.

1. Европоцентристская концепция. Латинская Америка – это порождение и продолжение Западной Европы. Своим возникновением и существованием латиноамериканская цивилизация обязана исключительно Европе, в первую очередь странам Пиренейского полуострова, а также европейским завоевателям, которые в период конкисты принесли на американскую «почву» европейские модели социально-экономической, политической, культурной и религиозной жизни. Этот подход получил название «европоцентризм».

Европоцентризм (евроцентризм) – историко-культурная и геополитическая концепция, постулирующая и обосновывающая особый статус и значение западноевропейских ценностей в мировом цивилизационном и культурном процессах, провозглашающая превосходство европейских народов и западноевропейской христианской цивилизации над другими народами и цивилизациями во всех сферах жизни, а также их особую, цивилизаторскую роль в мировой истории. Европоцентризм как идеология используется для оправдания политики колониализма, поскольку «чужие» (неевропейские) культуры не рассматриваются в качестве равноправных участников исторического процесса. Для европоцентризма характерно рассмотрение исторического развития народов Латинской Америки с позиций превосходства западной цивилизации.

Европоцентристы утверждают, что пятьсот лет назад «дикая и первобытная» Америка была открыта Европой эпохи Ренессанса. От-

крытие Америки и конкиста преподносятся как подвиг, совершенный Испанией и Португалией на благо всего человечества, который помог Новому Свету встать на путь прогресса и подарил блага высокоразвитой иберийской культуры, включив тем самым индейские народы в общий всемирный исторический процесс¹.

Европоцентристы к современной латиноамериканской цивилизации относятся, считая ее периферией христианской цивилизации, как к результату цивилизаторской миссии западноевропейских стран. Так, Э. О'Горман называет открытие Америки «эманацией Европы» (ее изобретением) и считает, что действительность Латинской Америки вторична по отношению к европейской культуре².

2. Латиноамериканская концепция, или «философия латиноамериканской сущности». Сторонники латиноамериканизма – ярые противники европоцентризма. Осмысление ими истоков и места Латинской Америки в современном мире зачастую приводило к неприятию и отрицанию конкисты и колониального прошлого, а в отношении Латинской Америки применялось определение Х. Марти «Наша Америка»³, подчеркивавшее приоритет индейцев на собственной земле.

Конкисту сторонники латиноамериканской концепции рассматривают как преднамеренное насилие, итогом которого стало уничтожение древних цивилизаций, порабощение и истребление индейского населения, отказ в праве пользоваться своим историческим достоянием и почти полное уничтожение самобытного индейского мира и самих индейцев, которые могли бы обогатить человеческую цивилизацию. Идеологи латиноамериканизма отстаивают идею о том, что индейская культура не является «варварской», но в равной степени самоценна, как и иберийская, экспортированная из Европы в Новый Свет.

Одним из апологетов латиноамериканской концепции является мексиканский философ Л. Сеа. Он убежден, что в эпоху конкисты имело место не «открытие», а «сокрытие» подлинной индейской Америки под толщей предрассудков завоевателей, а также «закры-

¹ *Гарсиа Уидобро* Г. Америка 500 лет назад: современный взгляд / Г. Гарсиа Уидобро // Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 41–42.

² *Шемякин Я. Г.* Концепции латиноамериканского цивилизационного типа / Я. Г. Шемякин // Латинская Америка. 1998. № 11. С. 80.

³ *Марти Х.* Специфика культуры Латинской Америки / Х. Марти // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998. 555 с.

тие» Америки как уникального историко-культурного феномена⁴. Он считает аутентичными только индейскую и метисную культуры, категорически отвергает европейское культурное наследие в качестве определяющего для Латинской Америки, которая имеет право на историческое творчество перед лицом Запада.

Среди сторонников теории «исконной Америки», согласно которой истинная Америка в результате завоевания была насильственно включена в ареал европейского влияния, но при этом сумела сохранить свою индейскую суть, определяющую уникальность Латинской Америки, очень популярен «индеанизм» («индихенизм»). Согласно этому подходу Латинская Америка – это прежде всего цивилизация индейцев в новых конкретно-исторических реалиях. Индейцы являются коренным населением американского континента, поэтому, несмотря на все привнесенные европейские и африканские элементы, латиноамериканская цивилизация является в первую очередь цивилизацией с индейской спецификой⁵. Без автохтонного элемента, который и определяет сущность Латинской Америки, она стала бы частью западной цивилизации.

3. Примирительная концепция. Латинская Америка представляет собой синкретическую цивилизацию, образовавшуюся в результате «встречи цивилизаций», в основе которой лежит синтез трех этнокультурных элементов – автохтонного (индейского) и двух привнесенных (европейского и африканского). Каждый из них привнес свои элементы материальной и духовной культуры. Согласно третьему подходу Латинская Америка представляет собой формирующуюся цивилизацию, в которой до сих пор происходят процессы метисации не только разных расово-этнических групп, но также культурного и религиозного синтеза. Именно культурная метисация определяет уникальность, «особость» Латинской Америки как цивилизационного образования, отличает ее от существующих традиционных цивилизаций.

Сторонники данной концепции рассматривают события открытия и завоевания Америки как историческую встречу народов, цивилизаций и культур, ставшую основой для формирования единого человечества, всеобщей истории, осознания мира как единого целого и на-

⁴ *Сea Л.* Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки / Л. Сea. М.: Прогресс, 1984. 352 с.

⁵ *Деменчонок Э. В.* Философия истории Дусселя / Э. В. Деменчонок // Латинская Америка. 1989. № 5. С. 47.

зывают их «встречей двух миров и двух культур»⁶. Они пытаются оценить вклад европейцев, индейцев и африканцев в формирование латиноамериканской цивилизации, а в завоевании доколумбовой Америки видят толчок, положивший начало процессам метисации, религиозного и культурного синтеза народов. Определение открытия и завоевания Америки как «встречи двух миров» в 1988 г. было одобрено ЮНЕСКО (Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры).

Каждый из этих подходов, направленных на выявление существенных характеристик латиноамериканской цивилизации, обусловлен мировоззренческими и в некоторой степени геополитическими установками исследователей. Так, до недавнего времени в европейской и, в частности, иберийской историографии доминировал европоцентризм. В странах Латинской Америки, особенно среди идеологов индеанизма и защитников самобытной латиноамериканской цивилизации, превалируют латиноамериканизм и индеанизм. В последние годы общественностью Латинской Америки антагонистически воспринимается европоцентризм: политики, общественные деятели и представители национальной культуры отвергают саму идею вторичности Латинской Америки, а в европоцентризме видят попытку подчинения своего континента и его метисной культуры моделям западного культурного развития, которые наравне с североамериканскими (США) считают неприемлемыми.

Таким образом, в современной мировой историографии существует несколько концепций (европоцентристская, латиноамериканская и примирительная) формирования латиноамериканской цивилизации. Европоцентристы рассматривают Латинскую Америку как результат цивилизаторской миссии Испании и Португалии и считают ее периферией христианского мира и западной цивилизации. Сторонники латиноамериканизма, напротив, абсолютизируют роль индейского этнокультурного фактора в цивилизационных процессах Латинской Америки. В последние два десятилетия широкое распространение получила примирительная концепция, которая рассматривает латиноамериканскую цивилизацию как синтез индейских, европейских и африканских этносов и культур при активной интегрирующей роли испано-иберийского католического варианта европейской цивилизации.

⁶ *Хачатуров К. А.* Встреча двух миров / К. А. Хачатуров // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 69.

МОСКОВСКИЕ УНИВЕРСАНТЫ – ИЗДАТЕЛИ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

А. В. Зайцева
(МГУП им. Ивана Федорова)

Обучаясь в университете, молодые люди получали не только определенную сумму знаний, но и социальные навыки. Одним из распространенных занятий было издание материалов для подготовки к экзаменам, в основном текстов лекций и программ. В этой деятельности органично сочетались учебный и общественный элементы. С одной стороны, студенты существовали в рамках учебного процесса, в постоянном общении с профессорами; с другой – получали опыт корпоративной самоорганизации и самоопределения. При изучении этой практики в развитии важно рассмотреть не просто ее составляющие, но отношение к ней участников – студентов-издателей.

Традиция записи лекций для последующего коллективного использования сложилась в первой половине XIX в. первоначально в рукописной форме. Обычно фиксировали текст лекции, затем исправляли ошибки, результат переписывали набело. Готовое издание поступало в общую собственность группы студентов¹. В середине XIX в. появилась возможность размножать конспекты при помощи литографии, но описанная выше техника не исчезла, а превратилась в этап подготовки рукописи к печати.

Первыми из студентов, кто начал издавать лекции и программы, были, по-видимому, петербуржцы еще в 1840-х гг. В Московском университете эта практика стала общепринятой в 1860-х гг. Поскольку литографские мастерские требовали оплаты печатания, издателям приходилось возмещать свои расходы, собирая деньги по подписке заранее или продавая уже готовую продукцию. Так, постепенно взаи-

¹ Об этом свидетельствуют воспоминания студентов разных учебных заведений. Наиболее подробно описана практика петербургских универсантов в 1860-х гг.: *Шимановский М. В.* Мои профессора и мое студенчество. Одесса, 1892.

мопомощь тесно переплелась с экономическими мотивами. В ноябре 1861 г. В. О. Ключевский, тогда еще бывший студентом, охарактеризовал издание лекций С. В. Ешевского как «операцию, какую, и сказать нелегко – не то литературную, не то денежную, не то черт знает какую»².

В 1860-х гг. в работе по изданию профессорских лекций не было четкого разделения труда. А. И. Кирпичников, вспоминая свои первые дни в университете, отмечает группу инициаторов издания, которых он называет «антрепренерами», но они же занимались и переписыванием профессорской рукописи³. Из упомянутого письма В. О. Ключевского видно, что в деле участвовали редактор и собственно издатель, но редактор «втянулся невольно», так как только он располагал хорошей записью лекций⁴.

В 1869 г. студенческие литографированные издания были приравнены к печатным книгам, и право издавать их формально перешло к профессуре⁵, хотя фактически по-прежнему издателями часто становились студенты. Они не всегда обозначали свои имена в выходных сведениях, но согласно имеющимся источникам в числе студентов-издателей 1870–1890-х гг. были Л. С. Голицын, М. В. Рытов, Н. Ф. Голубов, М. К. Любавский, В. В. Розанов, А. И. Шингарев и др.

В это время в студенческих изданиях появились иллюстрации. Некоторые были познавательными и служили для пояснения текста; другие имели эстетические функции. Именно украшения – заставки, орнаментальные рамки, рисованные буквы в заглавиях – позволяют считать, что издатели стремились сделать свои книги хотя бы минимально эстетически привлекательными, и даже на литографированный конспект они смотрели не только с прагматической точки зрения.

В начале XX в. «Временные правила о студенческих учреждениях в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения»

² *Ключевский В. О.* Письма В. О. Ключевского в Пензу / [сост. и автор вступ. ст. Р. А. Киреева]. Пенза, 2002. С. 71.

³ *Кирпичников А. И.* Первые дни в университете: (отрывок из воспоминаний А. И. Кирпичникова) // Воспоминания о студенческой жизни. М., 1899. С. 138.

⁴ *Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 71.

⁵ Положение особого Комитета об учащихся в учебных заведениях разных ведомств // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4. СПб., 1871. Стб. 1395–1396.

вывели издательскую деятельность студентов на новый этап. Правила разрешили студентам создавать собственные организации, и с 1903 г. в Московском университете начали появляться общества взаимопомощи студентов, а в их составе – издательские комиссии, выпускавшие значительное количество учебных материалов.

Первыми возникли общества юристов и естественников, в уставах которых издание лекций не упоминалось в числе задач или целей, но предполагалось как источник дохода⁶. Филологи и математики в 1908–1909 гг. внесли в цели своих обществ издание учебных пособий, устройство издательской комиссии⁷. Все упомянутые общества представляли издательскую деятельность не изолированно, а как часть отношений «студент – книжное дело»: всегда помещали ее в один ряд с устройством библиотек, читален, книжных складов, бюро по обмену, покупке и продаже книг.

Набор обязанностей издателей оставался прежним: запись и стенографирование, корректирование и редактирование, иногда перевод или иллюстрирование, наблюдение за изданием. В некоторых случаях выделялись «уполномоченные при переговорах с гг. профессорами»⁸. Но теперь уже лектор рассматривался как полноценный сотрудник, имеющий право на денежное вознаграждение. Безвозмездная передача автором права на издание курса лекций получила в «Вестнике студенческой кооперации» отрицательную оценку как нежелательная, но временно неизбежная благотворительность⁹. За подобную помощь студенческие общества обычно благодарили профессоров в своих годовых отчетах.

Работая в издательских комиссиях, студенты выходили за пределы своего факультета, университета и даже города. Студенты Московского университета обменивались изданиями со слушательни-

⁶ Устав Общества взаимопомощи студентов-юристов при Императорском Московском университете. М., 1903. С. 6 (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 499. Д. 59); Устав Общества взаимопомощи студентов-естественников при Императорском Московском университете. Там же. Д. 60. Л. 2.

⁷ Устав Общества взаимопомощи студентов-филологов при Императорском Московском университете. М., [1908]. С. 1; Устав Общества взаимопомощи студентов-математиков Императорского Московского университета. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 499. Д. 62. Л. 2.

⁸ Отчет Общества взаимопомощи студентов-юристов Московского университета за 1907 год. М., 1908. С. 80.

⁹ Общество взаимопомощи филологов при И.М.У. // Вестник студенческой кооперации. 1916. № 2. С. 15.

цами Высших женских курсов, студентами Технического училища и Коммерческого института. Книги поступали на продажу в магазины Санкт-Петербурга, Одессы, Киева¹⁰. С московскими книгопродавцами складывались непростые отношения конкуренции, так как универсанты стремились обеспечить себя необходимой литературой самостоятельно. В 1910 г. журнал «Студенческая жизнь» призывал бороться с «алчными поползновениями синдиката» книготорговцев, объединившихся «с целью нападения на студенческий карман»¹¹. Главным методом борьбы студенты сделали кооперацию: издательские комиссии участвовали в работе книжного магазина «Студенческое издательство», а общества взаимопомощи – в создании «Студенческого дома», то есть организаций, общих для молодежи из разных высших учебных заведений Москвы.

Таким образом, студенты Московского университета за шесть десятилетий прошли долгий путь от товарищеских кружков для записи лекций до широкой издательской сети. Издательскую деятельность универсантов необходимо учитывать при рассмотрении самых разных сфер студенческой жизни: учебы, взаимоотношений друг с другом и с профессурой, пребывания в городском пространстве с его библиотеками и книжными магазинами, студенческого кооперативного движения.

¹⁰ Отчет Общества взаимопомощи студентов-юристов Московского университета за 1908 год. М., 1909. С. 49, 52.

¹¹ Студенчество и синдикат книготорговцев // Студенческая жизнь. 1910. № 11. С. 3.

МАТЕРИАЛЫ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ АРХИВОВ О ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1945 гг.

*О. Ю. Игошина, к.и.н.
(Медицинский институт «РЕАВИЗ»)*

Наряду с колоссальными прямыми потерями среди военнотружущих и жертвами мирного населения на временно оккупированной территории после Великой Отечественной войны наше государство не досчиталось большого числа своих граждан, не переживших огромных тягот военного времени, связанных с ухудшением качества жизни, питания, с непосильным трудом и недостаточным отдыхом. Долгое время многие аспекты демографической истории России оставались вне поля зрения ученых.

Так, до сих пор не существует цельной картины естественного и социально-демографического движения гражданского населения Куйбышевской (ныне – Самарской) области в годы Великой Отечественной войны, поэтому мы обратились к изучению процессов смертности и рождаемости, их взаимосвязи с этапами войны, основных тенденций воспроизводственных процессов, особенностей динамики демографических процессов для различных групп населения, а также вычислению прямых и косвенных людских потерь региона.

Для исследования данной проблемы мы привлекли разнообразные исторические источники, основные среди которых – документы федеральных и местных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО), Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ).

Большую информативную ценность для исследования имеют материалы фонда Министерства здравоохранения РСФСР (Ф. А-482) ГА РФ – годовые, квартальные и месячные статистические отчеты органов здравоохранения о «движении» инфекционных заболеваний, справки и сведения о заболеваемости населения, материалы о мероприятиях по борьбе с эпидемическими заболеваниями, отчеты о со-

стоянии медицинского обслуживания населения, сведения о демографических процессах и факторах смертности населения, отчеты о сети и кадрах медицинских учреждений.

Материалы указанного фонда дополняют данные отчетов о состоянии здравоохранения РСФСР за годы Великой Отечественной войны, содержащиеся в фонде Научно-медицинского бюро санитарной статистики Наркомата здравоохранения (Ф. А-630), где отражена демографическая ситуация и в Куйбышевской области (динамика населения, состояние смертности и рождаемости по годам войны, обзор причин смертности, статистические справочные материалы о санитарном состоянии).

Важные сведения для изучения состояния здравоохранения государства в целом и конкретных регионов в годы Великой Отечественной войны содержат материалы фонда Центрального статистического управления при Совете Министров (Ф. 1562) РГАЭ – отчеты Наркомата здравоохранения СССР и статистические таблицы Центрального статистического управления СССР.

В РГАСПИ к исследованию привлечены документы фондов Все-союзного комитета помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии (Ф. 603) и Центрального комитета ЦК КПСС (Ф. 17).

Важную информацию по проблеме мы нашли в учетной и отчетной документации Статистического управления Куйбышевской области ЦГАСО (Ф. Р-2521), включающей сведения о естественном движении населения области, материалы ежегодного учета половозрастного состава сельского населения, отчеты загсов и другие документы, позволяющие выявить причины смертности населения в тылу, определить основные тенденции в динамике смертности гражданского населения области в военный период, а также сравнить их с довоенными показателями. Материалы фонда дополняют документы, хранящиеся в фондах Куйбышевского областного военного комиссариата (Ф. Р-4704) и отдела здравоохранения исполкома Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся (Ф. Р-4050), в совокупности позволяющие представить развитие региональной демографической сферы в условиях войны.

Делопроизводственная документация, извлеченная из фондов Куйбышевского обкома ВКП(б) Самарского областного государственного архива социально-политической истории (Ф. 656) и Куйбышевского горкома ВКП(б) (Ф. 714) помогла рассмотреть материально-бытовое положение населения области в чрезвычайных условиях войны.

Данные материалы были введены в научный оборот для исследования демографической ситуации в Куйбышевской области в 1941–1945 гг., и далее мы представим наиболее значимые и общие результаты работы.

В смертности гражданского населения рассматриваемого региона в годы войны можно выделить два этапа, различающихся как по количественным параметрам, так и по факторам, их определяющим: на первом (лето 1941 – осень 1942 г.) уровень смертности увеличился, особенно с августа по декабрь 1941 г., на втором (осень–зима 1942 – весна 1945 г.) – сократился (табл. 1).

*Таблица 1. Динамика смертности гражданского населения
Куйбышевской области в 1941–1945 гг.*

Дата	Число умерших	%
1941 г.	33955	18,9
1942 г.	41679	23,2
1943 г.	30991	16,9
1944 г.	28418	16,2
1945 г.	16320	10,0
Итого	151363	17,0

Рождаемость тылового населения в годы Великой Отечественной войны претерпела не меньшие изменения, чем смертность. В течение 1941–1945 гг. коэффициент рождаемости сократился почти в 2 раза (табл. 2).

Таблица 2. Рождаемость в Куйбышевской области в 1941–1945 гг.

Год	Число рожденных детей, чел.	%
1941 г.	55457	30,8
1942 г.	37429	20,8
1943 г.	24942	13,6
1944 г.	22123	12,7
1945 г.	26858	16,5
Итого	166809	18,9

В таблице 3 приведены показатели воспроизводства Куйбышевской области с учетом боевых потерь, гибели военнопленных в 1941–1945 гг.

**Таблица 3. Воспроизводство населения Куйбышевской области
в 1941–1945 гг.**

Год	Родилось		Умерло		Естественный прирост
	чел.	%	чел.	%	%
1941 г.	55457	30,8	64463	35,8	–5
1942 г.	37429	20,8	107399	59,9	–39,1
1943 г.	24942	13,6	85633	46,8	–33,2
1944 г.	22123	12,7	60548	34,7	–22
1945 г.	26858	16,5	26337	16,2	–0,3
1941–1945 гг.	166809	18,9	368263	38,7	–19,8

Для итогового анализа потерь региона мы включаем в расчеты безвозвратные людские потери уроженцев Куйбышевской области (216 900 человек).

В регион направлялись потоки эвакуированных, и численность городского населения в годы Великой Отечественной войны увеличилась с 1941 г. по 1945 г. на 20,3 %, что нейтрализовало отток мужчин в армию и отрицательный естественный прирост и обеспечило увеличение численности городского населения области (табл. 4).

**Таблица 4. Динамика численности населения Куйбышевской области
в 1941–1945 гг.**

Дата	Тыс. человек			Удельный вес, %	
	всего	городское население	сельское население	городское население	сельское население
1941 г.	1799,4	713,0	1086,4	39,6	60,4
1943 г.	1829,6	868,2	961,4	47,5	52,5
1944 г.	1744,6	836,1	908,5	47,9	52,1
1945 г.	1626,6	808,2	818,4	49,7	50,3

В Куйбышевской области за 1941–1945 гг. сельское население сократилось на 268 тыс. граждан (24,6 %). Из них 121 029 – погибшие на фронте в результате боевых действий. Косвенные потери села вследствие увеличения уровня смертности и снижения рождаемости в годы войны составляют 94 229 чел. Общая численность населения Куйбышевской области снизилась на 9,6 %.

Сделанные нами выводы говорят о том, что Великая Отечественная война оказала глубокое отрицательное воздействие на демографические процессы в стране, привела к крупнейшей в истории страны демографической катастрофе.

**ДУХОВНАЯ ЦЕНЗУРА ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКИХ
СОЧИНЕНИЙ В СЕРЕДИНЕ XIX в.
(по материалам фонда Санкт-Петербургского
духовного цензурного комитета)**

*Д. А. Карпук
(СПбГУ)*

Материалы фонда Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета, который согласно уставу 1828 г. являлся центральным в духовном ведомстве¹, в настоящее время находятся в 807 фонде Российского государственного исторического архива (РГИА). В фонде, состоящем из двух описей, содержатся дела, общее количество которых составляет 1810 г., с 1816 по 1894 г.

В столичный духовный цензурный комитет поступали рукописи, книги, статьи и т. д. от частных лиц, из организаций, типографий, учреждений как духовных, так и светских. Секретарь комитета распределял поступающий материал между членами комитета. Спустя некоторое время цензоры представляли свои отзывы-рецензии, на основании которых комитет выносил окончательное суждение-вердикт. Если сочинение запрещалось, то рукопись возвращали автору. Иногда в отзыве указывалось, что автор может внести в свое сочинение исправления и предоставить работу повторно.

В большинстве случаев цензоры в своих кратких рецензиях ограничивались только общими словами. Если сочинение пропускалось, то тогда следовала самая радостная для автора фраза, что такое-то сочинение «не представляет ничего противного духовной цензуре и может быть одобрено к печатанию».

В отдельных случаях, которые были прописаны в уставе духовной цензуры, рукописи вместе с отзывами цензоров направлялись на рассмотрение в Св. Синод, который и выносил окончательное решение. Иногда случалось, что рукопись, одобренная комитетом, подвергалась критике в Синоде. В таком случае цензор мог «заслужить» внушение или выговор.

¹ Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре с 1720 по 1870 г. СПб., 1870. С. 54–55.

Так, согласно синодальному указу от 31 декабря 1856 г. следовало, что архиепископ Ярославский Нил просмотрел и запретил печатать представленную Петербургским духовным цензурным комитетом рукопись священника Василия Смарагдова «Жизнь, деяния и писания св. Григория Двоеслова». Причиной запрета послужило наличие в сочинении существенных ошибок, которые могли «пред читателями наводить тень на самую чистоту и святость Церкви Вселенской, и потому подлежат строгому осуждению». Цензору протоиерею Михаилу Богословскому было сделано замечание, а цензурному комитету, «представившему рукопись без ближайшего, очевидно, знакомства с внутренним ее содержанием, поставить сие на вид и внушить в подобных случаях быть на будущее время осмотнительнее»².

Время от времени работа цензоров, судя по рецензиям, напоминала работу детективов, когда на основании содержания и внешнего вида представляемых рукописей приходилось проводить небольшие источниковедческие расследования.

Так, в феврале 1857 г. рассматривался отзыв протоиерея Иоанна Яхонтова о сочинении «История православной церкви». Рукопись, по словам цензора, состояла из «нескольких отдельных тетрадей, которые, по всей вероятности, есть не иное что, как лекции умного наставника, записанные довольно рассеянными слушателями». Такой вывод отец Иоанн делает на том основании, что в рукописи встречается большое количество фраз, «как бы оборванных, недосказанных», много орфографических ошибок. Кроме того, «самый вид этих тетрадей, довольно засаленных и писанных небрежно, показывает, что они были употребляемы в школе». Цензор вполне справедливо делает предположение, что автор сам вряд ли подал бы свое сочинение в таком виде. Поэтому приговор рецензента соответствующий: «особа, представившая эту рукопись в цензурный комитет, должна доставить их самому автору для окончательной обработки сочинения и издания его в свет, если угодно будет сочинителю»³.

² РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1357. Л. 16–16 об. Подробнее о духовном цензурном законодательстве см.: *Карпук Д. А.* Преобразования в сфере духовной цензуры в эпоху императора Александра II // Исторические документы и актуальные проблемы археографии отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников Второй международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2012» / отв. ред. С. А. Котов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 86–90.

³ РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1357. Л. 22–22 об.

Что касается церковно-исторических трудов, то их количество в рассматриваемый период было незначительным. При этом примерно половина поступавших в комитет работ отсеивалась. Для исторических сочинений вполне предсказуемо камнем преткновения становилась пресловутая «объективность», понимаемая авторами и цензорами нередко совершенно по-разному.

Так, в ноябре 1857 г. протоиерей Иоанн рассматривал по поручению канцелярии обер-прокурора Св. Синода рукопись «Исторические записки о Камчатской епархии». В сочинении излагалась история распространения христианства на Камчатке, приводились сведения о деятельности миссионеров и гражданских чиновников. Цензор сразу же упрекнул автора в отсутствии ссылок на источники и поставил под сомнение достоверность некоторых данных, помещенных в сочинении, сравнивая некоторые из них со сплетнями, а не с историческими сведениями. Одна из главных претензий, за что сочинение подверглось жесточайшей критике, сводилась к следующему: «Нельзя не заметить также, что почти все лица, упоминаемые в рукописи, изображаются преимущественно с невыгодной стороны, а о подвигах их сказано слишком мало. Такие лица, как священник Ермолай, архимандрит Иоасаф Хатунцевский и протоиерей Никифор, могли бы быть изображены с большею любовью, известия, бросающие тень на их славу, должно было принимать с большею осторожностью, а добрые их качества и подвиги описать с большею подробностью»⁴.

В августе 1857 г. на рассмотрение в комитет поступило сочинение А. Шамраевского «Опыт исторического обозрения мер, предпринимаемых правительством, к предупреждению и пресечению преступлений против веры в России». Из отзыва цензора В. Н. Карпова явствует, что рецензент явно расположен и к автору, и к теме исследования: «Сочинение Аркадия Шамраевского заключает в себе сведения справедливые и суждения основательные. Но встречаются выражения неточные и сведения, не подтвержденные ссылками на источники. Так как сочинение это, по важности предмета, должно быть представлено на рассмотрение Св. Синода, то надобно просить автора, чтобы он сделал некоторые исправления и дополнения в своем сочинении, по крайней мере, в указанных цензором местах, и потом снова представил его в Комитет духовной цензуры»⁵. Данный отзыв свидетельствует, что иногда духовные цензоры очень доброжелательно относи-

⁴ Там же. Л. 185 об.

⁵ Там же. Л. 146 об.

лись к авторам и делали все возможное для публикации актуальных исследований.

Любопытно, что в журналах цензурного комитета в приложении к пункту по вышеуказанной рукописи приведена справка, в которой дается подробное изложение указа Св. Синода от 31 августа 1850 г., согласно которому духовной цензуре предписывалось, чтобы она «при рассмотрении частичного рода исторических сочинений, более или менее духовного содержания, <...> пропускала к напечатанию только такие, в которых заключаются предметы нужные, полезно-любопытные или назидательные, чтобы обращала внимание на соблюдение приличного образа изложения»⁶.

Содержание данного указа является весьма легкой формой изданного впоследствии указа 1889 г.⁷ Тогда вся богословская наука русской церкви была заключена в чрезмерно тесные объятия синодального надзора и контроля. Поэтому вплоть до Революции 1917 г. писать работы на острые и актуальные темы стало практически невозможно, так как это вызывало критику, иногда, надо отдать должное, справедливую, со стороны духовных властей. То же, что появлялось, в большинстве случаев вызывало критику со стороны светских университетских коллег, обвинявших или просто порицавших церковных исследователей в схоластичности и отсутствии объективности.

⁶ РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1357. Л. 148–148 об.

⁷ *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 419–421.

ХРИСТИАНСКАЯ РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

М. И. Кирова
(БГУ, Белоруссия)

В современном мире, несмотря на скептические прогнозы, вопрос религии остается в числе первостепенных. Неоднородная, постоянно изменяющаяся религиозная картина все же не отменяет того, что религиозный фактор снова становится одним из определяющих моментов в жизни общества. Тем не менее в большинстве развитых стран наряду с кризисом веры возникают и вопросы интеграции мигрантов из совершенно иной культурной среды. В случае с ФРГ налицо две общеевропейские тенденции: снижение роли христианства и рост приверженцев ислама.

Если в 1970 г. протестанты составляли почти половину всего населения (49 %), а католики – 44,6 %, то к 1987 г. эти цифры существенно упали: до 41,6 % протестантов и 42,9 % католиков. При этом за тот же период число людей, не придерживающихся каких-либо религиозных взглядов (к ним отнесли и атеистов, и агностиков) выросло почти втрое – с 3,9 % до 11,4 %. С объединением страны эти цифры упали еще сильнее за счет населения бывшей ГДР. К 2003 г. количество нерелигиозного населения, протестантов и католиков стало практически одинаковым: 31,8 % и 31,3 % соответственно. На данный момент количество протестантов и католиков примерно равное – около 29 %. Ежегодно эти цифры уменьшаются на 0,2–0,3 %, и эта тенденция остается устойчивой уже несколько десятилетий вместе с увеличением числа атеистов (на данный момент они составляют 37,6 %) и мусульман (по предварительным оценкам, от 3 до 4 %).

Непосредственно же уровень религиозности оказывается куда ниже, чем общее число верующих: среди протестантов воцерквленные верующие составляют 53 %, тогда как среди католиков эта цифра ощутимо выше – 64 %.

Крайне показательны и данные, касающиеся молодежи: вера играет важную роль лишь для 44 % молодых католиков и 39 % протестантов (и эти цифры постепенно уменьшаются), в то время как число представителей других религий (в первую очередь ислама) увеличилось и

составило 76 %. Если же принять в расчет ситуацию в целом, то приблизительно лишь четвертая часть молодежи религиозна. В свете демографических проблем ФРГ подобная ситуация является особенно острой.

При этом стоит заметить, что сильное влияние христианства прослеживается во многих сферах жизни ФРГ и сегодня, в формально секулярном государстве. Согласно Основному Закону (ст. 137, в которой говорится, что «не существует государственной церкви»), церковь отделена от государства и объявляется свобода вероисповедания. Однако в реальности церковные институты пользуются немалым влиянием в областях, формально не входящих в их сферу деятельности.

Большую часть финансирования (около 70 %) католические и протестантские церкви получают от сбора отдельного церковного налога с верующих, однако государство выделяет существенные средства из бюджета на социальные учреждения при церкви. В светских школах для верующих проводят уроки религии. Финансируются также многие церковные проекты (например, на помощь развивающимся странам выделяются сотни миллионов евро). Государство также выделяет средства и на высшее теологическое образование (и католическое, и евангелическое), хотя с недавних пор это касается не только христианства: так, в немецких университетах можно изучать и иудейское, и исламское богословие.

Сильное влияние христианских традиций обращает на себя внимание и в отношении государственных праздников. Всего их 16, и 12 из них являются религиозными. На федеральном конституционном уровне воскресенье объявляется «особо защищенным днем», а все магазины закрыты. Запрет касается абсолютно всего населения, независимо от религиозной принадлежности.

В сфере школьного образования споры и конфликты возникают достаточно часто: так, ученик имеет право отказаться от урока религии, но вместо него он обязан посещать этику. Но даже подобный вариант не смог быть реализован без попыток церкви воспрепятствовать посредством СМИ и соответствующей информации.

Если же говорить о школьных учителях в целом, то следует сделать оговорку, что и здесь свобода вероисповедания трактуется довольно своеобразно. Учителями светских предметов могут быть и монахи, которым разрешается быть в их облачении. Преподавательницы, исповедующие ислам, носить платок не могут, хотя в законе этот запрет прямо и не оговаривается из вполне понятных соображений (школьницы-мусульманки, однако, имеют право на ношения платка).

К кругу этих же острых вопросов относится и касающийся религиозной символики в школах. В наиболее нейтральном Берлине они

однозначно отсутствуют, тогда как, например, в Баварии они присутствуют в школах (независимо от религиозного состава учащихся). Более того, попытки изменить ситуацию встречают сопротивление (яркой иллюстрацией тому может послужить скандал с высказыванием Айгюль Озкан (ХДС), заявившей о необходимости убрать религиозные, в частности, христианские символы из школ).

Упомянутое выше влияние церкви на СМИ не случайно: ввиду особенностей так называемой дуальной системы немецкого теле- и радиовещания представители церкви входят в совещательные комитеты и комитеты по этике, а значит, они во многом определяют транслируемый материал и время его показа.

Отдельного упоминания заслуживает и развернувшаяся в конце 90-х гг. XX века кампания против сект, проводимая под активным началом церквей. Под определение секты (которому придавалась особенно негативная коннотация) попадали зачастую не только деструктивные организации. Информация о них тем не менее представлялась зачастую преувеличенно (это можно весьма наглядно проследить на примере сайентологии). В заключении комиссии «Так называемые секты и психогруппы» было сказано, что от 600 исследованных групп не исходит никакой общественной опасности. Общее же количество людей, не принадлежащих к наиболее представленным в Германии конфессиям, составляет около 2 % населения; к ним относятся также и некоторые течения христианского толка.

Находящиеся у власти христианские демократы, ХДС/ХСС, не имеют четко выраженной позиции по религиозному вопросу. В программе партии утверждается, что «ее политика базируется на христианском понимании человека и его ответственности перед богом», но партия «открыта для каждого». Необходимость интеграции оговаривается, но единого плана действий не предлагается. За счет этого достаточно часто возникают конфликты и внутри самой партии. Заявления о провале политики мультикультурализма лишь наглядно подтверждают общее состояние.

Таким образом, на данный момент в ФРГ наблюдается упадок христианства, складывающийся не только в силу социокультурных причин, но и из-за негибкой политики христианских институтов, не учитывающей новых реалий немецкой жизни. Ситуацию осложняет и политическая составляющая, в особенности поддержка церквей государством. При сохранении подобного расклада Германии придется в ближайшем будущем столкнуться с еще большими проблемами социального характера.

ПРАЗДНОВАНИЕ 40-й ГОДОВЩИНЫ ПОБЕДЫ В КИЕВЕ И МОСКВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

О. М. Клименко

(Национальный университет «Киево-Могилянская академия»,
Украина)

В 1965 г. День Победы объявлен государственным праздником¹. Целью установления праздника была демонстрация закономерности Победы, правильности советского строя, преимущества СССР над странами Запада. День Победы использовался для демонстрации и сочетания патриотической, революционной и трудовой традиций, а также единения поколений².

Вопросы советской обрядности и, в частности, празднования Дня Победы остаются недостаточно исследованными. Советской обрядности и празднованиям посвящены труды Кристель Лейн, Дэвида Павела, Мальте Рольфа, Валентины Борисенко, Василия Балушка и других. Однако реконструкции проведения празднования конкретных годовщин Дня Победы не проводились. Нашей целью является сравнение празднования 40-й годовщины Победы в Москве и Киеве. Отметим некоторые праздничные мероприятия, проведение которых было очень похожим, а также определим основные отличия. Для этого используем прессу того времени.

1985 г. – одна из главных годовщин Победы, которая характеризуется масштабным проведением празднования 9 Мая в СССР. Главные праздничные мероприятия проходили в Москве, аналогичные празднования должны были проводиться на всей территории страны. Столица была примером для подражания. Основные празднования годовщины в УССР проходили в Киеве. К 1985 г. главными формами проведения праздника были парад, митинг, торжественное собрание, театрализованно-спортивное представление, манифестация молодежи, тематические вечера, встречи с ветеранами, концерты и т. п.

¹ Бокань Ю. И., Болгарин Г. Р., Герасименко В. К. Наши праздники. М., 1977. С. 28.

² Шліхта Н. Історія радянського суспільства / Навч. посібник. К., 2010. С. 74.

40-летие Победы в Москве проходило по такому сценарию: торжественное собрание, митинг, возложение венков к Мавзолею В. И. Ленина и могиле Неизвестного солдата, праздничные концерты. На торжественном собрании, которое состоялось в Кремлевском дворце съездов 8 мая, присутствовали партийные и правительственные представители, партийно-правительственные делегации социалистических стран, представители международных организаций³. На собрании выступали участники партизанского движения, ветераны труда, докладывали представители всех видов войск⁴.

Главной частью собрания стал доклад Михаила Горбачева «Бессмертный подвиг советского народа». Этот доклад свидетельствует о том, какую роль отводили празднику и какое значение придавали Победе. На это указывает уже само название доклада: Победа трактовалась как подвиг всего народа, о котором нельзя забывать следующим поколениям. Особое внимание в докладе уделялось «правильности» общественного строя и достижениям государства: «Советское общество сегодня – это общество высоко развитой экономики; постоянно растущего благосостояния народа; высокой образованности и культуры народа, его богатой духовной жизни; общество, в котором решены крупнейшие социальные проблемы»⁵.

Однако сороковая годовщина Победы стала особой не благодаря торжественным собраниям, которые, очевидно, были похожи на те, что проводились в предыдущие годы, а благодаря параду, проведенному на Красной площади, который по масштабности приравнялся к параду в Москве, прошедшему в 1945 г. Однако если в параде 1945 г. героями были прежде всего фронтовики, то в этом особое внимание также уделялось передовикам производства. Особенностью этого парада было то, что он состоял из двух частей: первая – историческая – рассказывала о ветеранах войны, партизанах; другая – современная – демонстрировала силу Вооруженных сил СССР⁶. Вообще весь парад должен был быть максимально похожим на Парад Победы: на площадь были внесены знамя Победы, в форме солдат войны прош-

³ Великої Перемоги немеркнуче світло [ТАРС] // Радянська Україна. 1985. 9 травня. № 107. С. 1.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Бессмертний подвиг радянського народу // Радянська Україна. 1985. 9 травня. № 107. С. 2.

⁶ Давыдов А. Д. Парад победителей. Днепропетровск, 1985. С. 19.

ли представители академий Вооруженных сил СССР, которые были представлены как наследники воинской славы фронтовиков⁷.

Главной составляющей парада было прохождение военной техники времен войны, а затем современной. Современная боевая техника должна была продемонстрировать, что армия способна защитить свой народ. Техника 1980-х гг. характеризовалась как «сплав новейших достижений науки и передовой технологии»⁸.

В Киеве официальные праздничные мероприятия 1985 г. начались 7 мая с проведения торжественного собрания в зале Дворца культуры «Украина», в которых принимали участие ветераны, Герои СССР, участники партизанского и подпольного движений, рабочие-передовики, представители партийных и общественных организаций⁹. Главной частью торжественного собрания в Киеве был доклад первого секретаря ЦК Компартии Украины Владимира Щербицкого. Основными его акцентами были «правильность марксистско-ленинской идеологии и всего общественного строя СССР», «роль партии в одержании Победы», «особая миссия Советской страны – сохранение мира во всем мире», «героизм советских воинов»¹⁰. Как видим, проведение торжественного собрания и состав участников был почти одинаковым, а в докладах обоих руководителей сделаны похожие акценты: прославление Победы, партии, социалистического строя.

Главным отличием празднования в Киеве от Москвы было отсутствие военного парада. Вместо него было проведено театрализованно-спортивное представление, которое состоялось на Республиканском стадионе. В нем были использованы боевые машины, однако их количество значительно меньше, чем то, что на параде в Москве, и их прохождение не было центральной частью праздника, потому что целью проведения парада была демонстрация боевой силы СССР, а в представлении доминировала тема мира, развитие государства после войны. Подтверждением этого были лозунги на транспарантах: «Мир», «Дружба», «Братство», «Нет – крылатым ракетам!», «За мир-

⁷ Мир відстояли – мир захистимо [ТАРС] // Радянська Україна. 1985. 10 травня. № 108. С. 2–3.

⁸ Там же.

⁹ Немеркнуче світло великого подвигу [РАТАУ] // Радянська Україна. 1985. 8 травня. № 106. С. 1.

¹⁰ Немеркнуче світло великого подвигу [РАТАУ] // Радянська Україна. 1985. 8 травня. № 106. С. 2.

ный космос!» и другие¹¹. Много времени представления было отдано выполнению номеров хоровых и танцевальных коллективов, спортивным выступлениям. Последние прошли под призывом «Выше знамя советского спорта!»¹².

Таким образом, празднование Дня Победы в Киеве было похожим на то, что происходило в Москве. Очень похожими были торжественные собрания. Однако в Киеве не было проведено военного парада. Праздничные мероприятия в основном проходили под призывом сохранения мира и демонстрации достижений. Можно предположить, почему отсутствовал парад. Прежде всего, цель празднования в сравнении с 1960-ми гг. несколько изменилась: в 1980-х гг. нужно было показать, что достигнуто в мирное время. Поэтому и парад в Москве также состоял не только из исторической части, напоминающей о Победе 1945 г., но и части, посвященной военным достижениям за 40 лет.

¹¹ Немеркнуче світло великого подвигу [РПАУ] // Радянська Україна. 1985. 8 травня. № 106. С. 4.

¹² Подвиг батьків славлять сини [РПАУ] // Радянська Україна. 1985. 10 травня. № 108. С. 3.

РАЗВИТИЕ ПАНСЛАВИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

М. К. Ковтуненко
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Идея славянского единства занимала умы российских мыслителей на протяжении не одной сотни лет. Актуализация идеи славянского единства часто приходилась на периоды внешнеполитических изменений. Один из витков интереса к славянской тематике приходится на начало XX в., что на практике выразилось в проведении с разницей в 2 года двух славянских съездов: в Праге в 1908 г. и в Софии в 1910 г., а также проведенных в это же время съездов славянских журналистов и юристов.

Такой подъем интереса к славянской тематике был во многом вызван бурными внешнеполитическими событиями, прежде всего Боснийским кризисом 1908 г. и Балканскими войнами. В сентябре 1908 г. Австро-Венгрия официально объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. Россия, Турция и Сербия заявили протест, но он не был поддержан Англией и Францией, которые были не заинтересованы в изменении режима черноморских проливов. Новое обострение ситуации на Балканах произошло в 1912–1913 гг. Весной 1912 г. Болгария, Сербия, Греция, Черногория объединились в Балканский союз. Осенью 1912 г. Балканский союз начал военные действия против Турции. Войска Турции были разгромлены (первая Балканская война). Однако дальнейшая история показала существование серьезных противоречий в блоке победителей, что привело к началу второй Балканской войны, уже между победившими странами¹. Такова историческая внешнеполитическая канва, повлиявшая на подъем интереса к славянской тематике в Российской империи.

Что касается особенностей славянского движения в начале XX в., можно отметить, что славянские съезды начала XX в. с идеологической

¹ Моряков В. И., Федоров В. А., Щетинов Ю. А. История России: Пособие для старшеклассников и абитуриентов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Моск. Ун-та; Высшая школа, 2003. С. 330–331.

точки зрения отличались от съездов XIX в.² В современной историографии распространена точка зрения, что «на Пражском съезде 1908 г. была предпринята попытка обсудить и принять новую славянскую программу, ориентированную на реализацию идеи славянской общности во всех сферах общественной жизни славянских народов – политике, экономике и культуре на основе буржуазно-демократических лозунгов свободы, равенства и братства»³. Считается, что идеологической основой съездов 1908 и 1910 гг. стала идеология так называемого неославизма.

В литературе существуют различные точки зрения на вопрос о соотношении идеологии неославизма с другими идейными течениями, в основу которых была положена идея славянского единства. Так, по замечанию З. С. Ненашевой, «большинство западноевропейских и американских историков рассматривали его как одну из трансформаций панславизма», в то время как в российской исследовательской традиции, например в работах В. А. Дьякова, «буржуазно-националистический неославизм являлся по своей сути несомненным преемником идеологии левого крыла пореформенного славянофильства»⁴.

Довольно широкое развитие идеи славянского единства в первой четверти XX в. получили в Императорском Новороссийском университете в Одессе. Как отмечает М. Смолин, «Новороссия была необычным краем в империи, неким панславистским полигоном. На новороссийских землях жили выходцы из различных балканских земель, в том числе множество сербов, болгар и греков, переселившихся сюда, спасаясь от турецкого владычества... Новороссийский край взрастил много деятелей славянского движения конца XIX – начала XX в.»⁵. Здесь можно привести характерный эпизод из истории: А. А. Борзенко, одесский общественный деятель, преподаватель гражданского права Новороссийского университета, приковал внимание общественности заявлением о намерении пожертвовать 100 000 руб. на созыв

² См.: Славянское движение XIX–XX веков: Съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения / отв. ред. М. Ю. Досталь. М., 1998.

³ *Ненашева З. С.* Славянский съезд 1908 г. в Праге и его место в формировании идеологии и программы неославизма // Славянские съезды XIX–XX вв.: Сб. статей / РАН Институт славяноведения и балканистики. М., 1994. С. 99.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ *Смолин М. Б.* Энциклопедия имперской традиции русской мысли. 2005. С. 162.

общеславянского съезда⁶. Свое развитие идеи панславизма получили в трудах профессора П. Е. Казанского и И. И. Дусинского.

Профессор П. Е. Казанский, являясь с 1908 г. деканом юридического факультета Императорского Новороссийского университета, стал одним из ведущих участников славянского движения и как делегат Императорского Новороссийского университета присутствовал на Славянском съезде в Софии в июне 1910 г., где сделал доклад на собрании славянских юристов, в котором наметил пути сближения славян между собой. Кроме того, Казанский являлся председателем Одесского отделения «Галицко-русского благотворительного общества», которое при своей малочисленности смогло приютить несколько тысяч беженцев.

Он был также членом Одесского отделения Комитета Имени Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны, являясь членом исполнительного Комитета помощи беженцам русской национальности. Помимо общественной деятельности профессор Казанский писал о необходимости объединения славян в следующих работах: «Русский язык в Австро-Венгрии», «Современное положение Червонной Руси. Австро-венгерские зверства», «Присоединение Галичины, Буковины и Угорской Руси», «Галицко-русские беженцы в Одессе»⁷.

Другим представителем Императорского Новороссийского университета, развивавшим идеи панславизма в начале XX в., был И. И. Дусинский. Иван Иванович Дусинский родился в Харькове. В августе 1899 г. поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета. В 1910-е гг. Дусинский был помощником библиотекаря Императорского Новороссийского университета, сотрудничал в одесской газете «Русская речь», где под псевдонимом «Арктур» в 1908–1910 гг. печаталась его работа «Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военноморской политики». Во время Первой мировой войны известно его обращение к «Славянам»⁸.

⁶ *Ненашева З. С.* Славянский съезд 1908 г. в Праге и его место в формировании идеологии и программы неославизма // Славянские съезды XIX–XX вв.: Сб. статей / РАН Институт славяноведения и балканистики. М., 1994. С. 100–101.

⁷ *Смолин М. Б.* Энциклопедия имперской традиции русской мысли. 2005. С. 162–165.

⁸ Там же. С. 111.

В своих работах Дусинский предлагает проект федеративного всеславянского союза. Сближение славянских племен, по его мнению, должно оформиться в политическом объединении, «под сенью крыльев русского державного орла», ибо только политическое объединение будет гарантией культурного и экономического сближения. Чтобы ответить на вопрос, в какой форме должно произойти славянское объединение, Дусинский проводит обзор современного ему опыта федеративного государственного строительства.

Последовательно рассмотрев примеры Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии, США и колоний Великобритании, он приходит к выводу, что хотя в целом федеративные государства менее устойчивы и долговечны, чем государства национальные, однако и они могут быть целесообразны, если в федерации будет доминировать одно национальное ядро, вокруг которого сгруппируется все культурное разнообразие других национальных единиц. Что касается идеальной модели для панславянского государства, то она должна приближаться «к такому типу, в рамки которого удобно укладывается все разнообразие национальных разновидностей и политических форм. Этот тип может быть образован путем органического соединения особенностей швейцарской республики и германской империи»⁹.

Таким образом, формула всеславянского государства такова: за всяким славянским народом признается одинаковое право на самобытное развитие и национальное существование в пределах гарантированной ему территории, на которой он является полноправным хозяином. Всеславянская держава должна состоять из ряда автономных национальных областей: русской, болгарской, сербской, хорватской, словенской, словацкой, чешской и польской. Что касается неславянских народностей: румыны, греки, албанцы, мадьяры, австрийские немцы, — их возможно принять в состав союзного славянского государства на равных правах со славянами. Общеславянскими федеральными объединительными началами должны стать культурные и экономические связи, единство военной и морской организации, объединение направляющих органов внешней политики, таможенная уния, приведение к единой норме денежных знаков и единиц меры и веса. Но главной связующей силой наряду с единством происхождения должен стать единый общеславянский язык¹⁰.

⁹ Дусинский И. И. Геополитика России. 2003. С. 66.

¹⁰ Там же. С. 70.

Таким образом, в начале XX в. в Российской империи происходит рост интереса к теме славянского единства, обусловленный серьезными внешнеполитическими изменениями на Балканах. Важным центром развития таких идей стал Императорский Новороссийский университет, в стенах которого предлагали свои идеи и проекты славянского объединения профессор П. Е. Казанский и И. И. Дусинский.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ БЮРОКРАТИИ В АНАРХИСТСКОЙ ДОКТРИНЕ М. А. БАКУНИНА

А. М. Козлова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Михаил Александрович Бакунин – выдающийся политический мыслитель XIX столетия, один из самых ярких приверженцев анархизма. Его труды многогранны, отличаются непоследовательностью взглядов и идей. По характеру своей индивидуальности, во многом обусловившей жизненные перипетии и отразившейся в особенности его теоретического поиска, Бакунин предстает перед нами прежде всего «практическим революционером», человеком, в котором, по свидетельству А. И. Герцена, «лежал зародыш колоссальной деятельности»¹. В своем идейно-политическом развитии Бакунин прошел долгий путь от стойкого апологета государственности до яркого революционера-анархиста.

Важной вехой в развитии политических идей русского анархиста стала проблема бюрократии, которая лейтмотивом проходит через все работы Бакунина.

Творчество автора можно разделить на два этапа: доанархистский (1841–1861 гг.) и собственно анархистский (1861–1876 гг.).

Рассмотрев эти этапы, можно определить ряд тенденций, которые определяют отношение Бакунина к проблеме бюрократического управления.

На ранних этапах творчества будущего апологета революции и анархизма Бакунин лишь обозначил проблему, которая лежала на поверхности социально-политической жизни как российского, так и европейского общества. Знакомясь с трудами выдающихся немецких мыслителей, он еще стоит на позициях государственности, но уже тогда видит изъяны в государственной системе управления.

¹ *Ширинянц А. А., Матвеева Ю. А., Талеров П. И.* Михаил Александрович Бакунин // Бакунин М. А. Избранные труды / сост. П. И. Талеров, А. А. Ширинянц; авт. вступ. ст. А. А. Ширинянц, Ю. А. Матвеева, П. И. Талеров; коммент., указ. имен П. И. Талеров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 18.

Назревающая революция, а вместе с ней и недовольство в Европе оказывают большое влияние на ход рассуждений будущего анархиста. И бюрократия становится уже не просто проблемой, но основой, на которой держится угнетение народов государственной властью.

Итогом доанархистского периода творчества Михаила Александровича становится работа «Положение в России (Современная картина)»², в которой Бакунин выделяет основные черты бюрократии. Иерархичность, коррупционность, дезорганизация – вот основа правления царя и его чиновников. «Чиновничий мир, – пишет Бакунин, – есть хорошо расчлененное целое, лестница, состоящая из бесчисленных ступенек, из которых нельзя пропустить ни одной, если хочешь достичь вершины, царя. Недаром сказано в поговорке: до неба высоко, до царя далеко»³. Он утверждает, что необходимо покончить с таким положением дел и дать обществу возможность для самоорганизации, без насилия и угнетения со стороны государства.

Таковыми мыслями начинается второй период творческой деятельности Бакунина – период, когда он приходит к полному отрицанию государства в пользу самоорганизации общества на принципах свободы и равенства.

Обозначив проблему, дав ей характеристику, а также найдя ее истоки, Бакунин ищет метод ее решения. И находит его в революции. Последние работы Михаила Александровича являются своеобразной апологией революционных изменений в обществе. Государство и его система управления, пишет Бакунин, противоречат самой природе человека, а значит, подлежит уничтожению. Перемены в обществе необходимы, но осуществить их можно только насильственным путем, при помощи единого центра организации – тайного общества и партии, которая станет основой для сплочения народов в борьбе с государственным и бюрократическим гнетом.

К этому времени Бакунин уже изъездил полмира, принял участие в различных революционных восстаниях, и на основе эмпирических данных он выстраивает сравнительную систему, в которой сравнивает российскую и европейскую бюрократии. Итогом этих рассуждений стал вывод о том, что при всех различиях европейских государств и

² Бакунин М. А. Положение в России // Бакунин М. А. Избранные труды / сост. П. И. Талеров, А. А. Ширинянц; авт. вступ. ст. А. А. Ширинянц, Ю. А. Матвеева, П. И. Талеров; коммент., указ. имен П. И. Талеров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

³ Там же. С. 132.

России они имеют общие черты, характеризующие бюрократическое устройство государственного управления. К этим чертам Бакунин относит в первую очередь иерархичность структуры чиновничьего аппарата, культ государя, преклонение перед чинами, карьеризм и т. д.

Россия, считает Бакунин, переняла этот опыт управления государством у Германии. Но замечает, что такой способ организации государства чужд крестьянину и простому рабочему, а именно эти два класса составляют подавляющее большинство населения страны.

Проведя всеобъемлющий анализ социальных проблем общества, основанный на практическом опыте, Бакунин полностью сформировал свою теорию анархизма, центром ее стала идея революционного переворота, которая должна была снять все противоречия в общественной структуре.

Взгляды и идеи Бакунина оказали в дальнейшем большое влияние на народническое движение в России. Его труды и сейчас привлекают большое внимание со стороны общественности. Он был мыслителем-практиком, свои идеи он старался воплотить в жизнь, он был своеобразным российским «первопроходцем» в теорию анархизма, которую активно развивал как в своих произведениях, так и в общественных начинаниях.

«БАЗА ДАННЫХ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ПРИКАМЬЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ»

*А. А. Колдушко, к.и.н.
(Пермский национальный исследовательский
политехнический университет)*

В последнее время архивы, располагающие архивно-следственными делами на репрессированных, активно занимаются созданием баз данных. Так, в Пермском государственном архиве новейшей истории при поддержке общества «Мемориал» создана база данных репрессированных, которая сформирована на основе 34 287 архивно-следственных дел. Ее уникальность состоит в том, что она содержит 56 полей: фонд, опись, дело, фамилия, имя, отчество, пол, дата рождения (год), возраст, место рождения, адрес до ареста (республика), адрес до ареста (область/край), адрес до ареста (город/село), гражданство, национальность, партийность, социальное положение, образование, профессия, место работы, ранее репрессирован / не репрессирован, характер репрессии, компрометирующие сведения, состав семьи, дата ареста, кем репрессирован, обвинение, статья обвинения/республика, статья обвинения/год, статья обвинения УК, дата осуждения, кем осужден, осужден по обвинению, статья/республика, статья/год, статья УК, приговор, характер репрессии, дело прекращено, дата прекращения, освобождение, освобожден по.., дата смерти, реабилитирован / не реабилитирован, кем реабилитирован, дополнительные сведения. Работа над базой велась с 1998 по 2004 г., и она полностью завершена.

Этот огромный массив информации открывает поле для разнообразных исследований. Обозначим некоторые направления изучения.

1. *Динамика репрессий* – выявление процессов нарастания, «пиковых» всплесков, плато, спада репрессивной политики (возможно составление выборки по социальным группам, по профессиям, по возрастным группам и др.), изменение динамики периода между арестом и вынесением приговора (или освобождением) репрессированного и т. д., составление графиков, отражающих эту динамику.

2. *Выявление* разнообразных *социальных групп*, подвергшихся репрессиям (например, определение соотношения репрессированных инженерно-технических работников к общему количеству репрессированных).

3. *Реконструкция портретов* отдельных социальных групп (изучение профессионального, возрастного, семейного, полового, национального состава и др.), что позволяет сделать историко-социологические выводы.

4. *Выявление* различного рода *корреляций* (к примеру, зависимость между датой ареста и тяжестью приговора, между социальным положением и тяжестью приговора, между профессией и тяжестью приговора¹, между датой рождения и тяжестью приговора, анализ репрессивных судебных/внесудебных органов и зависимостей тяжести приговора от органа, выносившего приговор, зависимости между местом жительства (город – село) и тяжестью приговора и др.).

5. *Анализ* частей ст. 58 Уголовного кодекса СССР, по которым выдвигалось *обвинение* (антисоветская агитация, контрреволюционная деятельность, антисоветская деятельность, шпионаж, вредительство) в динамике, в количественном и процентном соотношении в отношении к общей численности репрессированных и к конкретной социальной группе и пр.

6. *Анализ реабилитационных мероприятий* по архивно-следственным делам (например, динамика между датой приговора и моментом реабилитации, выявление «волн» реабилитации и пр.).

Однако при использовании базы данных репрессированных нужно учитывать некоторые ее особенности:

– во-первых, необходимо перепроверять сведения, указанные в базе данных репрессированных, с конкретными архивно-следственными делами, поскольку возможны неточности, некорректное внесение или интерпретация данных (например, социальное положение определяется на момент составления анкеты арестованного, что может не соответствовать действительности);

– во-вторых, ограниченность заданных параметров: поля, по которым составляется база, далеко не исчерпывающи, не включают, например, карьерные траектории репрессированных, что не всегда дает возможность корректного определения профессии или социального

¹ При этом следует учитывать и предыдущие должности. Так, например, на момент ареста репрессированный мог занимать должность начальника треста, а ранее занимал должность секретаря райкома ВКП(б).

положения (например, на момент ареста репрессированный мог быть безработным, однако за несколько месяцев или дней он занимал важный пост);

– в-третьих, неточность и противоречивость самого источника, по которому составляется база данных (к примеру, в анкете указана одна профессия, в шапочной части допроса – другая).

Таким образом, база данных репрессированных позволяет успешно исследовать большие массивы однородных источников, анализировать социальную динамику, определять социальные характеристики репрессированных, выявлять закономерности, направленность репрессий в разные временные периоды.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ СТАТУСА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Н. Н. Колодезникова
(Постпредство Республики Саха (Якутия)
при Президенте РФ)*

История рождения института представительств органов исполнительной власти субъектов при президенте или Правительстве Российской Федерации берет свое начало в 1918 г. В те далекие годы действующее законодательство основной целью их создания определило: *«участие в выработке государственных мероприятий, касающихся республик, представление и защита политических, экономических и культурных интересов в центральных органах»*¹.

Необходимость создания института представительств обуславливалась затруднявшими установление Советской власти на местах и пропаганды проводимой партией большевиков политики факторами, такими как большая удаленность национальных окраин от столицы страны, плохие средства связи, экономическая отсталость, бытовые и национальные особенности. Таким образом, в то драматическое время институт представительств играл важную роль одного из связующих звеньев в развитии нового социалистического государства.

В советский период отдельные вопросы развития института представительств союзных республик и субъектов РСФСР были освещены в трудах юристов и историков: Ананова И. Н. (1951), Златопольского Д. Л. (1960), Ямпольской Ц. А. (1960), Крохоткина А. М. (1962), Манохина В. М. (1963) и др. В 1971 г. диссертационное исследование «Государственно-правовые основы представительств союзных республик в органах СССР» провел Альперавичус С. Е. В постсоветский период изучению деятельности представительств субъектов Федерации посвящено научное исследование Дондовой Г. В. (2000)².

¹ ГА РФ. Ф. 1234. Оп. 2. Д. 1889. Л. 14.

² *Ананов И. Н.* Система органов государственного управления в Советской Социалистической Федерации. М., 1951; *Златопольский Д. Л.* Государственное устройство СССР. М., 1960; *Ямпольская Ц. А.* Органы государственного

Деятельность представительств, в том числе и развитие ее правового поля, неразрывно связаны с развитием государственности страны. Это обусловлено тем, что представительства выступают как вспомогательные учреждения в системе исполнительных органов государственной власти. В связи с этим историю развития статуса представительств условно можно разделить на 4 периода, связав их с социально-экономическими и политическими изменениями в стране.

Причины создания института представительств кроются в первом периоде (1918–1921 гг.), берущем начало в дни Октябрьского переворота. Руководителями молодого советского государства была принята попытка решить национальный вопрос и сохранить территориальную целостность бывшей Российской империи. В этом состояло своеобразие вновь создаваемого государства, так как на тот исторический момент существовавшие федеративные государства представляли форму территориальных объединений, сложившихся в силу тех или иных исторических обстоятельств³. Основы национально-государственной политики государства были сформулированы 2 ноября 1917 г. в «**Декларации прав народов России**»⁴.

Для проведения национальной политики в 1917 г. был создан Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац)⁵, деятельность которого распространялась на территорию РСФСР и на все национальные окраины. В условиях Гражданской войны, интервенции, острой классовой борьбы Наркомнац имел особый статус в сравнении с действующими наркоматами: «*Обязать все наркоматы, во всех... мероприятиях в отношении окраин республики и областей... запрашивать мнение Наркомнаца*»⁶. Ввиду особой важ-

управления в современный период. М., 1960; Крохоткин А. М. Постоянные представительства – органы связи Совета Министров союзных республик с Советом Министров СССР // Советское государство и право. М., 1962. № 11; Манохин В. М. Порядок формирования органов государственного управления. М., 1963; Альперавичус С. Е. Государственно-правовые основы представительства союзных республик в органах СССР // Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971; Дондокова Г. В. Практика представительства субъектов Российской Федерации в федеральном центре. Улан-Удэ, 2000.

³ Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории советской конституции. М., 1987. С. 53.

⁴ Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. № 3, 4.

⁵ СУ. 1917. № 1. С. 1.

⁶ Жизнь национальностей. М., 1920. № 35.

ности решаемых задач Наркомнац имел свой печатный орган – газету «Жизнь национальностей»⁷.

В первой половине 1918 г. параллельно возникают государственные образования советского типа на Украине, в Литве, Латвии, Эстонии и др. и на территории РСФСР национальные по типу субъекты Федерации – автономные республики. Конституция РСФСР 1918 г. закрепила принцип национально-территориальной Федерации. За период с лета 1918 г. и по 1920 г. на территории РСФСР возникло более 20 автономных республик и областей.

На начальном этапе развития Наркомнаца его структурными частями являлись комиссариаты (латышский, литовский, белорусский) и отделы. 19 мая 1920 г. вышел Декрет ВЦИК, предусматривающий создание на правах отделов Наркомнаца национальных представительств⁸, которым помимо представительских функций вменялись также функции государственного контроля: «...*обобщить опыт проведения политики контроля, за выполнением издаваемых центральной федеральной властью постановлений, ограждающих права и интересы национальных меньшинств*»⁹.

В это труднейшее время начинает формироваться нормативно-правовая база института представительств¹⁰, которую составляли акты высших органов государственной власти: Президиума ВЦИК, ВЦИК, СНК, Наркомнаца, обеспечившая их эффективную работу в решении сложных задач. В тот период сотрудники представительств проводили большую работу по уточнению сложившихся национальных границ, формированию бюджетов республик, снабжению продовольственными и материальными товарами и др. Возникающие новые функции, права и обязанности представительств оперативно закреплялись в правовой базе: «...*все мероприятия Советской власти, имеющие исключительное отношение к данной национальности, обсуждаются заранее в соответствующем отделе или подотделе и вносятся для разрешения в Совет национальностей*»¹¹.

Второй период в деятельности представительств связан с переходным периодом, или периодом нэпа (1921–1930 гг.). В ходе Гражданской войны в стране укрепился новый политический режим, начал-

⁷ Там же.

⁸ СУ. 1920. № 45. С. 202.

⁹ История Советской Конституции. 1927–1956 гг. М., 1957. С. 367.

¹⁰ СУ. 1922. № 47. С. 600.

¹¹ Жизнь национальностей. М., 1920. № 17.

ся процесс перехода власти от одних центральных органов (съезда, ВЦИК) к другим, более узким (СНК), от местных органов государственной власти к центральным.

В государстве, встающем на мирный путь развития, назрела необходимость совершенствования сложившейся системы государственных учреждений. Проводившиеся реформы коснулись и института представительств. 21 апреля 1921 г. принимается постановление ВЦИК «О национальных представительствах и подотделах при Народном комиссариате по делам национальностей»¹², на основании которого все национальные отделы передавались в распоряжение соответствующих национальных представительств.

Постановление обязывало создающиеся государственные автономные национально-территориальные объединения открывать свои представительства при Наркомнаце в качестве структурных подразделений. Цель деятельности представительств определялась как: *«помимо установления тесной органической связи автономных единиц с центром и обратно, является участие через Большую коллегию в выработке и проведении в жизнь всех государственных мероприятий, касающихся национальностей РСФСР»*¹³.

После создания СССР на основании постановления Президиума ВЦИК и СНК РСФСР 20 марта 1924 г. Наркомнац был ликвидирован как орган, выполнивший свою основную миссию. Представительства автономных республик и областей при Наркомнаце были реорганизованы в представительства при Президиуме ВЦИК.

28 июня 1924 г. Комиссия ВЦИК приняла «Положение о представительствах автономных республик и областей», согласно которому в качестве координирующего и согласительного органа института представительств был создан Совет представителей. Высшим органом являлось Бюро представительства в составе одного председателя и двух членов, утверждаемых Президиумом ВЦИК. В функции Бюро входили созыв общих собраний представителей; контроль за исполнением принятых решений и др.

На основании утвержденного Положения представительства могли издавать свои Положения с учетом местных особенностей. Финансирование представительств переводилось на бюджет ВЦИК, представителям давалось право участия с совещательным голосом на заседаниях центральных органов власти при рассмотрении вопросов, касающихся интересов представляемых ими регионов.

¹² СУ. 1921. № 39. С. 206.

¹³ СУ. 1922. № 47. С. 600.

К началу тридцатых годов в стране полностью сформировалась тоталитарная система государственной власти. В сложившейся административно-командной системе государственные и хозяйственные органы действовали под жестким контролем партии в рамках централизованного управления ведомственного аппарата. С усилением централизации власти и усилением роли отраслевых народных комиссариатов СССР началось и сокращение прав представительств, в первую очередь они отстранялись от воздействия на законодательную власть.

Наступили предвоенные годы. Сложная международная обстановка оказывала сильное влияние и на внутривластную. 13 декабря 1938 г. вышло постановление Президиума ВЦИК о ликвидации всех представительств автономных республик и областей при Президиуме ВЦИК. В Москве здания и помещения ликвидированных представительств были переданы в ведение Управления делами Президиума Верховного Совета РСФСР. В связи с военным положением на протяжении всей Великой Отечественной войны представительства автономных республик не действовали.

В 1945 г., несмотря на продолжающееся ужесточение политического режима, ряду представительств автономных республик было разрешено возобновить свою деятельность. Их работа продолжалась до 1962 г., в декабре этого года Совет Министров РСФСР выпустил постановление о прекращении деятельности представительств.

Только одному из представительств автономных республик спустя два года в порядке исключения было разрешено продолжить свою деятельность. 10 февраля 1964 г. вышло постановление Совета Министров РСФСР «О постоянном представительстве Совета Министров Якутской АССР при Совете Министров РСФСР в г. Москве», которое разрешало Совету Министров ЯАССР создать представительство в составе трех ответственных и одного технического работников. Это было связано с началом развития промышленного комплекса в Якутской Автономной ССР, имевшим для СССР стратегическое значение. Впоследствии деятельность этого представительства не прекращалась, вплоть до наших дней.

Четвертый период деятельности института представительств относится к постсоветскому периоду. Одной из особенностей Российской Федерации являлось то, что субъектами Федерации стали не только национально-территориальные, но и территориальные образования: области, края, автономные области и округа, города федерального значения.

22 августа 1991 г. вышел Указ Президента РСФСР: «*О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти РСФСР*», согласно которому республики в составе РСФСР получили право учреждать свои представительства при Президенте РСФСР. Указ определил цель учреждения представительств как обеспечение «*взаимодействия высших органов исполнительной власти РСФСР и республик в составе РСФСР*»¹⁴.

В целях приведения действующей законодательной базы в области федеративных отношений в соответствие Федеративному договору 2 апреля 1992 г. вышел Указ Президента РФ «*О представительствах администраций краев и областей при Правительстве Российской Федерации*»¹⁵, уравнивающий право всех субъектов Федерации иметь представительства при федеральных органах власти. Сегодня более 70 субъектов Федерации создали свои представительства в Москве.

Если исходить из основной цели деятельности представительств – обеспечение слаженного и целенаправленного взаимодействия высших органов исполнительной власти Российской Федерации и администраций субъектов Федерации, – то она лежит в сфере государственной службы, образующей юридический институт конституционного законодательства.

Согласно ст. 77 п. 1 Конституции Российской Федерации субъектам Федерации принадлежит право устанавливать собственную систему органов государственной власти, соответствующую основам государственного строя. Данная система может включать различные учреждения, создаваемые органами исполнительной власти субъектов Федерации, в целях достижения более высокой эффективности и оптимизации своей деятельности, которые, однако, не являются органами государственной власти ни Федерации, ни ее субъектов. К таким учреждениям относятся и представительства.

В соответствии с Конституцией РФ (ст. 76) субъекты Федерации правообязаны осуществлять собственное правовое регулирование. В действующем правовом поле регламент деятельности представительств и их положения определяются правовыми актами субъектов Федерации. По форме это постановления, распоряжения, принимаемые законодательными и исполнительными органами государственной власти субъектов РФ. По сфере регулирования общественных отношений они относятся к актам, принимаемым по предметам со-

¹⁴ Ведомости СНД и ВС РСФСР. М., 1991. № 34. Ст. 1146.

¹⁵ Ведомости СНД и ВС РФ. М., 1992. № 15. Ст. 826.

вместного ведения Российской Федерации и ее субъекта, т. е. целеполагание представительств в своей реализации затрагивает также уровень органа государственной власти Российской Федерации и должно было бы обеспечиваться и федеральной юрисдикцией по установлению прав и обязанностей.

Таким образом, уровень субъектов правоотношений в рамках проблемы правового регулирования деятельности представительств обязывает к поиску механизмов совершенствования правотворческого процесса для выражения более полной картины общественных интересов.

Как уже отмечалось, пройдя почти вековую историю развития, институт представительств в настоящее время не имеет четкого правового механизма, регулирующего его деятельность на федеральном уровне. Поэтому автор статьи предпринял попытку ознакомить читателя с отдельными фактами из истории института представительств, показывающими достаточно богатый опыт, в том числе и развития юридических основ его деятельности.

Объективный ход событий, как известно, не стоит на месте. Известно, что все правовые явления вырастают из предшествующих и трансформируются в будущие. Правовой вакуум, существующий сегодня в рассматриваемом вопросе, должен заполниться путем эволюционного сближения исторических знаний, действующих норм законодательства, в том числе и регионального, и общих норм, сложившихся из серии отдельных юридических фактов. Коллективные организационные усилия могут способствовать этому преобразованию в новый нормативный правовой акт, обеспечивающий нормальное юридическое состояние института представительств в современном обществе.

Вопрос о правовом статусе представительств исполнительной власти субъектов Российской Федерации в федеральных органах имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. Совершенствование правовых основ деятельности представительств путем принятия закона или иного правового акта, определяющего его статус на федеральном уровне, обеспечит необходимое единообразие и упорядочение в правоотношениях между институтом представительств и федеральными органами власти и управления, что приведет к улучшению управленческо-организационной деятельности и будет являться определенной лептой в строительство правового государства.

РОССИЯ 1917-го г. НА СТРАНИЦАХ «ТАЙМС»

М. С. Комкова
(Брянский государственный университет
имени ак. И. Г. Петровского)

Одним из главных источников информации является газета. На протяжении времен она меняла форму, содержание, читателей, но до сих пор сообщает нам различную информацию.

В основу нашего исследования было положено изучение газеты «The Times» за 1917 г. Вообще британские газеты и журналы начала XX века недостаточно введены в оборот отечественной историографии¹.

Поэтому целью этой работы стало изучение освещения событий, происходящих в России в 1917 г.

Революционным событиям этого периода посвящено достаточно много литературы как англоязычной², так и российской/советской историографии³, но, как уже отмечалось, эти работы недостаточно привлекают англоязычные газеты. Среди работ, посвященных британской печати, можно выделить монографию А. Н. Зашихина⁴ «За

¹ См. *Зашихин А. Н.* За строкой «Таймс». Британские корреспонденты в России и революции 1905–1907 гг. Архангельск, 2004. С. 4.

² *Gill G.* Peasants and Government in the Russia Revolution. L., 1979; *Smith S. A.* Red Petrograd: Revolution in the Factories 1917–1918. Cambridge (Eng.), 1983 and others.

³ *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. София, 1921; *Чернов В. М.* 1917 год: народ и революция // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991; *С. А. Пионтовского.* Октябрьская революция. Ее предпосылки и ход. М., 1923; *Очерки по истории Октябрьской революции: в 2 т. Т. 1.* М.-Л., 1927; *Волобуев П. В., Буддаков В. П.* Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6; *Коротаев В. И.* Революция 1917 г.: авантюра или закономерность? // Россия, 1917: взгляд сквозь годы. Архангельск, 1998.

Харитонов В. Л. Февральская революция в России (попытка многомерно-го подхода) // Вопросы истории. 1993. № 11–12 и др.

⁴ Зашихин Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

строкой «Таймс». Британские корреспонденты в России и революции 1905–1907 гг.»⁵ и статью Е. В. Романовой⁶ «Образ России в британской периодической печати (начало XX в.)»⁷.

Следует объяснить, почему именно английская пресса вызывает такой интерес у авторов. Дело в том, что накануне рассматриваемых событий Англия была союзницей России (участие в Первой мировой войне в составе Антанты), а уже в 1918 г. в Мурманске высадился отряд английских пехотинцев. Через газетные статьи мы можем видеть, как преподносились англичанам такие кардинальные перемены в политике по отношению к России, какой образ России тех дней создавался, какое отношение было к Временному правительству и советской власти. К тому же события революции вызывали интерес простых англичан как трансформация формы правления (Англия с 1689 г. являлась конституционной монархией после «Славной революции», в России же в начале XX века власть сама делает уступки, но из монархии превращается сразу в республику).

Естественно, английская пресса начала XX века представлена различными изданиями. Это «Таймс», «Монинг пост», «Стандарт», «Дейли телеграф», «Дейли ньюс», «Дейли кроникс», «Манчестер гардиенс», «Дейли мейл» и другие. «Таймс» была выбрана не случайно, она относилась к числу крупнейших ежедневных газет общенационального масштаба. Именно такая газета могла влиять на образ России что тогда, что сейчас. Газета придерживается умеренно-правых взглядов и поддерживается Консервативной партией.

Что же касается доступности этого источника сегодня, то он хранится в библиотеках. Но не все номера доступны читателям, так как часть номеров не сохранилась, а другая находится в ветхом состоянии и не выдается. Так, в хранилище Российской государственной библиотеке подшивка за 1917 г. отсутствует, в библиотеке института научной информации по общественным наукам находится подшивка за 1917 г., но в ней отсутствуют газеты за январь, февраль, сентябрь, ноябрь. Скорее всего, такая сохранность номеров связана с перебоями в доставке во время Первой мировой войны, и во время сложной ситуации в России, вызванной непосредственно революционными со-

⁵ Зашихин А. Н. Указ. соч.

⁶ Романова Екатерина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент МГУ.

⁷ Романова Е. В. Образ России в британской периодической печати (начала XX в.) // Преподавание истории и обществознания в школе. 2009, № 8.

бытиями. Так же нельзя забывать о напряженных отношениях между Россией и Великобританией после английской интервенции в Мурманске, немецких бомбардировках во время Великой Отечественной войны, что, несомненно, сокращало количество газетного и книжного фондов вообще и «Таймс» в частности.

Восприятие России европейскими государствами в XX в. неоднократно изменялось под воздействием множества факторов и в том числе зависело от заинтересованности в ее военной поддержке. В начале Первой мировой войны отношения между Россией и Великобританией изменились в результате формирования военного союза. Формирование образа союзника в общественном мнении являлось важным направлением правительственной политики в этот период. Большое значение британское правительство отводило формированию положительного восприятия России в своей стране⁸.

В 1914 г. было создано бюро новостей при МИДе России и Бюро пропаганды под председательством главы национальной страховой комиссии К. Мастермана в Великобритании для контроля над распространяемой информацией в стране и за рубежом. Эти органы направляли своих журналистов, некоторые из которых получали доступ в действующую армию⁹. Что давало отчасти реальную картину происходящего.

Главной задачей, стоявшей на тот момент перед Бюро пропаганды Великобритании, была ломка устоявшегося стереотипа России. Поскольку на протяжении XIX в. она являлась соперницей Британии. В результате целенаправленной антироссийской компании в стране сложилось негативное отношение к России и русским.

После начала Первой мировой войны в британской прессе вернулась про российская компания. К ней были привлечены английские ученые-россиеведы¹⁰. Но, к сожалению, в силу многих обстоятельств британское общественное мнение в отношении России практически не изменилось. Чему и свидетельствуют статьи «Таймс» за 1917 г. Хотя многие из ее корреспондентов откликнулись и пытались рассказать о нашей стране со знаком плюс. Первые проявления хорошего отношения к России можно выделить с конца 1918 – начала

⁸ См.: *Грушина В. Ю.* Образ России в общественном мнении Великобритании в период Первой мировой войны // <http://clck.yandex.ru/redir/Air>

⁹ См.: *Грушина В. Ю.* Указ. соч.

¹⁰ См.: *Зашихин А. Н.* Лев + Медведь. За кого сражались англичане, когда сражались за русского царя? // *Родина.* 1998, № 8–9. С. 125.

1919 г. когда в Англии поднялось движение протеста против антисоветской интервенции¹¹.

Практически в каждом номере газеты за 1917 г. было сообщение из России, в некоторых выпусках было даже несколько статей о России, например: «Революционные приветствия в Севастополе»¹² соседствовали с «Арест экс-царя», «Русское эхо в Германии»¹³, часть репортажей сопровождалась картой-схемой¹⁴. Картографическая наглядность помогала англичанам ориентироваться и знакомила их с географией России. В основном статьи о нашей стране находятся на второй полосе, что свидетельствует о повышенном интересе к ней. Большая часть репортажей, связанных с русскими, носила аналитический характер¹⁵, а следовательно, занимала значительное место на полосе, приблизительно такое же, как события Первой мировой войны и ситуация в британских колониях.

Что касается мест, откуда были опубликованы в «Таймс» статьи о России, на первом месте находится Петроград, встречаются статьи из Одессы, Москвы, Киева и других городов. Это было связано с центрами революционной активности и возможностью британских корреспондентов передавать оттуда информацию в редакцию газеты.

Авторство многих статей установить проблематично, поскольку они подписаны «от нашего собственного корреспондента»¹⁶. Поэтому точное количество английских корреспондентов в России на тот момент установить сложно. Многие из них работали и на другие газеты кроме «Таймс». Так как газета имела консервативный уклон, то естественно, корреспонденты придерживались правого крыла, следовательно, настороженно относились к деятельности большевиков.

Среди освещаемых ими тем наибольшей популярностью пользовались забастовки, голод, отношения России и Германии, действия России в Персии и другие. Забастовки и голод показывали нестабильность внутри Российской империи и были предвестниками революционных событий. Статьи, освещающие эти события, выходили под сле-

¹¹ См.: *Ротштейн Э.* Когда Англия вторглась в Советскую Россию... М., 1982. С. 7–12.

¹² The Times. Friday, March, 23, 1917.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ The city of Petrograd // The Times. Saturday, March, 17, 1917.

¹⁵ The Times. Monday, March, 26, 1917.

¹⁶ "From our own correspondent".

дующими заголовками: «Российская продовольственная проблема»¹⁷, «Внутренние проблемы в России»¹⁸ и др.

Отношения России и Германии были в центре внимания, так как Англия боялась досрочного выхода нашей страны из войны. Это означало бы закрытие Восточного фронта и переброску военных сил в Европу, что не могло устраивать Францию и Англию. Поэтому название статей говорят о настороженности в этом вопросе: «Российское участие в войне», «Российские сроки перемирия» и др.

Особый интерес вызывают действия России в Персии. Статьи, посвященные этому вопросу, «Российский прогресс в Персии» и др. Эта тематика на страницах британских газет легко объяснима событиями 1907 г., когда было подписано англо-русское соглашение о разграничении сфер влияния в Азии. В марте 1917 г. корпус Баратова¹⁹ взял Керманшах, а 4 апреля снова взял Ханекин. В кампанию 1917 г. планировалось совместное наступление российского корпуса с англичанами через Багдад на Мосул. Однако этого не произошло, поскольку корпус был вынужден вернуться в Персию и провести там все лето. К тому времени в России уже произошла Февральская революция с ее «Приказом № 1», который отменял единоначалие в армии. А после Октябрьской революции Россия объявила о немедленном выходе из войны. Российские войска были выведены из Персии в конце 1917 – начале 1918 г. После этих событий англичане стали единственной серьезной военной силой в Персии²⁰.

Интересно также посмотреть отношение к кадетам на страницах «Таймс». Как уже говорилось, изучаемое издание было консервативного толка, поэтому явно импонировало российской конституционно-демократической партии и ее лидерам П. Н. Милюкову и В. Д. Набокову. Несколько статей даже названы просто «Профессор Милюков», «Предупреждение Милюкова» и др.

¹⁷ The Times. Friday, March, 10, 1917.

¹⁸ The Times. Friday, March, 15, 1917.

¹⁹ По нему Персия делилась на три сферы влияния: русскую – на севере (ее южной границей являлась линия Касре – Ширин – Исфакан – Йезд – Зульфегар), английскую – на юге (к юго-востоку от линии Бендер-Аббас – Керман – Бирдженд – Гезик) и нейтральную – в центре страны. Поэтому во время Персидской кампании в ходе Первой мировой войны союзники следили за действиями друг друга в этом регионе.

²⁰ История Первой мировой войны 1914–1918 гг. / под ред. И. И. Ростунова. Т. 2. М., 1975. С 234–245.

Так же среди персоналий, часто употребляемых на страницах «Таймс» в 1917 г. были генерал Корнилов, Керенский, Троцкий²¹ и др. Что удивительно, о Ленине упоминается мало, в основном в контексте «Ленинская задача» или «Ленинская попытка уклониться от кадетов», «Ленин беглец» и др. О Троцком же за это период написано четыре статьи, одна из которых называется «Американский отказ Троцкому» и посвящена его возвращению в Россию.

За 1917 г. можно выделить ряд рубрик, которые периодически освещали события в России. Это «Россия сегодня» и «Германский взгляд» и др. Фактически газета стала одним из мощнейших факторов формирования образа России 1917 г., заложив тем самым определенные стереотипы в умах англичан на ближайшие семьдесят лет.

²¹ Сразу после Февральской революции Троцкий направился из Америки в Россию, но по пути в канадском порту Галифакс вместе с семьей был снят с корабля английскими властями и отправлен в лагерь для интернированных моряков немецкого торгового флота. Причиной задержания было отсутствие российских документов (Троцкий обладал американским паспортом, выданным лично президентом Вудро Вильсоном, с приложенными визами для въезда в Россию и британской транзитной), а также опасения англичан относительно возможного отрицательного влияния Троцкого на стабильность в России. Однако вскоре по письменному запросу Временного правительства Троцкий был освобожден как заслуженный борец с царизмом и продолжил свой путь в Россию. 4 мая 1917 г. Троцкий приехал в Петроград и стал неформальным лидером «межрайонцев», занимавших критическую по отношению к Временному правительству позицию. После провала попытки июльского восстания был арестован Временным правительством и обвинен, как и многие другие, в шпионаже; при этом ему было предъявлено обвинение в проезде через Германию.

ОТ ПАМЯТНИКА СТАРИНЫ ДО ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА: ИВАН ФИЛИППОВИЧ КОЛЕСНИКОВ КАК АРХЕОГРАФ

*Н. А. Комочев, к.и.н.
(ИАИ РГГУ)*

В исторической науке первой половине XX в. основную роль играет поколение ученых, в полной мере сложившихся еще до революции. Заслугой этого поколения является сохранение в новых, уже советских условиях научных традиций и профессионализма, в обработке и изучении документального наследия. Благодаря этим людям, несмотря на все трудности, не уехавшим из страны и не отказавшимся от своей профессии. Сохранились и получили новый подъем профессии: историка, архивиста, источниковеда, археографа. К названному поколению историков принадлежит и Иван Филиппович Колесников, имя которого сейчас мало ассоциируется с деятельностью профессионального археографа, хотя всю жизнь он посвятил изучению архивных документов, занимался вопросами их публикации. На археографической стороне деятельности И. Ф. Колесникова нам бы хотелось сконцентрировать свое внимание.

Историография об И. Ф. Колесникове незначительная. Существует две специальных работы – это некролог в «Трудах МГИАИ»¹ и статья Л. В. Черепнина². В основе некролога лежит доклад Л. В. Черепнина к 75-летию И. Ф. Колесникова, сделанный на заседании ученого совета Историко-архивного института 19 ноября 1947 г. Доклад назывался «Труды И. Ф. Колесникова по вспомогательным историческим дисциплинам» и сохранился в рукописи³. Автор некролога, содержащего биографию, обзор исследований и список трудов остались неизвест-

¹ Памяти Ивана Филипповича Колесникова // Труды Московского государственного Историко-архивного института. М., 1954. Т. 7. С. 227–238.

² Черепнин Л. В. Из истории археографии и других специальных (вспомогательных) исторических дисциплин накануне и после Октября 1917 г. (Иван Филиппович Колесников) // Археографический ежегодник (далее – АЕ) за 1977 год. М., 1978. С. 192–200.

³ Там же. С. 192.

ным. По словам Л. В. Черепнина, в биографический очерк некролога вкрались неточности, которые он в своей статье исправил согласно автобиографии И. Ф. Колесникова.

Рассмотрим основные вехи биографии, необходимые для понимания формирования научных взглядов ученого. Он родился 20 ноября 1872 г. в Саратовской губернии, происходил из безземельных крестьян. С 1881 г. обучался за казенный счет в Саратовском духовном училище и семинарии. В 1898 г. окончил историко-филологический факультет Юрьевского университета. По данным печатного некролога (у Л. В. Черепнина этого нет), он одновременно окончил Петербургский археологический институт, работая при этом в нем (1895–1898) помощником заведующего архивом⁴. В 1898–1900 гг. работал в Саратовской духовной семинарии. С 1900 г. вел русский язык и словесность в средних учебных заведениях Москвы. С 1908 г. являлся преподавателем палеографии Московского археологического института (далее – МАИ), с 1909 г. преподавал также архивоведение.

И. Ф. Колесников учился в МАИ и закончил его с отличием (из 21 предмета по всем была оценка «отлично»), диплом ему был выдан в 1910 г. С МАИ он был связан до 1922 г. При этом имеются данные, что Иван Филиппович не только читал курс «Чтение древних рукописей» на первом году обучения студентов, но также являлся казначеем института и заведующим архивом при институте⁵. Архив содержал ценную коллекцию рукописей, которые выдавались слушателям на дом для ознакомления.

Нужно думать, что с МАИ были связаны наиболее спокойные и благополучные годы жизни И. Ф. Колесникова. Здесь им были подготовлены пособия и труды по архивоведению, истории архивного законодательства на Западе и в России, палеографии. Его деятельность как археографа-практика, в эти годы, была связана с подготовкой фототипического комментированного издания Русской Правды по Синодальному списку (1916 г.). Довольно большую известность получил также двухтомный «Сборник снимков с русского письма»⁶, содержащий воспроизведения подборки документов фотолитограф-

⁴ Отсутствие этих данных у Л. В. Черепнина позволяет ставить эту часть биографии под сомнение, поскольку здесь могла произойти путаница с позднейшей учебой и работой И. Ф. Колесникова в Московском археологическом институте.

⁵ Памятная книжка Московского археологического института. М., 1911. С. 13, 22, 30.

⁶ Сборник снимков с русского письма XIII–XVIII вв. / под ред. Н. А. Маркса и И. Ф. Колесникова. М., 1908.; Сборник снимков с русского письма

ским способом. «Сборник» предназначался для практических занятий по палеографии⁷.

Из МАИ И. Ф. Колесников вынес прекрасное знание археологии⁸, истории и организации архивного дела, а также вспомогательных исторических дисциплин.

После революции Колесников был связан с тремя учреждениями: Государственным историческим музеем, ГАФКЭ (ныне РГАДА) и Историко-архивным институтом. В 1921 г. в Воронеже ему удалось защитить магистерскую диссертацию «Древнерусские рукописи как исторический источник: опыт палеографического и дипломатического исследования документальной письменности XV–XVIII вв.». С 1922 по 1937 г. он работал в должности заведующего отделами библиотеки ГИМ, в 1937–1945 – в ГАФКЭ. В 1940 г. ему была присвоена ученая степень доктора наук. С 1945 и до своей смерти в 1952 г., И. Ф. Колесников работал в Историко-архивном институте в должности профессора по двум кафедрам: вспомогательных исторических дисциплин, теории и практики архивного дела.

По словам Л. В. Черепнина, в последние годы жизни это был «маленький, сгорбленный старичок с ласковыми глазами, доброжелательно смотревшими на тех, кто его окружал. Он как бы источал желание помочь, научить тому, что сам знал, этот большой ученый и очень простой и хороший человек»⁹.

Опубликованных работ И. Ф. Колесникова немного, значительное число осталось неизданными, многое можно считать утраченным¹⁰. Но во всех чувствуется глубина и прекрасное знание предмета. По спра-

XI–XVIII вв. / под ред. И. Ф. Колесникова. 2-е изд.-е. М., 1913. Ч. 1.; То же. / под ред. И. Ф. Колесникова и В. К. Клейна. М., 1913. Ч. 2.

⁷ Интересно, что отдельные снимки из этого сборника, сделанные, возможно, не без участия И. Ф. Колесникова, до сих пор используются для обучения палеографии в Историко-архивном институте.

⁸ Показательно, что именно им был составлен список трудов (из 151 работы) крупнейшего московского археолога В. А. Городцова в юбилейном сборнике: Колесников И. Ф. Список трудов В. А. Городцова // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания. М., 1928. С. 9–20. Здесь же помещен небольшой этюд И. Ф. Колесникова по хронологии: Он же. Хронологическая дата второго договора Руси с греками // Там же. С. 285–287.

⁹ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 193.

¹⁰ См.: Список научных трудов профессора И. Ф. Колесникова // Тр. МГИАИ. М., 1954. Т. 7. С. 236–238.

ведливому замечанию Л. В. Черепнина¹¹, две работы носят по-своему итоговый характер: «Древние рукописи» (1914 г.) и «Вспомогательные исторические дисциплины» (1940 г.).

Первая работа¹² представляет собой речь, произнесенную Иваном Филипповичем Колесниковым сто лет назад в МАИ. Здесь им была высказана мысль, что памятник старины интересен историку не сам по себе, а постольку, поскольку он раскрывает прошлую жизнь, то есть имеет значение источника, способствует достижению определенных выводов. В качестве примера И. Ф. Колесников приводит железный гвоздь, который сам по себе ни о чем не свидетельствует, а, будучи обнаружен в древней могиле, позволяет датировать ее железным веком¹³.

Письменный памятник старины, по И. Ф. Колесникову, должен пройти путь подготовительной научной обработки. Задачи археографии представлялись им в следующем виде: сохранить памятник от разрушения и порчи; дать его хорошее описание; определить подлинность и современность рукописи; дать критически проверенный ее текст¹⁴. Как мы видим, с современной точки зрения к сфере археографии относятся в какой-то мере только вторая и четвертая задачи, остальные же принадлежат к области архивоведения или источниковедения. Археографические работы, по мысли И. Ф. Колесникова, должны вестись независимо от исторических работ, т. е. подбора и оценки фактов, критики событий и т. д. Археограф выполняет черновую неблагодарную работу, он должен «заложить прочный и надежный фундамент для всевозможных исторических построений»¹⁵.

В более поздней своей работе (1940 г.)¹⁶ И. Ф. Колесников ни слова не говорит об археографии и об издании, но вновь подчеркивает ту мысль, что памятник прошлого, прежде чем стать историческим ис-

¹¹ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 194.

¹² Колесников И. Ф. Древние рукописи. От памятника старины до исторического источника. Актовая речь в императорском Московском археологическом институте имени императора Николая II 22 сентября 1913 г. М., 1914. Кроме отдельного оттиска существует еще публикация в Отчете МАИ.

¹³ Эта мысль сопровождается ссылкой на лекцию по археологии А. С. Уварова 1879 г., впервые опубликованную в 1910 г.

¹⁴ Колесников И. Ф. Древние рукописи. С. 19.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Колесников И. [Ф.] Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы // Архивное дело. 1940. № 2(54). С. 12–28; № 3(55). С. 32–43.

точником, изучается силами вспомогательных исторических дисциплин¹⁷. Как ранее уже заметил Л. В. Черепнин, для И. Ф. Колесникова характерно все большее сближение археографии, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин¹⁸. Сюда же следует добавить и архивоведение.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что понимание исторического источника как памятника, уже прошедшего через руки архивистов и источниковедов, было для И. Ф. Колесникова центральным. Археография рассматривалась им (в 1913 г.) в широком смысле как сохранение, описание и изучение древностей. Здесь заметно влияние археологических институтов, где археография понималась именно так. Характерно в этом смысле различие «археологического» и «археографического» отделений института, различавшихся по типам изучаемых источников – вещественных или письменных. Работая в последние годы в Историко-архивном институте, он в какой-то степени обеспечивал его живую преемственность с МАИ.

Л. Н. Пушкарев находит, что И. Ф. Колесников в определении исторического источника следует французской традиции (прежде всего Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобосу)¹⁹, для которой характерно широкое понимание источника как «следа прошлого». Мысль о том, что памятник становится историческим источником только после обработки, отмечается им как новая и впоследствии не разработанная²⁰.

Наиболее подробно эту идею И. Ф. Колесникова рассматривал С. В. Чирков, представляющий ее как теоретическое обоснование разделения функций издателей рукописей (археографа) и исследователей источников, созревшее в недрах московской школы историков под влиянием В. О. Ключевского²¹. Археограф в этом случае выпол-

¹⁷ *Колесников И. [Ф.] Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы* // Архивное дело. 1940. № 2(54). С. 12.

¹⁸ *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 197.

¹⁹ Отметим от себя, что библиографические ссылки показывают знакомство И. Ф. Колесникова с зарубежной литературой по источниковедению и архивоведению, в том числе и с известной книгой Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса.

²⁰ *Пушкарев Л. Н.* Определение исторического источника в русской историографии XVIII–XX вв. // АЕ за 1966 г. М., 1968. С. 80, 82–83.

²¹ *Чирков С. В.* Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX в. // АЕ за 1989 г. М., 1990. С. 26; Он же. Археография в творчестве русски ученых конца XIX–XX века. М., 2005. С. 12–13., 16, 38. См. также: Он же. О применении термина “археография” в начале XX в. // АЕ за

няет техническую работу, не рассматривая документ как «источник определенного исторического изыскания». Идея несовпадения понятий «памятник» и «источник» находит свое место у А. С. Лаппо-Данилевского²² и А. Е. Преснякова.

В недавнее время идея, высказанная И. Ф. Колесниковым, получила интересное развитие в работах по археографии В. П. Козлова. По В. П. Козлову, описание документа, снятие ограничений на доступ к нему означают переход документа на четвертую стадию его бытования – стадию исторического источника.

Исторический источник обладает следующими признаками: информация о его существовании является публичной; доступ свободный и равный для всех пользователей; место в системе других документов зафиксировано архивным шифром; существует его документальная публикация. Археография в этом случае «занимается реализацией одной из возможностей трансформации документа в исторический источник»²³. Противоположную позицию занял Е. В. Старостин, писавший о том, что «историческим источником документ становится не после его описания, когда над ним склонился историк, а с момента своего рождения»²⁴.

Значение И. Ф. Колесникова для отечественной археографии заключается, на наш взгляд, в следующем. Он продемонстрировал высокий уровень подготовки изданий, в том числе факсимильно воспроизводящих документы, что было тогда делом еще сравнительно новым. Им был затронут ряд теоретических вопросов, относящихся к области объекта, предмета и задач археографии. Но главное, И. Ф. Колесникову удалось показать единую природу и тесную взаимосвязь исторических дисциплин между собой, и сформулировать общность задач архивоведения, источниковедения, археографии и вспомогательных

1981 г. М., 1982. С. 23; Он же. Некоторые вопросы развития русской археографии в начале XX века // АЕ за 1983 г. М., 1985.

²² «С генетической точки зрения лишь тот исторический материал, который уже подвергнут предварительному исследованию... становится историческим источником»: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 375. Разбор мнений см.: Чирков С. В. Археография в творчестве... С. 13–15.

²³ Козлов В. П. Теоретические основы археографии. Новосибирск, 2003. С. 22, 28.; Он же. Основы теоретической и прикладной археографии. 2-е изд. М., 2008. С. 35–36, 41.

²⁴ Старостин Е. В. Терминологическая интервенция // Отечественные архивы. 2001. № 5. С. 36.

исторических дисциплин. Говоря современным языком, его подход был в полном смысле слова междисциплинарным.

Тот факт, что проблемы, поставленные столетие назад И. Ф. Колесниковым, до сих пор представляют актуальность, свидетельствует о большом таланте их автора. И. Ф. Колесников проявляет в своих работах удивительно органическое чувство единства всех тех дисциплин, которые сейчас являются основой подготовки историков-архивистов. Он сам много сделал для формирования этой профессии в ее современном виде и сейчас, спустя годы, мы, как и раньше И. Ф. Колесников, вновь стоим перед задачей сохранения традиций профессионализма в исторической науке.

1917 ГОД В ТЮМЕНИ: УЕЗДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

*А. А. Кононенко, д.и.н.
(Тюменский государственный
нефтегазовый университет)*

К осени 1916 г. ситуация на фронте сложилась для России критическая. Русская армия оставила Галицию, Польшу, Литву, Курляндию, Добруджу. Российская союзница Румыния была разгромлена. Государственная Дума стала центром оппозиции самодержавию. Выступавший 1 ноября 1916 г. лидер кадетов П. Н. Милюков, задал риторический вопрос: «Глупость или измена то, что происходит в стране?». К глупости в России давно привыкли, так что акцент в речи был сделан в сторону измены. Выступавший вслед за П. Н. Милюковым депутат А. Ф. Керенский прямо назвал министров предателями, братоубийцами и трусами¹. 4 ноября депутат А. Ф. Керенский заявил, что царская власть – самый страшный внутренний враг, и что нынешнее правительство ведет страну к поражению, унижению и анархии. Керенский сравнивал царящий в России режим с «оккупационным» и тоже прозрачно намекал на измену императрицы².

Если раньше «высокая» политика мало интересовала тюменцев, а карьера «нашей покровской знаменитости, старца Григория Распутина» привлекала внимание лишь небольшого круга местных журналистов, то в 1916 г. к его фигуре и к политической жизни государства интерес резко возрос. Особенно к отчетам с заседаний Государственной Думы. Грамотные люди буквально зачитывались печатными материалами о делах «пророка, чью грязную десницу лобызают великосветские львицы». В том числе и в Тюмени, благодаря публикациям тобольского депутата А. С. Суханова. Он говорил своим коллегам – депутатам: «Я выйду на трибуну, и с документами в руках, расскажу про историю некого господина Патушинского, которого императрица Александра Федоровна устроила нотариусом в Одессу, вследствие

¹ Керенский А. Ф. Потерянная Россия. М., 2007. С. 357.

² Государственная Дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. IV. С. 41–42, 74.

того, что с женой этого Патушинского имел интимную связь Григорий Распутин и хлопотал за него. Я предъявляю подлинные телеграммы по этому поводу за подписью «Александра». Затем я подробно опишу те обстоятельства, при которых председатель Совета Министров Б. В. Штюрмер был назначен почетным гражданином города Тобольска. И я, разоблачая все это, не сойду с трибуны до тех пор, пока меня не снимут военной силой»³. Опостылевшего всем премьер-министра Б. В. Штюрмера отправили 10 ноября в отставку после многочисленных выступлений депутатов разных фракций, включая и правые.

Начало 1917 г. в Петрограде напоминало канун 1905 г. Государственная Дума требует создание ответственного перед Думой Министерства общественного доверия. Правительство – ареста строптивого депутата А. Ф. Керенского, бесстрашно заявившего 15 февраля 1917 г. с думской трибуны царским министрам: «С нарушителями закона есть только один путь – физического их устранения».... «Дело не в вас, а в вашем хозяине»⁴. Тем не менее руководство Думы заверило Керенского, что оно его не выдаст.

А в это время, 22 января 1917 г. в Тюмени с почетом провожают на новое место службы полицейского исправника Н. Е. Скатова. Восемь лет служивший на благо города, он переводится в Ялуторовск. На его должность заступает бывший туринский исправник Мельников. В кинотеатре «Вольдемар» демонстрируют картину Скобелевского комитета «Знамена победоносно шумят». И вдруг...

Февральско-мартовский исторический рубеж до сих пор имеет неясные очертания. Вся обстановка событий в столице породила нехватку источников. Печать придавлена цензурой, документы изымались и опечатывались. Осторожные обыватели отсиживаются дома, предпочитая получать сведения от побывавшей на улице прислуги. В Петрограде сформировано новое правительство. «Свершилось!!! Мгновенно. В несколько дней самодержавно–романовско–голштинский строй пал под натиском народа» – кричат заголовки центральных газет.

История почти бескровной Февральской революции 1917 г. и созданной ей политической системы, далеко не полна без отражения ее в судьбах людей на «микроуровне» – на уровне захваченного ей

³ Цит. по: *Спирин Л. М.* Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 8; Григорий Иннокентьевич Патушинский служил нотариусом в Ялуторовске. Покончил жизнь самоубийством. Его жена Елена была близка с Г. Е. Распутиным. – А. К.

⁴ Керенский А. Ф. Россия в повторный вопрос истории. М., 2006. С. 187.

врасплох «маленького человека» в российской глубинке – там, где в хлебах при домиках уездного городка, при звуках первой капли жадно ловят нежными ноздрями весенний воздух коровы, а по снегу с втоптаннными в него яблоками конского навоза спешат на базарную площадь сани с ежащимися от утреннего холода крестьянами. Судьба всех революционных перемен в конечном счете решается именно здесь – в том, как они воспринимаются на уровне простых горожан.

В Тюмени вроде бы спокойно. Неожиданно 1 марта по телеграфу приходит известие – царь отказался от престола за себя и своего сына, передав престол брату Михаилу. Михаил отказывается царствовать. 2 марта в помещении городской Думы собираются депутаты и общественность. Глава города К. А. Плишкин и представитель кооператива «Пчела» М. К. Николаев отправляются к командирам войсковых частей узнать их мнение о перевороте, и отношение к новому правительству. Поездка городского головы заканчивается неудачей. Офицеры объяснили Плишкину и Николаеву, что их позиция еще не определена и предложили приехать после 19 часов. Помимо собрания в Думе отдельно собираются группы ссыльных и поднадзорных лиц во главе с С. К. Тарабукиным и создают Совет. После 19 часов выясняется, что самодержавие защищать никто не будет, офицеры и солдаты на стороне нового правительства. Народ воодушевлен.

Так как в здании думы не хватает места, собравшимся предложено перейти в помещение приказчиьего клуба. Собралось около 700 человек. Избран временный исполнительный комитет. Появляется жандармский подполковник со станции «Тюмень», на вопрос, что ему угодно, заявляет о присоединении к решениям нового правительства. Руководители исполнительного комитета во главе с В. И. Колокольниковым, его заместителями врачом Г. И. Купенским и ротмистром Маркаровым отправляются в полицию и спрашивают ее позицию. Полицейский исправник Мельников и нижние чины заявляют о поддержке решений нового правительства. Они сдают оружие и передают делопроизводство в руки представителей исполнительного комитета. Затем члены исполкома двигаются к почтово-телеграфной конторе, и спрашивают мнение ее начальника господина Г. С. Ерофеева. Тот заявляет, что в условиях военного времени он переписку и документацию выдать не может. Г. С. Ерофеева отстраняют от дел и заключают под домашний арест.

Контору оставляют на одного из заместителей Ерофеева. Далее, члены временного исполкома идут в жандармское отделение, где ротмистр (по всей видимости – Калмыков А. К.) и унтер-офицеры

добровольно сдают оружие. Жандармские документы за последние два года изымаются, остальные опечатываются. Ротмистр при членах комитета составляет своему руководству телеграмму, что исполком конфисковал оружие, переписку, а что касается членов жандармского управления, то они признают власть нового правительства. Временный комитет заседал 3 марта с 9.00 до 19.00, а на воскресенье 5 марта на Базарной площади был запланирован парад частей местного гарнизона. Он состоялся под пение «Марсельезы» и «Вы жертвами пали в борьбе роковой». Принимали парад члены исполнительного комитета и полковник В. Я. Дмитриев.

5 марта 1917 г. губернатор Н. А. Ордовский-Танаевский призвал население к спокойствию и сохранению личной и имущественной безопасности. Но в тот же день Тобольская городская Дума исключила бывшего премьер-министра России Б. В. Штюрмера как ставленника «темных сил» из списка почетных граждан Тобольска, а на следующий день, 6 марта Тобольская городская дума отказала в доверии самому губернатору (так же за связь с «темными силами», читай с Г. Е. Распутиным. – А. К.) и отправила его в отставку. Из Тобольска сообщили, что глава города Тюмени К. А. Плишкин назначен уездным комиссаром, на должность начальника уездной милиции назначен бывший исправник И. И. Мельников, а на должность начальника городской милиции – П. И. Щепеткин.

6 марта был проведен обыск в монастыре и в доме распутинского друга сундучника Д. Д. Стряпчего. 10 марта состоялся массовый митинг на Базарной площади. Все выступающие говорили о поддержке нового строя, проклинали голштинскую династию, помещали на одежду красные банты, славили председателя государственной Думы М. В. Родзянко. Революция тюменцами была признана.

ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В США

(Дело «Церковь Святой Троицы против
Соединенных Штатов», 1892 г.)

*П. Г. Космач, к.и.н.
(БГУ, Белоруссия)*

На протяжении XIX века правовая основа взаимодействия религиозных организаций и американского государства не претерпела радикальных изменений. Соответствующие статьи Конституции США (1787) и Билля о правах (1789) гарантировали прежде всего широкую свободу вероисповедания на федеральном уровне, означавшую запрет как на введение федеральной церкви, так и на исключительную государственную помощь какой-либо конфессии¹. Реализованный таким образом принцип разделения церкви и государства содействовал межденоминационной конкуренции и не разделял религиозную и политическую сферы.

Длительное время считалось, что нормы Билля о правах не распространяются на законодательства штатов. Данное положение, в частности, получило отражение в единогласном решении Верховного суда США по делу «Бэррон против Балтимора» (1833). На местном уровне единого понимания границ религиозной свободы не существовало. Так, в Новой Англии конгрегационалистские церкви сохраняли статус «установленных» вплоть до 1818–1832 гг. В конечном итоге и в бывших пуританских колониях возобладала модель, которая четко разграничивала церковь и государство. Этому способствовало увеличение численности религиозных меньшинств – баптистов, методистов, унитариев.

Однако отделение церкви и государства не означало отделение государства от религии. Характерный пример приводил в своей книге «Демократия в Америке» французский мыслитель А. де Токвиль:

¹ Космач П. Г. Религиозный фактор в истории основания США (1730-е гг., 1791 г.): автореф. дис. канд. ист. наук. Мн., 2009. С. 16.

«Во время моего пребывания в Соединенных Штатах на заседании суда присяжных в округе Честер (штат Нью-Йорк) один свидетель заявил, что он не верит в Бога и бессмертие души. Судья отказался привести его к присяге ввиду того, что, как он сказал, свидетель уже подорвал всякую веру в свои слова. Газеты сообщили об этом факте без комментариев»². Конституции многих штатов в рамках рассматриваемого временного отрезка включали требование для государственных служащих исповедовать веру в Бога или христианскую религию. При этом, в ряде случаев, законодательно ограничивалась возможность лицам духовного звания занимать государственные должности.

Во второй половине XIX в. возникло юридическое основание для вмешательства федерального центра в религиозную сферу на уровне штатов. Его выработка была связана с принятием в 1868 г. четырнадцатой поправки к Конституции США, первый раздел которой гласил: «Ни один из штатов не должен издавать и применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов; и не может какой-либо штат лишать какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры; не может отказывать какому-либо лицу в равной защите на основе законов»³. Теперь Верховный суд получил возможность применять нормы Билля о правах к законодательству отдельных штатов. Однако первое подобное решение последовало только в 1897 г., а в связи с применением тематического раздела первой поправки – лишь в 1940 г.

Для понимания специфики государственно-конфессиональных отношений и в целом американской правовой культуры XIX в. особое значение имеет решение Верховного суда по делу «церковь Святой Троицы против Соединенных Штатов» (1892). Одна из христианских церквей Нью-Йорка заключила трудовой контракт с пастором, являвшимся жителем Англии. Власти посчитали данное соглашение с иностранцем не соответствующим закону 1885 г., который запрещал подобную практику. Однако Верховный суд вынес единогласное решение в пользу церкви Святой Троицы.

Судья Д. Брюер составил подробное обоснование судебного вердикта. Он согласился, что текст закона 1885 г. действительно запрещал привлечение на контрактной основе любого иностранного наем-

² *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1992. С. 224.

³ Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / сост. В. И. Лафитский; под ред. и со вступ. ст. О. А. Жидкова. М., 1993. С. 43.

ного труда на территорию США. Вместе с тем изучение материалов Конгресса, в том числе комитета по образованию и труду Сената, показало, что целью указанного законодательного акта являлся запрет на использование именно дешевого неквалифицированного труда иностранных рабочих, а не умственного труда. Д. Брюер особо подчеркнул, что в намерения законодателей просто не могло входить действие, ущемляющее интересы христианской религии, которая входит в состав общего права США.

Он указал на религиозные аспекты колонизации Нового света, апелляции к Богу в колониальных хартиях и Декларации независимости США, а также основных законах штатов. В решении Верховного суда подробно цитировались соответствующие отрывки из конституций Иллинойса (1870), Индианы (1816), Мэриленда (1867), Массачусетса (1780), Миссисипи (1832), Делавэра (1776). Данные источники, согласно Д. Брюеру, говорили о религиозном характере американского народа. Далее, он обратил внимание на решения судов, провозглашавших христианство частью общего права, а также огромную роль церквей и связанных с ними организаций в жизни общества. Все это, как отмечал Д. Брюер, свидетельствовало, что американцы являются «христианской нацией» и, соответственно, Конгресс не мог действовать вопреки интересам всего американского народа⁴.

Рассматриваемое решение Верховного суда 1892 г. не представляло собой некую юридическую аномалию. Тенденции, направленные на разделение религиозной и политической сфер, в США к тому времени еще не доминировали. Федеральное правительство проводило разграничительную линию между индивидуальными убеждениями, не подлежащими регулированию со стороны гражданских властей, и религиозно-мотивированными действиями, на которые могли накладываться те или иные ограничения. Так, во второй половине XIX в. в США была запрещена полигамия, практиковавшаяся мормонами. Историк С. Грин в этой связи отметил: «Хотя преследование полигамии может рассматриваться в качестве продвижения светских государственных интересов, не вызывает сомнения то, что правительство США боролось с мормонизмом и его обычаями по причине их несовместимости со статусом Америки как христианской нации»⁵.

⁴ Church of the Holy Trinity vs. United States (1892): Supreme Court Record // Brewer D. J. The United States: A Christian Nation. Smyrna (Georgia), 1996. P. 88.

⁵ Green S. K. The Second Disestablishment: Church and State in Nineteenth-Century America. New York, 2010. P. 343.

Государственно-конфессиональные отношения в США XIX в. показали, что идея абсолютного невмешательства правительства в вопросы, связанные с религией, выдвигавшаяся некоторыми деятелями Американской революции XVIII в., оказалась утопичной. В своей практической деятельности от нее отошел как Т. Джефферсон, так и Дж. Мэдисон, исполнявшие обязанности президента США в 1801–1809 и 1809–1817 гг. соответственно. Американское государство руководствовалось в некоторых вопросах внутренней политики нормами той религиозной традиции, которой придерживалось абсолютное большинство населения страны.

АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: ОПЫТ ИЗДАНИЯ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ УЧЕНЫХ

*Е. В. Косырева, к.и.н.
(Архив РАН)*

На современном этапе развития архивных учреждений такие явления, как расширение тематики публикаций, введение в научный оборот новых комплексов документов, появление новых форм публикаций и справочно-информационных изданий с использованием современных технологий, разнообразие типов и видов документальных публикаций ставят перед архивами задачу обобщения накопленного опыта в области подготовки и издания своих трудов. Архив Российской академии наук, наделенный функциями научного учреждения Отделения историко-филологических наук РАН и головного академического архива – не исключение.

Постановление Президиума АН СССР 1926 г. «О хранении документов членов Академии наук в Архиве Академии наук»¹, определило особенности его публикаторской работы, отличительной чертой которой стала публикация документального наследия ученых.

Приемы и методы подготовки к публикации документов личных фондов ученых, которые составители использовали в своей работе, всегда соответствовали самым современным на момент издания книги стандартам, закрепленным в нормативно-методической литературе².

Выявление и отбор материала при публикации научного наследия, как правило, подразумевали под собой комплекс работ, связанных с определением актуальности темы, изучением историографии вопроса. Составитель учитывал сведения, уже вошедшие в научный оборот

¹ АРАН. Ф. 7. Оп. 1 (1936–1963). Д. 6. Л. 168.

² Правила издания документов советского периода. М., 1960; Принципы издания эпистолярных текстов. М., 1964; Правила издания исторических документов в СССР. М., 1969; Основные правила работы государственных архивов. М., 1984; Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.

и ценность еще неопубликованных данных, которыми оперировал автор.

Важным звеном на этапе отбора материала являлся научно-критический анализ предполагаемой для издания рукописи. Его своеобразие заключалось в том, что при этом изучалось; что собой представляет рукопись с формальной стороны: автограф этого автора или другого лица, машинопись с правкой автора или кого-либо другого, стенограмма, фотокопия и др. В зависимости от этого оценивалась полнота и точность текста, правка при этом в отдельных случаях на его редакцию. Также устанавливались время, место, условия создания труда, проверялась возможность его частичного уже опубликования или использования в других работах автора или иных исследованиях. Так, например, при работе с научным наследием С. К. Богоявленского Л. Г. Дубинская выяснила, что данные его докладов, которые он делал в Музее истории и реконструкции Москвы, уже использованы в трудах И. В. Сытина или перекрываются позднейшими исследованиями ученого. Поэтому эти материалы не опубликовали. Были отобраны только те работы, в которых содержалась новая для настоящего момента информация, интересные в методическом плане исследования и те моменты, которые в своих работах опускал И. В. Сытин³.

Законченный и отредактированный текст автора при выборе текста к публикации рассматривался как основной вариант. В случае отсутствия окончательного текста все имеющиеся варианты тщательно прорабатывали; в основу публикации выбирали наиболее полный вариант, с обязательными указаниями и дополнениями разночтений из других вариантов в текстуальных примечаниях.

При выборе варианта текста большое значение имело хорошее знание почерка и рукописной манеры конкретного автора на разных этапах его жизни. В рукописях ученых часто встречались черновики, обрывки мыслей, фрагменты, в которых почерк был достаточно трудночитаемым. При этом требовалось знание других трудов автора, чтобы избежать повторения, или, наоборот, включить видимый вариант повторения, т. к. в нем содержался ценный новый элемент. К примеру, издавая С. Б. Веселовского, составители публиковали и варианты и повторения, т. к. каждый фрагмент отличался или новым поворотом авторской мысли, или новым документальным примером⁴.

³ *Богоявленский С. К.* Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. С. 6.

⁴ *Веселовский С. Б.* Труды по источниковедению и истории России XVI–XVII вв... С. 303.

В текстуальных примечаниях составители оговаривали моменты, когда текст написан не в строке, а сбоку, сверху, на полях; приложен на отдельном листке, написан другим почерком или чернилами и т. д.⁵ Подстрочные примечания автора и его комментарии обязательно сохранялись и графически отличались от примечаний и комментариев составителя. Например, особенностью трудов В. И. Вернадского были развернутые авторские примечания, которые в некоторых случаях превосходили по объему сам текст работ⁶.

При наличии авторских ссылок на публикацию или литературу указывалось и современное последнее издание, если такое имелось. Составитель давал ссылку на архив, публикацию или литературу и в том случае, когда ее нет в рукописи, но она подразумевалась. Если в тексте имелась цитата, то проводилась работа по расшифровке сокращенной ссылки автора. При этом указывалось издание, которым пользовался ученый. Иногда ссылку дополняли современной библиографией вопроса с целью добавить, исправить или уточнить по существу положения, высказанные в публикуемом труде⁷.

Составители с большой осторожностью и минимальной степенью вмешивались с редакторскими целями в текст автора, стремясь сохранить стиль рукописи и особенности языка, оговаривая в предисловии, какого рода исправления были сделаны. Например, в текстах С. К. Богоявленского составители заменили выражение «представляет из себя» на «представляет собой»⁸, а в текстах трудов П. И. Борисова сохранили присущие языку автора некоторые слова такие, например, как «фавна», «индивидуи», «стадо птиц» и др.⁹

Помимо основного текста составители давали его варианты в комментариях, если они представляли собой интерес¹⁰. Для рукописей трудов не существенно было указывать зачеркнутые автором и исправленные слова или фрагменты, сделанные для редакции или для улучшения структуры работы.

⁵ Сергей Сергеевич Четвериков: Документы к биографии. Неизданные работы. Переписка и воспоминания. М., 2002. С. 206.

⁶ *Вернадский В. И.* Труды по истории науки. М., 1988. С. 12.

⁷ *Вернадский В. И.* Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 4.

⁸ *Богоявленский С. К.* Научное наследие. О Москве XVII века... С. 8.

⁹ Естественное наследие декабриста П. И. Борисова. М., 2002. С. 7.

¹⁰ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 479–485.

Текст передавался с соблюдением правил современной орфографии и пунктуации.

Монографическое исследование или статья иногда публиковались не полностью, а в извлечениях, которые представляли интерес для современного уровня науки или не были опубликованы ранее¹¹. Заголовки работы или глав обычно сохранялся авторский, но в случае его архаичности мог быть заменен составителем, что указывалось в предисловии.

Научно-справочный аппарат являлся неотъемлемым элементом каждого издания. В него входили: предисловие (историческая и археографическая части), примечания по тексту и содержанию, указатели, хроника, список сокращений, терминологический словарь, библиография и др.

Историческая часть предисловия к научному наследию ученого включала в себя краткие сведения об авторе как биографического характера, так и о его творчестве и месте в науке. В предисловие включались результаты той работы, с которой началась подготовка публикации – исследование литературы по теме данного труда и на основании этого решение об его публикации.

В археографической части предисловия содержались сведения о составе, структуре издания и приемах публикации документов. Здесь же указывались фамилии всех принимавших в работе то или иное участие, помимо составителей и редакторов, которые помещались на титульном листе или контртитule издания.

Комментирование научных трудов требовало специальных знаний, и часто могло быть выполнено только крупным ученым в этой области. Для составления комментариев привлекалась литература, опубликованные и архивные источники. В данном случае ценным было привлечение архивного материала, так как при этом в научный оборот вводились ранее неизвестные источники и, следовательно, новая информация. Обычно комментарии помещались в конце книг. При публикации монографии комментарии имели валовую нумерацию. Если же книга состояла из статей, фрагментов и т. д., то каждая из них была самостоятельной единицей для комментирования, начиная с поисковых данных и описания рукописи¹².

При публикации научного наследия в качестве приложения, составители давали биографическую хронику событий данного ученого,

¹¹ *Кропоткин П. А.* Естественно-научные работы. М., 1998. С. 100–159.

¹² *Конрад Н. И.* Неопубликованные работы. Письма. М., 1996.

которая состояла из даты, обозначения факта и указания источника. Такая хроника, например, имеет место в книге «Страницы автобиографии» В. И. Вернадского¹³.

Терминологический словарь составлялся в том случае, если в рукописи присутствовали слова и термины уже устаревшие и понятные только узкому кругу специалистов или вообще давно вышедшие из научного оборота. Терминологический словарь мог быть самостоятельной единицей научно-справочного аппарата, а мог входить в состав предметно-терминологического указателя, как, например, было сделано при издании «Приходно-расходных книг Московских приказов 1619–1621 гг.»¹⁴.

Таким образом, подводя итоги работы Архива РАН по изданию научного наследия ученых, следует отметить, что методы и приемы подготовки рукописей осуществлялись в соответствии с существовавшими ранее и ныне действующими правилами издания исторических документов.

В процессе отбора рукописи к изданию проводился научно-критический анализ, при котором устанавливалась полнота и точность текста, возможность его частичного уже опубликования и использования в других исследованиях.

Важное внимание уделялось составу научно-справочного аппарата, неотъемлемому элементу каждого научного издания. Для комментирования научных трудов особо отмечалось требование специальных знаний.

¹³ Вернадский В. И. Страницы автобиографии... С. 313–317.

¹⁴ Приходно-расходные книги Московских приказов 1619–1621 гг. / сост. С. Б. Веселовский. М., 1983. С. 458–478.

КОМИССИЯ ПО ВОПРОСАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК В ОЦЕНКЕ НЕПРАВОСЛАВНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

*А. С. Кочетова, к.и.н.
(РГАСПИ)*

Октябрьские события 1917 г. коренным образом изменили государственно-конфессиональные отношения в России. Революция определила новое положение религиозных центров, служителей культа и верующего населения. Изменения в Конституции РСФСР в 1929 г. и постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. представители культов и верующие восприняли как шаги по усилению антирелигиозной политики советской власти. В сложившейся ситуации им ничего не оставалось, как «подстраиваться» под советскую власть и новые религиозные законы.

Все религиозные конфессии заявили о своей лояльности к советской власти и призывали всех верующих своего культа к активному участию в строительстве социализма.

Муфтий Р. Фахретдинов неоднократно напоминал ВЦИК о том, что «как служители мусульманского культа, так и религиозные организации мусульман проявили и продолжают проявлять свою полнейшую лояльность по отношению к советской власти»¹.

Иудеи заявляли: «Мы не можем отделить наши судьбы от еврейского народа, по отношению к которому правительство СССР является единственным правительством, которое борется против проявления антисемитизма», указывали, что «в отношении религии евреи впервые были уравнены при советской власти в правах со всеми другими национальностями»².

¹ Доклад Председателя ЦДУМ Муфтия Фахретдинова Р. в Президиум ВЦИК от 15 апреля 1930 г. // Одинцов М. И. «Все религиозные организации мусульман находятся накануне полнейшего разрушения...» // Отечественные архивы, 1994. № 1. С. 67–75.

² Минские раввины о религиозной политике советской власти // Правда, 1930.

Свою лояльность к власти советов открыто выражали и так называемые сектанты³. Адвентисты седьмого дня подчеркивали, что «являются сторонниками отделения церкви от государства и школы от церкви и, всецело одобряя уравнивание всех вероисповеданий перед законом в СССР в равных правах, стараются избегать всякого рода трений, могущих повредить общей пользе как в религиозной, так и в государственной жизни»⁴. Евангельские христиане благодарили советскую власть за «свободу совести»⁵. «Последователи Л. Н. Толстого» («толстовцы») считали, что «рабоче-крестьянская советская власть обнародовала действительную свободу совести и совершенно не вмешивается в дела религиозного мировоззрения, предоставляя каждому свободу веры и неверия»⁶.

Однако нарушение религиозного законодательства местными органами власти вызывало многочисленные жалобы и протесты верующих и представителей религиозного культа. Отсутствие единого союзного законодательства о религиозных культах, а также центрального органа, регулирующего государственно-конфессиональные, ставило религиозные организации, служителей культа, верующих в бесправное положение.

В связи с этим особую надежду представители религиозных объединений возлагали на Комиссию по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК. Для них данная Комиссия, возглавляемая П. Г. Смидовичем, стала тем необходимым посредником между религиозными конфессиями и государственной властью, к которому они обращались со своими «пожеланиями» и жалобами.

В период существования Комиссии на территории СССР самыми активными конфессиями кроме православной были: мусульмане, евангельские христиане баптисты, адвентисты и толстовцы. Именно их главы проявляли себя наиболее активно, стремясь посредством своих просьб на имя Комиссии и лично ее председателя улучшить по-

³ Воззвание сектантов против войны (без даты) // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 712. Л. 158–160.

⁴ Докладная записка Всесоюзного Совета Союза адвентистов седьмого дня в Комиссию по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 26 декабря 1932 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 5. Л. 5–8.

⁵ Докладная записка Всесоюзного совета евангельских христиан в ЦИК СССР от 11 февраля 1929 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 5. Л. 30–39.

⁶ Докладная записка Трегубова И. М. Смидовичу П. Г. о сектантских колхозах от 5 июня 1930 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 5. Л. 27–29 об.

ложение своих служителей культа и создать приемлемые условия для исповедования верующими их религии. Комиссия же в свою очередь на основании жалоб составляла повестки дня своих заседаний, решения которых в дальнейшем перерастали в постановления и циркуляры ВЦИК.

Существовавшее в 1930-е гг. Центральное Духовное управление мусульман (ЦДУМ) в г. Уфе возглавлялось Муфтием Р. Фахретдиновым. Его деятельность по налаживанию отношений с государственной властью поддерживалась всеми членами ЦДУМ. От имени всех мусульман в СССР они не только сообщали о своей деятельности, но и «советовались» при этом с высшими органами власти (Комиссией по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК, ВЦИК, НКВД РСФСР)⁷.

ЦДУМ очень серьезно отнеслось к появлению религиозного законодательства, подробно его изучили. Понимая сложившуюся ситуацию в отношении религии, члены ЦДУМ стремились сделать несколько упреждающих шагов, чтобы оградить мусульманские религиозные организации от возможных негативных действий со стороны власти. В связи с этим они часто обращались в Комиссию по вопросам религиозных культов для разъяснения непонятных для них вопросов, а также сообщали о фактах нарушения религиозного законодательства⁸. Муфтий с глубоким уважением относился к государственным органам власти. Он искренне надеялся, что ВЦИК не оставит без внимания его ходатайство и предоставит возможность «дальнейшего существования легализованных мусульманских религиозных организаций», а вместе с этим предотвратит грозящую мусульманам опасность «окончательного разрушения и исчезновения, и тем самым успокоить сердца верующих»⁹.

Вместе с этим во всех документах ЦДУМ на имя Комиссии и ВЦИК просматривается благодарность советской власти за предоставленную свободу ЦДУМ во внутреннем регулировании религиозного культа.

⁷ Письмо заместителя председателя ЦДУМ Тарджиманова К. К. Смидовичу П. Г. от 29 августа 1929 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 4. Л. 74.

⁸ Например: Письмо заместителя председателя ЦДУМ Тарджиманова К. К. в Президиум ВЦИК от 17 июня 1929 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 4. Л. 73–73 об;

⁹ Доклад Председателя ЦДУМ Муфтия Фахретдинова Р. в Президиум ВЦИК от 15 апреля 1930 г. // Одинцов М. И. «Все религиозные организации мусульман находятся накануне полнейшего разрушения...» // Отечественные архивы, 1994. № 1. С. 70

Большинство обращений направлялось лично П. Г. Смидовичу как представителю власти, руководящему процессом проведения государственной религиозной политики и «находящемуся более, чем кто-либо, в курсе дела»¹⁰. Кроме того, ЦДУМ регулярно информировало П. Г. Смидовича о своих действиях в отношении составления докладов, писем и обращений в высшие органы власти, а также о ситуации в среде мусульманского населения¹¹. П. Г. Смидович же и Комиссия по вопросам религиозных культов, в свою очередь, анализировали все заявления Центрального духовного управления мусульман и принимали решения с учетом «пожеланий» его членов.

Наиболее активными из представителей «сектантских» течений¹², проживающих на территории СССР, были Евангельские христиане, «Последователи Л. Н. Толстого» (толстовцы) и адвентисты. Именно они не желали «отсиживаться в подполье» и пытались выйти на контакт с представителями государственной власти.

«Последователи Л. Н. Толстого» («Толстовцы») негативно отзывались о постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных организациях», называя его «запрещающим». Особенно не устраивал их тот пункт документа, который запрещал создание кооперативов. Глава «толстовцев» М. И. Трегубов считал, что «было бы полезно этот закон отменить или исправить». В то же время «толстовцы» положительно оценивали деятельность Комиссии по вопросам религиозных культов, так как именно она, по их мнению, регулярно отслеживала нарушения религиозного законодательства, перегибы и ошибки, допущенные в отношении сектантов, и стремилась их исправить. При этом они просили о том, «чтобы партия и советская власть предписали местным властям не мешать сектантам строить свои колхозы», так как сектанты – «давнишние и опытные строители колхозов». Вместе

¹⁰ Записка заместителя председателя ЦДУМ Тарджиманова К. К. Смидовичу П. Г. от 16 июля 1930 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 4. Л. 133.

¹¹ Например: Письмо заместителя председателя ЦДУМ Тарджиманова К. К. Смидовичу П. Г. от 14 июня 1931 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 4. Л. 263.

¹² Представителей всех религиозных течений, не относящихся к мировым религиям, государственная власть относил к сектантам. В связи с этим все декреты РКП(б)–ВКП(б) и постановления Политбюро касались всех сектантских течений одновременно. Например: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О секантах» от 17 марта 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 17. оп. 3. Д. 624. Л. 3.

с этим он призвал сектантов к сотрудничеству с советской властью «для советско-коммунистического строительства»¹³.

Анализ документов представителей Всесоюзного Совета Евангельских христиан говорит о том, что представители данного религиозного течения спокойно относились к новому религиозному законодательству, а вместе с этим и к лишению избирательных прав священнослужителей. В то же время они выступали против лишения избирательных прав лиц, не имевших религиозного сана, являвшихся просто членами религиозной группы. Все это можно объяснить тем, что по канонам евангельских христиан проповедь на религиозном собрании мог читать любой член общины, не являясь священнослужителем¹⁴. В отличие от «толстовцев» руководство евангельских христиан очень тактично преподносило свои жалобы.

Адвентисты открыто выражали благодарность Советской власти за возможность создавать объединения и исповедовать свою религию¹⁵. Адвентисты с радостью восприняли появление декрета об отделении церкви от государства и выразили ему поддержку. Они подтверждали свою готовность «нести государственные повинности, как гражданскую, так и военную службу». Адвентисты при этом активно сотрудничали с Комиссией по вопросам религиозных культов. В ее адрес регулярно направлялись не только жалобы на нарушение законодательства, но и информация о планах и деятельности Совета Всесоюзного Союза Адвентистов седьмого дня (АСД)¹⁶. Адвентисты не выражали своего недовольства религиозным законодательством. Они только указывали на его нарушения со стороны местных органов власти.

Из анализа сохранившихся материалов следует, что только адвентисты отмечали отсутствие общесоюзного религиозного законодательства. Адвентисты ходатайствовали о «выравнивании законов по делам культов» в союзных республиках. При этом они настаивали на

¹³ Докладная записка Трегубова И. М. Смидовичу П. Г. о сектантских колхозах от 5 июня 1930 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 5. Л. 27–29 об.

¹⁴ Докладная записка Всесоюзного совета евангельских христиан в ЦИК СССР от 11 февраля 1929 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 5. Л. 30–39.

¹⁵ Обращение Председателя Совета Всесоюзного Союза адвентистов седьмого дня Лебсака Г. И. ко всем общинам и группам адвентистов седьмого дня от 15 ноября 1932 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 5. Л. 11–11 об.

¹⁶ См: Письмо Председателя Совета Всесоюзного Союза адвентистов седьмого дня Лебсака Г. И. в Комиссию по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 7 декабря 1931 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 5. Л. 22.

их публикации в печати, «чтобы была возможность ими руководствоваться»¹⁷.

Представители данного сектантского течения постоянно подчеркивали «полезность и правильность» существования религиозного законодательства, которое не ущемляет их права, а наоборот, служит своеобразным регулятором государственно-конфессиональных отношений. Адвентисты, освещая те или иные проблемы перед Комиссией, всегда опирались на религиозное законодательство, подчеркивали важность и необходимость его выполнения¹⁸.

Таким образом, в рассматриваемый период все религиозные конфессии СССР поддерживали советскую власть. Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, воспринимался ими как закон о свободе совести, который предоставляет им возможность осуществлять свою деятельность открыто и на законных основаниях.

Отношение к Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК со стороны религиозных культов в целом было положительное. Благодаря тому, что ее возглавил П. Г. Смидович (представители конфессий знали его как человека, отвечающего за религиозный вопрос в 1920-х гг. от имени ВЦИК), данный орган воспринимался религиозным сообществом не как «палач» религии, а как регулятор государственно-конфессиональных отношений. Хотя конфессии воспринимали Комиссию как посредника между государственной властью и религиозными организациями, они не олицетворяли ее с органом, способным решить все их вопросы, поэтому и обращались зачастую непосредственно в ЦИК СССР. Это было вызвано скорее тем, что полномочия Комиссии распространялись только на территорию РСФСР, а также тем, что местные органы власти часто пренебрегали религиозным законодательством и различного рода постановлениями центральной власти.

¹⁷ Письмо Председателя Совета Всесоюзного Союза адвентистов седьмого дня Лебсака Г. И. от 6 июня 1932 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 5. Л. 2–4.

¹⁸ Обращение Председателя Совета Всесоюзного Союза адвентистов седьмого дня Лебсака Г. И. ко всем общинам и группам адвентистов седьмого дня от 15 ноября 1932 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 5. Л. 11–11 об.

«РУССКИЙ ВОПРОС» В КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX ВЕКА

К. Л. Кошемчук
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

XIX век был крайне насыщен событиями в политической и социальной жизни страны. Конечно, значительную роль в изменении духовного климата, в разработке и реализации реформ сыграла интеллигенция. Бурные дискуссии по острым вопросам, связанным с определением курса политики страны и ее национальной идеи, буквально поделили интеллектуалов на несколько противоборствующих лагерей. Наиболее яркое противостояние было у славянофилов и западников. Первые особое внимание уделяли изучению русских корней, первооснов, на которые опирается наша государственность. Иными словами, «русский вопрос» стал для них одним из главных предметов исследования.

Славянофилы воспринимали Россию как свою родину, почти в каждом их произведении мы можем прочесть слова любви к стране, гордости и веры в величие ее народа. Так, М. П. Погодин писал: «Россия – целый мир, какой-то самодовольный, независимый, абсолютный»¹. Н. М. Карамзин не видел для себя другого Отечества: «Для нас, русских с душою, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует, все иное есть только отношение к ней, мысль, привидение»². Ю. Ф. Самарин также считал, что «для каждого русского Россия есть отечество»³.

Славянофилы с гордостью говорили о таланте, мудрости и особом, уникальном состоянии духа русского человека, который служит опорой России. М. П. Погодин писал: «Русская самостоятельность, своеобразие, одним словом, народность, национальность, – вот

¹ *Погодин М. П.* Внешнеполитическое положение России // *Погодин М. П.* Вечное начало. Русский дух. М., 2011. С. 22.

² *Карамзин Н. М.* Письма А. И. Тургеневу // Москвитянин. 1855. № 23–24. С. 183–184.

³ *Самарин Ю. Ф.* Государственная идеология // *Самарин Ю. Ф.* Православие и народность. М., 2008. С. 312.

средоточие всей системы!»⁴. Историк восхищается многогранностью характера нашего народа, акцентируя внимание на его специфических национальных качествах, слиянии воедино двух культур: «Из нравственных сил укажем, прежде всего, на свойства русского народа: его толк и его удаль, которым нет имени во всех языках европейских, его понятливость, живость, терпение, покорность, деятельность в нужных случаях, какое-то счастливое сочетание свойств человека северного и южного»⁵.

Мыслитель не устает удивляться огромному интеллектуальному потенциалу русских, причем как представителей интеллигенции, так и обычных крестьян. «Один простолюдин заменяет силу гидравлического пресса каким-то простым деревянным снарядом, другой сообщает льну мягкость шелка. <...> Глубокое познание книг Священного Писания, философские размышления по отношениям богословия к философии принадлежат к нередким явлениям в простом народе. <...> Все это доказательства народных способностей!»⁶.

Представители этого консервативного направления также не могли обойти вниманием степень влияния православия на формирование русской идентичности. Ю. Ф. Самарин писал: «Говоря о русской народности, мы понимаем ее в неразрывной связи с православною верою, из которой истекает вся система нравственных убеждений, правящих семейною и общественною жизнью русского человека»⁷. Н. М. Карамзин также считает, что вера является основной опорой России: «История подтверждает истину... что вера есть особенная сила государственная»⁸. Именно она, по мнению мыслителя, спасала Россию в самые трудные времена: «Прославим действие веры, она удержала нас на степени людей и граждан; в унижении имени русского мы возвышали себя именем христиан, и любили отечество как страну православия»⁹. М. П. Погодин говорит о божественном промысле, который пал на Россию. Он отмечает, что приоритетной задачей России

⁴ Погодин М. П. К вопросу о славянофилах // http://russidea.rchgi.spb.ru/libruss/pdf_txt/36_Pogodin.pdf

⁵ Погодин М. П. Внешнеполитическое положение России // Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух. М., 2011. С. 24.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Самарин Ю. Ф. Два слова о народности в науке // Самарин Ю. Ф. Избранные труды. М., 1996. С. 485.

⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. С. 224.

⁹ Там же. С. 218.

как православной державы является проповедь христианской морали: «О, Россия, о, мое Отечество! Тебе суждено <...> водворить всюду мир и правду, доказать на деле, что <...> есть нечто выше и учености, и промышленности, и образования, и свободы, и богатства – просвещение, просвещение в духе Христианской религии, просвещение словом Господним»¹⁰.

Божественное начало связано и с понятием верховной государственной власти в России. Н. М. Карамзин в своей знаменитой «Истории государства Российского» писал: «Русский народ даже в годы тирании Иоанна Грозного понимал необходимость и спасительность монархии для России, считая власть государеву властью божественною»¹¹. Похожей позиции придерживался М. П. Погодин: «Чувство, заветное наследство предков, есть покорность, беспредельная доверенность и преданность Царю, который для нее есть бог земной»¹². Ю. Ф. Самарин считает, что власть должна опираться на традиционные русские начала: «Русский народ видит и любит в своем государе православного и русского человека... В основании любви подданных к государю лежит вера и народность; такой широкой и твердой основы не имеет ни одно правительство, и вот почему оно у нас так сильно»¹³. В противном случае, по мнению мыслителя, она может потерять свою легитимность: «Наше правительство самодержавно и полновластно, но оно само называет себя правительством православным и русским. <...> Оно не полновластно потому, что подданные признают над собою власть правительства православного и русского; перестав быть православным и русским, оно бы перестало быть для них правительством»¹⁴.

Русское начало, по мнению Ю. Ф. Самарина, также должно превалировать и в вопросах внешней политики: «Политика России должна быть не консервативная и не революционная, а русская. Иными словами: она должна служить не отвлеченному политическому началу, а историческому призванию России как земли православной и славянской, поставленной Провидением во главе славяно-православного

¹⁰ *Погодин М. П.* Внешнеполитическое положение России // *Погодин М. П.* Вечное начало. Русский дух. М., 2011. С. 31.

¹¹ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 9. С. 98.

¹² *Погодин М. П.* Внешнеполитическое положение России // *Погодин М. П.* Вечное начало. Русский дух. М., 2011. С. 26.

¹³ *Самарин Ю. Ф.* На чем основана и чем определяется верховная власть России // *Самарин Ю. Ф.* Избранные труды. М., 2010. С. 367.

¹⁴ *Там же.* С. 356.

мира»¹⁵. Он критикует засилье иностранцев в российских властных структурах: «Орудиями и представителями внешней политики должны по преимуществу быть люди русские. <...> Только мы любим наполнять список наших дипломатов немецкими именами, и это не послужило нам впрок»¹⁶.

Как уже было сказано, главными идейными оппонентами славянофилов являлись западники, которые считали, что Россия должна идти по европейскому пути развития. Это противоборство побудило русских консерваторов посвятить множество трудов обоснованию гибельности применения подобной модели в России. Н. М. Карамзин писал: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России»¹⁷. Особенно упрекали мыслители тягу ко всему иностранному в «высшем обществе»: «У нас всякий... без всякой нужды коверкает французский язык, чтобы с русским не говорить по-русски; а в нашем так называемом хорошем обществе без французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? Зачем быть попугаями и обезьянами вместе?»¹⁸.

Консерваторы рассматривали «русский вопрос» в широком смысле. Духовная и социальная сфера, внутренняя и внешняя политика, история России, – везде, по мнению славянофилов, «народность» играла и должна играть ведущую роль. Без опоры на национальную традицию и на православную веру Россия не сможет развиваться и поддерживать статус великой державы!

¹⁵ Самарин Ю. Ф. Государственная идеология // Самарин Ю. Ф. Православие и народность. М., 2008. С. 310.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 35.

¹⁸ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 338.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ КОЛЛЕКЦИОННОГО ФОНДА МУЗЕЯ М. В. ЛОМОНОСОВА

Т. М. Кравченко
(МАЭ РАН)

В музее М. В. Ломоносова МАЭ РАН, более $\frac{1}{3}$ коллекционного фонда составляет иллюстративная коллекция, из них около двух тысяч – это стеклянные негативы и негативы на пленке, которые внесены в основную инвентарную книгу музея и имеют коллекционные инвентарные номера.

Помимо предметов, имеющих музейный инвентарный номер, в музее существует и так называемый вспомогательный фонд, который включает негативы на стекле и пленке, а также фотоотпечатки, газетный фонд и библиотеку.

Коллекционный фонд музея – это личные вещи ученого, научные приборы, инструменты, мебель ломоносовского времени, макеты, книги, гравюры, собрание живописи. Все годы существования музея они были предметом описания и изучения, большая часть этих работ сделана сотрудниками музея. Негативы как коллекция музея оставалась за рамками внимания ученых.

История создания фото – иллюстративной коллекции начинается одновременно с созданием самого музея М. В. Ломоносова. 8 мая 1947 г. вышло Постановление Президиума АН СССР за подписью Президента Академии наук С. И. Вавилова и академика-секретаря Н. Г. Бруевича: «Для собирания и изучения материалов, относящихся к жизни и деятельности великого русского ученого М. В. Ломоносова организовать в составе Института этнографии Ломоносовский музей. Заведующим Ломоносовского музея утвердить тов. Каплан-Ингеля Р. И.»¹.

Немного раньше 27 февраля 1947 г. в Дирекцию Института этнографии (Московского отделения) Председателем Комиссии по созданию Ломоносовского Музея проф. Н. Н. Степановым, ученым секретарем комиссии А. А. Елисеевым и заведующим Ломоносовским

¹ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1–1947. № 17. Л. 22.

музеем Р. И. Каплан-Ингелем направлена Докладная записка об организации Ломоносовского музея. В записке обосновывались организация музея и кратко описывались предполагаемые разделы будущей экспозиции, излагались планы по организации при музее Ломоносовского кабинета. В нем будет собрана литература по жизни и деятельности Ломоносова, его сочинения, академические издания середины XVIII в., иконографический материал. Кроме того, в кабинете будет находиться картотека по источникам и фотоархив со всех подлинных документов, относящихся к Ломоносову².

По высказыванию С. И. Вавилова, музей задумывался как центр ломоносоведения, и изучение наследия ученого всегда было важной составляющей в музейной работе.

В музее наряду с формированием коллекционного фонда с первых дней создавалась и специализированная библиотека. Ее основу составила литература о М. В. Ломоносове и его времени, труды самого ученого, включая прижизненные издания, все выпуски собраний его сочинений – от первых, увидевших свет еще в XVIII в., до изданных в 1950–1983 гг. 11 томов Полного собрания сочинений, в подготовке которого принимал участие Музей М. В. Ломоносова. Многие годы в музее централизовано формировался газетный фонд, в котором собраны различные заметки о Ломоносове, а также об учреждениях, носящих его имя, представляющие ценные материалы.

Собрание негативов включает фотофиксацию коллекционного фонда музея, сделанную в первые годы их поступления. Поэтому через 60 лет они стали ценным материалом для работы реставраторов и дают возможность представить, как выглядели предметы и утраченные детали. Часть негативов представляет собой копии архивных документов, в основном это фонд 3 Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук (СПФ АРАН), в котором сосредоточены материалы по жизнедеятельности М. В. Ломоносова. Музей располагает на трех этажах башни старинной петровской Кунсткамеры.

С созданием экспозиций была отреставрирована и надстроена башня в стиле барокко по проекту архитектора и первого директора музея Р. И. Каплан-Ингеля. История проведения реставрационных и архитектурно-строительных работ, а также интерьеры залов и лепного убранства здания также была зафиксирована в 50-е гг. XX века на стеклянных негативах. Подробно были представлены на стеклянных носителях сохранившиеся изображения первой экспозиции музея

² СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1–1947. № 17. Л. 8–11.

М. В. Ломоносова. И все что связано в те годы с Большим Готторпским глобусом, подъем его на пятый этаж башни Кунсткамеры и последующей реставрации.

Источники поступления негативов в музей были различными. Самые значительные по количеству – это фотолаборатория института этнографии (дается историческое название на момент поступления ЛАХУ АН СССР), лаборатория научно-прикладной фотографии и кинематографии Санкт-Петербургского научного центра РАН (ЛАФОКИ), «Ленфильм», Киностудия научно-популярных фильмов предоставила несколько микрофильмов для музея. Изучая книгу регистрации поступления негативов, важно отметить то, что некоторые приобретались у частных лиц, а также были преподнесены в дар (среди них В. Л. Ченакал, второй директор музея). Интересным является тот факт, что в списке дарителей встречаются имена сотрудников музея. Примечательным является то, что сохранился журнал для посетителей в архиве отдела (сегодня архив находится в научно-технической обработке), где среди пользователей фотоиллюстративным архивом музея встречается имя А. А. Морозова, автора фундаментального труда по биографии М. В. Ломоносова.

Сегодня коллекция негативов находится в здании МАЭ РАН в фондохранилище № 102. Три года назад для негативов на стекле и пленке музеем было приобретено специальное музейное оборудование, которое улучшило условия хранения коллекции.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ КАДРОВ В 1920–1930-е гг. В СССР

Е. Н. Крякин
(ГУУ)

В 1919–1921 гг. в Москве был организован ряд учебных заведений по подготовке профессиональных идеологических и политических кадров, наиболее известные из них – Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова и Институт красной профессуры. Такие заведения находились в ведении Народного комиссариата просвещения РСФСР и непосредственно ЦК РКП(б) и поставляли кадры для партийной и государственной администрации как РСФСР, так и национальных автономных областей и республик, с 1924 г. вошедших в состав союзного государства.

В 1921 г. появилось специализированное учебное заведение, занимавшееся подготовкой национальных кадров для партийного аппарата восточных национальных республик – Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). И. В. Сталин, выступая перед учащимися КУТВ, определил следующие линии деятельности университета: «Создать кадры, могущие обслужить нужды советских республик Востока... и создать кадры, могущие обслужить революционные потребности трудящихся масс колониальных и зависимых стран Востока»¹. В отношении советских республик задача университета состояла в организации национально-советской государственности, «близкой и понятной трудящимся массам»².

Занять видные административные и партийные посты на местах должны были представители национальных республик, прошедшие

¹ *Сталин И. В.* О политических задачах университета народов Востока: Речь на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t7/university_eastern_peoples.htm (дата обращения: 01.03.2013).

² Там же.

подготовку в Коммунистическом университете. Подготовка национальных кадров и вся национальная политика в странах Азии, в том числе и национальное размежевание в Туркестане, преследовало цель создания национальных советских республик и объединение их впоследствии в единое многонациональное государство, как отмечает Сталин: «Если эти государства пожелали потом вступить в Советский Союз, то это говорит лишь о том, что большевики нашли ключ к глубочайшим стремлениям народных масс»³.

Национальный состав студентов КУТВ был достаточно пестрым, помимо представителей восточных республик – киргизов, казахов, таджиков и представителей компартий Индии и Китая в КУТВ обучались представители малых народов – аварцы, лезгины, осетины, кумыки, балкарцы, кабардинцы, ингуши, чеченцы, карачаевцы, даргинцы, татары, башкиры, мари, мордвины, чувашаи, мещеряки и др.⁴ Срок обучения для всех студентов составлял три года.

Социальная принадлежность студентов так же была не однородна: на 930 слушателей (1922 г.) приходилось крестьян 490 человек, рабочих 215 человек, служащих и интеллигенции 225 человек. Представители советского руководства принимали значительное участие в деятельности университета: перед студентами выступали А. В. Луначарский, Л. Б. Красин, М. Н. Покровский, А. А. Губер, Л. М. Рейснер и другие. Первым ректором ВУЗа был назначен заместитель народного комиссара по делам национальностей Г. И. Бройдо⁵.

Рассмотрим подробнее деятельность КУТВ по подготовке кадров для восточных советских республик. Кандидаты для обучения выдвигались местными партийными органами и направлялись в Москву. Для многих студентов обучение в КУТВ было возможностью помимо идеологической подготовки получить высшее образование; подавляющее большинство поступавших имело за плечами только начальную школу⁶. Часть студентов к моменту поступления уже имела опыт

³ Сталин И. В. О политических задачах университета народов Востока.

⁴ Тимофеева Н. Н. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) – центр идейной подготовки коммунистических и революционных кадров Востока: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.04. Москва, 1988. 149 с.: На правах рукописи УДК ЗКИ-1 “1921/1938”.

⁵ Там же. С. 25.

⁶ Тимофеева Н. Н. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) – центр идейной подготовки коммунистических и революционных кадров.

партийной работы. Часть студентов по окончании ВУЗа занимали руководящие посты на местах впервые⁷.

Обучение в КУТВ давало выпускникам определенные преимущества в дальнейшей политической карьере, чтобы подтвердить этот тезис следует обратиться к биографическим материалам обучавшихся в университете. Большой интерес представляет биография доктора исторических наук, академика АН КазССР Акая Нусупбековича Нусупбекова (1909–1983) – студента КУТВ в 1934–1937 гг. Акай Нусупбеков родился в ауле Жаланах Райымбекского района Алматинской области, начальное профессиональное образование получил в Алматинском сельскохозяйственном техникуме, там же был отмечен и в скоре направлен местной партийной организацией на обучение в КУТВ⁸.

По окончании университета Нусупбеков вернулся на Родину и в том же 1937 г. был назначен на должность заведующего культурно-просветительским отделом ЦК Компартии Казахстана, которую занимал до 1939 г. После 1945 г. работал в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, ныне Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова. Известен как автор ряда работ по истории Казахстана, посвященных национально-освободительным движениям на территории Казахстана в XVIII–XIX вв., национально-государственного строительства в Казахстане в XX в., формирования и развития рабочего класса в республике⁹.

Данный биографический материал позволяет рассмотреть деятельность КУТВ по подготовке национальных кадров для советских восточных республик: в университете обучались представители национальных республик, которые отбирались местными партийными органами и направлялись на обучение в Москву. По окончании обучения студенты возвращались в республики и продолжали деятельность в партийной административной структуре. В случае с Акаем Нусупбековым следует отметить, что до обучения в КУТВ он не занимал постов в партийной системе ЦК КП Казахстана, однако успел отличиться во время обучения в Алматинском техникуме и сразу после его окончания занял пост директора техникума. Обучение в КУТВ

⁷ Большая Советская Энциклопедия М.: «Советская энциклопедия», 1969–1978 гг. Т. 28. С. 122.

⁸ Кумеков Б. И в глубь веков, и в жизнь своей эпохи устремлял научный поиск выдающийся казахстанский историк Акай Нусупбеков. Казахстанская правда. № 87–88 (27361–27362) 09.12.2009.

⁹ Там же.

позволило ему занять пост в административной системе местного ЦК КП. Следует отметить, что и в послевоенное время Нусупбеков занимался и идеологической работой, исследуя историю Казахстана в рамках марксистско-ленинской методологии.

Специализированные университеты, занимавшиеся подготовкой квалифицированных кадров в Москве, выступили, с одной стороны, как идейный центр социалистической пропаганды, с другой стороны, как центр подготовки легитимных управленцев, лояльных политике центра. Данное обстоятельство сыграло значительную роль в успешном проведении советской политики в национальных республиках.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ ЧУКЧЕЙ

О. А. Кудрявцева
(СВГУ)

В данной работе проводится исследование погребальных обрядов чукчей, их характерные черты, традиции, а также изменение традиций со временем, трансформации в связи с влиянием ряда факторов и появление новаций.

Проводы в последний путь умершего человека всегда занимали особое место в жизни любого народа. Погребальный обряд представляет по существу целый цикл действий, обычаев, запретов и т. п., последовательно совершаемых с момента смерти до погребения и следующих за ним «поминок». Погребальный обряд преследует цель не просто похоронить человека, а соответствующим образом «отправить его на тот свет» до того момента, когда умерший и его душа покинут навсегда родные места и поселятся в потустороннем мире.

Считалось, что после смерти человек продолжает жить, занимается теми же делами, что и при жизни, но уже за пределами непосредственных ощущений живого человека.

В соответствии со сложившимися представлениями о жизни после смерти и в зависимости от специфических экологических и социальных условий у чукчей сложились следующие виды захоронения: трупосожение и оставление тела на земле.

Погребение поверхностное на земле осуществлялось таким образом: по прибытии на место, избранное покойником, выбирают ровную площадку и, отмерив на ней участок, соответствующий размерам человеческого тела, окружают его камнями, образуя вытянутый овал¹.

При сжигании трупа совершались такие же обряды, что и при выносе в тундру. Различие было лишь в том, что перед сжиганием вынимались внутренности, надрезались все сухожилия, чтобы при сжигании тело не шевелилось, что считалось плохим знаком. С тела не

¹ Богораз В. Г. Чукчи. Религия 1934. Л.: Из-во института народов севера ЦИК СССР. С. 179.

снимали ни одежду, ни ремни. Покойника клали сверху на костер и сверху закрывали дровами. Несгоревшие части тела зарывали в горячую золу от костра.²

Если сравнивать погребальные обряды чукчей в разные периоды времени, можно отметить, что в целом ритуалы и их значение остались прежними. Происходили лишь небольшие трансформации, которые были связаны с рядом факторов:

- преобразования в советский период;
- влияние русской культуры;
- принятие христианства;
- влияние обрядности коряков;
- влияние технического прогресса.

Можно привести пример, относящийся к последнему фактору. Совершая погребение, около тела клали самые необходимые вещи. Для мужчины добавляли нож в новых ножнах, копье, лук со стрелами, точильный камень в кожаном футляре, трубку и кисет с табаком, чашку или миску и три маленьких мешка для провизии, для женщины вместо копья и лука клали скребок и рабочий мешок с иглами и наперстками³. Помимо оставленных принадлежавших покойнику вещей, закалывали тех оленей, на которых он ездил⁴. С убитых оленей снимали упряжь. Возле тела разбрасывали по земле кусочки сала, начиненных кишок, принесенных специально для этих целей.

Обычай оставлять с покойником его любимые вещи существует у многих северных народов. Отправляя умершего к «верхним людям», живые оставляли с ним все то, что, по их мнению, пригодится ему в иной «жизни». Прежде это были ножи, поделки из моржового клыка, а также остальные вышеперечисленные изделия, а теперь – современная бытовая техника. Нередко у посетителей современных кладбищ в городах и селах Чукотки вызывает удивление то, что на могилах умерших коренных жителей можно увидеть сломанный радиоприемник, или магнитофон, фотоаппарат. А с некоторых пор – и части от старых компьютеров⁵.

² *Богораз В. Г.* Чукчи. Религия 1934. Л.: Из-во института народов севера ЦИК СССР. С. 182.

³ Там же. С. 181.

⁴ *Вдовин И. С.* 1965. Очерки истории и этнографии чукчей. М.–Л.: Наука. С. 225.

⁵ http://www.ng.ru/ngregions/2006-03-20/15_chukchi.html

Погребальные обряды народов северо-востока являются недостаточно изученными. Анализируя собранные материалы, предоставляется возможность проследить динамику развития погребальных обрядов от древности до наших дней.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ВОЕННОГО ПЛЕНА И ИНТЕРНИРОВАНИЯ В СССР (1939–1956 гг.)¹

А. Л. Кузьминых, к.и.н.

(Вологодский институт права и экономики ФСИН)

Система органов и учреждений военного плена и интернирования была образована в структуре Наркомата внутренних дел СССР в самом начале Второй мировой войны – в сентябре 1939 г. В этот период создаются первые учреждения для приема и содержания военнопленных, оформляется законодательство по вопросу их содержания и трудового использования. Окончательное оформление данной система получила в январе 1945 г., что выразилось в создании Главного управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД СССР). В послевоенный период ГУПВИ входило в число крупнейших главков в системе НКВД–МВД и было напрямую задействовано в реализации приоритетных задач внутренней и внешней политики сталинского руководства.

Система УПВИ–ГУПВИ представляла собой централизованную и многоуровневую государственно-бюрократическую структуру, включавшую в себя центральные и периферийные органы управления, фронтовые и тыловые учреждения. Деятельность этой системы охватывала всю территорию Советского Союза и даже выходила за ее пределы. В подчинении УПВИ–ГУПВИ находилась обширная сеть учреждений, представленная лагерями, спецгоспиталями, рабочими батальонами и спецобъектами. Руководство их деятельностью осуществляли центральный аппарат УПВИ–ГУПВИ и подконтрольные ему территориальные управления, отделы, отделения и группы по военнопленным и интернированным, созданные в структуре республиканских, краевых и областных НКВД(МВД)-УНКВД(УМВД).

На протяжении периода своего существования система УПВИ–ГУПВИ тесно взаимодействовала с другими подразделениями и ведомствами НКВД–МВД, однако наиболее тесная взаимосвязь на-

¹ Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-01-00344а.

блюдалась с системой ГУЛАГа. Можно говорить о том, что органы и учреждения военного плена создавались на кадровой и материальной основе ГУЛАГа. Опыт деятельности советской пенитенциарной системы оказал непосредственное влияние на организацию режима, охраны, жизнеобеспечения и трудового использования военнопленных и интернированных.

В первый период (1939–1941 гг.) в деятельности УПВИ преобладали репрессивно-карательные функции. Специальные лагеря НКВД являлись местом концентрации противников советской власти из числа захваченных на оккупированных Советским Союзом территорий военнослужащих и гражданских лиц. Можно говорить о том, что иностранные военнопленные и интернированные испытали на себе все проявления сталинского террора: заключение в лагеря и тюрьмы, депортацию членов своих семей, лишение права переписки, принудительный труд, осуждение во внесудебном порядке, тщательно спланированные и засекреченные массовые расстрельные акции.

В начале Великой Отечественной войны система военного плена находилась в малопригодном для содержания военнопленных состоянии. Большинство развернутых в спешном порядке лагерей и приемных пунктов функционировали в чрезвычайных условиях, вызванных отступлением Красной армии и эвакуацией населения в тыловые районы страны. В ситуации, когда решался исход войны, у советского руководства не имелось ресурсов для проведения мероприятий по нормализации содержания военнопленных. Их положение в лагерях было крайне тяжелым и не соответствовало декларируемому советским государством критериям.

Разгром немецких войск под Сталинградом привел к «кризису» системы УПВИ. Пленение 200-тысячной группировки противника потребовало изменения механизма взаимоотношений с военным командованием и органами здравоохранения. В 1943 г., в период коренного перелома во Второй мировой войне, советское правительство осознает политический и экономический ресурс системы УПВИ, развитие которой происходило в направлении адаптации лагерной практики к международно-правовым нормам. Роль «освободителя» стран Европы от гитлеровской тирании и необходимость противопоставить себя фашизму, а также поддержания «реноме» перед западными союзниками требовали от советского руководства комплексного подхода к вопросам военного плена и интернирования с учетом дальнейшего развития международной обстановки.

Перед системой ГУПВИ была поставлена задача проведения комплекса мероприятий, важнейшими из которых являлись, во-первых, сохранение жизни и здоровья контингента; во-вторых, его максимальное использование в интересах народного хозяйства СССР; в-третьих, формирование у бывших nepřиятельских военнослужащих антифашистских убеждений и коммунистического мировоззрения. Реализация этих мероприятий осложнялась ограниченными возможностями разрушенной войной социально-экономической инфраструктуры, которые не позволяли в надлежащей степени организовать быт и снабжение лагерного контингента.

В связи с перечисленными задачами в структуре УПВИ формируются подразделения, ответственные за организацию медицинской помощи, материально-бытового снабжения, политической и оперативной работы с военнопленными, их трудового использования на объектах народного хозяйства. Система УПВИ пополняется новыми типами учреждений – спецгоспиталями, оздоровительными, режимными и производственными лагерями, антифашистскими школами и специальными объектами. Значительное внимание уделялось перестройке системы приема и учета военнопленных, которая становится более мобильной. В свою очередь, часть контрольно-распорядительных функций по управлению тыловыми учреждениями передается территориальным НКВД–УНКВД, что позволяло адаптировать систему содержания и трудового использования военнопленных к местным условиям.

Потребность Советского Союза в трудовых ресурсах привела сталинское руководство в завершающий период войны к идее широкомасштабных «репараций трудом» с территории государств-противников. Результатом такой политики стало появление постановлений Государственного комитета обороны об отправке в СССР немцев трудоспособного возраста. Интернированные и мобилизованные немцы сводились в рабочие батальоны, которые закреплялись за предприятиями различных наркоматов. Часть контингента ГУПВИ передается в распоряжение ГУЛАГа и других лагерных управлений НКВД.

Массовая репатриация военнопленных из СССР, начавшаяся летом 1945 г. и продолжавшаяся с большей или меньшей интенсивностью в течение всего послевоенного периода, была вызвана комплексом внешнеполитических и внутривнутриполитических причин. Во-первых, наличие значительного контингента нетрудоспособных военнопленных и интернированных существенно увеличивало расходы государства на их содержание и отрицательным образом сказывалось на результатах

экономической деятельности лагерей. Во-вторых, возвращение иностранных граждан диктовалось тяжелой социально-экономической ситуацией в странах Восточной Европы, находившихся в сфере влияния Советского Союза, а также стремлением сталинского руководства оказать поддержку местным коммунистическим партиям. В-третьих, в завершающий период Второй мировой войны система НКВД наполнялась другими категориями спецконтингента, в первую очередь репатриированными советскими гражданами.

Репатриация военнопленных сопровождалась расформированием лагерных отделений, управлений лагерей, спецгоспиталей, сокращением штатов, укрупнением и слиянием малочисленных отделений. Темпы расформирования лагерной сети находились в прямой зависимости от динамики репатриации. Одновременно со свертыванием органов и учреждений военного плена и интернирования в 1948–1949 гг. формируется сеть режимных учреждений для содержания иностранцев, отстраненных от репатриации по политическим или оперативным соображениям.

Оставшиеся в СССР иностранные военнопленные и интернированные, большинство из которых были приговорены к лишению свободы, в последние годы существования сталинского режима, по сути, стали «заложниками холодной войны». Их возвращение на родину стало возможным только после смерти советского вождя. В апреле 1953 г. УПВИ упраздняется, а оставшиеся лагерные учреждения переходят в ведение Тюремного управления МВД. Последние осужденные военнопленные и интернированные покидают СССР в декабре 1956 г., что приводит к ликвидации системы военного плена и интернирования.

А. А. ГИРС О ВЛИЯНИИ БАЛКАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ НА РУССКО-GERMANСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XIX в.

Н. В. Кукиль
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Российско-германские отношения в конце XIX в. были подвержены негативному воздействию со стороны такого важного дипломатического и идеологического фактора, как организованный раздел сфер влияния на Балканах между великими державами, в котором Россия и Германия принимали непосредственное участие¹. Объективный анализ рассматриваемой ситуации содержится в заметках А. А. Гирса.

Русский дипломат Александр Александрович Гирс, который был советником при министерстве иностранных дел России, а также консулом в Румынии с 1887 по 1899 г., давал в своих записях, которые велись им в годы пребывания в Триесте и Яссах, весьма неоднозначную характеристику ситуации на Балканах. Его оценка взаимоотношений российской дипломатии с представительствами великих европейских держав, размещавшихся на территории молодых славянских государств, недавно получивших независимость от турецкого султана, может служить примером консервативной политической позиции.

Применительно к поиску союзников с целью урегулирования ситуации на Балканах Гирс занимал весьма скептическую позицию: он в равной степени не мог доверять ни республиканской Франции, ни Германии и Австро-Венгрии. По поводу враждебного отношения российской прессы к действиям немцев он писал: «...Наша пресса обрушилась всей тяжестью на Германию, уличая ее в самых коварных замыслах по отношению к России»². Что касается германских претензий, то они были обусловлены тем обстоятельством, что Европа

¹ Ерусалимский А. С. Германская история в Новое и Новейшее время. М., 1970. С. 378.

² Заметки Гирса А. А. по внешнеполитическим вопросам с вырезками из русских и иностранных газет. Начато 25 августа 1887 г., окончено 18 января 1899 г. // ГА РФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 76. Л. 12.

сознательно не принимала Германию в клуб великих держав, и он воспринимал это как личное оскорбление...»³.

Появление на карте Европы ряда славянских государств означало, как выяснилось позднее, лишь углубление проблем, связанных с нерешенностью Восточного вопроса, и это закрепило за Балканским полуостровом статус одного из главных очагов международной напряженности. Российское руководство, которое вынуждено было официально поддерживать лозунги панславистов для поддержания внутривнутриполитической стабильности, в процессе решения Восточного вопроса встретило решительное противодействие со стороны не только Германии, но и недавно освобожденных южнославянских народов. Особенно сильны были эти настроения у болгар, потерявших симпатии к русским за короткий период их присутствия на своей территории. О недопустимости грубого вмешательства российского самодержавия во внутренние дела балканских стран писал в то время Б. Н. Чичерин, отмечая потенциальную опасность навязывания южным славянам строго определенной политической и экономической модели: «Не как представительница чисто материального могущества, основанного на притеснении всех подвластных, а как носительница высших человеческих начал, может она исполнить свое историческое призвание, выдвинуть славянский вопрос и сокрушить гегемонию Германии...»⁴. Агрессивные планы теоретиков пангерманизма действительно распространялись на Балканский полуостров⁵.

А. А. Гирс пытался доказать, что публичное оскорбление германских политических деятелей и германской дипломатии наносило непоправимый ущерб давним и тесным российско-германским связям. Это обстоятельство, по его мнению, давало немецкой прессе и печати повод подвергать российские власти и их действия на Балканах ответной критике. Учитывая активность немецкой печати в этом направлении, российское руководство вынуждено было вводить цензурные ограничения именно для тех периодических печатных органов, которые были ориентированы на резкую критику основных направлений политики Германии.

³ *Макдоно Дж.* Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. М., 2004. С. 11.

⁴ *Чичерин Б. Н.* Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1900. С. 179.

⁵ *Нотович Ф. И.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. М., 1947. С. 4.

Притязания Германии и Австро-Венгрии на определенную долю политического влияния на Балканах и возможное участие Берлина и Вены в силовом решении территориальных споров между славянскими государствами и Турцией А. А. Гирс рассматривал как вполне ожидаемые и предсказуемые перспективы. Россия должна была стать, по его мнению, естественным препятствием на пути их осуществления, продолжая играть роль защитницы славянских народов.

О настроениях в Румынии Гирс писал 1893 г.: «Румыны всячески от нас отрещиваются, общения они ищут лишь с Австрией и с Германией...»⁶.

Анализируя общее стратегическое положение Российской империи, он также обращал внимание на то, какую позицию по отношению к русским потенциально могут занять западнославянские народы, которые находились под германской и австро-венгерской юрисдикцией. По этой причине А. А. Гирс привел выдержку из главной газеты моравских чехов, которая демонстрировала их лояльное отношение к России: «...Величайший наш враг, приставивший нам нож к горлу – объединенная Германия. И эта объединенная Германия имеет впереди войну с Россией и Францией. Что может быть естественнее, как обратить наши симпатии к тем, которые будут бороться с Германией и искренно желать ее поражения...»⁷. Германское посольство в Вене действительно оказывало давление на австрийские власти в процессе выработки ими политических и административных решений в отношении славянского населения⁸.

На основании приведенных выше тезисов можно выделить ряд положений, позволяющих прояснить позицию А. А. Гирса в восточном вопросе и – шире – в оценке им геополитических задач России. Во-первых, сведения, которые предоставлял российскому внешнеполитическому ведомству дипломат А. А. Гирс, отражали реальную ситуацию на Балканском полуострове в указанный период. Во-вторых,

⁶ Заметки Гирса А. А. по внешнеполитическим вопросам с вырезками из русских и иностранных газет. Начало 25 августа 1887 г., окончено 18 января 1899 г. // ГА РФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 76. Л. 89.

⁷ Заметки Гирса А. А. по внешнеполитическим вопросам с вырезками из русских и иностранных газет. Начато 25 августа 1887 г., окончено 18 января 1899 г. // ГА РФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 76. Л. 56–57.

⁸ Письмо графа Филиппа Ойленбурга неизвестному адресату. Отправлено 18 ноября 1897 г. из посольства Германской империи, находившегося в Вене. // РГАСПИ. Ф. 458. Оп. 2. Д. 2386. Л. 1–2.

Болгария и Румыния постепенно начали ориентироваться на кайзеровскую Германию вследствие того, что Российская империя не обращала достаточного внимания на национальные интересы болгар и румын после их освобождения от власти турецкой администрации. Претензии России и Германии на исключительное право определять судьбу молодых балканских стран были важным этапом в развитии антагонизма между этими державами.

СПИСКИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ ЮГА РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

*В. А. Куликов, к.и.н.
(Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина, Украина)*

При изучении структуры и динамики промышленности Российской империи конца XIX – начала XX в. важнейшим источником являются промышленные переписи. Если сводные данные переписей использовались практически каждым исследователем промышленной истории России начала XX в., то списки предприятий слабо введены в научный оборот¹ и использовались «статически».

В данной статье представлены промежуточные результаты обработки базы данных, составленной на основе опубликованных списков предприятий обрабатывающей промышленности Российской империи по данным переписей 1900 и 1908 гг., дополненные списками предприятий из других источников.

Издание «Список фабрик и заводов Европейской России» (1903 г.)², было осуществлено редакцией «Вестника финансов, торговли и промышленности». «Список фабрик и заводов» был построен на основе материалов промышленной переписи 1900 г., собранных Отделом промышленности Министерства финансов через фабричных инспекторов под руководством В. Е. Варзара³. Данные переписи в «Списке фабрик и заводов» были дополнены материалами, собранными Отделом промышленности Министерства финансов в 1902 г.

¹ Среди примеров использования «Списков» предприятий можно упомянуть работы: *Воронкова С. В.* Российская промышленность начала XX века: источники и методы изучения. М., 1996; *Шацлло М. К.* Иностранцы в составе российского предпринимательства // Иностранное предпринимательство и zahraniчные инвестиции в России: Очерки. М., 1997 и др.

² Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903.

³ Подробнее см.: *Воронкова С. В.* Статистика промышленного производства // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 46–58.

непосредственно у фабрикантов через анкетирование. Около трети владельцев предприятий прислали сведения о предприятиях. В публикации «Списка фабрик и заводов» эти уточненные данные напечатаны курсивом (именно эти данные заносились в БД).

Перепись охватила только частные и, в некоторых случаях, корпоративные (муниципальные, удельные и т. п.) фабрично-заводские предприятия обрабатывающей промышленности. Учету не подлежали производственные предприятия с числом рабочих менее 16 (в том случае, если на них не было механического двигателя), заведения подчиненные горнопромышленному надзору, электростанции, водопроводы и т. п. К примеру, по Харьковской губернии переписью были учтены 19,8 % от общего числа промышленных заведений (всех форм собственности и масштабов, в т. ч. и ремесленных) с совокупным объемом продукции 93,4 % от общегубернского промышленного производства, на которых работали 84,1 % промышленных рабочих региона⁴.

Через восемь лет после проведения переписи 1900 г., по тем же программам и листкам, с некоторыми изменениями, под руководством В. Е. Варзара была проведена новая перепись фабрик России⁵, на основе данных которой был издан список предприятий, аналогичный предыдущему⁶.

Обе публикации списков дают сведения о наименовании предприятия, владельцах, местонахождении, числе рабочих, годовой производительности. Список за 1900 г. по каждому предприятию дает сведения о годе основания. Список за 1908 г. – об оснащенности механическими двигателями.

Сам В. Е. Варзар, давая оценку переписям, отмечал, что для практических целей эти работы представляют единственный источник для разностороннего и углубленного познания экономического и технического состояния развития русской промышленности за 1900 и 1908 г.⁷

Технически задача организации информационной модели реализована в СУБД MS Access™. База данных состоит из семи связанных таблиц. Таблица «Предприятия» основная, в которой отображаются

⁴ Харьковский календарь на 1902 год: Изд. Харьковского губернского статистического комитета. Харьков, 1902. С. 46.

⁵ Варзар В. Е. Воспоминания старого статистика. Р.-н.-Д., 1924. С. 17.

⁶ Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912.

⁷ Варзар В. Е. Воспоминания старого статистика. Р.-н.-Д., 1924. С. 17.

статические сведения о предприятии (название, место расположения, отрасль и т. п.); остальные таблицы динамические, в которых помещаются сведения о владельцах, продукции, объемах производства, машинах, рабочих и т. п. за разные годы.

В динамических таблицах каждая запись (строка) таблицы включает атрибут «Год», что позволяет вносить данные о предприятии за разные годы и фильтровать ситуацию на конкретный момент при запросах.

В «Списках фабрик и заводов» предприятия расположены в алфавитном порядке по фамилии владельца или названию компании. Некоторые предприятия к 1908 г. поменяли владельца, поэтому все предприятия с несовпадающими владельцами сверялись по другим показателям: место расположения, номенклатура выпуска и проч.

Таким образом, БД отображает динамику показателей работы предприятий на основе сведений разных источников с разными атрибутами элементов. По сути, речь идет о создании нового электронного источника, по ходу составления которого, данные первоисточников сверяются, уточняются, дополняются.

Создаваемая динамическая база данных позволяет определить структуру и производственную динамику предприятий обрабатывающей промышленности, установить уровень концентрации предприятий, рабочих и машин в регионах, определить социальный портрет предпринимателей-промышленников, выяснить особенности жизненного цикла предприятий. Все это, в общем, позволит углубить наши знания о процессах индустриализации и социальной модернизации России в конце XIX – начале XX в.

По спискам за 1900 г. в украинских губерниях (Волынская, Екатеринославская, Киевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Харьковская, Херсонская, Черниговская) было 2680 предприятий, в 1908 г. – 3417 предприятий. Сведения переписей, как самые полные, стали основой для создания БД. В последующем данные переписей предполагается дополнять другими источниками, такими как списки фабрик и заводов за другие годы, данные анкет и карточек из архивных фондов фабричных инспекторов и т. п.⁸

⁸ Например, нами начата работа по внесению материалов: Ведомости о фабриках и заводах [Харьковской губернии] за 1892 г. Государственный архив Харьковской области. Ф. 51. Оп. 1. Д. 152.

На сегодняшний день в БД нами полностью внесены данные за 1900 г. и по отрасли «Обработка металлов: машиностроение и металлургия» за списками за 1908 и 1910 г.⁹

Рассмотрим некоторые результаты сопоставления списков по металлообрабатывающей промышленности. Всего в 1900–1910 гг. в группе «Обработка металлов» в девяти украинских губерниях 511 предприятий, из них только 131 предприятие встречается во всех трех списках. Согласно спискам за разные годы в отрасли: в 1900 г. – 298 предприятий, в 1908 г. – 362, в 1910 г. – 271.

Совпадения между 1900 и 1908 гг. – 185 предприятий; 1900 и 1910 гг. – 147 предприятий. Совпадения между 1908 и 1910 гг. – 219 предприятий. Таким образом, уже на этом этапе можно сказать, что используя данные промышленных переписей, мы в значительной степени имеем дело с разными предприятиями, поскольку только чуть больше половины предприятий попали в списки через 8–10 лет. Значит ли это, что средний жизненный цикл предприятия был так непродолжителен? Нет. Проблема состояла в недоучете предприятий промышленными переписями, причем не только ремесленного типа, о чем говорилось выше, но и крупнейших металлообрабатывающих предприятий.

В списке 1908 г. нет данных о времени возникновения предприятия, но такие данные есть в списке 1910 г. Согласно этим данным, ровно половина из неохваченных переписью 1900 г. предприятий, но присутствующих в списке 1910 г., были основаны до 1902 г. Большинство из этих недоучтенных предприятий специализировалось на выпуске сельскохозяйственных машин и орудий. В 1908 г., по сравнению с 1900, было добавлено 20 предприятий Министерства путей сообщения (в основном – ремонтные мастерские). Переписями 1900 и 1908 гг. не были учтены крупнейшие металлургические заводы Юга России.

В числе неохваченных переписями 1900 и 1908 гг. предприятий были такие промышленные гиганты, как Юзовский металлургический завод (АО Новороссийского об-ва каменноуг., железн. стальн. и рельс. произв.), дававший к 1910 г. продукции на 33 млн руб. в год; Енакиевский металлургический завод (АО Русско-бельгийское металлургич. об-во) с годовым производством в 1910 г. 26 млн руб.; Александров-

⁹ Список фабрик и заводов России 1910 г. СПб., 1910. [Составлены редакцией «Торгово-промышленной газеты» и «Вестника финансов» по официальным данным фабричного, податного и горного надзора.]

ский Южно-Российский завод (АО Брянского рельсопрокат., железоделат. и механич. з-да), с годовым производством 23 млн руб. и т. п.

Почему не были учтены эти металлургические предприятия, сказать сложно. Не были включены все крупнейшие металлургические заводы, имеющие собственные домны (кроме железопрокатного завода в Константиновке, имевшего одну доменную печь, но включенного в списки 1900 и 1908 гг.).

Все это приводит к тому, что при изучении промышленного районирования и промышленной структуры, используя только материалы переписей, мы получаем совершенно искаженную структуру. Так, согласно данным «Списка фабрик и заводов 1900 г.», Екатеринославская губерния по объему годового производства (все группы производств обрабатывающей промышленности) выходит на пятое место (59 млн руб.). А сам город Екатеринослав (соврем. Днепропетровск), среди других крупнейших центров промышленности, так же оказывается на пятом месте, пропустив перед собой даже такой небольшой город, как Сумы (15,4 млн в год в Екатеринославе, 16,3 млн в Сумах). Очевидно, что учет хотя бы нескольких крупнейших предприятий сразу выводит Екатеринославскую губернию в лидеры, полностью меняя картину производственной и территориальной структуры промышленности, которая вырисовывается по данным переписи 1900 г. Пятнадцать крупнейших заводов (из них только три учтены переписями 1900 и 1908 гг.) дали в 1910 г. продукции на сумму 199 млн. рублей, согласно же переписи 1900 объем продукции всех предприятий всех отраслей промышленности Екатеринославской губернии составлял 58,7 млн рублей.

Таким образом, можно сделать вывод, что используя сводные данные промышленных переписей, исследователи значительно искажают картину структуры и динамики промышленности Российской империи. Относительно точную картину можно получить, только анализируя процессы индустриальной динамики на элементарном уровне – уровне отдельных предприятий, корректируя материалы переписей путем сверки и дополнения из других источников. Это позволит существенно скорректировать представления о развитии промышленности и ее пространственной и временной специфике.

**ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ
УЧЕНЫХ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ
ИХ НАУЧНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ
(на примере личного архива А. В. Флоровского)**

*Т. Н. Лаптева
(Архив РАН)*

Интерес к архивным фондам русского зарубежья, возникший в первой половине 1990-х гг., не ослабевает до сих пор. Личные фонды и фонды учреждений, хранящиеся в архивах России, неоднократно служили источниками разнохарактерных исследований. Изученность эмигрантских документов в иностранных архивах значительно ниже. На пути ученого к этим материалам стоит ряд препятствий, среди которых главные: удаленность фондов и связанная с ней высокая финансовая стоимость работы. Сегодня эта проблема решается в плане развития поисковых возможностей научно-справочного аппарата архивов.

В Архиве РАН, самом богатом российском хранилище документов по истории науки, хранится личный фонд профессора Новороссийского университета Антония Васильевича Флоровского (1884–1968)¹, вторая половина жизни которого прошла в научном центре русского зарубежья – Праге. Активные контакты ученого с советской академической средой, имевшие место в послевоенные годы, поставили вопрос о возможности передачи его документального наследства в Архив АН СССР. Для передачи в Москву документы готовили коллеги ученого: Е. П. Подъяпольская и В. Т. Пашуто – с советской стороны, И. П. Савицкий и И. О. Панас – со стороны русского зарубежья. И те и другие высоко оценивали значение документов личного фонда и понимали важность его сохранения в цельном состоянии. По неустановленным причинам, фонд оказался разделенным на две большие части, что противоречит не только принципу недробимости фондов, но и последнему волеизъявлению фондообразователя.

¹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1–2.

Архивный фонд – система, ценность которой состоит не в сумме частей, а в соединенном бытии, при котором части дополняют и объясняют друг друга, тем самым повышая информационный потенциал самой системы. Реконструкция фонда (имеется в виду не физическая, а научная реконструкция) должна служить цели обеспечения возможности исследовательской работы с ним. Она заключается в представлении и анализе фонда в его реконструированном виде, разработке информационно-поисковой системы к нему. Важным условием является сохранение исторически существующих систем научного описания. Для понимания перспектив работы в названной области необходимо рассмотреть принципы научного описания, которые были применены к обоим частям личного архива ученого.

Часть архива, составившая личный фонд А. В. Флоровского в Архиве РАН, была описана в 1982 г. Документы были систематизированы по типовой схеме, применяемой в Архиве Академии наук к фондам личного происхождения, с добавлением раздела о деятельности русских эмигрантских организаций. Разделы типовой схемы Архива РАН (в общих чертах она совпадает со схемами описания личных фондов эмигрантов, используемых в других российских архивах)² соответствуют областям проявления личности: биографические документы (жизнь индивидуума), труды («жизнь интеллекта»), документы о деятельности (отношения индивидуума с обществом), переписка (отношения индивидуума с конкретными членами общества), материалы родственников и других лиц (жизнь общества вне личности фондообразователя), то есть схема соответствует принципу отражения того или иного среза реальности.

Вторая часть личного архива ученого принадлежит Чехии и хранится в Славянской библиотеке в Праге. Славянская библиотека занималась собиранием фондов русской и украинской эмиграции довоенного периода, но как именно часть личного архива А. В. Флоровского оказалась среди ее фондов, до сих пор установить не удалось. В составе библиотеки фонды эмиграции образуют так называемые специальные коллекции Славянской библиотеки (Speciální

² В Архиве АН СССР: Методические рекомендации по научно-технической обработке документальных материалов фондов личного происхождения. М., 1971; в ЦГАЛИ: Методические указания по работе с фондами личного происхождения. М., 1967; в ГА РФ: *Потов А. В.* Русское зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М., 1998.

sbírky Slovanské knihovny)³. Кроме фонда А. В. Флоровского в состав специальных коллекций входят личные фонды (М. А. Андреевой, А. Л. Бема, И. О. Панаса, Н. Н. Рыжкова, П. Н. Савицкого, В. Н. Тукалевского, Леси Украинки и др.), фонды организаций (Украинской гимназии в Чешской Республике и Украинского педагогического института Михаила Драгоманова) и коллекции (приглашения на культурные и профессиональные события русской эмиграции, рабочие документы Русского заграничного исторического архива и др.). Названная группа архивных фондов не типична основному составу фондов библиотеки. Описание документов также отличается от описания основного собрания, что выражено и в электронном каталоге.

Описание фондов русской и украинской эмиграции в фондах Славянской библиотеки построено на общих принципах, но не унифицировано. Даже в пределах описания личных фондов формуляр несколько различается, ряд элементов описания не является обязательным. В отличие от других фондов «коллекций», опись фонда А. В. Флоровского⁴ снабжена краткой биографической справкой и оглавлением.

Первые затруднения в деле поиска путей согласования научно-справочного аппарата двух фондов возникают на уровне систематизации документов. Типовой схемы систематизации здесь нет. Документы А. В. Флоровского распределены по группам: «документы и автобиографические материалы», «переписка», «рукописи» (научные труды), «другие работы» (научные труды), «эмигрантские материалы» (документы Русского исторического общества в Праге), «Русский заграничный исторический архив» (документы о работе РЗИА), «Институт Кондакова» (документы о работе Археологического института им. Н. П. Кондакова) «Венский архив» (выписки из документов Государственного архива Вены, сделанные А. В. Флоровским для работы «Петр Великий и Австрия»), «Varia» (включает научные труды, переписку, материалы других лиц, полностью оправдывая свое название).

Систематизация проведена по принципу обособления областей реализации личности и нарочитого выделения документов учреждений в отдельные группы. Заметим, что переписка А. В. Флоровского, которую он вел в качестве сотрудника научных организаций русского зарубежья, отнесена к разделам о работе этих организаций, а переписка ученого (в качестве физического лица) с учреждениями и организациями отделена от переписки с частными лицами. Внутри разделов

³ <http://sbirkysk.nkp.cz>

⁴ <http://sbirkysk.nkp.cz/index.php?page=sbirky&id=9>

документов сгруппированы в тематические блоки разного объема, а в их пределах упорядочены по хронологическому или корреспондентскому признакам.

Вторая проблема касается вопроса описания документов. Одним из самых значительных аспектов здесь является то, что в фонде А. В. Флоровского в Славянской библиотеке не существует единиц хранения с самостоятельным архивным шифром⁵. Отсутствие «дел» приводит к отсутствию обязательного формуляра в описании. В описи зачастую пустуют поля «даты» и «количество листов», отсутствуют пояснения к упоминаемым именам, что снижает ее информативность. В то же время отсутствие необходимости описывать документы в форме групп, (каковыми являются «дела») позволило обработчикам сосредоточить внимание на отдельных документах фонда (особенно в разделе «переписка»). Степень подробности описания наличия конкретных документов в Славянской библиотеке выше, чем в Архиве РАН, но документы Архива РАН лучше аннотированы.

Возникает вопрос о понимании архивистами методов описания большой группы материалов, которую при обработке документов личного происхождения в Архиве РАН традиционно выделяют в группу «документы о деятельности». В Славянской библиотеке документы, отражающие участие ученого в работе тех или иных учреждений включены, в состав документов этих учреждений, «переписки с учреждениями» и «документов и автобиографических материалов». Выделение номинального признака в заголовок описи фонда в Славянской библиотеке позволяет решить этот вопрос в большинстве случаев.

В научном описании двух известных личных архивных фондов А. В. Флоровского прослеживается параллелизм основных разделов и атрибутов описания материалов, что позволяет говорить о возможности реконструировать фонд с сохранением существующего научно-справочного аппарата. Включение «пражских» документов А. В. Флоровского в комплекс источников российских исследований представляет интерес не только с научно-исследовательской точки зрения, но и с архивоведческих и источниковедческих позиций.

⁵ При заказе указывается только номер коробки.

СТИЛЯГИ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

О. Н. Ларина
(ТГПУ имени Л. Н. Толстого)

В настоящее время существует множество научных исследований, популярных изданий, посвященных такому явлению советской культуры, как стиляжничество. Издаются мемуары самих бывших стилягов, среди них стоит упомянуть воспоминания А. Козлова, Э. Лимонова, В. Попова, В. Петрова, во многом автобиографичные произведения В. Аксенова и т. д.

Стиляг называют первой советской молодежной субкультурой, первыми нонконформистами, едва ли не диссидентами, посмевшими бросить вызов системе¹. Другие оспаривают эту точку зрения, называя стилягов всего лишь узкой молодежной прослойкой, не затрагивающей широкие слои советского общества, не ставившей перед собой никаких задач борьбы с системой – ни политических, ни идеологических². Ведутся споры и по поводу отношения к стилягам остального общества, что это было – враждебность и недоверие, как предписывала пропаганда, или же любопытство, желание подражать, зависть, а может, индифферентность?³

Под термином субкультура принято понимать систему норм и ценностей, отличающих отдельную группу от большинства общества. Субкультура может иметь собственную систему ценностей, язык, манеру поведения, одежду и др.⁴ Судя по перечисленным признакам – одежда, язык, система ценностей, такие исследователи, как К. Рот-Ай, С. Рафикова, Е. Зубкова относят стиляг к молодежной субкультуре.

Как известно, сам термин «стиляга» прижился после появления 10 марта 1949 г. в номере сатирического журнала «Крокодил» фе-

¹ К. Рот-Ай «Кто на пьедестале, а кто в толпе? Стиляги и идея советской «молодежной культуры» в эпоху «оттепели» // Неприкосновенный запас, 2004. № 4(36). С. 35.

² Там же. С. 36.

³ Рафикова С. «Сибирский стиляга» // Родина, 2010. № 9. С. 53.

⁴ Новейший философский словарь. http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_new_philosophy/

льетона Д. Беляева «Стиляга». В фельетоне рассказывалось о том, как на литературном вечере в студенческом клубе появился юноша, имевший «изумительно нелепый вид: спина куртки ярко-оранжевая, а рукава и полы – зеленые; таких широченных штанов канареечно-горохового цвета я не видел даже в годы знаменитого клеша; ботинки на нем представляли собой хитроумную комбинацию из черного лака и красной замши»⁵. Само слово «стиляга» автор использовал в уничижительном смысле – как синоним пустого, безалаберного, необразованного тунеядца, интересующегося лишь модными нарядами и танцами и не знающего самых элементарных вещей⁶. В фельетоне подчеркивалось, что такой тип – белая ворона в обществе, что стилиг единицы и все остальные молодые люди относятся к ним с презрением и усмешкой⁷.

В конце 40-х гг. стилиги стали настолько заметными, что привлекли внимание власти и подверглись порицанию. Процесс проходил на волне борьбы с «безродным космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом», неизбежно возникшими в советском обществе после войны⁸. Огромные массы советских людей получили возможность как напрямую (солдаты, освобождавшие Европу), так и опосредованно (через кинофильмы, музыку, трофейные товары) контактировать с культурой и образом жизни западных стран. Понятно, что качественные трофейные вещи доставались немногим и оседали в основном в столицах, широко распространяясь среди детей элиты (в романе «Московская сага» сын маршала Градова Никита, сам ветеран войны, ездит на «хорьхе», носит черное пальто, франтовато поднимая воротник, трехцветный шарф и польские свитера)⁹. Но постепенно и более широкими слоями населения, особенно молодыми людьми, в подражании столичной молодежи и героям западных, прежде всего американских кинофильмов, перенимались одежда, прически, танцы. В фельетоне Беляева «модно одет» уже обычный московский студент.

⁵ Беляев Д. Г. «Стиляга» // «Крокодил», № 7, 10 марта 1949 г. <http://smile-dog.livejournal.com/14796.html>

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ К. Рот-Ай «Кто на пьедестале, а кто в толпе? Стиляги и идея советской «молодежной культуры» в эпоху «оттепели» // Неприкосновенный запас, 2004. № 4(36). С. 36.

⁹ Аксенов В. П. «Московская сага». Т. 4. http://www.modernlib.ru/books/aksenov_vasily_pavlovich

Как же был одет «настоящий стилинга»? «Главный и основной отличительный признак – это узкие брюки. Согласно взглядам передовых комсомольцев, брюки советского человека должны быть как можно шире. Брюки же стилинга были уже 20 см. Второй отличительный признак – длинные, до шеи, волосы. (...) Спереди волосы желательно было укладывать в виде хохолка – кока. Третий признак – это яркий, желательно пестрый и оранжевый, галстук»¹⁰. В. Петров подчеркивает, что разрисованных обезьянами и пальмами галстуков и клетчатых пиджаков, о которых писали в газетах, почти не было, потому что такие вещи изготавливались на заказ и стоили дорого, а молодежь была, в основном, небогатой¹¹.

Оставаясь замкнутой социальной группой, своеобразной субкультурой, стилинга выработали не только свой особенный, выделяющий их из толпы стиль одежды, но и свой стиль поведения, свой сленг, свои места постоянных встреч. В начале 50-х гг. в Москве на улице Горького уже существовал «Коктейль-холл», где собиралась американизированная молодежь, смешивали иностранные коктейли, а оркестр импровизировал джазовые мелодии. Саму улицу Горького стилинга именовали Бродвеем или даже Пешков-стрит¹². В Ленинграде был свой «Бродвей» – «участок Невского проспекта по его четной стороне от улицы Восстания до Литейного проспекта. Молодежь здесь просто медленно прогуливалась. (...) Причем, конечно, это происходило вечером, когда закрывались магазины, и прекращалась дневная суета»¹³.

Сленг стилинга состоял из большого количества англицизмов. Так, например, «фазер» (от англ. father) означало отец, «дринкать» (от англ. to drink) – выпивать, «шузы» (от англ. shoes) – ботинки и т. д. Также употреблялся жаргон, «построенный на сочетании англоязычных корней с русскими суффиксами и окончаниями. Например, такие слова как «траузерса», «таек», «хэток», «манюшки», «герла», «лукать» и т. д.»¹⁴

Помимо всего прочего, принадлежность к стилингам означала еще и выход на некий уровень духовной свободы. А. Козлов вспоминает, как в начале 50-х гг. новые друзья-стилинга давали ему читать изда-

¹⁰ Там же. С. 17.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Аксенов В. П. Указ. соч. http://www.modernlib.ru/books/aksenov_vasiliy_pavlovich

¹³ Петров В. А. Страх, или жизнь в стране советов. М., 2008. С. 19.

¹⁴ Там же.

вавшиеся в СССР, а потом изъятые из библиотек книги: Хемингуэя, Ремарка, Замятина, Хаксли, Бабеля, Ахматову, Зощенко. Молодые люди стали интересоваться не одобрявшимися направлениями в живописи – импрессионизмом, кубизмом, абстракционизмом, слушать джазовую музыку¹⁵.

Большое влияние на субкультуру стиляг и вообще советское общество в целом оказал проходивший в 1957 г. Всемирный фестиваль молодежи и студентов. По некоторым свидетельствам, для москвичей фестиваль стал нечто вроде культурного шока¹⁶. Советские люди получили возможность вступить в прямой контакт с иностранцами, которых доселе видели только в кино и на карикатурах, «вживую» познакомиться с настоящей западной модой, в т. ч. с джинсами, услышать настоящий джаз, рок-н-ролл и т. д. Но главное, «фестиваль принес с собой (...) саму идею существования в обществе нового, самостоятельного класса – молодежи»¹⁷.

Следует сказать и об отношении власти и общества к стилягам. Комсомольские патрули, разрезающие узкие брючины у парней и отрезающие «конские» хвосты девушкам, стали притчей во языцах, как и газетные лозунги: «Сегодня ты играешь джаз, а завтра родину продашь», «От саксофона до финского ножа – один шаг!» и статьи, к примеру, цитата из «Правды»: «Все эти нервные и бесноватые “буги-вуги”, “рок-н-ролл” представляют собой какие-то дикие оргии пещерных людей. Это какой-то бесшабашный разгул страстей, взрыв самых низменных чувств, сексуальных побуждений. (...) Такая музыка – это оплевывание самых элементарных принципов морали, надругательство над человеческими чувствами, над всем тем, что мы привыкли считать красивым и человеческим»¹⁸.

Власти считали стиляжничество неким вызовом, а может, даже угрозой обществу. Демонстративное упорство стиляг, может быть, внешне и безобидное, воспринималось как идеологическая инверсия¹⁹, отсюда все эти подозрения в «несоветскости», уверенность в ненадежности таких молодых людей, приравнивание их к тунеядцам,

¹⁵ Петров В. А. Страх, или жизнь в стране советов. М., 2008. С. 19.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Петров В. А. Указ. соч. С. 29.

¹⁹ К. Рот-Ай «Кто на пьедестале, а кто в толпе? Стиляги и идея советской «молодежной культуры» в эпоху «оттепели» // Неприкосновенный запас, 2004. № 4(36). С. 37.

бездельникам, чуждым советскому обществу элементам. Отсюда и попытка сформировать устойчивое негативное общественное мнение, путем фельетонов, карикатур, сатирических песен, порицанием в комсомольских ячейках, институтах и т. п.²⁰

Суммируя все вышесказанное, можно предположить, что стиляги были, скорее, молодежной субкультурой, рожденной относительным падением «железного занавеса» и некоторым подъемом в общественном сознании после войны, со всей присущей ей атрибутикой. Но чрезмерно строгое и подозрительное отношение власти к стилям породило у них ощущение собственной обособленности, непохожести на других, сформировало представление о себе как наиболее передовой и развитой части советского общества тогдашнего времени.

²⁰ Рафикова С. «Сибирский стиляга» // Родина, 2010. № 9. С. 54.

БРАЧНАЯ СТРУКТУРА КУПЕЧЕСКОЙ СЕМЬИ ТУЛЫ В 1860–1875 гг.

И. Н. Лобачева
(ТГПУ имени Л. Н. Толстого)

Обращаясь к проблеме модернизации российского общества в пореформенный период, исследователи все больше внимания уделяют купечеству. Это сословие, до настоящего момента остававшееся относительно малоизученным, сочетало в себе приверженность патриархальной традиции со статусом предпринимателя, вынуждающего идти в ногу со временем.

Демографические показатели и, в частности, брачная структура купечества могут дать богатый материал, позволяющий выделить характерные для этой социальной группы поведенческие стереотипы. Темпы и направленность изменений брачного поведения купечества в пореформенный период дает возможность в определенной мере судить о степени подверженности этой группы процессам модернизации. Индикатором здесь может выступать уровень приближения купеческой семьи к европейскому типу брачности, выделенному Дж. Хаджналом и характеризующую относительно поздним (26–28 лет у мужчин, после 24 лет у женщин) вступлением в брак при наличии достаточно большой доли лиц, остающихся вне брака на протяжении всей своей жизни (9–20 % для мужчин и 11–29 % женщин). Напротив, традиционный тип брачности предполагает высокий уровень брачности и раннее вступление в брак¹.

Темой настоящего исследования стали некоторые характеристики брачной структуры купечества в период 1860 – середины 1870-х гг. на примере города Тулы.

Заявленная тема позволяет рассмотреть особенности эволюции брачного поведения купечества в один из переломных для него и страны периодов на региональном уровне.

В проведенном исследовании были использованы материалы из фондов Тульской городской думы (ф. 518) и Тульской городской

¹ *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 14–23.

управы (ф. 174). Хранящиеся в фондах Тульской думы и управы ежегодные посемейные списки купцов, объявлявших капитал (что было необходимым условием сохранения членства семьи в купеческом сословии)², содержат сведения о численности, половозрастном и брачном составе купеческих семей Тулы. Прошения купцов – глав капитала о выдаче им гильдейских свидетельств и причислении в купечество во многих случаях позволяют делать определенные выводы о грамотности этих купцов, так как требовалась собственноручная подпись.

При рассмотрении брачной структуры тульского купечества учитывались все члены семейства купца, записанные при капитале и достигшие брачного возраста – на основании императорского указа от 1830 г. он составлял для юношей 18, а для девушек – 16 лет³.

Данные о брачном статусе купцов Тулы за 1860 и 1875 гг. свидетельствуют, что большинство тульских купцов брачного возраста как мужчин, так и женщин состояли в браке. При этом процент женатых купцов мужчин заметно уступал проценту замужних женщин купеческого сословия (57,8 % против 67,7 % в 1860 г. и 54,4 % против 61,3 % в 1875 г.). Это соотношение хорошо иллюстрирует половые различия в брачно-семейном поведении представителей данной социальной группы. Как отмечала исследователь московского купечества XVIII века О. В. Фомина, при существовавшем традиционном типе брачности «...у русской женщины не существовало альтернативы браку и семье». Женитьбе же мужчин-купцов «...предшествовало приобретение навыков и знаний, необходимых в их профессиональной деятельности...»⁴.

Располагая по 1875 г. достаточно подробными сведениями о возрастных группах в тульском купечестве, можно на их основании сделать вывод, что тульские купцы-мужчины во второй половине XIX века вступали в брак, как правило, после 30 лет (в возрастных группах до 31 года 98,5 % купцов 1 гильдии и 72,8 % купцов 2 гильдии были холостяками) – что соответствует европейской модели брачности. Купеческие женщины же в большинстве выходили замуж в возрастном диапазоне в 21–30 лет (в следующей возрастной группе

² Свод законов о состояниях. СПб., 1911. Ст. 159. С. 159.

³ ПСЗРИ–II. Т. 5. Отд. 1. 3807. С. 740; Свод законов гражданский. СПб., 1909. Ч. 1. Ст. 3. С. 2.

⁴ Фомина О. В. Имущественно-демографическая характеристика московской купеческой семьи последней трети XVIII века: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 104.

незамужними оставалось лишь около 33 % купеческих дочерей), что также соответствует указанной модели.

Материал для анализа дает и динамику брачной структуры тульского купечества. По сравнению с 1860 г. к 1875 г. наблюдается снижение процента представителей купеческого сословия, состоящих в браке, и рост холостых и незамужних. Причем обращает на себя внимание тот факт, что у женщин указанная тенденция проявляется в большей степени, нежели у мужчин. Так, у мужчин процент состоящих в браке снизился в целом по всем гильдиям на 3,4 %, (с 57,8 % до 54,4 %) при возрастании на 1,2 % вдовцов (с 6,1 % до 7,3 %) и на 2,3 % холостяков (с 36,0 % до 38,3 %). У женщин же произошли более серьезные изменения брачной структуры: доля замужних сократилась на 6,4 % (с 67,7 % до 61,3 %), девиц возросла на 9,3 % (с 19,3 % до 28,6 %), а вдов снизилась на 2,9 % (с 13,0 % до 10,1 %). Таким образом, брачное поведение женщин в купеческом сословии ускоренными темпами сближалось с таковым мужчин, развиваясь в направлении европейской модели брачности.

Можно выделить ряд факторов, способствовавших ускорению эволюции брачной структуры купеческих женщин в сторону более позднего выхода в замужество и роста количества купеческих дочерей, остававшихся вне брака. Во-первых, на изменение стандартов брачного поведения купечества в отношении выдачи в замужество дочерей мог повлиять возросший уровень образованности в данной социальной среде.

За семнадцать лет (с 1860 по 1877 г.) доля купцов, которых можно отнести к грамотным (расписываются беглым уверенным почерком без грамматических ошибок), значительно возросла (с 46,4 % до 60,6 %), а условно-малограмотных (пишут с трудом и неуверенно, допускают грамматические ошибки) и неграмотных (не в состоянии поставить свою роспись и вынуждены обращаться за помощью к третьим лицам с формулировкой «за неграмотностью») сократилась (соответственно с 33,1 % до 24,6 % и 20,5 % до 14,6 %). Отсюда могли проистекать понимание вреда раннего замужества для здоровья женщины, уважение к ее личности и жизненному выбору и, наконец, просто переориентация на стандарты поведения, диктуемые образованным классом общества – дворянством и интеллигенцией.

Не стоит сбрасывать со счетов и экономический фактор. В рассматриваемые годы тульское купечество достаточно активно обновлялось (по сравнению с 1860 г. к 1875 г. на 56,8 %), из его состава вымывались семьи, не сумевшие адаптироваться к быстроменяющейся ситуации

на рынке пореформенной России. Существенно сократившаяся средняя людность купеческой семьи (с 6,8 до 5,8 человек) позволяет говорить о том, что ранее достаточно широко представленные в тульском купечестве многолюдные семьи (семьи в более чем пять человек насчитывали в 1860 г. 55,6 %, при этом 13,1 % составляли семьи более чем с 10 членами), уступали место семьям со средним количеством до 5 человек (55,2 % всех купеческих семей в 1875 г.), в результате семейных разделов либо же выхода из купечества. Сокращение средней численности купеческой семьи, укрепление ее экономического благосостояния позволяло купцам не спешить с выдачей замуж дочерей, перестававших выступать в роли «лишних ртов», подыскивая им достойную партию.

В работе исследователя городской демографии Г. В. Жирновой отмечается, что для купечества характерно «...заклучение браков только внутри своего сословия»⁵, при которых в потенциальном зяте видели не только будущего родственника, но и, по возможности, делового партнера. С другой стороны, выдача дочери или сестры замуж предполагала значительные расходы на обеспечение приданного, которые могли серьезно повлиять на развитие дела купца в условиях и без того хронической нехватки свободных капиталов (русские купцы XIX века преимущественно использовали заемный капитал, будучи связанными друг с другом прочной сетью взаимных долговых обязательств).

Под воздействием совокупности культурных и социально-экономических факторов демографическая структура тульского купечества во второй половине XIX века ощутимо меняется в сторону так называемой европейской модели брачности. Степень этих изменений имеет свои особенности применительно к женщинам и мужчинам в купечестве, но в целом, развивается в рамках единой тенденции, обуславливающей изменение характера воспроизводства населения.

⁵ Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. Тула, 1980. С. 180.

ДИСКУССИЯ О КУЛАКЕ

*И. Н. Лозбенев, к.и.н.
(«Московский финансово-юридический
университет МФЮА»)*

В середине 1920-х гг. в различных социальных группах советского общества от простых крестьян до высшего советского руководства неожиданно с точки зрения сегодняшнего дня возникла «Дискуссия о кулаке». Сегодня всем историкам ясно, что она стала лишь частью общей дискуссии о судьбе НЭПа и вряд ли имеет большое самостоятельное историческое значение. Но в то же время без понимания сущности дискуссии, ее хода, аргументов сторон вряд ли возможно полноценное понимание сущности Новой экономической политики.

«Дискуссия о кулаке» возникла не на пустом месте. Ее появление ознаменовало определенный перелом в экономике нашей страны. В предшествующий период – революций 1917 г. и Гражданской войны произошло своеобразное «усреднение» социального состава населения России. Переход к Новой экономической политике в 1921 г. поставил на повестку дня восстановление действия законов рынка в деревне. Однако их развитие замедлилось на несколько лет в связи восстановительными процессами в сельском хозяйстве. К концу 1924 г. восстановление сельскохозяйственного производства преимущественно завершилось и, фактически, дискуссия показала ту степень отступления от «классовой линии» в деревне, на которую могло пойти большевистское руководство.

Из советских руководителей наиболее развернуто свою позицию, в рамках дискуссии, высказал А. П. Смирнов, занимавший в этот период пост Народного Комиссара земледелия. Характеризуя различные типы зажиточных хозяйств советской деревни, сформировавшихся в середине 1920-х гг., он подчеркивал, что одним из типов зажиточного хозяйства было: «Крепкое трудовое хозяйство, стремящееся максимально укрепить себя в производственном отношении, вкладывающем свои свободные средства, главным образом, в капитал хозяйства в форме живого или мертвого инвентаря, улучшение семян, стремящееся применить при ведении сельского хозяйства все известные ему улучшенные способы обработки земли и т. д. Применение наемного

труда в таком хозяйстве, если оно имеет место, носит преимущественно временный характер и вызывается причинами никоим образом не дающими причислить такое хозяйство к группе кулацких»¹.

О возможности снижения давления на кулака высказывался в 1925 г. и Председатель Совета Народных Комиссаров СССР – А. И. Рыков. Обосновывая свою позицию по данному вопросу, он подчеркивал, что есть преувеличение числа сельской буржуазии, так как крестьяне преимущественно середняки. Он также считал, что есть иные способы, нежели применение силы давления на сельскую буржуазию. Например, защита малоимущих слоев населения. Главная причина либеральной позиции государства, на наш взгляд, – предопределение будущих конфликтов, в ходе которых, возможно, сельская буржуазия будет ликвидирована. Однако, исходя из экономической целесообразности, А. И. Рыков считал ликвидацию сельской буржуазии преждевременной, так как в ходе такой политики будет снижен рост накопления в сельском хозяйстве, чего нельзя было пока допустить при значительной бедности деревни².

Достаточно последовательным противником административного нажима на крестьянство выступал Председатель ВЦИК СССР – М. И. Калинин. В своем докладе на XIII съезде РКП(б) он говорил: «По существу же, конечно, известная кулачность, правильнее – мелкобуржуазность, желание использовать обстоятельства, использовать своего соседа или вообще человека свойственно каждому крестьянину. И конечно, более состоятельному это удастся чаще, бедняку редко или никогда, но поскольку он крестьянин, у него ни на минуту не ослабевает жажда кого-либо использовать. Такое кулачество свойственное вообще крестьянину сразу не искоренишь. Оно обусловлено самой экономикой деревенской жизни, и с ним бороться очень трудно, и бороться нужно не административным вмешательством в повседневные взаимоотношения крестьян, а постоянным изменением основ крестьянской экономики»³.

Так что и «Всесоюзный староста» встал на ту же позицию, что и глава Советского правительства. Оба руководителя четко заявили, что быстро изменить существующую социально-экономическую си-

¹ *Смирнов А. П.* Наши основные задачи по организации крестьянского хозяйства. М., 1925. С. 5–6.

² *Рыков А. И.* Деревня, новая экономическая политика и кооперация. М.; Л., 1925. С. 13.

³ *Калинин М. И.* Смычка города и деревни. М., 1925. С. 16.

туацию в деревне невозможно, с ней хотя бы временно придется примириться, и развивать деревню только путем повышения уровня жизни и культуры населения без силового давления.

Более жесткую, хотя и развивавшую те же идеи, позицию занимал Ю. Ларин. Он писал: «Нам нужен такой поход к несомненной наличности в сельском хозяйстве растущих буржуазно-предпринимательских отношений, который наиболее облегчал бы защиту интересов пролетариата и полупролетариата, который облегчал бы улучшение положения эксплуатируемых масс и накопление социалистических элементов хозяйства, а не отделялся бы не особенно членораздельным лепетом о «невинном» характере «зажиточных», имеющих десять «сезонных рабочих»⁴. Подход к проблеме был жесткий, но в условиях «холодного противостояния» власти и зажиточных элементов общества он был наиболее прагматичным. Он обеспечивал постепенное создание правовых основ для развития рыночных отношений в деревне. Однако, даже в таком виде, вопрос о возможности взаимоотношения власти и зажиточной части деревенского населения так и остался в теории.

Наиболее известным выступлением в рамках «Дискуссии о кулаке», хотя и в опосредованной форме, стало выступление Н. И. Бухарина. Так, в докладе на собрании актива Московской организации РКП(б) 17 апреля 1925 г., он заявил: «В общем и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас всегда должна быть беднота; мы должны теперь вести такую политику, в результате которой у нас беднота исчезла бы»⁵. Для многих исследователей подобное выступление известного и популярного советского руководителя того периода было важной отправной точкой в развитии политических и экономических процессов нашей страны в 1925 г. Тогда Н. И. Бухарин сделал важное и интересное заявление, которое было вершиной айсберга большой дискуссии, ему припомнили это выступление позднее в ходе репрессий 1937 г., когда политика государства резко измениться.

Это мнение представителей власти. Простые крестьяне отреагировали на «Дискуссию о кулаке». Довольно интересны в этом плане материалы XII Всероссийского Съезда Советов, проходившего в

⁴ Ларин Ю. О деревенском НЭПе и линии партии // Правда. 21 марта 1925 г. № 80 (3011). С. 1.

⁵ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 136.

1925 г. Крестьяне, бывшие делегатами Съезда, ответили на вопросы выданной им анкеты. Среди вопросов был такой: «Кого в вашей местности считают кулаком и зажиточным крестьянином?». Вот некоторые из ответов: житель Чиройской волости Псковского уезда той же губернии А. Иванов заявил: «Кулак определяется на основе наличия эксплуатации чужого труда. Если крестьянин живет хорошо, но работает своим трудом – то он не кулак»⁶. Схожую характеристику кулаку дал крестьянин Черевковского района Северо-Двинской губернии Чемурин А. И. Он писал: «Кулак это тот спекулирует, использует батраков, плохо оплачивает их труд»⁷. Самое интересное определение дал не подписавшийся житель Тюкалинской волости того же уезда Омской области. Он указал: «По вопросу о кулаке крестьяне в затруднении. Раньше кулаками считали тех, кто резко выделяется по своему экономическому положению от других крестьян. А теперь тех, кто эксплуатирует чужой труд и живет на нетрудовой доход, а таких почти нет. Выходит и кулак исчез»⁸. Достаточно интересный и красноречивый вывод, учитывая, что он был сделан менее чем за пять лет до начала коллективизации. Все это – и сама дискуссия, и выводы, сделанные из ее хода населением, заставляют в очередной раз задуматься о том, что за переходом к форсированной коллективизации лежит, что-то большее, чем только прихоть И. В. Сталина и его окружения.

⁶ ГА РФ. Ф.1235. Оп.140. Д. 171. Л. 32.

⁷ ГА РФ. Ф.1235. Оп.140. Д. 171. Л. 62.

⁸ Там же. Л. 63.

ФРАНЦУЗСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ГРУППА В МОСКВЕ. ЦЕЛИ СОЗДАНИЯ И УЧАСТНИКИ (ФКП)

М. Ю. Луговцова

*(Институт гуманитарных наук и искусств
Уральского Федерального университета)*

Некоторые историки приложили немало усилий, чтобы запутать историю Франции, пытаясь, прежде всего, уменьшить роль Коммунистической партии Франции, которая была не только подлинным организатором и вдохновителем французского движения Сопротивления в период Второй мировой войны, но и была одной из ведущих политических партий XX века во Франции.

2010 год стал годом России во Франции и Франции в России. Был опубликован ряд новых исследований, авторы которых высказывают суждения о тех процессах, которые происходили и происходят на различных этапах развития отношений между двумя странами. Появились сборники документов и опубликованы статьи, посвященные многовековому сотрудничеству Франции и России.

Актуальность данной работы определяется потребностями критического осмысления истории коммунистического движения, необходимостью поиска новых подходов к ее изучению. Изучение истории коммунистического движения, в частности, его становления как одной из политических сил демократических обществ имеет важное научное значение, обусловленное изменениями, произошедшими в XX веке и в начале XXI, как в мире, так и в России.

Интерес к коммунизму как идеологии политического движения всегда присутствовал и в науке, и у разных слоев населения. Он был обусловлен местом СССР в мировом сообществе, его ролью как сверхдержавы, а также тем, что некоторые коммунистические партии западных стран достигли определенных успехов в своей политической деятельности, где эти партии переживали, то взлеты, то падения.

События конца XX и XXI веков привели к новому интересу к идеологии коммунизма, ведь распад СССР послужил причиной кризиса коммунизма во всем мире.

В данной работе освещаются этапы появления и становления коммунистической партии во Франции.

Деятельность французской коммунистической группы можно разделить на три этапа (Согласно с воспоминаниями Мориса Боди, Анри Гельбо, Мориса Тореза):

1) 1914–1917 гг. Начало становления коммунистической группы. Привлечение деятелей. Борьба со старым режимом. Привлечение сил интервенции к борьбе коммунистического блока;

2) 1917–1919 гг. Активизация деятельности партии. Изгнание основных сил интервенции;

3) 1919–1920 гг. С изгнанием интервентов закончился наиболее важный этап в деятельности Французской коммунистической группы РКП(б). С середины 1919 г. главное внимание было обращено на теоретическую и агитационно-пропагандистскую работу внутри группы и среди французских, бельгийских и швейцарских рабочих в России. В это время в составе группы стал работать приехавший из Швейцарии на I конгресс Коммунистического Интернационала Анри Гильбо.

Источниковую базу составляют: 1) теоретические исследования, 2) статистические документы, 3) периодика (в том числе и интернет-издания), 4) агитационные материалы различных партий.

Мемуарная литература принадлежит перу политических и военных деятелей, дипломатов, других современников. Эта литература является важным источником для характеристики внутривнутриполитической жизни Франции, общественных умонастроений. Мемуары участников тех событий проливают свет на становление французской коммунистической группы в Москве: Мориса Тореза¹, Марселя Кашена², Жака Дюкло³, Эдуарда Эррио⁴, Виктора Сержа⁵, Ф. Гренье⁶ (дневник французского коммуниста, солдата одного из подразделений французской армии), Марселя Боди. Француз Марсель Боди, прибывший в Россию простым солдатом, стал одним из активных участников французской коммунистической группы. Объехав почти всю страну, он показал себя преданным последователем коммунистической идеологии. Став

¹ *Торез М.* Сын народа. М., 1960.

² *Кашен М.* Компартия Франции высоко держит боевое знамя коммунизма. М., 1935.

³ *Дюкло Ж.* Кто же они, коммунисты? М., 1973.

⁴ *Эррио Э.* Из прошлого. Между двумя войнами 1914–1936 / пер. с фр. Волкова. М., 1958.

⁵ *Серж Виктор.* От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера / пер. с фр. Бабинцевой В. А. Оренбург, 2001.

⁶ *Гренье Ф.* Вот как это было (Воспоминания). М., 1960.

помощником А. М. Коллонтай, он смог изнутри увидеть события в коммунистической партии и дать собственную оценку деятельности французской коммунистической группы в Москве в своей книге «Un piano en bouleau de Carélie».

Выпускалась газета «Юманите», главный печатный орган французских коммунистов. Наряду с газетой группа издавала ряд листовок, которые обычно подписывались «Французская коммунистическая группа» и представляли собой отдельные издания наиболее важных и удачных статей газеты. Листовки Французской коммунистической группы зачастую выпускались за подписью Жака Садуля, имя которого было широко известно французским трудящимся. В октябре–ноябре 1918 г. были изданы листовки Жака Садуля «К французским солдатам» и «К трудящимся Франции», где развивались те же идеи, что и в выше разобранных обращениях, но на более конкретном материале, близком и дорогим непосредственно французскому народу.

Французская коммунистическая группа издала, кроме газеты и листовок, несколько брошюр на французском языке, в том числе «Письмо к трудящимся Европы и Америки» В. И. Ленина, «Чего хочет партия спартаковцев», «Да здравствует Советская республика!» и др.

Французская коммунистическая группа в Москве активно вела свою работу. Велась пропаганда, устанавливались связи с зарубежными единомышленниками и русскими деятелями коммунистического движения.

Особое внимание уделялось пропаганде среди французских военных находящихся в России. Листовки, подписанные Жаком Садулем, разоблачали попытки французского военного командования превратить сынов свободолюбивого французского народа в полицейских. Листовка призывала французских солдат и моряков отказываться быть «цепными собаками для тронов и сейфов», прекратить борьбу против революционных народов поддержать своих братьев – рабочих и крестьян, – сражавшихся за свободу и независимость. Проводились собеседования и митинги с широким привлечением сочувствовавших. Тематика этих собраний была разнообразна.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА УКРАИНЫ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СССР (1990–1991 гг.). СТРАТЕГИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ. ТАКТИКА РАЗВАЛА

*А. В. Лукашин, к.и.н.
(РГАСПИ)*

В исторической и политологической литературе вопрос о роли и месте Украины в распаде СССР остается еще недостаточно изученным. Основное внимание исследователи уделяли проблеме взаимоотношений и сопутствующей борьбе за власть между руководством СССР (М. С. Горбачев) и РСФСР (Б. Н. Ельцин)¹. Вместе с тем позиция и деятельность властей Украины – одной из учредительниц СССР и второй по величине союзной республики – заслуживает не меньшего внимания.

В конце 1980-х гг. в СССР на фоне ухудшавшейся социально-экономической ситуации и обострившегося «национального вопроса» протекали разнонаправленные процессы, сводившиеся, с одной стороны, к политическому усилению союзных республик и, с другой, к ослаблению центральных органов союзной власти. Практическим выражением амбиций республиканских руководителей стали декларации о суверенитете, которые в 1990 г. приняли одиннадцать союзных республик. В их числе была и Украина.

16 июля 1990 г. Верховный Совет Украинской ССР принял Декларацию о государственном суверенитете Украины, провозгласившую верховенство, самостоятельность, полноту и неделимость власти Республики в пределах ее территории². Основная цель принятия этой

¹ Горбачев-Ельцин: 1500 дней противостояния / Российский независимый институт социальных и национальных проблем. М.: Терра, 1992; *Пумпянский А. Б.* Два вождя или история как кораблекрушение. М: Вагриус, 2003; *Breslauer George W.* Gorbachev and Yeltsin as leaders. Cambrige Univ. Press, 2002.

² Ведомости Верховного Совета Украинской ССР. 1990. № 31. Ст. 429.

декларации заключалась в утверждении приоритета республиканских законов над союзными на территории республики. В дальнейшем эта линия была продолжена украинским руководством в ходе подготовки и обсуждения нового Союзного договора.

В течение августа–октября 1990 г. проходил процесс выработки концепции нового Союзного договора, в котором принимали участие рабочие группы Союза и республик. Украинские эксперты предлагали формулу объединения «X+1», где «X» – союзные республики, а «1» – Союзный Центр³. Более радикальную формулу предлагали представители Молдавии – «X+0», что означало объединение республик без участия Союза. В результате многочисленных совещаний и обсуждений на разных уровнях к ноябрю 1990 г. был подготовлен первый вариант Договора, в соответствии с которым каждая республика, входившая в состав Союза, признавалась суверенным государством и обладала всей полнотой власти на своей территории⁴.

Несмотря на то что это была серьезная уступка со стороны Центра, не все республики поддержали это начинание. 19 ноября 1990 г. на киевской пресс-конференции Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин и Председатель Верховного Совета Украинской ССР Л. М. Кравчук заявили о том, что о Союзном договоре «не может быть речи» до тех пор, пока не будут признаны суверенитеты республик⁵.

В этот же день был подписан Договор между РСФСР и УССР, по которому договаривающиеся стороны признавали друг друга суверенными государствами и предоставляли друг другу режим наибольшего благоприятствования в экономическом плане⁶. Таким образом, саботировав договорный процесс, республиканские руководители взяли курс на создание нового каркаса союзнических отношений посредством заключения прямых межреспубликанских договоров, в обход

³ Станкевич З. А. История крушения СССР. Политико-правовые аспекты. М., 2001. С. 129.

⁴ Союзный Договор. Проект. 24 ноября 1990 г. // К Союзу Суверенных народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета. М., 1991. С. 112.

⁵ Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 2007. С. 186.

⁶ Договор между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Украинской Советской Социалистической Республикой. 19 ноября 1990 г. // К Союзу Суверенных народов. С. 468–475.

союзного Центра. Ведущую роль в этом процессе играли руководители России и Украины.

15 января 1991 г. Б. Н. Ельцин заявил о том, что руководители четырех крупнейших республик – России, Украины, Белоруссии и Казахстана – решили, не дожидаясь Союзного договора, подписать четырехсторонний договор по всем позициям, для чего необходимо собраться в ближайшее время в Минске⁷. Осознав, что в текущих условиях заключение Союзного договора не представляется возможным, Президент СССР М. С. Горбачев решил заручиться поддержкой населения и провести с этой целью всесоюзный референдум по вопросу о сохранении Союза ССР. Однако и эту ситуацию республиканские руководители смогли использовать в своих целях.

На Украине в бюллетени был включен дополнительный вопрос: «Согласны ли вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза советских суверенных государств на основе Декларации о государственном суверенитете Украины», который поддержало 80,2 % списочного состава. Для сравнения, на основной вопрос о сохранении СССР, положительный ответ дало 70,2 % респондентов.

Галицкая ассамблея, в состав которой входили представители исполнительной власти западных областей: Ивано-Франковской, Тернопольской и Львовской, приняла решение включить в бюллетень и третий вопрос: «Вы хотите, чтобы Украина стала независимым государством, которое самостоятельно решает все вопросы внутренней и внешней политики, обеспечивает равные права гражданам независимо от национальной и религиозной принадлежности». На этот вопрос положительно ответили около 85 % голосовавших⁸. Данные результаты объяснялись тем, что в западных областях Украины было особенно сильно влияние националистического движения «Рух», призывавшего к скорейшему выходу Украины из состава Советского Союза.

Вскоре после обнародования результатов республиканского референдума Л. М. Кравчук заявил о том, что он четко обозначил «стремление населения республики к независимости»⁹. Эти слова председателя Верховного Совета доказывают тот факт, что первостепенная

⁷ Известия. 1991. 16 января.

⁸ Львовская правда. 1991. 21 марта. <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/ukrregions/data/10.html>

⁹ Цит. по: Чешко С. В. Роль этнонационализма в распаде СССР // Труды великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза: Сб. РАН Институт российской истории. М., 2005. С. 463.

задача украинского руководства на тот момент заключалась в получении у населения своеобразного мандата на проведение политики по отделению от СССР. В этой связи всесоюзный референдум сыграл на руку демократическим властям Украины, став своеобразным прикрытием республиканского.

Стремление руководства Украины к обретению политической независимости явственно проявилось в ходе Ново-огаревских совещаний союзных и республиканских руководителей в апреле–июле 1991 г. Один из ключевых вопросов, обсуждаемых участниками этих совещаний, касался налоговой системы и бюджета обновленного Союза. Л. М. Кравчук и Б. Н. Ельцин выступали за отмену союзных налогов, заявляя, что бюджет Союза может быть сформирован посредством фиксированных взносов республик, в соответствии с представленными Союзом статьями расходов. Позиция руководителей СССР была однозначной – без союзного налога не может быть союзного государства¹⁰.

В итоге республиканским руководителям удалось вынудить М. С. Горбачева пойти на уступки и принять предложенную ими «одноканальную» систему взимания налогов, фактически лишавшую Союз собственных источников бюджетных поступлений. С юридической точки зрения сохранялась концепция «обновленной федерации», предложенная М. С. Горбачевым, но на практике речь велась уже о конфедерации, в которой основные рычаги власти находились в руках республиканских лидеров.

Для союзного руководства ситуация усугублялась тем, что высшие законодательные органы Украины и России приняли решение заморозить процесс переговоров. 27 июня 1991 г. Верховный Совет Украинской ССР принял постановление, по которому обсуждение Союзного договора переносилось на сентябрь 1991 г.¹¹ Похожее постановление 5 июля 1991 г. приняли и российские парламентарии¹². По сути, данные решения возвращали договорный процесс к исходной точке – си-

¹⁰ Докладная записка Г. Х. Шахназарова М. С. Горбачеву о заседании Подготовительного комитета. 17 июня 1991 г. // Архив Горбачев-Фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18131. Л. 2.

¹¹ Правда. 1991. 1 июля. С. 2.

¹² Постановление Верховного Совета РСФСР «О проекте Договора о ССГ, представленном для обсуждения Президентом СССР 18 июня 1991 г.» // Сборник законодательных актов РСФСР о государственном суверенитете, союзном договоре и референдуме. М., 1991. С. 37.

туации марта 1991 г.¹³ Окончательно Украина встала на путь отделения от СССР после выступления ГКЧП в августе 1991 г.

24 августа 1991 г. Верховный Совет УССР принял «Акт провозглашения независимости», по которому Украина признавалась независимым демократическим государством, на территории которого с этого момента юридическую силу имеют лишь Конституция, законы, постановления правительства и другие акты законодательства республики¹⁴. Одновременно с этим было принято постановление о проведении 1 декабря 1991 г. республиканского референдума в поддержку принятого Акта. В августе–сентябре 1991 г. подобные Акты о независимости были приняты большинством союзных республик, что вкупе с постепенным демонтажем центральных органов власти приводило к скоротечной дезинтеграции союзного государства.

Опираясь на принятые постановления Верховного Совета Украины, Л. М. Кравчук отказался от участия в возобновившихся Ново-огаревских заседаниях союзных и республиканских лидеров в сентябре–ноябре 1991 г. В ходе пресс-конференции в Киеве 8 ноября 1991 г. он заявил, что «пора прекращать все разговоры о Ново-огаревском процессе», потому что в текущих условиях этот вопрос потерял свою актуальность... Ново-огаревский процесс – добавил он – это теперь плюсквамперфект!»¹⁵. Несмотря на это заявление Кравчука, Горбачев, утверждавший, что он «не мыслит Союза без Украины»¹⁶, пригласил председателя украинского парламента на встречу в Ново-Огарево 14 ноября 1991 г., но Л. М. Кравчук вновь ответил отказом, мотивировав свое решение тем, что он не верит в успешность Ново-огаревского процесса.

1 декабря 1991 г. на Украине прошел Всесоюзный референдум, по итогам которого 90,3 % (804,071 тыс. чел. из 891,42 тыс.) поддержало Акт о независимости Украины. Еще через неделю, 8 декабря, в селе Вискули, в Беловежской Пуще, Б. Н. Ельцин, Л. М. Кравчук и председатель Верховного Совета Белоруссии С. С. Шушкевич подписали соглашение, в котором говорилось, что СССР как «субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое

¹³ Станкевич З. А. История крушения СССР. С. 270.

¹⁴ Правда. 1991. 2 сентября. С. 3.

¹⁵ Союз можно было сохранить. С. 373.

¹⁶ Горбачев М. С. Декабрь – 91. Моя позиция. М., 1992. С. 15.

существование»¹⁷. На территории бывшего СССР создавалось новое геополитическое формирование – Содружество независимых государств (СНГ). 10 декабря 1991 г. соглашение о создании СНГ было ратифицировано Верховным Советом Украины («за» – 288 депутатов, «против» – 10).

Таким образом, Украина сыграла заметную роль в процессе разрушения Союза ССР. С июня 1990 по июль 1991 г. украинские власти, действуя в связке с российским руководством, всячески затягивали процесс подготовки Союзного договора, вынуждая центр идти на всевозможные уступки и компромиссы. После неудачного выступления ГКЧП политическое руководство Украины полностью вышло из переговорного процесса, сконцентрировавшись на подготовке и проведении республиканского референдума о независимости. Положительные результаты референдума открывали перед республиканскими руководителями путь к обретению политической независимости и переводили ликвидацию СССР в разряд юридической формальности.

¹⁷ Соглашение о создании Содружества независимых государств. 8 декабря 1991 г. // Союз можно было сохранить. С. 451.

ТЕХНОЛОГИИ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ XVIII ВЕКА

*Е. М. Лупанова, к.и.н.
(МАЭ РАН)*

Ведение лесного хозяйства, оформлявшегося в 1730-е гг., представляло собой чрезвычайно трудоемкий процесс. Ведение лесного хозяйства предполагало во времена его становления работы по подбору деревьев, годных для кораблестроения, выращивание таковых, организацию вырубок и поставок на верфи.

Особые работы велись по поиску деревьев подходящей для строительства кораблей формы – безупречно стройных мачтовых сосен или изогнутого дуба на шпангоуты. Разрабатывались способы обрубания сучьев или создания нагрузки на ствол для выращивания деревьев оптимальной формы.

Труд «облазчиков» или «дуболазов» требовал особой сноровки, этому непростому опасному ремеслу необходимо было учиться. Облазчик должен был обрубать ветви и отростки, препятствующие формированию удобного для кораблестроения дерева, а также обрубать ветви перед валкой дерева. Снаряжение дуболаза состояло из топора и нехитрого приспособления под названием «ужник» – веревки, завязывавшейся в виде петли. По свидетельству 1742 г. в ведении Казанского адмиралтейства «облазиков хотя и учинился ныне тридцать пять человек, токмо из них умеющих и здоровых которые з дерев не падали толко с половину, а протчие облаживать не умеют и з дерев падали и от того стали немощные и нездоровы, а другие несколько человек от лазки как еще в коре облаживали и до смерти убивались»¹.

Вырубка и вывоз деревьев к верфям и портам был длительным и трудоемким процессом. Наиболее широко используемым инструментом лесозаготовок оставался топор – инструмент, уже запре-

¹ В государственную Адмиралтейскую коллегию по экспедиции над верфями и строениями ис Казанской адмиралтейской канторы репорт о получении приказа и о протчем. 13 июня 1742 г. // Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф. 138. Оп. 1. Д. 167. Л. 15.

щенный для изготовления досок в Швеции того же времени². На крупных предприятиях и верфях использовались пилы и пильные мельницы (водные или ветряные), но в крестьянском хозяйстве именно топор использовался активнее других инструментов. Внедрение обычных ручных пил (не говоря уже о мельницах) рассматривалось иной раз в просветительских трудах как средство охраны лесов, рекомендовалось «обучать пилить их ручными пилами, что служит к великому поспорью и бережению лесов»³. Приводились также пространные аргументы против того, что работа пилой отличается меньшей продуктивностью и большими трудозатратами. В пользу использования пил писали, что хотя «времени тем не выигрывается», но «рубкою тратится до десятой части дров в щепках»⁴. Екатерина II предполагала законодательное утверждение использования пил⁵.

Там, где мельницы находились недалеко, крестьяне постепенно отказывались от ручного труда, начинали возить бревна на мельницы для распиловки. На деревенской пильной мельнице каждый проход стоил в 1780-х гг. 3–4 копейки⁶. Пильные мельницы находились при многих предприятиях, не специализировавшихся на заготовке древе-

² Выпись из речи о употреблении с пользою и сбережении лесов, говоренной в собрании шведской Академии наук при сложении президентства Улрихом Руденшильдом июля 16 дня 1748 года // Труды Вольного экономического общества (ВЭО). Ч. XIV. СПб., 1770. С. 89.

³ Сочиненный господином статским советником Петром Ивановичем Рычковым наказ для деревенского управителя // Труды ВЭО. Ч. XVI. СПб., 1770. С. 51. Регенсбургер. Рассуждение и исследование причин для чего все жалуются в Петербурге на дороговизну дров, при чем прилагается способ, как здесь в Петербурге и по другим городам, в которые уже дрова привозятся из далека, можно всякий год по малой мере 15 и 20 000 сажень дров сберечь // Труды ВЭО. Ч. XX. СПб., 1772. С. 144–148. Шретер Е. И. Случайное размышление о употреблении всякого рода лесов в Санкт-Петербургской губернии и как надлежит чинить им пособие // Труды ВЭО. Ч. XL. СПб., 1790. С. 207–208.

⁴ *Местмахер И.* О пользе махины, которою один человек может пилить дрова // Труды ВЭО. Ч. XL. СПб., 1790. С. 121–122.

⁵ Екатерина II. О лесном хозяйстве. Черновой автограф. [1786 г.] // Архив Санкт-Петербургского института истории (СПБИИ РАН). Ф. 203. Екатерина II. Оп.1. Д. 122. Л. 12.

⁶ Опыт поправления крестьянских жилищ // Труды ВЭО. Ч. XXXIV. СПб., 1783. С. 79–82.

сины – металлургических, стекольных и др.⁷ Путь каждой партии от места вырубки до места назначения занимал от года до двух. Самым трудоемким путь до сплавной реки, чем объясняется особая ценность лесов, растущих в непосредственной близости от водных артерий страны. Для подъема деревьев использовались домкраты.

Внутри страны по рекам некоторая часть материалов переправлялась плотовым способом. Именно этот способ сплава чаще упоминается в официальной переписке о крупных поставках для казенных нужд. Но более традиционным и широко используемыми вплоть до второй половины XX в. в нашей стране был молевой сплав. Срубленные деревья спускались просто по течению реки. Наиболее предпочтительным временем и обоих способов сплава был весенний паводок, когда вода поднималась, и оставалось достаточно времени для того, чтобы материалы успешно дошли до пункта назначения.

При молевом сплаве в конечном пункте устанавливалась запань – ряд бревен, преграждающих русло реки и позволяющий останавливать благополучно прибывший материал. Такой способ позволял проводить транспортировку даже по небольшим узким речкам, по которым плотовой был бы невозможен. Технология молевого сплава позволяла «экономить трудовые ресурсы» в нелегком деле лесозаготовок. Издержки при этом не подсчитывались, а если подсчеты и производились бы, то едва ли были бы признаны значительными. Современные данные свидетельствуют, что около 6–7 % древесины теряет плавучесть и тонет. С еще меньшей степенью вероятности в качестве проблемы в то время могло быть осознано засорение рек.

В целом, для лесозаготовок часто было характерно бесхозяйственное отношение. Заготовленные материалы далеко не всегда довозились до места назначения, нарушение условий контракта, изменения планов, отсутствие финансирования и другие причины заставляли заготовителей оставлять вырубленные деревья на месте. В частности, это описывается П. И. Челищевым: «...я там видел заготовленный англичанином Гомом⁸ для строения кораблей лес, которого лежит вдоль на версту, да поперек саженой на сто, и гниет он непокрыт и не складен порядочно понапрасну; а сказывал мне таможенный директор Иван

⁷ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1770 году. Ч. I–II. СПб., 1795–1802.

⁸ В. В. Гом разорился и прекратил свою деятельность в России за 15–20 лет до момента, описываемого в записках.

Иванович Вулф, что если из любопытства рассмотреть в лесу, то на каждой версте такового для строения кораблей гниющего лесу можно найти полмиллиона деревьев»⁹.

Лесным хозяйством занимались вальдмейстеры и форстмейстеры. Дефицит специалистов в этой области ощущался на протяжении всего XVIII в. и более позднего периода. Там, где профессионалов не было, в поселениях, расположенных в непосредственной близости к заповедным лесам с крестьян брали подписки, что они обязуются не рубить леса, и знакомы с соответствующими законами. Кроме того, крестьяне обязывались из своей общины выбрать объездчиков, которые следили за соблюдением порядка в округе¹⁰. Контроль над работой объездчиков и дополнительный мониторинг состояния лесов вменялся в обязанность дворянским заседателям и местной администрации¹¹.

⁹ *Челищев П. И.* Путешествие по северу России в 1791 году. СПб., 1886. С. 62.

¹⁰ Тайному советнику астраханскому губернатору и кавалеру Николаю Яковлевичу Аршеневскому следственной о порубке теллерманского леса комиссии рапорт. 29 января 1798 г. // РГИА. Ф. 1594. Оп. 1. Д. 72. Л. 49-об.-50.

¹¹ Саратовских палат казенной советнику Ефиму Федоровичу Бутковскому, суда ассессору Степану Матвеевичу Попову из Новохоперского нижнего земского суда рапорт. 10 марта 1798 г. // Там же. Л. 94.

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПРОЕКТ НАЧАЛА XX в.: ИСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ К ИЗДАНИЮ XIII ТОМА АКТОВ КАВКАЗСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

А. Н. Максимчик

*(Минский филиал Московского государственного университета
экономики, статистики и информатики)*

С окончанием Кавказской войны во второй половине XIX в. российские власти были крайне заинтересованы в наращивании комплекса мероприятий, направленных на более углубленную интеграцию Северного Кавказа в административно-правовые и социально-экономические структуры империи. Их эффективность во многом зависела от получения и использования качественных и всесторонних знаний по истории региона. Первым шагом по осуществлению этой программы стала организация учреждений, которые смогли бы провести систематический разбор обилия сохранившихся архивных дел, отражавших процесс присоединения Кавказа к России, с последующим их выявлением и введением в научный оборот.

16 февраля 1864 г. начальник Главного управления кавказского наместника А. П. Николаи подготовил на имя наместника записку, в которой отмечал: «Не без основания по сие время раздаются у нас жалобы на недостаток сведений об этой обширной и разнохарактерной части нашего отечества, сведений серьезных, добытых из официальных актов, которые во всех образованных странах считаются достоверными источниками. В этом отношении до сего времени Правительством ничего не было предпринимавемо, и Кавказ по-прежнему остается страной неизвестной даже для самой России»¹.

С целью исправления сложившегося положения он предложил организовать в Тифлисе Кавказскую археографическую комиссию (далее КАК). На нее возлагались две основные задачи: 1) тщательный

¹ Центральный государственный исторический архив Грузии (далее ЦГИАГ). Ф. 416. Оп. 3. Д. 560. Предписание наместника Кавказского об учреждении Кавказской археографической комиссии при Главном управлении; штатная ведомость археографической комиссии. Л. 1.

разбор архивных документов «любопытных в каком-либо отношении» с целью их обнародования и 2) составление подробного исследования о постепенном развитии в Кавказском крае гражданского управления под российским владычеством. В апреле того же года инициатива А. П. Николаи была одобрена. Председателем КАК был назначен востоковед А. П. Берже. В ее состав вошли майор М. Ф. Ахундов, историк и археограф Д. З. Бакрадзе, сотрудник газеты «Кавказ» Н. Г. Берзенов и начальник архива Главного управления наместника кавказского И. М. Нырков. С 1884 г. постоянным членом комиссии стал также археограф Д. А. Кобяков, который после смерти А. П. Берже возглавил ее работу².

За 40 лет работы КАК (1864–1904) было подготовлено и издано 12 томов «Актов», содержащих в себе 16 057 документов по истории российско-кавказских отношений XIV–XVIII вв. и российско-го управления краем (с 1799 до 1862 г.)³. Значительная стоимость издания «Актов» неоднократно ставила вопрос о прекращении деятельности КАК, что негативно сказывалось на подготовке к изданию XIII тома, охватывающего управление Кавказом великим князем Михаилом Николаевичем (1862–1881). В конце 1912 г. закончился срок ассигнования деятельности комиссии, что привело к временному приостановлению ее работы и передаче в январе 1913 г. всех дел в Канцелярию наместника. Со слов председателя комиссии Д. Н. Михайлова, материалы для XIII тома «Актов» уже были подготовлены к печати, оставалось только заплатить за бумагу⁴. Он также предупреждал, что в случае сдачи документов тома в архив подготовленный и выверенный материал может смешаться и перепутаться.

4 июля 1913 г. Николай II утвердил одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон об отпуске из казначейства средств на содержание КАК сроком на 10 лет⁵. Однако, несмотря на это, XIII том «Актов» так и не был напечатан. Почему? Ответ на этот вопрос можно найти в Центральном государственном историческом

² Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. История археографии в до-революционной России. М.: МГИАИ, 1969. С. 146.

³ Об ассигновании кредита на содержание в 1907 г. Кавказской археографической комиссии : В Совет министров. [СПб., 1907]. С. 4.

⁴ ЦГИАГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1234. О приостановлении действий Кавказской археографической комиссии и сдаче в архив всех ее дел, материалов и актов. Л. 2.

⁵ ЦГИАГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1235. О восстановлении деятельности Кавказской археографической комиссии. Л. 1.

архиве Грузии, где хранятся документы о деятельности комиссии и материалы неопубликованного XIII тома (фонд 416).

Согласно материалам архива, в 1913 г. после восстановления работы комиссии наместник на Кавказе И. И. Воронцов-Дашков инициировал проведение специальной проверки, целью которой было определение оценки готовности XIII тома к печати (работа над томом шла уже несколько лет). По ее результатам, изложенным в докладе от 25 ноября 1913 г. на имя наместника, сообщалось, что к изданию тома не было приступлено, несмотря на то что Д. Н. Михайлов утверждал обратное. Чтобы окончательно выяснить, что же происходило на самом деле, И. И. Воронцов-Дашков назначил для вторичной проверки Е. Г. Вейденбаума – специалиста в области истории и этнографии Кавказа. В его задачи входило: 1) удостовериться в подготовке всех документов, предложенных к помещению в XIII т. «Акт»»; 2) установить окончательный состав и объем тома; и 3) предоставить соображения о публикации документов, извлеченных бывшим председателем комиссии Е. Д. Фелицыным из архивов Северного Кавказа.

7 декабря 1913 г. Е. Г. Вейденбаум подготовил рапорт о проведенной проверке. Ее итогом стал вывод о преждевременной публикации материалов. По третьему пункту Е. Г. Вейденбаум сообщал, что «редакционная работа не видна... в расположении документов нет ни плана, ни системы»⁶. Кроме этого, проверкой было установлено, что большая часть этих материалов уже была опубликована исследователем И. И. Дмитренко в 1896–1899 гг. в 4-х томной работе «Сборник материалов по истории Кубанского казачьего войска»⁷.

Выход из сложившейся ситуации И. И. Воронцов-Дашков видел в расширении полномочий Е. Г. Вейденбаума в комиссии. Уже 3 октября 1914 г. в очередном докладе он писал, что документы для XIII тома, за исключением дипломатической документации на французском языке, были все переписаны. Их предстояло еще сверить для устранения пропусков и ошибок и распределить в хронологическом порядке. «Заготовленный для XIII-го тома материал занимает 20 664 страницы формата писчей бумаги. На ознакомление с ним потребовалось три месяца (июль–сентябрь). В просмотре и суждении о значении каждого документа принимал участие временно-исправляющий должность председателя Археографической комиссии коллежский советник Берже»⁸.

⁶ ЦГИАГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1235. Л. 5–5 об.

⁷ ЦГИАГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1235. Л. 5.

⁸ ЦГИАГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1235. Л. 8.

После окончания редактирования материала и изъятия из его числа законодательных актов, отчетов по ревизии делопроизводства в судебных и административных учреждениях объем текста был уменьшен до 8086 страниц, которые, по мнению Е. Г. Вейденбаума, должны составить содержание тома. Незадолго до этого доклада в апреле 1914 г. на имя наместника обратился бывший председатель КАК Д. Н. Михайлов, который был возмущен обвинением Е. Г. Вейденбаума в том, что он своими действиями пытался обманывать наместника.

В письме он писал, что проверка Е. Г. Вейденбаума напоминала ревизию. 16 апреля, когда он пришел в комиссию, председатель КАК достал из шкафа три первых попавшихся дела и предоставил их ревизору. В деле, которое он просмотрел, обнаружились ошибки и несовпадения, что и вызвало у него подозрения о работе комиссии. При этом Д. Н. Михайлов подчеркивал, что «еще за долго до дня прихода ко мне в Комиссию г. Вейденбаум признался мне, что ему нечего ревизовать у меня. Так как все давно готово и пора приступить к печатанию готового и давно проверенного материала»⁹. Однако это письмо не повлияло на позицию наместника, который приказом от 16 октября 1914 г. назначил Е. Г. Вейденбаума на должность председателя комиссии.

Начало Первой мировой войны, неудачи императорской армии на российско-турецком фронте в конце 1914 г. привели к остановке деятельности комиссии и не позволили довести порученную работу до логического конца. XIII том «Актов» так и не был завершён¹⁰.

На сегодняшний день реализация этого неосуществленного археографического проекта начала XX в. является приоритетной задачей для дальнейшего развития российского кавказоведения. Публикация материалов XIII тома «Актов» значительно расширит представления о прошлом истории Кавказа, т. к. его хронологические рамки включают в себя документы о завершающем этапе Кавказской войны, периоде буржуазных реформ в империи и специфику их проведения на Кавказе, ценные материалы по политической, социально-экономической и культурной жизни региона.

⁹ ЦГИАГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1235. Л. 13 об.

¹⁰ Нужно отметить, что в научной литературе существует ошибочное мнение о том, что подготовка XIII тома была закончена к началу Первой русской революции 1905 г. См.: Северный Кавказ в составе Российской империи / [Д. Ю. Арапов, И. Л. Бабич, В. О. Бобровников и др.; отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич ; Междунар. благотвор. фонд им. Д. С. Лихачева]. М.: Новое лит. обозрение, 2007. С. 31.

ФАКТОР ВОЕННОЙ ГОТОВНОСТИ В МЕКСИКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ США (1911–1914 гг.)

А. А. Манухин
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Выход США на мировую арену после победы над Испанией в 1898 г. послужил причиной дальнейшей активизации их внешней политики. Молодая «великая держава» приступила к созданию своей сферы влияния в зоне Карибского бассейна, активно прибегая к вооруженным интервенциям для установления финансового и военно-политического протектората над рядом стран этого региона. Между тем потенциал американских вооруженных сил оставался невелик. В полной мере это проявилось, когда США столкнулись с мексиканской революцией 1910–1917 гг. Более точное представление об этом дают донесения русских военных агентов в США полковников А. К. де Бодэ и Н. Л. Голеевского, охватывающие период 1911–1914 гг. Данные источники впервые вводятся в научный оборот¹.

Мексика, жившая в условиях внутривнутриполитической стабильности во время диктатуры П. Диаса (1876–1911 гг.), с началом революции превратилась в самое непредсказуемое государство Латинской Америки. Колоссальный объем инвестиций в Мексике вынудил политическую элиту США принять ответные меры. 8 марта 1911 г. президент У. Г. Тафт отдал приказ о мобилизации на границе с Мексикой 20-тысячного контингента войск и отправке в мексиканские порты военных кораблей². Они должны были составить «маневренную дивизию», ставка которой находилась в форте Сэм Хьюстон (Сан-Антонио, Техас)³.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Канцелярия Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). Оп. 1. Д. 4273, 4278, 7837, 7850, 7893.

² *Challener R.* Admirals, Generals and American Foreign Policy, 1898–1914. Princeton, 1973. P. 346.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7850. Л. 2.

Флот быстро выполнил приказ, но процесс мобилизации малочисленных сухопутных войск затянулся на несколько месяцев. Сказалось отсутствие регулярных учений, направленных на переброску большого количества воинских частей, проведению которых Военная коллегия американского Генштаба практически не уделяла внимания, а также конкуренция между железнодорожными компаниями, выдвигавшими военному министерству разные тарифы. Американская армия основывалась на добровольном принципе, набор волонтеров шел крайне медленно, и все полки прибывали на границу по составу мирного времени, т. е. численностью в два раза меньше необходимого для ведения наступательных операций⁴.

Военные стратеги США исходили из того, что мексиканская федеральная армия не окажет серьезного сопротивления. В этой связи военный агент де Боде, выехавший в Техас, с удивлением отмечал царившую в «маневренной дивизии» атмосферу «легкомыслия», при том, что «на пространстве каких-нибудь немногих квадратных верст сосредоточена почти половина всех свободных войск республики»⁵. Свержение режима Диаса в мае 1911 г. и приход к власти либералов во главе с Ф. Мадеро отсрочило необходимость подготовки к вооруженной интервенции.

Дальнейшая эскалация вооруженной борьбы к югу от границы в начале 1912 г. побудила администрацию Тафта искать альтернативы интервенции. Прежде всего, было введено эмбарго на поставки оружия и боеприпасов в Мексику для всех заказчиков, кроме ее федерального правительства⁶. Также с подачи военно-морского министерства сенат США принял резолюцию о недопустимости размещения в Мексике и других странах Латинской Америки баз «неамериканских держав»⁷. Однако в феврале 1913 г. правительство Мадеро пало в результате военного переворота. Временным президентом стал генерал В. Уэрта. Несмотря на приведение в боеготовность дополнительных войск в США и на базе Гуантанамо (Куба), вопрос о вторжении не стоял⁸. По сообщению нового военного агента Голеевского, в Генштабе перспек-

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7850. Л. 9, 10.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4273. Л. 65.

⁶ William Howard Taft Papers (WHTP). Microform. Series 6: Case Files, 1904–1913. Library of Congress. Wash., D. C., 1972. File 95B. P. 16279, 16293.

⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7837. Л. 141–143.

⁸ WHTP. Series 6. File 229. P. 30288–30289.

тивы «умиротворения» Мексики по степени сложности «сравнивали с нашим покорением Кавказа»⁹.

После переворота Уэрты движение конституционалистов под руководством В. Каррансы развернуло против него мощную военную кампанию. США также перешли к активному вмешательству в мексиканскую революцию. Новый президент В. Вильсон начал политику «непризнания» правительства Уэрты как диктаторского и нелегитимного, и предпринял неудачную попытку посредничества между ним и революционерами. По замечаниям иностранных наблюдателей, она неизбежно должна была привести к подчинению Мексики военной силой¹⁰.

В действительности военное командование США представило данные о том, что эффективное осуществление вооруженной интервенции является трудной задачей¹¹. Поэтому администрация предпочитала действовать методами дипломатической и финансовой изоляции Уэрты, а также позволяла конституционалистам закупать оружие и боеприпасы у американских фирм в обход эмбарго¹². В Белом доме все больше приходили к мнению о том, что конституционалисты способны осуществить реформы, необходимые для скорейшего завершения революции¹³. В феврале 1914 г. президент Вильсон объявил о снятии эмбарго, что позволило им одержать крупные победы над федеральной армией.

Тем не менее Уэрта сохранял значительные ресурсы для сопротивления, и к весне 1914 г. Вашингтон принял решение о совершении вооруженной интервенции в Мексику для поддержки конституционалистов. Были созданы общевойсковые тренировочные лагеря для быстрой переброски обученных войск на границу, вместе с высадкой десантов в мексиканских портах на атлантическом побережье. Администрация провела через конгресс закон, который упрощал вызов президентом национальной гвардии и набор волонтеров¹⁴. Под предлогом незначительного дипломатического инцидента Белый дом предъявил правительству Уэрты ультиматум, невыполнение условий которого

⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7893. Л. 26.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4278. Л. 1.

¹¹ The Papers of Woodrow Wilson. Vol. 28. Princeton, 1978. P. 130–131.

¹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7893. Л. 62.

¹³ The Papers of Woodrow Wilson. Vol. 29. Princeton, 1979. P. 143.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7893. Л. 104, 106–108.

дало повод предпринять 21 апреля 1914 г. оккупацию важного мексиканского порта Веракрус.

Операция была проведена опрометчиво, в противоречии с заранее намеченным планом. Военный агент Голеевский по ходатайству российского МИД получил право посетить оккупированный Веракрус. По его информации, потери с американской стороны значительно превышали официальные¹⁵. Военный контингент численностью менее 15 тыс. человек не располагал транспортом для предполагаемого похода на Мехико. Противник находился вблизи от города, но разведка и контрразведка экспедиционного штаба работали крайне неэффективно¹⁶.

Для того чтобы избежать войны, к которой США не были готовы, Белый дом принял предложение Аргентины, Бразилии и Чили о посредничестве между Вашингтоном и Мехико. Во время конференции в Ниагара-фолс (Канада) он добивался принятия решения о передаче власти конституционалистам, одновременно угрожая им дальнейшими военными действиями, в случае отказа во всем следовать рекомендациям США¹⁷. Однако реальные силы для перехода от слов к делу отсутствовали. В июле–августе 1914 г. режим Уэрты рухнул под ударами революционеров, которым был выдан карт-бланш по решению дальнейшей судьбы страны. Дальнейшие попытки навязать им свою волю путем переговоров провалились. Вывод американских войск из Веракруса в ноябре 1914 г. означал, что в Вашингтоне осознали пределы военной экспансии в Мексике.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7893. Л. 139.

¹⁶ Там же. Л. 141–142.

¹⁷ Documentos históricos de la Revolución Mexicana. T. 3: Carranza, Wilson y el ABC. México-Buenos Aires, 1963. P. 171–173.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В XX ВЕКЕ

*К. Ю. Милованов, к.и.н.
(«Институт культурологии образования»
Российской академии образования)*

К началу XX века развитие российской системы образования шло в основном в контексте ведущих европейских социокультурных тенденций. Отечественная система народного просвещения продолжала носить сословный характер при сохранении принципа преемственности и корпоративного единства учебных заведений различных ступеней образования. Образовательная административная политика зиждилась на традиционной «академической» властной вертикали, базовой основой которой были мощные учебные округа во главе с попечителями. Эта управленческая система просуществовала с определенными изменениями вплоть до революционных событий 1917 г.

Образовательное законодательство, принятое в первые годы существования советского государства, носило весьма противоречивый характер. С одной стороны, нормативно-правовые акты РСФСР впитали в себя многое из того, что было создано предшествующей передовой научно-педагогической мыслью, а с другой – чувствовалась та идейно-политическая и управленческая тенденция, которая окончательно оформится в конце 20-х гг. в виде административно-командной системы. Законодательные акты, регулирующие сферу образования, привели к «кардинальному преобразованию системы просвещения, утверждению в качестве доминирующей парадигмы трудовой школы»¹.

В конце 20-х годов прошлого столетия целенаправленный и стимулируемый правящей советской элитой процесс идеологизации школьного образования достиг своего пика. В этот же период значи-

¹ Богуславский М. В. Реформирование российского образования XVIII – XX веков: социокультурный контекст // Вестник ИТИП РАО. 2007. № 1. С. 43.

тельно повышается роль гуманитарных и общественно-политических наук, получивших статус «идеологических». Таким образом, реализуя на практике социально-педагогический заказ командно-мобилизационной системы по созданию ее составных частей – бессловесных и бесправных «винтиков» и «механизмов» советская школа «вступила на путь тотального усреднения личности»².

Сталинская образовательная реформа 30-х гг. началась с резкой и уничтожающей критики «трудовой школы» образца начала 20-х гг., так как, по мнению правящей элиты, она не давала общих знаний, не могла решать проблемы целевой подготовки грамотных людей с базовым знанием основ наук, необходимых для поступления в высшие учебные заведения страны. Созданная в результате реформационных мероприятий модель общеобразовательной школы («школа учебы») вошла в историю как «сталинская гимназия»³. И. В. Сталин лично озаботился проблемой качества и содержания учебных материалов по истории и взял под личный контроль их подготовку. Он рассматривал преподавание истории в связи с ее важностью для идеологического воспитания советских граждан.

Образование становится одним из важнейших флангов внутреннего идеологического фронта. На протяжении всего периода существования единой советской государственной системы образования боролись две основные тенденции – «реформаторская» (в сильно усеченном и искаженном виде) и «контрреформаторская» (охранительная, выступавшая с позиций консервации незыблемых идеологических догм).

Советский период отечественного образования характерен своей четкой выстроенностью партийных направляющих ориентиров. Будто осуществление мероприятий «ленинской» культурной революции в 20-е гг., в 30-е гг. – подготовка кадров для индустриализации, политехнизация школы в 50-е гг., приведение содержания образования в соответствие с уровнем развития советской науки – таков лозунг очередной реформы в 70-е гг., создание многообразия типов образовательных учреждений в единстве образовательного пространства СССР – в реформе второй половины 80-х гг.

² Днепрова Э. Д. Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки. 2-е изд., доп. М.: Мариос, 2011. С. 24.

³ Богуславский М. В. Реформирование российского образования XVIII – XX веков: социокультурный контекст // Вестник ИТИП РАО. 2007. № 1. С. 44.

Безусловно, в советский период была создана одна из передовых в мире систем школьного образования. Вполне обоснованно граждане СССР гордились его высоким уровнем, фундаментальностью и системностью. Тем не менее, если нет поступательного развития, то начинается стагнация и потеря тех свойств, которые когда-то обеспечивали неизменно высокий уровень развития и качество образования.

Политические и социально-экономические преобразования конца 80-х – начала 90-х гг. XX века оказали судьбоносное влияние на систему образования. В этот исторический период был запущен процесс адаптации отечественного образования к принципиально новым условиям социально-экономической и политической жизни. Было обеспечено многообразие типов образовательных учреждений и вариативность образовательных программ, развитие негосударственного сектора образования. Основной задачей проводимых преобразований в области образования стала «смена философской, политической парадигмы образования, перевод образования из тоталитарной парадигмы в парадигму гражданского общества»⁴.

Реформа образования 1992 г. являлась органичным ответом на те кризисные явления в системе образования, которые накопились за годы господства административно-командной системы. Магистральным направлением реформы стало обновление содержания образования. Однако следует отметить, что «в целом реформа в 90-е годы привела к серьезной разбалансировке и дисгармонии в организации и материальном обеспечении учебно-воспитательного процесса»⁵.

В дооктябрьский период государственная образовательная политика проводилась по преимуществу в русле общеевропейской цивилизационной модели, сохраняя при этом опору на отечественную социокультурную парадигму. В советский период образовательная политика проводилась под жестким партийно-государственным руководством на основе коммунистической моноидеологии. Радикальная трансформация социально-экономической и общественной структуры в 90-е гг. XX века привела к новому витку модернизации образования на основе неolibеральной идеологии, деидеологизации и «разгосударствления» («уход» государства из образования, появление негосударственных образовательных учреждений различных ти-

⁴ Днепров Э. Д. Судьбы образования. М.: Мариос, 2011. С. 6.

⁵ Богуславский М. В. Реформирование российского образования XVIII – XX веков: социокультурный контекст // Вестник ИТИП РАО. 2007. № 1. С. 47.

пов, отказ от «избыточных функций», ослабление жесткого контроля государства в области образования и науки).

При проведении либеральных реформ «была сделана попытка быстро и жестко не только ввести рыночные реформы в экономику, что давно назрело, но и положить их в основу всего народного бытия»⁶. Однако реформирование системы российского образования не носило системного характера. Неадекватность трансформаций, происходящих в национальной системе образования, несоответствие их требованиям современного этапа общественного развития позволяло ставить вопрос о полноценной модернизации образования⁷.

Изучение процесса реформирования российского образования в XX в. обусловлено не только необходимостью дальнейшего исследования данной проблемы, но и имеет ярко выраженную практическую направленность. В первую очередь необходимо определить вектор государственной политики при проведении реформ в области образования и науки в соответствии с национальными интересами и с учетом ведущих мировых тенденций. Назрела потребность в формировании осмысленной государственной образовательной, научной и научно-технической политики, которая давала бы возможность ориентировать образование и науку на устойчивое развитие без потрясений, форсированных мер и непродуманных решений.

⁶ Никандров Н. Д. Духовные ценности и воспитание в современной России // Образование: взгляд в будущее. Сборник материалов Всероссийского открытого педагогического форума, посвященного С. Т. Шацкому. Обнинск: МАН «Интеллект будущего», 2010. С. 25.

⁷ Сфера образования в системе Россия-Запад (проблемы эффективности) / под ред. В. И. Марцинкевича. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 145.

ПОЧТОВАЯ СВЯЗЬ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ 1941–1945 гг. В ДОКУМЕНТАХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ АРХИВОВ

Н. Н. Мокина
(Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия)

Почтовое дело в России – интересный, но недостаточно изученный в историческом плане феномен, что доказывает малое количество обобщающих, монографических, диссертационных и других работ. Практически не исследована деятельность местных почтовых учреждений в период Великой Отечественной войны. В данной статье кратко рассматривается состояние архивной источниковой базы по теме на материалах двух областей Среднего Поволжья – Куйбышевской и Ульяновской¹.

Основной массив документов по интересующей нас проблематике находится в Центральном государственном архиве Самарской области (ЦГАСО). Прежде всего, это законодательно-нормативная и распорядительная документация Наркомата связи, адресованная руководству местных почтовых учреждений (директивные указания, распоряжения, приказы, инструкции и др.)². Одна из наиболее информативных разновидностей делопроизводственной документации – отчетная (годовые отчеты Куйбышевского областного Управления Наркомата связи³.) В данных документах подробно отражены основные направления деятельности, материально-техническое оснащение, штатный состав почтовых предприятий связи Куйбышевской и Ульяновской областей в военный период. Большое внимание в документах уделяется подготовке кадров почтовых служащих, состоянию транспортных средств и некоторым другим вопросам.

Единый общегосударственный порядок деятельности почтовой службы накануне и в годы Великой Отечественной войны был законодательно закреплён в постановлениях правительства, различных

¹ До 1943 г. Ульяновская область входила в Куйбышевскую область.

² ЦГАСО Ф. Р.-2967. Куйбышевский областной почтамт.

³ ЦГАСО Ф. Р.-2039. Оп. 6. Д. 19, 23, 34, 49, 58.

инструкциях и приказах Наркомата связи. Так, в директиве от 17 мая 1941 г.⁴ содержалось категорическое требование: личный состав органов связи в любое время и в любой обстановке обязан работать в обычном режиме⁵. Устанавливались особые правила приема воинских почтовых отправок, согласно которым личные простые письма и почтовые карточки подлежали незамедлительной бесплатной отправке в образованные военно-полевые почтовые узлы⁶. Для семей красноармейцев ввели бесплатные услуги по написанию писем, адресов и упаковке посылок⁷.

Большое значение уделялось организации деятельности органов военной цензуры. Как известно, 6 июля 1941 г. было принято постановление ГКО СССР о военной цензуре, по которому вводился гласный политический контроль над всей почтовой корреспонденцией на территории страны. За короткий срок были разработаны и внедрены правила о порядке формирования и функционирования пунктов военной цензуры, служебные инструкции для цензоров, правила о порядке обработки почтовой корреспонденции и инструкции о ведении секретного делопроизводства⁸. Обязанности по обеспечению установленных требований возлагались на руководителей почтовых предприятий связи.

Несмотря на все принятые меры, работа местных почтовых учреждений нередко признавалась неудовлетворительной. В Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) сохранились материалы, свидетельствующие о возникших сбоях в работе куйбышевской почты в первые месяцы войны. Судя по годовым отчетам наркома связи И. Т. Пересыпкина, руководству областного Управления Наркомата связи не удавалось эффективно перестроить работу органов связи на военный лад⁹. Во многом это было связано, как отмечалось в отчетах областного управления Наркомата связи¹⁰, с резким сокращением кадров почтовиков, мобилизованных на фронт. На протяжении военных лет почтовые учреждения Куйбышевской и Ульяновской областей постоянно испытывали нехватку квалифицированных кадров.

⁴ ЦГАСО Ф. Р-2964. Оп. 1. Д. 3. Л. 280–283.

⁵ За исключением приемщиков и доставщиков почтовых отправок.

⁶ ЦГАСО Ф. Р-2558. Оп. 7. Д. 473. Л. 10.

⁷ СОГАСПИ Ф. 656. Оп. 33. Д. 238. Л. 38.

⁸ ЦГАСО Ф. Р-2967. Оп. 2. Д. 3. Л. 123, 156, 173, 186, 191–192.

⁹ РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 4. Д. 1298, 1299.

¹⁰ ЦГАСО Ф. Р-2039. Оп. 6. Д. 19, 23, 34, 49, 58.

Штат связистов комплектовался за счет вольнонаемных женщин, выпускников школ ФЗО и мобилизованных связистов из других регионов страны. Для повышения уровня профессиональной подготовки сотрудников областное управление Наркомата связи регулярно организовывало курсы подготовки¹¹ и переподготовки почтовых работников¹². Однако куйбышевские связисты неоднократно получали выговоры за нарушение тех или иных инструкций.

Весьма информативными являются хранящиеся в Самарском областном архиве социально-политической истории (СОГАСПИ) документы фонда Куйбышевского обкома ВКП(б)¹³, которые дают представление о материально-техническом обеспечении предприятий связи. Из них следует, что большинство почтовых учреждений находились в крайне тяжелом положении. Помимо нехватки производственных площадей, почтовикам приходилось работать в антисанитарных, плохо отапливаемых помещениях¹⁴. Слабость материальной базы негативно влияла на производительность труда¹⁵.

Документы фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)¹⁶ свидетельствуют о значительном вкладе в годы войны Куйбышевской и Ульяновской областей в обеспечении связью жителей огромной страны, Советской Армии, Военно-Морского флота и аппарата государственного управления¹⁷. Изучение распорядительной документации показывает, что сеть почтовых предприятий связи региона уже в первые месяцы войны имела тенденцию к расширению; вводились новые должности для обслуживания эвакуированных правительственных учреждений. Одновременно в Куйбышевскую область были эвакуированы работники связи¹⁸ и почтовое оборудо-

¹¹ СОГАСПИ Ф. 656. Оп. 33. Д. 238. Л. 30–31.

¹² ЦГАСО Ф. Р-2039. Оп. 6. Д. 34. Л. 141–142.

¹³ СОГАСПИ Ф. 656. Куйбышевский обком ВКП(б).

¹⁴ СОГАСПИ Ф. 656. Оп. 33. Д. 238. Л. 11, 21, 26.

¹⁵ СОГАСПИ Ф. 656. Оп. 33. Д. 238. Л. 73.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 23. Д. 2377; оп. 24. Д. 1806; оп. 25. Д. 1659; оп. 25А. Д. 784, 786 и др.

¹⁷ В 1941–1943 гг. г. Куйбышев стал «второй столицей» страны. Из Москвы были эвакуированы часть партийных и правительственных учреждений (Госплан СССР, часть аппарата ЦК ВКП(б), СНК СССР, ЦК ВЛКСМ и некоторые отделы Наркомата обороны СССР и Наркомвоенмора, а также весь дипломатический корпус и др.).

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 25 А. Д. 786. Л. 17.

вание из прифронтовых районов¹⁹. В результате удалось сохранить сложившиеся до войны коллективы связистов, а также, хотя и частично, материальную базу некоторых почтовых учреждений.

Редко встречающимися источниками по теме являются документы личного происхождения, на основе которых можно воссоздать образ связистов 1941–1945 гг. Хотелось бы обратить внимание на выявленные в СОГАСПИ докладные и объяснительные записки связистов²⁰. В них содержатся сведения, позволяющие охарактеризовать трудовые будни почтовых служащих. В записках особенно ярко обрисованы тяжелые условия, в которых приходилось работать связистам. Почти постоянно они выполняли свои обязанности в холодных помещениях, из-за чего у многих опухали руки, они часто болели. В некоторых почтовых отделениях отсутствовали необходимые сортировочные ящики, стулья, что создавало дополнительные неудобства для связистов, вынужденных весь день работать стоя. Также в записках имеются данные о том, что на протяжении военного периода почтальоны практически не снабжались форменной одеждой.

К уникальным документам, обнаруженным в местных архивах, относится единственная анкета учета личного состава работников почты, сохранившаяся в ЦГАСО²¹. В ней кроме личных данных указана профессия служащего (почтальон) и помещена его фотокарточка.

Таким образом, по интересующей нас теме в федеральных и местных архивах содержатся различные виды источников, позволяющие в дальнейшем воссоздать историю почтового дела Среднего Поволжья 1941–1945 гг., включая такие вопросы, как система организации связи, процесс перестройки на военный лад, основные направления деятельности почтовых учреждений, решение кадровых, транспортных проблем и многие другие. Из выявленных к настоящему времени документов наиболее информативными являются годовые отчеты Куйбышевского областного управления Наркомата связи.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 25. А. Д. 786. Л. 39.

²⁰ СОГАСПИ Ф. 656. Оп. 1691. Д. 1; Ф. 1474. Оп. 1. Д. 310; Ф. 1691. Оп. 2. Д. 8.

²¹ ЦГАСО Ф. Р-2039. Оп. 3. Д. 18. Л. 91.

**ПРЕДЫСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ВСЕСОЮЗНОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
АВИАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ В 1932 г.
(по материалам историко-архивных изысканий)**

А. Р. Нарский
(ФГУП «ВИАМ»)

ФГУП «Всероссийский научно-исследовательский институт авиационных материалов» (ВИАМ, изначально – Всесоюзный) – это уникальный материаловедческий центр, где создаются материалы и технологии, применение которых не ограничивается авиацией, но распространяется и на другие отрасли промышленности. 80-летняя история этого института, казалось бы, хорошо изучена. Но проведенные автором широким фронтом историко-архивные поиски, в частности в период 2011–2012 гг., позволили исправить ряд неточных сведений, выявить множество неизвестных, никогда не публиковавшихся фактов и найти старые фотоматериалы. Это дало возможность по-иному оценить как знакомые из литературы «сухие» даты, так и развитие тех или иных событий, которые предшествовали созданию ВИАМ и сопровождали его в первые месяцы и годы существования.

Выяснено, что попытки создания единого исследовательского института по материалам предпринимались несколько ранее 1932 г.; установлены подробности строительства первых корпусов, в которых размещались лаборатории – прообразы существующих сегодня; уточнена истинная дата издания приказа о создании ВИАМ (не 28 июня 1932 г., как считалось ранее, а на один день позже); восстановлена хроника закрытия евангелическо-лютеранской церкви, которая несколько веков стояла на той территории, где располагается теперь ВИАМ. Отдельное направление изысканий, оказавшееся наиболее длительным, дало возможность буквально по крупницам воссоздать из небытия биографию первого руководителя института, о личности которого не было известно вообще ничего: в единственном опубликованном источнике он упоминался с искаженными фамилией и инициалами. Установлена его роль в истории организационного периода жизни ВИАМ.

Архивный поиск представлял собой исследовательскую работу в читальных залах Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного военного архива (РГВА), Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД), Центрального исторического архива Москвы, Центрального архива города Москвы, а также изучение архивных фондов и фотоматериалов Научно-мемориального музея профессора Н. Е. Жуковского. Исключительно полезными оказались партийные документы (регистрационный бланк и личный листок), полученные из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Исследование существенно дополнила информация из переписки с филиалом Российского государственного архива научно-технической документации (РГАНТД) в г. Самаре и другими государственными и ведомственными архивами.

В настоящем докладе приведены лишь некоторые сведения, составляющие предысторию создания ВИАМ.

В послереволюционный период в России впервые были подняты вопросы о технических требованиях к авиационным материалам, так как международное сотрудничество было прекращено, и использование иностранных материалов стало невозможным. Финансирование науки в то время полностью взяло на себя государство, и одним из первых в сети отраслевых научных учреждений с 1 декабря 1918 г. начал функционировать Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), у истоков которого стоял профессор Н. Е. Жуковский. Развитие авиационной промышленности и постоянный рост ее требований определяли необходимость постановки разносторонних научных работ.

В 1922 г. берет начало авиационное материаловедение как отдельная область исследований: в составе ЦАГИ была создана Секция испытания материалов (далее – Секция). Ее важнейшим шагом стало получение отечественного алюминиевого сплава – кольчугалюминия, результаты испытаний которого позволили заведующему Секцией Ивану Ивановичу Сидорину рекомендовать его для металлического авиастроения. Особая Комиссия ЦАГИ «по постройке металлических самолетов», под председательством А. Н. Туполева, с успехом использовала этот сплав при строительстве первого самолета смешанной конструкции «А. Н. Т.–1» (1923 г.) и первого металлического самолета «А. Н. Т.–2» (1924 г.).

Рис. 1. И. И. Сидорин на строительстве ЦАГИ

Сначала лаборатории ЦАГИ занимали помещения Московского высшего технического училища, а в 1923 г. правительством страны были выделены средства для сооружения комплекса лабораторных зданий в квартале между улицами Баумана, Вознесенской (ныне – ул. Радио), Большим Демидовским и Кирочным переулками.

Активное участие в проектировании и постройке корпуса для Секции принимал И. И. Сидорин (рис. 1)¹.

В 1925 г. Секция была переименована в Отдел испытания авиационных материалов (ОИАМ). Помимо тщательного подбора и создания новых материалов, методов обработки и испытаний, сотрудники ОИАМ занимались составлением технических условий и содействовали промышленности проведением различных анализов и контрольных испытаний.

¹ Архив Научно-мемориального музея Н. Е. Жуковского. Инв. номер 5420/51.

Рис. 2. Механическая лаборатория ОИАМ ЦАГИ

В 1926 г. ОИАМ состоял из трех лабораторий²: механической (рис. 2³; в ней работали: Е. И. Савков, Н. И. Марин, Г. А. Сафронов, А. И. Зимин, А. Н. Флаксерман, Е. Ф. Бахметев), металлографической (И. И. Сидорин и В. Н. Махов) и химической (И. Ф. Андреев и Н. Ф. Бочаров).

Рис. 3. Второй корпус ОИАМ ЦАГИ (вид с Вознесенской ул.)

² РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 2622. Л. 33–41.

³ РГАКФД. Шифр 256175.

Внутри территории ЦАГИ, за вторым корпусом ОИАМ, как видно из рис. 3⁴, находилась старинная лютеранская церковь святого Михаила, закрытая в 1928 г. Ее здание планировалось перестроить⁵ под помещение Винтомоторного отдела, но проект осуществлен не был: церковь снесли, а отдел вошел в состав нового Института авиационного моторостроения (ныне – Центральный институт авиационного моторостроения им. П. И. Баранова; ЦИАМ).

К 1930 г. структура ОИАМ ЦАГИ включала следующие лаборатории⁶: механическую, металлографическую, химическую, рентгенографическую, металлургическую, изучения коррозии, статических испытаний, изучения физических свойств древесины, текстильных и резиновых материалов.

Вопрос создания отдельного универсального учреждения по испытаниям материалов для обслуживания важнейших отраслей народного хозяйства прорабатывали в 1924 г. по заданию Госплана в Научно-техническом отделе Высшего Совета народного хозяйства. Обсуждение тогда показало целесообразность развития подсобных испытательных лабораторий при научно-исследовательских институтах⁷.

16 апреля 1931 г. при рассмотрении перспектив масштабного расширения ЦАГИ на заседании Бюро партколлектива ячейки было отмечено, что ОИАМ перерос «свои прежние рамки» ввиду охвата им большого круга решаемых задач, но недостатки в его работе характеризовали отдел «как не отвечающий полностью задачам обороны сегодняшнего дня»⁸. И вновь выделение ОИАМ из ЦАГИ сочли преждевременным.

29 июня 1932 г. приказ № 435 по Народному комиссариату тяжелой промышленности⁹ произвел историческое преобразование ОИАМ ЦАГИ и Отдела технологии испытания авиационных материалов ЦИАМ в ВИАМ. Поскольку история – точная наука, то установление даты создания ВИАМ представляется скорее необходимым, чем целесообразным. На созданный институт возлагалась ответственность за

⁴ Архив Научно-мемориального музея Н. Е. Жуковского. Инв. номер 25851.

⁵ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 3277. Л. 65.

⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1468. Л. 15–19.

⁷ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 1670. Л. 67–75.

⁸ РГВА. Ф. 29. Оп. 76. Д. 2882. Л. 90.

⁹ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 1. Д. 5. Л. 105–106.

качество авиационных материалов; все без исключения исследования ВИАМ проводились «в разрезе текущих и перспективных нужд авиационной промышленности»¹⁰.

Начальником ВИАМ был назначен молодой, но имевший богатый опыт руководящей и административно-хозяйственной работы Петр Андреевич Бахматов¹¹ (рис. 4), который грамотно и в короткие сроки сумел наладить работу института. Он разработал его структуру, подобрал личный состав работников, организовал лаборатории, наладил связи с заводами авиационной промышленности и предприятиями-поставщиками. Перед тем как возглавить ВИАМ, П. А. Бахматов получил специальность инженера-экономиста в Институте народного хозяйства им. Плеханова и окончил Всесоюзную торговую академию им. Сталина¹², что помогло ему проявить талант организатора в полной мере.

Рис. 4. П. А. Бахматов – первый начальник ВИАМ

Начальный период развития отечественного авиационного материаловедения как научного направления завершился созданием ВИАМ.

¹⁰ Филиал РГАНТД (г. Самара). Ф. Р-124. Оп. 1-6. Д. 1. Л. 4.

¹¹ РГАЭ. Ф. 8328. Оп. 2. Д. 161. Л. 1–6.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 107 – учетно-партийные документы.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В РУССКИХ КОЛОНИЯХ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ (1799–1867 гг.)¹

В. Г. Наследов
(Комсомольский-на-Амуре государственный
технический университет)

Российско-американская компания (РАК) появилась в результате сочетания интересов отечественных предпринимателей и царской бюрократии. Тесная связь с государством и собственное монопольное положение РАК в Русской Америке самым непосредственным образом сказались на специфике социально-экономических отношений в заокеанских колониях России.

Зависимые от Компании инородцы делились на несколько групп по характеру подчиненности и социальному положению. На нижней ступени в этой иерархии находились каюры. Они занимались выполнением различного рода подсобных работ: заготовка дров, продовольствия, изготовление туземной одежды. При этом за свою работу они получали лишь одежду и скудную пищу. Если учесть, что и то и другое они добывали сами, то фактически их содержание не стоило Компании ничего.

Старикам, женщинам и подросткам в период пребывания основной массы мужчин на промысле также приходилось трудиться на РАК. «Налагается от компании каждому добыть птиц на семь парок... Ловят их силками на высоких утесах и острых камнях. К тем камням, на которые взлезть невозможно, подставляют лестницы, откуда нередко падают и вредят последнее свое здоровье, а иные вовсе лишаются жизни... Потом отдается оная птица каюрам... и всем кадьякским женщинам выделывать и шить из нее парки, которые продаются за бобры

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0482 «Национальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1917–1991 гг.)».

их же родственникам...»². Таким образом, мы видим, что Компания использовала труд данных групп зависимого населения совершенно бесплатно, не обеспечивая их даже пищей и одеждой, а с туземцами-партовщиками расплачивалась результатами труда их собственных жен и отцов.

Основная масса мужского туземного населения относилась к так называемым «вольным алеутам». Во взаимоотношениях с ними РАК придерживалась системы принудительного долгового найма. Туземцам перед промыслом выдавались в долг различные товары. После возвращения с промыслов происходил расчет с приказчиком: долги либо списывались, либо туземец-партовщик оставался должником компании и обязан был беспрекословно отправляться «в партию» на следующий сезон.

Эксплуатация коренного населения колоний носила столько вопиющий характер, что даже в условиях царской России вызывала открытое порицание со стороны многих современников. В итоге в «Правилах» Компании, принятых в 1821 г. институт каюртства устраняется, а элементы грубого внеэкономического принуждения отходят на второй план и заменяются патерналистской политикой опеки коренного населения со стороны колониального начальства. «Правила» милостиво позволяли не находящимся на компанейской службе туземцам добывать для себя пропитание в окрестностях своих селений, но отлучаться даже в соседние районы им было запрещено без особого на то дозволения колониального начальства. Другими словами, зависимое туземное население было юридически закрепощено. И такая ситуация сохранялась вплоть до продажи Аляски в 1867 г.

Специфической группой населения Русской Америки, которую нельзя обойти вниманием, были креолы. Эти потомки от смешанных браков русских промышленников с местными женщинами занимали в колониях промежуточное положение между зависимыми туземцами и русским населением. Их численность к 1820-м гг. составила уже несколько сот человек, и правительство больше не могло игнорировать такую крупную и быстрорастущую группу колониального населения. Поэтому в «Правилах» РАК был введен параграф 41, в котором креолы причислялись к мещанскому сословию. Они не были обложены никакими государственными податями и повинностями, но обязаны

² Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / под ред. А. Д. Дридзо, Р. В. Кинжалова. М.: Мысль, 1994. С. 82.

были служить в РАК в течение 10–15 лет за небольшое фиксированное жалование, отрабатывая ее затраты на их воспитание и образование. «По прошествии же сего срока ежели пожелают, и не будут состоять должными Компании, имеют право избрать себе род жизни, и даже оставить Колонии»³. Но их вольность не устраивала РАК, поскольку она постоянно нуждалась в квалифицированных работниках. Реализовать свой интерес Компании помогала долговая кабала, которая была ее любимым методом экономического принуждения. Помимо чисто экономических рычагов при необходимости могли быть задействованы и административные.

В Русской Америке была территория, где отношения с коренным населением строились на иной основе. 15 марта 1812 г. в северной Калифорнии было заложено селение Росс. Попытка колонизации Калифорнии была связана, главным образом, с надеждой на развитие в этом регионе с благоприятным климатом собственного хлебопашества и скотоводства.

На характер отношений колониального управления с местными жителями влияло три основных фактора:

Император Павел I «отказывая в настоящем случае производить от казны на Альбионе поселение, предоставляет правлению на волю, учреждать оное от себя»⁴, т. е. окрестности форта Росс не являлись частью Российской империи, и индейцы в данном случае выступали не как подчиненная сторона, а как равный партнер.

Если на северо-западной оконечности американского континента экономический интерес РАК главным образом состоял в добыче калана, и эксплуатация местного населения, специализировавшегося на данном виде промысла, была до поры до времени экономически рентабельна, то жители Калифорнии были совершенно не приспособлены к сельскохозяйственной деятельности, поскольку являлись охотниками, собирателями и рыбаками и вообще не сеяли зерновых культур.

Для поселения, основанного далеко от остальных русских колоний, отношения с соседями приобретали особую важность. Мир и союз с индейцами в этих условиях выступали не просто залогом безопасно-

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1028. Л. 179, 100 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1028. Л. 77 об – 78.

сти колонии от нападений туземцев, но и средством защиты интересов РАК в условиях межгосударственных противоречий⁵.

Таким образом, в американских колониях Российской империи были два основных типа взаимоотношений колониальной администрации и местного населения. Жесткая эксплуатация с элементами внеэкономического принуждения к труду и наличием неоплачиваемых категорий работников, с течением времени замененная на патерналистскую политику опеки над закабаленным и прикрепленным к конкретной территории населением, была характерна для большей части Русской Америки.

В то же время жители окрестностей форта Росс, в силу особенностей хозяйственной деятельности и политической нестабильности в регионе, оставались лично свободными, и их эксплуатация заключалась в неэквивалентном обмене рабочей силы. При этом есть основания предполагать, что если бы русская Калифорния продолжала существовать, а территория посевных площадей возрастала, то есть появилась бы потребность в постоянной дешевой рабочей силе, то вполне можно допустить постепенное закабаление индейцев при помощи политики «задаживания», успешно примененной ранее по отношению к алеутам.

Тем не менее нельзя считать подобный сценарий неизбежным. Вполне возможно, что, реагируя на «великие реформы» 1860-х гг., Главное правление РАК было бы вынуждено постепенно отменить прикрепление «алеутов» к конкретным селениям и обязательные повинности в пользу Компании, а также позволить людям свободно заниматься промыслами. Подобные поправки к Уставу РАК рассматривались в Государственном Совете империи незадолго до продажи Аляски⁶.

⁵ История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / под ред. Н. Н. Болховитинова. М.: Международные отношения, 1999. С. 217.

⁶ Гринев А. В. Еще раз о судьбе Русской Америки / А. В. Гринев // Русская Америка и Дальний Восток, конец XVIII в. 1867 г. К 200-летию образования Российско-Американской компании: материалы международной научной конференции. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2001. С. 47.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ 1904–1917 гг.

Н. Е. Никовырин
(ИАИ РГГУ)

1905 год. Отгремела русско-японская война, газеты огласили условия Портсмутского мира. Хотя они и не унизительны, но война, в которой Россия имела больше сил, ресурсов, войск, – проиграна. Более того, казалось, чтобы еще больше усугубить положение, в стране разразилась революция. Почему так случилось?

В подобные переломные моменты на первый план всегда выходит документ, информация, запечатленная в источнике. И эта война не стала исключением¹. Уже в 1904 г. появилось несколько синхронных событиям (так называемых оперативных) изданий, которые распространяли официальную точку зрения на события, – одни словом, вели «информационную войну» за интересы государства так, как их понимали². В этих изданиях оглашались различные сведения о ходе войны, делались попытки документально показать причины войны, ее возможные последствия.

¹ Подсчитано, что до 1917 г. только мемуарных источников появилось около 350 изданий. По подсчетам военного отдела Российской государственной библиотеки, к концу 1930-х гг., т. е. по прошествии 35 лет со времени окончания дальневосточного конфликта, его англо-, германо-, франко- и русскоязычная историография насчитывала свыше 1 300 книг, из которых примерно половину составляли издания на русском языке (См.: Павлов Д. Б. Российская историография и археография русско-японской войны 1904–1905 гг. Основные периоды, идеи и направления // Отечественная история. 2005. № 3. С. 145).

² Россия. Штаб главнокомандующего всеми вооруженными силами, действующими против Японии... Б. м., 1904; Русско-японская война. Официальные телеграммы с 27 января по 28 апреля 1904 года. СПб., 1905; Гунтиус А. И. О причинах нашей войны с Японией... С приложениями документов. СПб., 1905. 230 с. и др.

Но покрыть информационный голод, а самое главное, – понять причины совершавшихся на глазах трагедии из этих публикаций было невозможно. Так власть приступает к созданию двух специальных военно-исторических комиссий – при Сухопутном Генштабе и при Морском Генштабе, которые были призваны собрать, сохранить все документы недавней баталии, а также начать их официальное издание.

Задача, казалось бы, трудно выполнимая, однако в России подобный опыт уже был. Вскоре после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – 21 марта 1879 г. при Главном штабе организовывается Военно-историческая комиссия по описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг., просуществовавшая до 1912 г. и выпустившая более 150 томов документов³.

Этот опыт был столь удачен, что сразу же после завершения военных действий в сентябре 1906 г. при Главном управлении Генерального штаба организуется Военно-историческая комиссия по описанию русско-японской войны 1904–1905 гг. Ее главной целью стало «всестороннее и беспристрастное выяснение всех наших ошибок и недочетов в только что неудачно закончившейся войне», дабы дать урок на все последующие времена⁴. Председателем Комиссии стал участник войны, генерал-майор В. И. Ромейко-Гурко, а членами – полковники Ф. П. Рерберг, С. П. Илинский, В. Н. Минут, А. М. Хвостов, К. М. Адарики, П. Н. Симанский, М. В. Грулев, Н. Н. Сиверс, инженер-подполковник А. В. фон Шварц, заведующий картографической частью барон Н. А. Корф, в качестве заведующего делопроизводством, архивом и печатанием – подполковник К. К. Агафонов. Так была сформирована Комиссия, призванная сохранить память о войне и найти причины неудач, в состав которой фактически не вошел... ни

³ Комиссия подготовила «Описание войны на Балканском полуострове» в 9 томов (в 14 частях), с приложением атласов в 8 вып.; «Особое прибавление» к этому «Описанию» (не подлежащее оглашению) – 6 вып. (по существу, это секретные выпуски «Сборников материалов»); «Сборники материалов по войне на Балканском полуострове» в 97 вып. и 109 ч. с систематическим указателем; «Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре» и «Сборники материалов» в 4 вып. и 5 ч., а также некоторые другие материалы.

⁴ *Автократов А. В.* Издание исторических документов в СССР (Вопросы истории, теории и методики). Сб. научных трудов. / Главархив СССР, ВНИИДАД, АН СССР. М., 1990. С 145.

один военный историк! Лишь Михаила Владимировича Грулева можно было считать таковым⁵.

Сразу после организации Комиссия начинает систематические розыски документов и их использование, причем с соблюдением всех принятых тогда правил работы с архивными материалами: на руки могло выдаваться не более 10 дел, запрещалось ставить на дела и документы пометы, не членам Комиссии вход в здание архивохранилища воспрещен и т. д.

У каждого сотрудника Комиссии был определен круг задач, над выполнением которых он трудился, чаще с помощниками. Работа организовывалась по-военному четко, что видно на примере записей полковника Ф. П. Рерберга⁶. Он имел, например, план своей работы, который представлял собой таблицы с графами: «содержание задачи», «просмотренные №№ дел» (относящиеся к поставленной задаче, но иногда проставлялись и страницы из этих дел), «просмотренное количество листов», «когда сдано». Так день за днем каждый из сотрудников вел свой журнал, причем туда же заносились и выписки из просмотренных дел.

Комиссии, кроме своих непосредственных обязанностей, приходилось заниматься подбором помещений для хранения материалов и организации работы с ними, подбором персонала, изысканием средств (!) на публикацию изданий, даже договариваться с типографиями.

Но несмотря на эти организационные заботы вскоре начинается выпуск в свет собранных источников. Основным изданием стали выпуски сборника документов «Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны», выходявшего в свет с 1906 по 1910 г.⁷ Здесь было опубликовано, по одним данным, около 10 000 дел⁸, а по другим, – бо-

⁵ Грулев Михаил Владимирович (20 августа 1857, Режица Витебской губернии – 17 сентября 1943, Ницца), участник русско-японской войны и член Комиссии в 1907–1909 гг. Будучи военным, он тем не менее постоянно писал и публиковался (в журналах, отдельных изданиях). Эти действительно интересные и ценные сочинения переводились, в том числе и самим автором, на иностранные языки.

⁶ РГВИА. Ф. 487. д. 2460.

⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны: в 9 т. СПб., 1910.

⁸ *Автократов А. В.* Издание исторических документов... Указ. соч. С. 145.

лее 12 000 единиц хранения⁹, поступивших из Общего архива Главного штаба и новейших (на тот момент) дел Лефортовского архива. Этот огромный труд стал в итоге наиболее полной летописью событий и осветил в общих чертах весь ход войны. Однако считать эту публикацию исчерпывающей было нельзя. В итоге большинство последующих работ, опираясь на этот комплекс, сознательно или случайно согласовывали свои выводы с опубликованными материалами Комиссии¹⁰.

Вторая комиссия – Историческая комиссия по описанию действий флота в русско-японскую войну 1904–1905 гг. была создана в 1908 г. при Морском Генеральном штабе.

Плодами ее трудов стало как бы две серии. Первая из них – «Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы»¹¹ – выходила в 10 томах, скомпонованных в 4 отдела. Эти сборники выпускались с 1911 по 1914 г. и составляли «закрытую» версию. Они были предназначены для командования и офицеров Военно-морского флота, не подлежали оглашению, копированию, на них запрещалось ссылаться на протяжении 25 лет, ибо опубликованные там материалы могли повлиять на международное и внутреннее положение страны. Другой «серией» стал 7-томник «Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском генеральном штабе»¹², который выходил с 1912 по 1917 г.

⁹ Военно-историческая комиссия по описанию русско-японской войны 1904–1905 гг. // Международная военно-историческая ассоциация [Электронный ресурс]. URL: http://www.imha.ru/knowledge_base/base-3/1144535711-voenno-istoricheskaya-komissiya-po-opisaniyu-russko-yaponskoj-voyny-1904-05-gg.html#.US6RZqK8n04 (дата обращения 22.02.2012); Павлов Д. Б. Российская историография и археография... Указ. соч. С. 144.

¹⁰ *Свечин А. А.* Русско-Японская война 1904–1905 гг. По документальным данным труда Военно-исторической комиссии и другим источникам А. Свечина ген. штаба подполковника. Очерк Порт-Артурской операции Ю. Д. Романовского ген. штаба подполковника. Ораниенбаум: офицерск. стрелк. школа, 1910.

¹¹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1907–1913.

¹² Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском генеральном штабе. СПб., 1913–1917.

В этой комиссии председательствовали сначала капитан 1-го ранга А. А. Ливен (1908), затем вице-адмирал А. Гейден (1908–1917), а участников насчитывалось более десяти: капитан 2-го ранга А. А. Сухомлин, князь Н. С. Путятин, контр-адмирал А. Г. Бутаков, морской врач контр-адмирал Ф. В. Римский-Корсаков, А. А. Долгоруков, капитан 1-го ранга А. А. Макалинский, капитан 1-го ранга А. П. Капнист, штаб-офицер Морского Генерального штаба, сотрудник исторического отдела и капитан 2-го ранга А. В. Немитц, офицеры А. Н. Минин, Н. В. Новиков, А. И. Лебедев, капитан 2-го ранга К. Г. Житков, Н. П. Каллистов, В. Г. Гончаров и др.

Работа шла медленно из-за занятости сотрудников, большинство которых совмещало работу в комиссии с непосредственными военными обязанностями (в это время уже шла Первая мировая война), однако подавляющее большинство материалов, несмотря на задержку во времени, удалось собрать. Огромное количество материалов было сохранено благодаря трудам этой Комиссии. Среди них – вахтенные журналы уцелевших кораблей, рапорты командиров, показания офицеров в Следственной комиссии по выяснению обстоятельств Цусимского боя и т. п.

В центре внимания обеих комиссий находился поиск причин поражения России в войне, но революция существенно осложняла свободное исследование (если о таковом вообще можно было говорить в условиях военного ведомства). К изданиям обеих комиссий прикрепился ярлык «официальной истории» русско-японской войны, причем как стороны проигравшей.

Если представить общее количество дел и документов, образовавшихся в ходе только непосредственных боевых действий, надо сказать, что даже десятки этих опубликованных сборников – лишь «капля в море». Но даже она давала в руки как свидетелей событий, так тем более и последующих поколений историков уникальные свидетельства.

* * *

Однако только этим значение деятельности комиссий не исчерпывалось. Если военная археография – как особая «ветвь» археографии, начала формироваться в России еще со второй половины XIX в., то именно события Русско-японской войны и последующая «работа над ошибками» в этих исторических военных комиссиях окончательно конституировали у нас военную археографию. Весьма любопытным способом подачи материала стала, например, публикация документов

в виде приложений к большим исследованиям, посвященным отдельным моментам войны, которая практиковалась в комиссиях.

Русско-японская война чрезвычайно оживила отечественную мемуаристику. Живые отклики на события, письма с фронтов, воспоминания, — чаще всего они появлялись на страницах исторических журналов и тематических сборников («Военный сборник», «Минувшие годы», «Море», «Офицерская жизнь», «Пограничник», «Разведчик» и др.), но некоторые выходили и отдельными изданиями, причем неоднократно, например дневники А. Н. Куропаткина или воспоминания П. И. Мищенко¹³.

Издание документов личного происхождения имело большое значение уже потому, что впоследствии большая их часть была забыта, как и сами герои. Публикации нередко затрагивали вопросы, которых не касалась официальная история. Являясь отличным материалом для военной антропологии, они, помимо фактического материала, отображают личные переживания человека.

* * *

Октябрьская революция и последующая Гражданская война прервала работу над публикацией истории русско-японской войны. Вместе с тем отдельные сюжеты, которые не затрагивались в дореволюционный период, — дипломатические отношения, шпионаж, — попытались раскрыть в своих работах историки советского времени¹⁴, хотя прежде всего тот далекий военный конфликт, существенно изменивший соотношение сил на Дальнем востоке, интересовал лишь в контексте революции 1905–1907 гг. Богатейшие комплексы, собранные сразу после войны, оказались невостребованными. И тем не ме-

¹³ *Куропаткин А. Н.* Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны / под ред. Н. Л. Волконского. СПб.: 1906; *Он же.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Т. 1–4. СПб.; Варшава, 1906–1907; *Он же.* Задачи русской армии. Т. I–3. СПб., 1910; *Куропаткин А. Н.* Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. М., 1911; *Апушкин В. А.* Мищенко. Из воспоминаний о Русско-японской войне. СПб., 1908.

¹⁴ Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Ливевича. Л., 1925; Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия сухопутных войск. Сб. док. / ред. В. Е. Белолипецкий. М., 1941; Японский шпионаж в царской России. Сб. док. / под ред. П. Софинова. М., 1944; Внешняя политика России XIX и начала XX в. Док. российского Министерства иностранных дел. Сер. 1. Т. 1–8. М., 1960–1972; Сер. 2. Т. 1–7. М., 1974–1992 и др.

нее сегодня, даже спустя 100 лет, публикации Военно-исторической комиссии сухопутного Генштаба и Исторической комиссии Морского Генштаба, несмотря на гораздо большую доступность архивных материалов, по богатству собранного и обработанного фактического материала не потеряли своего научного значения.

КАЗАХСТАНСКО-ГЕРМАНСКОЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Л. Н. Нурсултанова, д.и.н.

(Казахская инженерно-техническая академия, Казахстан)

Среди стран Западной Европы важное значение Казахстан придает сотрудничеству с Германией. Государственный суверенитет Республики Казахстан был признан Федеративной Республикой Германия 31 декабря 1991 г. Дипломатические отношения установлены 11 февраля 1992 г. Основа для казахстанско-германского сотрудничества была заложена в сентябре 1992 г. в ходе первого визита Президента Н. Назарбаева в ФРГ и подписания Совместного заявления об основах отношений, а также ряда договоров и соглашений в различных областях.

В Соглашении между Правительством ФРГ и Правительством РК о поощрении и взаимной защите капиталовложений, подписанном в 1992 г., стороны договорились о следующем: способствовать осуществлению инвестиций граждан или компаний других; не наносить ущерб случайными или дискриминационными мерами управлению, обслуживанию или использованию капиталовложений, осуществляющихся на ее территории гражданами или компаниями одной из договаривающихся сторон; создавать условия для инвестиций, принадлежащих или контролируемых гражданами или компаниями других договаривающихся сторон не менее благоприятных, чем для инвестиций, осуществляемых ее собственными гражданами или компаниями; обеспечивать равную защиту капиталовложений граждан или компаний любой из договаривающихся сторон и т. д.

В общем, данное Соглашение, подписанное в 1992 г. между Правительствами РК и ФРГ, было продлено на 15 лет с даты его подписания¹.

¹ АП РК. Ф. 75–Н. Оп. 1. Д. 81. Л. 1–6.

В 1995 году заключены контракты на приобретение оборудования на строительство заводов, молочного комплекса, технического перевооружения, мясоперерабатывающих производств².

В Казахстане зарегистрировано порядка 688 совместных предприятий с участием германского капитала. Еще одним подтверждением тесного экономического и культурного сотрудничества Казахстана и Германии стало проведение в 2010 г. «Года Германии в Казахстане». 3 февраля 2010 г. К. Пипер, государственный министр МИД ФРГ, открыла «Год Германии в Казахстане» в г. Астане во Дворце мира и согласия. Решение объявить 2009-й и 2010-й годами германо-казахстанского партнерства было принято во время официального визита Президента Германии Х. Келера в Казахстан в 2008 г. В 2009 г. прошел «Год Казахстана в Германии».

Во время визита федерального канцлера Германии А. Меркель в Казахстан, который так же состоялся в рамках года Германии в Казахстане в июле 2010 г. были подписаны коммерческие договоры на общую сумму 2,2 млрд евро и двусторонние соглашения в сферах экономики, здравоохранения и поддержки малого и среднего бизнеса.

В рамках Программы инновационно-инвестиционного партнерства между РК и ФРГ реализуется более 50 приоритетных экономических проектов. Казахстан также может заимствовать германский опыт по внедрению возобновляемых источников энергии, энергосбережения, озеленении, менеджменте водных ресурсов.

Концерн «Thyssen Krupp» участвует в Программе «30 корпоративных лидеров в Казахстане» и является поставщиком оборудования и технологии для производства металлического кремния в Карагандинской области. В качестве примера успешной деятельности германских предприятий в РК можно назвать строительную компанию «Кнауф», расширяющую производство³.

Содержательное наполнение программы визита главы государства Н. А. Назарбаева в феврале 2012 г. в Берлин свидетельствует об укреплении политических контактов, диверсификации торгово-экономического сотрудничества и укреплении культурно-гуманитарного взаимодействия двух стран. Нурсултан Назарбаев провел более десятка встреч с высшим руководством ФРГ, ведущими политическими деятелями, представителями деловых кругов Германии. Подписан ряд важнейших документов.

² АП РК. Ф. 75-Н. Оп. 1. Д. 1639. Л. 64.

³ Дипломатия жаршысы. 2009. № 1 (19) С. 138–139.

Приоритетность европейского вектора Астаны и восточная политика Германии позволяют выстраивать тесные отношения по многим ключевым аспектам сотрудничества. Однако потенциал в этой сфере далеко не исчерпан. А потому стороны активно используют все возможности для дальнейшего развития плодотворного и взаимовыгодного партнерства, в том числе путем создания диалоговых площадок для обсуждения ключевых вопросов.

Президент подчеркнул особую важность подписанного соглашения в сырьевой, промышленной и технологической сферах. В связи с этим открываются перспективы сотрудничества в сфере металлургии, добычи редких металлов, машиностроения, сельского хозяйства, транспорта, телекоммуникаций, образования и медицины.

Подводя итоги переговоров можно констатировать, что приняты важные решения по активизации взаимодействия в сфере экономики. Подписан пакет из 50 коммерческих контактов на внушительную сумму – около 4 миллиардов евро, а также ряд важных межправительственных соглашений, открывающих, без преувеличения, новую эру в партнерстве Казахстана и Германии⁴.

Наша республика является ведущим экономическим партнером Германии в Центральной Азии, а ФРГ – одним из основных наших торговых партнеров в Европе. По итогам 2010 г. взаимный товарооборот вырос на 43 %, преодолев отметку в 5,2 млрд евро. В первом полугодии 2011 г. цифра составила 3,5 млрд евро (рост 26 %). Это примерно 85 % от всего объема внешней торговли Германии с государствами Центрально-Азиатского региона.

Казахстан приобретает все большую значимость для энергетической безопасности Европы. Наша страна входит в тройку ведущих поставщиков нефти в Германию. Можно увеличить свой вклад в обеспечение энергетических потребностей ФРГ при условии масштабных инвестиций и внедрения передовых технологий, включая энергосбережение и альтернативную энергетику. В связи с этим в последнее время активно прорабатывается вопрос о продвижении сотрудничества по формуле «сырье в обмен на инвестиции и технологии» и подписании соответствующего соглашения.

Правительственные и экономические делегации РК принимают участие в крупнейших международных выставках Германии: сельскохозяйственной – «Зеленая неделя», туристической – ITB, аэрокос-

⁴ Жандаулетов В. Партнерство во имя будущего // Промышленность Казахстана 2011. № 1 (70). С. 8–11.

мической – ИЛА и транспортно-логистической – Innotrans в Берлине, а также в Ганноверской промышленной ярмарке⁵. В начале февраля 2013 г. министр иностранных дел Республики Казахстан Е. Идрисов по приглашению германского коллеги Федерального министра иностранных дел Гидо Вестервелле посетил с официальным визитом ФРГ.

Подписаны три документа с Немецким энергетическим агентством (DENA), германским Штайнбайс-центром и компанией EMD GmbH о сотрудничестве по вопросам энергоэффективности, развития возобновляемых источников энергии и создания казахстанско-германского Центра трансферта технологий, имеющих перспективные направления в качестве подготовки Казахстана к выставке «ЭКСПО – 2017».

По итогам 2011 г. товарооборот достиг докризисных показателей и превысил 6,2 млрд евро. Как известно, Казахстан входит в тройку ведущих поставщиков сырой нефти в ФРГ (без учета стран ОПЕК), а удельный вес товарооборота между РК и ФРГ составляет свыше 65 % внешней торговли Германии со всеми странами Центральной Азии и Южного Кавказа.

Важным пунктом визита стало выступление министра иностранных дел РК на пятом заседании Берлинского евразийского клуба, в работе которого с германской стороны приняли участие видные политические деятели и эксперты, представители деловых кругов и СМИ. По итогам встречи руководители дипломатических ведомств РК и ФРГ подписали совместную декларацию, направленную на расширение сотрудничества между внешнеполитическими ведомствами двух стран.

Таким образом, сотрудничество Казахстана с европейскими странами отвечает национальным интересам Республики и международного сообщества в целом.

⁵ КАЗИНФОРМ. 1 февраля 2013 г.

ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

А. С. Опилкин, к.и.н.
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

1905–1907 гг. – время тяжелых, вынужденных перемен в системе управления Российской империи.

Как в этих условиях работала та часть бюрократии, в обязанности которой входило обеспечение порядка внутривнутриполитической жизни того, что до 1917 г. называлось предупреждением и расследованием государственных преступлений? Как формальные и неформальные «правила игры» влияли на работу системы на региональном уровне? Основное внимание уделено политическому розыску России начала XX в.: Департаменту полиции (далее ДП), Отдельному корпусу жандармов (далее ОКЖ), жандармским управлениям, охранным отделениям и др. органам политической полиции.

Необходимо отметить, что с момента создания ДП в 1880 г. и до преобразований 1913–1914 гг. в системе политической полиции господствовал следующий принцип структурных изменений: новые органы учреждались не *вместо* старых, неэффективных, а *в дополнение* к последним. В результате создаваемые с 1902 г. розыскные пункты и охранные отделения усложнили систему политической полиции, спровоцировав в ней еще один контур напряжения, т. к. учреждались в губерниях, где уже имелись жандармские управления.

Характерной чертой региональных органов политического розыска была слабая координация действий органов политической полиции из разных регионов, как правило, не выходявшая за рамки формальных письменных запросов и ответов на них.

Департаменту полиции было трудно обеспечить согласованную работу жандармских управлений и охранных отделений в силу его удаленности от театра действий и отсутствия других методов управления региональными органами, кроме различных вариантов служебной переписки.

Нечастые проверки констатировали «не вполне удовлетворительное» положение дел на местах. После чего из ДП «вниз» направлялось

указание исправить ситуацию в той или иной губернии. Начальники жандармских управлений что-то делали/не делали в этом направлении, после чего их доклады о ситуации в регионах вновь становились единственным источником информации для департамента вплоть до следующей проверки.

Противостояние гражданского начала в лице ДП и военного начала в лице ОКЖ было одной из отличительных особенностей политической полиции России начала XX в. Руководство департамента требовало эффективной работы региональных органов розыска, применения методов «внутреннего и наружного наблюдения», несмотря на различные формальные препоны. Штаб корпуса стремился сохранить устоявшийся за десятилетия порядок назначения на должности начальников губернских жандармских управлений (далее ГЖУ), исходя из воинского звания и продолжительности службы, невзирая на их компетентность.

На протяжении 1900-х гг. в этом противостоянии все больший перевес получал ДП. Одним из его успехов стало создание в 1906–1907 гг. районных охранных отделений (РОО). Последние действовали на территории нескольких губерний и им были подчинены региональные органы политической полиции в вопросах борьбы с революционерами¹.

Районные отделения, взявшие на себя функции координации и управления органами розыска, должны были своими действиями компенсировать пассивность и непрофессионализм служащих жандармских управлений и охранных отделений. Однако на практике дело обстояло гораздо сложнее.

Местные охранные отделения создавались только в пунктах наиболее оживленного революционного движения. Например, на территории 12 губерний Центрально-Европейской России, окружавших Москву, охранные отделения были созданы лишь в Ярославле и Нижнем Новгороде.

ГЖУ были обременены массой функций помимо борьбы с революционерами и производства следственных действий. При этом число офицеров и унтер-офицеров большинства жандармских управлений не превышало 30–40 человек². В дополнение необходимо отметить,

¹ См.: Положение о районных охранных отделениях // *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 386–391.

² См., напр.: ГА РФ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 3020. Л. 38.

что служащие многих жандармских управлений до 1906–1907 гг. не вербовали и не внедряли в революционные организации секретных сотрудников, не вели слежку за членами этих организаций, т. е. не осуществляли того комплекса секретных мер, который предшествует формальному расследованию и требует особой квалификации.

Анализ деятельности Центрального (Московского) РОО показывает, что новые методы работы в жандармских управлениях внедрялись достаточно долго и трудно. Одной из ключевых проблем было нежелание и/или неумение эти методы применять. И если с неумением можно было справиться хотя бы частично в процессе обучения, то нежелание порождало порой неразрешимые трудности.

Дело в том, что на протяжении длительного времени, вплоть до 1911–1912 гг. начальники ГЖУ практически не увольнялись в отставку за некомпетентность. Наиболее суровой мерой был перевод на аналогичные должности в более спокойные в революционном отношении регионы.

В данном контексте интересно противостояние Центрального РОО и руководителя Орловского ГЖУ, которое с перерывами длилось около четырех лет. Судя по докладу начальника Центрального РОО М. Ф. фон Котена 1908 г.³, руководитель Орловского ГЖУ систематически предоставлял в Департамент полиции недостоверную информацию о революционной ситуации в губернии и о своих действиях.

Интересно, что если начальник ГЖУ был некомпетентен или не считал нужным что-либо делать, то районное отделение не могло его ни заставить работать, ни уволить. Начальнику РОО не оставалось ничего иного, как писать в Департамент полиции и надеяться на принятие решения «сверху».

Позже, летом 1910 г. ДП направил начальнику Орловского ГЖУ «указания... о необходимости с его стороны принять действительные меры к более рациональной постановке» политического розыска в губернии⁴. Проверка реализации данных указаний, проведенная Центральным РОО летом 1911 г. показала, что положение вещей в управлении не изменилось⁵.

От районного отделения, в свою очередь, требовались меры с целью организации «однообразия приемов розыска по всей губернии»⁶.

³ См.: ГА РФ. Ф. 280. Оп. 1, 1907. Д. 3004. Л. 181–181 об.

⁴ ГА РФ. Ф. 280. Оп. 5. 1911. Д. 5000 (5). Л. 17.

⁵ Там же. Л. 17 об.

⁶ Там же. Л. 18.

Формальное требование департамента об «инструктировании» помощников начальника управления, который в течение года (!) не предпринял продуктивных действий для выполнения приказа ДП, было обречено на неисполнение. Показательно, что полковник, руководивший Орловским ГЖУ как минимум с 1907 г.⁷, оставался на своем посту вплоть до 1912 г. и был произведен в следующее звание, став генерал-майором⁸.

Не все пилоты – асы. По аналогии можно сказать, что руководители наиболее многочисленных органов политического розыска – жандармских управлений и охранных отделений также далеко не всегда были лучшими из лучших в своем деле.

Наглядно это видно в следующей ситуации. 4 февраля 1909 г., помощник начальника Центрального РОО докладывал в ДП: «... розыскные органы местностей Района, от коих состоялись выборы делегатов на областную конференцию РСДРП, не располагали сведениями об избранных делегатах вследствие недостаточного освещения организаций внутренней агентурой»⁹. Таким образом, своеобразный экзамен на наличие секретной агентуры по одной из основных партий в феврале 1909 г. провалили все жандармские управления и охранные отделения района.

Приведенные выше случаи – не просто отдельные ситуации, а наиболее яркие проявления распространенных практик. Несмотря на определенное повышение «качества» работы региональных органов розыска, большинству из них было далеко до осведомленности столичных охранных отделений и РОО. Даже увольнение и перемещение целого ряда начальников жандармских управлений не компенсировало ликвидацию большинства охранных отделений и РОО в 1913–1914 гг., т. к. была уничтожена более-менее работающая система контроля работы жандармских управлений и «помощи» последним со стороны районных отделений.

Ослабление позиций ДП в ходе этих преобразований (именно департамент был инициатором, проводником и основным выгодоприобретателем при создании местных и районных охранных отделений в виде организации более эффективной системы политического розыска и контроля над ней) вкупе с возвращением к старым формам взаимодействия с ГЖУ порождало желание руководителей жандармских

⁷ ГА РФ. Ф. 280. Оп. 1, 1907. Д. 3081 Л. 14 об.

⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 1912. Д. 194. Л. 121 об.

⁹ ГА РФ. Ф. 280. Оп. 2, 1908. Д. 5007. Л. 21.

управлений вернуться к неспешной и менее сложной работе без вербовки секретных сотрудников, слежки за революционерами и проч.

Десятилетнее усиление, при всех оговорках, ДП в его противостоянии с ОКЖ и, соответственно, преобладание требований компетентности и эффективности в противовес идеям лояльности и «порядка» закончилось в преддверии Первой мировой войны.

**К ВОПРОСУ О «СТЕНЕ НЕДОВЕРИЯ»
МЕЖДУ ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКИМИ
ГОСУДАРСТВАМИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД:
АНАЛИЗ ПРЕТЕНЗИЙ ВЕНГРИИ К ЧЕХОСЛОВАКИИ
ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ ТРИАНОНСКОГО
МИРНОГО ДОГОВОРА**

*А. О. Пеганов
(Университет Дени Дидро, Франция)*

Запущенная Первой мировой войной радикальная политическая трансформация Центрально-Восточной Европы завершилась по большей части только в 1920–1921 гг., когда государства, образованные на обломках империй Габсбургов, Гогенцоллернов и Романовых, перешли к решению споров от военных методов к дипломатии. Данный доклад рассматривает комплекс претензий, выполнение которых Венгрия считала необходимым для нормализации политических (и как следствие – экономических) отношений с Чехословакией. Большинство из перечисленных вопросов, впервые поднятых на переговорах в 1920–1921 гг., играли важную роль в диалоге между Будапештом и Прагой на протяжении всего межвоенного периода.

В целом, отношения между Венгрией и Чехословацкой Республикой (ЧСР) в 1918–1939 гг. были отягощены атмосферой враждебности и недоверия. Первоначально конфликт между ними был завязан на борьбе за территории, которые до 1918 г. входили в состав Венгрии, и где среди этнических групп доминировало славянское население (словаки и русины). В течение декабря 1918 – августа 1919 г. ЧСР, указывая, что речь шла об освобождении Словакии и Подкарпатской Руси (ПР), заняла около 63 тыс. км² территорий Северной Венгрии, где тем не менее среди 3,5 млн жителей проживало около 1 млн мадьяр. Подписанный 4 июня 1920 г. Антантой и ее союзницами с Венгрией Трианонский мирный договор завершил правовую часть спора за обладание Словакией и Подкарпатьем, признав их объединение с ЧСР.

Начиная с осени 1920 г. в отношениях между Венгрией и ЧСР открылся период «оттепели», которые вылилась в три раунда билате-

ральных переговоров на высшем уровне в 1921 г.: в марте венгерский министр иностранных дел Густав Грац встретился со своим чехословацким коллегой Эдуардом Бенешем, а в июне и сентябре преемник Граца – Миклош Банффи дважды посетил Бенеша в ЧСР. Несмотря на симптомы примирения, Венгрия и ЧСР так и не смогли наладить дружелюбный диалог. Осенью 1921 г., после неудачной попытки Габсбургов возвращения на венгерский трон, вызвавшей чехословацкую угрозу интервенции в Венгрию, стало ясно, что «оттепель» на среднем Дунае закончилась.

Попытки сближения между Будапештом и Прагой неизменно упирались в ряд обоюдных претензий. Венгерская сторона чаще всего апеллировала к следующим вопросам:

1. Коррекция границ. Притушенный, но не ликвидированный Трианонским миром территориальный спор за Словакию и Подкарпатскую Русь оставался главной причиной напряженности между Будапештом и Прагой. Для режима венгерского регента Миклоша Хорти лозунг территориальной ревизии стал политической аксиомой. Касаясь ЧСР, требования ревизии колебались между возвращением этнических мажарских территорий (Житного острова, приграничной полосы от Новых Замков до Рожнявы) и Восточной Словакии и ПР, имевших стратегическое значение. Будапешт ставил нормализацию политико-экономических отношений с ЧСР в зависимость в первую очередь от решения территориального вопроса.

Возможность заключения территориальных уступок не исключалось в Праге, однако, в ответ на их осуществление чехи требовали отказа в Будапеште от дальнейшего ревизионизма и настаивали на предоставлении словакам Венгрии автономии. Впрочем, Прага давала понять, что территориальные претензии могут носить двухсторонний характер, указывая, что Словакия была заинтересована в проведении границ по горному массиву Матры в Венгрии. Территориальный компромисс между двумя государствами так и не был достигнут, что роковым образом повлияло на ход межвоенных чехословацко-венгерских отношений.

2. Венгерское меньшинство и апатриды. Отдельной причиной, осложнявшей отношения между Будапештом и Прагой, было ущемление (нелояльного Праге) населения Словакии и ПР. Наиболее остро это проявилось в вопросе наделения населения Словакии и Подкарпатской Руси гражданства, поскольку чехословацкие власти не позволили обширной группе населения своих восточных провинций получить гражданство республики. В результате в 1921 г. в Словакии 239 тыс. чел. оказались «иностранцами», среди которых значительная

часть принадлежала к автохтонному населению, в первую очередь – этническим венграм.

Лишение гражданства стало эффективным репрессивным инструментом чехословацких властей, поскольку неграждане не только исключались из политической жизни, но и могли быть легко депортированы. Проблема гражданства постоянно присутствовала при всех попытках чехословацко-венгерского сближения. По словам словацкого политика Марко Гажика, МВД ЧСР неизменно занимало отрицательную позицию в вопросе предоставления гражданства всему населению Словакии и Подкарпатье, поскольку это дало бы право голоса 80–100 тыс. «антигосударственно мыслящих элементов»¹. Будапешт также постоянно обращал внимание Праги на недопущение притеснения венгерского населения в его языковых, культурных, политических и экономических правах.

3. Аграрная реформа и колонизация. Проводимая в ЧСР с 1919 г. аграрная реформа служила постоянным объектом критики Будапешта. Во-первых, земельными «донорами» в ЧСР преимущественно выступала венгерская аристократия, а во-вторых, мадьярское меньшинство было практически исключено из числа бенефициариев. Отдельно осуждалась проводимая руками аграрной реформы «чешская колонизация» Южной Словакии, куда было направлено около 3200 чешских семей². В МИД Венгрии предполагали, что аграрная политика в ЧСР, с одной стороны, была нацелена на ликвидацию венгерского класса крупных землевладельцев, а с другой стороны, ее целью было разжижение компактных венгерских районов поселениями чешских колонистов³.

4. Беженцы. Еще один острый угол в чехословацко-венгерских отношениях составляла проблема беженцев, покинувших Словакию и ПР после 1918 г. Проводимые чехословацкими властями депортации увеличивали его масштаб, а запрет на возвращение консервировал эту

¹ Magyar Országos Levéltár (Венгерский государственный архив, далее MOL), f. KÜM, k. 63, 1930, cs. 42, 7/44 tétel. Magyar királyi konzulatus. Pozsony. 1930. I. 18. 26/pol. 1930. Tárgy: Gázik volt miniszter látogatása. Bártok. Old. 115–118.

² Simon, Attila. A szlovákiai magyar politika és Dél-Szlovákia két világháború közötti kolonizációja. Old. 262–263. In: Integrációs stratégiák a magyar kisebbségek történetében. Somorja: Forum kisebbségkutató intézet, 2006. Old. 444.

³ MOL, f. KÜM, k. 96, cs. 282, 1919–1921, 4 tétel. A csehszlovák földbirtokreform nemzetiség politikai szempontok. Без даты и подписи.

проблему. В течение 1918–1924 гг. в Венгрию прибыло около 150 тыс. человек из ЧСР⁴. На лето 1921 г. в Венгрии было зарегистрировано 29 тыс. депортированных семей из ЧСР, из них 4800 было семьями бывших служащих, против которых чехословацкие власти выдвигали обвинение, что они были «антигосударственным элементом»⁵. Венгрия неоднократно безуспешно поднимала вопрос «возвращения» в ЧСР.

5. ЧСР и венгерская оппозиция. Пребывание с 1919 г. в ЧСР венгерской левой политической эмиграции, развернувшей активную пропагандистскую деятельность против режима Хорти, являлось постоянным «бельмом на глазу» для Будапешта. Венгерские верхи предполагали, что чехословацкое правительство поддерживало контакты с их оппонентами с надеждой привести к власти в Будапеште более покладистое для ЧСР правительство. Также Бенеш предлагал хортистам заменить монархию на республику⁶ и финансировал оппозиционный «либеральный блок» в Венгрии⁷.

6. Чехословацкое давление. Особое недовольство Будапешта вызывала чехословацкая позиция в вопросе реставрации Габсбургов в Венгрии, что приравнивалось в Праге к *casus belli*. Также, на международной арене ЧСР старалась максимально изолировать Венгрию (затрудняя, например, прием Венгрии в Лигу Наций), для того, что бы принудить хортистов к примирению с ЧСР на условиях Праги – окончательном принятии границ и признании лидирующей роли Чехословакии в регионе.

⁴ *Zeidler, Miklós.* A revíziós gondolat. Pozsony: Kalligram, 2009. 390 old. Old. 57.

⁵ MOL, f. KÜM, k. 96, cs. 282. 1919–1921. 4 tétel. Visszatelepítés. 1921. VII.08.

⁶ См., напр.: Národní shromá d ní republiky Československé. 1920–1925. Poslanecká sn movna. Stenoprotokoly 48. sch ze (27. ledna 1921). Режим доступа: <http://www.psp.cz/eknih/1920ns/ps/stenprot/048schuz/s048001.htm> (дата обращения: 27.02.2013).

⁷ Československo na pa ízské mírové konferenci. 1918–1920. Sv. II. Praha: Karolinum, 2011. Dok: 523, str. 49–53.

«...У СЕБЯ ДОМА ИМЕЮ ПОЧТИ ОДНИ ПОРТРЕТЫ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ»: ИЗ ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ В ЕКАТЕРИНБУРГСКОМ ОКРУЖНОМ СУДЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПРОТИВ ЧЕСТИ ИМПЕРАТОРА

*В. А. Полищук
(ГАСО)*

История повседневности служит инструментом более объемного и широкого изучения процессов, происходивших в локальных сообществах прошлого. Материалы уголовных дел воссоздают черты «исключительно нормальной» повседневности, которые выводят нас на «человеческую» историю, т. к. в повседневном проживании конкретных людей формируется социокультурная локальная целостность¹. На первый план выходит личность, ее самоидентификация, формы идентификации через образы моделей поведения рассматриваемого времени². Одним из ключевых понятий повседневности является «поведение», которое неизменно отражает специфику конкретной исторической эпохи и происходившие в ней изменения. Поведение складывается на основе определенных ценностных канонов и нормативных систем, поэтому является ключом к зашифрованным смыслам исторического времени³.

Нарушение господствующего канона поведения влекло за собой уголовное разбирательство. Екатеринбургский окружной суд (1874–1919) активно рассматривал преступления против чести Особы Царствующего Императора. Из обвинительного акта крестьянина Кондратия (внебрачного) Михалева следует: «В 20-х числах апреля месяца 1906 года в Надеждинском заводе крестьянин Кондратий

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 66

² Пушкарева Н. Л. «История повседневности» и «История частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник, 2004., М., 2005. С. 96.

³ Булыгина Т. А. История повседневности и «новая локальная история»: исследовательское поле и исследовательский инструмент [Режим доступа] <http://www.newlocalhistory.com>

(внебрачный) Михалев, будучи выпивши и находясь в своей квартире, в присутствии нескольких лиц, начавших разговоры о беспорядках в России, сказал: «Витте выхлопотал нам манифест, а какой наш Государь!» Он филин, кровопийца, [...]! Хорошие люди для нас стараются, а он, [...], отбирает!». На возникшем по этому поводу в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. дознании в произнесении «вышеприведенных» слов Михалевым было удостоверено показаниями свидетелей Григория Тукмачева и Тимофея Мальцева⁴.

На предварительном полицейском дознании Кондратий Михалев виновным себя в произнесении ругательных слов против чести Императора не признал, объяснив, что «он в означенное время передавал дома лишь разговор, слышанный утром, будто в газетах пишут про Государя и называют его кровопийцем; более же этого он не говорил»⁵. Также Михалев добавил, что «...никогда Государя он не ругал и у себя дома имеет почти одни портреты Царской Семьи»⁶. На основании вышеизложенного, крестьянин Пермской губернии и уезда Кривецкой волости дер. Гришат Кондратий (внебрачный) Михалев, 27 лет, обвиняется в том, «что позволил себе произнести заочные оскорбления Особы Царствующего Императора, назвав Его с присовокуплением бранных матерных слов “филином” и “кровопийцем”, т. е. в преступлении, предусмотр. 3 ч. 103 ст. Угол. Улож.»⁷

По 200 ст. Уст. Угол. Суд. крестьянин Кондратий Михалев подлежал судебному разбирательству без участия присяжных заседателей, при закрытых дверях суда и при отсутствии защитника у обвиняемого. Назначенное судебное разбирательство на 20 ноября 1906 года в Богословском заводе вынесло обвинительный приговор, предусматривавший выплату судебных издержек и «арест на две недели в специальностроенной для него (Михалева) такового помещении, а при неимении такового помещения аресту на тот же срок при полиции, согласно 56 ст. Улож. о нак.»⁸

Материалы уголовных дел неоднократно подтверждают, что традиционные ценностные каноны поведения крестьян в годы революции, активно разрушались извне, публичным обсуждением событий и осуждением власти.

⁴ Государственный архив Свердловской области. Ф. 11. Оп. 7. Д. 305. Л. 2.

⁵ ГАСО. Ф. 11. Оп. 7. Д. 305. Л. 2 об.

⁶ ГАСО. Ф. 11. Оп. 7. Д. 305. Л. 9.

⁷ ГАСО. Ф. 11. Оп. 7. Д. 305. Л. 2 об.

⁸ ГАСО. Ф. 11. Оп. 7. Д. 305. Л. 47.

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТАТЬЯ В. И. ЛАМАНСКОГО «СЛАВЯНСКИЙ СОЮЗ»

*Б. А. Прокудин, к.п.н.
(МГУ имени М. В. Ломоносова)*

Академик Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) был не только кабинетным ученым, филологом и этнографом. Ламанский был активным публицистом и общественным деятелем. В 1860–1870-х гг. он выпустил сотню статей по славянскому вопросу, принимал активное участие в организации Славянского съезда в Москве в 1867 г., был председателем Петербургского славянского благотворительного общества. С Ламанским связана целая эпоха в развитии славянской идеологии в России. В Петербургском университете Ламанский создал самую представительную отечественную школу славяноведения.

Но несмотря на то что Ламанский добивался значительных успехов во всех своих начинаниях, в начале XX в. он был забыт. Труды и идеи Ламанского перестали быть востребованы. Такая несправедливость, как полагает Л. П. Лаптева, автор книги «История славяноведения в России в XIX веке», была связана со сменой эпох, «новое поколение ученых, не исключая и учеников Ламанского, не разделяло уже его политических убеждений и научных теорий, ставших анахронизмом»¹.

Мировоззрение Ламанского было славянофильским. Славянофильский подход к истории определял его политические взгляды и отношение к современному ему славянству. Ламанский был консервативным сторонником самодержавия и панславистом, призывал к объединению славянских народов.

Как и все консерваторы, он был еще «ностальгическим человеком», т. е. не мог удовлетвориться настоящим и искал идеал в прошлом. Ламанский сожалел о том времени, когда существовало «первоначальное славянское единство», покоящееся на «началах народности», и

¹ *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 355.

все славяне были «одной веры». Но это время, по мнению Ламанского, продолжалось не долго. Западные славяне попали под владычество немцев, а южные – турок. Но Ламанский не терял надежды на возвращение «золотого славянского века».

По его логике, если одним только русским из всех славянских народов удалось отстоять свою независимость, славянскую самобытность и построить великую державу, то другим русским предстоит и объединить славянство, вернув ему исконную культуру и долгожданную свободу. Но славянство в свою очередь, по мысли Ламанского, должно ускорить этот процесс, приняв русский язык как литературный, и вернуться в лоно православия. Ламанского вместе с Н. Я. Данилевским, автором «России и Европы», можно считать самыми последовательными панславистами в истории русской мысли.

Однако и у самых горячих пропагандистов славянского единства были минуты сомнений. Доказательством сомнений Ламанского служит его неопубликованная статья «Славянский союз»². Этот текст не дописан. Его набросок поместился на четырех широких листах, мелко исписанных с двух сторон. И если первые страницы рукописи написаны четкой школярской скорописью, то неряшливые строки последних, заваливающиеся куда-то вправо и вниз, не смог бы, наверное, разобрать и сам автор.

В то же время основные мысли статьи понятны. Здесь рассматривается этнологический аспект объединения славянских народов. По тону статья глубоко пессимистична, как будто написана она в минуту глубокого разочарования в перспективах славянского единства, когда Ламанский понял, что славяне не объединятся никогда, именно потому, что они славяне. Есть основания отнести написание этого текста ко времени от начала восстания в Герцеговине и Боснии до вступления русской армии в войну с Турцией, то есть к промежутку 1875–1877 гг., получившему в историографии название «Восточного кризиса».

«В наш век, – начинается статья, – значительные народы в Европе достигли своего объединения. Только мы, славяне, издревле народ многочисленный, одни остались в Европе, в своей старой разрозненности и подчиненности. Тысячелетия <горя> и страдания могли бы нас научить благоразумию, но мы одни <только> не знаем или не хотим знать, как нам следует действовать, дабы освободиться, соединиться и образовать народную державу. Мы даже не согласились в нашем со-

² «Славянский союз». Статья // Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 35. Оп. 2. Д. 124.

знании, как начать дело. Это факт действительный, а что существует, то не случайно и должно иметь свои причины»³.

Ламанский начинает искать причины того, что он называет «болезнью» с симптомами «упадка сил» в славянском мире и «угасания славянского пыла». «Мы не старались опознать причины <этой> болезни, тем менее заботились об ее устранении, об исцелении немощного <тела>. Всякий славянин, какого бы он ни был племени, если он только дорожит гордым именем чистого и разумного патриотизма, должен прежде всего заботиться отысканием первых причин этой нашей славянской болезни, породившей нашу разорванность и подчиненность чужеземцу»⁴.

Ламанский эти причины находит: «Каждое славянское племя, — пишет он, — хотя бы оно жило в величайшем рабстве, с каким-то отчаянным фанатизмом держится своей самой иногда жалкой особенностью, своего племенного имени, которое часто и не народное, а чужое, навязано ему завоевателями, своего особого наречия, на коем почти не напечатано ни одной книги. Без всякой союзной связи, без общего языка, без какого бы то ни было общего знамени народной торжественности, кто может признавать нас за один народ <?!> Пока русский, поляк, чех, серб, хорват, болгарин называет себя своими племенными именами, а черногорец, босняк, далматинец, краинец своим именем племенным, и не хочет признавать высшей связи и более широкого родства, как может иноземец называть нас каким-нибудь общим именем, считать нас за один народ, когда мы сами не признаем никакой общности и предпочитаем оставаться в такой разорванности <?!>»⁵

Ламанский живописует порочный круг славянского эгоцентризма в истории, когда каждая, самая маленькая, народность отстаивала свою самостоятельность, а в результате большие союзы не складывались ввиду отсутствия у кого бы то ни было реальной силы: «Каждая отдельная народность, чем была меньше, тем с большей ревностью хранила свою особенность, боясь как бы через сближение с другой, большей народностью, не слиться с ней. Таким образом, различные народности славянские были не в состоянии из собственного побуждения и предусмотрительности достигнуть высшего единства. А дабы один народ славянский уговорил другой к объединению или привел

³ «Славянский союз». Статья // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 124. Л. 1.

⁴ «Славянский союз». Статья // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 124. Л. 1.

⁵ «Славянский союз». Статья // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 124. Л. 1 об.

бы его к тому против его воли, на это не доставало силы у народов славянских вследствие их слабого государственного строя»⁶.

«Есть одна дурная сторона в славянском характере, – повторяет Ламанский. – Некоторые у нас называют ее любовью к свободе и независимости. Но в сущности, это ничто иное как крайний эгоизм, недозволяющий нам признавать, уважать и чтить добрые качества в другом, да добровольно подчиняться личности личности или личности целому, или целое личности. <...> И вследствие того, что ни один (славянский народ. – *Б. П.*) другому (славянскому народу. – *Б. П.*) не хотел уступить первенство, отдаться его предводительству, славяне были неспособные соединиться ни для какого самого малого предприятия, тем менее общими совокупными силами взять почин какого-нибудь великого дела.

Вот почему в течение веков славянин был пассивен, – продолжает Ламанский, – страшно всегда терпел и поныне терпит, не умел <избавляться> от себялюбивой обособленности <...>, подчиниться авторитету и отдаться высшей мировой идее»⁷.

Горечь и негодование Ламанского по поводу славянской «болезни» усугубляется тем, что все остальные крупные европейские народы, по его мнению, давно преодолели свой эгоизм и сейчас обладают независимостью и могуществом, «хотя и добытым не без великой борьбы»⁸.

После короткого отступления к политической карте Европы, и рассказа об объединительном опыте европейских стран, Ламанский возвращается к своему обвинительному акту: «Есть почтенные люди, – пишет он, – вдохновляемые чистой любовью к славянству, но по несчастию, многие славянские патриоты ограничены и эгоистичны, <...> всякое племя славянское помышляет не о взаимном сближении в общий равноправный союз, а о первенстве и преобладании над всеми другими»⁹.

«Ни одно славянское племя не думает серьезно о союзе с Россией. – Пишет далее Ламанский, человек, большую часть своей жизни призывавший славян к, если не политическому, то культурному союзу. – Тем не менее, – продолжает он, – всякий (славянский народ. – *Б. П.*) желает, чтобы Россия послужила ему своей силой. Как бы ни была

⁶ «Славянский союз». Статья // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 124. Л. 1 об.

⁷ «Славянский союз». Статья // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 124. Л. 1 об.

⁸ «Славянский союз». Статья // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 124. Л. 1 об.

⁹ «Славянский союз». Статья // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 124. Л. 2.

великодушна Россия, но она не станет впадать в такую ошибку, чтобы трудясь за свободу и независимость славянских племен, создавать себе новых противников. <Потом> еще ни одно славянское племя откровенно и искренно не высказалось, что ставши свободным, оно желало бы пользоваться этой свободой только в союзе с Россией. И, зная природу и нрав славян, не имеет ли Россия основания бояться, что освобожденные славянские племена с обычной своей завистью начнут соединяться с чужеземцами, хотя бы и против самой России?»¹⁰.

«Чрезмерный партикуляризм славян мешал учреждению у них даже отдельных государств, а не то, что общего между ними союза. Только в России, – подчеркивает Ламанский, – сильной руке некоторых государей удалось сплотить несколько княжеств в одно государство и связать его сильным государственным строем. Она теперь могущественна и независима и развивается в духе нового времени, медленно, но верно приближается к внутренней народной свободе. Все прочие славяне, не подчиненные русскому железу, захудали и погибли от своего эгоизма и достались в плен немцам, мадьярам и туркам»¹¹.

Ближе к концу статьи Ламанский задается вопросом, стоит ли вообще за таких «братьев» воевать (это, кстати, и позволяет сделать предположение, что статья написана незадолго перед Русско-турецкой войной 1877–1878 гг.). И сам же после некоторых колебаний приходит к тому, что воевать все-таки стоит. И вот почему: «Польши нет, – говорит он, – и если не станет Сербии и Черной горы, а чехи и словенцы распустятся в неметчине, мадьяры истребят словаков и хорват, а турок болгар, то будет ли тогда Россия в силах одолеть объединенную Германию? Вместо того, чтобы распространять образование и усиливаться в Азии, Россия бы лучше будила, подымала и привлекала к себе славянство в Европе. <...> Но если не станет поляков, чехов, сербов, хорватов, словенцев, болгар, то у России не станет братьев и настолько же прибудет противников. <...> Такое народное несчастье, продолжающееся уже второе тысячелетие, довело нас до того, что над нами, самым могущественным народом в Европе, другие меньшие народы <ругаются> как над варварами, не дают славянству, даже самой России, подняться во весь рост. Но не будем винить за это ни ту, ни другую народность, – заключает Ламанский, – но лучше признаемся, что мы <...> грешили и страдали и поныне страдаем от одного обще-

¹⁰ «Славянский союз». Статья // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 124. Л. 3.

¹¹ «Славянский союз». Статья // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 124. Л. 3.

го нам всем недуга, и что нам всем пора скорее от него исцелиться. Но для этого нужно, чтобы славянские люди, которые доросли или говорят, что доросли, до задачи управления народным сознанием и политическими судьбами наших племен, стрясли бы первые с себя свои племенные предрассудки и свои личные корыстные и <суетные> расчеты»¹².

Этим Ламанский заканчивает свою статью, в которой, казалось, уже не будет никакого оптимизма. Призрачная мечта на славянскую взаимность все-таки остается, но осуществиться она сможет только тогда, когда сами славяне изменятся и «повзрослеют». Что касается вопроса «войны за славянское дело», в этой статье Ламанский высказывается с предельной откровенностью. Славяне, по его мнению, не достойны, чтобы Россия за них воевала, но в Сербии Россия должна воевать исключительно ради своих национальных интересов, чтобы, выражаясь современным языком, буферная зона между Россией и Европой оставалась прорусской.

Статья «Славянский союз» заставляет по-новому взглянуть вообще на панславизм. До XX в. славяне действительно были в массе своей политически несвободны, и многим, по-видимому, казалось, что не будь немцев и турок, не будь мадьяр, британского флота, всех этих многочисленных врагов, славянские народы, разумеется, сразу объединились бы, и над Восточной Европой слышны были бы одни только «братские лобзанья». Иллюзорность таких представлений ярко демонстрирует тот факт, что после распада Австро-Венгрии славяне не создали единого государства, а предпочли провозгласить свои суверенитеты. Сегодня на наших глазах рушатся последние неэтнические скрепы, Черногория путем референдума отделилась от Сербии, не говоря уже о кровавых событиях, связанных с разрушением Югославии.

Больше того, можно сказать, что статья «Славянский союз» характеризует «жизненную драму» славянофила Ламанского, осознавшего, что славяне никакие не «братские», а всего лишь «буферные» страны, находящиеся между Россией и Западом и циклически меняющие свой вектор союзнических отношений то к Западу, то к России, в зависимости от того, кто в данный момент сильнее и «дружба» с кем сулит материальные блага.

¹² «Славянский союз». Статья // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 124. Л. 3.

ИНСТИТУТ КОМИССАРОВ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

А. А. Пысин
(ЦДООСО)

В научной литературе советского и настоящего времени до сих пор недостаточно изучено функционирование комиссаров Временного правительства на местах. В советское время основное внимание в изучении уделялось советам. Думается, что без изучения деятельности правительственных комиссаров на местах не может сложиться объективная картина событий в революционном 1917 г.

Губернатор М. А. Лозина-Лозинский 6 марта 1917 г. сложил с себя полномочия. С этого времени в обязанности губернского и уездных комиссаров стали вступать председатели губернской и уездных земских управ. Весной институт комиссаров встраивался в местные условия, обусловленные появлением общественных организаций (Комитеты общественной безопасности (КОБы), Советы и др.), игравших значительную роль в жизни региона. В литературе ситуацию в 1917 г. определяют понятиями «двоевластие» или «многовластие», которое на деле оборачивалось анархией¹. Думается, что подобные определения для положения в Пермской губернии 1917 г. не совсем подходят, и действительность была куда менее определенной, чем эти понятия.

Под давлением КОБов и Советов комиссары Временного правительства были переизбраны. Первым покинул свою должность губернского комиссара председатель губернской земской управы Е. Д. Калугин в конце марта 1917 г. С апреля по май сменились почти все уездные комиссары, кроме верхотурского. На собрании делегатов от городов и уездов Пермской губернии 22–23 марта 1917 г. был избран временным губернским комиссаром инженер, замести-

¹ Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд., 1967; *Попов Н. Н., Бугров Д. В.* Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург: Наука, 1997; *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 52.

тель председателя Пермского КОБа, эсер А. Е. Ширяев и комиссариат – коллегиальный орган из представителей земского и городского самоуправлений, Уральского (Пермского) совета рабочих и солдатских депутатов и от крестьян (Уралсовет). Выборные комиссариаты из представителей различных организаций создавались и в уездах. Не было их только в Кунгурском и Камышловском уездах. Это был орган, который должен был обеспечить коллективное управление с участием различных групп населения в управлении, существование которого придавало большую легитимность распоряжениям комиссара. К августу комиссариаты перестали пользоваться успехом из-за того, что принцип единоличного принятия решений возобладал и из-за абсентеизма членов². Губернский комиссариат перестал собираться с июля-августа.

Приход к власти на губернском уровне общественных деятелей, не знакомых с чиновничьей работой, оказался довольно обременительным для них, и А. Е. Ширяев принял участие в выборах городского главы и в конце мая просил об отставке. Планировалось, что обязанности комиссара перейдут члену комиссариата С. И. Бондареву, но и он не пожелал их принять. Позднее А. Е. Ширяев вспоминал, что деятельность губернского комиссара стала приобретать бюрократический характер, а потому он покинул свой пост³. Новым губернским комиссаром стал прапорщик 162-го запасного полка, присяжный поверенный Б. А. Турчевич.

Комиссары находились в постоянном контакте с земствами, КОБаами, Советами, что позволяло избегать двоевластия и поддерживать относительный порядок в управлении. К тому же в Советах большинством были эсеры и меньшевики, которые на власть не претендовали, и переизбранные весной комиссары, если и не были социалистами, то были близки к ним. Пермский губернский комиссар Б. А. Турчевич, будучи эсером, с марта до 9 августа входил в исполком Уралсовета, Кунгурский уездный комиссар И. А. Гиренко входил в исполком Кунгурского Совета, Екатеринбургский комиссар И. Ф. Толстоухов был депутатом Екатеринбургского Совета, Оханский комиссар А. Р. Дягилев, являлся председателем уездного исполкома (организация, подобная КОБу. – А. П.).

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1788. Оп. 2. Д. 184. Л. 68.

³ Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8799. Л. 232.

Существовала практика информирования и сотрудничества между губернским комиссаром и Уралсоветом. Эта практика появилась еще при Е. Д. Калугине. Губернский комиссар привлекал Уралсовет при улаживании конфликтов на заводах. Так было, когда для улаживания отношений между рабочими и администрацией Сосьвинского завода губернский комиссар, кроме Верхотурского комиссара И. Я. Черемных, просил Уралсовет командировать туда своего депутата⁴. Для разрешения проблем на предприятиях иногда создавались комиссии, в которые могли входить уездные комиссары, представители Советов, КОБов, ведомств. Такая комиссия создавалась для выяснения причин перебоя с углем на копиях С. С. Абамелек-Лазарева. В эту комиссию должны были войти представители губернского комиссариата, Уралсовета, местного совета.

Комиссарами, как утверждал губернский комиссар Б. А. Турчевич, несмотря на различия политических взглядов, «твердо и определенно проводится общее направление деятельности в духе правильно усвоенного курса течения правительственной мысли»⁵. Время до Корниловского мятежа губернский комиссар Б. А. Турчевич оценивал как нормальное. Власть укреплялась, действуя в контакте с революционными организациями, и случаев вмешательства в распоряжения представителей Временного правительства и присвоения себе прав административных органов не было даже в Екатеринбурге, где преобладали большевики⁶. В период мятежа генерала Л. Г. Корнилова, как указывал губернский комиссар, захвата власти во всем ее объеме не было.

Свержение Временного правительства и объявление большевиками советской власти не привело к быстрому ее установлению в Пермской губернии. В ряде мест действовали комиссары Временного правительства до декабря 1917 – января 1918 г., кроме Екатеринбурга, где таковой был смещен 29 октября. Губернский комиссар действовал до провозглашения власти Советов 16–17 декабря 1917 г. на губернном съезде Советов. Организацию власти пытались брать на себя земства. Так было на губернном уровне, когда губернская земская управа стала инициатором создания 30 ноября Совета по управлению Пермской губернии, куда вошли представители губернского земства, губернского крестьянского Совета, Уралсовета, социалистических партий,

⁴ Государственный архив Пермского края. Ф. 167. Оп. 2. Д. 35. Л. 58, 59.

⁵ ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 184. Л. 68.

⁶ 1917 год в Пермской губернии. Пермь, 2007. С. 62.

кроме большевиков. Советы по управлению уездами были созданы в Оханске и Ирбите.

Земства ставили под свой контроль комиссаров. В Кунгуре существовавшая тесная связь между комиссаром и Советом, объявившим о переходе в свои руки власти 28 октября, не позволила этим институтам дистанцироваться друг от друга. Членом Военно-революционного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов стал уездный комиссар И. А. Гиренко, который при этом сохранял связь с губернским комиссаром, не признавшим власти Советов⁷. В некоторых местах сменялись комиссары и после свержения правительства. Так было в Ирбите, где новым комиссаром стал штабс-капитан И. В. Агарков, и в Оханске, где на этом посту сменилось три человека (В. А. Коровин, П. Д. Подлипский и М. Г. Кузнецов).

Таким образом, можно утверждать, что реального «двоевластия» (до октября) или «многовластия» в губернии не было. Имело место взаимодействие представителей правительства и общественных организаций по различным вопросам управления, что позволяло избегать появления нескольких властей, претендующих на осуществление управленческих функций. Тезис о «триумфальном шествии» советской власти в Пермской губернии не соответствовал действительности.

⁷ Кунгурский листок 1917. 9 ноября; Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Пермский край. Документы и материалы. Пермь: Банк культурной информации, 2008. С. 44.

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920-х гг. В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. В. Радков, к.и.н.

(Самарский государственный аэрокосмический университет)

История российской военной эмиграции является составной частью комплексной проблемы исследования русского зарубежья – значительного феномена отечественной и мировой истории XX столетия, который требует тщательного анализа и глубокой научной разработки. Особенный интерес представляет изучение архивных документов по тематике военного зарубежья в 1920-х гг., поскольку именно в это время офицеры и солдаты бывшей Русской армии под командованием П. Врангеля, представляли собой наиболее организованную силу, враждебную Советской России.

Основной массив документации по истории русской военной эмиграции сосредоточен в Государственном Архиве Российской Федерации (ГА РФ), в комплексе фондов Русского Заграничного Исторического Архива (РЗИА).

В фондах архива хранится документация самого широкого спектра: от приказов штаба Главнокомандующего Русской армии П. Н. Врангеля до личной переписки членов военной организации. Это позволяет исследовать наиболее информационно-насыщенные типы источников – распоряжения и директивы Врангеля и его штаба, информационные сводки, сообщения военных агентов из различных стран дислокации русского воинства и т. д.

Основные материалы по различным аспектам жизни Русской Армии на чужбине сосредоточены в фонде **№ 5826 Русский Обще-Воинский Союз (РОВС)**. Там собраны прежде всего различные административные документы начиная с ноября 1920 г. и заканчивая концом 1930-х гг.: уставы военных организаций, приказы Главного Командования Русской армии и т. д., а также различные информационные материалы: газеты, плакаты, брошюры.

В фонде **№ 5946 (Совет Объединенных офицерских обществ в Королевстве сербов, хорватов и словенцев)** содержится множество

распоряжений и приказов по русским офицерским союзам и воинским объединениям в Сербии.

В фонде **№ 5928 (*Штаб 1-го Армейского Корпуса Русской армии*)** содержится ряд интереснейших документов о начальном этапе жизни военной эмиграции (1920–1921 гг.). В частности, переписка начальника Штаба Главнокомандующего Русской армией П. Н. Шатилова с командующим французским оккупационным корпусом в Константинополе, с командирами 1-го Армейского, Донского и Кубанского корпусов, верховным комиссариатом французской республики и отдельными военными чинами по вопросам взаимоотношений французских и русских властей, о военных лагерях в Константинополе.

В фонде **№ 7518 (*Штаб Главнокомандующего Русской Армии*)** собраны распоряжения генералов П. Н. Врангеля и А. П. Кутепова по Русской Армии в период с 1922 по 1924 г., а также финансовые сметы на содержание военных частей и военно-санитарных учреждений врангелевской армии в Сербии, Болгарии и других странах.

Интерес с научной точки зрения представляют материалы **фондов № 6180 (*Русский военный агент в Сербии*); № 7053 (*Представитель Донского Атамана в Константинополе*); № 9024 (*Военный представитель Главнокомандующего Русской армии в Болгарии*); № 7435 (*Российский Военный Агент в Болгарии*)** – фонды Военных представителей и Военных Агентов Главнокомандующего Русской армии в различных странах, в том числе в Королевстве сербов, хорватов и словенцев и Болгарии; материалы этих фондов являются ценным источником, всесторонне освещающим жизнь русского воинского контингента в эмиграции в свете самых различных аспектов, как политического, так и социально-экономического характера. В целом деятельность русской военной эмиграции в той или иной мере затрагивают документы, хранящиеся в 19 фондах ГА РФ.

Все эти виды источников обладают достаточно высокой степенью информационной насыщенности и раскрывают различные стороны жизни и деятельности военной эмиграции на различных уровнях: от штаба Главнокомандующего и воинских организаций до жизни простых «скитальцев».

Подводя итог, можно сказать о том, что неопубликованные архивные документы, хранящиеся в ГА РФ, дают довольно полное представление о жизнедеятельности частей Русской армии под командованием Петра Николаевича Врангеля в эмиграции. В них подробно освещается состав, структура и деятельность различных воинских

организаций (союзов и обществ); мероприятия Главного Командования по различным вопросам жизни военных эмигрантов, а также их социально-экономическая, политическая и правовая адаптация в странах расселения.

ДОКУМЕНТЫ ОСМАНСКОГО АРХИВА И АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ТУРЦИЯ – ОБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

*О. К. Радова-Каранастас, к.и.н.
(Ассоциация ученых Молдовы им. Н. Милеску Спатару,
Молдова)*

Сложившиеся международные отношения в современный период заставляют народы многих стран обратиться к своему культурному наследию, так как оно является основным условием для развития любого этноса.

Бесчисленные войны, пожары, стихийные бедствия способствовали исчезновению многих архивных и архитектурных памятников с лица земли. Поэтому в современный период поиск достоверных и архаичных источников заставляет ученых и исследователей многих стран обращаться к международным историческим источникам, где сохранились оригинальные письменные и культурные памятники. С этой точки зрения географическое расположение Республики Турция, которое находится на перекрестке разных цивилизаций: Римской, Византийской, Османской, а также сохранившиеся оригинальные документы в фондах Османских архивов способствуют к паломничеству в эти культурные центры ученых многих стран мира.

Османские архивы и архитектурные памятники Республики Турция являются источниковедческой базой при исследовании этнической истории и культурного наследия народов стран Юго-Восточной Европы, в том числе и Республики Молдова; а также Евразийских стран – Беларуси, Казахстана, Российской Федерации, где проживают разные этносы: русские, беларусы, молдаване, болгары, гагаузы, украинцы, азербайджане, армяне, казахи, немцы, греки, евреи и многие другие.

Благодаря поддержке президента Академии наук Республики Молдова, академика Георгия Дука¹, Ассамблеи АНМ инициативная

¹ HOTĂRÎRE № 26 din 01 februarie 2007 pe CONSILIUL SUPREM PENTRU ȘTIINȚĂ ȘI DEZVOLTARE TEHNOLOJICĂ AL ACADEMIEI DE

группа научных сотрудников Института истории, государства и права АНМ впервые в истории суверенной Молдовы на официальном уровне была направлена в научную экспедицию в Османские архивы Республики Турция.

Общая тематика научных исследований научно-экспедиционной группы в Османском архиве и в архиве Топкапы Сарайы Республики Турция была определена руководителем и ответственной за научные результаты данной экспедиции, кандидатом исторических наук О. К. Радовой (Каранастас) и подведена к общей тематике научных исследований – «Российско-Молдавско-Османские отношения в средневековый период и в XIX–XX вв.».

Удалось обнаружить чрезвычайно интересные материалы по истории православных церквей – молдавской, русской, греческой, болгарской, а также их священнослужителей. При исследовании Российско-Молдавско-Османских отношений наиболее ценными являются фонды Османских архивов, хранящие дипломатическую переписку, в которых сосредоточены межгосударственные вопросы, впоследствии повлиявшие на все аспекты культурного наследия того или иного народа. В фондах Османских архивов хранятся более 1 млн документов (из 130 млн), непосредственно касающихся истории Молдовы и народов, в ней проживающих, и это большое открытие. Следует смело утверждать, что многие исследования по истории Молдовы являются неполными без учета этих документов.

Во время научной экспедиции в 2007–2008 гг. нами были найдены и другие уникальные исторические документы и архитектурные памятники, которые являются культурным наследием не только народа Молдовы, включающим этнических молдаван, гагаузов, украинцев,

ȘTIINȚE A MOLDOVEI «...pentru deplasarea n or. Sтамбуl a dnei Olga Radova și dlui Serghei Capustin pentru studierea documentelor ce se refer la istoria Moldovei n interesul realiz rii programelor științifice»;

Ordinul nr. 5 a pe Institutului Istorie, Stat și Drept al A. Ș.M. din 28 februarie 2007.

§1 Cu privire la deplasarea peste hotarare republicii a cercet torilor științifici O. Radova și S. Kapustin;

Ordinul nr. 16 a pe Institutului Istorie, Stat și Drept al A. Ș.M. din 05.06.2007

§1 Cu privire la deplasarea peste hotarele republicii a cercet torilor științifici O. Radova și S. Kapustin;

Ordinul nr. 52 c a pe Institutului Istorie, Stat și Drept al A. Ș.M. din 8 octombrie 2007.

§2 Cu privire la acordarea concediului din cont propriu.

евреев, азербайджанцев, греков, болгар, цыган и других этносов, проживающих в Молдове, но и других стран.

В Стамбуле рядом с византийской стеной молдавской научной экспедицией были обнаружены гагаузские захоронения в православном кладбище «Balıklı Ortodoks mezarlı ı», там же имеются греческие и русские захоронения, но большинство из них являются гагаузскими. Данное открытие, возможно, было благодаря научным исследованиям, проведенным нами (О. К. Радовой) ранее, еще задолго до поездки в Османские архивы Республики Турция, где использовался и метод антропонимического анализа².

Так, по материалам, хранящимся в фондах Национального архива Республики Молдова, списков поселенцев, составленных русской администрацией в 1818 г., была рассмотрена этническая характеристика имен и фамилий «задунайских переселенцев», поселившихся в Бессарабской области в конце XVIII – начале XIX в., сделан был нами антропонимический анализ. «Именно эти исследования помогли ей сделать открытие – открыть гагаузские захоронения в указанном кладбище, которое находится рядом с византийской стеной (İstanbulda Bizans zamanından kalma Sur)»³.

Наибольшее число русских захоронений в Стамбуле обнаружено в Шишли ортодокс руммезарлы («Şişli orthodox rum mezarlı ı»). Научной экспедицией также обнаружены армянские, болгарские, греческие церкви и кладбища, еврейское кладбище, и по ним собран соответствующий материал⁴.

² Автореферат диссертации «Этнодемографическое развитие гагаузов Бессарабии в конце XVIII – XIX вв.». М., 2002. 34 стр.; см. также: *Радова О. К. (Каранастас)*. Рукопись диссертации «Этнодемографическое развитие гагаузов Бессарабии в конце XVIII – XIX в.» на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Кишинев, 2002. 198 с. (*Радова О. К.* диссертацию защитила в Институте этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая Российской Академии наук).

³ *Радова-Каранастас О. К.* Путь к себе: Аспекты истории, культуры, демографии, этнографии, этногенеза гагаузов. Сборник научных статей О. К. Радовой-Каранастас. 2-е изд., доп. Кишинев, 2009. С. 194–217. Данная книга стала лауреатом международного конкурса 2009 года, см. источник: *Кудлач В.* Українська мова як фактор зближення // Черноморські новинки. № 78 (21119). Четвер 15 липня, 2010 року; *Цуркану В.* Весомый вклад в науку // Вести Гагаузии. № 65–66 (7743–7744). 24 сентября 2010. С. 3.

⁴ Более подробно см. в источнике: *Радова-Каранастас О. К.* Путь к себе: Аспекты истории, культуры, демографии, этнографии, этногенеза гагаузов.

Остановлюсь на архитектурном памятнике – культурном наследии народа Молдовы, выявленным научной экспедицией, возглавляемой исследователем Ольгой Радовой, о Дмитрие Кантемире; им удалось найти и посетить дом Великого молдавского ученого и господаря в городе Стамбул в момент реставрационных работ: в верхнем ярусе – библиотека, в части здания, слева, расположены кабинеты, где Дмитрий Кантемир уединялся для работы. В книге Ольги Радовой-Каранастас много фотографий, среди них топонимическая карта местности на берегу Босфора, местонахождение дома Дмитрия Кантемира по адресу: Balat. 4551300. Tevkii Cafer mh. Vodina Cad. Fatma / İstanbul. Открытие Дома-музея Дмитрия Кантемира и мемориальной доски в его честь состоялась 25.06.2007 в 12 час. 30 мин. (*Радова-Каранастас О. К.* Путь к себе: Аспекты истории, культуры, демографии, этнографии, этногенеза гагаузов. Сборник научных статей О. К. Радовой-Каранастас. 2-е изд., доп. Кишинев, 2009. С. 194–217, С. 244–255)⁵.

«Следует отметить, что ведущие ученые Республики Турция (и других стран) признали научные открытия Ольги Радовой-Каранастас, и об этом говорят опубликованные ее статьи в ведущих научных изданиях Турции (см. источник: Dr. Olga Radova-Karanastas. Heritage of Ottoman's Pease Which Remains Within City Walls: Gagazia Graves in Balıklı Ortodox Graveyard // 3rd International symposion on the historical peninsula the book of notifications. The heart of İstanbul the European Capital of culture 2010 historical peninsula. İstanbul, September. 2008. S. 119–124)»⁶.

«Впервые вводится в научный оборот документ о истории памятника Сан-Стефано, построенного в Стамбуле, в Айястефаносе, в память о погибших солдатах “Rusların Ayastefanos’da ölen Rus askerleri için bir anıt yapmak istedikleri”, а потом взорванного. Среди погибших солдат были русские, молдаване, болгары, гагаузы (см. на с. 263 изданного сборника документ: Türkiye Başbakanlık Osmanlı Arşivleri (BOA). BOA Y.PRK.TKM, dosya nr. 23/15, 28 Ra 11309 / 01 kasım 1891 (01 ноября 1891 года)) и другие аспекты» (см. источник: *Радова-*

Сборник научных статей О. К. Радовой-Каранастас. 2-е изд., доп. Кишинев, 2009. 372 с.

⁵ *Цуркану В.* Путешествие в глубь веков // Русское слово. № 31 (292). 10 сентября 2010. С. 10; *Цуркану В.* Весомый вклад в науку // Вести Гагаузии, № 65–66 (7743–7744). 24 сентября 2010. С. 3.

⁶ Там же.

Каранастас О. К. Путь к себе: Аспекты истории, культуры, демографии, этнографии, этногенеза гагаузов. Сборник научных статей О. К. Радовой-Каранастас. 2-е изд., доп. Кишинев, 2009. С. 263)⁷.

Из оригинальных первоисточников Османского архива Республики Турция были выбраны документы (а также краткое резюме их содержания) об истории: Богданского Воеводства, Воеводства Ефлак, Молдовы, Ногайцев, Гагаузов, рода Дука, крепостей Очаков, Измаил, Варна, Аккерман, Хотин, Бендеры, Силистрия, Килия, о населении Крепости Кили, о Бессарабии, о Богданском Каймакаме, о событиях на реке Прут, о прибрежном населении Дуная, об охранной службе Бендерской крепости, Кейкавусе, о церквях – истории разделения болгарских и греческих церквей и впоследствии образования самостоятельного государства – Болгарии; карты; о русской церкви, о греческой церкви; о памятнике Сан-Стефано⁸ и по многим другим аспектам. Во время научной экспедиции благодаря специалистам Османского архива Республики Турция и Ассоциации архивистов Республики Турция (*Türk Arşivciler Daerne i*) нами было освоено османское письмо, написанное арабскими буквами, а также мы практиковались в чтении рукописей – староосманских текстов, написанных османской вязью.

В Османских архивах и других научных центрах Республики Турция нами выявлено множество оригинальных документов, копии которых удалось привезти в Республику Молдова. Предстоят дальнейшие научные исследования по вышеперечисленным направлениям, и это возможно будет благодаря подрастающему поколению, объединенным усилиям ученых разных стран.

⁷ *Цуркану В.* Весомый вклад в науку // Вести Гагаузии. № 65–66 (7743–7744). 24 сентября 2010. С. 3.

⁸ *Радова-Каранастас О. К.* Путь к себе: Аспекты истории, культуры, демографии, этнографии, этногенеза гагаузов. Сборник научных статей О. К. Радовой-Каранастас. 2-е изд., доп. Кишинев, 2009. С. 263.

ГАЗЕТА «ЗА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ»: ОТ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ КО ВТОРОЙ (контент-анализ газетных рубрик)

Н. В. Раздина
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Сталинская индустриализация – важнейший процесс в истории СССР 1930-х гг. Этот процесс характеризовался переходом к централизованному экономическому планированию, наращиванию производственных темпов, первоочередному развитию тяжелой и оборонной промышленности. Советская индустриализация носила форсированный характер и наибольшего размаха достигла в годы первых двух пятилеток.

Принятый курс на ускоренное создание и развитие ключевых отраслей тяжелой промышленности повлек за собой необходимость в мобилизации трудовых ресурсов страны: в короткие сроки вчерашние крестьяне через широкую сеть курсов, техникумов, фабрично-заводских училищ и других учебных заведений должны были овладеть новыми специальностями и стать квалифицированными работниками. Для реализации поставленных целей советское руководство активно использовало пропаганду, призванную обеспечить поддержку в проводимой политике. Важнейшим каналом влияния на массовое сознание трудящихся советская власть считала прессу и, в частности, такие специализированные издания, как «Промышленно-экономическая газета», «Экономическая жизнь», «Строительная газета», «Техника» и ряд других. Особое место в этом ряду занимала газета «За индустриализацию».

Газета «За индустриализацию» как официальный орган Народно-го комиссариата тяжелой промышленности (НКТП) являлась преемницей «Торгово-промышленной газеты» и выпускалась с января 1930 по август 1937 г. С октября 1937 г. газета стала именоваться «Индустрией», затем (после упразднения НКТП и создания Народного комиссариата черной металлургии) «Черной металлургией»¹. Газета

¹ Газеты СССР. 1917–1960. Библиограф: справочник. Т. 1. М., 1970. С. 64.

выходила по рабочим дням и освещала различные стороны жизни общества: в ней печатались материалы о строительстве новых заводов, о ходе выполнения производственных заданий, доклады партийных пленумов и конференций, статьи о социалистическом соревновании. Издание было рассчитано на руководителей производств, директоров заводов, инженеров и рабочих различных специальностей.

На протяжении первых двух пятилеток объем газетных публикаций не претерпевал серьезных изменений: стандартный номер выпуска насчитывал четыре страницы, на которых помимо текстовой информации публиковались фотографии, географические карты, схемы и рисунки. В данном исследовании анализ изменений в промышленной политике государства за указанный период проводился на примере газетных рубрик, представляющих собой серию регулярных публикаций на конкретную тематику: «На фронте индустриализации», «За границей», «Стахановские рекорды», «Назначения и перемещения», «Письма читателей» и т. д.

Как правило, газетные рубрики имели специальный подзаголовок и месторасположение: так, рубрика «На фронте индустриализации» традиционно размещалась на первой странице газеты, а рубрика «За границей» – на последней. Авторы статей указывались редко, однако известно, что в разные годы в ней печатались не только журналисты, но и непосредственные участники сталинской индустриализации: управляющий трестом «Апатит» В. Кодриков, директор Макеевского металлургического завода им. Кирова Г. Гвахария, заместитель начальника Метростроя Е. Абакумов и т. д.

Инструментом исследования газеты «За индустриализацию» был выбран контент-анализ как метод, представляющий собой единство количественного и качественного подходов к изучению массового несистематизированного источника. Данные по каждому выпуску газеты были занесены в СУБД Microsoft Office Access с целью создания запросов на частоту встречаемости искомых рубрик в интересующий отрезок времени. Запросы к БД позволили выявить разницу в содержании номеров газеты в конкретные месяцы, годы и пятилетки.

Массовый характер издания и широкий спектр тематики публикуемых статей сделал обоснованным изучение динамики промышленной политики государства через призму газеты «За индустриализацию». Контент-анализ газетных рубрик показал смещение в акцентах реализуемого курса в области промышленного развития государства в годы первых двух пятилеток. Так, общими являлись следующие рубрики: «За границей», «На важнейших участках индустриализации», «Письма в редакцию», «Назначения и перемещения» и т. д.

Отличительной чертой первых лет индустриализации следует считать нечастое объединение публикаций в рамках конкретных рубрик. Типичными являлись рубрики на промышленную («На важнейших участках индустриализации», «Оперативная сводка хода капитального строительства») и общественную тематики («Справочный отдел», «Хроника», «Последние известия»).

Материалы второй пятилетки характеризуются появлением целого ряда новых рубрик: «Стахановские рекорды», «В Президиуме ЦИК Союза ССР», «Выборы в Верховный Совет СССР», «На фронтах в Испании» и т. д. Как и прежде, немалый объем занимают материалы на производственную тематику (рубрики «Сводка добычи угля», «Тяжелая промышленность за день»), однако важнейшей тенденцией является регулярная публикация статей на социально-политические темы (рубрики «На фронтах итало-абиссинской войны», «Письма в редакцию», «Выборы в Верховный Совет СССР» и др.).

Контент-анализ газеты «За индустриализацию» привел к следующему выводу: с одной стороны, на протяжении всего периода индустриализации промышленная политика государства предусматривала форсированное экономическое развитие страны, с другой стороны, к середине десятилетия советское руководство все больше преследовало решение социально-политических проблем.

ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТСТВА: ОТ ИДЕИ К ПРАКТИЧЕСКОМУ ВОПЛОЩЕНИЮ

М. В. Раттур, к.и.н.

(Российский государственный социальный университет)

Законодательство в области защиты детства в пореформенный период было направлено прежде всего на регламентацию трудовых отношений несовершеннолетних на производстве и улучшение условий труда. Рассмотрим фабричное законодательство с позиции практического воплощения законодательной инициативы.

1 июня 1882 г. высочайше утверждено мнение Государственного Совета «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах»¹. Этим документом были утверждены следующие правила: 1) дети, не достигшие двенадцати лет от роду, к работам не допускаются; 2) малолетние в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет не могут быть занимаемы работою более восьми часов в сутки, не включая времени, потребного на завтрак, обед, ужин, посещение школы и на отдых. При этом работа не должна продолжаться более четырех часов кряду; 3) малолетние, имеющие менее пятнадцати лет от роду, не могут быть занимаемы работою между девятью часами вечера и пятью часами утра, а также в воскресные и высокаторжественные дни; 4) упомянутых в статье 3 малолетних воспрещается допускать к таким производственным или входящим в состав оных отдельным работам, которые по своим свойствам вредны для здоровья малолетних или должны быть признаваемы для них изнурительными.

Помимо этого владельцы заводов, фабрик и мануфактур обязаны предоставлять возможность посещения учебных заведений не менее трех часов ежедневно, или восемнадцати часов в неделю работающим несовершеннолетним.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. II. 1882. СПб., 1886. С. 265.

Второй раздел закона учреждал особую инспекцию, которая впоследствии получила название фабричной. На инспекторов возлагались: 1) наблюдение за исполнением постановлений о занятиях малолетних рабочих и о посещении ими начальных училищ; 2) составление, при участии чинов местной полиции, протоколов о нарушениях упомянутых постановлений и передача сих протоколов в подлежащие судебные установления; 3) обвинение на суде виновных в совершении означенных проступков.

Несмотря на то что правила вводились в действие с 1 мая 1883 г., 6 статья закона предоставляла право Министру финансов допускать, в случае надобности, к работам на заводах, фабриках и мануфактурах таких малолетних, которые имеют не менее десяти лет от роду; разрешать малолетним, находящимся в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет, ночную работу в тех промышленных заведениях, где по роду производства оказывается это необходимо и не может причинить вреда здоровью с ограничением ночной работы 4 часами в сутки. Следует отметить, что действие правил было отсрочено на целый год: «Высочайше утвержденное 1 июня 1882 г. мнение Государственного Совета о малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах, привести в действие с 1 мая 1884 г., не допуская никакой дальнейшей отсрочки в осуществлении мер, установленных означенным законом»².

В 1884 г. был принят закон «О взысканиях за нарушения постановлений о работе малолетних на заводах, фабриках, мануфактурах и в ремесленных заведениях», в 1885 г. – закон «О воспреещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах»³.

В. П. Литвинов-Фалинский отмечает, что законы были вызваны стремлением оградить здоровье подрастающих поколений рабочих от разрушающих условий фабричного труда⁴. Однако далее он обозначает и менее благородную причину – неравенство условий конкуренции отдельных промышленных регионов.

Более современное оборудование мануфактур Петербурга позволяло сократить рабочий день без ущерба для производства, в то время

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. III. 1883. СПб., 1886. С. 179.

³ Там же. Т. V. 1885. СПб., 1887. С. 261.

⁴ *Литвинов-Фалинский В. П.* Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. 2-е изд. СПб., 1904. С. 98.

как доходность мануфактур Московского региона существенно снижалась из-за сокращения рабочего дня⁵. Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что проведение закона совпало с кризисом 1880-х гг. и сокращение рабочих на фабриках и заводах началось с выбрасывания малолетних на улицу⁶.

При этом деятельность фабричной инспекции не была четко организована, в результате чего решение проблем несовершеннолетних рабочих не было эффективным. Подтверждением тому является инициатива Московского общества попечения о неимущих и нуждающихся в защите детей о разрешении Г. Генерал-губернатором выдачи именных открытых листов участковым членам Общества для беспрепятственного посещения ими мастерских и ремесленных заведений, в которых работают или обучаются дети. Именные открытые листы были выданы 24 членам Общества, однако «7942 ремесленных заведений в Москве с 89 000 работающих в них детей устраняли всякую возможность широкого развития деятельности Общества по отделу защиты от жестокого обращения и недобросовестной эксплуатации труда детей»⁷.

Среди причин малоэффективной деятельности фабричной инспекции следует отметить недостаточное количество инспекторов, трудности подбора кадров для такой специфической работы и несовершенство системы отчетов⁸.

Анализ отчетов старшего фабричного инспектора Московской губернии показал, что с 1890-х гг. большая часть информации касается установки паровых котлов, в то время как более ранние документы содержали сведения прежде всего о составе и положении рабочего класса: пол, возраст рабочих, заработная плата, уровень травматизма⁹. Рассылавшиеся на предприятия анкеты заполнялись администрацией, поэтому сообщаемые данные о штрафах, о сверхурочных работах, о травматизме на предприятиях занижались. Действительной проверки и корректировки показанных администрацией предприятий сведений о рабочих не производилось.

⁵ Литвинов-Фалинский В. П. Указ. соч. С. 115.

⁶ РГАСПИ, Ф. М-26. Оп. 1. Д. 25. Л. 92.

⁷ Отчет о деятельности Общества попечения о неимущих и нуждающихся в защите детей за 1888 год. М., 1889. С. 1–4.

⁸ Литвинов-Фалинский В. П. Указ. соч. С. 304–305, 339.

⁹ ЦИАМ. Ф. 183. Старший фабричный инспектор Московской губернии.

В связи с этим на большинстве фабрик для малолетних номинально была установлена 8-часовая работа с перерывом через 4 часа. Нередко малолетние работали по 6 часов сряду. На некоторых хлопчатобумажных фабриках дети работали с 6 до 10 часов утра и с 3 часов дня до 7 часов вечера. Остаточные во время перерыва малолетние использовали рабочими и администрацией на посылках, на случайных работы при фабрике или просто томились «дела не делая и от дела не бегая»¹⁰.

Кроме того, среди судебных исковых дел за увечье и смерть рабочих на производстве нередко встречаются иски несовершеннолетних рабочих. Большинство прошений не удовлетворялось судом, и лишь в неоспоримых случаях назначалось пособие. Примером может служить дело малолетнего Я. Д. Балабанова, поступившего черно-рабочим на водочный завод Шустова. Он был поставлен на работу к бензиновой горелке, служившей для клеймения пробок. В первый же день работы горелка лопнула в руках Балабанова, и он, получив сильные ожоги пальцев и кисти левой руки, не смог продолжать работу. Он подал прошение о назначении ему ежегодной пожизненной пенсии в Московский окружной суд. Показательно, что это дело, как и ряд подобных ему, было прекращено в связи с тем, что была заключена «мировая сделка» между истцом и ответчиком, условия которой неизвестны¹¹.

Требование обязательного обучения работающих малолетних отразилось на качественном составе пролетариата. Так, на примере центрально-черноземного района России исследователями на основе анализа результатов переписи было выяснено, что в начале XX столетия уровень грамотности находился в зависимости от возраста рабочих. Более всего грамотных было в возрастной группе от 21 до 30 лет. А. С. Касимов делает вывод о том, что закон стал своеобразным ответом на недостаток молодых, физически крепких и грамотных рабочих в связи с повышением технического оснащения промышленности и транспорта¹².

Отдавая должное положительному результату принятия закона об обязательном обучении, следует отметить, что сохранились архивные

¹⁰ РГАСПИ. Ф. М-26. Оп. 1. Д. 25. Л. 95–96.

¹¹ ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 5. Д. 720. Л. 1, 11.

¹² Касимов А. С. Грамотность рабочих центрально-черноземного района в конце XIX – начале XX в. // Российская провинция XVIII – XIX веков: реалии культурной жизни. Кн. 2. Пенза, 1996. С. 67–73.

свидетельства о недостаточности выполнения законодательных норм. Так, отмечается, что в Московском округе в течение 4-х лет (1882–1886 гг.) число учащихся повысилось всего лишь на 6,4 %, причем «точно не известно, какое количество малолетних рабочих входит в этот процент»¹³.

Таким образом, несмотря на законодательное закрепление условий труда несовершеннолетних, определение меры наказания за невыполнение требований закона и создание фабричной инспекции, проблемы условий труда и обучения малолетних рабочих в большинстве случаев оставались не решены.

¹³ РГАСПИ. Ф. М-26. Оп. 1. Д. 25. Л. 97.

ДИСКУССИЯ В НКВД СССР КАСАТЕЛЬНО ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ В БЕССАРАБСКОЙ ПРОБЛЕМЕ НАКАНУНЕ ВЕНСКОЙ СОВЕТСКО-РУМЫНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

*В. В. Репин, к.и.н.
(БГУ, Белоруссия)*

Бессарабская проблема, возникшая в связи с оккупацией и присоединением бывшей Бессарабской губернии Российской империи Румынским королевством в 1918 г., стала самым длительным сюжетом советской внешней политики в межвоенный период. Первый опыт советско-румынских переговоров (Варшавская конференция 1921 г.) показал невозможность достичь согласия на основе взаимного погашения претензий.

Можно отметить три ориентации в советском руководстве, сложившиеся к 1921 г. по бессарабской проблеме и наиболее полно проявившиеся в международных событиях 1922–1924 гг. Л. Д. Троцкий и М. М. Литвинов склонялись уступить Бессарабии Румынию в обмен на дипломатическое признание и ряд других уступок. М. В. Фрунзе и К. Е. Ворошилов призывали отвоевать Бессарабию. Среднюю позицию занимали Г. В. Чичерин и Х. Г. Раковский, которые активно критиковали Румынию на международной арене, обосновывая в многочисленных заявлениях и нотах нелегитимность присоединения Бессарабии.

Внутрипартийная борьба в СССР начала 1920-х гг. отразилась и на определении курса советской политики в бессарабской проблеме. Главный эксперт в румынском векторе Раковский (ему сам нарком Чичерин доверял писать все ноты Бухаресту) как сторонник Троцкого был в июле 1923 г. смещен с должностей в правительстве СССР. Будучи откомандированным в Лондон в качестве полпреда и торгпреда СССР, Раковский в 1923–1924 гг. поддерживал непрерывную связь с Москвой, не забывая в дипломатической переписке и о бессарабской проблеме. Этот сюжет получил наиболее рельефное освещение в полемике с заместителем наркома иностранных дел М. М. Литвиновым, которую мы можем проследить по документам личного фонда (№ 359)

М. М. Литвинова, находящемся в Российском государственном архиве социально-политической истории.

В результате как советских, так и румынских дипломатических маневров осени 1923 г., 5 декабря в Тирасполе было заявлено о готовности СССР «поставить на обсуждение во всей полноте вопрос об урегулировании отношений с Румынией», после чего стороны достаточно быстро договорились о проведении двусторонней конференции в Вене в марте 1924 г.¹

С этого момента в НКВД начинается разработка новой позиции в бессарабском споре. Полпред СССР в Чехословакии К. К. Юренев в ноябре – декабре информировал Москву о том, что министр иностранных дел Э. Бенеш и его заместитель В. Гирса предлагают свое посредничество и надеются, что советско-румынский спор может быть ликвидирован в результате взаимопогашения претензий. В Праге допускали возвращение Бессарабии за золотой запас Румынского королевства, конфискованный в 1918 г. в Москве, и даже не исключали возвращения «золотого залога» за Бессарабию частями, в заранее оговоренные сроки² [240. Л. 150–151].

Г. В. Чичерин, понимая опасность и невыгодность такого варианта, который попросту дарит Бессарабию Румынии, пытался определить новую парадигму решения бессарабской проблемы. В записке И. В. Сталину от 24 декабря 1923 г. нарком констатировал: «придется раскрыть карты и сказать окончательно то или иное слово относительно Бессарабии»³. Находясь в перманентно конфликтных отношениях со своим заместителем М. М. Литвиновым, Чичерин пытается заручиться против его непредсказуемости поддержкой Х. Г. Раковского, убежденного сторонника непризнания аннексии Бессарабии. В письме от 28 декабря 1923 г. подчеркивается крайняя озабоченность наркома по поводу перспектив уступки Бессарабии, видимо, такой вари-

¹ Документы внешней политики СССР. Т. VII: 1 января. 31 декабря 1924 г. / редкол. Г. К. Деев. М.: Политиздат, 1963. 760 с.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 397 (Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б) № 49 «особая папка» от 29 ноября 1923 г.). Л. 1.

² РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 8 (Материалы о государственной деятельности М. М. Литвинова, 1920–1942 гг. Взаимоотношения РСФСР – СССР с зарубежными странами, Р–Ю). Л. 150–151.

³ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 35 (Материалы о государственной деятельности Г. В. Чичерина – НКВД РСФСР – СССР. Взаимоотношения РСФСР – СССР со странами Западной Европы – Испанией, Нидерландами, Норвегией, Румынией, Чехословакией). Л. 112.

ант на заседании Политбюро рассматривали как вполне реализуемый, о чем свидетельствуют слова: «Нельзя выпускать из рук этот козырь. Т. Фрунзе решительно против и другие украинцы против». Чичерин риторически упрекает Раковского, что тот «перестал этим [бессарабским вопросом. – В. Р.] интересоваться»⁴.

В ответ на письмо Г. В. Чичерина Х. Г. Раковский 29 декабря 1923 г., 5 января и 11 февраля 1924 г. отправил в Москву четыре депеши, посвященные бессарабской тематике и адресованные Литвинову, Чичерину и всему политбюро ЦК. В первом письме Раковский указал на «громадное значение» бессарабского вопроса, который «должен служить пробным камнем нашей политики по отношению к тем национальным элементам, которые были аннексированы нашими буржуазными соседями». Он подчеркивал важность позиции СССР для завоевания авторитета среди других стран и народов региона, указывал на связь бессарабской проблемы с трансильванской и добруджанской. С его точки зрения, международное положение СССР в тот момент было достаточно крепким, чтобы не идти на жертвы в отношениях с лимитрофами⁵.

Второе письмо Х. Г. Раковский снабдил очерком по истории Бессарабии и справкой о советско-румынских переговорах в Одессе в 1918 г., участником которых он был. Раковский обвинил НКВД «в равнодушии к этому вопросу советской дипломатии»⁶. Не получив ответа Литвинова, Раковский 5 января заключил: «Видимо в НКВД берет верх линия отдачи Бессарабии Румынии». Поэтому он отправил письмо напрямую в политбюро ЦК, призывая более тщательно ознакомиться с историей советско-румынского спора, дабы не совершить крупнейшую дипломатическую ошибку⁷.

7 января Х. Г. Раковский получил ответное письмо М. М. Литвинова. Называя бессарабскую проблему «ранкой», из-за которой советская дипломатия не может действовать «с большим сознанием силы перед озорничавшими Финляндией, Прибалтикой, Польшей, Турцией», замнаркома реалистически считал, что любой договор касательно Бессарабии будет иметь относительный и временный харак-

⁴ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 35. Л. 113.

⁵ РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 17.

⁷ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 53 (Личный фонд Л. Д. Троцкого. Материалы по международным вопросам. Взаимоотношения РСФСР – СССР с зарубежными странами. Румыния, США, Турция). Л. 9–10.

тер. Однако в вопросе «цены признания Бессарабии за Румынией» Литвинов не называл конкретные проекты, считая это компетенцией политбюро ЦК. Литвинов убеждал Раковского, что переговоры с Румынией в любом случае укрепят позиции СССР, поскольку международная конференция будет лучшей площадкой для заявления самой жесткой позиции в отношении Бессарабии⁸. Это означало, что «согласительская», по словам Раковского, линия поведения на переговорах была исключена. В своем третьем письме он предложил список мер по усилению советской пропаганды своих прав на Бессарабию, высказав мнение, что «бессарабский вопрос можно разрешить путем политического маневра»⁹.

Уже 8 февраля 1924 г. Чичерин попросил санкцию Сталина на включение в переговоры мер по «закреплению в нашу пользу нынешнего и будущего русла Днестра». К 3 марта Политбюро ЦК утвердило директиву для советской делегации в Вене, в которых однозначно постановлялось, что «Бессарабия ни в коем случае не может быть уступлена Румынии; переговоры должны вестись таким образом, чтобы в Европе ясно было, что мы хотим миролюбивого разрешения спора, путем опроса самого населения»¹⁰.

Таким образом, советская сторона на Венской конференции признала единственным вариантом разрешения бессарабской проблемы проведение плебисцита в крае, который стал основополагающим для обсуждения бессарабской проблемы и посредничества других государств в ее решении вплоть до 1929 г.

⁸ РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 22–27.

⁹ Там же. Л. 32–33.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 423 (Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б) № 75 от 3 марта 1924 г.). Л. 2; Ф. 159. Оп. 2. Д. 35. Л. 118.

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ УСТРОЕНИЯ НОВОГО ОБЩЕСТВА

(по работам В. В. Берви-Флеровского)

А. М. Репьева
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

В XIX – начале XX в. творил замечательный, сейчас уже почти полузабытый, русский социолог, юрист и общественный мыслитель В. В. Берви (псевдоним Флеровский). Всю свою жизнь он посвятил созданию и обоснованию концепции «органического коммунизма».

Идеи В. В. Флеровского представляли собой часть огромного блока общественных преобразований, а не отдельный элемент. Берви утверждал, что «человек, с теми свойствами, которые он унаследовал от животного и с которыми он развивался тысячелетия, исчезнет без следа и уступит место той человеческой расе, которую он должен был развить из себя, – человеку органически связанного человечества»¹. Блок социальных преобразований вытекал из идеи нравственности, которая, в свою очередь, вытекала из мировоззренческих установок. Совместное проживание в обществе порождает не только потребность в нравственных установках, но и в потребности организации.

Концептуальные положения и выводы, которые были сделаны мыслителем, не утратили своей методологической ценности и в наши дни, способствуя не только осмыслению исторического опыта, но и пониманию явлений и тенденций современности. В частности, важное значение имеют социально-политические идеи В. В. Берви-Флеровского, его мысли о свободе слова, о нравственном воспитании общества, о гармонизации общественных и межличностных отношений, о становлении системы взаимопомощи и солидарности свободных людей.

Возвращаясь к осмыслению социалистических идей, писатель предложил достаточно нетривиальное понимание нового общественного строя – коммунизма. «...В западной Европе существовали писа-

¹ *Берви-Флеровский В. В.* На жизнь и смерть: роман: в 3 ч. СПб.: Типография В. Белогубова, 1877. Ч. 1. С. 225.

тели, которые... противопоставляли коммунизм собственности и полагали, что, проповедуя коммунизм, они уничтожают собственность и заменяют ее учреждением, которое должно породить всеобщее блаженство...», но тогда они должны были бы знать, что « коммунизм есть нечто иное, как род собственности, который... имеет множество видов... и не обнаруживала ни малейшей способности делать людей особенно счастливыми или несчастными»². То есть очевидно, что обоснование социалистического идеала «органического коммунизма» имеет иную структуру, нежели та, к которой все привыкли, его устройство более необходимо для защиты подрастающего поколения, «коммунизм есть высшая, наиболее нравственная форма общественного сожительства, но его нельзя установить законом. Коммунизм есть отрицание господства силы, прямая его противоположность – господство слабых...»³.

Для полного осмысления методологии автора важно охарактеризовать структуру нравственных идей Берви-Флеровского. Писатель выделил три ее элемента: первое – мировоззрение как таковое, второе – идея нравственности, третье – идея социально-политической организации. В первом случае писатель постулирует, что всякое изменение в природе есть результат мыслительного процесса. Он полагал, что в «бездумной» материи нет потенциала к развитию в мыслящую материю у животных и человека. Из этого следует необходимость различения мыслительных процессов низшего уровня, которые характеризуют неорганическую материю от более развитых. Индивид недостаточно остро чувствует эти мыслительные процессы и ошибочно (по мнению Берви) относит их к механической силе, а когда к нему приходит способность их различать, последние достигают такого уровня комплексности, что человек не в состоянии становится разложить их на составные элементы: «особенность мыслительного процесса заключается в том, что он совершенствуется по мере накопления впечатлений, а потому прогресс есть неизбежное условие при существовании материи»⁴.

² *Берви-Флеровский В. В.* Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб.: Типография Н. Неклюдова, 1869. С. 203.

³ *Берви-Флеровский В. В.* Азбука социальных наук. XIX век современной западноевропейской цивилизации // Избранные экономические произведения: в 2 т. Т. 2 / под ред. Г. М. Подорова. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. С. 441.

⁴ См.: *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. VI. СПб., 1904. С. 435.

Раскрывая теоретическое значение нравственности, Флеровский говорит о двух ее типах: инстинктивной и сознательной. Первая – низшая ступень, при ней не развито понятие о счастье человека и стремление к нему одного противоречит стремлению другого индивида. Общественное сожителство усложняется. Чтобы разрешить эту коллизию, создаются «суррогаты идеи нравственности, которые называются идеями долга». Суть этой идеи в том, чтобы общество делало то, что оно считает для себя вредным или неприятным во имя долга. Поскольку понятие о долге инстинктивно, оно не в полной мере развито, то стремление к счастью будет в оппозиции к идеям долга. При сознательной нравственности должна осуществиться такая организация общества, при которой благосостояние одного индивида неизбежно увеличит благосостояние, а через это – счастье других.

Данное заключение исходит из посылки об изначальной гармонии человеческих отношений. Общество развивается до тех пор, пока оно действует, и чем разносторонне эта деятельность, тем больше шансов всеобщего счастья: «работа есть первое и самое коренное условие для развития и благоденствия организма, а потому работа есть первое и коренное условие для счастья человеческого»⁵. И чем более человек употребляет свои силы во благо, тем больше счастье он получает. Подобная деятельность не противоречит условию счастья окружающих индивидов, и каждый может только помогать другому, в результате чего между людьми устанавливаются гармоничные отношения. Таким образом, В. В. Берви соединил принципы эгоистического (индивидуалистического) и общественного утилитаризма.

Развивая мысль о борьбе народов за лучшее политическое и общественное устройство, автор давал анализ подобного опыта в других странах. Борьбу анархии с приручением в истории он обнаружил в греко-римской цивилизации, в Средние века, в период возрождения наук. На примере развития западноевропейской цивилизации Флеровский проследил появление организаций в человеческом обществе на фоне этой борьбы. «Путь этот правильнее всего назвать путем приручения. Организаторы государства действовали в этом случае по отношению к лицам, составляющим государство, точно так же, как человек действовал по отношению к прирученному животному»⁶.

⁵ Там же. С. 436.

⁶ *Флеровский Н.* Азбука социальных наук. Современная западно-европейская цивилизация. Лондон, 1894. С. 5.

На примере выработки общественных идеалов и идей писатель показывает этот путь как смену преклонения перед геройством, перед религией, перед наукой и свободой, путь сложный, который в итоге должен завершиться временем сознательного научного мировоззрения, научного понятия о нравственности и сознательных организаций. Это будет время появления нового типа человека, новой расы, взаимоотношения между людьми, основанных на принципах добра, когда сильные будут работать на слабых⁷.

В этом нравственном и мировоззренческом кризисе, по мнению Берви, виноваты сами люди, а точнее – господствующие классы, развивающие ложные взгляды и убеждения. С другой стороны, «умственное» поведение рассматривается как проявление индивидуальной воли: «Мышление всегда есть воля, но под словом воля разумеют только движущее начало, независимо от его формы...»⁸ Главной задачей в реформировании социально-экономического строя государства является именно изменение мировоззрения в обществе.

Вторым условием должен был стать прогресс мысли и действия личности, которая координирует свои инстинкты и направляет их на благо. Именно прогресс «может породить цивилизацию вековую»⁹. В центре системы мировоззрения Флеровского стал человек, который постоянно развивается, совершенствуя свой интеллект, от инстинктивности поднимаясь к сознательности; путем сознательных организаций, сознательной нравственности сам индивид становится другим, он преодолевает животные инстинкты и приходит к новому типу расы – к обществу «органически связанного человечества»¹⁰.

⁷ См.: Гриценко О. Н. «Азбука социальных наук» В. В. Берви-Флеровского. Опыт историософии: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993.

⁸ Флеровский Н. [Берви-Флеровский В. В.]. Критика основных идей естествознания. СПб.: Типография Монтвида, 1904. С. 63.

⁹ Берви-Флеровский В. В. Податная реформа и общественные инстинкты справедливости // Избранные экономические произведения: в 2 т. Т. 2 / под ред. Г. М. Подорова. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. С. 19.

¹⁰ Берви-Флеровский В. В. На жизнь и смерть: роман: в 3 ч. СПб.: Типография В. Белогобова, 1877. Ч. 1. С. 225.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ И БЕЗНАДЗОРНОСТИ В 1941–1950 гг. (на материалах Среднего Поволжья)

О. А. Рокутова, к.и.н.

(Самарский государственный медицинский университет)

Рост числа беспризорных и безнадзорных детей способствует дестабилизации общественного развития, искалеченное детство имеет серьезные негативные последствия для будущего страны. Главная задача государства и общества заключается в предупреждении данного социального явления. Реализация эффективных профилактических мер являлась наряду с другими важным условием победы в Великой Отечественной войне и успешного восстановления хозяйства.

В 1941–1950 гг. на территории Куйбышевской и Ульяновской областей применялся значительный комплекс мер, направленных на профилактику детской безнадзорности и беспризорности. К организационным формам можно отнести создание соответствующих структур в системе органов власти. Постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», принятое в январе 1942 г., обязывало создавать на местах комиссии по устройству осиротевших и потерявших связь с родными детей. В состав задач их работы входило осуществление систематического надзора в местах скопления детей, изъятие беспризорных и безнадзорных с улиц, направление их по детдомам и т. д.¹

Кроме того, комиссии должны были разрабатывать планы мероприятий, направленных на профилактику беспризорности и безнадзорности. Одновременно с этим такие же планы разрабатывались органами народного образования, НКВД, социального обеспечения. Архивные документы показывают, что, несмотря на решения местных советских и партийных органов, неоднократные пересмотры состава

¹ Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Документы и материалы. Самара, 1995. С. 356; Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2558. Оп. 7. Д. 357. Л. 1–3.

комиссий, работали они плохо и в годы войны, и в период послевоенного пятилетия. В 1950 г. заместитель заведующего Куйбышевским Облоно Рыков констатировал, что основная деятельность по предупреждению беспризорности и безнадзорности велась районо, райсобесами и прокуратурой².

Одной из форм профилактики детской беспризорности и безнадзорности была организация охраны прав детей. С 1944 г. данные функции закрепили за инспекторами по охране прав детей. Однако в штатах отделов народного образования двух областей на протяжении 1944–1950 гг. за редким исключением не имелось такой должности. Важные по своему значению обязанности выполняли внештатные инспекторы, работавшие на общественных началах³. В число их основных обязанностей входило выявление осиротевших и нуждавшихся в материальной помощи детей. В организации учета участвовали и органы НКВД. В 1946 г. Управление НКВД Куйбышевской области приняло решение взять на учет всех детей от 3 до 16 лет, не имеющих родителей или только одного родителя, одновременно установить, чем занят ребенок, учится ли он в школе⁴.

Устройство детей, оставшихся без родителей, на воспитание в семье в форме патроната, опеки или усыновления имело огромное значение для предупреждения роста числа беспризорных и безнадзорных. Количественные показатели сирот, определенных в семьи местными отделами образования и социального обеспечения, позволяют представить масштабы рассматриваемой формы попечительства в Куйбышевской и Ульяновской областях: в 1943 г. на патронат, опеку и усыновление устроили 4911 человек, в 1945 г. – 12 033, в 1948 г. – 8033, в 1950 г. – 6264⁵. Определенное негативное значение имел плановый характер устройства ребят на патронат: если число осиротевших превышало плановые показатели, райсовет не мог передать их в семьи⁶. К началу 1950-х гг. проблема устройства обозначенной категории

² ЦГАСО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 784. Л. 1 а – 6.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 4577. Л. 7.

⁴ ЦГАСО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 407. Л. 1.

⁵ Данные посчитаны по: ЦГАСО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 216. Л. 5; Д. 397. Л. 8; Д. 521. Л. 1; Д. 784. Л. 1 а – 2; ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 318. Л. 1–2; ГАУО. Ф. Р-2326. Оп. 2. Д. 33. Л. 28; ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5930. Л. 8; Оп. 71. Д. 4142. Л. 2.

⁶ ЦГАСО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 786. Л. 26.

детей оставалась по-прежнему актуальной, и меры, направленные на применение патронатного воспитания, опеки, усыновления, можно признать достаточно эффективными.

Отчеты инспекторов позволяют составить представление об условиях жизни детей, устроенных на патронат, опеку, усыновление. Патронатное пособие, составлявшее 30–50 руб., было недостаточным для обеспечения⁷. Многие ребята получали дополнительно от органов собесов разницу между пособием и положенной им пенсией, которая составляла от 18 до 50 руб.⁸ Тяжелая ситуация с материальным обеспечением усугублялась задержками выплат пособий⁹. Особенно сильную нужду испытывали сироты, получавшие пособия из касс колхозной взаимопомощи. Истощение колхозных хозяйств зачастую делало невозможной нормальную работу таких касс. К началу 1947 г. только 30,1 % от общего числа колхозов Куйбышевской области имели такие органы общественной взаимопомощи¹⁰. Тем не менее в архивных документах послевоенного времени примеры материальной необеспеченности ребят, состоявших на патронате и опеке, встречаются несколько реже, чем в документах периода Великой Отечественной войны.

Подростки в возрасте 14–16 лет, оставшиеся без родителей, подлежали устройству в ремесленные училища (РУ), школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), железнодорожные училища. Перечисленные виды устройства также можно рассматривать как форму предупреждения беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних.

В предвоенное время руководители предприятий были обязаны устраивать на работу учениками в первую очередь сирот, во вторую – материально необеспеченных¹¹. С началом войны число таких подростков заметно возросло, однако директора предприятий зачастую отказывались брать их на работу¹². Зачастую Областное управление трудовых резервов не имело возможности принимать подростков в РУ и ФЗО по причине нехватки мест в общежитиях. Архивные документы позволяют в полном объеме представить неудовлетворитель-

⁷ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 33. Д. 61. Л. 11.

⁸ ЦГАСО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 722. Л. 61; Д. 786. Л. 7.

⁹ Там же. Д. 402. Л. 5.

¹⁰ Там же. Ф. Р-4079. Оп. 1. Д. 46. Л. 15.

¹¹ Там же. Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 11. Л. 101.

¹² ЦГАСО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 154. Л. 5.

ные условия жизни ребят, устроенных в ремесленные училища или школы фабрично-заводского обучения¹³.

Многие осиротевшие подростки по причине отсутствия образования, недостаточного возраста могли быть распределены только в колхозы и совхозы. В течение 1944 г. в Куйбышевской области из числа учтенных сирот 281 подростка устроили в РУ и ФЗО и 465 направили в сельское хозяйство¹⁴. Детей направляли в колхозы, не учитывая, смогут ли коллективные хозяйства обеспечивать их жильем, одеждой, обувью. В сущности, такие подростки являлись самыми настоящими беспризорниками. Необходимо заметить, что если патронированным и опекавшимся воспитанникам детских домов общественность оказывала материальную помощь, то сиротам, устроенным в РУ, ФЗО, на производство не приходилось рассчитывать на такую поддержку.

Определенное значение для предупреждения исследуемого социального явления имело применение мер административного принуждения. В Куйбышевской области подобная практика применялась еще в довоенное время. В Ульяновской области даже в годы войны все еще не были предприняты подобные меры, и только с 1945 г. ситуация изменилась к лучшему¹⁵. К рассматриваемым мерам следует отнести следующее: детям в возрасте до 16 лет воспрещалось пребывание в клубах, садах после 21.00. Малолетние не допускались на отдельные спектакли и кино, не разрешалось посещать киносеансы в учебное время, только в организованном порядке в сопровождении педагога. Воспрещался допуск детей и подростков в возрасте до 16 лет в пивные, рестораны. Запрещалось продавать детям до 16 лет игральные карты, покупать у них что-либо, кроме учебников в школе. Взрослые, нарушившие перечисленные запреты, привлекались к административной ответственности в виде предупреждения: штрафа до 100 руб. или исправительных работ сроком до 30 дней. За озорство и хулиганство детей родители и опекуны несли административную или уголовную ответственность¹⁶. Несмотря на повсеместное применение штрафной политики, число безнадзорных и беспризорных продолжало оставаться значительным.

Таким образом, в 1941–1950 гг. на территории Куйбышевской и Ульяновской областей осуществлялся комплекс мероприятий по

¹³ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 34. Д. 30. Л. 10.

¹⁴ ЦГАСО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 309. Л. 2.

¹⁵ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 110. Л. 15.

¹⁶ ЦГАСО. Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 72. Л. 112–112; ГАУО. Ф. Р-1133. Оп. 6. Д. 57. Л. 72.

предупреждению беспризорности и безнадзорности детей: помимо перечисленных к ним следует отнести материальную поддержку нуждавшимся семьям, реализацию закона об обязательном всеобщем обучении, различные методы и средства организации досуга детей и подростков.

Сложившаяся система профилактики детской беспризорности и безнадзорности в своем действии неизбежно сталкивалась с многочисленными проблемами. Среди них можно назвать низкий уровень жизни населения, ограниченность материальных ресурсов, предназначенных на поддержку образования и социального обеспечения, недобросовестное исполнение местными властными и общественными структурами нормативно-правовых актов и др.

Одним из недостатков существовавшей системы являлось то, что часть функций профилактики беспризорности и безнадзорности была возложена на общественность. Общественная активность зависит от самых различных факторов, и если в годы войны в условиях массового патриотического подъема ее показатели были очень высоки, то после войны степень участия в деле помощи детям стала несколько ниже: сказывалась усталость населения, являвшаяся следствием долгого физического и психического напряжения.

Тем не менее все профилактические мероприятия, разработанные и реализованные в годы войны и после ее окончания, в той или иной степени достигли поставленной цели, сократив возможные масштабы детской беспризорности и безнадзорности.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ В РАЗВИТИИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1940-х гг.

*А. В. Рочева
(Ухтинский индустриальный техникум)*

Город Ухта является одним из промышленных и научных центров Республики Коми с богатой историей, которая неразрывно связана с деятельностью исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа.

Интеллектуальный потенциал Ухтижемлага, преемника Ухто-Печорского ИТЛ, ведет свое начало от 1930-х гг. Здесь трудился свет научной мысли страны. Представители технической интеллигенции обеспечили решение непростых и производственных задач, в короткие сроки открыли первые месторождения нефти и газа, выявили титановые минералы, создали новые технологии и виды продукции, провели углубленные научные исследования.

Результаты исследований, которые велись в этих организациях, обеспечивали развитие нефтегазовой промышленности, а также освоение огромных регионов республики Коми и Заполярья европейской части страны.

Важнейшую роль в организации научных исследований в Ухтижемлаге сыграла Центральная научно-исследовательская лаборатория.

Созданию Центральной научно-исследовательской лаборатории предшествовала геологическая конференция, проходившая в Ухте 13–25 декабря 1940 г. По существу, это была первая конференция геологов лагеря, на которой подробно обсуждались итоги работы за 1940 г. и задачи, стоящие перед геологами в области поиска, разведки и разработки нефтяных месторождений в 1941 г.

Геологическая конференция в своей резолюции сформировала главнейшую хозяйственно-политическую и технико-экономическую задачу, сводящуюся к формированию геолого-поисковых работ, осуществлению скоростных методов разведки с тем, чтобы в кратчайшие сроки подготовить разбросанные по значительной территории перспективные на нефть площади под разведочное и эксплуатационное бурение.

Были намечены следующие практические мероприятия в области научно-исследовательских работ.

Во-первых, для усиления научно-исследовательской деятельности и научно-технического обобщения данных, добытых в процессе полевых работ, бурении и эксплуатации, было принято решение о создании Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) на правах самостоятельной организации, работающей по плану, утвержденному начальником геологоразведочного отдела, и в хозяйственно-административном отношении обслуживаемой геологоразведочной конторой.

Во-вторых, было решено, что ЦНИЛ должна разрабатывать в первую очередь ряд практических вопросов по нефтеотдаче пластов и химическим свойствам битумов.

В-третьих, был установлен порядок, при котором промысловые и полевые геологи представляли бы в лабораторию все необходимые сведения и материалы, связанные с проработкой тематики ЦНИЛ.

А в августе 1941 г. приказом по управлению лагеря был решен вопрос о централизации научно-исследовательских работ, о выделении ЦНИЛ в самостоятельное подразделение и о передаче ей лаборатории стройматериалов кирпичного завода.

Центральная геологическая лаборатория была преобразована в Центральную научно-исследовательскую лабораторию Геологоразведочной конторы Ухтижемстроя 11 января 1941 г.

Лаборатории предстояло проводить научно-исследовательские работы по всем отраслям деятельности Ухтижемстроя, связанным с полезными ископаемыми.

А. Н. Кустышев в своей монографии «Ухтижемлаг. 1938–1955» отмечает, что структура Центральной научно-исследовательской лаборатории в начале 1940-х гг. имела в своем составе следующие кабинеты:

1. Петрографический (руководитель Р. Г. Векилов);
2. Палеонтологический;
3. Кабинет химического анализа (руководитель Г. М. Балабанов);
4. Кабинет механического анализа (руководитель Ф. А. Свиридов);
5. Кабинет физики пласта (руководитель А. А. Баболян);
6. Геологический музей, при котором была библиотека;
7. Лаборатория стройматериалов (руководитель Е. В. Морейко);

Таковы были основные звенья ЦНИЛ, не считая подсобных подразделений (шлифовальная, слесарная, столярная мастерские).

Поставленные перед ЦНИЛ задачи предстояло решать в условиях нехватки квалифицированных кадров. В соответствии с планом работ и структурой лаборатории был намечен ее штат, который на начало 1941 г. состоял из 22 человек – по титульным работам, 19 человек – по договорным и три работника относились к административному персоналу (всего 44 человека).

Имеющаяся кадровая проблема обусловила привлечение к научной работе тех, кто в недавнем прошлом имел статус заключенного. Одним из таких специалистов был Л. С. Полак, под руководством которого ЦНИЛ разработала в 1942 г. научно-исследовательскую тему «Крекинг ультразвуком».

Он возглавил научно-исследовательскую лабораторию при нефтяном заводе, но отсутствие договоров на исследовательские работы тормозило нормальную деятельность структуры, руководимой Л. С. Полаком. Несмотря на это обстоятельство, лабораторией был проделан целый ряд больших работ. В частности, была изучена нефть месторождения Ярега, получены масла методом Кубро из нефти данного месторождения и т. д.

Сотрудниками ЦНИЛа под руководством профессора Н. Н. Тихоновича в 1930–1940-е гг. были намечены основные черты геологического строения Тимано-Печорской провинции, определены перспективы ее нефтегазоносности и составлены первые программы геолого-поисковых работ.

Благодаря этим исследованиям на Европейском Севере еще до Великой Отечественной войны началась промышленная добыча нефти и газа.

Научно-исследовательские работы, выполняемые Центральной научно-исследовательской лабораторией были направлены на выявление основных палеографических и физико-технических условий и особенностей, разрабатываемых и находящихся в эксплуатации месторождений нефти, газа и радиоактивных вод с целью расширения и увеличения эффективности.

ЦНИЛ также занималась научными исследованиями и научно-техническими работами для обеспечения нового и специального промышленного строительства (исследование сырья для газовых горелок, анализы и технические испытания горючих сланцев, многочисленные анализы разных видов сырья, вод и грунтов на стройплощадках).

В 1940-е гг. исследованиями ЦНИЛа были заложены основы современной стратификации нефтегазоносных отложений провинции, установлены закономерности размещения нефтяных и газовых месторождений, проведена типизация нефти и природных газов.

ИДЕЯ АВТОНОМИИ И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОЛЛЕКТИВОМ МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

М. В. Рычкова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

В последнее время в образовательных кругах упорно обсуждается проблема автономности учебных заведений. Однако данная тема педагогических прений далеко не нова. В конце 1980 – начале 1990 г. эта проблема стала основой дискуссии, развернувшейся в среде профессорско-преподавательского состава и студенчества Московского университета.

Впервые идея автономности в советское время возникает, когда руководством страны был принят Закон о Государственном предприятии в июне 1987 г. Позже она начала озвучиваться руководством и активно обсуждаться на страницах газеты «Московский университет», главной трибуне передовых идей профессорско-преподавательского и студенческого коллектива МГУ им. М. В. Ломоносова.

Ректор А. А. Логунов после публикации Закона первым увидел и оценил возможные перспективы в развитии Университета, это подтверждает тот факт, что в своем выступлении на XIX Всесоюзной партийной конференции 30 июня 1988 г. помимо прочего затронул и идею автономии: «Партийный актив Московского университета поставил вопрос о предоставлении Московскому университету полной автономии во всей его деятельности. Здесь говорили, кому-то не нужен министр, министерство. Нам Государственный комитет СССР по народному образованию тоже не нужен. (Аплодисменты.) Это раскрепостит университет, устранил ненужные промежуточные звенья...»¹

Помимо возможности доказать необходимость предоставления МГУ автономии перед руководством встала еще одна задача – объяснить рентабельность ее принятия коллективу, растолковать тонкости этого дела, разрушить сложившиеся предубеждения. С этой целью на

¹ Выступление товарища Логунова А. А. (ректор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова). XIX всесоюзная конференция КПСС // Правда. 1988. 1 июля. С. 6.

биологическом факультете в рамках традиционного дня открытого письма была организована встреча с ректором МГУ им. М. В. Ломоносова А. А. Логуновым, тема встречи была озаглавлена как «Концепция автономизации и развития Московского университета».

Благодаря тому, что все вопросы и предложения были заранее переданы ректору, Анатолий Алексеевич смог очень подробно и аргументировано на них ответить: «Главная идея автономизации – выход из госкомитета СССР по народному образованию. Она появилась не вдруг. Можно выделить 40 вузов страны, оснастить и поднять на международный уровень. Таких денег в стране нет. Как в таких условиях поставить МГУ вровень с ведущими зарубежными университетами? Остается выделение из ГК НО с прямым финансированием МГУ из Совмина... Нужны также валютные вложения. Если университет не получит всего этого, мы не сможем использовать потенциал МГУ»².

Чтобы обозначить свою позицию, было принято решение о создании нового университетского Устава. В газете «Московский университет» 15 мая был напечатан полный текст проекта Устава МГУ им. М. В. Ломоносова³, после чего на ее страницах началось обсуждение и внесений предложений, дополнений, которые должны были усовершенствовать предполагаемый Устав.

В следующем номере газеты 30 мая появились первые отзывы на Устав: «Опубликованный сейчас проект Устава Московского университета разительно отличается от предыдущего проекта, который был подвергнут критике на отчетно-выборной конференции партийной организации МГУ. В предложенном нам сегодня для обсуждения проекте заложены демократические принципы, опирающиеся на коллективный разум преподавателей, сотрудников, студентов университета. Проект Устава МГУ предоставляет широчайшие полномочия и права для основных подразделений университета...»⁴

Сотрудники МГУ предлагали ввести референдум, квоту в 30 % для выборов женщин⁵, отменить систему распределения выпускников⁶.

² Цитовловская А. Концепция автономизации. Московский университет. 1989. 30 мая. С. 2.

³ Московский университет. 1989. 15 мая. С. 1–2.

⁴ Кружалин В. И. Обсуждаем проект устава МГУ // Московский университет. 1989. 30 мая. С. 1.

⁵ Синева А. В. Обсуждаем проект устава МГУ // Московский университет. 1989. 30 мая. С. 1.

⁶ Черный Г. Г. Обсуждаем проект устава МГУ // Московский университет. 1989. 1 сентября. С. 1.

Конечно, наряду с конструктивными предложениями раздавалась и критика: «Университет переживает переломный момент. Создается модель функционирования МГУ, и этой моделью является долгожданный Устав МГУ. В основе его лежит чрезвычайно демократичная и современная идея автономии университета. Но когда в мае появился проект Устава, то многие в университете с большим удивлением узнали, что этот огромный механизм будет работать на двух взаимоисключающих принципах. Автономность и демократичность вовне, но автократизм и бюрократическая подчиненность внутри. Это делает нереальной идею автономии университета»⁷.

Но, пожалуй, самым резким критиком оказался зав. лабораторией физического факультета К. Лихарев, опубликовавший статью в газете под названием «Феодальная система в Московском университете: попытка закрепления»⁸. Автор сетует на то, что кафедра «безраздельно владеет всеми кадровыми и материальными ресурсами»⁹.

Именно поэтому ректору А. А. Логунову пришлось и в этом вопросе давать исчерпывающее объяснение: «Новый Устав МГУ этого не предполагает (после ухода от Госкомитета замену министерского диктата ректорским. – *прим. авт.*) Главными подразделениями становятся кафедры, лаборатории. Надстройка такая, какая нужна для нормальной работы этих подразделений. Готовится проект для юридической самостоятельности кафедр по всем вопросам, минуя декана. Лично мне или другому ректору автономизация МГУ дает большую свободу действия, легче будет решать любые вопросы. ...В идеале декан должен заниматься научными вопросами, а хозяйственники – хозяйственными. Цель руководства МГУ (деканатов, ректората) – создание и обеспечение максимальных условий для развития науки в университете»¹⁰.

После многочисленных обсуждений, в том числе и на страницах газеты «Московский университет», 16 марта 1990 г. был опубликован новый Устав¹¹. Это был уже третий вариант и второй опубликованный, он обсуждался на активе МГУ им. М. В. Ломоносова, вносились

⁷ Атанесян Г., Савин Д. Готовится альтернативный проект Устава МГУ // Московский университет. 1989. 6 октября. С. 3.

⁸ Лихарев К. Феодальная система в Московском университете: попытка закрепления // Московский университет. 1989. 28 декабря. С. 2.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Московский университет. 1990. 16 марта. С. 8–9.

новые предложения, велась острая дискуссия, звучала критика. В заключение собрания первый проректор В. А. Садовничий добавил: «Данный проект Устава подготовила комиссия, которая очень активно и добросовестно работала. И мне хотелось воспользоваться случаем, чтобы поблагодарить эту комиссию, всех тех, кто работал над проектом Устава университета»¹².

На следующей за проектом Устава странице напечатан критичный отзыв, в котором, не стесняясь в выражениях, автор описывает сложившуюся ситуацию: «Второй проект Устава МГУ содержит существенные демократические новшества... Однако и в новом проекте немало такого, что заставляет заявить со всей определенностью: он писан чиновниками и для чиновников, ибо управление университетом и факультетами мыслится менее демократичным, чем управление всем обществом, страной, в то время как по уровню политической и иной культуры коллектив МГУ стоит (или должен стоять) гораздо выше, чем многие другие коллективы»¹³. Несмотря на острую критику, шквал обсуждений, взаимных претензий, в июне 1990 г. был принят новый Устав МГУ, который стал первым шагом на пути вступления университета в автономные права.

В столь сложной ситуации руководство должно было взять на себя нелегкую функцию: вести просветительскую работу среди преподавательско-профессорского состава. Эту непростую задачу выполнили проректоры университета. В 1990 г. первый проректор В. А. Садовничий выступал на активе МГУ с докладом, в котором шла речь о необходимости получения автономии. Он в целом описал состояние дел в Университете, сделав акцент на то, что будущее МГУ напрямую зависит от общественно-политической ситуации в стране, будущий ректор отметил, что автономия – «это единственная возможность МГУ сохранить свое лицо, отстоять свои традиции, улучшить свое положение, попытаться стать конкурентоспособным хотя бы со средними зарубежными университетами»¹⁴.

8 декабря 1990 г. благодаря усилиям академика А. А. Логунова, первого проректора В. А. Садовниченко и ректората в целом было при-

¹² Садовничий В. А. Основные принципы самоуправления Московского университета // Московский университет. 1990. 16 марта. С. 5.

¹³ Кормило С. Писано для чиновников // Московский университет. 1990. 16 марта. С. 10.

¹⁴ Садовничий В. А. Основные принципы самоуправления Московского управления // Московский университет. 1990. 16 марта. С. 11.

нято Постановление Совмина СССР № 1245 «О Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова», которое давало МГУ статус «общесоюзного самоуправляемого (автономного) государственного высшего учебного заведения»¹⁵. В нем расписывались довольно широкие права для университета: начиная от подтверждения статуса, назначения целевого финансирования и заканчивая возможностью выбора ректора. Сложная политическая, экономическая, социальная обстановка, разворачивающаяся в это время в стране, не способствовала претворению в жизнь прогрессивных идей законодотворцев. Естественно, что академик А. А. Логунов, будучи на посту ректора МГУ им. М. В. Ломоносова, не мог предвидеть политического и экономического кризиса, который привел к распаду Советского Союза, когда уже не могло быть и речи о сохранении привилегий автономии для отдельно взятого высшего учебного заведения.

Случись принятие этого законопроекта чуть раньше, возможно, что коллектив ВУЗа по заслугам бы оценил старания ректора и его команды. Ведь дело не в том, что они не учли пожеланий коллектива или выработали неправильную позицию, не рассчитав сил, дело «споткнулось» на мелочи. Не хватало серьезных финансовых вливаний со стороны рассыпающегося государства не только на фундаментальную науку, но даже на выплату зарплат и стипендий.

В «смутные времена» в обществе образование, культура, искусство, вопросы воспитания отходят на вторые роли. Блестящий план академика Логунова по созданию автономного образовательного учреждения до конца так и не смог реализоваться в силу изменения политической ситуации в стране. «Когда грохочут пушки – музы молчат». Но рациональная идея, если уж она на самом деле чего-то стоит, обязательно найдет последователей в будущем. Так, идея академика А. А. Логунова о создании автономии в МГУ вновь становится актуальной, а его опыт будет востребован перспективно мыслящими руководителями.

¹⁵ Тротин В. И. Ректор Московского университета академик Анатолий Алексеевич Логунов и его время (к 80-летию со дня рождения). М., 2006. С. 34.

ЮНОШЕСКИЙ ДНЕВНИК А. С. ТИМАШЕВА: РЕЦЕПЦИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Н. В. Семенова
(СПбГУ)*

В 1921 г. Петроградская комиссия по улучшению быта ученых (КУБУ) передала в Академию наук найденные в Доме ученых бумаги. Они касались эмигрировавшего в Германию семейства Тимашевых. Материалы затем были перенаправлены в Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Среди прочих документов сохранился юношеский дневник Андрея Сергеевича Тимашева (1899–1998), который тот вел с 1914 по 1918 г.¹

А. С. Тимашев происходил из старинного дворянского рода, один из представителей которого – А. Е. Тимашев, управляющий Третьим отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, а затем министр внутренних дел, упоминается в ироническом стихотворении А. К. Толстого «История Государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1868). Отцом Андрея Сергеевича был известный политик Сергей Иванович Тимашев – управляющий Государственным банком (1903–1909), министр торговли и промышленности (1909–1915)². В 1915 г. С. И. Тимашев готовился уйти в отставку. К моменту начала ведения дневника семья состояла из отца и четырех детей – Николая, Ивана, Бориса и Андрея, а также жены Николая Гени.

Наибольшую известность из младшего поколения Тимашевых получил Николай Сергеевич (1886–1970), чья карьера социолога сложилась еще до Революции 1917 г. (профессор, декан экономического отделения Петроградского Политехнического института), а позже успешно продолжалась в США. Ему принадлежит фундаментальное исследование «Великое отступление» («The Great Retreat», 1946) о возрождении традиционных ценностей в советском обществе. Имен-

¹ РО ИРЛИ. «Книга поступлений за 2013 г.». Пост. № 12.

² «И как мне радостно, что в Божьей воле на Божьей ниве я смиренный жнец» (Интервью *Марины Адамович* с графиней Татьяной Николаевной Бобринской) // Континент. 2004. № 120. С. 161.

но со старшим братом совершил побег из России Андрей Тимашев. Однако влияние на юношу оказал не столько старший, сколько погибший на войне средний брат Иван и жена Николая Геня. Переживание их смерти составляет сюжетный стержень дневника.

В тексте, создаваемом Андреем Тимашевым, травматическое событие войны накладывается на постоянно ведущуюся работу по формированию личности, подспудно участвуя в ней. Тем самым мемориальная функция текста отходит на второй план, уступая место самовоспитанию. Как ни парадоксально, свидетельство о войне обретает от этого небывалую силу.

Продemonстрируем данное утверждение на нескольких примерах. На первых страницах дневника война упоминается в контексте прочитанных романов («Дым» И. С. Тургенева и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого) фиксацией количества съеденного за обедом и чаем, сетованиями на отсутствие силы воли и несделанное домашнее задание: «За последнее время я совсем почти не думаю о войне (за исключением вечеров в постели)» (4.I.1915). С каждой следующей записью, где фигурирует ключевое слово «война», Тимашев теряет свою подростковую беспечность: «Если война будет продолжаться еще долго, то мне придется, может быть, принять в ней участие. В этом случае безволие повлечет за собой большие неприятности. Хладнокровие и сила воли, безусловно, необходимы на войне – иначе нельзя принести пользы» (2.II.1915).

С осознанием возможной сопричастности событиям начинается сублимация войны: в дневнике возникает идеализированный образ брата, уходящего на фронт. Душевное превосходство Вани и стремление быть похожим на него становятся лейтмотивами воспоминаний Андрея Тимашева. Чувство тоски, которое тот испытывает по Ивану, сочетается с тревожным ожиданием новостей о нем и со стремлением к перфекционизму.

И. С. Тимашев погиб летом 1915 г.³ Его кончина повлекла за собой значительные изменения в личности Андрея. С этого момента он не просто отмечает появление мыслей о войне, но анализирует их: вспоминает себя в первые дни войны, Страсбург, разговор семилетней давности с братом Борей. «Одно время я с ужасом думал о предстоящей войне, потом это сменилось грустью. Теперь же мне скоро настанет время заменить в полку бедного Ваню и показать, что произнесенные тогда слова превратились в решения» (13.I.1916).

³ Тимашев А. О давно минувших годах... // Новый журнал. 2004. Кн. 236. С. 89.

Конструирование виртуального образа Вани по реальным и воображаемым диалогам коррелирует с британской традицией жизнеописаний, преобладавших во вторую половину Первой мировой войны, – «военными мемуарами павших» (термин С. Хайнса)⁴. Это были тексты писем и военных дневников, отредактированных родственниками и изданных с целью запечатлеть память о погибшем. С другой стороны, утверждалась мысль о цене, которую платит нация за победу. Аналогичным образом Андрей Тимашев в своих записках, не предназначенных для публичного чтения, оплакивает брата и «продлевает» жизнь погибшему, применяя поведенческую модель и этические воззрения брата на практике: «Что бы думал Ваня об Эде? Как бы он отнесся к Хвостовым?»

Одним из центральных моментов дневника является описание замысла полотна об искушении Христа. Запись вклинивается в поток размышлений о Ване и дает еще одну интерпретацию его личности, на этот раз в символическом ключе. Предложение дьявола о мировом господстве сопровождается имперской атрибутикой (возвращение римского императора после победы, торжественно плывущий флот), к которой равнодушен Христос. Он молится об укреплении сил (рефрен дневника) и сознает «необходимость этого тяжелого испытания» (18.III.1916). Фигура Христа и милитаристический характер картин искушения транспонируются на восприятие брата и войны.

К концу 1916 г. Тимашевы находятся в состоянии подавленности: «Приехал из Топоров Коля. Мы с ним и с папой говорили о положении внутренних и внешних дел. Все в глубочайшем за все время отчаянии (по поводу России)» (23.X.1916). Столь мрачный взгляд на вещи в это время обусловлен болезнью «миллой Генички», угасавшей от туберкулеза. Последняя запись в дневнике сделана спустя год после смерти золотки (9/10.VII.1918). Война и революция представлены в ней как фон, на котором развернулась личная трагедия семьи. Подобная интериоризация исторических событий отличает дневник, фиксирующий происходящее здесь и сейчас, от воспоминаний. В позднейших мемуарах А. Н. Тимашева, написанных им в конце жизни,⁵ рассказ о Первой мировой войне обрамлен описанием ситуации до и после нее. Од-

⁴ *Стьюарт В.* «Военные мемуары павших»: роль письма и памяти в Первой мировой войне // Новое литературное обозрение. 2012. № 4 (116). С. 294 и след.

⁵ *Тимашев А.* О давно минувших годах... // Новый журнал. 2004. Кн. 235, 236.

нако вследствие расширения панорамы частично исчезает драматизм и ощущение аутентичности при сохранении общей сюжетной канвы.

Опыт войны, данный сквозь призму культуры, повлиял на становление личности подростка, молодого представителя элиты Российской империи. Мировой катаклизм ускорил процесс взросления юноши, этапы которого можно буквально проследить по датам. Основным итогом самовоспитания Андрея Тимашева явилось осознание универсальной, но не менее важной от этого мысли о ценности человеческой жизни. Вторым результатом ведения дневника стало обретение памяти в широком смысле слова, как культурной, сформировавшей идентичность А. С. Тимашева, так и материальной – об ушедших людях, которых он любил.

ЛЕВЫЕ ДИССИДЕНТЫ В СССР И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ЧАСТНЫЕ ПРИМЕРЫ КОНТАКТОВ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В. Н. Сергеев, к.и.н.

(Московский государственный университет путей сообщений)

Смерть И. Сталина и начавшийся после этого плавный и медленный процесс десталинизации и демократизации всего социалистического лагеря привели к активизации протестных настроений населения. Но зачастую этот протест был направлен не на саму идею построения социализма/коммунизма, то есть общества, основанного на идеях свободы, равенства и солидарности, а направлялся против конкретных тактик и стратегий построения социалистического общества. Такое направление борьбы различных слоев населения Советского Союза и стран народной демократии нельзя объяснить их частичным «прозрением» и непониманием истинной сущности данных режимов.

Сама историческая действительность опровергает характерные для теории тоталитаризма тезисы о единомыслии в социалистическом лагере и постепенном выдавливании из оппозиционеров левых идеологий в процессе их морально-нравственного освобождения. Критика реального социализма зачастую шла совместно с критикой капитализма или с нежеланием его принимать как единственную альтернативу бюрократическим деформациям. Фактически можно говорить, что критика социально-экономической и политической действительности в Восточной Европе и СССР была направлена на развитие демократических и эгалитарных моментов, то есть делалась с левых позиций.

Зарождение левой оппозиционной активности в соцлагере в середине 1950-х гг. имело несколько взаимосвязанных точек или центров концентрации активности. Связь не всегда была прямой, и даже в большинстве случаев это было влияние примеров, которые вселяли уверенность иного, не капиталистического пути, и давали возможность найти товарищей и единомышленников. Именно так развивались отношения между польскими ревизионистами и левыми диссидентскими группами в СССР. Классическим примером такой связи является Союз патриотов (группа Краснопевцева – Ренделя).

Деятельность Л. Краснопевцева и Л. Ренделя по созданию оппозиционной группы начинается с установления контактов с польскими ревизионистами и польским землячеством в МГУ. Конечно, общение было неравноценным. Советские диссиденты были в основном реципиентами: в обмен на ценную литературу и информацию они могли только оказывать моральную поддержку в правильности выбранного курса. Контакты группы Краснопевцева – Ренделя с польскими ревизионистами начались с поездок Н. Обушенкова (сентябрь 1956 г.) и Л. Краснопевцева (апрель 1957 г.) в ПНР¹. В ходе этих поездок произошел первый контакт с главным редактором газеты «Po prostu» Э. Лясотой. Также члены группы имели контакты с журналисткой И. Левандовской и с одним из лидеров польского молодежного движения Адамским². Тесные связи с польскими ревизионистами помогал поддерживать Э. Скальский, который был главой польского землячества в МГУ. Через него члены группы Краснопевцева стремились наладить контакт с берлинским «кружком Гартвига», но эти планы не удалось реализовать³.

Советская диссидентская левая печать очень много дискутировала о применимости в СССР польского или венгерского варианта развития борьбы за подлинный социализм. Собственно анализ польского и венгерского опыта был центральным в программе Союза патриотов⁴. В этом плане показательным является широкое распространение польской прессы в оппозиционной среде. Конечно, польские газеты и журналы уступали по популярности югославским, в частности газете «Борьба». На примере оппозиционных молодых историков можно увидеть, что спросом пользовались не только политические газеты и журналы, но и научные, культурные издания. Полуподпольная работа по переводу на русский язык отдельных, наиболее важных статей

¹ Подробнее см.: *Сергеев В. Н.* «Университетское дело»: формирование оппозиционных взглядов группы Л. Краснопевцева – Л. Ренделя. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mkonf.iriran.ru/papers.php?id=69> (дата обращения: 20.02.2013).

² ГА РФ Ф. Р–8131. Оп. 31. Д. 79866. Л. 17.

³ *Силина Л. В.* Настроения советского студенчества. 1945–1964 гг. М., 2004. С. 149.

⁴ Подробнее см. *Сергеев В. Н.* К вопросу об идеологии группы Краснопевцева-Ренделя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2012. № 3. С. 98–103.

из польской прессы и их распространение отчасти заложило основы самиздатовской деятельности. Именно левые диссиденты начинают формировать традицию политического самиздата в СССР.

Невозможность реализовать революционный потенциал в СССР после XX Съезда КПСС привела к определенной социально-политической апатии и поиску новых форм политического участия. Но во второй половине 1970-х гг. стали активно возникать новые группы левых диссидентов. Их критика была направлена как против советской партийной и государственной бюрократии, так и против реставрации капитализма. Для нового поколения диссидентского левого движения очень важным и актуальным был анализ опыта восточноевропейских оппозиционеров, а также возможность его применения к советской действительности. В частности, предпринимались попытки освоить наследие «Солидарности» и КОС–КОР.

Одной из лучших попыток наладить контакт с польскими оппозиционерами и перенести польский опыт на советскую реальность стала деятельность «Молодых социалистов» (группа альманаха «Варианты», группа А. Фадиной и П. Кудюкиной). Именно они установили контакты с «Солидарностью» и наладили настоящий процесс взаимодействия. Группа Фадиной – Кудюкиной активно участвовала в распространении русскоязычного варианта «Послания к трудящимся Восточной Европы». Само же «Послание» стало ответом на «письма» из Советского Союза. После успехов польских профсоюзных активистов «Молодые социалисты» весной 1981 г. написали свое послание польским профсоюзным оппозиционерам, которое при помощи Н. Иванова было передано К. Моровецкому. Сам же текст советских левых диссидентов был подписан от имени Учредительного комитета свободных профсоюзов в СССР⁵. В реальности такой организации не существовало. Это была попытка ускорить процесс формирования синдикалистских организаций в Советском Союзе.

В то же время редакция альманаха «Варианты» относилась критически к антикоммунистическим элементам в «Солидарности». Ярко выраженные католические политики под борьбой с существовавшим политическим режимом в ПНР подразумевали борьбу вообще с социалистической, левой идеей. По мнению «Молодых социалистов», в польском профсоюзном движении наблюдалась проблема револю-

⁵ Иванов Н. «Солидарность» и советские диссиденты: [Электронный ресурс] // Новая Польша [сайт]: [2005]. URL: <http://www.novpol.ru/index.php?id=523> (дата обращения: 20.02.2013).

ционного руководства. Левый по своей сути протест рабочих был возглавлен католическими антикоммунистами.

«Молодые социалисты» отрицали возможность механического переноса польского опыта на советскую почву. По замыслу группы Фадина – Кудюкина в условиях позднебрежневского режима необходимо было готовить почву для дальнейшей активизации рабочего класса. В противном случае созданные в СССР синдикалистские организации не имели бы реального выхода на широкие рабочие массы. Причиной тому была практически полная утеря традиции самоорганизации пролетариата в СССР. Тем более сам рабочий класс к этому времени был довольно сильно деморализован и находился в атомизированном состоянии. Фактически в тот период «Молодые социалисты» вели разговоры лишь о создании советского варианта КОС–КОР. Такая структура должна была в будущем сформировать политическую организацию пролетариата.

Помимо описанных выше двух примеров коллективных контактов между восточноевропейскими оппозиционерами и советскими левыми диссидентами было много случаев индивидуального взаимодействия. Его простейшей формой был перевод материалов прессы ПНР, СФРЮ, ЧССР и др. Все это позволяет говорить о важности таких контактов прежде всего для советских оппозиционеров, которые получали образцы для подражания и пищу для интеллектуальной деятельности.

МОДЕРН ПРОТИВ ПОСТМОДЕРНА: ТРАКТОВКИ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ

*Н. Р. Сетов, к.п.н.
(МГУ имени М. В. Ломоносова)*

Последняя четверть XX и начало XXI в. в интеллектуальных кругах западного общества характеризовались радикальными попытками переосмысления истории всей человеческой цивилизации, итогами которых стало рождение нового философского подхода к исследованию мира – постмодернизма¹, который быстро проник во все сферы гуманитарного знания. Люди, называвшие себя постмодернистами², считали, что их подход изменит не просто методы и способы познания, а «что по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры – в эпоху постмодерна, изменяется статус знания»³. Разумеется, они во многом сами стремились к тому, чтобы изменить знание, воспользовавшись исторической ситуацией.

Несмотря на действительно активную и масштабную «инфильтрацию» постмодернистского типа мышления в сферу гуманитарных наук, в интеллектуальной элите западного мира было немало противников этого подхода, ученых и исследователей, отстаивавших классические подходы к анализу реальности.

И хотя границы этих понятий крайне условны и размыты, на наш взгляд, уместно говорить о противостоянии двух типов мышления – «Модерна» и «постмодерна», которые фактически характеризуют всю интеллектуальную жизнь современности.

Первый тип, «Модерн», гораздо старше второго и ведет свое начало от идей французских просветителей XVIII в., которые заложи-

¹ Сам термин возник гораздо раньше, еще в начале XX в. Впервые он был использован Р. Панвитцем, который писал о «постмодерном человеке» в работе «Кризис европейской культуры».

² Хотя далеко не все мыслители, чьи фамилии традиционно ассоциируют с постмодернизмом, считали себя сторонниками этого течения. Так, например, М. Фуко никогда не считал себя постмодернистом.

³ *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии, 1998. С. 15.

ли основы рационалистического понимания мира, стремились к монизму и индивидуализму, верили в прогресс. По мнению некоторых исследователей (Ю. Хабермас, Дж. Грей), именно тогда были сформулированы основные постулаты проекта «Модерн» (т. е. проекта Просвещения), который не выдержал испытаний истории и в целом провалился⁴.

Второй тип, «постмодерн», возникает лишь во второй половине XX в. и является следствием нестандартной эволюции структурализма к постструктурализму, а затем и к постмодернизму. Мыслители, традиционно относимые к постмодернизму, отличаются иррационализмом, релятивизмом, отсутствием веры в какой-либо прогресс и в то, что в мире действуют законы логики.

Несмотря на столь четкое, казалось бы, разграничение сущностей этих двух подходов, термины «Модерн» и «постмодерн» также характеризуют и историю. И в этом случае мы наблюдаем масштабную путаницу, виновниками которой, как ни странно, являются сами постмодернисты. Ж.-Ф. Лиотар, в частности, пишет: «Постмодернизм, понятый подобным образом, – это не конец модернизма, но модернизм в состоянии зарождения, и состояние это постоянно»⁵. Лиотар характеризует историю как «парадокс предшествующего будущего», при этом отмечая, что только вторая половина XX в. характеризуется восприятием мира как хаоса, который не поддается рациональному осмыслению. Под «Модерном» же понимают либо историю до 1914 г., либо до 1945, а в некоторых случаях до 1905⁶.

Тем не менее трактовки истории и политики с позиций этих подходов все-таки могут быть дифференцированы с относительно четкой демаркационной линией. Наиболее успешное дифференцирование, на наш взгляд, было проведено американским исследователем И. Хас-

⁴ В данном случае позиции мыслителей могут различаться: Ю. Хабермас считает, что проект Просвещения не так сильно устарел, как может показаться на первый взгляд; Дж. Грей отмечает, что пришло время устроить «поминки по Просвещению», что и делает в одноименной работе.

⁵ Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. М.: Ad Marginem, 1994. С. 319.

⁶ В частности, в Ф. С. де Онис в «Антологии испанской и латиноамериканской поэзии» трактует историю следующим образом: до 1905 – модернизм; 1905–1914 – постмодернизм; после 1914 – ультрамодернизм.

саном в работе «Постмодернистский поворот»⁷, где он предложил таблицу различий между модернизмом и постмодернизмом.

Для модернизма характерны: ориентация на форму, планирование и иерархия, созидание, дистанцированность от объекта исследования, опора на парадигмы, стремление увидеть корни и глубину феномена, типологизация и каузальность и, как следствие, стремление к определенности.

Постмодернизм же представляет собой антиномию предыдущего и характеризуется следующими параметрами: «антиформа», случайность и анархия, деструкция, участие в объекте исследования, опора на синтагмы, поверхностное исследование феноменов, интерес к нестандартным отклонениям, мутациям и следствиям, что приводит к стремлению к неопределенности.

Данное сравнение, к сожалению, не дает нам ответа на вопрос о том, какой же из подходов является наиболее актуальным в настоящее время и какой флаг развернется над нашим будущим – «Модерна» или «постмодерна». Пытаясь найти ответ на этот вопрос, нам кажется уместным привести точку зрения авторитетного британского политического философа Дж. Грея, автора работы с претенциозным названием «Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности».

Как следует из подзаголовка текста, наша эпоха – конец современности, закат Модерна и его проекта, который, как пишет Грей, «сохраняет свои позиции главным образом из-за страха, внушаемого последствиями отказа от него»⁸. Грей считает, что западная цивилизация была «заколдована»⁹ проектом Просвещения, сулившим множество преимуществ для человечества. Но по факту этот грандиозный проект с треском провалился, оставив после себя лишь «неразобранные руины», среди которых и стоят интеллектуалы XXI в.

Но самое страшное заключается в том, что «невозможно ни повторное “заколдовывание” мира, ни возрождение проекта Просвещения»¹⁰ в западном мире, западная цивилизация обречена на жизнь без общей

⁷ Hassan I. The Postmodern Turn. Columbus: Ohio University Press, 1987.

⁸ Грей Дж. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003. С. 279.

⁹ Вероятно, это не самый точный перевод слова «enchantment»; возможно, было бы разумней переводить его как «очарованность».

¹⁰ Грей Дж. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003. С. 283.

концепции морали и картины мира, и «в наследство нам достается разочарование»¹¹. История покажет, прав ли Дж. Грей и каково будущее, ведь «модерн» и «постмодерн» определяют не только принципы исследования истории и политики, но и картину мира.

¹¹ Там же. С. 280.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СССР И КНДР В 1945–1948 гг. (по материалам российских архивов)

Син Се Ра
(Институт востоковедения РАН)

До открытия российских архивов, во время холодной войны, южнокорейские ученые исследовали историю отношений между СССР и КНДР, основываясь лишь на западных источниках. Во время холодной войны, находясь под влиянием политической атмосферы того времени, большинство южнокорейских исследователей истории Северной Кореи и отношений между СССР и КНДР придерживались определенных идеологических и политических стереотипов.

С 1980-х гг. молодые южнокорейские ученые стали постепенно освобождаться от идеологического влияния и подвергать критическому анализу устоявшиеся догмы времен холодной войны. История КНДР и ее отношений с СССР также стали важным объектом их исследований. Однако в те годы эти исследования, как правило, основывались на материалах и документах, захваченных американскими солдатами на территории Северной Кореи во время Корейской войны и вывезенных впоследствии в США. Но среди множества таких «трофейных» материалов лишь часть, самая безобидная, была рассекречена и подвержена идеологической цензуре. А следовательно, в использовании этих материалов был необходим осторожный подход. Таким образом, в 1980-е гг. новая попытка молодых южнокорейских ученых внести свой вклад в осмысление и переоценку истории КНДР и ее отношений с СССР зашла в тупик из-за недостатка источников и материалов.

В начале 1990-х гг. благодаря открытию российских архивов были рассекречены важные материалы, проливающие свет на политику СССР в отношении Северной Кореи. Эти рассекреченные документы КПСС, советского правительства и армии открывали новые перспективы в исследовании истории отношений СССР и КНДР, истории КНДР. Разумеется, большинство важных материалов, в частности материалы, затрагивающие дипломатические интересы России, не рассекречены и по сей день. Однако даже те документы и материалы,

которые уже рассекречены, позволяют провести всесторонний исторический анализ.

Именно эти материалы и сыграли важнейшую роль в исправлении исторических искажений, южнокорейских стереотипов времен холодной войны, которых прежде придерживались многие южнокорейские исследователи. В результате многие области исследования, такие как политика СССР в отношении Кореи, советская военная доктрина, социально-экономические преобразования в Северной Корее под управлением советской гражданской администрации, роль СССР в Корейской войне, отношения между СССР и КНДР после Корейской войны и т. п., подверглись заметной переоценке и теперь трактуются несколько иначе.

В то же время Северная Корея в силу политических причин до сих пор не открыла свои документы и материалы. Поэтому необходимо отметить, что в настоящее время именно российские архивы являются уникальной «сокровищницей» редких материалов и документов, проливающих свет на историю Северной Кореи и перипетии отношений между Москвой и Пхеньяном. Можно с большой вероятностью предположить, что до тех пор, как Северная Корея откроет свои материалы для зарубежных исследователей, документы и материалы российских архивов будут неизменно продолжать играть уникальную и важную роль в исследованиях по истории отношений между СССР и КНДР и по истории КНДР.

В данном докладе с позиций южнокорейского историка анализируется по материалам российских архивов история отношений между СССР и КНДР и история Северной Кореи. В частности, в докладе рассматривается развитие отношений между двумя странами в трехлетний период советской гражданской администрации, сразу после освобождения Кореи (1945–1948 гг.). Для глубокого понимания и анализа этого периода необходимо исследовать источники и документы КПСС, МИД СССР и Министерства обороны. Поэтому в данном докладе предметом исследования являются материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и Центрального архива министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ).

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ПРИСОЕДИНЕНИИ К СССР ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ (1939–1941)

*Ф. Л. Синицын, к.и.н.
(ИРИ РАН)*

После того как 23 августа 1939 г. СССР и Германия подписали Договор о ненападении и Секретный дополнительный протокол к нему, Советский Союз получил возможность реализовать свои устремления по присоединению (или возврату в состав страны) ряда территорий, в том числе Западной Украины и Западной Белоруссии, польская принадлежность которых оспаривалась еще с начала 1920-х гг. Утром 17 сентября 1939 г. Советское правительство вручило польскому послу ноту, в которой говорилось, что СССР «не может... безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными»¹.

В тот же день Красная армия перешла границу Польши, выступив «на защиту жизни и имущества населения Западной Украины и Западной Белоруссии»². К этому времени на этих территориях происходили восстания, отмечалось массовое неподчинение польским властям³. 28 сентября 1939 г. СССР и Германия подписали «Договор о дружбе и границе», который легитимировал раздел Польши. 1–2 ноября 1939 г. Западная Украина и Западная Белоруссия были приняты в состав СССР⁴.

Основным обоснованием акций по присоединению к СССР новых территорий было воссоединение единокровных народов, угнетавшихся Польшей. Так, было объявлено, что Западная Украина – это «исконная

¹ Правда. 1939. 18 сентября.

² *Абрамов А., Венский К.* Западная Украина и Западная Белоруссия. Исторический очерк. Л., 1940. С. 47.

³ *Яковлева Е. В.* Польша против СССР. С. 28–29, 32, 110–111, 115.

⁴ *Абрамов А., Венский К.* Указ. соч. С. 47.

русская земля»⁵. Вопрос о воссоединении украинского и белорусского народов действительно стоял очень остро. Польское правительство осуществляло колонизацию Западной Украины и Западной Белоруссии. Проводилась ликвидация национальных школ, учреждений культуры и общественных организаций⁶. Польские власти преследовали православную церковь. На белорусские и украинские земли заселялись польские военизированные поселенцы – «осадники»⁷.

В целом идеологическое обоснование продвижения Советского Союза на запад как освобождение украинцев и белорусов оказалось удачным для восприятия общественным сознанием в СССР⁸. В то же время в народной среде проявилось непонимание этой внешнеполитической акции: «Советский Союз стал фактически помогать Гитлеру в захвате Польши», «Вот тебе и Красный империализм... Немцы, когда Судеты захватывали, тоже писали, что они немцев защищают»⁹.

После присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР, несмотря на первоначальную эйфорию местного населения, реформы новых властей, а также ухудшение снабжения и другие отрицательные последствия советизации вызвали сопротивление местного населения. Советская власть вследствие быстро лишилась выданного ей «кредита доверия»¹⁰.

На Западной Украине проявилась деятельность Организации украинских националистов¹¹. С октября 1939 г. по апрель 1941 г. в западных областях УССР было вскрыто 393 нелегальные ячейки ОУН, арестовано 7625 чел.¹² Под влияние ОУН попадали некоторые представители молодежи, призванные в Красную армию¹³. Антисоветской деятельности ОУН способствовало реализованное в 1920-х и 1930-х гг. заигрывание властей Польши с украинскими националистами

⁵ Мин Д. Западная Украина. М., 1939. С. 4.

⁶ Западная Белоруссия (Статистический справочник). Минск, 1939. С. 136; Мин Д. Указ. соч. С. 39.

⁷ Яковлева Е. В. Указ. соч. С. 22–23, 25.

⁸ Невежин В. А. Польша в советской пропаганде 1939–1941 гг. // Россия и внешний мир: диалог культур. Сборник статей. М., 1997. С. 86.

⁹ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. М., 2004. С. 451–453.

¹⁰ Майнер С. М. Сталинская священная война. М., 2010. С. 67.

¹¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 531. Л. 10.

¹² Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939–1943. М., 2012. С. 11.

¹³ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 5. Л. 11.

с целью направить их активность против СССР¹⁴. Советская пропаганда противодействовала агитации ОУН, утверждая, что украинские националисты «верой и правдой служили польским панам»¹⁵.

Наличие в Западной Украине и Западной Белоруссии многочисленного польского населения (до 43 %) ¹⁶ создавало трудности для советских властей. После сентября 1939 г. здесь развернуло свою деятельность польское подполье¹⁷. С целью воспрепятствовать «польскому влиянию» советские власти осуществляли «деполонизацию» государственного аппарата новых территорий¹⁸. Проявилась вражда между украинцами и белорусами, с одной стороны, и поляками с другой. В июле 1940 г. И. В. Сталин потребовал от секретаря Львовского обкома КП(б)У Л. С. Грищука «принять меры к установлению братских отношений между украинскими и польскими трудящимися»¹⁹.

С целью борьбы с националистическим подпольем и другими «враждебными элементами» советские власти прибегли к репрессиям. В феврале 1940 г. была осуществлена депортация более 200 тыс. «осадников» и «лесников» (работники Польской лесоохраны) в отдаленные регионы СССР. В мае 1941 г. депортировали членов семей участников националистических организаций из Западной Украины в количестве 11 тыс. чел., в июне 1941 г. – из Западной Белоруссии в количестве 21 тыс. чел.²⁰

На национальные отношения на территории Западной Украины и Западной Белоруссии оказывала воздействие гитлеровская Германия. Освободительный характер действий советских войск на Западной Украине и в Западной Белоруссии, да еще перед лицом германской опасности, не устраивал нацистское руководство. После начала Германо-польской войны гитлеровская агентура на Западной

¹⁴ РГВА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 497. Л. 7.

¹⁵ Бриль М. Указ. соч. С. 26.

¹⁶ Radziwiłł, Anna; Roszkowski, Wojciech. Historia 1871–1939. Podręcznik dla szkół średnich. Warszawa, 2001. S. 278.

¹⁷ Яковлева Е. В. Указ. соч. С. 59.

¹⁸ Бракель А. Межнациональные конфликты как следствие национальной политики советской и немецкой властей (1939–1944) // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мінск, 2004. Вып. 3. С. 78.

¹⁹ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 558.

²⁰ Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 791–792.

Украине развила кипучую деятельность по подготовке провозглашения «независимого государства» при подходе германских войск. Эта деятельность была прекращена лишь после вступления на польскую территорию Красной армии²¹. В 1939–1941 гг. гитлеровцы активно сотрудничали с украинскими и белорусскими эмигрантскими организациями, надеясь использовать их возможности в случае будущего вторжения в СССР²².

«Германский фактор» проявился в настроениях населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Разочарованные советской политикой жители этих регионов вспоминали, что находившиеся непродолжительное время в 1939 г. на этих территориях немцы давали им «хлеб», а потом «пришли Советы, отняли последнее»²³. Депортированные «осадники» и «лесники» возлагали надежды на Германию: «Гитлер бывшую Польшу снова восстановит, какой она и была, и к ней присоединится вся Украина и Белоруссия, и... мы вернемся обратно в Польшу»²⁴.

Таким образом, национальный фактор в присоединении Западной Украины и Западной Белоруссии играл важную роль. В одном государстве были воссоединены украинский и белорусский народы. Советский Союз, получив дополнительные 12,8 млн чел. населения, усилил свой человеческий потенциал. Однако ошибки, допущенные при советизации новых территорий, не только отшатнули от новой власти их население, но и впоследствии дали гитлеровской пропаганде пищу для спекуляций. Советское руководство, в свою очередь, не доверяло населению новых территорий. Борьба с националистическим подпольем на новых территориях продолжалась до 1950-х гг.

²¹ Розанов Г. Л. Сталин – Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939–1941 гг. М., 1991. С. 112, 114–115.

²² Майнер С. М. Указ. соч. С. 72.

²³ Невежин В. А. Синдром наступательной войны. С. 100.

²⁴ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 60. Л. 49 об.

КРИТИКА С. И. ГЕССЕНОМ РЕВОЛЮЦИОННОГО КОММУНИЗМА

Н. В. Словеснова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Российская история редко шла плавно: периоды затишья сменялись бурями. Но случались и события, полностью изменившие направление развития страны. Такими моментами были принятие христианства, установление и избавление от татаро-монгольского ига, смена династий, правление Петра I, отмена крепостного права. В XX веке такими поворотными событиями стали Февральская и Октябрьская революции 1917 г., в результате которых изменились не только государственное устройство, власть, социальные отношения, с приходом к власти большевиков и созданием страны Советов переменялась культура людей, их духовная жизнь и мировоззрение.

Многие из тех, кто не принял новую власть, образ жизни и мысли, покинули страну. Среди них был и выдающийся русский ученый Сергей Иосифович Гессен, в 1922 г. вынужденный эмигрировать в Германию. Как впоследствии признавался сам мыслитель: «Покидая Петербург, я разделял общее убеждение большинства моих друзей и знакомых, что Советская власть не продержится долго. Мне и в голову не приходило, что я покидаю Россию навсегда»¹.

Сергей Гессен был не только оригинальным философом, его педагогические и социально-политические труды также представляют интерес для исследователей. Политические воззрения Гессена находятся в поле, в котором пересекаются либеральная и социалистическая идеология. Несмотря на первоначальную сложность их синтеза, мыслителю удалось создать оригинальную концепцию правового социализма² и довольно полно раскрыть ее в серии статей для журнала

¹ *Гессен С. И.* Мое жизнеописание // Избранное / С. И. Гессен [сост., автор вступ. ст. Е. Л. Петренко, авторы коммент. М. И. Иванов, Т. В. Иванова]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 794.

² *Ширинянец А. А.* Генезис проблемы правового социализма в творчестве С. И. Гессена («Политическая свобода и социализм», 1917 г.) / А. А. Ширинянец, Б. В. Агаев // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2011. № 1. С. 3–13.

«Современные записки», вышедших в Париже в 1924–1927 гг.³ Впоследствии эти статьи составили основной социально-политический труд Гессена «Правовое государство и социализм»⁴.

Предметом исследования для Гессена были генезис и развитие правового государства. Начав с критики других концепций, мыслитель постепенно подходит к собственному видению модели государства, основанного на принципах права и солидарности. Анализируя становление правового государства, Гессен рассматривает развитие идеи права в различных учениях: он последовательно критикует утопический социализм, консерватизм и марксизм за отрицание ими права. В упомянутых учениях право либо заменяется идеей Блага, либо отрицается в принципе.

Первой попыткой воплощения марксистских идей в реальной практике стал революционный коммунизм в России. В нем теоретические положения марксизма претерпели значительные изменения. Критику революционного коммунизма Гессен начинает с утверждения, что «даже осуществленная наилучшим образом «диктатура пролетариата» способна только разрушить старый порядок, но не способна создать никакого нового общественного строя. Бессилие это вытекает из самого существа революционного марксизма как чистого... отрицания»⁵. Иными словами, коммунизм обречен на провал, так как изначально основывается на неверной посылке, а именно отрицании права. Гессен считает, что попытки наполнить идею Блага, которой русские коммунисты попытались заменить идею Права, положительным содержанием неизбежно превратили бы их в консерваторов, чего не могли себе позволить последователи марксизма. Поэтому им пришлось «прикрыться личиной положительного Блага» и тем самым стать «грубой подделкой консерватизма»⁶.

³ Современные записки. Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. Книги XIX–XXXI. Париж, 1924–1927.

⁴ Гессен С. И. Правовое государство и социализм // Избранное / С. И. Гессен [сост., автор вступ. ст. Е. Л. Петренко, авторы коммент. М. И. Иванов, Т. В. Иванова]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 43–309.

⁵ Там же. С. 165.

⁶ Гессен С. И. Правовое государство и социализм // Избранное / С. И. Гессен [сост., автор вступ. ст. Е. Л. Петренко, авторы коммент. М. И. Иванов, Т. В. Иванова]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 165–166.

Основой социализма, говорит Гессен, Ленин и другие революционные марксисты полагали идею «огосударствления», то есть передачи государству всей собственности. Только после этого оно исчезнет и сольется с обществом. Но государство также является частным собственником: «поскольку общество не есть та последняя *идея* человечества, оно есть такой же *частный* собственник... оно точно также имеет свою частную волю, не совпадающую с волей других лиц, и может направлять ее против этих последних»⁷. При существовании одного собственника, в данном случае государства, собственность утрачивает свою функцию обслуживания конкретной «хозяйственной задачи». Постоянное перемещение собственности из одного учреждения в другое, от одних государственных органов к другим, что имеет место при военном коммунизме, нивелирует, уничтожает собственность как таковую. Огосударствление не обобществляет, считает Гессен, оно может только уничтожить собственность. Разрешение проблемы состоит «не в том, *кто* собственник, а в том, *как* собственничает собственник»⁸.

Более того, при революционном коммунизме необходимо вырождается не только собственность, но и общество. «Вытравив» внутри своих членов личное начало, общество перестает быть тем, что оно есть – «самопроизвольным и органическим соединением людей». Общество превращается в механическую совокупность людей – казарму, армию. Комментируя идеи Троцкого, Гессен показывает, что, превратив общество в казарму и уничтожив ради избавления от эксплуатации частную собственность, коммунистическое государство создало строй, в котором осуществляется одобренная самими эксплуатируемыми эксплуатация ради высшего блага.

В заключение Гессен подчеркивает, что коммунизм изначально обречен на провал, ибо на голом отрицании, в данном случае капитализма, невозможно построить ничего нового. Для созидания нужно «положительное содержание», а его в революционном коммунизме нет – есть лишь попытка подражания и «прикрытия» идеей Блага. Гессен полагает, что отказ от огосударствления должен произойти вместе с отказом от его предпосылок – механистической концепции общества и отрицания государства и права. По мнению мыслителя, именно право является той «идеей человечества» и помогает собственности выполнять свою «общественную функцию».

⁷ Гессен С. И. Правовое государство и социализм // Избранное / С. И. Гессен [сост., автор вступ. ст. Е. Л. Петренко, авторы коммент. М. И. Иванов, Т. В. Иванова]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 180.

⁸ Там же. С. 168.

А. ДЕ ТОКВИЛЬ И Л. А. ТИХОМИРОВ О ДЕМОКРАТИИ

*О. Е. Сорокопудова, к.и.н.
(МГУ имени М. В. Ломоносова)*

Безусловно, сравнение представлений о демократическом устройстве общества Алексиса де Токвиля (1805–1859) и Льва Александровича Тихомирова (1852–1923) весьма условно, различий между этими мыслителями больше, чем сходств. Действительно, Тихомиров – русский народоволец, революционер, к концу жизни ставший консерватором-монархистом, Токвиль – социолог, политический деятель, представитель французского либерализма, симпатизировавший консерватизму. Тихомиров описывал «социальные миражи» демократии, Токвиль, напротив, стремился представить объективную картину демократической реальности.

Тихомиров анализировал демократию как политический строй, Токвиль говорил о демократии как о новом типе социальной структуры. Перечисление различий можно продолжить, однако, на наш взгляд, интереснее посмотреть на то, что объединяет этих мыслителей. Объединяющим же началом выступает их отношение к демократии и ее оценка. При всем том, что Тихомиров и Токвиль по-разному рассматривали демократию и даже определяли ее каждый по-своему, тем не менее общие черты этого социального и политического строя были выявлены ими схожие.

Прежде всего, оба мыслителя указывали на то, что распространение демократии носит всеобщий характер и не зависит от желаний и действий конкретных лиц. Тихомиров, анализируя современность, говорил: «То, что представителям государственного права XIX века кажется стремлением к сочетанию монархического принципа с аристократическим и демократическим, есть в действительности постепенное уничтожение первых двух в пользу последнего. Только книжность изучения позволяет ученым не видеть, что столь восхваляемые ими “гармонические сочетания” суть не более как минутные компромиссы между постепенно слабеющими, но еще живыми “старыми” принципами и торжествующим “новым” <...> Европа идет именно к

полному торжеству демократии»¹. На полвека ранее Токвиль сделал практически такой же вывод на основе изучения развития человеческой цивилизации вообще. Он отмечал, что процесс развития демократии необратим, он параллелен развитию цивилизации, это стремление человека к равенству и свободе, максимальному стиранию любых – социальных, экономических, политических границ между людьми. Токвиль писал о «демократической революции», остановить которую можно только остановив развитие человечества.

Сущность этого процесса преобразования аристократического мира с его упорядоченностью и делением людей на сословия и классы в демократическое смешение равноправных граждан Токвиль и Тихомиров уловили и описали практически в одном ключе. В работе «Демократия либеральная и социальная» Тихомиров высказывает те же идеи, что и Токвиль в «Демократии в Америке»: «Но вот является идея нового общества, основанного на свободе и равенстве. Выраженная в резком виде, это идея всеобщей одинаковости. Общество представляется уже не в виде расслоенного организма, где все специализировано и расположено в иерархическом порядке, а в виде некоторой протоплазмы, где все части одинаковы, все заняты всеми делами, все законодатели, все правители, все мыслители, все рабочие»².

По мнению обоих мыслителей, такое положение вещей при демократии приводит к общей посредственности как в культурном, так и в политическом отношении. Над человеком довлеет усредненное общественное мнение, каждый озабочен индивидуальным благополучием, всеобщее равенство людей не способствует появлению великих гениев, правители избираются не на основании их выдающихся, а значит выделяющих их, способностей, а по принципу максимальной приближенности к избирателям. Авторитеты для демократического общества также весьма заурядны и посредственны.

В отличие от старой аристократической иерархии, где каждый человек знал свое место, наследуя социальный статус от своих предков, демократия разрушает связи между людьми, они обретают социальную мобильность, становятся равными в правах и свободными в своих действиях. Нет наследственных привилегий, а, следовательно, нет общего духа, нет привязанностей к месту, к народу, к стране. Это обеспечивает стабильность демократического государства: чем меньше люди отличаются друг от друга по уровню образования и интеллекта,

¹ Тихомиров Л. А. Критика демократии. М., 1997. С. 112.

² Там же. С. 128.

тем более реализуется принцип «равенства», а значит, легче управлять – к такому выводу приходят оба мыслителя.

Демократическое общество начинает переходить в атомарное состояние, терять внутренние горизонтальные связи, все охотнее передает дополнительные полномочия и права единому и независимому центру. Оба автора высказывали опасения в конечном итоге такого общественного развития. Тихомиров и Токвиль, по-разному обосновывая свой вывод, указывали, что результатом повсеместного установления демократии может стать ее превращение в свою противоположность – деспотию. Тихомиров так об этом пишет: «Действительность современной эволюции представляет большую мечту, стремление к химере, погоню за социальными миражами. Не к созданию “высших” форм государственности идет она, а к истощению государственной идеи, к постепенному разложению всякого разумно организованного государства, с окончанием его либо в анархии, либо в деспотическом социализме. Настоящая идея современной эволюции именно в этом»³.

Токвиль приходит к такому же выводу, анализируя современное ему американское общество XIX в., он считает, что полное согласование равенства и свободы невозможно, и в итоге все государства приходят к двум крайностям: либо анархии, либо закрепощению⁴. Демократия превращается в тиранию большинства, а далее в единоличный деспотизм, то есть в тихую, размеренную мирную форму рабства при сохранении внешних атрибутов свободы⁵. У Тихомирова находим ту же идею о добровольном характере принятия тирании: «Демократические учреждения действительно необходимы. Дело только в том, что они необходимы вовсе не для проявления народной воли, а как средство внушения народу некоторого подобия воли»⁶.

Диагноз, который формулирует Токвиль для демократии, выражает мнение обоих авторов: «После того как все граждане поочередно пройдут через крепкие объятия правителя и он вылепит из них то, что ему необходимо, он простирает свои могучие длани на общество в целом. Он покрывает его сетью мелких, витиеватых, единообразных законов, которые мешают наиболее оригинальным умам и крепким

³ Там же. С. 112.

⁴ См.: Токвиль А. *де* Демократия в Америке. М.: Прогресс; Литера, 1994. С. 481.

⁵ Там же. С. 497.

⁶ Тихомиров Л. А. Критика демократии. М., 1997. С. 121.

душам вознестись над толпой. Он не сокрушает волю людей, но смягчает ее, сгибает и направляет; он редко побуждает к действию, но постоянно сопротивляется тому, чтобы кто-то действовал по своей инициативе; он ничего не разрушает, но препятствует рождению нового; он не тиранит, но мешает, подавляет, нервнрует, гасит, оглушает и превращает в конце концов весь народ в стадо пугливых и трудолюбивых животных, пастырем которых выступает правительство»⁷.

Токвиль и Тихомиров – два мыслителя, жившие в разное время и в разных условиях, основываясь на разных примерах, тем не менее имели общие представления о сущности происходящих социальных и политических процессов в мире. Высказанные ими предостережения и опасения чрезмерным увлечением традиционно привлекательной идеей всеобщего равенства и свободы в форме демократического управления не имеют срока давности. Явившись в XIX в. во Франции и в начале XX в. России как реакция на рационализм эпохи Просвещения и появление «обновленных» радикальных вариантов политических и социальных преобразований того периода, идеи критического осмысления демократической тенденции оказались одними из самых глубоких и жизнеспособных до сих пор.

⁷ Токвиль А. *де* Демократия в Америке. М.: Прогресс; Литера, 1994. С. 497.

ИСТОРИЯ УСПЕШНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В США В XX ВЕКЕ. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

И. Н. Стрекалов
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

В современном мире одной из основ развития государства является рыночная экономика. История показала, что командно-административный тип управления экономикой (который был присущ СССР и социалистическому лагерю стран в XX в.) хранит в себе исключительный недостаток: он монополизирует производство, конкуренция производителей отсутствует. Это приводит к тому, что качество товара не улучшается, цены могут расти, монополист-производитель в лице государства знает, что произведенные им блага все равно будут потребляться населением. Такая ситуация привела к социальной напряженности, которая, в свою очередь, стала одной из причин распада социалистической системы в мире, которая выводила на первый план идею о главной роли государства в экономике. Именно поэтому рыночная экономика и один из основных ее инструментов – конкуренция как борьба производителей за успех – приобретает актуальность сегодня. Конкуренция заставляет производителей улучшать качество производимого товара, что положительно сказывается на развитии любого современного государства в целом.

Сегодня обсуждение проблем рыночной экономики и предпринимательства актуально. Предприниматель является основным производителем современной экономики. Но как стать успешным предпринимателем? Предпринята попытка выявить формулу успешного предпринимателя с помощью изучения именно исторического процесса. Формула успешного предпринимателя исторически складывается из качеств личности, желающей стать предпринимателем, а также из благоприятствующих для предпринимательства условий, создаваемых государством в тот или иной исторический период¹. Новая цель,

¹ Подробнее см.: *Стрекалов И. Н.* Условия развития успешного предпринимательства в историческом контексте и его актуализация в современном

являющаяся логическим продолжением выявленной формулы, – доказать, что социально-экономическая и политическая ситуация в государстве формирует образ успешного предпринимателя, а не просто является одним из слагаемых формулы. Следуя цели, мы выдвигаем гипотезу: если человек способен учитывать определенную историческую ситуацию для того, чтобы стать успешным предпринимателем, то он станет им.

Мы рассмотрели эту гипотезу на периодах 70–90-х гг. XIX в., 60–70-х гг. и 80–90-х гг. XX в. в США. В каждом периоде мы выделили основные черты общественного устройства, а именно: экономической, политической, социальной и духовной сфер. Кроме того, в каждом периоде мы выделили успешного предпринимателя, ими стали Генри Форд (70–90-е гг. XIX в. – годы, сформировавшие его как личность), Ли Якокка (60–70-е гг. XX в.) и Билл Гейтс (80–90-е гг. XX в.). Рассмотрим подробнее, как историческая ситуация повлияла на каждого из этих предпринимателей.

Первый период – 70–90-е гг. XIX в. В этот период сформировалась личность Генри Форда, будущего руководителя «Форд Мотор». В то время активно пропагандировали уважение к трудовой деятельности. Так, в американских школах учили стихи, подобные этому: «Трудись, не бойся, мальчик мой,/Смотри в лицо работе смело:/Скромны пусть молот иль кирка,/Ты не красней за свое дело»². Пропаганда велась, как видим, к тому, что человек должен быть трудолюбив, ответственный и, соответственно, грамотен. Высокая концентрация наемных рабочих как характерное явление того периода объясняется исторически тем, что в государстве не было феодальной зависимости, изначально в США все люди были свободны, и сохранился принцип: если ты – американец, то ты свободен. Такая концентрация рабочих привела к формированию такого качества, как требовательность к каждому человеку, который нанимался на работу, нужно было предъявлять определенные требования. Появляется немало общественно-политических

мире (на примере предпринимательской деятельности Генри Форда, Алексея Путилова и Михаила Сидорова) // Современный бизнес: проблемы, идеи, технологии, инновации: Сборник трудов всероссийской научно-практической конференции (г. Каргалы 11 декабря 2012 г.) / ЧОУ ВПО «Южно-Уральский институт управления и экономики»; науч. ред. О. С. Нагорная. Челябинск: УралПечать, 2013. С. 132–138.

² Юдовская А. Я. Новая история. 1800–1913. / А. Я. Юдовская, П. А. Баранов. Л. М. Ванюшкина. М.: Просвещение, 2002. С. 200.

движений: «Популистская партия» – против промышленных монополий, «Антиимпериалистическая лига» – движение порядка 1 млн чел. против политики экспансии. Это привело к формированию активности человека в обществе.

Принятие антимонопольного законодательства, сам факт законоворческой инициативы подводит к такому качеству, как креативность. Таким образом, историческая ситуация в 70–90-е гг. XIX в. обусловила качества личности, которые Генри Форд, глава автомобильной компании «Форд Мотор», впервые использовавший конвейер в производстве и сделавший машину «Форд-Т» первой доступной для среднего гражданина по качеству и цене, сформулировал как качества, необходимые успешному предпринимателю, в книге «Моя жизнь и мои достижения»: ответственность, трудолюбие, грамотность, креативность, активность, требовательность к себе и другим.

Второй период – 60–70-е гг. XX в. Особо остро стояли экономические проблемы. Среднегодовые темпы производства ВВП упали, цены на нефть выросли, это вызвало резкий скачок цен на горючее, транспортные перевозки, электроэнергию и товары. Многие предприятия утратили конкурентоспособность, стали убыточными, существуя только благодаря государственным дотациям. Прошла волна кризиса, а значит, это сформировало в людях решительность, рискованность – качества, особо необходимые в любой кризисной ситуации. Сложилось в эти годы общество потребления: благосостояние людей росло, они могли приобретать те блага, которые им были необходимы, их досуг становился более насыщенным, значительно облегчалось ведение домашнего хозяйства. Это повлияло на появление таких качеств, как трудолюбие – люди все больше работали, чтобы иметь возможность удовлетворять собственные потребности в большей степени, коммуникативность – для того чтобы жить в обществе благосостояния, необходимо общаться с людьми.

Таким образом, историческая ситуация в 60–70-е гг. XX в. сформировала качества личности, которые известный управляющий компании «Крайслер», преодолевший в ней кризис (непогашенный гос. долг компании) к 1983 г. путем выпуска автомобиля «K-Car» Ли Якокка назовет в книге «Карьера менеджера» необходимыми для человека, желающего иметь процветающую фирму, а именно: трудолюбие, решительность, рискованность, коммуникативность, умение побуждать к действию.

Третий период (80–90-е гг. XX в.) от двух предыдущих сильно отличается тем, что в нем общество США перешло от индустриального

этапа развития к постиндустриальному. Технический аспект начинает играть важнейшую роль. В этот период имеет место складывание информационного общества. Средством, облегчающим управление, производство и повседневную жизнь, становится компьютер. В 1989 г. несколько компьютеров американских университетов были объединены в информационную сеть – так начал создаваться интернет. Это привело к появлению такого качества, как мобильность – темп жизни ускорился, нужно было быть в курсе всего и везде, быстро усваивать информацию.

Появление у власти неоконсерваторов (идея призыва граждан к самостоятельности в реализации свобод) привело к формированию в сознании общества такого качества, как рискованность, – человек должен был быть самостоятельным во всем, а значит, должен был уметь принимать самостоятельные решения, включая самые рискованные. Выход из экономического кризиса с внедрением новых научных разработок привел к появлению в характере американца эмоциональной устойчивости, умения учиться на ошибках – словом, теперь люди стойко встречали любые проблемы. Процесс производства знаний (новое явление – маркетинговые исследования рынка товаров и услуг) привел к развитию науки об управлении – менеджменте, что, естественно, привело к формированию делового доверия. Таким образом, историческая ситуация в 80–90-е гг. XX в. сформировала качества, которые, как считал известный миллиардер, основатель компании «Майкрософт» Билл Гейтс могут помочь человеку стать успешным бизнесменом, а именно мобильность, эмоциональная устойчивость, рискованность, умение учиться на ошибках, деловое доверие.

Итак, рассмотрев социально-политические и экономические аспекты истории предпринимательства в США XIX–XX вв., мы пришли к цели нашей работы, то есть доказали, что социально-экономическая и политическая ситуация формирует образ успешного предпринимателя. Более того, приведенные исторические факты показывают: Генри Форд, Ли Якокка и Билл Гейтс осознали ту историческую ситуацию, которая сложилась в 70–90-е годы XIX в., 60–70-е и 80–90-е гг. XX в. соответственно. Именно поэтому каждый из них смог достичь мирового успеха в предпринимательно-управленческой деятельности. Доказанная нами гипотеза еще раз подчеркивает тот факт, что историческая ситуация влияет существенным образом на складывание успешного предпринимательства в государстве в тот или иной временной период.

ФРАКЦИЯ ВКП(б) КАК ВЫСШИЙ ОРГАН ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ (1921–1935 гг.)

Е. Л. Суббота
(ИРИ РАН)

Рассматривая деятельность общественных организаций Советской России в 1920–1930-е гг., невозможно оставить в стороне изучение процессов их вовлечения в политическую жизнь страны. В настоящем исследовании предпринята попытка проанализировать эволюцию внутреннего организационного устройства Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (далее – ОПК или ВОПК). Именно так, на наш взгляд, можно проследить процесс его подчинения партийно-государственному аппарату.

Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев было создано в 1921 г. силами представителей различных социалистических партий (анархистов, эсеров, меньшевиков, коммунистов и др.). Согласно уставу 1921 г., высшим органом Общества было общее собрание: его функции состояли в утверждении годового плана действий и годовой сметы расходов, избрании Совета, утверждении членов, обсуждении всех важных проблем, которые стояли на повестке дня. Можно сказать, что общее собрание было воплощением демократических принципов организации Общества политкаторжан.

Текущей работой занимался Совет из 9 человек, избираемый общим собранием. В Уставе особо оговаривалось, что «Совет руководит всеми текущими делами Общества, является представителем его во всех сношениях с посторонними лицами и учреждениями, ведает всей перепиской от имени Общества... заведует всеми суммами и учреждениями Общества»¹. Работа Совета в первое время согласовывалась с мнением большинства членов ОПК и вплоть до середины 1920-х гг. отличалась лояльностью к инакомыслящим. Впоследствии, когда Совет изрядно был пополнен коммунистами, его постановления все больше отражали политическую конъюнктуру.

¹ Историко-революционный бюллетень. 1922. № 1. С. 37.

Менее чем через месяц после организации Общества из членов Совета выделился Президиум – орган, который не был обозначен в уставе. С конца 1921 г. Президиум и Совет работают параллельно, и разграничить их компетенцию практически невозможно.

В том же 1921 г. в Обществе стала оформляться коммунистическая фракция, деятельность которой не прослеживается по архивным документам вплоть до 1922 г. Изначально целью фракции было обсуждение и регулирование решений общего собрания по политическим вопросам, информирование ЦК РКП(б) о направлениях работы Общества, настроениях в его рядах. Таким образом, фракция была учреждена, чтобы стать противовесом демократичному общему собранию: на заседаниях фракции выносились решения, которые потом должны были утверждаться Советом (или его Президиумом) и от имени Совета представляться на утверждение общего собрания.

Однако по документам можно судить о том, что общее собрание по ряду вопросов игнорировало пожелания коммунистической фракции. В частности, конфликтным был вопрос о перерегистрациях, целью которых провозглашалось очищение ОПК от «сомнительных личностей»². К сомнительным личностям причислялись видные в прошлом лидеры эсеров, меньшевиков, анархистов, бундовцев и пр., а также осужденные советской властью по политическим мотивам. За общим собранием оставалось последнее слово при обжаловании членом ОПК его исключения, что давало относительную свободу в формировании членского состава вплоть до 1924 г.

Таким образом, с самого начала в Обществе политкаторжан обозначилось противостояние коммунистической фракции и общего собрания. Более того, трения существовали не только между коммунистами и остальной членской массой, но и внутри самой комфракции, часть которой не допускала, чтобы в советской стране «существовало бы Общество, где коммунисты сидели на равных основаниях с беспартийными и даже меньшевиками и эсерами»³. Да и сами беспартийные соглашались с тем, что «Общество никогда не могло и ни при каком режиме не сможет выступать как единое политическое целое вследствие разнопартийности своих членов»⁴.

² К вопросу об угрозе ликвидации ОПК в 1922 г. (Приложение 1) // Все-союзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация: 1921–1935. М., 2004. С. 329–333.

³ Заявление бюро коммунистической фракции ОПК в ЦК РКП(б) // Там же. С. 327.

⁴ Историко-революционный вестник. 1922. №1 (4). С. 82.

Результаты политической неоднородности Общества не замедлили сказаться – большая часть членов ОПК весной 1921 г. приняла участие в протесте сначала против т. н. «Бутырских событий» (избиения социалистов в Бутырской тюрьме), а летом 1922 г. – против показательного процесса над ЦК партии эсеров. обстоятельный анализ этой истории и ее связи с Обществом политкаторжан проделан немецким историком Марком Юнге⁵. Негативная реакция бывших политкаторжан на «Бутырские события», процесс над эсерами были восприняты правительством как провокация и едва не привели, по мнению М. Юнге, к ликвидации Общества. Деятельность ряда его членов была названа преступной.

Для того чтобы сохранить Общество, пришлось исключить из него ряд нежелательных для коммунистов лиц и провести перерегистрацию всех членов⁶. Также в устав был внесен пункт о том, что «лица, совершившие поступки, недопустимые с точки зрения революционно-социалистической морали», не могут быть членами ОПК. Однако самым большим изменением после названных событий стала перестановка в системе руководящих органов ОПК: Совет и Президиум были переизбраны, большинство «портфелей» в них получили коммунисты. Старостой Общества вместо М. П. Томского, который активно выступал за закрытие Общества, стал И. А. Теодорович (заместитель наркома земледелия на тот момент)⁷.

Коммунистическая фракция, которой до этого приходилось смиряться с решениями общего собрания, стала неформальным высшим органом Общества. На ее заседаниях обсуждались важные для жизни Общества и тесно связанные с политикой вопросы, в том числе созыв съезда Общества, изменение устава, пути «коммунизации» органов правления Общества. В противовес этому общее собрание к началу 1924 г. не только потеряло свои первоначальные функции, но и прак-

⁵ См. *Юнге М.* Угроза ликвидации ОПК в 1922 г. // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. С. 23–66; К вопросу об угрозе ликвидации ОПК в 1922 г. (Документы) // Там же. С. 317–334.

⁶ К 1 декабря 1922 г. было просмотрено 430 анкет, из которых утверждено 272 (из них 218 политкаторжан и 54 ссыльных), остальные анкеты были отложены до предоставления дополнительных сведений. См.: Каторга и ссылка. 1923. №5. С. 265, 272.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 56; Каторга и ссылка. 1923. №5. С. 272–273; *Виленский-Сибиряков В. С.* Политкаторжане: Каторга и ссылка в русской революции. М., 1925. С. 18, 23.

тически перестало созываться (в уставе 1924 г., закрепившем новую структуру ВОПК, об общем собрании не будет сказано ни слова).

Это привело к расколу в Обществе: абсолютное большинство его членов теперь не имело возможности выражать свое мнение по ряду вопросов, поэтому многие стали открыто возмущаться негласному единовластию фракции. В самой фракции тоже не было единого мнения по вопросу о том, какую линию проводить в отношении беспартийных: одни коммунисты (И. А. Теодорович, В. Д. Виленский-Сибиряков, Р. А. Грюнштейн и др.) были настроены умеренно, стремились прийти к компромиссу с беспартийными, инакомыслящими членами ОПК. Другие ратовали за более тесную связь Общества с партией, чтобы «оно являлось объединением революционеров, а не бывших людей»⁸. И. А. Теодорович был не согласен с радикальными взглядами некоторых из членов фракции и, чувствуя, что компромисс невозможен, за месяц до I Всесоюзного съезда политкаторжан и ссыльнопоселенцев заявил о том, что не желает больше оставаться в должности старосты⁹.

Новым руководителем ВОПК стал Я. Э. Рудзутак, а с 1925 г. – Емельян Ярославский. Обновленная структура Общества (ее официальный вариант) была зафиксирована в уставе, принятом на I Всесоюзном съезде в 1924 г. Высшим руководящим органом стал Съезд, а в перерывах между Съездами – Центральный Совет и его Президиум. Еще до съезда у коммунистов были расхождения по вопросу о том, нужно ли легализовать фракцию, т. е. обозначить ее в уставе. В итоге было решено оставить ее за рамками устава, причем «подпольное» положение фракции сохранялось вплоть до ликвидации Общества. Предполагалось, что отдушиной для беспартийных политкаторжан станут землячества, работа в которых должна была компенсировать ликвидацию общего собрания¹⁰.

Можно сделать вывод о том, что Общество политкаторжан вступило в новый период своего развития, обозначенный полной реконструкцией системы органов управления, в которой коммунистическая фракция стала высшим звеном и связкой с партийно-государственным аппаратом. В дальнейшем эта система была закреплена и развивалась только в сторону усиления давления на беспартийных, которые не

⁸ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 3.

⁹ ГА РФ. Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 3 об. – 4. Землячества – объединения бывших политкаторжан одной тюрьмы или системы тюрем.

только были вытеснены из всех руководящих органов Общества, но и отстранялись от научно-исследовательской, музейной работы.

Однако в сентябре 1927 г. проблемы с беспартийными отступили на задний план: коммунистическая фракция была сотрясена скандалом, а именно – известием об участии секретаря Центрального Совета и члена Президиума Общества Ревекки Абрамовны Грюнштейн в оппозиционной работе. Согласно материалам, присланным из МКК ВКП(б), Грюнштейн «устроивала у себя на квартире конспиративное собрание, на котором присутствовали беспартийные Ленгер и другие 10–15 человек. На этом собрании делали доклад о пленуме ЦК и ЦКК в плоскости того, что оппозиция выступала за единство партии... о том, что слухи, что оппозиция ведет к расколу, неверны»¹¹. Также Грюнштейн обвинялась в организации подпольной типографии с целью распространения оппозиционных листовок. В 1928 г. Ревекка Абрамовна, после исключения из партии и Общества политкаторжан, была выслана в Саратов.

Одновременно с этим рассматривалось дело заместителя старосты Общества В. Д. Виленского-Сибирякова, который написал книгу «Где корни предательства Чан Кайши?», неправильно отражающую внешнеполитическую линию ЦК ВКП(б). За это Виленский был отстранен от должностей заместителя старосты и редактора журнала «Каторга и ссылка»¹².

То, как отнеслись члены фракции к оппозиционной деятельности Грюнштейн и Виленского-Сибирякова, по документам почти не прослеживается. Известно только, что про политические взгляды Грюнштейн (например, про ее участие в поддержке «платформы 83-х») члены фракции были хорошо осведомлены. Также о многом говорит тот факт, что самого Троцкого из членов Общества удалили только в марте 1929 г. Можно сказать, что фракция образца 1920-х гг. была местом для разных взглядов и дискуссий по политическим вопросам.

Показательные процессы над оппозиционерами, развернувшиеся с конца 1920-х гг., изменили расстановку сил: теперь все чаще стали задавать тон голоса радикально настроенных коммунистов, не склонных к компромиссам с «умеренными» членами фракции. С начала 1930-х гг. на собраниях фракции регулярно обсуждались события, связанные с репрессиями против членов Общества.

¹¹ Там же. Д. 190. Л. 130.

¹² Там же. Л. 109.

Можно сделать вывод о том, что фракция за годы своего существования проделала значительную эволюцию: руководя с 1922 г. политической жизнью Общества, она не была цельной структурой, так как ее члены придерживались разных взглядов на то, как взаимодействовать с беспартийными и «коммунизировать» Общество. Борьба с оппозицией в ВКП(б), массовые показательные процессы начала 1930-х гг. стали поворотом к радикализации действий фракции, которая не только принялась очищать Общество от всех подозрительных лиц, но и сама очищалась от «мягкотелых» коммунистов. Тем не менее Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев было ликвидировано в 1935 г. наряду со многими другими общественными организациями, которые не вписывались в политические планы сталинского руководства.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТОВ СЕВЕРА ПО РАЗВИТИЮ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920–1930-е гг.¹

*Е. С. Сукоркина, А. В. Ахметова (к.и.н.)
(Комсомольский-на-Амуре государственный
технический университет)*

Одной из важнейших проблем современного общества является утрата знаний о прошлом, забывание нашей истории. Одной из таких забытых страниц является история коренных народов нашей страны. Их малочисленность с каждым днем становится все более угрожающей. Очень важно изучение этнической культуры аборигенов, ее эволюции в различные периоды истории, когда происходила смена политических основ устройства общества.

С 1924–1925 гг. начинается немаловажный период в советской истории коренных народов, период национального строительства. 2 апреля 1923 г. Малая коллегия Народного комиссариата по национальным делам вынесла решение о создании Комитета Севера².

Советское правительство занималось снабжением и оказанием медицинской помощи, власти создавали простейшие кооперативные объединения, открывали школы. Но все эти меры могли только облегчить, но не ликвидировать тяжелое положение коренных народов, усугубленное гражданской войной и иностранной интервенцией³.

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0482 «Национальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1917–1991 гг.)».

² *Иващенко Л. Я.* Современные Российские просветители и исследователи Дальневосточных народностей Севера. Владивосток, 1996. С. 76.

³ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) Ф. 137. Оп. 2. Д. 6а. Л. 15 об.

Создание Комитета Севера свидетельствовало о понимании властью проблем аборигенных народов⁴.

Комитет Севера при Президиуме ВЦИК представлял собой государственно-общественную организацию, имеющую плано-организационные и научно-исследовательские задачи, осуществляющую свою деятельность через другие государственные учреждения, по отношению к которым он располагал директивными правами⁵.

С первых же шагов своей деятельности Комитет Севера столкнулся с огромными трудностями, связанными как с отсталостью северных народов, удаленностью от центральных районов страны, кочевым образом жизни, живучестью старых традиций русского владычества в отношении коренного населения, так и с их правовой неустойчивостью.

Задача Комитета содействия народам Севера состояла в том, чтобы помочь традиционным этносам северных окраин Советской России практически осуществить равноправие, провозглашенное «Декларацией прав народов России». Главным методом работы являлась наглядность, живой пример, который пробуждал у самого населения потребность в улучшении жизни⁶.

Комитет Севера, учитывая то обстоятельство, что в верховьях р. Амгунь муки осталось всего лишь до декабря по сниженной цене, предлагал организовать немедленно срочную заброску муки в количестве 500–600 гр. До установления санного пути, когда должна быть произведена заброска полного годового снабжения, необходимо на лодках до устья Джемкукана, а оттуда при первых морозах выюком на оленях до станции Могды.

«Одновременно с заброской муки надо организовать также заброску растительного масла, ниток, листового железа и железных печей. Предлагаем учесть то, что если заброска произведена не будет, туземцы верховья р. Амгуни не смогут выйти на охоту, и будут вместе со своими семьями голодать»⁷.

Таким образом, мы видим, что Комитет Севера старался обеспечить обездоленных отрезанных от остального мира людей товарами

⁴ *Сергеев М. А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М., 1955. С. 31.

⁵ *Балицкий В. Г.* От патриархально-общинного строя к социализму. М., 1969. С. 211.

⁶ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) Ф. 137. Оп. 2. Д. 6а. Л. 15 об.

⁷ Там же.

первой необходимости. В 1932 г. Комитет Севера при ВЦИК планировал построить 14 культбаз, следовательно, 14 врачебных пунктов с 210 койками. При культбазах создавались лаборатории. Комитетом Севера был разработан законопроект о туземных обществах взаимопомощи. Но при этом было мало выделено средств на реализацию планов Комитета Севера.

Можно сказать, что плохое финансирование отразилось на выполнении поставленных задач Комитета Севера, не было построено планируемое количество культбаз и медицинских учреждений. Комитет Севера принял решение о создании питомников и просил земельные органы помочь коренному населению в этом вопросе. Также было проведено объединение коренных народов в кооперативно-промысловые союзы охотников для снабжения населения оружием и контроля над отстрелом животных⁸.

Это мероприятие Комитета Севера имело огромное значение в сохранении пушного промысла и развитии клеточного животноводства. Из-за большого мора оленей было решено создать постоянные ветеринарно-врачебные пункты. Серьезное значение придавалось развитию оленеводства в крае. Были расписаны задачи, которые должны выполнять ветеринарные пункты: изучение условий разведения и содержания оленей с определением количественного состава оленьих стад, изучение болезней оленей, их разновидностей и оказание ветеринарной помощи, забота об улучшении оленеводства.

Создание ветеринарных пунктов сыграло важную роль в развитии оленеводства. Было налажено разведение оленей, изучены некоторые заболевания и найдены методы лечения, что благотворно отразилось на хозяйстве народов Севера. Большое значение имел Комитет Севера в становлении образования. Он внес свои предложения по школьной программе. Главной задачей было удержать на родине население северных окраин, так как хозяйственное использование тундры без них невозможно⁹.

Помимо стационарных школ, возникали временные, передвижные и разъездные школы. Временные школы были выездными отделениями школ-интернатов культурных баз, обслуживавшими наиболее уда-

⁸ Федоров И. Ф. Первый туземный съезд ДВО. Хабаровск, 1925. С. 43.

⁹ Бобышев С. В. Советское государство и коренные народы Сибири и Дальнего Востока в 20–30-е гг.: учеб. пособие. Комсомольск-на-Амуре. 2005. С. 79.

ленные селения¹⁰. Внедрению грамоты на родных языках способствовала подготовка и выпуск в 1932 г. букварей¹¹. По данным архивных документов, в 1936 г. туземная начальная школа с. Хумми располагала одним учителем на двадцать учащихся¹².

Изменение административно-территориального деления в 1930 г. привело к реорганизации Комитетов Севера. В соответствии с Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 сентября 1930 г. «О реорганизации местных органов Комитета содействия народам северных окраин при Президиуме ВЦИК» в целях укрепления связи местных органов Комитета Севера при Президиуме ВЦИК с коренным населением и рационализации их структуры упразднялись с 1 октября 1930 г. При Президиуме ВЦИК поднимался вопрос о ликвидации местных комитетов и замене их «особыми уполномоченными»¹³.

Таким образом, большое значение Комитеты Севера сыграли в развитии культурного, хозяйственного строительства и просвещения у коренных народов. Были проведены мероприятия по улучшению бытовых условий. Нормирован вылов рыбы, большое развитие получило оленеводство, быстрыми темпами стало расти поголовье. Много было сделано Комитетом в области просвещения и здравоохранения, на совещаниях поднимали остро стоящие вопросы.

После административно-территориального деления в 1930 г. деятельность Комитета Севера постепенно угасала, прекращалось выполнение им своих прямых обязанностей, что было вызвано нехваткой квалифицированного персонала, так как произошло сокращение кадров, в связи с уменьшением финансирования со стороны власти деятельности Комитета.

¹⁰ Осуществление Ленинской национальной политики у народов крайнего Севера. М., 1971. С. 169.

¹¹ Ахметова А. В. Образование и воспитание коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1920–1930-е гг. // Дискуссия. 2012. № 10. С. 147–151.

¹² Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) Ф. 137. Оп. 10. Д. 242. Л. 41 об.

¹³ Там же.

УЧАСТИЕ ЖЕНОТДЕЛОВ БАШКИРИИ В БОРЬБЕ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.¹

Г. Ю. Султангужина, к.и.н.

*(Институт истории, языка и литературы Уфимского
научного центра Российской академии наук)*

Женские отделы при местных комитетах РКП(б) были созданы в целях вовлечения женщин в строительство новой жизни. При женотделах были созданы женские делегатские собрания, которые являлись основной формой работы по привлечению женщин в активную общественно-политическую деятельность. IV Всероссийское совещание заведующих губернскими женотделами в 1921 г. в резолюции по докладу «Делегатские собрания» отметило: «Делегатские собрания имеют своей задачей объединить вокруг партии, Советов и Профсоюзов отсталые слои работниц и крестьянок, втянуть их в круг общественных, производственных, профессиональных и партийных интересов, научить вести определенную практическую деятельность по советскому и партийному и профсоюзному строительству и сделать работницу и крестьянку активным членом партии и работниками во всех общественных и государственных органах и учреждениях»².

Одним из основных направлений деятельности женотделов и делегатских собраний в начале 1920-х гг. стала борьба с детской беспризорностью. Они брали шефство над детдомами, проводили их обследования, организовывали горячие завтраки для детей, шили одежду. Их усилиями регулярно проводились «недельники» и «месячники» для оказания помощи детям. Так, в 1920 г. в «неделю ребенка» комиссией под руководством заведующей женотделом Гориной было собрано более миллиона рублей, двести пудов зерна, много детских вещей, игрушек. В эту неделю все дети из нуждающихся семей получили бесплатные обеды и ужины³.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 12-11-02002.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 12. Л. 30–31.

³ ЦАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 245. Л. 50.

Большой интерес в изучении деятельности женотделов и делегатских собраний в борьбе за жизнь детей представляют воспоминания женщин, где содержится немало фактов о героической и самоотверженной деятельности женских организаций по социальной защите детей. Безусловно, в воспоминаниях встречается некоторая субъективность, неполнота в анализе исторических явлений того времени, но это не умаляет их научной ценности. Авторы мемуаров, являясь прямыми свидетелями описываемых событий, передают атмосферу того времени, дают собственную оценку организации помощи детям.

Из воспоминаний Каримовой Асмы Шакировны, которая вела активную работу среди женщин Белебеевского кантона: «В 1921 г. нашу республику постигло тяжелое бедствие – голод... Особенно плохо было детям. Тысячи их пришли за помощью в города, на железнодорожные станции, многие гибли от голода, дизентерии. Летом 1921 г. появилась «черная смерть» – холера. И вот в этот момент наши делегатки вместе с членами партии и комсомольцами взялись спасать детей. Стали организовывать детские дома, питательные пункты и приемники для детей. Больных, завшивевших, ослабевших от голода детей на руках несли по городу, чтобы доставить в больницу»⁴.

Гражданская война, страшная разруха, голод, эпидемии привели к тому, что многие дети остались без родителей, становились беспризорными. Женщины, считая своим кровным делом заботу о голодных и беспризорных детях, брали их под свое шефство, участвовали в организации и обследовании состоянии детских домов. Женотделы и делегатские собрания направляли женщин на проведение субботников по ремонту детских учреждений. К Международному женскому дню 8 марта женщины Белебеевского кантона провели большой субботник: побелили и вымыли пять детских домов, сшили триста штук детского и постельного белья, распилили два воза дров для двух детдомов. Они обследовали много семей, страдающих от голода, для выдачи дополнительных пайков детям⁵.

Женщины оказывали материальную помощь, шили для ребят бесплатно белье, осуществляли контроль над воспитанием детей, эвакуировали детей в более благоприятные районы. В воспоминаниях В. С. Меркурьевой, заведующей женотделом Башкирского обкома РКП(б) говорится об этом так: «Летом 1921 г. начался голод, распространилась холерная эпидемия. Голодные и больные башкиры с гор и

⁴ Женщины Башкирии. Уфа, 1968. С. 74.

⁵ Там же. С. 77–78.

лесов хлынули в свою столицу, ища спасения. Заполнились улицы и площади. Женотделу поручили подбирать детей. Мы устраивали их в домах бежавшей буржуазии. Становилось ясно, что здесь детей не спасти. Продовольствие кончалось. Решили подготовить детей к эвакуации. Поручили это женотделу.

Правительство отпустило много цветной материи. Во Дворце труда развернулась мастерская. Шили рубашки, штаны, бешметы. Готовое складывали на сцене. Одетых детей отправляли в Ташкент – теплый и хлебный край»⁶. М. Н. Сахаутдинова, работавшая в женотделе Месягутовского кантона в своих мемуарах писала: «Лето 1921 г. было засушливым, хлеб сгорел на корню, настал голод, началась эпидемия холеры. На женотделы партийные комитеты возложили заботу о детях. Наш актив занялся организацией питательных пунктов, где раз в день кормили детей. Таких пунктов по кантону было 80»⁷.

Женотделы делали все для того, чтобы спасти голодных беспризорных детей. Так, в августе 1921 г. при Белебеевском женотделе была организована тройка по приему беспризорных детей, открыты питательные пункты в помещении бывшей гимназии и мечети, где непрерывно дежурили делегатки⁸.

Действия женских организаций, направленные на ликвидацию беспризорности, привели к значительному увеличению числа детских домов и воспитанников в них. К примеру, в 1921–1922 гг. при участии женотделов 28 тысяч детей башкир и татар были устроены в детские дома, тысячи их были эвакуированы в благополучные губернии страны⁹. Однако всестороннее обследование в эти годы детских учреждений по республике показало, что они находились в крайне тяжелых жилищных, антисанитарных и материальных условиях. Из отчета комиссии женщин-делегаток Белебея, обследовавшей детский дом № 3: «Положение его было печальным, не было дров даже для приготовления горячей пищи. Кроватей и постелей не хватало, поэтому многие ребята спали на полу и на печке. Чтобы как-то помочь детям, делегатки провели несколько субботников, достали дрова, белье, собрали по домам топчаны и кровати. Добились помощи от исполкома.

В детском доме № 2 комиссия в составе делегаток Карасевой, Фроловой и Бор выявила факты рукоприкладства, частые заболевания де-

⁶ Там же. С. 69.

⁷ Там же. С. 64.

⁸ Там же. С. 77–78.

⁹ Там же.

тей из-за того, что здоровые находились вместе с больными, а врача не было. Поэтому женотдел добился назначения постоянного врача для детских домов города. Виновная в рукоприкладстве няня была уволена. Делегатское собрание избрало так называемый “летучий контроль” в составе шести человек для присмотра за детскими домами»¹⁰.

Таким образом, женотделы Башкирии в первой половине 1920-х гг. принимали активное участие в борьбе с детской беспризорностью. К этой важной и нелегкой работе они отнеслись ответственно и с любовью.

¹⁰ Женщины Башкирии. Уфа, 1968. С. 76.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СОЦИАЛИСТЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА

А. Ю. Сулов, к.и.н.

*(Казанский национальный исследовательский
технологический университет)*

Важной теоретической проблемой современной интеллектуальной истории является обращение к феномену исторической памяти. Историческая память чаще всего понимается как одно из измерений индивидуальной и коллективной/социальной памяти – как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация исторического прошлого. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях¹.

Сразу же после захвата власти перед большевиками, как и перед любым революционным режимом, встал вопрос о легитимности, то есть задача доказать, что ими была совершена настоящая революция, а не военный переворот, как утверждали меньшевики и эсеры. Созданию «образа революции» и ее врагов и была подчинена многочисленная литература антиэсеровской и антименьшевистской направленности.

Важной частью пропаганды стало кино (именно с 1920-х гг. восприятие мира современным человеком становится все более опосредованным экраном), где образы меньшевиков и эсеров изображаются резко отрицательно. Начало расцвета кинематографа совпало с формированием тоталитарного режима. В знаковом документальном фильме С. Эйзенштейна и Г. Александрова «Октябрь» (1927 г.) после выступающего на трибуне меньшевика показывались руки, перебирающие струны арфы, а речь эсера монтировалась с балалайкой. И то, что в последующие десятилетия советской власти фильм ассоциировался с представлением о «Великом Октябре», в немалой степени

¹ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 414.

было сформировано именно Эйзенштейном, его весьма образную кинематографическую версию выдавали чуть ли не за документальную фиксацию свершившегося.

Существенную роль в формировании представлений о социальных сыграл документальный фильм Д. Вертова «Процесс эсеров». Сюжеты про судебный процесс 1922 г. стали первыми частями киножурнала «Кино-Правда», в том же году материал был смонтирован в отдельный фильм; информация о первом дне суда завершалась крупным планом нагана, из которого, как свидетельствует надпись, стреляли в Ленина – Вертов умел поддерживать напряжение в зрителе, предвосхищая авторов современных телесериалов.

Первоначально власти не видели смысла для съемок в зале суда. Д. Вертову с трудом удалось добиться разрешения – первые выпуски «Кино-Правды» ограничивались уличными сценами и показом массовой демонстрации в поддержку обвинения 20 июня 1922 г. Однако затем власти, озабоченные реакцией населения на эсеровский процесс, допустили Вертова для съемок собственно судебных заседаний. Вертов искусно манипулировал образом обвиняемых и образом возмущенного зала, его камера как бы ловила преступников врасплох, показывая затем широкое обсуждение хода суда и приговора.

Карикатурными были образы социалистов в популярных фильмах 1930-х гг., эсеры и меньшевики откровенно высмеивались (трилогия о Максиме Г. Козинцева и Л. Трауберга, «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» М. Ромма). Литература и кино фактически становились институтами по «производству Истории»². Именно кино предоставило наибольший простор для мифологизации истории.

Важным фактором фиксации в общественном сознании образов социалистов можно считать фильм «Ленин в 1918 году» (1939 г., режиссер М. Ромм; Сталинская премия 1941 г.), где Фанни Каплан в исполнении актрисы Н. Г. Ефрон запечатлелась в сознании миллионов советских граждан как эсерка, стрелявшая в вождя. «Эсерка Каплан стала настоящей инкарнацией врага», – отмечает в своей монографии о советском кино Е. Добренко³. Критика писала об «акте гражданского, артистического мужества, который совершила Н. Эфрон, снимаясь в роли Каплан». Фильм «Ленин в 1918 году» был теснейшим образом связан с показательными процессами 1930-х гг., с атмосферой Большого террора.

² *Добренко Е.* Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М., 2008. С. 7.

³ Там же. С. 354.

Успешность формирования нового исторического сознания зависела и от того, насколько большевикам удастся вовлечь население в процесс его создания – в конечном счете, в процесс своеобразного «конструирования прошлого». Для того чтобы то или иное историческое явление закрепились в коллективной памяти, оно должно наполниться смыслом для ее носителей. Такие конструктивные элементы получили в исторической науке названия «фигуры воспоминания» или «места памяти». Они являются главными ориентирами для членов сообщества и дают представления о прошлом и настоящем. С помощью самых разнообразных средств печатной и массовой пропаганды власть в конечном счете сумела создать к 1930-м гг. такой образ истории социалистических партий, который переживался на уровне личной и групповой памяти и обеспечил людей тем языком, которым они выражали свои воспоминания.

Интерес к изучению истории российских политических партий возродился во второй половине 1950-х гг., демонстрируя благоприятные для исторической науки последствия либерализации советского общества. Смягчение режима выразилось в открытии ряда тем для исследований, критике «ошибок» и «недостатков» прошлых лет. Тем не менее советская наука продолжала оставаться государственным проектом, с четко очерченными рамками и идеологическими установками. В общественном сознании сохранялся образ меньшевиков и эсеров как «врагов революции», заговорщиков и пособников белогвардейцев.

В то же время эти представления постепенно начинают разрушаться, хотя и в ограниченных масштабах. Этому способствовала критика сталинизма в годы оттепели, появление в 1960-е гг. неподцензурной диссидентской литературы (самиздата), публикация художественных произведений (романов, пьес) и фильмов о гражданской войне, чекистах, эмиграции, Б. В. Савинкове и левых эсерах. В них образы «врагов революции» были иногда далеки от карикатурных – можно выделить фильм «Шестое июля» (1968 г., режиссер Ю. Ю. Карасик, сценарист М. Г. Шатров) о выступлении левых эсеров в 1918 г. Образ М. Спиридоновой в исполнении А. Демидовой запомнился зрителями своими человеческими чертами – искренностью, цельностью, убежденностью, о чем актриса говорила сама.

В 1990-е гг. процесс воздействия киноискусства на общество стал еще более сложным. Весьма характерен для современного состояния обыденного исторического сознания российского общества сюжет с Ф. Каплан – в нем причудливо переплетаются новые научные иссле-

дования, давние стереотипы и фантастические гипотезы. Показательно, что, несмотря на привлечение весьма авторитетных ученых в качестве экспертов, в большинстве случаев продолжают тиражироваться старые мифы параллельно с новым мифотворчеством. Вполне можно согласиться с А. П. Ненароковым, что «роль телевидения в воспитании интереса к истории за передачами, в которых поиски форм сопровождаются знанием того, о чем идет речь, и уважением к историческому факту»⁴.

Таким образом, кино, наряду с другими культурными практиками, оказало существенное влияние на формирование исторического сознания советского общества. Современные исследования (и в России, и за рубежом) показывают, что формально большинство населения когда-то получило информацию о прошлом из учебников (в рамках всеобщего школьного образования) и считает этот источник самым значимым, но фактически основными текущими источниками являются кино и телевидение, затем следуют популярные и художественные печатные издания, потом – музеи, экскурсии и устные рассказы, и наконец – радио и специальная историческая литература⁵. Образ представителей социалистических партий, меньшевиков и эсеров, прошел определенную эволюцию – от схематичных, однозначно негативных стереотипов сталинской эпохи, через более достоверные произведения 1960–1970-х гг. – до крайне противоречивых современных сюжетов.

⁴ Ненароков А. П. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Кн.1. Вдаль к началу. М., 2009. С. 234.

⁵ Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. СПб, 2007. С. 457.

ТИП ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА И. В. СТАЛИНА КАК ФАКТОР МОБИЛИЗАЦИИ СССР В 1930-е гг.¹

Е. А. Суходоева
(Челябинский государственный университет)

В зарубежной историографии одной из самых популярных классификаций политического лидерства является теория, предложенная Дж. Барбером², где за критерий взяты два параметра: активность и пассивность. Исходя из этого, автор выделяет четыре типа политических лидеров в зависимости от их заинтересованности в результатах своей деятельности и времени, которое они тратят на исполнение своих обязанностей. Такая классификация имеет в своей основе прежде всего действие, стратегию поведения лидера.

Наряду с данной классификацией, общепризнанными являются типологии лидерства, предложенные М. Вебером и Г. Д. Лассуэллом. Несмотря на то, что они выделяют разные типы лидеров, общим для них является критерий отбора – ярко выраженный элемент поведения, который легко прослеживается на фоне прочих. Так, Лассуэл выделяет лидера-агитатора, организатора, идеолога³. Вебер же пишет о харизматическом лидере и феномене харизмы.

Одним из первых, кто обратил внимание на Сталина как на политического лидера и выделил личностный фактор в качестве одного из основополагающих в становлении феномена сталинизма⁴, был американский политолог и историк Р. Такер. Ему принадлежит биографическое исследование⁵, где помимо традиционного подхода он рассматривает те или иные политические решения Сталина с позиций

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» (государственное соглашение № 14.В37.21.0001).

² Barber J. D. The Presidential Character. 4th ed. New York, 2008.

³ Лассуэлл Г. Д. Психопатология и политика. М., 2005.

⁴ Tucker. R. The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change., New York, 1972.

⁵ Такер Р. Сталин. История и личность. Путь к власти. 1879–1929. У власти. 1928–1941. М., 2006.

неофрейдизма, обуславливая их наличием психопатологических черт в его характере. Он же дает свое собственное определение лидерства (leadership) и, соответственно, лидера, классифицируя их в первую очередь по сфере воздействия.

Согласно Р. Такеру, таким образом, политический лидер – это тот, кто дает направление (direction) деятельности политического сообщества. Он же выделяет основные функции политического лидера, среди которых определение политической ситуации, организация плана поведения группы и поддержка приведения этого плана в действие или, иначе, мобилизация⁶. Р. Такер является последователем «культурной теории», согласно которой на человека большое влияние оказывает процесс социализации и контакты с окружением.

Он вводит понятие «ситуации», под которой понимает совокупность уникальных обстоятельств, которые обуславливают необходимость появления конкретного типа лидера в определенный момент. Так, автор выделяет лидера-революционера, реформатора и консерватора. Революционер ставит своей целью коренным образом изменить текущее положение вещей, как и консерватор, с разницей в том, что последний придерживается возвращения к уже существовавшему политическому курсу. Реформатор же выступает за последовательный ход изменений.

В данном тексте будет предпринята попытка дать краткую типологическую характеристику политического лидерства И. В. Сталина и его «революции сверху» в 1930-е гг. как особого типа мобилизации трудовых и экономических ресурсов. Достаточно тяжело отнести методологию Сталина к какому-либо конкретному типу лидерства, однако главным остается стремление избегать полярных оценок. Исходя из ситуационной концепции, его политика представляла собой смесь революционных и консервативных элементов. С одной стороны, возвращение к милитаризации экономики и проведение индустриализации, ориентированной на войну, можно считать возвращением к основам политики первых лет советской власти, а в области политической культуры называть это явление большевизмом радикально правого толка, «Советским термидором»⁷.

⁶ *Tucker R. Politics as Leadership. 1995. P. 15–27.*

⁷ *Такер Р. Политическая культура и лидерство в Советской России: от Ленина до Горбачева // США: Экономика. Политика. Идеология. 1990. № 4. С. 81.*

Однако, с другой стороны, это явление носило революционный характер, было абсолютно противоположным курсу, который выбрал в 1920-е гг. Ленин, а именно поступательные перемены в деревне. Концепция Сталинской коллективизации предполагала прежде всего форсированные темпы и резкие, кардинальные перемены. Подобная оценка дана этим событиям в Кратком курсе Истории ВКП(б), вышедшем под личной редакцией Сталина⁸.

Уникальность Сталинского метода принуждения состоит в том, что, с одной стороны, он не был собственным изобретением Сталина, а происходил из общего курса политики советской власти, как в первые ее годы, так и во время нэпа, при этом он проводился в условиях, отличающихся от тех, для которых этот метод был изначально создан. Как революционный лидер Сталин должен был обеспечить себе поддержку снизу, дабы провести эффективную мобилизацию трудовых ресурсов, которая бы способствовала резкому увеличению темпов производительности деревни.

Несмотря на официальные данные, имеющиеся как в «Кратком курсе истории партии»⁹, так и в резолюциях политического съезда по итогам первой пятилетки¹⁰, официальных статистических изданиях (отмечается рост сети колхозов более чем на 200 %, рост процентного соотношения населения, занятого в колхозах в 2–3 раза)¹¹, население активно сопротивлялось уничтожению личных хозяйств и повсеместной кооперации. Таким образом, заметно, что по завершении первого этапа коллективизации имелось расхождение интересов населения и целей руководства, что в целом обуславливает использование принуждения как метода мобилизации ресурсов. Однако в 1927 г., когда на XV съезде ВКП(б) было принято решение о начале коллективизации¹², ситуация была иной.

Наличие экономической нестабильности, вызванной кризисом хлебозаготовок, приводило к тому, что эти цели совпадали. Помимо

⁸ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1952. С. 291–292.

⁹ Там же.

¹⁰ Материалы объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Январь 1933. Ленинград, 1933. С. 9, 96.

¹¹ Коллективизация советской деревни (Предварительные итоги сплошных обследований 1928 и 1929 г.) Статиздат ЦСУ СССР, 1939. С. 57–60.

¹² XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии. Стенографический отчет. М., 1928. С. 1290–1294.

ситуации в экономике в целом, по словам французского политолога Ж. Блондель, принуждение становится необходимым при наличии совокупности условий¹³, из которых на конец 1920-х гг.в можно было говорить только о наличии оппозиции, которая тем не менее сама по себе не могла побуждать Сталина к использованию радикальных методов¹⁴.

Таким образом, используя все выше обозначенные концепции лидерства, мы можем характеризовать Сталина как типичного активно-позитивного лидера (с позиции теории Дж. Барбера), также в его поведении прослеживаются яркие тенденции к агитации населения (Г. Д. Лассуэл) и харизматический элемент (М. Вебер). Однако методология, используемая им, является составной, что делает невозможным отнести его действия к определенной категории с точки зрения ситуационной концепции, так как обстоятельства, возникшие в конце 1920-х гг., не располагали к появлению лидера революционного типа (в основе методов воздействия которого лежит именно принуждение), что позволяет говорить об уникальности сталинских методов воздействия.

¹³ *Блондель Ж.* Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992. С. 34–37.

¹⁴ Здесь снова стоит обратиться к резолюциям XV съезда, где было принято решение об исключении из партии всех членов Троцкистско-Зиновьевского блока, что приводит к выводу о том, что на 1928 г. даже это условие исключается.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

О. Д. Тальская
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Ряд непростых событий начала XX века стал импульсом политических перемен и развития национально-освободительных движений на национальных окраинах Российской империи. Сложная социальная и политическая обстановка, а как следствие, и кризис идеологической базы самодержавной власти, привели к возникновению тех площадок, где зарождались национальные политические партии. Партийная дискуссия и реальная борьба на территории этнически и конфессио-нально сложного государства расколола тот фундамент, на котором стояла империя. Реакция ли это на политику русификации, проводимую царской властью, или же неизбежное течение, вызванное крахом самодержавия – власти, сплывающей и защищающей все народы России?

Формирование партий в национальных регионах России связано как с внутренними, так и с внешнеполитическими событиями. Младотурецкая революция в Турции и Иранская конституционная революция 1911 г. соответствующим образом сказались на формировании идей азербайджанской партии «Мусават», проповедовавшей принципы социал-демократического национализма. Первостепенное значение здесь играли исламские религиозные ценности, сплывающие широкие слои мусульманского населения не только в Азербайджане, но и на территории Средней Азии и в Закавказье. Партию «Мусават» можно назвать партией революционного толка (на первых этапах своего существования), сочетающей в себе основы ислама, с одной стороны, и западные демократические принципы – с другой. В рядах партии даже ставился вопрос о новом исламе: «Не наступила ли пора и возможность обновления ислама и даже коренного изменения его основ и появления неоисламизма?»¹ Однако после мятежа в Гяндже в

¹ Цит. по: *Смит М.* Партия «Мусават» и формирование азербайджанского социал-демократического национализма // История национальных полити-

1920 г., где «Мусават» выступала уже против советской власти, и его подавления силами Советов, партия прекратила свое существование.

Появление движения джадидизма в Средней Азии связано уже с внутренним фактором – сплочением всех коренных народов Туркестана в условиях нестабильности центральной власти и противоречий среди различных слоев населения. Программа прогрессивного развития народа, основывающаяся на принципах ислама и традициях Востока, ставила своей целью не просто просветительскую миссию, а пробуждение чувства патриотизма и дальнейшую борьбу с колониальной Россией. Один из идеологов движения Махмудходжа Бехбуди писал: «Если мы, мусульмане Туркестана, объединим веру и нацию и уже сегодня сделаем шаг к реформе, к союзу, все мы – интеллигенция и прогрессисты, богачи и священнослужители – послужим во имя веры и нации, во имя процветания Родины, тогда мы не будем ни от кого зависеть». Движение не имело единого центра и являлось, по сути, наднациональным и организационно неоформленным, не представляя собой политической партии.

Между тем на базе джадидизма появлялись уже политические организации, выражающие позиции определенной части народа. Здесь можно говорить о расхождениях во взглядах, вызванных религиозным фактором. Несмотря на привлекательную для всех идею – образование Туркестанской автономии в составе демократической России, раскол все же произошел, связан он был с вопросом будущего политического устройства. Создание партий «Шурои Исломия» и «Шурои Уламо» (Совет духовенства) после первого Всетуркестанского курултая 1917 г. организационно оформило позицию «против передачи власти советам рабочих и крестьянских депутатов», и в то же время усилило разногласия между духовенством и джадидами. Интерпретация религиозного вопроса различными политическими силами в XX веке важна для понимания и анализа национально-освободительной борьбы народов Средней Азии.

В общероссийских партиях борьба по поводу выбора пути национального развития приобретала новый размах. Партии либерального толка провозглашали идею культурно-национальной автономии, социалисты заявляли о праве национального самоопределения, вплоть до полного отделения от России, идеологи традиционализма стремились сохранить принципы унитарного государства, что означало

ческих партий России. Материалы международной конференции. М.: Рос-
сийская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 164–168

продолжение политики русификации, предоставляющей в той или иной степени религиозные и культурные свободы национальным окраинам.

Попытка поколебать основы унитарного государственного устройства России расценивалась ими как чуждая для ментальности русского народа. Так, в программе партии «Союз 17 октября» в положении о сохранении «единства и нераздельности Российского государства» заявляется: «Положение это обязывает признать, что жизненным условием для укрепления внешней мощи России и для ее внутреннего процветания является ограждение единства ее политического тела, сохранение за ее государственным строем исторически сложившегося унитарного характера. Вместе с тем положение это обязывает противодействовать всяким предложениям, направленным прямо или косвенно к расчленению Империи и к замене единого государства государством союзным или союзом государств»².

К 1917 г. напряженная ситуация в сфере межнациональных и профессиональных отношений стала очевидна всем — от монархистов до большевиков, но дискуссии по поводу прочности исторически сложившихся начал «единой и неделимой» России были весьма разнообразны. Монархическая формула триединства «Православие. Самодержавие. Народность» говорила о самодержавно-охранительных корнях, которые исторически питали не только русский, но и многие другие народы империи. В своих программных документах политическая организация «Союз русского народа» утверждала, что «не только не желает нарушать самобытность населяющих Российскую империю нерусских народностей и оставляет им вполне неприкосновенными веру, язык, быт, благосостояние и землю, но признает особую общественность для народностей, живущих на окраинах...»³.

В уставе православной правомонархической партии «Русский народный союз имени Михаила Архангела» отражено положение: «Русскому народу, как основной единице, сгруппировавшей около себя

² Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2001. С. 92.

³ Цит. по: Журавлев В. В. Национальный вопрос в программах общероссийских политических партий начала XX века // История национальных политических партий России. Материалы международной конференции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 83–96.

покоренных русским оружием и добровольно присоединившихся под защиту его разных инородцев, принадлежит по праву первенствующее, господствующее значение во всей государственной жизни, а тем более в совершающихся государственных преобразованиях»⁴. Идея «державной» нации здесь выступает как фактор участия в законодательной жизни страны; нации русской православной, но заботящейся о нуждах народа всего государства.

Исследователь А. И. Зевелев считает, что в отличие от общероссийских партий национальные партии выражали в большинстве случаев интересы мононации. И именно на национальных окраинах наблюдалось формирование партий религиозного плана⁵. Действительно важен тот факт, что остро религиозный вопрос поднимался в партиях национальных регионов, где сплочение во имя веры приобретало освободительный характер, общероссийские же партии выдвигали программу развития всей страны. 17 апреля 1905 г. вышел указ о «веротерпимости», обещавший всем нехристианским подданным империи ряд уступок и свобод, а после Манифеста 17 октября 1905 г. появились даже мусульманские и иные фракции в I–IV Государственных думах. Вопрос религиозных свобод и национальных интересов с тех пор стал злободневным, но фактически ни одно предложение по изменению системы регулирования духовной жизни в России так и не было реализовано.

⁴ Русский народный союз имени Михаила Архангела. Программа и устав. СПб., 1909.

⁵ См.: Зевелев А. И. Теоретико-методологические аспекты изучения истории национальных политических партий России // История национальных политических партий России. Материалы международной конференции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 23–30.

МАТЕРИАЛЫ РГАСПИ О ПОЛЕМИКЕ ПО ПОВОДУ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ФИНЛЯНДСКОЙ И РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ 1920–1930-е гг.

Л. Е. Терещенков, к.и.н.

Радикальное изменение европейских границ в результате распада Российской империи среди многочисленных последствий породило определенные противоречия в деле изучения истории революционного движения. Целые тематические блоки, такие как история польского, латвийского или финляндского революционного движения, оказались по своему статусу промежуточными. Их можно было по некоторым параметрам отнести и к истории европейского, и к истории русского революционного движения.

В условиях 1920–1930-х гг. этот вопрос решался принципиально по-разному. Одной из характерных попыток определить формат исследования истории революционного движения новых независимых государств стала дискуссия в Истпарте о формате работы Комиссии по изучению финского революционного движения, развернувшаяся в 1927–1928 гг. Ряд любопытных документов, посвященных работе этой комиссии, находятся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории.

Для того чтобы раскрыть вопрос о финляндской линии в историко-партийной работе, необходимо рассмотреть взаимосвязь Финляндской и Русской революций, хронологические и географические рамки революционных событий и их взаимоотношения с национальным движением. Финское национальное движение XIX в. сформировало представление об ирредентной территории финского народа – Восточной Карелии. Стесненное в границах Великого княжества Финляндского административной и таможенной границей, финское национальное движение не могло проводить сколько-нибудь заметную экспансию на территорию своей ирреденты¹. Ситуация меняется на

¹ См.: Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России 1905–1917 гг. СПб., 2006.

рубеже XIX – XX вв., когда в ряде уездов Архангельской губернии начинает складываться национальная карельская торговая буржуазия. Именно она становится первым проводником ирредентистских идей в карельской среде².

Свою лепту в укрепление географических позиций финского ирредентизма внесли и красные финны, участники гражданской войны января – мая 1918 г. в Финляндии. После поражения в гражданской войне именно они стали у истоков национального самоопределения карел при создании Карельской Трудовой Коммуны (КТК) в 1920 г.³ По-видимому, в силу нарастающего политического влияния «красных финнов» в Карелии происходит актуализация финляндской революции в ущерб революции Октябрьской⁴.

Надо признать, что географический дискурс о Финляндии заимствован красными финнами и их противниками у финского национального движения XIX в. Естественные границы Финляндии, по мнению участников историко-партийной работы, простираются до той территории, где нет финских поселений, и отсутствует финское население. Последнее обстоятельство, однако, не дает основание обвинить красных финнов вообще и участников историко-партийной работы в частности в буржуазном национализме, как это сделали организаторы процесса о заговоре финского генштаба в 1930-е гг. Речь в данном случае идет именно о представлениях, принимаемых по умолчанию без должной идеологической проработки. В данном вопросе финляндская социал-демократия может быть названа наследницей финского национального движения с тем же основанием, что и правые партии⁵.

Помимо географического дискурса образование КТК в составе Советской России породило ряд проблем во взаимоотношениях

² *Летонмяки Л.* Кулацко-буржуазное «движение» Северной Карелии в 1917–1918 г. // НАРК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 151. Л. 2–12.

³ *Бутвило А. И.* Формирование территории Карельской трудовой коммуны как политическая проблема // Российская история. 2009. № 3. С. 169–176.

⁴ *Афанасьева А. И.* Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С. 41–49; Кауппала П. Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918–1929 гг. Забытый успех раннесоветской национальной политики // *Ab imperio*. 2002. № 2. С. 309–338.

⁵ *Барон Н.* Региональное конструирование Карельской автономии // *Ab imperio*. 2002. № 2. С. 279–309.

Финляндской революции с Октябрьской революцией и советской государственностью. С одной стороны, Коммунистическая партия Финляндии являлась частью мирового коммунистического движения и Коминтерна. Делегаты от Финляндии были в числе наиболее активных участников I Конгресса Коминтерна в 1919 г. и представляли они именно независимое государство⁶.

Это порождало вопрос, в каком качестве работали финские коммунисты в карельском правительстве и какова должна была быть их партийная принадлежность? Каковы будут взаимоотношения Красной Финляндии с Советской Россией в случае успешного экспорта революции из Советской Карелии в Финляндию? События 1917–1918 гг. в Финляндии и окончание гражданской войны, происходившей с января по май 1918 г., не воспринимались «красными» финнами как завершение революции. По их мнению, окончился только ее первый, «розовый» социал-демократический этап, который сыграл роль «1905 года» для Финляндии⁷.

Деятельность Комиссии по изучению революционного движения в Финляндии (КИРДФ) сосредотачивалась главным образом на собирании и систематизации архивного материала. Однако главной целью этой работы ее участникам виделась подготовка к десятой годовщине Финляндской революции – некоего кодекса революционного опыта. Опыт Финляндской революции должен был быть максимально хорошо обобщен, проанализирован и растиражирован на пользу финского и международного рабочего движения⁸.

Материалы РГАСПИ показывают, что в связи с этим был издан сборник статей, содержащий критику и оценку Финляндской революции. Разработаны и переведены на финский, русский, шведский и немецкий языки тезисы о ходе гражданской войны в Финляндии и ее уроках. Передано в русские, американские, шведские газеты свыше 260 статей по тематике рабочей революции в Финляндии. В отчете о работе КИРДФ за 1927 г. в частности сообщалось, что «Левые рабочие газеты в Финляндии также в течение больше чем трех месяцев

⁶ См.: Коминтерн и Финляндия, 1919–1943 / ред. Н. С. Лебедева, К. Рен-тола, Т. Саарела. М., 2003.

⁷ *Девитт* А. А. От классовых боев в Финляндии до полной ликвидации иностранной военной интервенции и Карельской авантюры 1918–1922 гг. // НАРК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 107. Л. 1–16.

⁸ Отчет о работе Комиссии по изучению революционного движения в Финляндии при ЦК КПФ за 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 39. Л. 17.

приводили отдел под заглавием «10 лет тому назад», по поводу чего две газеты закрыты, одна на 3 месяца и другая на 2 месяца, а ответственные редактора тех же газет были приговорены к тюремному заключению, один на 3 месяца, а другой на 2 года»⁹.

Ввиду такого положения дел Зав. Истпартом М. Савельев сделал секретарю ЦК т. Коссиору запрос о расширении финансирования КИРДФ. В документе говорилось: «При ЦК финской компартии существует комиссия по изучению финского революционного движения. Комиссия эта средств на свою работу не имеет. В прошлом году с Вашего разрешения мы им выдали 3.000 р. из средств, сэкономленных по изданиям Польской комиссии. Эта небольшая сумма оживила работу финских товарищей, дала чрезвычайно ценные результаты и использована с присущей финнам аккуратностью и экономностью. Надо помочь им и в этом году, чтобы не остановилась так хорошо начатая ими работа. На ликвидации польской комиссии мы сэкономили около восьми тысяч рублей. Истпарт ЦК просит Вашего разрешения выдать финнам из этой экономии 4.850 руб. Прилагаю при сем Копию просьбы финских товарищей»¹⁰.

Данный документ показывает, насколько сложно давалось руководству Истпарта определение приоритетов в изучении историко-партийной тематики. В данном случае более перспективным посчитали финское направление исследований в ущерб польскому.

Перечисленные проблемы серьезным образом сказывались на характере историко-партийной работы в Автономной Советской Карелии в ее тематических предпочтениях. Наиболее характерными в сложившейся обстановке являются усилия Лаури Летонмяки организовать совместную работу Каристпарта и комиссии по изучению Финляндской революции как пример взаимоотношений русской и финской политических диаспор в республике в первой половине 1930-х гг.

Таким образом, специфика историко-партийной работы в Карелии была во многом связана с тем, что регион в 1920 – начале 1930-х гг. превратился в поле борьбы нескольких проектов «воображаемой географии»¹¹. Территория советской Карелии мыслилась

⁹ Отчет о работе Комиссии по изучению революционного движения в Финляндии при ЦК КПФ за 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 39. Л. 17.

¹⁰ Письмо Зав. Истпартом ЦК М. Савельева Т. Коссиору 24 июня 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 39. Л. 19.

¹¹ См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

различными участниками революционного процесса либо как часть РСФСР, либо как Карельская автономия, либо как часть будущей Великой красной Финляндии и необходимый плацдарм для осуществления этого стратегического замысла¹². Подобные политические установки предопределяли отношение к недавнему прошлому в конце 1920 – начале 1930-х гг. Однако эти начинания не нашли поддержки в Центральном Истпарте.

В результате сложилась традиция при освещении событий 1917–1922 гг. в Карело-Мурманском регионе внимание акцентировать либо на событиях в Финляндии и борьбе с белофиннами на территории Карелии, либо преимущественно на событиях в Петрозаводске и отчасти в Поморье. Две названные тенденции хоть и существовали одновременно, но каждая из них в определенный период начинала доминировать.

Таким образом, благодаря архивным материалам РГАСПИ мы можем проследить всю сложность организации исследовательского процесса в истпарткомиссиях не только на местах, но и при аппарате ЦК ВКП(б).

¹² См.: *Барон Н.* Региональное конструирование Карельской автономии // *Ab imperio*. 2002. № 2. С. 279–309.

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КАМПАНИЙ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: А. Л. СИДОРОВ VS И. И. МИНЦ¹

*В. В. Тихонов, к.и.н.
(ИРИ РАН)*

Сообщество историков середины XX в. – сложное и противоречивое явление. В такой среде неизбежны конфликты, борьба за лидерство, как в интеллектуальной, так и в административной сфере. В научном сообществе традиционно существуют разные группы ученых: школы, направления, сторонники разных концепций, даже представители разных университетов и институтов. Между ними нередко идет борьба за доминирование их научной (или квазинаучной) концепции, престиж в обществе, за молодых сторонников, то есть то, что в науковедении получило название «символический капитал». В советском обществе такая, в общем-то, нормальная борьба, осложнялась регулярным вмешательством партийных властей. И слишком часто победа определялась не качеством и активностью научной и педагогической работы, а поддержкой властей. В середине XX века в условиях непрекращающихся идеологических кампаний слишком сильным был соблазн устранить конкурента, обвинив его в антипатриотизме, идеологических ошибках и т. д.

Идеологические кампании, безусловно, были инициированы сверху. Советская партноменклатура эпохи «позднего сталинизма» рассматривала их как форму контроля и управления интеллектуальной жизни в стране. В то же время важная черта кампаний – их относительная автономия от инициаторов. Если концепцию разрабатывали на самом верху, то прохождение кампаний зависело от конкретных условий, в которых они проходили. Личные отношения, борьба групп ученых, а не только прямые указания контролирующих органов, зачастую становились основным двигателем того, что происходило. Кампании использовались как повод и средство устранить конкурентов в

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (проект № МК–2627.2013.6).

борьбе за административное и научное влияние. Классическим примером такой борьбы стал разгром А. Л. Сидоровым и его сторонниками «группы И. И. Минца».

Пути в науке Исаака Израилевича Минца (1896–1991) и Аркадия Лавровича Сидорова (1900–1966) были схожими. Оба были слушателями Института красной профессуры, где учились у М. Н. Покровского, затем активно работали как преподаватели. В 1940-е гг. Минц занимал практически монопольное положение в изучении истории советского общества. Он был академиком, возглавлял наиболее крупные исследовательские проекты, авторские коллективы учебных пособий. Его ученики вели занятия по истории советского периода во всех престижных вузах Советского Союза. Амбиции Сидорова также были велики: он стремился занять лидирующие позиции в советской исторической науке, чему мешал в первую очередь Минц. Уже в 1947 г. Сидоров написал разгромную статью на курс лекций Минца.

Особую активность Сидоров развернул во время кампании против безродных космополитов, где еврей Минц оказался очень удобной фигурой для критики. В своей деятельности Сидоров опирался на молодых, идеологически проверенных (партийных) соратников, часто бывших фронтовиков: «Многие из учеников А. Л. Сидорова были бывшими фронтовиками... По сравнению со своими “зелеными” товарищами, не прошедшими школы войны, они обладали значительным жизненным опытом и твердо знали, чего хотят. Большинство из них были членами партии. Очень быстро фронтовики заполнили почти все выборные партийные, комсомольские и профсоюзные должности, а также аспирантуру. Они хотели учиться и получать знания, но они считали себя по праву первыми претендентами на освободившиеся вакансии. Вакансий же было немного...»² Разгром «группы Минца» позволял сторонникам Сидорова занять лидирующее положение в изучении советской истории, самого престижного направления исторической науки.

25 февраля 1949 г. в Институте истории прошла сессия, на которой В. Т. Круть и Х. Г. Аджемян потребовали искоренить антипатриотические настроения в среде советских историков. Главными носителями этих настроений назывались Н. Л. Рубинштейн, Минц и «их защитник и покровитель» Е. Н. Городецкий. Вскоре заседание прошло в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). «Несколько часов подряд

² Некрич А. М. Поход против «космополитов» в МГУ // Континент. 1981. № 28. С. 304–305.

высокие чины, а потом и преподаватели в унисон ругали “космополитов”, которые “пробрались” в историческую науку, окопались на истфаке МГУ, разлагают молодежь». Особенно досталось И. И. Минцу. Прозвучал призыв «забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней – Разгона, Городецкого, Зававича, Зубока...»³.

3 марта прошло партийное собрание исторического факультета МГУ, где Сидоров указал на недопустимость проникновения «буржуазного безродного космополитизма» в историческую науку, поскольку «в современной обстановке идеи буржуазного космополитизма в науке... являются идеологическим оружием американского империализма». В чем же заключался «грех» космополитизма? «Всякое протаскивание идей буржуазного космополитизма в историческую науку, принижение роли русского народа в мировой истории..., стремление ослабить чувство советского патриотизма, принизить достижения советского хозяйства, советской культуры, советской науки – являются проявлением враждебной деятельности против нашей Родины в интересах врагов нашей социалистической страны», – громогласно заявил Сидоров. Заметим, что при желании каждый мог быть подведен под эти обвинения. Минц, по мнению Сидорова, – зримое проявление всех перечисленных пороков, «наиболее типичный выразитель и проводник взглядов буржуазного космополитизма»⁴. Ошибок у Минца слишком много, чтобы это было случайностью: искажение фактов, «смазывание значения Октябрьской Социалистической революции, как в исторических судьбах нашего народа, так и в истории всемирной». Были и более страшные преступления: «Важнейшие вопросы, поставленные товарищ Сталиным по истории советского общества, товарищ Минц в своей работе не отразил». «Группа Минца» была обвинена в монополизации изучения и преподавания истории советского периода. Более того, по словам Сидорова, она сознательно тормозила становление молодых кадров специалистов по советской истории.

24–29 марта в Институте истории прошли заседания Ученого совета, посвященные борьбе с космополитизмом. Критика Минца заняла на них одно из центральных мест, его не порицал только ленивый. Сидоров связал деятельность Минца с наследием уже разгромленной «школы М. Н. Покровского». Именно Покровский и Минц «реабилити-

³ Лельчук В. С. Уроки Городецкого (к 90-летию со дня рождения) // Отечественная история. 1997. № 1. С. 122.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 632 (А. Л. Сидоров). К. 21. Ед. хр. 2. Л. 151, 154, 159.

тировали немцев в русской исторической науке, закрепив приоритет последовательного космополитизма, пресмыкавшегося перед иностранными учеными»⁵.

Минц был обвинен в том, что сплотил вокруг себя группу единомышленников и учеников, которые монополизировали изучение и преподавание советской истории, превратив своего учителя в «непогрешимый авторитет в вопросах советской истории». «Результатом такой активности, – утверждал Сидоров, – была полная бездеятельность в многочисленных учреждениях и бесплодие в научной работе... за 25 лет своей научной деятельности он не создал ни одной монографии»⁶. Фактически Минца обвинили в целенаправленном саботаже. Он был объявлен основоположником фактографического подхода к изучению советской истории, что рассматривалось как отход от принципов партийности, как «буржуазный объективизм».

Совместно с Д. А. Чугаевым Сидоров подготовил для журнала «Большевик» итоговую статью о кампании борьбы с космополитизмом. Минцу была посвящена львиная доля статьи. В ней повторялись все прозвучавшие на заседаниях обвинения⁷. Минц сознательно искажал советскую историю: показывал Октябрьское восстание как стихийное, а не проводимое под чутким руководством партии большевиков; замалчивал международное значение Октябрьской революции; игнорировал разработку проблем социалистического строительства и развития советской культуры; «в истории гражданской войны он смазывал решающее значение советского патриотизма, воспитанного партией Ленина-Сталин»; затушевывал героическую борьбу советского народа против интервентов в годы Гражданской войны. По неизвестным причинам статья так и не увидела свет. Возможно, виною тому было то, что кампании проходили стремительно и актуальные еще вчера оценки быстро устаревали.

Как писал А. М. Некрич: «Сидоров, несомненно, был незаурядной личностью, но жажда власти одержала в нем в конечном итоге верх над профессиональными интересами ученого»⁸. Сидоров потеснил и влиятельнейшего академика Б. Д. Грекова. В 1950 г. он возглавил комиссию по проверке Института истории, долгое время руководимого Б. Д. Грековым. Заключение было негативным. В работе институ-

⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 207. Л. 20.

⁶ Там же. Л. 23.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 632. К. 21. Ед. хр. 2.

⁸ Некрич А. М. Поход против «космополитов» в МГУ. С. 303.

та было обнаружено множество идеологических и кадровых ошибок. Вскоре Сидоров сменил Б. Д. Грекова на посту директора института.

И. И. Минц лишился всех руководящих постов, в качестве ссылки его назначили заведующим кафедрой в Московском государственном педагогическом институте. Сидоров стал заведующим кафедрой истории СССР МГУ, в 1953 г. он был назначен директором Института истории АН СССР. Впрочем, на выборах в члены-корреспонденты АН СССР его провалили, несмотря на выделенную специально для него вакансию: в научном сообществе признавался не только язык власти, но был и свой «гамбургский счет». Сидоров сумел на время оттеснить Минца от академического Олимпа, но самому туда забраться ему так и не удалось.

«НАЦИОНАЛЬНОЕ» В КОНСЕРВАТИВНОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА

Л. И. Томей
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Истоки понятия «национальное» лежат в понятии *народ*. Этимология этого слова восходит к общеславянскому¹ слову *народити*, что есть производное от *родити*². Если сравнивать с синонимичными понятиями «племя»³ и «люди»⁴, то можно прийти к выводу, что изначально понятие *народ* означало факт появления человеческого существа на свет, рождение. Конечно, спустя многие века это понятие дополнили и другие коннотации, а исконное значение если не потеряло свою актуальность, то отошло на задний план. Поскольку корни понятия «национальное» глубоко уходят в концепт *народности*, для понимания первого мы должны проследить, какие смысловые нагрузки имело понятие *народность* в интересующем нас периоде русской истории – XIX веке.

Первое, что приходит в голову, говоря о народности, – знаменитая уваровская триада «Православие. Самодержавие. Народность» начала 1830-х гг. Однако, как замечают современные исследователи эволюции понятия «народность», оно появляется еще в самом начале века, не имея при этом политического и этнологического наполнения. Причем сначала мы с трудом можем встретить термин «народность» даже в личной переписке образованных людей, где оно изначально замещало французское «популярность», и лишь позже начинает расширять область своего определения и мигрирует в литературную кри-

¹ В филологии считается так называемой 3 степенью древности.

² Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994. С. 197.

³ Общеславянское производное от *плод*; первоначально – *рожденный*.

⁴ Общеславянская форма множественного числа от *людь*. Того же корня, что и литовское *liáudis* «народ», немецкое *Leute* «люди» и пр. Производное от той же основы, что и готское *liudan* «расти». *Люди* буквально – «родившиеся, появившиеся» на свет.

тику, приобретая социокультурные и идеологические, но никак не националистические коннотации⁵.

«Народность» (и как следствие «народное», «национальное») становится ключевым понятием для консервативного идеологического дискурса с 30-х гг. XIX века, особенно для таких его направлений, как государственный, «православно-охранительный» консерватизм и славянофильство. Основные принципы теории «официальной народности» были сформулированы в 1832 г. С. С. Уваровым, который впоследствии, в 1833 г., стал министром народного просвещения. Стоит, однако же, заметить, что суть этой теории была изложена еще в «Записке о древней и новой России» Н. М. Карамзина, Уваров лишь сделал дополнительный акцент на «народности».

Коротко квинтэссенцию теории «официальной народности» можно обозначить как обоснование православия и самодержавия, а также глубокой религиозности и преданности престолу русского народа в качестве неперемennых условий существования России. Уваров придает, таким образом, этому понятию политический оттенок, идеологически оформляя правительственный курс Николая I начала 30-х гг. XIX века. Поэтому в данном контексте необходимо учитывать социальную задачу как компонента «народность», так и всего «охранительного» консерватизма: доказать исконность и необходимость монархического правления для Российской империи.

Взяв на вооружение уваровскую триаду, профессор Московского университета, филолог С. П. Шевырев расширяет ее и дополняет глубиной своего гения: «Уваровское “Православие” у Шевырева становится “древним чувством религиозным”, “самодержавие” – “чувством государственного единства”, неиссякаемым источником государственного могущества России, а “народность” дополняется указанием на связь народного образования с русским языком и культурой – “мощной преградой всем искушениям Запада”»⁶. Шевырев трактовал *народ*

⁵ Бобровских Е. В. Эволюция понятия «народность» в России начала XIX века // Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений» (к 40-летию кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова), 28–29 октября 2011 года. Ч. 2. Тезисы выступлений. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 217.

⁶ Шириняни А. А. Степан Петрович Шевырев // Шевырев С. П. Избранные труды; [сост. К. В. Рясенцев, А. А. Шириняни; автор вступ. ст. А. А. Ши-

как все сословия в их единстве. Неправильно, считал он, разделять народ на собственно простой люд (как это обычно делают) и высшие сословия, однако, следует отличать народ от того, что называют «чернью» или «массой»⁷.

Хорошо зная отечественную историю, С. П. Шевырев считал, что высшие сословия оторвались духовно от простого люда, и одна из причин этого явления – использование в общении в высших кругах чужого языка. Язык для него выступал своеобразным катализатором народности, народного духа. Вспоминая шевыревскую троичную систему исторического развития, следует отметить, что на третьем – заключительном – этапе торжествует народность, «огненные языки» «великой семьи человеческой», воплощающие идею Божию. Другими словами, исследователь словесности считал, что в истории всемирной наступил этап национальный, когда новые народы, в частности русский, займут свою нишу во всемирном историческом процессе.

Эту мысль поддерживает и развивает М. П. Погодин, считавший, что с кончиной императора Александра I и восшествием на престол Николая I заканчивается «Европейский» этап истории России и начинается «Национальный», «которому, на высшей ступени его развития, будет принадлежать, может быть, слава сделаться периодом в общей истории Европы и человечества»⁸. М. П. Погодин так же, как и С. П. Шевырев, стал выразителем и проповедником уваровской триады (хотя ни один из них прямо на нее не ссылался). Для него понятие «народности» тесно связано с представлением о становлении государственности и о характере власти в Российской империи. Поскольку русский народ по природе своей мирный, дружелюбный, то в истории нашего государства нет примеров завоевания одного племени другим, что и предопределило отношения внутри народа: земля осталась в руках населявшего ее народа, что сделало его монолитным, а также «свободным», в том числе в призвании и принятии варяг. Кроме того, Погодин настаивал на единстве происхождения многочисленного славянского народа. Таким образом, для М. П. Погодина «народность» носила идеологический, скрепляющий характер; она должна

ринянец; авторы коммент. М. К. Кирюшина, К. В. Рясенцев, А. А. Ширинянец]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 32.

⁷ Там же. С. 55.

⁸ *Погодин М. П.* Петр Великий // Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 359.

была помочь России усвоить плоды западной цивилизации без ее заблуждений.

Славянофил Ю. Ф. Самарин справедливо замечал, что мы понимаем народность «в неразрывной связи с православною верою, из которой истекает вся система нравственных убеждений, правящих семейною и общественною жизнью русского человека»⁹. В статье «Два слова о народности в науке» он подчеркивал, что русскому человеку в силу того что он русский, и в той мере, в какой он русский, дух истории России и мотивы ее поэзии открываются яснее и полнее, чем представителю другой народности, другой национальности.

Таким образом, народность становится культурно-психологической составляющей для объединения людей в рамках одного государства, т. е. народность определяет мировоззрение и представления того или иного человека: «Заключая в себе возможность односторонности воззрения или пристрастия, народность познающей мысли в то же время представляет нам ручательство за постепенное освобождение от пределов, ею же полагаемых»¹⁰. Его товарищ К. С. Аксаков рассматривал народность через понятие «народного воззрения», под которым понимал самостоятельность, самобытность воззрения (идей, принципов, ценностей, мотивов и проч.) отдельного народа. Народность как раз и проявляется через самостоятельность суждений и отношений.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что народность с 30-х гг. XIX века становится весьма значимым понятием в описании и объяснении исторических и политических процессов России. Народность становится инструментом политического и идеологического манипулирования, возбуждения народного самосознания, а в вопросах соотношения национального и общечеловеческого позволила по-иному оценить роль каждого народа в мировой судьбе человечества. Выделение народности как концепта в политическом дискурсе российских консерваторов и славянофилов, а также осознание ими уникальности каждого народа предвосхищают цивилизационный подход и теорию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, В. И. Ламанского и др. русских мыслителей второй половины XIX века.

⁹ Самарин Ю. Ф. Два слова о народности в науке // Самарин Ю. Ф. Православие и народность / сост., предисл. и комм. Э. В. Захарова / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 429–430.

¹⁰ Там же. С. 435–436.

АГЕНТУРА МИЛИЦИИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1941–1945 гг.

(на материалах Ярославской области)

Д. В. Тумаков, к.и.н.

*(Ярославская государственная медицинская
академия Минздрава России)*

В годы Великой Отечественной войны в силу роста преступности, значение нелегальной агентуры Рабоче-крестьянской милиции (РКМ) в деле борьбы с уголовниками возросло. Иерархия агентуры – от простых доверенных лиц до резидентов – была определена еще до войны¹. Ее роль была охарактеризована в знаменитом высказывании И. В. Сталина: «...если в сигналах, разоблачающих врага, будет правды хоть на пять процентов, то и это хлеб»².

Поэтому не только в крупных городах, но и на периферии силы правопорядка отводили секретной агентуре немаловажную роль. Не стала исключением и Ярославская область – типичный тыловой регион СССР. Совершенно секретная справка «Об агентурной работе Управления милиции Ярославской области за 1942 г.» сообщала, что в течение года РКМ были завербованы 19 агентов и 1280 осведомителей³. Командование РКМ регулярно призывало подчиненных на периферии работать над увеличением численности нелегальной агентуры.

Как правило, милиция в сельской местности пополняла агентуру за счет либо лиц, ранее предававшихся суду за совершение тех или иных незначительных правонарушений, они давали ценные сведения относительно спекулянтов и других «уголовно-преступных элемен-

¹ Говоров И. Негласная агентура советской милиции в 1940-х годах // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 109–119.

² Воронцов С. А. Правоохранительные органы. Спецслужбы. История и современность. Ростов-на-Дону, 1998. С. 212.

³ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-2223. Оп. 1. Д. 143. Л. 19.

тов» либо пастухов, лесников и налоговых агентов⁴. Последние могли быть интересны РКМ в качестве осведомителей против дезертиров из Красной армии. Как докладывал 14 августа 1942 г. заместитель начальника Судиславского районного отделения (РО) НКВД по милиции младший лейтенант Михайлов, санкция на вербовку давалась только при наличии рапорта с подробной характеристикой личности кандидата в секретные осведомители с приложением к нему материалов проверки. Тем самым РКМ стремилась приобретать только квалифицированную и относительно честную агентуру. Приоритет отдавался работникам торговли, сторожам и бухгалтерам.

Благодаря негласной агентуре органам РКМ Ярославской области удалось вскрыть в сельских районах ряд громких преступлений. Приведем некоторые из них. В Судайском районе был арестован и осужден на 10 лет лишения свободы за убийство колхозницы гражданин Войцеховский. За детоубийство была осуждена председатель Старовского сельсовета Судайского района, депутат Ярославского совета депутатов трудящихся, член ВКП(б) Тряхова⁵. В Большесельском районе благодаря сообщению секретных осведомителей «Колхозника» и «Морякова» был арестован и отдан под суд Военного трибунала вор-конокрад Г. А. Скрипников, бежавший из лагерей НКВД⁶.

При помощи секретного осведомителя Сабурова в Буйском районе удалось арестовать и привлечь к уголовной ответственности группу из 7 дезертиров из Красной армии⁷. Аналогичные факты происходили и во многих других периферийных районах области. Все это привело к командованию правоохранительных органов к выводу, что «мы без агентурного осведомления работать не можем»⁸.

Но преувеличивать достижения нелегальной агентуры РКМ на периферии было бы неверно. Согласно данным статистики, за апрель–сентябрь 1942 г. в Ярославской области на основании агентурных данных было проведено лишь 29,5 % дел, возбужденных в отношении расхитителей⁹. Похожая картина наблюдалась и в отношении уголовного розыска. Война создала ряд затруднений для нормального функционирования милицейской агентуры, особенно в удаленных от столицы периферийных районах СССР.

⁴ ГАЯО. Ф. Р-2223. Оп. 1. Д. 184. Л. 1; Д. 159. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 183. Л. 1–2.

⁶ Там же. Д. 154. Л. 2.

⁷ Там же. Д. 157. Л. 13.

⁸ Там же. Д. 210. Л. 18 об.

⁹ Там же. Д. 145. Л. 28.

Прежде всего, вследствие армейских мобилизаций нелегальная агентура РКМ существенно сократилась в численности. В докладной записке от 27 мая 1942 г. начальник Нейского РО НКВД лейтенант госбезопасности Соловьев отмечал, что из довоенной агентуры остался лишь 1 секретный осведомитель¹⁰. Не лучше обстояла ситуация в Судиславском районе, где по состоянию на 1942 г. число секретных осведомителей РКМ в 14 сельсоветах, наиболее пораженных уголовными проявлениями, также не превышало 1 человека на сельсовет¹¹. Такое количество агентуры было ничтожно малым и не могло работать эффективно.

Качество новоприобретенной агентуры также было низким. В Буйском районе области в агентурно-осведомительной сети РКМ не было ни одного агента или резидента, а имевшиеся доверенные лица и осведомители считались людьми «малоопытными и неквалифицированными»¹². В Рыбинском районе такие отрасли народного хозяйства, как потребкооперация и промкооперация, заготовительные организации, не были обеспечены секретным осведомлением. От 7 осведомителей по линии уголовного розыска не поступило ни одного донесения¹³. Во многом это было обусловлено практически полным отсутствием денежных выплат всем видам негласной агентуры РКМ в военный период. К тому же выходцы из мира криминала, составлявшие немалую часть нелегальной агентуры в сельской местности, не стремились оказывать помощь органам правопорядка.

Усугубляла ситуацию и недостаточная квалификация самих работников РКМ, ответственных за агентуру. В том же Рыбинском районе донесения осведомителей принимались небрежно, не корректировались, на них даже отсутствовали даты. Заданий агентура почти не получала, поэтому в районе в среднем в месяц работало не более 18 % имевшейся агентурной сети РКМ¹⁴. В Мышкинском районе летом 1942 г. были завербованы 5 секретных осведомителей, но с нарушением правил оформления¹⁵. Иногда свою роль играли погодноклиматические условия – в Арефинском районе в январе–мае 1942 г. из запланированных 130 встреч с осведомлением состоялись лишь 87.

¹⁰ Там же. Д. 167. Л. 5–6.

¹¹ Там же. Д. 184. Л. 2.

¹² Там же. Д. 157. Л. 16.

¹³ Там же. Д. 181. Л. 79 об.

¹⁴ Там же. Д. 181. Л. 80.

¹⁵ Там же. Д. 165. Л. 3 об.

Остальные сорвались из-за весенних паводков, сырой местности и участия осведомителей в колхозных работах¹⁶.

Таким образом, необходимо признать, что по интересующему нас вопросу в Ярославской области складывалась двойственная картина. Негласная агентура в сельских районах СССР в эпоху Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. не имела серьезного материального стимула для успешной работы. Руководство РКМ рассчитывало в первую очередь на силу компромата и страха в отношении агентов, а сами милиционеры в силу низкой квалификации не умели правильно работать с секретной агентурой. Вышеприведенные примеры были типичными. Свою роль играли и объективные причины: сама война, вызванные ею массовые мобилизации на фронт, а также характерная для эпохи сталинизма выдача желаемого за действительное при пополнении рядов агентуры. В силу этого основная масса «уголовно-преступных элементов», ликвидированных органами РКМ в военные годы в сельских районах Ярославской области, приходилась не на агентуру, а на иные способы работы сил правопорядка.

¹⁶ ГАЯО. Ф. Р-2223. Оп. 1. Д. 153. Л. 1.

КАЗАХСТАНСКО-БРИТАНСКОЕ ОТНОШЕНИЯ

Ш. Н. Уайсова

(Казахская инженерно-техническая академия, Казахстан)

Казахстанско-британские дипломатические отношения были установлены 19 января 1992 г.

20–22 марта 1994 г. состоялся официальный визит президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева в Великобританию. По итогам визита было подписано 7 соглашений на правительственном уровне, в том числе Совместная декларация об экономическом сотрудничестве, Соглашение о сотрудничестве в области образования, Генеральное соглашение о сотрудничестве между МО РК и Беллербис Колледжем, в соответствии с которым английская сторона обязалась обеспечить прием казахстанских стипендиатов в 20 престижных вуза, прорабатывался вопрос развития транспорта, коммуникаций, металлургии.

Важнейшим этапом в истории межгосударственных отношений стал официальный визит президента Н. А. Назарбаева в Великобританию в ноябре 2006 г. и его встречи с королевой Елизаветой II и премьер-министром Тони Блэром. Астане удалось выстроить оптимальную линию сотрудничества с Лондоном, что обеспечивает ровные и стабильные отношения с Великобританией. Таким отношениям способствовал тот факт, что двум странам удалось выработать долгосрочные интересы в политической, экономической и гуманитарной сфере.

Н. А. Назарбаев провел переговоры с Т. Блэром, где британский премьер-министр отметил важность дальнейшего развития в двусторонних отношениях с упором на экономическое сотрудничество и выразил удовлетворение по поводу выхода ряда казахстанских компаний на Лондонскую биржу¹.

По итогам 1993–2003 гг. Великобритания вышла на второе место по объему вложенных прямых иностранных инвестиций в экономику Казахстана (свыше 3,65 млрд долларов), что на тот период составило 13,8 % общего объема ПИИ в Казахстане.

¹ Токаев К. К. Свет и тень. Астана, 2007.

По состоянию на 1 октября 2004 г. в нашей республике осуществляло свою деятельность 212 предприятия с участием британского капитала, из которых 80 являлись совместными и 132 представительства.

29–30 июня 2004 г. в Лондоне состоялась 4 ежегодная международная конференция «Нефть и газ Казахстана», основными темами которой были реализация Программы освоения казахстанского сектора Каспийского моря, ее увязка со Стратегией индустриально-инновационного развития. Важной сферой сотрудничества является энергетика. Казахстан заинтересован в увеличении присутствия британского капитала в отечественном нефтегазовом секторе.

За последние два десятилетия Великобритания стала одним из крупнейших иностранных инвесторов с более чем пятиста компаниями, представленными на нашем рынке, занимает около семи процентов от общего объема зарубежных капиталовложений в Казахстан. Компании и совместные предприятия присутствуют от добывающей и обрабатывающей промышленности до секторов финансовых услуг, образования и гражданской авиации². Активно укрепляются контакты в области коммуникаций. Например, в РК успешно работает национальный авиаперевозчик «Эйр-Астана», являющееся совместным предприятием с британской компанией BAE-Systems.

Казахстан и Великобритания заключили договор о партнерстве в геологоразведке. В Астане отечественная национальная компания «Казгеология» и британская горнорудная компания «Рио Тинто» подписали два соглашения о создании совместных предприятий. Они займутся разведкой на территории месторождений Балхаш-Сарышаган и Корган-Тас. Проект знаменует переход геологической отрасли на инновационный курс развития. Финансирование берет на себя компания «Рио Тинто». Фирма обещает применять современные технологии и обучать отечественных специалистов. Программу ориентируют на изучение глубинных участков недр.

Колоссальные энергетические ресурсы Каспийского моря делают Казахстан весьма перспективным для Великобритании рынком товаров и услуг, связанных с разработкой нефтегазовых месторождений и созданием соответствующей инфраструктуры. В настоящий момент в нефтегазовой отрасли нашей страны действует более 150 британских компаний и совместных предприятий с их участием, среди которых и такие гиганты, как BG, Shell и BP. При этом интерес к нефтегазовому сектору постоянно растет.

² *Абусеитов К.* Казахстан – Великобритания: следуя традициям партнерства // Казахстанская правда. 2011. 29 декабря.

Вместе с тем наше партнерство только этим не ограничивается. Принимая во внимание, что у Казахстана большие планы по диверсификации экономики, Великобритания готова активно содействовать их реализации. В частности, BAE Systems участвовала в создании Air Astana. В 2006 г. авиакомпания приобрела новый лайнер Airbus-320 и до конца года планировала пополнить свой авиапарк еще четырьмя самолетами.

Среди других отраслей, где активно работают британские компании, можно отметить добычу золота и цветных металлов. Компания Hambleton Mining разрабатывает в Восточном Казахстане золотое месторождение «Секисовское».

Между компанией Pilkington Glass и Инвестиционным фондом Казахстана было подписано соглашение о строительстве стекольного завода в Кызылординской области. Успешное выполнение этого проекта позволит Казахстану стать одним из мировых экспортеров данного вида продукции. Немало наших компаний работает в сфере финансовых, юридических и образовательных услуг.

Особое место в сотрудничестве наших стран занимает Казахстанско-Британский технический университет (КБТУ), договор о создании которого подписали в 2000 г. Премьер-министр Великобритании Тони Блэр и Президент РК Нурсултан Назарбаев. В этом проекте объединены две области партнерства: энергетика и образование.

В ноябре 2011 г. АО «НАК Казатомпром» и Казахстанский институт нефти и газа подписали Меморандум о сотрудничестве с Кавендишской лабораторией, открыт казахстанский образовательный научный центр в Кембридже.

В 2008 г. было зарегистрировано 40 совместных предприятий, среди которых СП «Аксай», СП «Фараб», НПО «Жезказганцветмет», ПО «Балхашмедь», Устькаменогорский свинцово-цинковый комбинат, Актюбинский завод хромовых соединений, Карагандинский металлургический комбинат и другие³.

18 октября 2012 г. в Лондоне состоялся третий Казахстанский Бизнес-Форум (далее – КБФ), организованный Казахстанско-Британской торгово-промышленной палатой при поддержке Правительства Республики Казахстан и Посольства Республики Казахстан в Великобритании. Проведенный третий КБФ был призван способствовать укреплению атмосферы доверия между деловыми людьми, дальней-

³ Токаев К. К. Векторы внешней политики. Европейское направление. Кн. 2. Алматы, 2008.

шему развитию межкорпоративных отношений, стимулированию уверенности в необходимости новых инвестиций в Казахстан, а также знакомству с главными бизнес-идеями в Республике по широкому ряду направлений.

Главным образом на Форуме освещались вопросы по содействию развития двусторонних отношений, исследованию текущего инвестиционного климата в Республике, дальнейшие перспективы экономической интеграции Казахстана в Европейское пространство, а также векторные направления в развитии аграрного, индустриального, энергетического, банковского и коммуникационного секторов экономики. Одним из ключевых аспектов Форума стало рассмотрение государственной программы «Форсированного индустриального развития» до 2014 г., «Продуктивность-2020», основными лейтмотивами которых являются научно-инновационные способы перехода от сырьевого ориентированного экспорта в сторону промышленно-инновационного развития.

Большинство аналитиков согласились с тем, что в Казахстане государство целенаправленно проводит политику создания благоприятных условий для инвесторов в экономически менее развитых регионах, а не только в традиционно сильных областях, что можно считать знаковым для страны достижением⁴.

Таким образом, между Казахстаном и Великобританией построены многосторонние отношения по многим ключевым аспектам сотрудничества, что служит интересам обеих стран.

⁴ Международный деловой журнал «Казахстан». 2012. 18 октября.

ИЗУЧЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИЦИИ США ПО ВОПРОСУ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРИЗНАНИЯ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ КОНГРЕССА США (1945–1949)

Г. И. Устюгова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Важная роль Соединенных Штатов Америки в образовании государства Израиль, а также включении его в мировую политическую систему признается рядом исследователей. Вместе с тем источниковая база проблемы, как правило, сильно сужена, в частности, из нее почти полностью исключены материалы Конгресса США¹. Сложно установить причину такого невнимания к этому, без сомнения, важному источнику.

Роль Конгресса в принятии внешнеполитических решений после Второй мировой войны была двоякой. С одной стороны, выделение США материальных средств так же, как использование при разрешении конфликта американских вооруженных сил, могло быть произведено только с согласия обеих палат Конгресса. С другой стороны, еще в первое послевоенное пятилетие был проведен ряд мер, призванных ускорить принятие соответствующих решений; Конгресс теряет свои позиции в принятии ключевых решений, уступая их исполнительной власти.

Период, предшествовавший образованию государства Израиль, сопровождался, во-первых, дискуссией во всех государственных структурах США, в том числе и в Конгрессе, а во-вторых, активным лоббированием интересов евреев Палестины, в особенности в Конгрессе.

В Конгрессе были затронуты следующие вопросы: поддержка евреев Палестины, протест против политики Великобритании и действий государственного департамента США. Обсуждения носили неравномерный, в некотором смысле стихийный характер, и редко заканчивались принятием каких-либо резолюций. Обычно они представляли

¹ United States Congress. Congressional Records Proceedings and Debates. Vol. 91–95. Washington, 1945–1949 (далее – CR).

собой краткие дискуссии и отдельные, часто продолжительные выступления. Специфика данного источника заключается также в том, что ряд выступлений публиковался в приложениях к материалам Конгресса, которые по сути своей можно выделить в качестве отдельного источника. В так называемом приложении публиковались тексты выступлений, газетных статей, писем в Конгресс, которые в тот момент не имели прямого отношения к заседанию одной из палат Конгресса, но конгрессмен или сенатор, побуждаемые личными интересами, просили вынести эту информацию в приложение.

Хронологически можно выделить несколько этапов рассмотрения палестинской проблемы. Сразу после окончания Второй мировой войны, во время которой уже поднимался вопрос о создании в Палестине независимого государства, вопрос сузился до поддержки еврейской иммиграции в Палестину. Затем, после заявления президента Гарри Трумэна о поддержке Соединенными Штатами создания независимого государства и передачи Великобританией решения вопроса о дальнейшей судьбе Палестины в Организацию Объединенных Наций, конгрессмены и сенаторы обсуждали возможность участия США в разрешении палестинского вопроса.

В период между принятием резолюции ООН № 181 от 29 ноября 1947 г. о разделе Палестины и вплоть до вывода британских войск и провозглашения независимого государства Израиль позиция США относительно дальнейшей судьбы Палестины менялась несколько раз, что нашло свое отражение в выступлениях в Конгрессе. Последний этап обсуждения начался после провозглашения государства Израиль, он включал в себя вопросы признания Израиля де-факто и де-юре, а также отмены эмбарго на торговлю оружием в ближневосточном регионе².

В ходе обсуждения в Конгрессе не сложилось оппозиционных групп по партийному или ярко выраженному региональному признаку. В конце войны демократическая и республиканская партия практически одновременно включили палестинский вопрос в свои предвыборные платформы для привлечения избирателей из числа американских евреев. Наиболее активные сторонники поддержки евреев в Палестине принадлежали к демократической партии, в их числе – будущий вице-президент Олбен Баркли; однако республиканцы были представлены такими крупными политическими фигурами, как Роберт Тафт и Артур Ванденберг. Именно по текстам выступлений

² CR. Vol. 95. Pt. 12 P. A119, A258.

можно проследить эволюцию взглядов некоторых участников дискуссии. Например, Роберт Тафт долгое время поддерживал создание независимого еврейского государства в Палестине. Но после начала первой арабо-израильской войны, когда тысячи арабов Палестины, вынужденные покинуть свои дома и имущество, стали беженцами, Тафт высказался против поддержки Израиля.

Материалы Конгресса США также позволяют выявить, какого рода организации лоббировали интересы евреев Палестины. В качестве примера можно привести союз еврейских ветеранов, женские еврейские организации; имел место случай даже лоббирования со стороны еврейских школьников Нью-Йорка³.

Этот пласт информации, рассмотренный наряду со статьями, посвященными палестинскому вопросу и выдержками из средств массовой информации, позволяет также составить представление об общественной поддержке в США идеи образования и признания независимого еврейского государства в Палестине. Вместе с тем необходимо подчеркнуть: у этой идеи были и свои противники.

Материалы Конгресса США включают в себя тексты дебатов и голосований. Это позволяет выявить спектр мнений по палестинскому вопросу, а также существенно расширить рамки общей картины партийно-политической дискуссии в США по вопросу образования и признания государства Израиль.

³ CR. Vol. 93. Pt. 11 P. A1711, A2371.

ОБРАЗОВАНИЕ РАБОЧИХ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК: СТРУКТУРА, ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Л. А. Фадеев
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Образование в годы первых пятилеток являлось одним из ключевых факторов индустриального развития государства и вместе с тем представляло собой широкий культурный феномен, характеризующий социальную сферу жизни общества. Система курсов, школ, фабрично-заводских училищ позволяла как решить непосредственно производственные задачи (прежде всего, поднимая квалификацию работников), так и расширить культурные горизонты и интересы трудящихся. Являясь четко выраженным общественным институтом, образование представляло собой один из ключевых элементов социальной инфраструктуры как на общегосударственном уровне, так и в рамках отдельных предприятий. Одной из ключевых особенностей его стала тесная увязка с политической программой развития общества.

Советская историография достаточно большое внимание уделяла данным вопросам. Изучались как проблемы системы образования в целом, так и частные вопросы, связанные с работой в среде национальных меньшинств, формированием педагогического состава, организацией различных курсов и движений по ликвидации неграмотности, а также с методиками обучения и грамотного использования в них понятных и актуальных политических лозунгов¹.

¹ См.: Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., 1993. URL: http://museum.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=13047&ob_no=13401 (дата обращения: 19.09.12); Фрид Л. С. Очерки по истории развития политико-просветительной работы в РСФСР (1917–1929). Л., 1941; Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М., 1964; Куманев В. А. Революция и просвещение масс. М., 1973; Штамм С. И. Управление народным образованием в СССР (1917–1936). М., 1985; Лельчук В. С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984.

В современных исследованиях образование, как правило, рассматривается в широком социально-экономическом контексте. Так, в ряде научных работ отмечается, в частности, что советское образование являлось важной частью экономической модернизации в контексте своего рода культурной революции при формировании новых интеллектуальных слоев. Активно исследуется теория человеческого капитала, оценка дохода от профессионального опыта: при этом привлекаются как делопроизводственные данные, так и источники личного происхождения. Исследователи отмечают такие явления, как массовое обучение взрослого населения, сопровождающееся существенным увеличением государственных расходов на образование; сокращение гендерного диспаритета в образовательном уровне населения и т. п.²

Таким образом, историография акцентировала свое внимание прежде всего на изучении общих принципов образовательной реформы на государственном уровне, анализе основных общесоюзных достижений и т. п. либо же опиралась на изучение реальных жизненных ситуаций отдельных рабочих; при этом структура образовательной системы и основные механизмы ее функционирования, а также связанные с этим сложности и проблемы на отдельных предприятиях оставались в тени.

В данной работе проводится анализ системы образования рабочих на предприятиях в годы индустриального рывка 1930-х гг. на основе архивных фондов двух заводов московского региона. Важно отметить, что оценить эффективность работы системы образования на промышленных предприятиях и выявить механизмы решения основных проблем невозможно без обращения к архивным материалам. Объектом исследования являются два машиностроительных предприятия: Лю-

² Диденко Д. В. Социально-экономические аспекты модернизации советской образовательной системы в условиях догоняющего развития // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. Челябинск, 2009. С. 253–266; см.: Миронов. Б. Н. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX–XX веках // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 111–125; См. Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005; Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004; Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998; Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998.

берецкий завод сельскохозяйственного машиностроения им. Ухтомского и Егорьевский станкостроительный завод «Комсомолец»³.

Выбор именно этих предприятий определяется следующими факторами. Во-первых, оба завода принадлежали к машиностроительной отрасли, рассматривавшейся в качестве приоритетной в годы первых пятилеток. Во-вторых, одно из предприятий относилось к крупным, а другое к средним, что позволяет сравнить возможности решения образовательных проблем на предприятиях в зависимости от их масштаба. Число работников в 1930-х гг. на Егорьевском заводе достигало 1500 чел., а на Люберецком доходило в отдельные периоды до 9000 чел.⁴ В-третьих, Егорьевский завод в отличие от Люберецкого возник на базе образовательного учреждения, что позволяет проследить специфику образовательных систем на профильной и производственной базе. В-четвертых, история рассматриваемых предприятий хорошо представлена в архивных фондах Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО. Ф. 7979 и Ф. 4281 по Егорьевскому и Люберецкому заводам соответственно).

В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что образование в годы индустриализации являлось одной из ключевых движущих сил производства. Освоение новых технологий, поднятие культурного уровня рабочих, их политической грамотности осознавались государством и руководством предприятий как базисные элементы формирования нового социалистического общества. Анализ опыта отдельных предприятий машиностроительной отрасли, а именно Люберецкого завода сельскохозяйственного машиностроения и Егорьевского Станкостроительного завода, позволил выявить особенности и общие черты механизма реализации общесоюзных решений в рамках отдельных предприятий. На обоих заводах повышенное внимание уделялось техническим дисциплинам и политической работе среди учащихся.

В то же время Люберецкий завод как более масштабный имел значительно более разветвленную образовательную инфраструктуру, существенное внимание уделялось в том числе и общему образованию, а также высшему, причем в ведущих технических вузах страны. И если в первой половине 1930-х гг. Егорьевский завод, сохраняя импульс от

³ Центральный Государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 7979, 4281.

⁴ ЦГАМО. Ф. 7979. Оп. 1. Д. 14. Л. 60; ЦГАМО. Ф. 4281. Оп. 2. Д. 39. Л. 159.

традиций своего изначального возникновения как образовательного учреждения, еще представлял собой относительно замкнутую образовательную систему, то в годы второй пятилетки руководство завода, пусть и в меньших масштабах, но также пошло по пути выхода за рамки завода и города, направляя своих учеников в образовательные учреждения государственного масштаба. Тем не менее меньшие размеры Егорьевского завода давали ему и некоторые преимущества: так, в частности, менее остро, чем на Люберецком заводе, стояла проблема вовлечения собственных специалистов в производство, корреляции уровня образования и заработной платы.

Таким образом, можно отметить, что в процессе реализации государственных задач по ликвидации неграмотности, политическому и техническому просвещению рабочих, отдельные предприятия играли ключевую роль, и только анализируя ситуацию на конкретных заводах и проводя сравнительный анализ, можно сделать аргументированные выводы о структуре и эффективности образовательной инфраструктуры в годы первых пятилеток.

РАЗМЕРЫ И «ПЛОТНОСТЬ» МОСКОВСКИХ ПРИХОДОВ ПО МАТЕРИАЛАМ ИСПОВЕДНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ СЕРЕДИНЫ XVIII в.

А. И. Федорец
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Исповедные ведомости – это учетные документы, при помощи которых Русская православная церковь собирала сведения о состоянии приходов по всей стране. Исповедные ведомости по г. Москве сохранились за 1737–1865 гг.¹ Они составлялись ежегодно и охватывали все православное население города. Источник позволяет проследить изменения в расселении представителей различных социальных групп в течение длительного времени.

Московские исповедные ведомости формировались по сорокам. Сорок – это церковно-административная единица, объединяющая в среднем 40–50 приходов. Из шести имеющихся сороков для исследования было избрано два: Никитский и Замоскворецкий; Замоскворечье в XVIII веке принято считать местом «компактного проживания» купцов и посадского люда, а районы, входившие в состав Никитского сорока, – местом жительства дворян. Временные рамки исследования: с 1741 по 1762 г. (см. табл. 1).

Исповедные ведомости Замоскворецкого сорока за 1741 г. дают сведения о 28 церковных приходах. Сорок делится на три неравные части: центральная часть Земляного города, где концентрируется большая часть церквей (19 приходов); северная часть Земляного города, отделенная старицей Москвы-реки, и земли за пределами Земляного города, в пределах Камер-Коллежского вала.

В трех наиболее многодворных приходах Замоскворецкого сорока (см. табл. 2) сконцентрирована одна пятая часть жителей (20,2 %) и

¹ См.: ЦИАМ. Ф. 203. Московская духовная консистория. Оп. 747. Исповедные ведомости церквей г. Москвы и уездов Московской губернии.

четверть всех дворов сорока (26,9 %). Все они находятся там, где концентрация церквей наименьшая: два – за пределами Земляного города (рядом с оживленными трактами), а третий – возле Земляного вала. Храмы северной, заболоченной части территории также достаточно многолюдны. Почти все церкви с наименьшим количеством дворов и людей расположены в центральной части сорока: между старицей Москвы-реки и Земляным валом, где концентрируется наибольшая часть храмов сорока, что и определяет небольшие размеры расположенных здесь приходов (это характерно и для Никитского сорока).

Таблица 1². Число дворов и людей в церковных приходах Замоскворецкого и Никитского сороков Москвы в 1741 и 1762 гг.

Сорок	Год	Число приходов	Число дворов	Среднее число дворов	Всего людей	Среднее число людей
Замоскворецкий	1741	28	1.715	61	14.766	527
	1762	38	1.705	45	15.939	419
Никитский	1741	48	2.020	42	20.472	426
	1762	47	1.547	33	16.850	358

Таблица 2. Населенность церковных приходов Замоскворецкого сорока в 1741 и 1762 гг.

Размер приходов (число дворов)	Год	Число		
		Приходов	Дворов	Людей
100 и более	1741	3	461	2.990
	1762	2	261	2.105
От 50 до 100	1741	11	805	6.714
	1762	8	560	4.703
До 50	1741	14	449	5.062
	1762	28	884	9.131
Всего	1741	28	1.715	14.766
	1762	38	1.705	15.939

² Таблицы составлены по материалам: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 45, 48, 297, 299.

Наиболее характерными для Замоскворецкого сорока являются малодворные (менее 50 дворов) приходы – они составляют 50 % всех приходов сорока и концентрируют четверть дворов (26,2 %), в то время как среднедворные (50–100 дворов) – лишь 39,3 %, причем на их территории сосредоточено около половины населения (45,4 %).

В исповедных ведомостях по Замоскворецкому сороку за 1762 год числится 38 приходских церквей. Если сравнивать только те 26 приходов, которые упоминаются в ведомостях за оба года, выясняется: за это время произошло колоссальное снижение как населенности (на 19,5 %), так и дворности (на 26 %). То есть всего за 21 год пропала одна пятая часть населения бóльшей части сорока и четверть его дворов. Отчасти это было вызвано пожаром 1748 года. Но, вероятно, более важной является другая причина – миграция населения за пределы сорока (или же города в целом).

Число крупных приходов (100 и более дворов) за 21 год уменьшилось с 3-х до 2-х. Как и прежде, они расположены за пределами Земляного вала. За рассмотренный период в Замоскворецком сороке значительно уменьшились процент среднедворных приходов и число проживавшего на их территории населения. Зато малодворные приходы в 1762 году лидируют Замоскворецкого сорока (73,7 %), концентрируя более половины населения (57,3 %) и дворов (51,8 %). Кроме того, «центр тяжести» населения Замоскворечья за 1741–1762 гг. сместился с центральной части сорока к его дальнему от центра пределу – к границе Камер-Коллежского вала. На фоне общего снижения населенности и дворности Замоскворецкого сорока за пределами Земляного города и число дворов, и количество жителей не только не убывает, но даже несколько возрастает.

Аналогичные процессы в это время происходят на территории Никитского сорока. Его площадь также делится на три неравные части: Белый город, Земляной город и территорию за пределами Земляного города. В 1741 г. на этой местности располагалось три монастыря и 45 приходских церквей, всего приходов и подворий – 48. Многодворных приходов в Никитском сороке, как и в Замоскворецком, в 1741 г. всего три (см. табл. 3); они расположены за пределами Земляного города, где число церквей невелико. В них сконцентрирована почти треть всех дворов сорока (30,5 %) и всего одна седьмая часть населения (14,9 %). Наименее заселенные приходы с минимальным количеством дворов находятся, напротив, ближе к центру, в Белом городе, где концентрируется наибольшая часть храмов сорока. Наиболее характерными для Никитского сорока на 1741 г. являются малодворные приходы (64,6 % всех приходов сорока). В них проживает максимальное количество людей (46 %).

**Таблица 3. Населенность церковных приходов Никитского сорока
в 1741 и 1762 гг.**

Размер приходов (число дворов)	Год	Число		
		Приходов	Дворов	Людей
100 и более	1741	3	616	3.062
	1762	1	187	1.300
От 50 до 100	1741	14	914	7.989
	1762	8	525	3.478
До 50	1741	31	490	9.421
	1762	38	835	12.072
Всего	1741	48	2.020	20.472
	1762	47	1.547	16.850

В 1762 г. Никитский сорок насчитывает 47 приходов вместо 48-ми – в 1741 г. Из них только по 40 приходам имеется информация за оба года (1741 и 1762). Число дворов в них уменьшилось незаметно, на 4,1 %, в то время как численность людей снизилась существенно – на 8,5 %. Одна из причин этого изменения – уже указанный массовый отток населения из Москвы. Другая – то, что в 1762 г. из состава Никитского сорока выбыли все три многодворных прихода (вместо них появился один новый). Число среднедворных приходов сократилось с 14-ти (29,2 %) до 8-ми (17 %). На их территории в 1762 г. сосредоточена треть дворовладений сорока (33,9 %) и одна пятая часть населения (20,6 %). Число малодворных приходов, напротив, резко возросло: в 1741 г. они составляли две трети от общей численности (64,6 %), в 1762 г. – 80,8 % всех приходов сорока.

Изменились и показатели населенности отдельных частей Никитского сорока. При некотором увеличении числа дворов (на 3,5 %), число жителей Белого города за 1741–1762 гг. сократилось на 20,3 %. Убыль дворов на территории Земляного города составила 27,9 %, а населения – 12,7 %. За Земляным городом число дворов уменьшилось на 30,7 %, а людей – на 19,8 %. Таким образом, в Никитском сороке убыль населения была более существенной на окраинах, нежели в центре. Вероятно, дело в том, что в центре расселялось в основном дворянство, которое не спешило покидать свои хорошо обжитые городские усадьбы. Население же окраин не имело столь налаженного хозяйства, а потому могло быть легче подвержено миграционным процессам.

Итак, за 1741–1762 гг. заметно изменились показатели населенности обоих рассматриваемых сороков. Специалист по российской

демографии В. М. Кабузан пишет, что в промежутке между II и III ревизиями (с 1744 по 1762 г.) среднегодовой прирост населения Московской губернии³ составлял 1,8 %. Данные же исповедных ведомостей Никитского и Замоскворецкого сороков говорят о значительной убыли населения. Наиболее обоснованное предположение, объясняющее суть разительных перемен в московской демографии – миграция москвичей, возможно, в Санкт-Петербург, который активно застраивался на протяжении указанного периода.

³ *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: По материалам ревизий. М., 1963. С. 159.

ИСПАНСКИЕ ЭМИГРАНТЫ В СССР: НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД АДАПТАЦИИ

А. П. Фернандес-Эрес
(РГАКФД)

Проблема адаптации испанской политэмиграции 1936–1956 гг. в СССР не принадлежит к темам, которым уделялось бы в нашей историографии повышенное внимание. Объективно исследовать вопросы адаптации человека иной европейской культуры и языка на территории страны Советов долгое время не представлялось возможным. И хотя сегодня идеологические рамки, ограничившие ранее историков, уже сняты, в истории политэмиграции остается немало вопросов, требующих исследования на основе ранее не изученных источников.

Обратимся теперь к самому понятию «социальная адаптация». Согласно одному из определений это процесс приспособления индивида (группы) к социальной среде, предполагающий взаимодействие и постепенное согласование ожиданий обеих сторон¹. По характеру можно выделить позитивную и негативную социальные адаптации. Позитивная адаптация складывается как результат активного приспособления индивида (группы) к социальным условиям и воспроизведения социальной среды с продвижением ее в восходящем направлении. Негативная адаптация отражает приспособление индивида с использованием неодобряемых средств обеспечения жизнедеятельности (например, социальный паразитизм, социальное иждивенчество, девиантная адаптация), что вредит воспроизводству и развитию социальной среды².

В СССР существовали организации, чья деятельность отчасти была направлена на облегчение интеграции политэмигрантов в Советское общество. Международная организация помощи борцам революции (МОПР) официально занималась в стране вопросами политэмиграции³.

¹ Социологическая энциклопедия. Т. 1. М., 2003. С. 17.

² Там же. С. 18.

³ РГАСПИ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 426. Л. 29.

Большую роль, безусловно, играла испанская секция КИМа. Выезжая на места, представители испанской компартии требовали от секретарей парткомов заводов, а в отдельных случаях ходатайствовали перед руководителями городских партийных организаций, включать испанцев в общественную жизнь и более активно вести среди них политработу и коммунистическую пропаганду, а от директоров предприятий того, чтобы испанцев переводили на более квалифицированные и высокооплачиваемые специальности, им обеспечивались лучшие материальные условия.

В Государственном архиве социально-политической истории хранятся документы, благодаря которым исследователи могут получить более детальную информацию о том, как осуществлялась помощь испанским политэмигрантам. Это Фонд МОПРа (539), а также КИМа (Ф. 533). В последнем из упоминаемых нами фондов находится опись Секретариата Исполкома КИМа, где содержатся отчеты и докладные записки о положении молодых испанцев на предприятиях и учебных заведениях страны. Немалое значение для исследователей имеют источники личного происхождения – мемуары испанских политэмигрантов, оставивших интересные воспоминания о жизни в СССР, в том и числе и о довоенных годах.

Обратимся к мемуарам политэмигрантов. По воспоминаниям испанской коммунистки Леонор Эстевес «*La vida es lucha*», («Жизнь – борьба»), она в числе группы испанских антифашистов прибыла 11 мая 1939 г. на теплоходе «Мария Ульянова» в Ленинграде. Вскоре они оказались в одном из Домов отдыха для трудящихся на Донбассе. Для прибывших испанских коммунистов советское правительство поначалу попыталось создать райскую жизнь. Группа политэмигрантов представляла собой достаточно пестрый социальный состав, эти были люди разных возрастов, среди которых были как члены Центрального комитета испанской компартии, военные, представители культуры и искусства, так и люди вообще без всякого образования. Жаркие дискуссии и споры о судьбе Испании, такие естественные на отдыхе, не могли длиться вечно. Пора уже было задуматься и о своем собственном будущем. А оно было весьма неопределенным. Первый вопрос, который возник сам собой – нужно ли учить русский язык – так и не нашел в среде испанцев однозначного ответа. «Сразу же были сформированы группы по изучению русского, и некоторые стали серьезно заниматься, но подавляющее большинство их не посещало. Одни по причине отсутствия мотивации к обучению, другие

просто верили в быстрое возвращение в Испанию»⁴, – писала Леонор Эстевес.

Почти сразу же в испанской диаспоре произошло расслоение. Проверенных коммунистов, составляющих костяк элиты компартии, оставляли в Москве и предлагали пройти обучение в Партийных школах и высших учебных заведениях. Остальным оставался лишь один путь – идти работать на заводы в разных городах России, где условия были гораздо хуже, чем в столице. Испанские колонии, или, как их тогда называли, «коллективы», оказались рассеянными по всей стране, в основном в индустриально развитых регионах. Так, на Украине испанцы работали на предприятиях «Серп и Молот», «Харьковский тракторный завод», на «Краматорском заводе тяжелого станкостроения». На территории РСФСР это были такие города, как Ростов-на-Дону с его знаменитым «Ростсельмашем» и заводом «Красный Аксай», Горький, Ворошиловград, Челябинск и другие промышленные центры страны.

Вскоре среди испанцев стали появляться и свои «стахановцы». Из отчета-доклада «Информация о положении испанской молодежи, работающей в городах: Харькове, Краматорске, Ворошиловграде, Ростове и Харьковском детском доме», мы узнаем следующее: «Пинто – стахановец, выполняющий норму на 285 процентов. Фигурирует как примерный стахановец в своем деле. Его занесли на доску почета. Бенито Устарос выполняет норму на 900 процентов»⁵.

Но все же, несмотря на отдельные положительные примеры, многие испанцы работали на низкой квалифицированной работе. На многих заводах никто специально не обучал иностранцев, на что жаловались испанцы, в том числе рабочий Горьковского автомобильного завода Альфредо Гера, как следует из «Отчета о посещении испанского коллектива г. Горького с 13 по 17 февраля 1940 года»: «не было обращено никакого внимания до сегодняшнего дня, по крайней мере, насколько мне это известно, на то, что работая в каком-нибудь цеху нам придется просить инструменты на русском языке. Я, а также многие из наших товарищей, не знаю, как называются по-испански многие их инструменты»⁶.

⁴ *Estevez L.* La vida es lucha. Madrid, 1993. P. 248. (здесь и далее цитаты испанских авторов даны в авторском переводе).

⁵ РГАСПИ. Ф. 533. Оп. 4. Д. 405. Л. 68.

⁶ Там же. Л. 30

Утомительный, почти рабский труд, коллективное проживание в общежитиях, дефицит одежды и обуви, нехватка продуктов – со всеми этими проблемами приходилось сталкиваться ежедневно в довоенном СССР, как явствует из вышеуказанного отчета о положении на Горьковском автомобильном заводе.

«Почти все товарищи нуждаются в нижнем белье. Дети – в коллективе, трое ребят – 1 – двухлетний, 1 – четырехлетний и 1 – шестилетний – нуждаются в верхнем платье, а у двоих нет обуви и валенок...»⁷

Не удивительно, что среди испанских политэмигрантов зрело недовольство. Правда, высказать их открыто властям они не решались. Так, испанец Гомес Агилера жаловался одной советской девушке: «В Испании работаешь, и в киноходишь, и хорошо поешь, а здесь этого нет»⁸. Видимо, в более выгодной ситуации оказались те, кого распределили в Москву. Ситуация с продуктами и товарами первой необходимости в столице была гораздо лучше.

Первого мая 1940 г. группа испанцев вместе с другими рабочими Первого государственного автомобильного завода имени И. В. Сталина была удостоена высокой чести – участия в параде на Красной площади. Однако в отличие от Москвы в отдельных провинциальных городах к рабочим-иностранцам относились с изрядной долей недоверия.

Так, в Краматорске испанцам, попросившим заводские лыжи, «отвечали, что им нельзя выдавать лыжи, поскольку они иностранцы. Несколько молодых испанских товарищей хотели сдать нормы на значок ГТО, но им не разрешили»⁹. Определенные трудности были и при вступлении в комсомол. В эту организацию молодых испанских рабочих без проблем и проволочек принимали только в Ростове-на-Дону по решению местных партийных органов¹⁰.

Но все же, несмотря на определенную изоляцию, испанским «коллективам» всячески помогали, не оставляли без внимания их материальное положение. Так, на Харьковском заводе «Серп и молот» представителями КИМа «был поставлен вопрос перед руководителями завода об организации удешевленного питания на фабрике-кухне и о списании с испанских товарищей образовавшейся задолженности (за что они были сняты со льготного питания) в сумме около 6 тыс.

⁷ РГАСПИ. Ф. 533. Оп. 4. Д. 405. Л. 32.

⁸ Там же. Л. 87.

⁹ РГАСПИ. Ф. 533. Оп. 4. Д. 405. Л. 82.

¹⁰ Там же. Л. 87.

руб. Этот вопрос был решен положительно»¹¹. В те годы считалось, что для успешной адаптации необходимо участие политэмигрантов в общественной работе. Испанцы участвовали во многих митингах, организуемых МОПРОм, их приглашали на интернациональные вечера.

В целом начальный период социальной адаптации испанцев в СССР в предвоенные годы можно оценивать как позитивный. Немаловажен тот факт, что испанцы хотя и рассеяны по всей стране продолжали жить своими небольшими «коллективами», что, безусловно, помогало на первых порах преодолевать трудности и сохранить свою национальную идентичность. На процесс адаптации влияли и такие факторы, как социальный статус испанского политэмигранта в СССР и его материальное положение (зачастую зависящее от партийного стажа и близости к верхушке Испанской компартии), а также его личное отношение к окружающей его действительности, психологический настрой. Конечно же, свободы выбора в полном смысле слова для изгнанников не было. Однако лишь немногие стали на путь диссидентства и сопротивления системе.

¹¹ Там же. Л. 70.

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В ТВОРЧЕСТВЕ ИСТОРИКА М. П. ПОГОДИНА

Е. К. Фокеева, проф.

(Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина)

Вопросы об исторических судьбах славянства их духовной близости и ментальности одинаково остро стояли как в XIX в., так и в настоящее время. От позиции России в славянском вопросе во многом зависели вопросы политической стабильности в Европе. О необходимости вести взвешенную политику, направленную на объединение славян, спорили и рассуждали ведущие историки и публицисты, философы и политики, государственные деятели.

Примечательно, что над вопросом «как Европа относится к России?» одинаково серьезно задумывались как историк М. П. Погодин, так и Николай I, оставивший личные замечания и пометки в тексте его статьи. Кроме конкретных исторических трудов большое значение для понимания имеют дневниковые записи М. П. Погодина, которые он вел почти на протяжении всей своей жизни. В них отчетливо проявляется истинная, неприкрытая, живая мысль, передающая ход раздумий, эмоции, планы сначала двадцатилетнего юноши, затем зрелого, умудренного жизненным опытом человека. Элемент некоторого «лукавства» и «кокетства» перед потомками, а может быть, и перед самим собой не меняет существенно реальность описываемых им событий и явлений.

Определяющим моментом в понимании душевного мира историка и созданного им виртуального исторического мира является умение создавать алгоритм действия виртуальной исторической ситуации и как бы «парить» над действительностью. Причем его современникам и коллегам это свойство личности М. П. Погодина казалось зачастую верхом легкомыслия, а подчас и невежества. Отсюда и восприятие его С. М. Соловьевым не в качестве вдумчивого историка, а как лихого наездника по полю этой действительности. С другой стороны, именно легкость и бойкость пера Погодина привлекала к нему многих сторонников, среди которых были такие известные писатели, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, критик В. Г. Белинский.

Эмоционально и точно охарактеризовал свое восприятие от лекций Погодина Ю. Ф. Самарин. «М. П. Погодин, – отмечал он, – сильнее всех действовал не только на меня, но и на многих других. Мы чувствовали в нем самостоятельное направление мысли, направление, согретое глубоким сочувствием к русской истории. Мы были выведены им на совершенно новое воззрение на русскую историю и русскую жизнь вообще. Формулы западные к нам не применяются; в русской жизни есть какие-то особенные, чуждые другим народам начала; по иным, еще не определенным наукою законам совершается ее развитие. Все это высказывал Погодин довольно нескладно, без доказательств, но высказывал так, что его убеждения переливались в нас. До Погодина господствовало стремление отыскивать в русской истории что-нибудь похожее на историю народов западных. Погодин первый, по крайней мере, для меня и моих товарищей, убедил в необходимости разъяснения явлений русской истории из нее самой»¹.

Зачастую в центре обсуждаемых проблем стоял славянский вопрос. Идея славянского единства привлекала М. П. Погодина еще в юношеские годы. Об этом говорят его обширные дневниковые записи, а также свидетельства его современников, биографов, единомышленников.

Характерной в этом контексте является дневниковая запись, сделанная М. П. Погодиным в 1821 г.: «Говорил с Кубаревым о соединении всех славянских племен в одно целое, в одно государство. Родись другой Петр, он найдет другого Суворова и кончен бал. С 500.000 он кончил бы дело. Главное дело – отнять у австрийцев. Сербию ничего не стоит завоевать. За остальную часть Польши у пруссаков можно отдать остзейские губернии. На что нам этих немчуток. Должно отделить от себя всех, чтобы ни один иноплеменник не смел говорить, что он гражданин русский. Какой был бы праздник»².

Это рассуждение еще не маститого ученого, а 21-летнего юноши, пылкого и наивного, искренне увлеченного русской историей. В дневниковых записях несомненно присутствует элемент некоторого «лукавства» и «кокетства» перед потомками, что не меняет существенно реальности описываемых им событий и явлений.

Анализируя исторические труды Погодина, особенно его дневниковые записи, можно сделать различные выводы, отмечая и крайний субъективизм автора, и патриотизм в облики крайнего национализ-

¹ Самарин Ю. Ф. М. П. Погодин как профессор // Русь. 1880. № 1. С. 19.

² Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина // Барсуков Н. П. Соч.: в 22 т. СПб., 1888–1910. Кн. 1. С. 56.

ма. Именно эта «открытость» М. П. Погодина стала основой его уязвимости в плане оценки его исторического наследия, что характерно для концепций советского времени и новых трактовок в настоящем.

Взгляды М. П. Погодина на славянский вопрос всегда носили политический характер, отличались крайней полемичностью, формировались в тесной связи с конкретной исторической ситуацией, с изменением международной обстановки. В первой половине XIX в. решение славянского вопроса предполагалось историком посредством общности и единения России и Европы. При этом обращает на себя внимание процесс эволюции его взглядов.

В 20–30-е гг. XIX в. М. П. Погодин делает акцент на отличительных особенностях русской истории. В дальнейшем главной становится мысль об общности исторических судеб России и Европы и достижении общеславянского единства как гаранта безопасности и стабильности в международной обстановке.

К идее универсальности и слитности процессов политического развития европейских государств М. П. Погодин пришел на основе увлеченности идеями немецкого философа Шеллинга. Мир представлялся историку находящимся в постоянном движении, где государства подобны маятникам и приходят в движение от сотрясения единой цепи. «Россия есть часть Европы, – писал М. П. Погодин, – составляет с нею одно географическое целое, и, следовательно, по необходимости должна разделять судьбу и участвовать в движении, как планеты повинуются законам солнечной системы»³.

Таким образом, идеи Шеллинга оказывались своеобразно преломленными в сфере русской общественно-политической мысли 20–50-х гг. XIX в. Именно в то время М. П. Погодин приходит к мысли о необходимости объединения славян под главенством России, которая должна покровительствовать всем национально-освободительным движениям славянского мира⁴.

Эти взгляды находили широкий отклик и понимание. Оживленно и бурно М. П. Погодин обсуждал идеи создания славянского братства с польским поэтом А. Мицкевичем и с А. С. Пушкиным, который в поэтической форме передает сущность этих дискуссий в стихотворении «Он между нами жил». Со своей стороны Мицкевич живо откликается на дискуссию в стихотворении «К русским друзьям». М. П. Погодин часто отмечает в дневнике свои встречи и беседы с польским поэтом:

³ Погодин М. П. Исторические афоризмы. М., 1836. С. 29–30.

⁴ Погодин М. П. Дневник 1818 г. // Барсуков Н. П. Указ. соч. Т. 2. С. 206.

«К Мицкевичу. Свидание с удовольствием. О нашем просвещении. Россия непременно должна покровительствовать всем славянским партиям и этою мерой она привлечет к себе более чем войсками»⁵.

В ряде работ последующего периода М. П. Погодин развивает свою концепцию об активизации влияния России на славянство и предлагает объединение славянских народов под эгидой русского православного царя в «Дунайский союз» с центром в Константинополе. Эту меру он считает необходимой для спасения самобытности славянского мира. Резко возражая против «онемечивания» Прибалтики, Погодин предлагает «обрусить» эстов и ливов, а также активно насаждать в Прибалтике православие, осуществить перевод богослужебных и иных книг и печатать их русскими буквами⁶.

В этих, зачастую виртуальных предположениях историка много разного: от гениального до наивного и нелепого, от предвосхищения будущего до пугающего невежества. При этом важна сама постановка М. П. Погодиным необходимости решения славянского вопроса, которая не потеряла своего значения и сегодня. Сама же виртуализация истории, данная Погодиным, представляет собой своеобразный «волшебный ключ» к постижению феномена самого историка и понимания его исторического наследия.

⁵ Барсуков Н. П. Указ. соч. Кн. 2. С. 304.

⁶ Погодин М. Собр. статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. М., 1878.

ПРОБЛЕМА ПЕРВИЧНОЙ КРИТИКИ ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ

А. А. Фокин, к.и.н.

(Челябинский государственный университет)

Источник является краеугольным камнем для любого исторического исследования. Несмотря на это, источниковедение в последнее время слабо развивается как теоретическая дисциплина. Об определенном застое в этой отрасли исторического знания может говорить тот факт, что, по данным ВАК РФ, с 2006 г. по источниковедению в рамках специальности 07.00.09 было защищено всего 6 докторских диссертаций, т. е. гораздо меньше, чем работ по историографии и исследований по отечественной и всеобщей истории. И если традиционные источники вроде летописей имеют богатую традицию изучения, то при обращении к новым видам источников исследователь вынужден каждый раз изобретать свой собственный велосипед.

Меняется сам взгляд на информацию, которая содержится в источнике, появляется принципиально иная по сравнению с позитивистской перспектива: любые исторические свидетельства нужно прочитывать не для того, чтобы получить информацию о тех событиях, которые в них описываются, а для того, чтобы узнать о способах восприятия событий авторами, и особенно о социальных, культурных, политических обстоятельствах, эти способы породивших. То есть узнать не только и не столько, что они говорят, но как они это делают и почему так, а не иначе¹.

Одним из таких новых источников являются тексты (в широком понимании данного термина), размещенные в интернете. В учебнике 2004 г. «Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика»² раздел, посвященный интернету, уже присутствует, но представляет собой лишь перечисление ресурсов, которые

¹ Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого. М., 2011. С. 28.

² Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник / А. К. Соколов, Ю. П. Бокарев, Л. В. Борисова и др.; под ред. А. К. Соколова. М., 2004.

могут быть полезны историку в его работе. Источниковедение должно не только реагировать на произошедшие изменения, но и пытаться определить наиболее значимые тенденции и спрогнозировать векторы собственного развития.

Вполне возможно, что для будущих историков XXI век по объему и специфике источниковой базы будет сопоставим с европейским Средневековьем. Ведь уже сейчас крайне затруднительно прочитать данные с дискеты, которая совсем недавно была основной формой передачи цифровой информации. Сегодня не только создание, но и уничтожение данных стало рутинным делом: мы, не задумываясь, отправляем в «корзину» старые файлы для того, чтобы освободить место на жестком диске. Постепенный переход к электронному делопроизводству может привести к ситуации, когда архивы вынуждены будут кардинальным образом перестроить процесс сбора и хранения информации.

В последнее время наиболее актуальными являются ресурсы, которые активно используют User-generated content (контент, создаваемый пользователями, далее – UGC). UGC реализуется в различных формах: форумах, блогах, социальных сетях и т. д. Современный интернет можно уподобить «ризоме» Ж. Делеза и Ф. Гваттари³, где нет единого ядра, а наличествует множество равнозначных точек входа.

С точки зрения источниковедения тексты, порожденные в рамках UGC, следует рассматривать как эго-документы, что создает более благоприятные условия для исследования современности по сравнению с предыдущими периодами отечественной истории. UGC предоставляет исследователю неограниченный и постоянно пополняемый банк информации. При этом ее объем таков, что можно говорить уже не о массовом, а о сверхмассовом источнике.

Приступая к работе с источником, необходимо, во-первых, определить исторические условия его возникновения, выяснить социокультурную ситуацию. «Источник есть феномен определенной культуры: он возникает в конкретных условиях и вне их не может быть понят и интерпретирован»⁴. Во-вторых, по возможности установить авторство источника: «Трудно интерпретировать источник, предварительно не поняв его автора, не зная его биографию, сферу практической

³ *Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987.*

⁴ Источниковедение новейшей истории России... С. 128.

деятельности, уровень его культуры и образования, род занятий, его принадлежность к определенной социокультурной общности и соответствующим ценностным установкам»⁵. Важным моментом являются обстоятельства создания текста, которые могли бы повлиять на полноту или оценочность сведений, в нем содержащихся.

Первичная критика источника – не только одна из ключевых задач источниковедения, но и сложная проблема при работе с интернет-текстами. Во Всемирной паутине широко распространено использование ников, создание фейков и движение за анонимность в сети – все это вызывает сомнение в самой возможности атрибутировать подобный тип источника.

Если говорить о задаче установления личности автора, то большинство интернет-сервисов предоставляют возможность указать некоторые данные о пользователе. Кроме того, часто существует интеграция с профилем в социальных сетях, где можно узнать пол, возраст, образование, политические и религиозные взгляды и т. п. В традиционных источниках, за исключением мемуаров и личных анкет, вряд ли можно найти информацию об авторе в самом документе.

Но, на мой взгляд, применительно к интернет-источникам необходимо использовать иной подход к первичной критике. Главная задача здесь – выявить информацию, которая не содержится в самом тексте, но может оказать влияние на его интерпретацию. Например, если мы выясним имя автора «Слова о полку Игореве» без определения его социального или иного положения, данная информация не будет значить практически ничего. То же самое справедливо и для текстов, размещенных в сети. Раскрытие настоящего имени человека само по себе ничего не дает; вероятно, его самопозиционирование через сознательный выбор сетевого псевдонима будет более значимо для исследователя. Вполне возможно, что в будущем значительную долю контента в сети будут генерировать программы. Уже сейчас боты активно используются в различных сферах – от политических баталий до спама и мошенничества, это вообще делает привязку текста к индивиду бессмысленной.

Более перспективной при работе с большими массивами текстов выглядит возможность не индивидуального подхода к каждому источнику, а выстраивание связей между ними, создание кластеров. В. Зверева применительно к социальной сети «ВКонтакте» предлагает

⁵ Источниковедение новейшей истории России... С. 131.

обозначать их как «кольца ресурсов и пакеты выборов»⁶, то есть систему связанных перекрестными линками сайтов, которая подсказывает юзеру траекторию дальнейшего движения по сети. Исходя из этого, можно определить, в каких группах состоит пользователь, где он наиболее активен и т. п., и привязать его к людям со схожими интересами, встроить в определенные социальные связи.

Таким образом, источник и его автор составляют часть корпуса текстов, который является объектом исследования. Наличие сверхбольшого количества текстов приводит к необходимости разработать алгоритмы компьютерной работы с ними на стадии сбора и первоначального отбора. К сожалению, пока нет эффективных программ для контент- и дискурс-анализа, не говоря уже об источниковедческих работах. В ближайшем будущем вряд ли компьютеры смогут осуществлять качественный анализ, но переложить на них количественную работу вполне возможно. В силу разнообразия ресурсов создать универсальную схему подобной работы будет сложно, но в основу может быть положен некий общий принцип.

Интернет-источник не может быть воспринят исключительно как текст для чтения. Во-первых, тенденция распространения информации в сети явно указывает на преобладание аудио-визуальной формы. Люди предпочитают смотреть и слушать, а в будущем, скорее всего, и интерактивно взаимодействовать, чем просто читать. Во-вторых, сам текстовый блок является всего лишь частью интернет-источника, который содержит дополнительные данные и гипертекстовые переходы.

На данный момент исследователи все чаще обращаются к различным форумам и блогам для того, чтобы выявить мнение людей по какому-либо вопросу. Возможно, в ближайшем будущем напечатанный на бумаге текст будет предметом статусного потребления. Так, в штате Индиана в 2011 г. в школе отменили уроки письма, заменив их компьютерным набором. Все это лишний раз подчеркивает изменения, которые происходят в мире, и необходимость заранее к ним готовиться. В этом плане теоретическое развитие принципов источниковедческого анализа становится все более актуальным вопросом. Основная задача данного текста не столько дать ответы, сколько поставить вопросы перед профессиональным сообществом.

⁶ Зверева В. Сетевые разговоры. Культурная коммуникация в рунете. Bergen, 2012. С. 212.

К ВОПРОСУ О РУССКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ НИГИЛИЗМЕ

Ю. В. Фокина
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Русская социально-политическая мысль второй половины XIX в. представляет собой сложное и многогранное явление, которое явилось логичным результатом коренных и противоречивых изменений, происходящих в те годы в обществе. Не зря Ленин неоднократно подчеркивал, что первая русская революция берет истоки в событиях 60-х гг. XIX в., что именно «1861 год породил 1905»¹.

Основной культурной ориентацией в критике интеллигенцией сложившейся общественно-политической ситуации того времени стал нигилизм. Как отмечает А. А. Ширинянц, данное направление является типом негативного мироощущения, общий смысл которого состоит в «отрицании определенного комплекса политических приоритетов, принятых в российском обществе середины XIX столетия, и в первую очередь в отрицании таких ценностей, как самодержавное государство и его политические и социально-экономические институты (прежде всего крепостничество)»².

Идеологическая картина России второй половины XIX в. – пример самых разнообразных проявлений политического нигилизма, среди которых не было общепринятых точек зрения по вопросам общественного переустройства: нигилизмом увлекались и социальные реформаторы, и идеологи крестьянской революции. Нигилистические установки выражены в творчестве Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, П. Н. Ткачева, представителей народничества, публицистов «Русского слова», «Современника», эмигрантских печатных изданий и многих других. Одним словом, нигилистическое сознание в той или иной мере было присуще всей так называемой революционно-демократической традиции и нередко полностью с ней отождествлялось.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 177.

² Ширинянц А. А. Русское общество и политика в XIX веке: русский революционный нигилизм // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Полит. науки. 2012. № 1.

И все-таки нигилизм как целостное явление социально-политической мысли воспринимается неразрывно с фигурой Д. И. Писарева (1840–1868). Преодолев этап первоначального стихийного и неоформленного протеста, это идейное течение революционно настроенной интеллигенции нашло свое теоретическое обоснование именно в трудах этого известного публициста.

Основой мировоззрения Писарева являлись: уважение личности («Уважайте в себе и других человеческую личность, что может быть проще этого правила»³), разумный эгоизм («Старайтесь жить полной жизнью, не дрессировать, не ломать себя, не давить оригинальности и самобытности в угоду заведенному порядку и вкусу толпы – и, живя таким образом, не спрашивайте о цели; цель сама найдется, и жизнь решит вопросы прежде, нежели вы их предложите»⁴), скептицизм («Здравый смысл и значительная доля юмора и скептицизма составляют, мне кажется, самое заметное свойство чисто русского ума»⁵) и «современный, здоровый и свежий» материализм («Полнейший материализм: я знаю только то, что вижу или вообще в чем могу убедиться свидетельством моих чувств»⁶).

Что еще характерно для нигилизма как такового? Прежде всего, это излишне утилитарный, рациональный подход ко всем явлениям духовной жизни, оценка достижений культуры исключительно с точки зрения их полезности и практической выгоды для общества. Писарев придерживается той же позиции: «И искусство, и наука – все это или вспомогательные средства в общем механизме жизненного труда, или минуты отдыха в антрактах между оконченной работой и началом нового дела»⁷.

В согласии с таким подходом Писарев решительно отклоняет и моралистическую точку зрения на исторические события. Та или иная политическая ситуация является не следствием хороших или плохих черт правителей, а результатом общего настроения умов в данную эпоху. Так, все политические перемены, по мнению критика, совершаются «в области человеческого сознания»⁸. (При рассмотрении проблемы этики интересна точка зрения философа Г. В. Флоровско-

³ Писарев Д. И. Схоластика XIX века. С. 263.

⁴ Там же. С. 271.

⁵ Там же. С. 269.

⁶ Там же. С. 273.

⁷ Писарев Д. И. Реалисты // Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 6. М., 2003.

⁸ Писарев Д. И. Сочинения: в 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 78.

го, который считал, что, отвергая независимую мораль, нигилисты тем не менее «оставались в плену самого прописного морализма», так как сами выдвигали некую систему понятий и правил⁹.)

Так и в России условием позитивных перемен, по мнению Писарева, является обновление общественного сознания, пробуждение умственной и гражданской инициативы, прежде всего в среде интеллигенции. Данный факт стал причиной критики мыслителя революционерами того времени. Писарев высказывал мнение о невозможности в революционном деле по-прежнему возлагать основные надежды на самодеятельность массы: сначала на свою сторону надо завоевать сознательные элементы переворота, которые обладают развитым умственным потенциалом.

Данная проблема является одной из важнейших тем в идейном наследии Писарева и нигилизма в целом. Сторонники данного течения решающее значение придают практическим знаниям как инструменту, с помощью которого можно достичь общественного блага. Писарев не раз высказывается на этот счет. По его мнению, именно знания составляют важнейший элемент богатства. Вся проблема, как считает критик, состоит в том, что знания в обществе распределены крайне неравномерно. Основная их часть сосредоточена в верхних слоях, где они используются лишь для того, чтобы еще больше закабалить народ. Изменить это губительное для России положение можно, «соединив знания и труд», то есть начав образовывать нижние слои общества, которые смогут, используя умственные силы, вывести страну из кризиса: «Вы увидите, что богатства страны и народа начнут увеличиваться с невероятной быстротой»¹⁰.

Писарев отвергает всякий нейтралитет в период острых социальных конфликтов, тем самым выступая против либерализма с его «политической умеренностью». Однако, безусловно, будучи прогрессивным и радикальным движением в общественной мысли, мировоззрение Писарева было далеко от классиков идеи крестьянской революции, его современников – Чернышевского, Добролюбова и других. В представлении Писарева, падению общественного порядка обязательно предшествует длительная подготовительная работа в обществе, в ходе которой будет обличаться существующее положение вещей: «Еще в течение многих лет надо будет перевоспитывать новы-

⁹ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. М., 2009. С. 365.

¹⁰ Писарев Д. И. Сочинения: в 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 311.

ми идеями, пока образованные классы не направят все свои силы на осуществление этого решения»¹¹.

Несмотря на то что нигилизм имел много сторонников, он подвергался и жесткой критике, хотя и не всегда однозначной. Так, например, либерал Б. Н. Чичерин считал, что «русский нигилист – это сумасшедший, проявляющий изумительную хитрость в достижении своих бессмысленных целей», так как весь свой ум и всю свою волю он направляет на то, чтобы сбить Россию с правильного пути и водворить в ней хаос. В то же время Чичерин делает вывод, что, как ни бессмысленны бывают волнения и цели недоучившегося юношества, все же они выше и благороднее той тупой покорности, с которой масса русского общества переносит тяготеющий над ней произвол...¹²

Идеи Писарева и других нигилистов 60-х гг., разрушив авторитеты, «подготовили почву» для дальнейшего развития отечественной демократической социально-политической мысли. Высказанные ими радикальные идеи серьезно повлияли на передовую молодежь того времени. С тех пор в русском революционном движении прочно закрепился экстремизм и мотивы отрицания. Как точно заметил Кропоткин, «нигилизм... наложил у нас свою печать на всю жизнь интеллигентного класса, и эта печать не скоро изгладится»¹³.

¹¹ Там же. Т. 3. С. 489.

¹² Чичерин Б. Н. Россия накануне XX столетия. 4-е изд. СПб., 1904. С. 17, 19, 26–27.

¹³ Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1990. С. 3.

ПЕРЕПИСКА БАБЕФА ИЗ ФОНДОВ РГАСПИ КАК ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ АРРАССКОГО ПЕРИОДА ЕГО ЖИЗНИ

О. Ю. Фролова
(Французский университетский колледж в Москве)

Архив Гракха Бабефа, создателя Заговора равных, является одним из ценнейших в собрании документов, хранящихся в РГАСПИ. Материалы охватывают весь период политической активности Бабефа, но мною во время написания диплома во Французском университетском колледже под руководством директора Института истории Французской революции университета Париж 1–Пантеон Сорбонна г-на Пьера Серна использовались лишь относящиеся к третьему году Революции.

Именно тогда во взглядах нашего героя происходит идейный перелом, и он создает теорию о необходимости диктатуры и допустимости насилия в борьбе, а также закладывает основы Заговора равных. Необходимо отметить наличие в этом году двух разных периодов в жизни Бабефа, отразившихся и в двух видах его наследия. Шесть месяцев деятельности на свободе представлены в основном рабочими материалами газеты «Трибун народа».

Арестованный за призывы к вооруженному восстанию Бабеф проводит восемь следующих месяцев в тюрьмах, сначала в Париже, потом в Аррасе. Он вынужден отказаться от журналистской деятельности, заменив ее активной перепиской. Именно письма Бабефа являются основным историческим источником для этого периода его жизни и деятельности. Переписка Трибуна носит не только частный характер, он пытается установить связи с революционно настроенными патриотами по всей стране, особенно с представителями левого радикального крыла. Фонды РГАСПИ располагают практически всей перепиской Бабефа за этот период, и ее изучение дает возможность рассмотреть две интересные сюжетные линии. Во-первых – как и под влиянием чего происходил процесс радикализации взглядов Бабефа во время тюремного заключения, после которого он приступил к созданию тайного общества для насильственного свержения существующего режима.

Второй аспект относится к воссозданию деталей частной жизни революционеров, ведь вне политики они были обычными живыми людьми, писавшими своим женам и детям, своим друзьям и единомышленникам, переживавшими не только за судьбу страны, но и за своих близких. И если первый сюжет был отчасти затронут в работах Г. Чертковой¹, К. Мазорика² и Ж.-М. Шиаппа³, то вторая линия нашего исследования, касающаяся частной жизни патриотов, ранее почти не поднимавшаяся в научной литературе о Бабефе и укладывающаяся в недавно появившийся во французской историографии жанр политической биографии в историческом динамизме, дает возможность говорить о несомненной новизне сюжета и угла зрения на данную проблему, тем более что многие письма из используемых мною не были еще переведены и опубликованы.

Первые идеи создания тайной организации прослеживаются в письмах Бабефа его единомышленникам, заключенным в тюрьмах Парижа и Арраса, среди получателей были парижский санкюлот Антуан Гийэм, Франсуа Робэн из Эна, Таффуро, Тулотт, Коше. В фондах РГАСПИ хранятся многочисленные письма Бабефу, ответы на его послания, что подтверждает существование широкой сети корреспондентов Трибуна как в Париже, так и по всей стране. Два письма написаны гражданкой Шометт. В первом⁴, от 27 жерминаля 3 года (16 апреля 1795 г.), она беспокоится об отсутствии новостей от Бабефа и рассказывает ему о ситуации в Париже. Во втором⁵, от 5 флореаля (24 апреля), она пишет об ужасной нищете парижских бедняков и о сочувствии солдат к бедам народа. Она обещает распространять письма Бабефа среди патриотов и выражает надежду, что «наш заговор» и демократия победят. 9 прериала (28 июня) двое бывших военных Робэн и Брибон, друзья Таффуро, сообщают Бабефу⁶, что во время пребывания в Лилле они не смогли передать адресатам все письма Трибуна, содержание которых им неизвестно.

¹ Черткова Г. Гракх Бабеф во время термидорианской реакции. М., 1980. С. 204.

² Mazauric Cl. Babeuf, Pantin, le Temps des Cerises. 2009. P. 418; Mazauric Cl. Babeuf et la Conspiration pour l'Egalité. P., 1962. P. 246.

³ Schiappa J.-M. Gracchus Babeuf, avec les Egaux. P., 1991.

⁴ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 2. Д. 552.

⁵ Там же. Д. 553.

⁶ Jacob L. Correspondance avec Babeuf, emprisonné à Arras. AHRF. 1934. № 63. P. 253–259.

Письмо Коше⁷ от 1 мессидора (13 июня), судимого позднее вместе с Бабефом на Вандомском процессе, подтверждает, что наш герой уже знаком в это время с Таффуро, также будущим участником Заговора равных. Именно он дает адрес Бабефа Коше, который пишет о том, что шесть республиканцев сосланы в разные города, Таффуро – в Лилль, он сам – в Дулэн. Сразу же после приезда Коше обещает разузнать о возможности безопасной переписки и просит Бабефа дать ему несколько адресов «надежных парней» в Париже, так как он хочет бежать, чтобы продолжить борьбу. Таким образом, все это свидетельствует, что даже в тюрьме Бабеф сохраняет свое место в центре сети революционеров и исполняет роль координатора всех действий патриотов. Жена Лебона подтверждает наличие тесных связей Бабефа и про-якобинцев Арраса, когда она пишет мужу, что «здесь все друзья состоят в постоянном сообщении с Бабефом»⁸.

Здесь хотелось бы вспомнить недавнюю критику Бабефом Лебона в своей газете⁹. То есть *tempores mutantur et nos mutamur in illis*, время и политическая обстановка изменились, и взгляды Бабефа тоже. Принципы Бабефа никогда не были застывшими догмами, они всегда коррелировали с современным положением дел в стране и менялись в соответствии с изменением политической ситуации. В своем аррасском заточении Бабеф находил новых соратников для будущей борьбы, даже если в прошлом они были его противниками. В этот момент Бабеф сплотил вокруг себя все левые радикальные силы, находящиеся в оппозиции к термидорианскому правительству. Более того, эти письма доказывают наличие к тому времени ядра будущей тайной организации, потому что переписка имеет конспиративные черты – даже преданные общему делу проверенные патриоты не знают содержания передаваемых писем.

Также нужно подчеркнуть широкие географические границы переписки Бабефа, как правило, революционеры обменивались письмами в рамках одной тюрьмы или одного города, здесь же Трибун переписывается с разными городами в масштабе всей страны. По письмам можно предположить, что первоначально письма получал один из патриотов, живший в данном месте, а потом он переправлял их Бабефу. Так, Коше, переведенный в другую тюрьму, спрашивает¹⁰ новый адрес

⁷ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 2. Д. 554.

⁸ АНRF. 1934. № 63.

⁹ JLP. № 11, 13.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 2. Д. 554.

Бабефа, но ведь 1 мессидора Бабеф находится все в той же тюрьме в Аррасе, значит, существовал какой-то промежуточный сменный адрес в цепи корреспондентов. В письмах гражданки Шометт¹¹ упоминается некий Госс как посредник в переписке с Бабефом.

Судя по переписке, больше всего в тюрьме Бабефа тяготило положение, в котором он оставил своих близких. Сын Бабефа Эмиль в своих письмах рисует ужасающую картину бедственного положения семьи. Эти записки, написанные неумелой детской рукой, с огромным количеством ошибок, часто одной строкой без разделения на слова, невозможно читать без слез. 30 мессидора¹² (18 июля) он рассказывает о смерти своей маленькой сестренки. 21 термидора (8 августа) жена Бабефа сообщает¹³ о мерах, принятых для его освобождения и об отсутствии денег. 10 фрюктидора Эмиль пишет¹⁴ о своем намерении навестить отца и о том, что семья все время голодает. Люди, на содействие которых они рассчитывали для освобождения Бабефа, отказываются помогать; один из них, «депутат с улицы Конвансьон»¹⁵, видимо, был Фуше, по словам жены Бабефа, «переметнувшийся в другую группировку»¹⁶.

Но в то же время многочисленные письма дают нам другие факты – примеры настоящей дружбы и взаимопомощи среди патриотов, находящихся на свободе или в заточении. В своих письмах Лужье¹⁷, 23 мессидора (11 июля), и Данель, 12 фрюктидора (29 августа)¹⁸ и 16 фрюктидора (2 сентября)¹⁹, обещают сделать все, что в их силах, для освобождения Бабефа. Гражданка Шометт, которая близка с женой Бабефа и всюду ей помогает, предлагает²⁰ Бабефу написать брошюру, деньги от публикации которой пойдут его семье. В этом же письме она упоминает один удивительный факт: Дюэм, бывший объектом критики Бабефа, дал жене Бабефа сто двадцать пять ливров и пообещал и впредь помогать, но не смог этого сделать по причине ареста. Этот

¹¹ Там же. Д. 553.

¹² Там же. Д. 556.

¹³ Там же. Д. 557.

¹⁴ Там же. Д. 560.

¹⁵ Там же. Д. 556.

¹⁶ Там же. Д. 553.

¹⁷ Там же. Д. 555.

¹⁸ Там же. Д. 561.

¹⁹ Там же. Д. 562.

²⁰ Там же. Д. 553.

прекрасный пример самоотверженной взаимопомощи среди патриотов является далеко не единственным. Свидетельство этому – письмо от 21 флореаля²¹ из Арраса, подписанное в конце лишь инициалами С. Ж. Эта женщина прилагает к письму купюру в сто двадцать пять ливров от своего мужа. «Это наш долг настоящих патриотов помогать друг другу. Нам приятно помочь настоящему борцу за Республику. Ваше имя известно среди патриотов, нам этого достаточно. Мы не очень обеспечены, кроме того, у нас большая семья, но это не важно, хоть в малом, но мы должны помочь настоящим друзьям нашей Родины. Не надо возвращать эти деньги. Наоборот, сообщайте и дальше о своих нуждах и рассчитывайте на наши искренние чувства. Мы шлем Вам наши братские приветы». Это письмо, ранее непереведенное и неопубликованное, приводится нами целиком, так как помимо фактов, подтверждающих огромную популярность Бабефа среди патриотов, каждое слово этого письма проникнуто искренней теплотой и огромным уважением к личности Трибуна. Одновременно оно свидетельствует о глубоком распространении революционных идей в среде обыкновенных людей, достаточно бедных и далеких а priori от политики, тем более в провинции, вдали от арены основных революционных боев. 2 фрюктидора (19 августа) Ренье Лебон²² отвечает на письмо Бабефа от 13 августа и пишет, что она не может ему отправить денег из-за собственной бедности, но она уже обратилась с этим к своей матери и готова разделить полученную от нее сумму с Бабефом. Другие письма освещают столь же самоотверженное поведение и членов семьи самого Бабефа.

Ему рассказывают²³, что когда супруга Данеля заболела, то жена Бабефа забрала ее к себе и ухаживала за ней. 12 фрюктидора Данель²⁴ благодарит Бабефа за эту бесценную помощь, еще более значимую, учитывая огромные трудности и нищету семьи Бабефа. Все эти письма свидетельствуют об удивительном братстве, царившем среди патриотов и их близких, характеризующемся взаимной поддержкой и помощью, настоящей и искренней. Эти люди были бедны, настоящие «санкюлоты», и они не могли помогать значительными денежными средствами. Но даже скромные суммы позволяли выжить в это тяжелое время, и, что было важнее всего, эта помощь, скорее даже мораль-

²¹ РГАСПИ. Ф. 223. Оп. 2. Д. 275.

²² Там же. Д. 558.

²³ Там же. Д. 560.

²⁴ Там же. Д. 561.

ная, давала надежды и создавала чувство общего союза и всеобщего братства.

Таким образом, эпистолярное наследие Бабефа, хранящееся в фондах РГАСПИ, дает возможность проследить процесс эволюции политической культуры Бабефа на протяжении третьего года революции и выработку новой тактики борьбы за всеобщее равенство. Кроме того, переписка Трибуна позволяет поменять угол зрения на фигуру Бабефа и увидеть за стойким и пламенным революционером обычного живого человека, заботливого отца и мужа, верного и преданного друга. Богатейший архив Бабефа, хранящийся в РГАСПИ, ждет своих исследователей, чтобы раскрыть перед ними тайны Заговора равных.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ИРЛАНДИИ

Д. А. Хворов
(Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова)

Английское завоевание, начатое еще в XII в. наложило глубокий отпечаток на всю историю Ирландии. Растянувшись на столетия, оно привело к формированию своеобразного облика исторического развития этой страны. Основными чертами его стали: длительное (вплоть до XVIII в.) сохранение пережитков первобытнообщинного строя, одностороннее аграрное направление в развитии экономики, живучесть полуфеодальных форм эксплуатации, а также постоянная убыль населения, начиная с середины XIX в.¹

Дискриминация католиков, составлявших более 80 % населения страны,² стала основным фактором, определившим социально-экономическое развитие данного региона на протяжении столетий.

Особенно остро для коренного населения острова стоял земельный вопрос. Поскольку весь доход, получаемый с аренды участков земли, уходил на покрытие различного рода платежей и налогов, крестьяне в Ирландии могли прокормиться лишь за счет огородного хозяйства. Основным продуктом питания для большинства населения острова вплоть до начала XX в. оставался картофель. Такое однообразие в продуктах питания, вызванное крайне низким уровнем жизни, создавало опасную ситуацию, при которой даже один неурожайный год вызывал страшные бедствия и голод.

Зачастую последней возможностью для разорившихся ирландских крестьян было отправиться на заработки в город. Однако и тут ситуация была крайне тяжелой. «Торговые ограничения, таможенные вымогательства, разорение конкурирующих отраслей хозяйства все-

¹ См.: Колпаков А. Д. Актуальные проблемы истории Ирландии и ирландская историческая наука // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 171–179.

² См.: Machin G. The Catholic Question in English Politics. 1820–1830. Oxford, 1964. P. 8.

возможными запретительными мерами, строгая охрана монополий и привилегий метрополии в ущерб местному производству»³ – таковы, по мнению Л. И. Гольмана, были характерные черты английской колониальной политики. Все это тормозило развитие и консервировало феодальные пережитки на острове.

Очевидно, что столь своеобразное социально-экономическое развитие Ирландии накладывало сильнейший отпечаток на характер национально-освободительного движения в этой стране. В основу периодизации истории освобождения этой страны могут быть положены различные основания. Согласно одному из них, ключевое влияние на ход истории Ирландии оказывал господствующий способ производства и уровень экономического развития в конкретный период. Подобное понимание исторического процесса содержится в трудах Маркса и Энгельса, посвященных ирландскому вопросу,⁴ а также многих видных советских историков, занимавшихся ирландской проблематикой. Кроме того, данный подход представлен в работах ряда английских и ирландских исследователей, среди которых особенно выделяются Т. Джексон⁵, Э. Бернс⁶ и С. Маррей⁷.

И хотя подобный взгляд на историю Ирландии позволяет комплексно рассмотреть основные тенденции и закономерности ее развития, он все же не дает изучить данный вопрос всесторонне, прежде всего ввиду того, что политические и этнокультурные аспекты борьбы за независимость здесь практически игнорируются.

Обращая особое внимание именно на эти аспекты, можно выделить пять этапов в эволюции политических идей ирландских националистов.

Первый этап начался в последней трети XVIII в. с борьбы за законодательную автономию Ирландии и закончился неудачным восстанием 1798 г. Дальнейшая эволюция политических идей ирландских националистов происходила уже в первой половине XIX века. Этот этап связан прежде всего с борьбой за эмансипацию католиков, а также с движением за отмену Акта об унии. Радикальные политические

³ История Ирландии / Гольман Л. И., Колпаков А. Д., Кунина В. Э., Сапрыкин Ю. М.; отв. ред. Гольман Л. И. М., 1980. С. 139.

⁴ Маркс К. Индийский вопрос – Ирландское арендное право // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., Т. 9.

⁵ Джексон Т. А. Борьба Ирландии за независимость. М., 1949. С. 83.

⁶ Burns E. British imperialism in Ireland. Dublin, 1931.

⁷ Murray S. The Irish case for communism. Dublin, 1933.

идеи середины XIX в., выраженные в стремлении к полному и моментному расторжению унии с Великобританией, потерпели крах. После неудачного восстания 1848 г. наступила вполне ожидаемая реакция со стороны Великобритании, которая привела к еще большей радикализации освободительного движения на острове и его уходу в подполье.

Наиболее ярко это выразилось в появлении фенианского движения. Однако очень скоро оно перестает быть ключевой политической силой на острове, а ему на смену приходит движение за Гомруль. Эволюция методов политической борьбы и политической практики целиком отразилась в идеях, высказываемых в данный период лидерами ирландских националистов, главными из которых были Исаак Батт, Джозеф Биггар и Чарльз Парнелл. Именно они на многие десятилетия сместили акцент политической борьбы с вооруженных восстаний и террористических атак на легальные, парламентские формы борьбы. Однако политические раздоры внутри Ирландии не позволили им развить успех.

В итоге политическое крыло ирландских националистов встало перед непростым выбором: либо и дальше любыми средствами продолжать борьбу за отделение Ирландии от Великобритании, либо отойти от активных политических действий и заняться просветительскими проектами. И если поначалу возобладал второй подход (так, в 1893 г. была основана Гэльская Лига, основной целью которой было возрождение ирландского языка), то уже к началу XX в. в Ирландии все большую популярность стали набирать идеи освобождения от Великобритании путем насильственного свержения колониальной власти.

Логической точкой нараставших противоречий стало «Пасхальное восстание» 1916 г. И хотя по оценкам многих историков оно изначально было обречено на провал, политическое значение данного события переоценить весьма сложно. По сути, оно явилось точкой невозврата, после которой вопрос отделения Ирландии от Великобритании стал делом времени.

Эволюция политических идей ирландского освободительного движения продолжилась и в XX в. Связано это было прежде всего со статусом шести северо-восточных графств, входящих в провинцию Ольстер и остающихся до сих пор в составе Соединенного Королевства. Однако ход и развитие этого конфликта требует отдельного исследования, что выходит за рамки данной статьи.

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ И ОСНОВНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

К. Ю. Хворых
(Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова)

С момента возникновения в России так называемого «женского вопроса» количество отечественных исследований по данному направлению возрастало с каждым днем, и в настоящий момент проблемы феминизма исследуются широким спектром социальных наук. Интерес ученых к данной проблематике обусловлен не только современной действительностью женского общественно-политического положения, но и генезисом его форм в исторической ретроспективе.

Изучение положения женщины в России берет начало приблизительно со второй половины XIX в., в то время, когда происходили обширные институциональные сдвиги в социально-экономическом пространстве и зарождались новые формы экономических отношений. Данные изменения были вызваны необходимостью преодолеть социально-экономический кризис, вызревавший давно и после поражения России в Крымской войне обнажившийся перед лицом русской общественности. Последовавшая после данных изменений реакция власти обусловила возникновение и складывание в России различных движений, условно разделенных на консервативные, либеральные и социалистические. Новые реалии и тенденции общественного развития обуславливали появление в фокусе внимания русской интеллигенции роли женщин в обществе и заставляли по-новому взглянуть на нее и переосмыслить.

Женская личность как объект изучения находит свое отражение в сформировавшейся к 60-м гг. XIX в. в среде прогрессивной русской интеллигенции «идеологической концепции о равноправии женщин»¹. Представители данного общественного слоя в разные годы

¹ Хасбулатова О. А. Эволюция российской государственной политики в отношении женщин: обзор исторического опыта дореволюционного периода // Гендерная реконструкция политических систем. Сборник трудов

активно представляли публике свои статьи по ряду женских проблем – прежде всего по проблеме раскрепощения женщины и избавления ее от патриархального гнета. Среди них можно выделить имена А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева и др. В среде русской интеллигенции широкой популярностью пользовалась книга Джона Стюарта Милля «Подчиненность женщины», который считал подчинение женщины мужчине сильнейшим тормозом социального прогресса². Одним из первых, кто всерьез подошел к изучению женской проблематики, стал видный поэт и политический деятель М. Л. Михайлов, издавший такие статьи, как «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе», «Женщины в университете», «Об эмансипации женщин», оказавшие сильное влияние на сознание людей того времени, прежде всего на сознание женщин. Он выступал за экономическую независимость женщин, их личную и духовную свободу³. Стоит также упомянуть Н. Г. Чернышевского, чей роман «Что делать?» «открыл» женщинам путь достижения личной свободы через производственные артели и ассоциации⁴.

В это же время происходит активное включение женщин в обозначенный выше дискурс в основном это представительницы дворянского сословия. Среди них можно выделить Марию Трубникову, Надежду Стасову, Анну Философову, Марию Цебрикову – названные женщины занимались в основном вопросами женского образования и правами женщин в данной сфере. В 70-х гг. XIX столетия они выступили за создание одного из первых высших учебных заведений для девушек – Бестужевских курсов (1878–1918). Также под их руководством создавались и функционировали различные благотворительные общества и артели, среди них «Общество дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга», ставившее целью оказание помощи нуждающимся семьям, в особенности одиноким женщинам с детьми; при этом создавалась необходимая инфраструктура – больницы, школы, мастерские и т. п. Также в 1862 г. у М. В. Трубникова выступила инициатором создания «Издательской артели» женщин-переводчиц, в основную деятельность которой вхо-

под ред. Степановой Н. М., Кириченко М. М., Кочкиной Е. В. СПб., 2003.
URL: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/khasbulatova1.htm>

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

дило обеспечение женщин работой и поддержка просвещения.⁵ Таким образом, происходило формирование и развитие женского движения в России – через переосмысление женской личности и активные действия первых русских феминисток XIX в.

Однако стоит сказать, что начавшийся в России с середины XIX столетия процесс рефлексии над вышеизложенной проблематикой имел под собой идейную основу, пришедшую из зарубежного общественно-политического дискурса, – это, прежде всего, идеи Просвещения и Великой Французской революции 1789 года⁶. Начиная с того времени, женщины активно заявляют о себе как о членах общества, имеющих равные с мужчинами гражданские и политические права⁷. И хотя в те годы основной цели они не достигли, тенденция была заложена и постепенно привела к становлению *феминизма*, как социально-политического движения женщин за равные права и возможности в обществе, так и теории, исследующей причины превосходства мужчин над женщинами⁸ и предлагающей пути преодоления данной формы *дискриминации* человека.

В заключение хотелось бы отметить огромный вклад русской интеллектуальной прослойки в изучение «женского вопроса» и широкую инициативу первых русских феминисток; деятельность указанных лиц способствовала развитию прогрессивной для своего времени идеи – равноправия женщин и их участия в общественно-политической жизни России. Данная идея остается актуальной и по сей день – достаточно большое число ученых, исследующих гендерные проблемы, научных центров, семинаров и конференций – тому свидетельство.

⁵ Буланова-Трубишкова О. К. Три поколения. М.; Л., 1928. С. 67–134.

⁶ Пушкарева Н. Феминизм в России. URL: <http://www.krugosvet.ru/articles/102/1010239/1010239a1.htm>

⁷ Айвазова С. Г. Идейные истоки женского движения в России // Общественные науки и современность. 1991. С. 4.

⁸ Пушкарева Н. Феминизм в России. URL: <http://www.krugosvet.ru/articles/102/1010239/1010239a1.htm>

УЧАСТИЕ ГИМНАЗИСТОК В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX в.

(на примере воспоминаний ученицы Тверской Мариинской женской гимназии Нины Ивановны Троицкой)

*А. В. Цыганова
(Тверской государственный университет)*

Начало XX века – время глубоких потрясений в общественно-политической и социально-экономической жизни самодержавной России. Революции, Первая мировая война, бедствия и лишения усилили социальную напряженность во многих губерниях России. Не стала исключением и Тверская губерния.

Одной из движущих сил в общественно-политической жизни губерний была учащаяся молодежь. В отечественной историографии история участия учащейся молодежи в революционном движении в России начала XX в. уже становилась предметом изучения, но, как правило, работы, в которых затрагивалась эта тема, касались студенчества, революционная активность гимназистов и гимназисток не подвергалась подробному изучению. Восполнить этот пробел позволяет обращение к отдельным эпизодам и личностям, проявившим себя на общественном и политическом поприще.

Информативным источником при таком подходе могут служить материалы личного происхождения, которые позволяют рассмотреть личность, ее мироощущение, стремления, жизненные ценности, мотивы поступков. Воспоминания ученицы Тверской Мариинской женской гимназии Нины Ивановны Троицкой (1899–?) посвящены событиям общественно-политической жизни Тверской губернии начала XX в., в которую была вовлечена гимназистка.

Нина Троицкая была ученицей Тверской Мариинской женской гимназии с 1909 по 1917 г. Тверская Мариинская женская гимназия – одно из первых в России средних женских учебных заведений, она была создана в 1858 г. на базе частного пансиона К. Ф. Гросвальд как Мариинское женское 6-классное училище.

Воспоминания Н. И. Троицкой в оригинале носят авторское название «Незабываемые годы», впоследствии с согласия автора название

было изменено на иное – «Учащаяся молодежь Твери в революционном движении». Воспоминания датируются автором 1957 г., они были написаны к празднованию 40-летия Октябрьской революции, т. е. спустя 40 лет после описываемых событий. Значительный временной разрыв между событиями, отраженными в воспоминаниях, и временем написания их вполне мог привести к неточностям. «Юбилейный» характер воспоминаний отражается и на оценках, и выводах автора. С трепетом, волнением и даже гордостью Н. И. Троицкая повествует в воспоминаниях о своем участии в революционных событиях в Твери.

Объем воспоминаний – 16 рукописных страниц. Они хранятся в Фонде 114 Тверского центра документации новейшей истории. Воспоминания охватывают период с 1915 по 1924 г.

Троицкая Н. И. родилась 28 января 1899 г. в поселке Орли Тверской губернии Весьегонского уезда в семье рабочего и крестьянки. В 1909 г. она поступила в Тверскую Мариинскую женскую гимназию. Знакомство гимназистки с политической жизнью Твери состоялось осенью 1915 г. От своей сестры Нина узнала о существовании в Твери группы учащейся молодежи, которая организовала политический кружок. В сентябре 1915 г. Нина познакомилась с членами этой группы – тверскими гимназистами Михаилом Константиновым, Петром Поспеловым, Павлом Ветлиным и Генрихом Кадзевичем. Все они были последователями взглядов социал-демократов. Знакомство с ними оказало, по ее словам, «сильное влияние на формирование политических взглядов и определило дальнейшую судьбу»¹. Нина проживала в Твери с младшим братом на Никольской улице, 2, политически активная учащаяся молодежь довольно часто собиралась в комнате у Нины, обсуждая политическую ситуацию в стране.

Одним из способов политического просвещения учащихся гимназий было нелегальное распространение печатной продукции. Распространяла подобную литературу и Нина Троицкая: «Как-то Генрих Кадзевич передал мне отпечатанные 10 экземпляров сборников революционных песен и просил меня распространить их за плату в гимназии. Один экземпляр стоил 50 коп. Все экземпляры велено с собой не брать в целях конспирации. Предлагать более бедным гимназисткам и тем, которые не донесут начальству»². Это задание Нина выполнила,

¹ Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 114. Оп. 2. Д. 168. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

но с чувством большого страха, все экземпляры были распространены среди учениц ее класса, она собрала 5 руб.

Запоминающимся событием для Нины стала поездка в г. Корчева Тверской губернии в женскую гимназию, где был организован политический кружок, она решила организовать подобный кружок и в Тверской Мариинской гимназии. По совету и под влиянием Кадзевича, Константинова и Ветлина Нина начала работу по организации кружка. Ей в этом помогали Катя Белюстина и Тоня Капитонова, девочки учились в одном классе. Политический кружок в Тверской Мариинской женской гимназии начал свою работу в сентябре 1916 г. в обстановке полной конспирации. В кружок кроме Нины Троицкой вошли Катя Белюстина, Тоня Капитонова, Сора Иванова, Женя Новодворская, Настя Горюнова, Шура Полозова, Настя Уткина. В кружке у всех девочек были вымышленные имена, например сама Нина взяла себе имя Соня в честь Софьи Перовской. Руководителем кружка стал Михаил Константинов, он и снабжал кружок всей необходимой литературой. Основная деятельность кружка сводилась к чтению марксистской литературы и выступлениям с докладами перед членами кружка.

В начале 1917 г. в Тверь пришли вести о забастовках и демонстрациях в Петрограде. Члены подпольного кружка обсуждали вопрос об организации забастовки на тверских фабриках. Девочкам было поручено приготовить красные знамена, флаги шили на квартире у Соры Ивановой.

После известий о победе Февральской революции все гимназистки, члены кружка, оформили свою принадлежность к революционной партии большевиков. В городе стали открываться партийные клубы большевиков. Все свободное время от занятий в гимназии Нина проводила на заседаниях клуба, митингах, собраниях.

1 мая 1917 г. в Твери намечалась большая политическая демонстрация, некоторые учащиеся Мариинской гимназии также собирались принять в ней участие. Руководству гимназии стало известно об этом. Было созвано экстренное собрание учениц 8 класса, где училась Нина. Директор гимназии предложил всем участвовать в ученической первомайской демонстрации в поддержку власти. Нина Троицкая и ее сподвижницы-гимназистки отказались выступить вместе с другими учащимися, поскольку они уже являлись членами партии большевиков. Нина вспоминает с большой гордостью: «На демонстрацию мы вышли под большевистскими знаменами»³.

³ ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 2. Д. 168. Л. 7.

Это выступление не осталось для гимназисток-бунтарок безнаказанным. На следующий день Педагогическим советом Мариинской гимназии было вынесено решение – объявить участникам демонстрации бойкот. Слова Нины: «С нами не разговаривали учителя и ученицы до окончания нами гимназии»⁴.

В июне 1917 г. Нина окончила Мариинскую гимназию и получила аттестат домашней учительницы и домашней наставницы. После окончания гимназии члены политического кружка разъехались в разные стороны. Сама Нина уехала в Москву, защитила диссертацию кандидата экономических наук, получила звание старшего научного сотрудника. Персонально пенсионер союзного значения.

Следует высоко оценить информативные возможности воспоминаний Нины Троицкой для изучения революционной активности гимназисток. Они содержат сведения о путях вовлечения учащейся молодежи в революционное движение, о направлениях и формах участия гимназистов в политической жизни. Воспоминания несут в себе важную информацию о персоналиях. Н. И. Троицкая по преимуществу пишет не о себе на фоне эпохи, а о современных ей событиях, которые общество признает историческими. Спустя 40 лет она вновь переживает свое давнее и недавнее прошлое, осознавая себя частью великой истории, и пытается сохранить общественно значимую информацию.

⁴ Там же.

**ДОБРОВОЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ И ЧИНОВНИКИ
ПОЛИЦЕЙСКОГО ВЕДОМСТВА:
ВОПРОС О СВОБОДЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(на примере просветительских ведомств г. Москвы
на рубеже XIX–XX вв.)**

*И. В. Чарушкин
(Государственный университет управления)*

Последние десятилетия царского режима были отмечены новыми тенденциями в социальной сфере. Первая из них – это изменившееся положение политической полиции, к началу XX века переставшей чувствовать себя так уверенно, как прежде. Серия правительственных указов, обещавших расширение гражданских свобод, явно вступала в конфликт с традиционными охранительно-репрессивными задачами правоохранительных органов, в частности ориентацией на борьбу с оппозиционными настроениями¹.

Вторая – развитие добровольных ассоциаций, увеличение их количества и расширение спектра деятельности. Общественные организации предоставляли возможность активной части общества выразить свои интересы, найти единомышленников и заняться общественно полезной деятельностью.

При пересечении этих тенденций возникла особая напряженность, полицейские чины пытались всячески контролировать подобные общества, следить за их внутренней и общественной деятельностью, а добровольные ассоциации, ограниченные существующими нормами закона, были вынуждены искать пути ухода из-под надзора.

Попытка внести в российское общество ценности правового государства и гражданского общества, смена, а зачастую и ломка представлений о запрещенном и дозволенном, характерных для авторитарного режима, обещания конституционных реформ, исходящие от правительства, а также его изменчивый курс по отношению к оппозиции – все это в комплексе оказывало парализующее действие на работу полиции.

¹ *Туманова А. С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 172.

Оформление партий и профсоюзов, расширение сферы деятельности добровольных ассоциаций делали для политической полиции вопрос о контроле общественного движения все более актуальным и насущным. Эти функции принимает на себя Департамент полиции, а точнее его структурные подразделения, в частности образованный в 1898 г. Особый отдел, занимающийся делами политического сыска, и 4-е делопроизводство Департамента, созданное в 1907 г.²

Хотя четкого разделения функций между Особым отделом и 4-м делопроизводством так и не произошло, второй специализировался на контроле деятельности политических партий и общественных организаций политического толка. Полномочия Департамента полиции в этой сфере продолжились расширяться даже после издания «Временных правил об обществах и союзах» 4 марта 1906 г., передавших контроль над добровольными обществами местным органам власти³. С этого времени в Особом отделе и 4-м делопроизводстве начинают скапливаться дела, посвященные работе профсоюзных организаций и различных легальных добровольных обществ – просветительских, научных, литературных и др.

К просветительским организациям полицейские власти стали относиться с наибольшим пристрастием. Это объясняется прежде всего тем, что задачи этих обществ – образование и воспитание нового поколения – имели пересечения со многими злободневными проблемами социального и политического плана, беспокоившими образованную часть общества.

Вице-директор департамента полиции Н. П. Харламов на одном из заседаний по выработке закона об обществах и союзах показательно высказался на этот счет. Он поставил просветительские общества по своему значению «с точки зрения государственного спокойствия» выше профсоюзов⁴. Высокопоставленный чиновник так объяснил свою мысль: профессиональные союзы способны организовать стачку, приостановить экономическую деятельность страны или, в худшем случае, вызвать вооруженное восстание, выведя революцию на

² *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 58.

³ *Борисов А. В.* Полиция Российской империи. XIX – начало XX в. М., 2000. С. 79.

⁴ Выписка из журнала заседаний Межведомственного совещания по выработке закона об обществах и союзах от 30.12.1909 // ГА РФ. Ф. 102. 2 д-во. 1910. Д. 14. Ч. 1. Л. 26 об., 28.

улицу. У Правительства при этом есть возможность предупредить и пресечь такие выступления, как ненасильственно, так и вооруженной силой.

Просветительские общества действуют по-другому, через устройство публичных лекций, организацию библиотек, издание печатных произведений, они способны подготовить «революцию в умах», бороться с которой неизмеримо сложнее. Именно на счет просветительских организаций Н. П. Харламов относил то, что русская интеллигенция «почти сплошь левая»⁵ и несет в народ социалистические идеи.

Такие рассуждения имели под собой серьезные основания. Многие просветительские организации, включая самые влиятельные, во время Первой русской революции в своей деятельности проявили оппозиционный характер. Старейшее из российских общественных организаций Вольное экономическое общество в 1905 г. становится центром легальной оппозиции. В его помещениях устраивались собрания Совета рабочих депутатов, в большом количестве звучали критические высказывания о политике правительства⁶.

Непринятие политики правительства можно было обнаружить и в деятельности Педагогического общества при Московском университете. Общество, призванное разрабатывать вопросы педагогики, занималось сбором средств на вооружение, пропаганду среди рабочих, в пользу комитета революционной партии, принимало постановления «употребить все силы для предотвращения кар и взысканий в отношении учащихся средней школы за участие в забастовках и за представление заявлений политического характера». Ознакомившись с содержанием мартовского заседания общества, Николай II высказался однозначно: «Очень пора прекратить подобные безобразия»⁷.

Московское общество распространения технических знаний также было отмечено в полицейском делопроизводстве. Однако, несмотря на «огромный процент неблагожелательных лиц в составе Общества»⁸, негласное наблюдение, обыски с изъятием переписки и агентурное расследование ничего не показали.

⁵ Замечания Н. П. Харламова на предложения Департамента полиции по проекту закона об обществах и союзах // ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1908. Д. 239. Л. 233.

⁶ *Туманова А. С.* Указ. соч. С. 175.

⁷ ГА РФ. Ф. 102. 4-е д-во. 1907. Д. 137. Л. 55 об., 56 об.

⁸ ГА РФ. Ф. 102.00. 1903. Д. 2355. Л. 40.

После введения «Временных правил», давших импульс к созданию множества обществ, в том числе и просветительских, активизировалась деятельность полицейских чинов. Материалы, собранные Департаментом полиции, составили объемное дело, характеризующие развитие частной инициативы в области просветительства в Российской империи. Эти сведения оказались неутешительными и еще раз убедили полицейское ведомство в том, что просвещение – главное оружие демократии⁹.

Обобщение сведений о характере работы просветительских обществ, собранных к 1909 г., нарисовало Департаменту полиции крайне неблагоприятную картину. В Империи насчитывалось более шестиста просветительских обществ, к большей части которых так или иначе были причастны неблагоприятные элементы общества¹⁰.

В Лиге образования было обнаружено более ста неблагонадежных деятелей. Эта информация давала полицейским органам понять – деятельность просветительских обществ представляет серьезную опасность для существующего строя и является неотъемлемой частью готовящегося оппозицией революционного восстания, орудием которого была избрана школа¹¹.

Ситуация, сложившаяся с просветительскими обществами в Москве, характерна для всей страны. Однако именно в ней наиболее четко видны проявления обозначенных тенденций. Добровольные общества, чье число значительно выросло после введения «Временных правил», воспользовались ими по-своему. Если государство предполагало использование правил для ограничения деятельности обществ и контроля над ними, представители оппозиции и левой интеллигенции увидели в них возможность к консолидации и созданию обществ. А просветительские общества стали своеобразной площадкой их идей и интересов в народ. Представителям полиции при этом не оставалось ничего, кроме активизации своих усилий по надзору и контролю над обществом, что осложнялось неустойчивой политической и социальной ситуацией.

⁹ Туманова А. С. Указ. соч. С. 177.

¹⁰ Записка о Лиге образования М. И. Блажчука от 24.06.1909 г. // ГА РФ. Ф. 120.00. 1906. Д. 194. Ч. 3. Л. 11–11 об.

¹¹ Записка о лиге образования М. И. Блажчука от 24.06.1909 г. // ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1908. Д. 239. Л. 233.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» ФЕМИНИЗМА

*Ж. Г. Черненко
(Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова)*

К «первой волне» феминизма принято относить деятельность политически активных групп, выступавших в защиту прав женщин в период с 1840-х до 1920-х гг. в странах Западной Европы и Северной Америки. Представленное несколькими течениями (позже обозначенными как суфражизм, марксистский феминизм, анархо-феминизм и др.) движение «первой волны», зародившееся в начале XIX века, масштабно выступило против государственной андроцентричной системы и сформировало идейные центры феминизма, которые в последующие годы оказывали прямое влияние на положение женщин в обществе. Главными требованиями участниц «первой волны» стали: доступ женщин к образованию, равные избирательные права, эквивалентная оплата труда и женское право на собственность¹. «Первая волна» феминизма вошла в историю как волна политических требований признания де-юре факта гражданской состоятельности женщины.

В основе этих требований лежали идеи свободы и равенства полов, которые впервые обрели свою актуальность в период французской Буржуазной революции 1789–1794 гг., повлиявшей на изменение политического климата в странах Западной Европы и состав групп, борющихся за политическое влияние, включив ранее маргинализованные классы рабочих, крестьян и женщин в ряды революционеров. При этом «Декларация прав человека и гражданина», явившаяся результатом революционной борьбы, была принята без учета женских интересов и умалчивала о том, как положение женщины изменится с принятием нового социального строя. Французская Конституция 1791 г. закрепила за мужчинами всех сословий права и свободы активных граждан.

¹ Данные требования были обозначены в «Декларации чувств», официально принятой на первом съезде в защиту прав женщин, прошедшем в США в 1848 г.

Отказ включить женщин в категорию равных привел к выдвижению первых политических требований от лица участниц революционных движений. «Общество революционных республиканок», организованное в 1793 г. из числа бывших деятелей революции, стало первой женской организацией, в политических заявлениях которой звучали призывы к равным правам для мужчин и женщин. Позицию революционерок поддержала буржуазная писательница Олимпия де Гуж, издав в 1792 г. «Декларацию прав женщины и гражданки», которая стала феминистским вызовом традиционному патриархальному строю. В декларации де Гуж заявляла, что мужчины и женщины должны быть равны перед законом, иметь одинаковый доступ к государственным постам, почестям, общественной деятельности согласно их способностям и на основании их талантов и добродетелей².

В Великобритании в этом же году была опубликована работа первого теоретика феминизма Мэри Уоллстонкрафт (1759–1797) «Защита прав женщины», где она обосновала причины экономической зависимости женщины, которая находится под влиянием мужчины и ограничивает свою деятельность бытом, неоплачиваемым и презируемым активным сообществом. Она стояла на позиции необходимости просвещения женщины, настаивала на том, что домашние дела и материнство должны быть приравнены к формам разумного гражданства, наделены статусом общественно значимого, а не исключительно женского³.

В Пруссии на несправедливость распределения плодов революции отреагировал Теодор Готтлиб фон Гиппель (1741–1796), опубликовав свое эссе «Об улучшении гражданского положения женщины». Он настаивал на равных правах для обоих полов и предлагал просвещенным мужчинам озаботиться выведением женщин из-под гнета несправедливости, поскольку последним внушили, что они не способны к независимой политической деятельности⁴.

Таковы были теоретические предпосылки поднятия вопроса о женской эмансипации, однако формирование главных акторов «первой волны» феминизма происходило в рабочем сословии. С переходом капитализма от мануфактурной стадии к стадии укрупнения промыш-

² *De Gouges Olympe. Déclaration des droits de la femme et de la citoyenne.* Paris, 2003. P. 63.

³ *Wollstonecraft M. A Vindication of the Rights of Woman.* NY., 2009. P. 416.

⁴ *Hippel Th. G. von. Über die bürgerliche Verbesserung der Weiber.* Berlin, 1792. S. 460.

ленности возросла потребность в низкооплачиваемой рабочей силе. Жесткая имущественная дифференциация, поощряющая классовое неравенство, породила внутриклассовую гендерную дифференциацию, при которой женский труд оценивался ниже аналогичного труда, выполняемого мужчиной, поэтому оказался более востребован в автоматизированном производстве. Так, «в Великобритании в начале XIX века доля взрослых мужчин среди фабричных рабочих составляла 27 %, а в камзолной промышленности – всего 10 %»⁵.

Экономическое неравенство полов сказывалось и на изменении условий быта и традиционного уклада в семьях трудящихся. С упразднением крестьянского труда и ростом внутренней миграции крестьян из сельской местности в промышленные центры возросла необходимость участия женщины в обеспечении семьи на наемных работах. Формирование класса фабричных работниц, компактно проживающих в специально построенных работодателем женских общежитиях, способствовало обособлению женщин от семьи с ее традиционными ценностями.

В 1821 г. владельцы одной из первых ткацких фабрик в США построили сеть общежитий, рассчитывая на привлечение к труду девушек из прилегающих фермерских земель. Девушек в общежитиях поощряли ходить в церковь, посещать лекции, но, когда возросла конкуренция среди промышленников, владельцы резко сократили зарплату работницам и увеличили рабочие часы. Девушки же за время жизни в общежитии изменили не только круг общения, но и отношение к собственному труду, перенеяв модель поведения участника экономических отношений у работающих мужчин и своих старших подруг. В 1836 г. полторы тысячи работниц ткацкой фабрики в Лоуэлле объявили забастовку, и, несмотря на то что их требования были отклонены, подобное коллективное выражение неповиновения фермерских дочерей разрушило миф о традиционной покладистости женщин и их неприхотливости в работе. Забастовка фабричных работниц положила начало активным протестам рабочих по всей Северной Америке.

В конце февраля 1864 г. забастовали работницы прачечных для стирки воротничков в городе Трой штата Нью-Йорк, требующие поднятия заработной платы с 3–4 долларов в неделю до 8 долларов. Своими организованными действиями работницы не только добились

⁵ Всемирная история. Энциклопедия: в 10 т. Т. 5 / Зутис Я. Я., Вайнштейн О. Л., Павленко Н. И., Семенов В. Ф. и др.; отв. ред. Зутис Я. Я. М.: Издательство социально экономической литературы, 1958. С. 493.

удовлетворения требований, но и положили начало первой женской профсоюзной организации в США – «Союз воротничков» (Collar Laundry Union).

В Великобритании в 1874 г. возникло «Общество защиты и охраны женщин», за несколько лет создавшее около 40 профсоюзных отделений для работающих женщин. Тот факт, что мужские профсоюзы не принимали женщин в свои ряды, способствовал появлению женских рабочих организаций и постепенному ужесточению риторики их лидеров, сфокусировавшихся на исключительных проблемах работающих женщин. Женщины, индустриальной революцией привлеченные к фабричному труду и столкнувшиеся с несправедливостью промышленников, использующих их бесправное положение, оказались впоследствии движущей силой феминистской борьбы. Первые женские рабочие забастовки, не выдвигающие политических лозунгов, проводились единственно с целью достижения равновесия в сфере трудовых отношений, но постепенно стали флагом политической борьбы за женские права.

«Первая волна» феминизма была инициирована эгалитарными преобразованиями в обществе и подготовлена деятельностью женских профсоюзных организаций. Если разработка теоретических положений о правах и свободах женщин явилась следствием работы в области развития прав общечеловеческих, то политическая практика протеста была связана с ухудшающимися условиями жизни и труда женщины как нового актора производства.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В ДОКУМЕНТАХ ПРЕДВЫБОРНЫХ КАМПАНИЙ

И. С. Чирков
(ЦАОПИМ)

В современной России происходит подъем общественной активности. Один из важных аспектов этого подъема и вместе с тем непосредственный повод его возникновения – отношение граждан к выборам в органы государственной власти. Для понимания политических процессов России историкам будущего потребуется изучить особенности проведения предвыборных кампаний и самих выборов: в первую очередь – Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы.

Лозунги и программы политических объединений и кандидатов выражают чаяния, существующие в обществе, представления граждан (или части граждан) о том, каким должно быть и каким является сейчас государственное устройство России. Изучение способов воздействия на сознание потенциальных избирателей, применяемых в предвыборных кампаниях, позволит узнать больше об особенностях внешней и внутренней политики, о методах политической борьбы в рассматриваемый период, о бытовании культурных стереотипов в обществе, о повседневной жизни членов разных социальных групп.

Среди источников всех этих сведений важное место занимают материалы предвыборной агитации. Как ни странно, зачастую изданные массовыми тиражами листовки, брошюры, бюллетени уже через каких-то 15 лет оказываются редкостью. Не случайно, например, интернет-ресурс, содержащий оцифрованные документы выборов в органы законодательной и исполнительной власти, носит красноречивое название «В архивах нет»¹. Причина, вероятно, в традиционной навязчивости предвыборной агитации, материалы которой разбрасываются по почтовым ящикам, раздаются или расклеиваются в общественных местах и затем с облегчением уничтожаются. Практика предвыборной

¹ «Вархивах.нет: Мы оцифровываем историю. Архив политической агитации». URL: <http://varhivah.net/> (дата обращения: 25.02.2013).

рекламы, особенно широко распространенная в 1990-е гг., в современной России меняется. В ходе кампании по выборам Президента России 2008 г. партия «Единая Россия» отказалась от официальной предвыборной агитации, от политической рекламы и от дебатов на телевидении. Во время кампании по выборам Президента России 2012 г. Е. Г. Чигирь не выпускались агитационно-пропагандистские материалы В. В. Путина, за исключением брошюры «101 вопрос начальнику штаба». В качестве предвыборной агитации этого наиболее популярного и, как можно было предположить, наиболее успешного кандидата следовало рассматривать его статьи по вопросам внутренней и внешней политики, опубликованные в центральных газетах.

И в целом предвыборные кампании 2009–2012 гг. отличались меньшим по сравнению с предшествующими годами объемом пропагандистских материалов, выпускавшихся участниками выборов. Одновременно рост политической активности граждан в виде массовых протестов против «нечестных выборов», против «угрозы оранжевой революции» или выступлений в поддержку «курса на стабильность» отразился в огромном количестве агитационных документов различной политической направленности, создававшихся и распространявшихся не только организациями, но просто частными лицами.

Широким полем агитации «за честные выборы», «за Путина» и т. д. явился интернет. Он стал средоточием политической жизни общества, своеобразным «олицетворением» тезиса о развитии в России «гражданского общества», выдвигаемого как властью, так и оппозицией. В 2009 г. в России был проведен первый опыт интернет-голосования. Во время президентских выборов 2012 г. велась онлайн-трансляция с избирательных участков. Перемещение источников информации о выборах в «глобальную сеть», казалось, должно было сделать их более доступными и обеспечить лучшую их сохранность. Но документы, существующие лишь в виртуальной реальности, находятся под угрозой искажения, утраты и забвения в большей степени, чем документы на бумажной основе, хранящиеся в государственном архиве. В современной ситуации возрастает их ценность для историка. Они свидетельствуют о процессах, происходивших в государстве и обществе с конца 1980-х гг., когда в СССР состоялись первые выборы на альтернативной основе, и до настоящего времени, когда стикер на стене призван донести новый политический лозунг до тех, кто не является активным пользователем интернета.

Одна из самых обширных и репрезентативных в стране коллекций документов по выборам в органы государственной власти хранится в Центральном архиве общественно-политической истории Москвы

(ЦАОПИМ) – структурном подразделении Главного архивного управления города Москвы (до 2003 г. – объединения «Мосгор-архив»)². Коллекция постоянно пополняется. К настоящему моменту уже проведено научное описание части коллекции (498 дел за 1988–2009 гг.). Описание коллекции, включая материалы по парламентским и президентским выборам 2011–2012 гг., продолжается.

Основную массу документов коллекции составляют агитационно-пропагандистские материалы (листовки, брошюры, плакаты и т. д.). Помимо документов политических партий, избирательных блоков и объединений, отдельных кандидатов (предвыборных программ, деклараций, стенограмм выступлений и др.) в коллекцию включены документы избирательных комиссий различного уровня. Несомненный интерес представляют посвященные подготовке и проведению выборов документы общественных организаций: политических объединений, не допущенных к участию в выборах, различных объединений избирателей, Общероссийского координационного совета, осуществлявшего поддержку Б. Н. Ельцина на выборах 1996 г., Общероссийского общественного движения «Народно-патриотический союз России» (1996 г.) и др.

Документы собраны сотрудниками Главного архивного управления города Москвы в штаб-квартирах кандидатов на пост Президента Российской Федерации, политических объединений, у распространителей агитационных материалов, повсюду, где проводилась предвыборная агитация. Часть документов передана в архив коллекционерами, среди которых – активные участники политической жизни: сотрудник избирательного штаба объединения «Яблоко» А. В. Востриков, член Демократической Партии России В. В. Полуэктов, член Нового Общественного Русского Движения А. Р. Шатров и др. Это в том числе политические активисты, участвовавшие в предвыборных кампаниях 1990-х гг. в качестве экспертов.

Наиболее ранние документы коллекции касаются выборов народных депутатов СССР и депутатов Моссовета 26 марта 1989 г. В коллекцию вошли документы по выборам народных депутатов РСФСР и выборам депутатов Моссовета 4 марта 1990 г., о проведении референдума по вопросу сохранения Советского Союза 17 марта 1991 г.,

² ЦАОПИМ. Ф. 8660. Оп. 1 (Коллекция документов общественно-политических организаций по проведению референдумов и избирательных кампаний по выборам в органы государственной власти).

документы по выборам в Совет Федерации Федерального Собрания 12 декабря 1993 г.

Широко представлены документы по выборам Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания, Московской городской Думы, Московской областной Думы. Наряду с документами по выборам руководителей региональной исполнительной и представителей законодательной власти в субъектах Российской Федерации имеются материалы по проведению референдума о независимости и выборов Президента Приднестровской Молдавской Республики 1 декабря 1991 г., а также по проведению выборов Председателя и депутатов Севастопольского городского Совета в 1994 г., включенные в коллекцию с учетом особого статуса г. Севастополя.

В раздел коллекции, посвященный выборам 2011 и 2012 гг., предполагается включить документы не только избирательных объединений и кандидатов, не только предвыборных кампаний, но также митингов и других массовых мероприятий с протестами против результатов парламентских и президентских выборов или в поддержку кандидатов.

Изучение избирательных кампаний проливает свет на важнейший аспект новейшей истории России – процесс передачи власти посредством волеизъявления граждан и на связанные с ним проблемы и противоречия. Одна из наиболее значительных коллекций документов кампаний по выборам, собранная в ЦАОПИМ, поможет раскрыть этот процесс во всей его полноте и сложности.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СУВЕРЕНИТЕТА СССР В ПЕРИОД 1922–1936 гг.

М. Ш. Шарифов, к.ф.н.

(Литературный институт имени М. А. Горького)

Традиционно СССР принято описывать как государство с иерархически выстроенной системой власти, основные принципы построения которой сведены к диктатуре пролетариата. Становление системы государственного управления на территории пост царской России прошло различные этапы и характеризовалось постепенной централизацией, последовавшей вслед за отделением окраин (Финляндия, Польша, Прибалтика, Закавказье и т. д.).

В период с октября 1917 г. по январь 1918 г. идет становление отношений в России, а также установления межгосударственных и/или конфедеративных отношений с отколовшимися регионами. С одной стороны революционный Петроград выстраивал систему управления на территории Советской России, а с другой – устанавливал конфедеративные отношения с отдельными советскими республиками. На партийных съездах Украина, Белоруссия и Латвия признавались как особые советские республики.¹ Трансформация в федерацию была начата с изменения отношения с Украиной. 25 декабря 1917 г. I Всеукраинский съезд Советов объявил Украинскую республику федеративной частью Российской республики.

Важным правовым актом была Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая III Всероссийским съездом Советов 12 января 1918 г. Декларация создала платформу для трансформации конфедеративных (союзнических) отношений между социалистическими республиками в федеративные. Федеративная форма государственного устройства была отражена в резолюции «О федеральных учреждениях Российской Республики», принятой в январе 1918 г.

По вопросу дальнейшего развития федерализма наметились несколько подходов: «трудовая республика» эсеров-максималистов,

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. Изд. 7. М., 1959. С. 443.

анархо-синдикалистская концепция «левых коммунистов» и проект большевиков. Эсеры-максималисты и «левые коммунисты» отрицали необходимость укрепления центральной власти и установления диктатуры пролетариата. Однако конституционная комиссия, созданная по рекомендации ЦК РКП(б), остановила свой выбор на проекте большевиков. 10 июля 1918 г. постановлением V Всероссийского съезда Советов была принята Конституция РСФСР. Конституция провозглашала республиканскую форму правления и федеративное устройство, напрямую утверждала установление диктатуры пролетариата.

В рядах большевиков не было единства и по вопросу перспектив союзного государства. Сближение союзных республик обуславливалось совпадением позиций правящих режимов в период гражданского противостояния. Постановлением ВЦИК от 1 июля 1919 г. «О военном союзе Советских республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии» было закреплено создание военно-политического союза Советских республик.

На внутрипартийном уровне существовали разногласия относительно содержания и пределов сближения союзных республик. В рамках межфракционных дебатов о национальной автономии обсуждался вопрос о соотношении роли Москвы и иных участников конфедеративных отношений. В. И. Ленин был сторонником создания федеративной системы, закрепления за союзной республикой полномочий по решению вопроса о национальных автономиях, решения национальной вопроса на уровне союзных республик. В статьях «Финляндия и Россия» и в «Наказе выбираемым по заводам и по полкам депутатам в Совет рабочих и солдатских депутатов», опубликованных в мае 1917 г., он пишет о целесообразности создания «союзного государства», братского союза всех народов, «общего государства по добровольному согласию каждого отдельного народа...»². «Автономия, – писал Ленин в письме С. Г. Шаумяну, – есть наш план устройства демократического государства»³.

Позиция Ленина по вопросу федерализации была непоследовательной. В «Критических заметках по национальному вопросу» Ленин писал: «...Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в каком случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации. Централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому

² Ленин В. И. Соч. Т. 24. С. 320–321.

³ Ленин В. И. Соч. Т. 19. С. 453.

единству всего мира...»⁴. Он неоднократно подчеркивал, что унитарная форма государства предпочтительней федерации «при прочих равных условиях».

Сталин был сторонником закрепления за Москвой полномочий по определению автономий на территории всех союзных республик. Особо следует отметить, что Сталин отрицал конфедеративные отношения, приравнивая союзные республики к автономиям: «От узкой, административной автономии (немцы Поволжья, чуваша, карелы), – писал Сталин, – она переходит к более широкой, политической автономии (башкиры, татары Поволжья, киргизы), от широкой политической автономии – к еще более расширенной ее форме (Украина, Туркестан), наконец, от украинского типа автономии – к высшей форме автономии, к договорным отношениям (Азербайджан)»⁵.

Эта позиция Сталина нашла отражение в ряде его выступлений того периода. В письме Ленину от 12 июня 1920 г. Сталин отмечал: «...В своих тезисах Вы делаете разницу между башкирским и украинским типом федеративной связи, но на самом деле этой разницы нет, или она так мала, что равняется нулю...»⁶. Для Сталина и его сторонников, победивших во внутрипартийной перепалке, национальный суверенитет (а также народный суверенитет) являлся лишь фактором пропаганды.

Переходный характер советского федерализма был зафиксирован в Программе партии, принятой в марте 1919 г. В ней указывалось: «...Как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу»⁷. Прослеживается «вынужденность» декларирования коммунистами федерализма – как политического тактического хода. В программе коммунистической партии федерализм не составлял стрезень и цель государственного строительства. Признание федерации как переходной формы к полному единству трудящихся разных наций было зафиксировано в «Тезисах по национальному вопросу», утвержденных II Конгрессом Коминтерна в августе 1920 г.⁸

⁴ Ленин В. И. Соч. Т. 20. С. 29.

⁵ Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 355.

⁶ Ленин В. И. Соч. Т. 25. С. 624.

⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953. С. 417.

⁸ «Второй конгресс Коммунистического Интернационала», М., 1934. С. 492.

Доминирование однопартийной системы (заменяющей во многом государственную структуру) и государственной собственности на землю отличали советскую государственность и создавали благоприятные условия для дальнейшей концентрации власти⁹.

Вместе с тем в период с 1918 по 1922 г. отношения между советскими республиками в значительной мере носили конфедеративный характер. О конфедеративности союза свидетельствует также «нестандартизированность» отношений между отдельными государственными образованиями. Особое место занимал Федеративный союз социалистических советских республик Закавказья. Фактически это было федеративное государство, включенное в конфедерацию. ЗСФСР вошел в состав СССР в качестве равноправного субъекта наравне с РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР, просуществовал вплоть до 1936 г.

Начиная с 1922 г. союзные отношения начинают трансформироваться в федеративные. Так, по инициативе ЦК были созваны съезды Советов России, Украины, Белоруссии и Закавказья, которые высказались за объединение и избрали полномочных представителей на I съезд Советов Союза ССР, открывшийся 30 декабря 1922 г. Съезд утвердил Декларацию об образовании СССР и одобрил проект союзного договора. Декларация во много отражала позицию Ленина:

- с одной стороны, делегаты от Грузии и Украины выступили против сталинского проекта автономизации, предполагавшей вхождение в состав РСФСР союзных республик;

- с другой стороны, в самом центральном аппарате РКП(б) были сильны позиции сторонников перекройки границ в ходе создания СССР как фактора снятия этнической напряженности на Южном Кавказе и в Центральной Азии, а также размытия идеологии социалистического «Великого Турана», которые были широко распространены в региональных партаппаратах коммунистической партии и были озвучены М. Х. Султан-Галиевым.

31 января 1924 г. II съезд Советов СССР утвердил Конституцию, провозглашавшую: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР), Украинская Социалистическая Советская Республика (УССР), Белорусская Социалистическая Советская Республика (БССР) и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР: Советская Социалистическая

⁹ Шевцов В. С. Национальный суверенитет (проблемы теории и методологии). М., 1978. С. 132.

Республика Азербайджан, Советская Социалистическая Республика Грузия и Советская Социалистическая Республика Армения) объединяются в одно союзное государство – Союз Советских Социалистических Республик»¹⁰. Конституция основывалась на концепции «Союза суверенных республик, сохраняющих свою независимость»¹¹, выдвинутой Лениным. Конституция разграничивала компетенцию СССР и союзных республик – России, Украины, Закавказья и Белоруссии. Конституция четко определяла как компетенцию федерации, так и компетенцию союзной республики.

Принятие Конституции СССР 1936 г. – это обновление всей конституционной системы Союза, что объяснялось вступлением страны в новый этап своего развития. Отмена НЭПа, партийные чистки, укрепление партийного централизма и усиление идеологического прессы характеризовали общественно-политическую ситуацию в стране. «Сталинская» конституция в целом была направлена на усиление центральной власти. За союзными республиками формально сохранялось право свободного выхода из СССР, право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, право иметь республиканские войсковые формирования. Конституция 1936 г. окончательно утвердила приоритет союзного законодательства над республиканским.

¹⁰ *Титов Ю. П.* Хрестоматия по истории государства и права России. М., 1997. С. 319.

¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 212.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ СССР (1920–1930-е гг.)

Д. А. Шаронин
(Филиал РГАНТД)

По истории электрификации СССР периода первых пятилеток существует значительное количество специальных и обобщающих работ. Однако далеко не все аспекты темы, нашли в них свое отражение. В федеральных архивах хранятся документы, которые позволяют изучить механизм развития электроэнергетической отрасли, а также существовавшие в ней трудности и пути их преодоления. Рассматриваемые документы при введении их в научный оборот могут привести к более полному и объективному пониманию не только процесса электрификации, но и индустриализации страны.

Большой интерес представляет документация, образовавшаяся в результате деятельности научно-исследовательских и проектных институтов. Она представлена годовыми отчетами, докладами, ведомственной и межведомственной перепиской, протоколами научно-технических секций институтов, проектными заданиями (с пояснительными записками), техническими и рабочими проектами теплоэлектростанций (с обоснованиями тех или иных технических решений), экспертизами проектов и смет и другими материалами, которые позволяют детально рассмотреть решения важных проблем в сооружении теплоэлектростанций и электрификации тех или иных районов¹.

Весьма информативными являются хранящиеся в филиале Российского государственного архива научно-технической документации фонды работавших в области электрификации научно-исследовательских институтов. Анализ фонда Теплотехнического института наглядно демонстрирует, что вопросы, связанные с оборудованием теплоэлектростанций, занимали в указанный период около 90 % его деятельности. В задачи института входило решение технико-

¹ В электрификации СССР, как в большинстве других стран, теплоэлектростанции составляли главную энергетическую базу.

экономических и технических вопросов, заключавшихся в разработке методов сжигания того или иного топлива (бурый уголь, торф и т. д.) и подбора необходимого для этого оборудования. Как показывает изучение годовых отчетов института, данная тематика была одним из важнейших направлений его деятельности.

В одном из отчетов по этому поводу отмечается: «...вопрос топливоиспользования не мог и не должен был ставиться лишь в плоскости умения сжечь тот или иной вид топлива, а должен решаться под углом получения наибольшего эффекта при применении различных видов топлив, под углом интенсификации работы энергетического оборудования. Это обстоятельство требовало всестороннего исследования вопросов эксплуатации, начиная с физико-химических процессов и кончая вопросами конструкций и взаимосвязи отдельных элементов оборудования»². Отчеты института показывают, что после оснащения в 1923 г. химической лаборатории необходимым оборудованием, его работа в этом направлении стала постоянной³.

Интересной является переписка Теплотехнического института с государственными предприятиями и объединениями. Так, например, из нее можно узнать, что в 1925 г. по итогам обследования теплосилового хозяйства Азнефти (нефтяной трест) институт рекомендовал установить для расширения электростанции Азнефти турбогенератор английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», а при выборе котлов остановиться на котлах англо-американской фирмы «Бабкок-Вилькоккс»⁴.

Большой интерес представляют обнаруженные в фонде Теплотехнического института «Тезисы доклада ВТИ комитету по топливу при СТО» от 8 февраля 1931 г.⁵ Из этого документа становится ясным, что обвинение директора института Леонида Константиновича Рам-

² Отчет Всесоюзного теплотехнического института им. Ф. Дзержинского за 1935 г. // Филиал федерального казенного учреждения «Российский государственный архив научно-технической документации» (далее филиал РГАНТД). Ф. Р-277. Оп. 2–6. Д. 226. Л. 3 об.

³ Краткий отчет о строительных работах, произведенных в Теплотехническом институте за август месяц 1923 г. // Филиал РГАНТД. Ф. Р-277. Оп. 4–6. Д. 3. Л. 3.

⁴ Переписка с Азнефтью по обследованию теплового хозяйства. 20 января – 6 июля 1925 г. // Филиал РГАНТД. Ф. Р-277. Оп. 1–6. Д. 48. Л. 1–3.

⁵ Тезисы доклада ВТИ комитету по топливу при СТО от 8 февраля 1931 г. // Филиал РГАНТД. Ф. Р-277. Оп. 2–6. Д. 1.

зина во «вредительстве» отчасти было связано с неудачным решением институтом проблемы сжигания сланцев на теплоэлектростанциях.

Информативной является исследовательская документация Энергетического института им. Г. М. Кржижановского (ЭНИН)⁶. Ее обзор показывает, что вопросы, связанные с электрификацией отдельных районов страны и сооружением в них теплоэлектростанций, составляли третью часть всей его деятельности. Изучение документов института свидетельствует о том, что в интересующей нас области он проводил экономический и технико-экономический анализ районов, а затем делал необходимые для электрификации района заключения⁷. Например, в 1930-х гг. ЭНИН провел экономическое исследование Куйбышевской области и пришел к следующему выводу: расположение Самары «в глубоком тылу... создает благоприятные предпосылки для развития оборонной промышленности.

Продукция этой промышленности, благодаря удобному географическому положению и путям сообщения, может легко перебрасываться в другие районы, как запада и юга, так и востока»⁸. По поводу решения топливной проблемы куйбышевских теплоэлектростанций в другом исследовании института отмечается: освоение сланца и создание для его сжигания топков нужно форсировать. Последний документ, таким образом, свидетельствует, что далеко не всегда вопросы электрификации, согласно советской историографии вопроса, решались оперативно и успешно⁹. В отношении Куйбышевской области вывод этот подтверждается и исследованиями специалистов Тепло-технического института, согласно которым использование сланцев в качестве топлива для крупных теплоэлектростанций было признано нецелесообразным¹⁰.

⁶ Филиал РГАНТД. Ф. Р-249. Оп. 1–1. Д. 1–283.

⁷ В перечень работ института входили и специализированные технические работы, в которых, в частности, решались вопросы передачи высокого напряжения на большие расстояния, проблема защиты ЛЭП от удара молний и т. д.

⁸ Средне-Волжский край на три уровня развития народного хозяйства (1937, 1942, 1947 гг.). 1933 г. // Филиал РГАНТД. Ф. Р-249. Оп. 1–1. Д. 24. Л. 3а.

⁹ Горючие сланцы Поволжья и перспективы их использования. 1933 г. // Филиал РГАНТД. Ф. Р-249. Оп. 1–1. Д. 1. Л. 5 об.

¹⁰ Стенограмма заседания НТС ВТИ от 13 янв. 1938 г. по вопросу «Рассмотрение программы работ института по сжиганию сланцев» // Филиал РГАНТД. Ф. Р-277. Оп. 2–6. Д. 278. Л. 2.

Ценным в изучении вопросов электрификации отдельных районов СССР и сооружения теплоэлектростанций является фонд Российского государственного архива экономики – «Коллекция проектов и смет капитального строительства объектов энергетического хозяйства и торфяной промышленности»¹¹. В нем отложились значительная проектная документация по многим сооружавшимся в 1920–1930-х гг. ТЭЦ¹² и ГРЭС¹³. Все документы в фонде хорошо систематизированы по тем или иным теплоэлектростанциям. Помимо собственно проектной документации, включающей множество пояснительных записок, экспертиз проектов и смет, в коллекции имеется переписка отраслевых органов управления, а в ряде случаев и переписка с научно-исследовательскими институтами. Документы этого фонда позволяют проследить, как и в каком соотношении в рассматриваемый период использовалось отечественное и импортное оборудование; определить, в каких странах делались соответствующие закупки, а какое оборудование производили отечественные заводы.

Документы из фонда Всесоюзного электротехнического института им. В. И. Ленина свидетельствуют о роли этого института в модернизации и изобретении нового оборудования¹⁴. Изучение отчетов и научных работ института подтверждает экспериментально-прикладной характер его деятельности. Многие его исследования в области электрификации были посвящены разработке высоковольтных изоляторов, высоковольтных линий электропередач, а также созданию новых трансформаторов¹⁵.

Подводя итог краткому обзору архивных фондов, необходимо отметить, что вопросы электрификации отражены в них достаточно широко. Вместе с тем многие входящие в них документы можно выделить в отдельную группу, связанную с проблемами сооружения теплоэлектростанций и линий электропередач, решение которых было ключевым. Привлекаемые архивные документы позволяют посмотреть на процесс электрификации с сооружением теплоэлектростанций и ЛЭП с точки зрения реформирования электроэнергетической отрасли промышленности.

¹¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 7851. Оп. 1.

¹² ТЭЦ – теплоэлектроцентраль.

¹³ ГРЭС – государственная районная электростанция.

¹⁴ Филиал РГАНТД Ф. Р-164. Оп. 2–6.

¹⁵ См., например, проблемно-тематический план научно-исследовательских работ на 1937 г. // Ф. Р-164. Оп. 2–6. Д. 13. Л. 1–10.

В частности, они позволяют установить роль и степень участия работавших в этой области научно-исследовательских институтов, а также показать механизм взаимодействия входивших в отрасль органов управления (наркоматов, главков и т. д.). Некоторые документы позволяют детально установить соотношения импортного и отечественного оборудования, установленного на тех или иных теплоэлектростанциях. Кроме этого, указанные документы содержат сведения, которые не получили отражения в отечественной историографии по идеологическим причинам.

А. А. СЕРГЕЕВ (1886–1935) И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОГРАФИИ

А. И. Шешнина
(ИАИ РГГУ)

Имя Александра Александровича Сергеева (1886–1935) принадлежит к числу тех, скудные сведения о которых схожи и оставляют много вопросов. Вплоть до 1990-х гг. он упоминался в основном в связи с научной дискуссией о методике публикации источников, а также в немногих учебных пособиях по археографии, где обще говорилось о вкладе ученого в развитие археографии¹. Затем стали появляться сведения о роли А. А. Сергеева как текстолога-эксперта в связи с утечкой копий материалов последнего российского императора за рубеж, разоблачением фальшивого «дневника Вырубовой»².

Между тем в архивах отложились материалы, которые позволяют полнее проследить судьбу ученого по крайней мере годы его становления как историка в стенах Московского императорского университета, ответственного секретаря редакций журналов «Архивное дело» и «Красный архив», первого преподавателя археографии в Историко-архивном институте³. Помимо этого, основой исследования стали почти 70 научно-теоретических работ в журналах «Печать и революция», «Каторга и ссылка», «Красный архив», «Архивное дело» и др.

О начальном периоде жизни Александра Александровича, сына фельдшера из небольшого села в Бердянском уезде Таврической гу-

¹ Валк С. Н. Советская археография. М., 1948; История советской археографии: Учеб. пособие / под ред. М. С. Селезнева; МГИАИ. Вып. 1–7. М., 1966. Степанский А. Д. Археография отечественной истории XX века: Учеб. пособие. М., 2004; Он же. Отечественная археографическая мысль 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2004. № 3–4, 5. С. 79–89, С. 63–78.

² Додонов Б. Ф., Копылова О. Н., МIRONENKO С. В. Из истории публикации документов царской семьи в 1918–1920-е гг. // Отечественные архивы. М., 2007. № 1. С. 3–18; Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001.

³ ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1; Ф. 418. Оп. 484. Д. 86 и др.; Ф. 535. Оп. 1; ГА РФ. Ф. 7925. Оп. 1. Д. 1–83; Ф. 6887. Оп. 1. Д. 1–264; Оп. 2. Д. 1–14.

бернии, уже писалось в литературе. Однако впервые удалось выяснить, что в 1903 г. после отчисления из Екатеринославской духовной семинарии за участие в студенческих беспорядках он поступает в Петербургскую духовную семинарию. Именно в этот период он стал членом еще одного «семинария» – профессора А. С. Лаппо-Данилевского, что во многом определило тематику его первых научных изысканий: история России XVII–XVIII вв.

Первые научные работы А. А. Сергеев начал публиковать будучи студентом Московского университета, куда он поступает в 1907 г., сразу после окончания Петербургской семинарии. Время обучения в Московском университете затягивается почти на десять лет, и все свободные летние месяцы Сергеев проводит у родных в Таврии, где в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» (ИТУ-АК) вышел ряд его статей и публикаций источников⁴. В итоге в 1914 г. он становится действительным членом комиссии, как и его наставник – А. С. Лаппо-Данилевский.

Успешные работы в ИТУАК, а также содействие научного наставника способствовало устройству А. А. Сергеева в архив Министерства иностранных дел внештатным сотрудником, что, в свою очередь, послужило толчком для подготовки новых исследований и публикаций⁵.

Февральскую революцию А. А. Сергеев, как и многие из его современников, встретил с известным воодушевлением. Однако, как сам

⁴ Сергеев А. А. Ногайцы на Молочных водах (1790–1832 гг.): Исторический очерк // ИТУАК. Симферополь, 1912. № 48. С. 1–144; *Он же*. Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 // ИТУАК, 1913. № 49. С. 178–222; *Он же*. Посольство Амвросия Лодыженского и подъячаго Петра Данилова в Крым в 1613 году // ИТУАК, 1913. № 50. С. 7–19; *Он же*. О Малой Таврии. Доклад императрице Екатерине II по вступлении ее на престол, изображающий систему Крымских Татар, их опасность для России и претензию на них // ИТУАК, 1916. № 53. С. 190–193; *Он же*. Наказ, данный отправленным в Крым посланникам Амбросию Лодыженскому и подъячему Петру Данилову, с объявлением об избрании на Российское царство государя Михаила Федоровича. С отписками их и статейным списком бытности их в Крыму // ИТУАК, 1913. № 50. С. 20–56; *Он же*. «Состояние народа турецкого» в 1703 году, описанное графом П. А. Толстым // ИТУАК, 1914. № 51. С. 47–134.

⁵ Сергеев А. А. Челобитная вдовы обельного крестьянина Олонецкого уезда Е. В. Сидорова Афимьи о даче ей суда с племянниками ее обельными крестьянами Степаном и Романом Ивановыми, отнявшими у нея обельное имущество умершего мужа ее // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1915. Кн. 3 (254). С. 11–12 и др.

указал в одной из анкет, служа в то время в Москве, активного участия в событиях не принимал⁶. В этот период он, «оставленный при Университете для подготовке к профессорскому званию», завершал свою учебу в качестве магистранта под руководством известного историка М. М. Богословского. Однако 1917-й год показал, что интерес Александра Александровича к «древностям российским» был непрочным. В том же году в журнале С. П. Мельгунова «Голос минувшего» Сергеев издает в известном смысле знаковую работу – библиографический обзор «Жандармы-историки»⁷.

Установление советской власти привело к крупным преобразованиям в архивной сфере. В этот период, параллельно с военной службой, куда А. А. Сергеев был призван, он начинает работать старшим архивистом в 1-й секции Третьего московского отдела ЕГАФ, которая занималась разбором документов III Отделения канцелярии⁸. С сентября 1920 г. приступает к работе в Архиве Октябрьской революции (АОР), активно комплектовавшемся тогда материалами белогвардейских правительств⁹. С 1 января 1921 г. он становится ученым секретарем Научно-теоретического отдела Центрархива.

Одновременно начинается преподавательская деятельность А. А. Сергеева: на социально-экономическом факультете Пречистенского Практического института, на архивных курсах Центрархива, где он принимал «техминимум»¹⁰.

Но, наверное, в первой половине 1920-х гг. наиболее важным стало участие А. А. Сергеева в расследовании утечки за границу копий материалов последнего русского императора и публикации там его дневников в берлинском издательстве «Слово». Эта поистине филигранная работа сослужила Александру Александровичу славу текстолога и значительно упрочила его авторитет в глазах новой власти¹¹. В итоге Сергеев начал огромную работу по подготовке к изданию текстов всех

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 1751. Л. 2.

⁷ Сергеев А. А. Жандармы-историки // Голос минувшего. 1917. № 9–10. С. 364–380.

⁸ ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 9. Л. 97.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 1751. Л. 71.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 1751. Л. 81; Карноухова О. Е. Воспоминания // История Государственного архива Российской Федерации. Документы. Статьи. Воспоминания. М., 2010. С. 324.

¹¹ См.: Додонов Б. Ф., Копылова О. Н., Мироненко С. В. Из истории...; Додонов Б. Ф. История коллекции документов последнего российского императора

дневников Николая II, задуманную Центрархивом. Он отдал не один год своей жизни, когда параллельно с основной и очень напряженной деятельностью готовил эту публикацию, однако архивные органы и власть пошли по пути частичного издания фрагментов дневников – сложного и в известном смысле загадочного источника, которые также готовил А. А. Сергеев¹².

Притягательность «романовских бумаг» была такова, что вскоре именно этот сюжет становится преобладающим во всей дальнейшей деятельности Александра Александровича. Каждую свою научную работу он так или иначе начинает увязывать с материалами семьи Романовых. Поэтому неслучаен был его интерес к публикации известной фальшивки 1920-х гг., сочиненной П. Е. Щеголевым и А. Н. Толстым, – «дневнику Вырубовой». Именно блестящий историковедческий и текстологический анализ Сергеева дал возможность назвать «дневник», вышедший в 1927 г. в журнале «Минувшие дни», фальсификацией¹³.

С 1925 г. А. А. Сергеев являлся бессменным ответственным секретарем журнала «Архивное дело». Известно, что в 1926–1932 гг. ответственным редактором там был В. В. Максаков¹⁴, однако фонд редакции журнала фактически пуст. Именно в этом журнале впоследствии были напечатаны главнейшие научно-теоретические труды А. А. Сергеева в области методики археографии, явившиеся плодами его преподавательской деятельности в Историко-архивном институте¹⁵.

С 1 октября 1927 г. Сергеев становится также ответственным секретарем редакции журнала «Красный архив»¹⁶ – органа Центрархи-

ра и членов его семьи (Новоромановского архива) в 1917–1919 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 6. С. 3–16.

¹² Сергеев А. А. Дневник Николая Романова 1917–1918 гг. // Красный архив. 1927. № 22. С. 71–91.; *Он же*. Дневник Николая Романова 1916–1917 гг. // Красный архив. 1927. № 20. С. 123–152.; *Он же*. Дневник Николая Романова 1917 г. // Красный архив. 1927. № 21. С. 79–96.; *Он же*. Дневник Николая Романова 1918 г. // Красный архив. 1928. № 27. С. 110–138; *Он же*. Николай Романов 28 февраля – 4 марта 1917 г. // Красный архив. 1925. № 8. С. 244–246.

¹³ Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая... Указ. соч.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 7925. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁵ Сергеев А. А. Методология и техника публикации документов // Архивное дело, 1932. Вып. I–II. № 31. С. 43–99; *Он же*. К вопросу о разработке Правил издания документов ЦАУ СССР // Архивное дело, 1935. Вып. I. № 34. С. 55–77.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 1751. Л. 1.

ва с 1922 г. Фактическим руководителем «Красного архива» до своей смерти в 1932 г. был заведующий Центрархивом М. Н. Покровский. В составе сотрудников «Красного архива» в разное время были руководящие работники архивных учреждений, историки и архивисты: В. В. Адоратский, Н. Ф. Бельчиков, Я. А. Берзин, Г. Д. Костомаров, В. В. Максаков, В. И. Пичета, В. П. Полонский и др.¹⁷ Но жизнь самой редакции журнала окутана покровом тайны, ибо в ее фонде сохранились лишь отрывочные документы за вторую половину 1930-х – 1941 г. Между тем именно в «Красном архиве» А. А. Сергеев публикует сам или способствует изданию многих интересных источников по политической истории России. Можно сказать, что журнал стал в известном смысле его любимым детищем. А. А. Сергеев не только вел огромную организаторскую работу, но и издал там за семь лет своей работы свыше 35 собственных статей, заметок, публикаций. Усилия, которые были затрачены на формирование редакционной политики и организацию работы журнала, стали, видимо, главной заслугой Александра Александровича – особенно в связи с новыми временами начала 1930-х гг.

В 1930 г. он проходит «чистку» (как сам написал в своей автобиографии в 1934 г.) в связи с «Академическим делом», которая закончилась для него... новым «поприщем» – началом преподавания с 1931 г. в только что открытом Историко-архивном институте. Вероятно, все былые заслуги помогли Сергееву также избежать и обвинения в «покровщине» после смерти в 1932 г. М. Н. Покровского¹⁸, в свое время способствовавшего карьерному (и профессиональному!) росту Александра Александровича.

Преподавание в Историко-архивном институте стало важным периодом в жизни ученого. На базе кафедры архивоведения он читал курс «Методика публикации исторических документов» для студентов группы «публикаторов», причем программа была разработана им лично и утверждена протоколом заседания кафедры от 15 октября 1931 года¹⁹. Курс складывался из теоретической части и производственной практики. Сначала теоретическая часть составляла всего 20 часов и посвящалась вопросам методики издания документов.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 6887. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

¹⁸ Оставшись на своем посту, А. А. Сергеев в 1934 г. был дважды премирован за «ударную работу» по выпуску журнала «Красный архив» (ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 1751. Л. 75).

¹⁹ ЦАГМ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

История археографии с обзором русских и зарубежных правил издания исторических документов, археографических учреждений дореволюционного периода и характеристикой издательской деятельности главных архивов СССР в сжатом виде давалась во введении.

Постепенно курс углублялся, уточнялось его название. В учебном плане на 1931–1933 гг. уже предусматривалась дисциплина «Источниковедение и научная публикация документов» объемом 200 часов. В дальнейшем, в 1934–35 учебном году, курс назывался «Методика и техника публикации документов»²⁰.

Попутно А. А. Сергеев работает над составлением Правил публикации документов, что имело большое значение для исторической науки. Однако подготовить полноценное учебное пособие, полностью разработать сами Правила публикации Александру Александровичу не удалось. Можно сказать, что и последняя его теоретическая статья 1935 г., и обнаруженное в фонде редакции «Красного архива» письмо лета 1935 г. являются «завещанием» ученого²¹.

Речь идет о письме, написанном незадолго до его смерти в Кисловодске и адресованном члену редколлегии А. А. Шилову. В Кисловодск Сергеев уехал лечиться, рассчитывая вскоре вернуться и работать. Письмо, заканчивающееся грустной иронией – «очень нервный человек» (как он пишет о самом себе), содержит план будущего IV номера «Красного архива» за 1935 г. Здесь по пунктам разбирается материал из редакционного портфеля, который предполагалось опубликовать. Александр Александрович дает подробные указания, как именно следует подавать материал, каков должен быть порядок работы.

Многому из намеченного Сергеевым сбыться не удалось. В этот успешный, без сомнения, 1935 г. его болезнь давала о себе знать все больше. Именно в Кисловодске в возрасте 49 лет 19 сентября 1935 г. он умирает от «паралича сердца», однако главный труд его жизни – полное издание дневников Николая II в трех томах, так и не увидел света, исчезнув после смерти. Вскоре в обоих журналах – «Красном архиве» и «Архивном деле», выходят некрологи²². «Строгая продуманность и большая тщательность археографической обработки издаваемых до-

²⁰ ЦМAMJС. Ф. 169. Оп. 1. Д. 80. Л. 2, 3.

²¹ Сергеев А. А. К вопросу о разработке... Указ. соч. С. 55–78; ГА РФ. Ф. 6887. Оп. 2. Д. 14. Л. 11–11 об.

²² См. некрологи А. А. Сергеева // Красный архив. 1935. Т. 72. С. 200; Архивное дело. 1935. № 3 (36). С. 111–112.

кументов, любовь к своему делу и хорошее знание техники – вот что отличает работы А. А. Сергеева», – написали его коллеги по журналу «Красный архив», соратник по преподаванию в Историко-архивном институте А. А. Шилов²³.

²³ Красный архив. 1935. Т. 72. С. 200; *Шилов А. А.* К вопросу о публикации исторических документов // Архивное дело. 1935. Вып. IV (37). С. 52.

УЧИТЕЛЬСКИЕ КАДРЫ ПЕРМСКОГО РЕГИОНА В 1930-е гг.

И. С. Шилова
(Пермский институт ФСИИ России)

Дефицит учительских кадров в Пермском регионе в 1920-х гг. существенно осложнял процесс воспитания и обучения. К 1929 г. в регионе количество учителей удалось увеличить более чем на треть, однако высшее образование было только у 4,2 % школьных работников, низшее и среднее незаконченное – у 30 %, что накануне введения всеобщего начального обучения было явно недостаточным¹.

Дефицит кадров был связан и с тем, что в начале 1930-х гг. началась чистка образовательных учреждений от «старой» интеллигенции. Заслуженный учитель РСФСР У. И. Постовалова полагала, что в результате «изъятия» органами НКВД из школ учителей с непролетарским происхождением в школе остались педагоги, которые имели «лишь краткосрочные курсы “Красных учителей” на базе начальной школы»².

То есть происходила замена специалистов «педагогически безграмотными работниками»³. Учитывая масштабы этого явления, а также неукомплектованность кадрами высших и средних педагогических учебных заведений и школ, наркомпрос в циркулярном письме от 20 сентября 1928 г. предписал всем отделам народного образования «немедленно и повсеместно прекратить массовую чистку учительства»⁴. Но рекомендации наркомата просвещения зачастую игнорировались.

¹ *Суворов М. Е.* Уральское учительство в 1920–1930-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

² *Постовалова У. И.* Очерки по истории народного образования Зауралья // Зауральское педагогическое образование. 1995. № 1–2. С. 25–26.

³ *Иванчина А. Г.* История развития народного образования в Среднем Поволжье в 1920–30-е гг. Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. № 9 (13). 2008. С. 107.

⁴ Там же. С. 107.

Как отмечают исследователи, обычной практикой низовых органов власти было применение жестких мер и грубое администрирование по отношению к учительству, продиктованных личными счетами, кумовством, преследованием за критику, непроверенными слухами, недостаточным пониманием специфики работы в школе, бюрократизмом⁵.

По этому поводу сельский учитель М. Ф. Савин в дневнике писал: «Читая “Учительскую газету”, я не верил своим глазам, что мне говорили страницы газеты. Я переживал какой-то кошмар. Передо мной быстро мелькали “переводимые”, “уволенные” не одиночками, а пачками. Видна была какая-то ни на чем не основанная придирчивость, чувствовалось, как разгуливались нервы пострадавших просвещенцев. Везде и во всем сквозила подлая грубость, учительство попиралось и затаптывалось. Далее газета приводит ряд фактов, кричащих о пересмотре учительства в отдельных республиках РСФСР. Где же здесь будет продуктивность работы, когда над каждым учителем висит дамоклов меч. А эта неопределенность, томление в корне убивают в учительстве всякое бодрое, смелое, идущее вперед, а порождает дряхлость, вялость, бессилие, подавленность»⁶.

Учитель дал характеристику «правильного» советского педагога: «На основе этого вырастает новый тип, тип безвольный, подлизывающийся к власти имущим. В школе такой тип хуже “учителя в футляре”, это тип заживо умерший для современности, но его тень, никому не нужная, скользит на фоне советской общественности». Основной причиной подобного поведения учителей, по мнению Савина, являлась его беззащитность и бесправность, а также огромное количество контролирующих организаций: «Сколько хозяев у просвещенца, и не сочтешь! Три: сельсовет, РИК, уоно, население и т. д. Каждый вносит долю своего обвинения, и защитников раз-два и обчелся, только один профсоюз, но наши хозяйственники иногда с профсоюзом не считаются»⁷.

Учителя на селе в некоторой степени были защищены от репрессии, их не приравнивали к кулакам. Но имели место казусы – так, из

⁵ Ялозина Е. А. Повседневность сельского учительства в 1920-е годы // Преподавание истории в школе. 2011. Т. 1. С. 74–76.

⁶ Прядеина И. Е. «...Бедна история нашего учителя дореволюционной и пореволюционной школы счастливыми минутами». Из дневника сельского учителя М. Ф. Савина // Отечественные архивы. 2007. № 5. С. 93.

⁷ Там же. С. 94.

инструкции Осинского райисполкома ответственным уполномоченным по выселению кулаков следовало – «семьи, члены коих служат агрономами, врачами, учителями, если активно участвуют в общественной работе – не подлежат выселению»⁸. Необоснованно раскулаченные были оправданы. Такое, например, случилось с учительницей Пигасовой. Она и ее муж, бывший учитель, счетовод профшколы, 25 февраля были арестованы за то, что, якобы, имели связь с отцом – чуждым элементом. Постановлением Юго-Осокинского РИКа их «назначили» к раскулачиванию и выселению, затем решением прокуратуры освободили⁹.

Положение просвещенцев села стало, по выражению исследователя Е. А. Осокиной, «совсем плохим».

В действительности положение учителя было весьма непростым – на седьмой Пермской окружной партконференции о ходе социалистического строительства в мае 1930 г. обсуждался вопрос о народном образовании и положении учительства, где справедливо отмечалось: «Вряд ли можно найти место, где бы учитель подвергался таким издевательствам, каким подвергается в ряде наших районов. Народный учитель нашими организациями забыт, особенно деревенский. В Перми учителя тоже не в почете и отношение со стороны отдельных организаций, отдельных партийных работников не удовлетворительное. Между тем отношение к учителю должно быть самое прекрасное, самое хорошее»¹⁰.

Учитель находился в сложном положении, от него требовалась трансляция знаний, в том числе марксистско-ленинской теории, воспитание учащихся в большевистском духе, который он сам еще в достаточной мере не усвоил.

Учителя говорили о своем призвании, но не могли скрыть, что дискурсы сталинизма пронизывают их педагогическую деятельность. По оценкам Е. Т. Юинг, «сталинизм в 1930-е гг. определял и контекст, и подтекст учительского бытия»¹¹.

Так, если после революции учителя активно выступали против реорганизации школы, а в периодической печати разворачивались дискуссии о формах и методах обучения, то к концу 1920-х гг., чтобы

⁸ ГАПК. Ф. Р-305. Оп. 2. Д. 7. Л. 10–12.

⁹ ГАПК. Ф. Р-122. Оп. 3. Д. 8. Л. 100–110.

¹⁰ ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 2. Л. 27.

¹¹ Юинг Е. Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. / пер. с англ. Д. А. Благова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 11.

обезопасить себя от гонений, педагоги заняли иную позицию. Как, например, учитель И. Ф. Зырянов, был вынужден публично отказаться от своих прошлых взглядов. Он писал в редакцию газеты «Смычка»: «Прошу опубликовать мое письмо в газете ко дню революции об идеологическом отказе от идеи эсеров. Я состоял в партии эсеров, но революции и война заставили усомниться в правильности пути. И теперь осознал, что только существующая система социалистического строительства способна привести пролетариат к победе»¹².

Советизация учительских кадров могла произойти более мягко и безболезненно, если бы в 1930-е гг. политическая пропаганда и профессиональная переподготовка не была вытеснена карательными мерами.

Учительство в отличие от других категорий интеллигенции уже с начала 1930-х гг. отличалось разнообразием социального происхождения, включало в себя как «бывших людей» (кулаков, духовенство и т. п.), так и партийных выходцев из рабочих и крестьян. Это связано с тем, что преподавательский труд на 1–2 ступени не требовал столь серьезной подготовки, как для сотрудников вузов и специалистов в промышленности. Вполне достаточно было закончить годичные курсы учителей. Правда, еще требовалось умение донести до учащихся учение марксизма-ленинизма.

В связи с этим для формулировок и статей обвинений учительства характерно большее разнообразие, чем для вузовских работников. Чаще всего учителей обвиняли в контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации. Большое число подобных обвинений выглядит логично: учителя выступали транслятором знаний для подрастающего поколения, особенно в сельской местности. Несколько реже, но достаточно часто преподавателям ставилось в вину их происхождение и принадлежность к чуждым элементам: среди учителей были педагоги дореволюционной школы, духовенство, которые пострадали за службу в белой армии, сравнение нынешнего положения с царским и т. п.

Безусловно, борьба с безграмотностью населения, увеличение числа образовательных учреждений позволили добиться определенных успехов на ниве образования. Тем не менее ликвидировать безграмотность не удалось, а качество школьного образования подвергалось критике с разных сторон.

¹² ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 13698. Л. 117.

ПРИНУЖДЕНИЕ И УБЕЖДЕНИЕ КАК МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ (на примере утопий Морелли и Г. Бабефа)

А. И. Шамова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

В общих работах по государственному управлению нередко выделяют два основных метода управления обществом: принуждение и убеждение. Проблема принуждения и убеждения в современном государстве – это проблема методов управления политическими, социальными, экономическими, культурными и духовными сферами жизни.

Принуждение и убеждение как методы государственного управления – явления социальные, поскольку они реализуются в связях между участниками конкретных общественных отношений. Эти методы, представляя собой систему способов воздействия субъекта управления на сознание и поведение людей, являются необходимым условием нормального функционирования общества. Предпосылки к данным моделям начали складываться еще в XVIII–XIX вв.

В конце XVIII в., в эпоху Великой французской революции, Гракс Бабеф провозгласил, что целью общества является «всеобщее благоденствие», а революция должна обеспечить всем гражданам равенство пользования благами. В отличие от Бабефа, призывающего уничтожить феодальный строй революционным путем, Морелли не ставил задач свергнуть действующую власть. Общество будущего, каким оно изображено в «Кодексе природы»¹, представляет собой единое централизованное хозяйственное целое, руководимое единым планом. Строго регламентируя общественную жизнь и используя механизмы убеждения, государственная власть у Морелли не оставляет гражданину свободы действий и права на инакомыслие.

О жизни Морелли мало что известно, а все известное не является вполне достоверным. Считается, что он жил в городе Витри-ле-Франсуа и работал учителем. Авторству Морелли приписывают

¹ *Морелли. Кодекс природы, или подлинный дух ее законов.* М.: Изд-во Академии наук СССР, 1947.

восемь книг, которые были изданы в 1743–1778 гг. В 1755 г. вышел трактат «Кодекс природы, или подлинный дух ее законов»² (сокр. «Кодекс природы»). Интересно, что данное произведение долгие годы приписывали таким мыслителям эпохи Просвещения, как Дидро, Туссену, Лабомелю.

В «Кодексе природы» Морелли последовательно расписывает жизнь индивида в «разумном» государстве. В 10 лет гражданин начинает учиться какой-либо профессии. В возрасте от 15 до 18 – женится. В 20–25 он занимается земледелием. И лишь в 40 лет человек становится «свободным работником», т. е. вольным распоряжаться своим временем.

В государстве Морелли нет места богатству и изобилию. Каждый одевается по своему вкусу, без «чрезмерной роскоши». Таким же образом дело обстоит в отношении еды и напитков – в семье все питаются скромно. Такой порок, как тщеславие подавляется отцами семейств и регулируется законом. Таким образом, граждане имеют идентичное мнение в отношении каждой сферы общественной жизни. Механизм принуждения в управлении государством в данном случае реализуется через особую систему воспитания всех членов общества. У граждан просто не возникает простора для собственных мыслей. Свобода действия ограничена закрепленными правилами, а жизнь человека расписана по годам.

«Кодекс природы» содержит и особые «Законы о научных знаниях, долженствующие помешать блужданиям человеческого ума и всяким трансцендентным мечтаниям»³. Существование «иной моральной философии», отличной от господствующей в обществе идеологии, запрещено. Строгая цензура и тотальный контроль со стороны государства за наукой и искусством – неотъемлемая черта утопии Морелли.

Мы можем заметить, что аппарат принуждения в управлении государством активизируется через особую систему жизненных установок. В обществе действуют законы, которые диктуют гражданам, как надлежит обучаться профессии, работать, создавать семью и воспитывать детей. Индивиду незачем думать, что хорошо, что плохо, где добро и где зло. Все эти категории уже определены государством. С точки зрения Морелли, такой порядок жизни в обществе приведет к всеобщему равенству, отсутствию бедности и тщеславия. Однако

² Морелли. Указ. соч.

³ Морелли. Указ. соч. С. 124.

встает вопрос, а не угодно ли государству формировать таких индивидов, тем самым упрощая управление ими и создавая условия для собственного господства?

Г. Бабеф родился 23 ноября 1760 г. в Пикардии, в городе Сен-Кантен. Еще с детства будущий революционер узнал бедность и тяжесть изнурительного физического труда на строительстве Пикардийского канала. На протяжении всей революции Бабеф отстаивал интересы неимущих классов, в особенности тех, кто проживал в деревне. В октябре 1794 г. он начинает издавать свою «Газету свободной прессы». Поселившись в Париже, Бабеф вместе со своими сторонниками готовят «Заговор во имя равенства» – государственный переворот, целью которого стало бы свержение Директории, уничтожение торговли, перераспределение и обобществление земли, установление «всеобщего равенства». Однако спустя три года заговор был раскрыт, а его участники арестованы. В 1797 г. Бабеф вместе со своим соратником О. А. Дарте были казнены. Жизнь и деятельность Бабефа более подробно изучали такие ученые, как В. П. Волгин⁴, В. М. Далин⁵, Г. С. Черткова⁶.

Анализ идейного наследия Бабефа и его последователей позволяет сказать о том, что методы общественного контроля, проповедуемые в программных документах бабувистов, носили радикальный характер. Решающее значение на становление теоретической системы Бабефа имела его революционная деятельность. Во время революции он стал сторонником «совершенного равенства». В 1794 г. в письме к сыну Бабеф писал: «Я постараюсь разъяснить в то же время, что французский народ, вполне вероятно, доведет свою революцию до счастливого конца – до установления этой системы совершенного равенства»⁷.

Особый порядок жизни в обществе, отсутствие частной собственности, распределение труда и продуктов производства, соблюдение

⁴ Волгин В. П. Идейное наследие бабувизма. «Вестник социалистической академии», 1992, № 1 (переп. В «Очерках по истории социализма», изд. 1–1923; изд. 4–1935); Место бабувизма в истории социальных идей. «Французский ежегодник. 1960». М., 1961; Французский утопический коммунизм. М., 1961.

⁵ Далин В. М. Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785–1794). М., 1963.

⁶ Черткова Г. С. Гракх Бабеф во время Термидорианской реакции. М.: Наука. 1980.

⁷ Бабеф Г. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 95.

равенства – должны привести, по мнению Бабефа, к установлению общества, где каждый может удовлетворить свои и чужие потребности. Однако в отличие от Морелли, Бабеф считает, что путь мирных преобразований и особого воспитания граждан неэффективен.

Если каждый член государства будет жить в равном достатке, то исчезнут такие пороки, как: «зависть, ревность, алчность, гордость, обман, двоедушие»⁸. Особая система принуждения была подробно изложена в сочинении «Заговор во имя равенства, именуемого заговором Бабефа»⁹ Ф. Буонаротти. Этот труд оказал огромное влияние на возрождение революционного движения в 1830-е гг. и принес известность бабувизму.

Бабувисты не только отрицали частную собственность, но и требовали уравнивания талантов и потребностей людей. Производство, потребление, воспитание, образование, по их мнению, должны тотально регламентироваться государством. Метод принуждения в управлении государством и право применять насилие к несогласным гражданам – основа теории бабувистов.

Соратники Бабефа также не доверяли развитию наук и искусств в обществе. Несоизмеримость физического и умственного труда была, по их мнению, опасна для равенства. «Превосходство талантов и предприимчивости, – писал Бабеф, – является лишь химерой и благовидным обманом, который всегда служил заговорщикам в их кознях против равенства и счастья людей»¹⁰. Общеобязательным и полезным бабувисты признавали преимущественно физический труд. Предполагалось строго уравнивать мебель и одежду, чтобы воцарилась «деревенская простота», далекая от городского быта.

Таким образом, бабувисты предполагали провести ряд принудительных мер, ускоряющих уничтожение частной собственности. Метод принуждения у Бабефа это, в первую очередь, применение насилия ко всему, что затрудняет создание общества без частной собственности. Однако стоит сказать о том, что методы принуждения и убеждения тесно связаны. И если у Морелли мы не встречаем призывов к насилию, то в идеях Бабефа есть место особому воспитанию граждан, регламентации всех сторон общественной жизни и управлению свободным временем.

⁸ *Бабеф Г.* Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Наука. С. 163.

⁹ *Буонаротти Ф.* Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа. М., 1963.

¹⁰ *Бабеф Г.* Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Наука. 1977. С. 477.

Изучив предложенные утопистами методы управления обществом, можно сделать вывод о том, что сегодня в разных системах государственного управления мы можем наблюдать синтез обоих методов, имеющий целью сформировать индивида, наиболее удобного государству.

ВОСПРИЯТИЕ ЯПОНИИ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ПРОТИВНИКА НАКАНУНЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

А. А. Шпенев
(ГАСО)

Образ Японии, сложившийся в России начала XX в. – тема интересная и заслуживающая отдельного исследования. Полностью раскрыть ее в одной статье невозможно, поэтому данная работа посвящена тому, каким противником представлялась Япония в России начала XX в. Актуальность этой темы заключается в следующем.

По мнению историка Е. С. Сениявской, «Значение исследований в области психологии взаимовосприятия народов, социумов, культур не ограничивается собственно наукой. Стереотипы восприятия имеют не только культурологическое, но и прагматическое значение, в том числе в такой важной области, как внешняя политика... В качестве примера, подтверждающего этот вывод, может служить Русско-японская война»¹.

Несмотря на то, что Япония начала XX в. совсем недавно стала индустриальной державой и была в экономическом отношении слабее России, значительные усилия, которые страна потратила на создание современных вооруженных сил, не прошли даром. Япония обладала более чем трехкратным преимуществом над Россией в живой силе в дальневосточном регионе. Несмотря на одинаковое количество броненосцев, русский тихоокеанский флот был намного слабее японского².

Следует отметить, что Японию правящие круги России воспринимали «как противника, представлявшего этнически, культурно, религиозно чуждую, “иную” цивилизацию... Эти штампы восприятия сводились в основном к нескольким обобщенным представлениям о

¹ Сениявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 27.

² См.: История Японии. XX в. М., 2007. С. 22.

японцах как “азиатах”, язычниках, а значит, не просто “других”, но еще и отсталых... варварах»³.

Показательно, что сам император Николай II японцев не любил и относился к ним как к «макакам». Так же к ним относилось и «высшее общество», и генералитет, и офицеры.

Высшее петербургское общество было разделено на две группы. Одна из них, заинтересованная в колониальной экспансии в Корею и Манчжурию, и, соответственно, в выведении из игры основного конкурента, которым была Япония. Эта группировка получила название «безобразовской клики» (по имени члена особого комитета по делам Дальнего Востока А. М. Безобразова).

Ярким представителем этой «клики» был генерал Куропаткин, во время войны возглавивший русскую армию. После своего визита в Японию в 1903 г. он уверял всех в неподготовленности Японии к войне, при этом считая само начало военных действий между Россией и Японией невозможным.

Представителем другой группировки был адмирал Алексеев – наместник императора на Дальнем Востоке. «Он приходил к тому же выводу о необходимости первыми начать войну против Японии, но исходя из совершенно иных посылок: адмирал был хорошо осведомлен о действительной обстановке в регионе и реальной силе японцев, а также о фактической неизбежности войны и готовности противника напасть первым»⁴.

Статья «Мысли вслух», опубликованная в 10-м номере газеты «Байкал», может служить примером восприятия японцев как «варваров»: «Очевидно, наше правительство до последнего момента думало, что имеет дело с цивилизованной державой, однако оказалось, что японца и скоблить не нужно, чтобы в нем обнаружился азиат»⁵.

В номере «Уральской жизни» от 3 января 1904 г. помещена статья, завершающаяся следующим выводом: «Поэтому японское правительство имеет слишком много причин не желать войны с Россией и предпочесть худой мир доброй ссоре»⁶. Создается впечатление, что в редакции газеты верили, что Япония в принципе напасть не посмеет.

³ Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 28.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Мысли вслух // Байкал. 1904. № 10. С. 3.

⁶ Уральская Жизнь. 1904. 3 (16) января. С. 3.

Однако в номере газеты «Урал» от 3 (16) января 1904 г. было сказано следующее: «Японии, по-видимому, нельзя отступить... Никакого иного решения японско-русского конфликта, кроме объявления войны, кажется, быть не может...»⁷.

В 15 номере газеты «Байкал» было помещено мнение неназванного по имени офицера о японцах. «Японцы, при всей своей храбрости, все же только усердные, но не даровитые ученики европейцев. Присматриваясь к ним в мирное и в военное время, я не раз удивлялся их неудержимому стремлению к подражательности, без способности разумно применять то, что усвоено от учителей»⁸.

В 1903 г. в «Изборнике разведчика» была опубликована статья штабс-капитана Бурского «Японская армия». Автор признавал отдельные успехи японцев, но в целом остался об их армии невысокого мнения: «Вот почему если с одной стороны японская армия уже давно не азиатская орда, а... организованное по европейскому шаблону более или менее хорошо вооруженное войско, то с другой стороны все же она не настоящая европейская армия... Пройдет еще много лет, пока... ей станет по плечу тягаться хотя бы с одной из самых слабых европейских держав»⁹.

Отношение к желтой опасности в предвоенной печати было двойственным. С одной стороны, были распространены мнения, сходные с вышеприведенным суждением штабс-капитана Бурского. А с другой стороны, появлялись и такие слова: «Токийский корреспондент польской газеты “Krai”... касается в своей интересной статье и сокровенно затаенных политических идеалов сынов страны Восходящего солнца... Корея, где японское влияние уже значительно, служит предметом ее вожделений... То же угрожает и какой-либо окраине Южного Китая. И, возможно, – кто же может знать, – прежний перл Испании, Филиппины, которыми ныне заправляют гордые янки, когда-нибудь получат японского генерал-губернатора»¹⁰.

Уже после начала военных действий, была опубликована статья «"Желтая" опасность». В ней говорилось об угрозе, которую несет Западу Япония и пробуждающаяся Азия: «Фантом “желтой” опасности, ранее бывший посмешищем общеевропейского скептицизма, оказалась возможной, и, быть может, не далекой действительностью... Старая

⁷ Урал. 1904. 3 (16) января. С. 2.

⁸ К событиям на Дальнем Востоке // Байкал. 1904. № 15. С. 2.

⁹ *Штабс-капитан Бурский. Японская армия* // Изборник разведчика. СПб., 1903. С. 67.

¹⁰ Уральская жизнь. 13 (26) января 1904 г. С. 3.

ненависть к христианству и белой расе, затаенная злоба против властной Европы сказалась с новой силой»¹¹.

Далее в статье рассказывалось о появлении нового вида азиата – *азиата культурного*, который, несмотря на европейскую одежду и заимствование некоторых черт западной культуры, «остается тем же варваром, каким был тысячи лет назад»¹². Но от пренебрежительной оценки японской армии не осталось и следа: «Итоги семимесячной кампании в Манчжурии убедительно показали всю страшную материальную силу Японии, как врага... всего христианства и его мирозерцания»¹³. Потребовалось семь месяцев, прежде чем японцев стали воспринимать как равного противника. В самом начале войны господствовали другие настроения. Например, адмирал Скрыдлов говорил, что «Япония противник не опасный, но достойный»¹⁴. Непосредственно в день начала военных действий было сказано: «Война с Японией России совершенно не страшна»¹⁵.

Подводя итоги, можно сказать, что отношение к Японии было в русском сознании двойственным. С одной стороны, много говорилось об опасности объединения Азии под японской гегемонией и о том, какую опасность может представлять подобный союз западной цивилизации. С другой стороны, Японию не воспринимали как сильного противника.

Чем же была вызвана такая двойственность? Возможно, здесь сыграло свою роль высокомерное, пренебрежительное отношение западного человека к Азии. Ведь Япония вышла на международную арену всего за пятьдесят лет до описываемых событий. Вестернизация же Японии была, воспринята, как попытка слепо скопировать западные образцы без понимания их сути. Разумеется, это не могло не вызвать некоторого пренебрежения. Однако история XX в. убедительно показала, что Япония – прекрасный ученик европейской цивилизации и эта страна смогла войти в число наиболее развитых государств мира. Угнаться за Японией оказалось невозможным целому ряду стран, где пренебрежение к Японии проявлялось на самом высоком уровне.

¹¹ *Вожин П.* «Желтая опасность» // *Летопись войны с Японией*, 1904. С. 462.

¹² Там же. С. 463.

¹³ *Вожин П.* «Желтая опасность» // *Летопись войны с Японией*, 1904. С. 463.

¹⁴ *Урал*. 1904. 30 января (12 февраля). С. 2.

¹⁵ *Урал*. 1904. 27 января (9 февраля). С. 2.

«КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ СССР»: СОЗДАНИЕ СТАБИЛЬНОГО УЧЕБНИКА ДЛЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

Е. О. Щеголькова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

3 марта 1936 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с кратким содержанием сведений по всеобщей истории»¹. Согласно сохранившейся справке, в конкурсе приняли участие не профессиональные историки, а учителя, пропагандисты, «обычные рабочие и колхозники»². Всего на конкурс было представлено 46 рукописей.

Вплоть до подведения итогов была проделана огромная работа, которая была организована в несколько этапов: с весны до середины июля 1936 г. – осуществлялся прием рукописей, с июля 1936 г. по январь 1937 г. – проводилось рецензирование полученных материалов, апробация в школах, выявление потенциальных победителей, с января по август 1937 г. – доработка наиболее удачных учебников, создание макетов, повторное рецензирование и подведение окончательных итогов.

На одном из промежуточных заседаний конкурсного жюри 25 января 1937 г. были выявлены наиболее удачные учебники. По мнению председателя комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по учебникам истории и председателя конкурсного жюри А. А. Жданова, члены жюри на данном этапе не могли определить лучший «бесконкурентный» учебник, так как НКП должен будет «ввести» его для преподавания, что было невозможно по причине наличия у всех учебников значительных недостатков³. А. А. Жданов предложил поделить отобранные 7 конкурсных учебников на две группы: для старшей школы (учебник под девизом «Восток», учебник А. М. Панкратовой, учебник В. Н. Бернад-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 359. Л. 2.

² Фамилии, инициалы указаны согласно архивным материалам: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 359. Л. 185–186.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 359. Л. 171.

ского и Т. С. Карповой) и для начальной школы (учебник И. И. Минца, М. В. Нечкиной и К. Э. Генкиной, учебник под девизом «Любить свою родину и знать ее историю», учебник под девизом «Самым счастливым ребятам в мире» и учебник педагогического института имени А. С. Бубнова) с целью их дальнейшей оценки и переработки.

Преимущества в изложении материала по истории СССР были на стороне учебника под девизом «Самым счастливым ребятам в мире», но сам учебник был не дописан, его повествование обрывалось на XIX веке. Иначе обстояли дела с работой педагогического института А. С. Бубнова: учебник был завершен, но материал излагался в нем «схематично, сжато» и недоступным языком. Хотя обе эти рукописи обладали и другими недостатками, тем не менее авторам предложили их доработать.

О том, что учебник педагогического института имени А. С. Бубнова был частично переписан, свидетельствует фонд И. В. Сталина в Российском Государственном архиве социально-политической истории, где находится несколько сохранившихся макетов этого учебника, просмотренных Сталиным, с пометками в тексте⁴.

Один из первых вариантов макета данного учебника у И. В. Сталина имелся в двух экземплярах⁵. В них он делал свои пометки. Но так как первый вариант был отпечатан некачественно, при переплете некоторые листы повторялись, а другие исчезли, Иосифу Виссарионовичу был представлен еще один учебник из этого тиража. Во втором экземпляре он не повторял те исправления, которые отметил в первом.

Более поздние варианты учебников под редакцией А. С. Шестакова (составленных авторским коллективом московского педагогического института имени А. С. Бубнова), исправлены с учетом некоторых замечаний И. В. Сталина. Более поздний исправленный макет учебника авторского коллектива под руководством профессора А. В. Шестакова вышел в 1937 г.

Сталин, просматривая данный макет учебника, вносил в него некоторые поправки. Во-первых, он изменил название учебника на

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 375. Элементарный курс истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории / сост. кафедрой истории Московского государственного педагогического института им. А. С. Бубнова под руководством проф. А. В. Шестакова. М.: УЧПЕДГИЗ, 1937.

⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 374 – бракованный учебник под редакцией А. В. Шестакова. Д. 375 – нормальный учебник.

«Краткий курс истории СССР» (без примечания «с краткими сведениями по всеобщей истории»). Начиная с первых листов учебника, И. В. Сталин вносил изменения в текст. Всего им было исправлено из 222 страниц – 194.

Частично были учтены замечания историков к данному макету учебника: С. К. Бушуева⁶, заведующего кабинетом истории СССР при АН, профессора В. И. Пичета, С. В. Бахрушина, профессором МГУ⁷. Эти замечания легли в основу следующего макета учебника, который появляется позже под названием «Краткий курс истории СССР» под редакцией профессора А. В. Шестакова. Он просматривался некоторыми представителями Политбюро, например К. Е. Ворошиловым⁸. Именно этот макет учебника в дальнейшем и был утвержден в качестве стабильного учебника по истории СССР для начальной школы.

22 августа 1937 г. в газете «Правда» вышла статья «Знать историю народов СССР», в которой было написано о завершении работы над учебником по истории СССР. Учебник А. В. Шестакова был объявлен учебником, который «...прочтет с интересом вся учащаяся молодежь. Его изучат все преподаватели истории. Этим учебником открывается широкое и плодотворное изучение и преподавание одной из важных наук в системе общего образования и политического воспитания советского гражданина – науки истории...»⁹. На второй странице газеты было опубликовано «Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР».

В августе 1937 г. начался процесс выпуска нового учебника. Это также освещалось в прессе¹⁰. Кроме того, в августе выходили статьи «рекламного характера» о новом учебнике¹¹, о проделанной работе над созданием учебника, в которых указывалось, что авторская группа при подготовке учебника изучила «...методику всех старых учебников издававшихся в России, и всех европейских и американских...»¹².

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 365. Л. 166–169.

⁷ Там же. Л. 74–85.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 373. Л. 5.

⁹ «Правда» № 231 (7197) от 22 августа 1937 г. С. 1–2.

¹⁰ «Правда» № 233 (7199) от 24 августа 1937 г. С. 3; «Правда» № 238 (7204) от 29 августа 1937 г. С. 6.

¹¹ «Правда» № 234 (7200) от 25 августа 1937 г. С. 2–3.

¹² «Правда» № 238 (7204) от 29 августа 1937 г. С. 6.

27 августа 1937 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании истории не только в 3–4 классах по учебнику Шестакова А. В., но и в 5, 6, 7 классах «впредь до появления более пространный учебника по истории СССР»¹³.

Таким образом, история создания первого стабильного учебника по истории СССР для начальной школы уникальна: во-первых, данный процесс протекал в русле реформы школьного и исторического образования, во-вторых, особый отпечаток на работу авторских коллективов и комиссии наложили политические процессы, происходящие в обществе, в-третьих, особое внимание высшего руководства страны и лично И. В. Сталина доказывает тезис о беспрецедентности данного факта.

¹³ Историю – в школу: создание первых советских учебников // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2008. С. 265; АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 55. Л. 115.

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ТРУДОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ 1930–1950-е гг.¹

А. А. Яскунова

(Вологодский государственный педагогический университет)

Изучение советской повседневности в целом и трудовой повседневности в частности неизбежно сталкивается с источниковедческой проблемой. По мнению современных исследователей, изучение истории «снизу и изнутри» невозможно без анализа источников личного происхождения, а именно писем. Рассмотрим особенности данных источников для изучения трудовой повседневности северной деревни 1930–1950-е гг.

Одним из самых распространенных средств массовой коммуникации в советское время являлись письма. Письма затрагивают корневые, микроскопические формы бытия, содержат множество сведений по истории повседневности. Разносторонний характер содержания писем позволяет в равной мере рассматривать события экономической, политической, социально-культурной истории, пропущенные через личный опыт их авторов². С точки зрения видов принадлежности письма можно рассматривать в некоторых ипостасях: 1) как газетный жанр; 2) как разновидность делопроизводственных документов, т. е. послание в государственные и общественные учреждения; 3) письма известным политическим деятелям, артистам, писателям и т. д.; 4) как разновидность эпистолярного жанра, т. е. частная переписка³.

¹ Тезисы подготовлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 12–31–01305.

² Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник / А. К. Соколов, Ю. П. Бокарев, Л. В. Борисова и др. / под ред. А. К. Соколова. М.: Высш. шк., 2004. С. 355.

³ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. С. 641.

Огромный поток писем приходил в СМИ. Редакции газет наладили широкую сеть сельских корреспондентов на местах – рабселькопов. Для исследователя, изучающего вопросы сельской трудовой повседневности, особый интерес представляют письма в «Крестьянскую газету». Письма отложились в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ. Ф. 396). Коллекция писем «единственная в российских архивах, которая дает возможность систематически работать с письмами как органически сложившимся комплексом источников с широким охватом пишущей аудитории и разнообразием тематики»⁴. Особенностью работы с данными источниками является необходимость вычленения региональных материалов, что значительно сужает количество отложившихся писем. В региональных архивах Архангельской и Вологодской областях отложились неопубликованные письма в газеты «Красный Север» (ГАВО⁵. Ф. 1394) и «Правда Севера» (ГААО⁶. Ф. 3066).

Среди делопроизводственной переписки также можно обнаружить письма рядовых колхозников. Зачастую такая переписка сохранилась в связи с выходом какого-либо постановления партии или правительства. Так, большой объем писем отложился в центральных и региональных архивах в свете выхода ряда постановлений о «Ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели»⁷. Важный пласт писем по истории послевоенной деревни отложились в Фонде совета по делам колхозов. (РГАЭ. Ф. 9476). В фонде отложились жалобы и заявления колхозников, докладные записки и справки председателей Совета по различным областям, отчетные материалы о ходе ликвидации нарушения устава сельскохозяйственной артели в колхозах⁸. Письма известным политическим деятелям отложились в центральных архи-

⁴ Голоса народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1997. С. 7.

⁵ ГАВО – Государственный архив Вологодской области.

⁶ ГААО – Государственный архив Архангельской области.

⁷ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23.05.1939 г. «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания» Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19.09.1946 . «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели».

⁸ Подробнее см.: Яскунова А. А. Жалобы колхозников Русского Севера в фонде Совета по делам колхозов (РГАЭ) как исторический источник // Вестник Череповецкого государственного университета: № 3. 2012. С 44–46.

вах, в особенности в РГАСПИ⁹. Проблемы сельской повседневности охватывает фонд А. А. Андреева (РГАСПИ. Ф. 73). Анализ данных источников несомненно занимает важное место в работе историка, но он труден для вычленения и требует больших временных затрат, так как фонды в основном структурированы в алфавитном порядке.

Данные материалы дают возможность проследить следующие аспекты трудовой повседневности колхозной деревни: особенности организации трудовой деятельности в колхозах, распределения трудовой, межличностные взаимоотношения между различными социальными группами в колхозах. Важнейшим для исследователя, изучающего повседневную трудовую деятельность колхозников, является взгляд самих крестьян на организацию труда, их желание или нежелание работать в тех или иных условиях. Писем, характеризующих объективную оценку повседневной трудовой деятельности, не много.

По большей части среди неопубликованных сохранились материалы публицистического или творческого характера, а также «хвалебные» письма в адрес партии и правительства. С другой стороны, большой пласт писем, несущих конкретную негативную оценку деятельности председателей колхозов, бригадиров или звеньевых, выполняющих роль организаторов повседневного труда колхозника, достаточно трудно (в отрыве от контекста) проанализировать объективно. Так или иначе, исследователь сталкивается с проблемой анализа таких писем. Несомненно, в данном случае огромным подспорьем может стать привлечение других источников, в особенности материалов устной истории, фольклора, а также воспоминаний.

⁹ РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — автономная область

АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский союз молодежи

вуз — высшее учебное заведение

ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

г. — год, город

га — гектар

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

горисполком — исполнительный комитет городского совета депутатов трудящихся

горком — городской комитет

гороно — отдел народного образования горисполкома

горрайком — районный комитет в городе

горсовет — городской совет депутатов трудящихся

Д. — дело

зав. — заведующий

зам. — заместитель

им. — имени

исполком — исполнительный комитет совета депутатов трудящихся

кв. — квадратный

кВт — киловатт

КГБ — Комитет государственной безопасности

км — километр

колхоз — коллективное хозяйство

компартия — коммунистическая партия

комсомол — Коммунистический союз молодежи

коп. — копейка

КП — коммунистическая партия

КП(б) — коммунистическая партия (большевиков)

крайисполком — исполнительный комитет краевого совета депутатов трудящихся

крайком — краевой комитет

куб. — кубический

л. — лист

м — метр

млн — миллион

млрд — миллиард

МТС — машинно-тракторная станция

НО — национальный округ

обком — областной комитет

обл. — область, областной

облисполком — исполнительный комитет областного совета депутатов трудящихся

Оп. — опись

оргбюро — организационное бюро

орготдел — организационный отдел

п. — поселок

партактив — собрание партийного актива

партком — партийный комитет

партконференция — партийная конференция

парторг — партийный организатор

парторганизация — партийная организация

парторганы — партийные органы

партишкола — партийная школа

Политбюро — Политическое бюро ЦК ВКП(б)

пом. — помощник

пос. — поселок

пред. — председатель

профсоюз — профессиональный союз

р. — река

райисполком — исполнительный комитет районного совета депутатов трудящихся

райком — районный комитет

райцентр — районный центр

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

РК — райком

р-н — район

РОНО — районный отдел народного образования

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль

с. — село

стр. — страница

с.г. — сего года

совхоз — советское хозяйство

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

С-т — Секретариат

т — тонна

т., тов. — товарищ

тыс. — тысяча

уком — уездный комитет

Ф. — фонд

ц — центнер

ЦК — Центральный комитет

чел. — человек

экз. — экземпляр

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авакян Дарья Айрапетовна — соискатель факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, avakyan88@mail.ru

Адоньева Инесса Геннадьевна — доцент кафедры истории и политологии факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета, к.и.н., adoinessa@yandex.ru

Алексашина Мария Геннадьевна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, saschina.m@yandex.ru

Апальков Дмитрий Игоревич — студент исторического факультета МГУ им. и М. В. Ломоносова, apal_d@mail.ru

Артамонова Жанна Владимировна — главный специалист РГАСПИ, к.и.н., Xoreks@yandex.ru

Архипова Мария Николаевна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, mari.arhipova@gmail.com

Ахметова Анна Валинуровна — кафедры истории и архивоведения гуманитарного факультета Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, к.и.н., wyrds@rambler.ru

Баканов Алексей Иванович — специалист 1-й категории РГАСПИ, к.и.н., aleksej-bakanov@yandex.ru

Баташова Ася Сергеевна — аспирантка факультета истории и права ТГПУ им. Л. Н. Толстого, batashova-asya@ua.ru

Батиев Максим Владимирович — научный сотрудник РНИИ Культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, bmv@list.ru

Беляева Елена Игоревна — студентка заочного отделения специальности «Историко-архивоведение» ИАИ РГГУ, ellebelyaeva@gmail.com

Бобровских Екатерина Викторовна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, katrin-br-br@mail.ru

Бодрова Юлия Викторовна — старший преподаватель кафедры социально-культурного сервиса исторического факультета ТвГУ, к.и.н., bodrovay@mail.ru

Болдин Владимир Алексеевич — студент факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, bolda5@yandex.ru

Большакова Ольга Валерьевна — аспирантка факультета истории и права ТГПУ им. Л. Н. Толстого, bolshackova.o@mail.ru

Бондаренко Владимир Игоревич — аспирант кафедры новейшей отечественной истории Кубанского государственного университета, bondarenko89@list.ru

Бочарова Маргарита Анатольевна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, margaret.bocharova@gmail.com

Булгакова Оксана Владимировна — младший научный сотрудник отдела истории Украины второй половины XX столетия Института истории Украины Национальной академии наук Украины, hbulgakovao@ukr.net

Бурица Екатерина Евгеньевна — аспирантка факультета истории и права ТГПУ им. Л. Н. Толстого, brc_ktrn@mail.ru

Ведерников Антон Вячеславович — аспирант факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, anton.vedernikov@gmail.com

Ведерникова Алена Вячеславовна — магистрант ЧелГУ, aluona@yandex.ru

Веселов Александр Александрович — ассистент кафедры истории и культурологии НИУ «МЭИ», к.и.н., ostash@yandex.ru

Гавриловец Людмила Владимировна — методист высшей категории отдела историко-обществоведческого и социокультурного образования Национального института образования Министерства образования Республики Беларусь, к.и.н., lussjawlad@mail.ru

Голдинова Дарья Альбертовна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, dashagoldinova@mail.ru

Горобий Алексей Викторович — соискатель кафедры философии и теории культуры исторического факультета ТвГУ, к.и.н., alexogor@mail.ru

Горохов Андрей Анатольевич — аспирант факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, studes@yandex.ru

Горшенин Александр Владимирович — студент ПГСГА (г. Самара), aleksandr_gorshenin@rambler.ru

Гусев Алексей Геннадьевич — соискатель факультета истории, управления и сервиса Московского государственного областного социально-гуманитарного института, miracle-gusev@rambler.ru

Даревская Яна Николаевна — магистр истории, н.с. НОЦ «История советской и постсоветской России» СмолГУ, yana.dare@yandex.ru

Десятков Константин Станиславович — доцент кафедры всеобщей истории НовГУ, к.и.н., des-con@yandex.ru

Емельянов Евгений Павлович — аспирант Института истории и археологии УрО РАН, sverdlvsk89@mail.ru

Емельянова Анна Вячеславовна — соискатель кафедры архивоведения и государственного управления Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, annet1986@list.ru

Еремин Михаил Васильевич — студент исторического факультета СВГУ, mihaylo93@mail.ru

Ерохина Ольга Викторовна — заведующая кафедрой истории и теории общественного развития и права Урюпинского филиала Волгоградского государственного университета, д.и.н., erohina1@mail.ru

Ефимов Андрей Александрович — аспирант исторического факультета СПбГУ, aaefimov5@gmail.com

Журкина Анастасия Александровна — студентка бакалавриата по направлению «Документоведение и архивоведение» ИАИ РГГУ, nastasjatauron@gmail.com

Забельникова Ольга Васильевна — старший научный сотрудник лаборатории социокультурного образования научно-методического учреждения «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь, к.и.н., zov2907@yandex.ru

Зайцева Анна Викторовна — аспирант Московского государственного университета печати им. Ивана Федорова, anna.zaytseva.shesternina@gmail.com

Игошина Ольга Юрьевна — доцент Медицинского института «РЕАВИЗ» (г. Самара), к.и.н., bushuevaou@rambler.ru

Карпук Дмитрий Андреевич — преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии, кандидат богословия, студент исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, dimand3@yandex.by

Кирова Мария Ильинична — студент исторического факультета БГУ, Республика Беларусь, mariakirowa@gmail.com

Клименко Оксана Михайловна — студентка Национального университета «Киево-Могилянская академия» (Украина), KlymenkoOksana@ukr.net

Ковтуненко Марина Константиновна — аспирантка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, mk.kovtunenکو@gmail.com

Козлова Анастасия Михайловна — аспирантка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, am.kozlova2011@yandex.ru

Колдушко Анна Анатольевна — доцент кафедры государственного управления и истории гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета, к.и.н., koldushko@mail.ru

Колодезникова Наталья Николаевна — главный советник Постоянного представительства Республики Саха (Якутия) при Президенте РФ, tashannk@mail.ru

Комкова Мария Станиславовна — аспирантка Брянского государственного университета им. ак. И. Г. Петровского, преподаватель кафедры теории и методики довузовского образования РГСУ, komkovamaria@mail.ru

Комочев Никита Алексеевич — преподаватель кафедры археографии ИАИ РГТУ, научный сотрудник отдела археографии Института славяноведения РАН, к.и.н., komni@list.ru

Конonenко Анатолий Анатольевич — профессор кафедры социальных наук Тюменского государственного нефтегазового университета, д.и.н., a-kononenko@yandex.ru

Космач Павел Геннадьевич — доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета БГУ (Республика Беларусь) к.и.н., hist2014@yandex.ru

Косырева Екатерина Вячеславовна — руководитель Группы комплектования личными фондами ученых и их научного описания Архива РАН, к.и.н., katya_ran@mail.ru

Кочетова Анна Сергеевна — главный специалист РГАСПИ, ассистент факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, к.и.н., anna-koch@bk.ru

Кошемчук Ксения Леонидовна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, kosh11@yandex.ru

Кравченко Татьяна Михайловна — лаборант отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. (музей М. В. Ломоносова) МАЭ РАН (г. Санкт-Петербург), krav.d@mail.ru

Крякин Евгений Николаевич — аспирант кафедры истории и политологии Института государственного управления и права ГУУ, evgeniyasket@gmail.com

Кудрявцева Ольга Александровна — студентка исторического факультета СВГУ, olli_kudl@mail.ru

Кузьминых Александр Леонидович — доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, к.и.н., istorial@mail.ru

Кукиль Николай Владимирович — ведущий специалист РГАСПИ, аспирант факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, nikolai.kukil@yandex.ru

Куликов Владимир Александрович — доцент исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (Украина), к.и.н., vlkulikov@gmail.com

Лаптева Татьяна Николаевна — младший научный сотрудник Архива РАН, lapti-stv@yandex.ru

Ларина Олеся Николаевна — аспирантка факультета истории и права ТГПУ им. Л. Н. Толстого, ole-88@mail.ru

Лобачева Ирина Николаевна — аспирантка факультета истории и права ТГПУ им. Л. Н. Толстого, irina3478@yandex.ru

Лозбенев Игорь Николаевич — специалист Московского финансово-юридического университета, к.и.н., igor_1511@mail.ru

Луговцова Марина Юрьевна — студентка исторического факультета Институт гуманитарных наук и искусств УрФУ, sailor@e1.ru

Лукашин Александр Владимирович — главный специалист РГАСПИ, ассистент факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, к.и.н., alexlukashin@mail.ru

Лупанова Евгения Михайловна — старший научный сотрудник МАЭ РАН (г. Санкт-Петербург), к.и.н., lupanova@kunstkamera.ru

Максимчик Андрей Николаевич — старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Минского филиала Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (Республика Беларусь), forest_child@list.ru

Манухин Алексей Анатольевич — аспирант исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, warcraftdouble@yandex.ru

Милованов Константин Юрьевич — ученый секретарь Института культурологии образования Российской академии образования, к.и.н., milkonst82@mail.ru

Мокина Наталья Николаевна — соискатель кафедры отечественной истории и археологии исторического факультета ПГСГА, mokinann@mail.ru

Нарский Андрей Ростиславович — ведущий инженер ФГУП «ВИАМ», Andrey-n2007@yandex.ru

Наследов Вадим Георгиевич — студент гуманитарного факультета Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, vadim_91_@mail.ru

Никовырин Никита Евгеньевич — студент дневного отделения бакалавриата по направлению «Документоведение и архивоведение» ИАИ РГГУ, nikitaf91@gmail.com

Нурсултанова Лязат Нурбаевна — профессор кафедры ОО и СГД Казахской инженерно-технической академии (Республика Казахстан), д.и.н. 2012Nura@bk.ru

Опилкин Алексей Сергеевич — сотрудник ректората МГУ им. М. В. Ломоносова, к.и.н., aleksey_opilkin@mail.ru

Пеганов Александр Олегович — ассоциированный исследователь Университета Дени Дидро (Франция), аспирант БГУ (Республика Беларусь), магистр, pihahanau@gmail.com

Полищук Виктория Альфредовна — главный архивист ГАСО (г. Екатеринбург), vikavinnizza@gmail.com

Прокудин Борис Александрович — старший преподаватель факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, к.п.н., pprobor@bk.ru

Пысин Анатолий Алексеевич — главный архивист ЦДООСО (г. Екатеринбург), anatoly-pysin@yandex.ru

Радков Алексей Владимирович — старший преподаватель кафедры истории и политологии СГАУ им. С. П. Королева (г. Самара), к.и.н., radkov1977@mail.ru

Радова-Каранастас Ольга Константиновна — старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра АТО Гагаузия Республики Молдова, ученый секретарь Ассоциации ученых Молдовы им. Н. Милеску Спатару, к.и.н., rolgaks@yahoo.com

Раздина Наталия Владимировна — аспирантка исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, whentheclouds@mail.ru

Раттур Мария Владимировна — доцент кафедры истории Отечества РГСУ, к.и.н., Rattur@yandex.ru

Репин Виталий Валерьевич — преподаватель кафедры истории южных и западных славян исторического факультета БГУ (Республика Беларусь), к.и.н., 9a9a9a9@gmail.com

Ретьева Анастасия Михайловна — специалист по УМР, преподаватель факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, anastasia_re89@yahoo.com

Рокутова Ольга Александровна — старший преподаватель Самарского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения РФ, к.и.н., helgar@newmail.ru

Рочева Анжела Вячеславовна — преподаватель Ухтинского индустриального техникума, rocheva-1975@mail.ru

Рычкова Мария Валерьевна — аспирант факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, evrychikova@rambler.ru

Семенова Наталья Валерьевна — старший преподаватель СПбГУ, сотрудник Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, nathalja.v.semenova@gmail.com

Сергеев Всеволод Николаевич — доцент Московского государственного университета путей сообщений, к.и.н., vsevolod_sergeev@inbox.ru

Сетов Никита Романович — ассистент факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, к.п.н., nsetov@gmail.com

Син Се Ра — аспирантка Института востоковедения РАН, serajouya@mail.ru

Синицын Федор Леонидович — докторант ИРИ РАН, к.и.н., permcavt@gmail.com

Словеснова Наталья Владимировна — аспирантка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, slovesnova-natalia@yandex.ru

Сорокопудова Ольга Евгеньевна — младший научный сотрудник факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, к.и.н., srkpdv@gmail.com

Стрекалов Илья Николаевич — студент юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, strek93@mail.ru

Суббота Елена Леонидовна — аспирантка ИРИ РАН, melena1@mail.ru

Сукоркина Екатерина Сергеевна — студентка гуманитарного факультета Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, angel496814@mail.ru

Султангузина Гульфия Юнировна — научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, к.и.н., sultanguzhina@rambler.ru

Суслов Алексей Юрьевич — доцент кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета, к.и.н., PLUSHA131333@yandex.ru

Суходоева Екатерина Алексеевна — студентка исторического факультета ЧелГУ, katesox@mail.ru

Тальская Ольга Дмитриевна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, ollytalsky@gmail.com

Терещенков Леонид Евгеньевич — независимый исследователь, к.и.н., tereshenkovster@gmail.com

Тихонов Виталий Витальевич — научный сотрудник ИРИ РАН, к.и.н., tihonovvitaliy@list.ru

Томей Лидия Игоревна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, ly.tomey@gmail.com

Тумаков Денис Васильевич — старший преподаватель кафедры истории и философии Ярославской государственной медицинской академии Минздрава России, к.и.н., denistumakov@yandex.ru

Уайсова Шынар Нуржановна — старший преподаватель кафедры ОО и СГД Казахской инженерно-технической академии (Республика Казахстан), магистр, shynar1977@mail.ru

Устюгова Галина Игоревна — аспирант исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, galina23.11@mail.ru

Фадеев Лев Андреевич — аспирант исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, lev13fadeev@yandex.ru

Федорец Анна Ильинична — аспирант МГУ им. М. В. Ломоносова, fedoretsanna@mail.ru

Фернандес-Эрес Анна Павловна — специалист РГАКФД, annafernandes@yandex.ru

Фокеева Елена Константиновна — профессор Поволжского института управления им. П. А. Столыпина (г. Саратов), e.fokeeva@mail.ru

Фокин Александр Александрович — доцент кафедры новейшей истории России ЧелГУ, aafokin@yandex.ru

Фокина Юлия Владимировна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, gaye041@gmail.com

Фролова Ольга Юрьевна — заведующая сектором Научной библиотеки МГУ, учащаяся Французского университетского колледжа при МГУ им. М. В. Ломоносова, ola.fro@yandex.ru

Хворов Дмитрий Андреевич — студент факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, hvorov.dmitriy@gmail.com

Хворых Ксения Юрьевна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, xepos29@mail.ru

Цыганова Ангелина Валерьевна — ассистент исторического факультета ТвГУ, t-angelina@yandex.ru

Чарушкин Илья Валерьевич — аспирант кафедры истории и политологии Института государственного управления и права ГУУ, fogillias@gmail.com

Черненко Жанна Игоревна — соискатель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, miseret@gmail.com

Чирков Илья Сергеевич — главный архивист ЦАОПИМ, otudelcaopim@mail.ru

Шарифов Мехти Шаматович — докторант Литературного института им. М. А. Горького, к.ф.н., sharifov_mekhti@yahoo.com

Шаронин Дмитрий Анатольевич — ведущий специалист филиала РГАНТД (г. Самара), dmtr_shrnn@rambler.ru

Шешнина Анастасия Ивановна — магистрант магистерской программы «Управление документацией и документальным наследием в условиях российских модернизаций» ИАИ РГГУ, geroinyaskazok@mail.ru

Шилова Ирина Сергеевна — Ученый секретарь Ученого совета Пермского института ФСИИ России, iris.she@yandex.ru

Шмакова Анна Игоревна — студентка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, shmakova_anna@bk.ru

Шпенёв Александр Александрович — главный специалист ГАСО (г. Екатеринбург), Sashimoto@yandex.ru

Щеголькова Елена Олеговна — аспирантка исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, pereppisska@mail.ru

Яскунова Анна Александровна — аспирантка исторического факультета Вологодского государственного педагогического университета, anna-mikshina@rambler.ru

СПИСОК ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРИНИМАЮЩИХ УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИИ «КЛИО-2013»

Российский государственный архив социально-политической истории

Российский государственный архив кинофотодокументов

Российский государственный архив научно-технической документации

Архив Российской академии наук

Центральный архив общественно-политической истории Москвы

Государственный архив Свердловской области

Центр документации общественных организаций Свердловской области

Государственный архив Тульской области

Институт российской истории РАН

Институт всеобщей истории РАН

Институт востоковедения РАН

Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Исторический факультет

Факультет политологии

Факультет государственного управления

Французский университетский колледж при МГУ им. М. В. Ломоносова

Санкт-Петербургский государственный университет

Историко-архивный институт Российского государственного
гуманитарного университета

Российский государственный социальный университет

Государственный университет управления

Научно-исследовательский университет «Московский
энергетический институт»

Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова
Московский государственный университет путей сообщений
Московский государственный областной социально-гуманитарный институт
Институт культурологии и образования Российской академии образования
Всероссийский научно-исследовательский институт
авиационных материалов
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
«Кунсткамера» РАН (Санкт-Петербург)
Московский финансово-юридический университет
Литературный институт им. М. А. Горького
Северо-Восточный государственный университет
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тверской государственный университет
Институт гуманитарных наук и искусств Уральского
федерального университета
Челябинский государственный университет
Новосибирский государственный технический университет
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
Вологодский институт права и экономики Федеральной службы
исполнения наказаний
Кубанский государственный университет
Урюпинский филиал Волгоградского государственного университета
Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского
Ухтинский индустриальный техникум
Смоленский государственный университет
Научно-исследовательский институт культурного и природного
наследия им. Д. С. Лихачева
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний
Казанский национальный исследовательский технологический университет
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина

Самарский государственный медицинский университет

Министерства здравоохранения РФ

Самарский Государственный Аэрокосмический Университет

им. С. П. Королева

Медицинский институт «РЕАВИЗ», г. Самара

Постоянное представительство Республики Саха (Якутия)

при Президенте РФ

Тюменский государственный нефтегазовый университет

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

Белорусский государственный университет (Республика Беларусь)

Национальный институт образования Министерства образования

Республики Беларусь

Минский филиал Московского государственного университета

экономики (Республика Беларусь)

Институт истории Украины Национальной академии наук Украины

(Республика Украина)

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

(Республика Украина)

Национальный университет «Киево-Могилянская академия»

(Республика Украина)

Казахская инженерно-техническая академия (Республика Казахстан)

Научно-исследовательский центр АТО Гагаузия Республики Молдова

Университет Оксфорда (Великобритания)

Королевский Университет Белфаста (Великобритания)

Университет Шеффилда (Великобритания)

Университет Лондона (Великобритания)

Королевский колледж Лондона (Великобритания)

Университетский колледж Лондона (Великобритания)

Университет Манчестера (Великобритания)

Университет Эдинбурга (Великобритания)

Университет Кембриджа (Великобритания)

Университет Дени Дидро (Франция)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. А. Авакян</i> Социально-политическое развитие Англии в первой половине XIX в.	5
<i>И. Г. Адоньева</i> Юстиция Северной Америки середины XIX в. (по материалам журнала «Русский вестник»)	10
<i>М. Г. Алексашина</i> Философия и политика: феномен шотландской школы эпохи Просвещения	14
<i>Д. И. Апальков</i> Болезнь Ленина и рождение «тройки»	18
<i>Ж. В. Артамонова</i> Московский открытый процесс 1936 г.: историографический аспект	23
<i>М. Н. Архипова</i> Польский вопрос в публицистике русских консерваторов середины XIX в. (М. П. Погодин, М. Н. Катков)	28
<i>А. А. Баканов</i> Отношение украинских и польских националистов к евреям в 1930-е гг.: попытка сравнительного анализа	32
<i>А. С. Баташова</i> Комиссия по делам несовершеннолетних в борьбе с детской беспризорностью и преступностью в 1920-е гг. в Туле	36
<i>М. В. Батшев, С. А. Трифонова</i> Современная электронная археология: Терминологические проблемы и достижения	41
<i>Е. И. Беляева</i> Московский археологический институт и возникновение археологии как учебной дисциплины.	45
<i>Е. В. Бобровских</i> Взаимосвязь «народного» и «общечеловеческого» в консервативной мысли России XIX века	54

Ю. В. Бодрова

Браки с инославными в среде провинциального чиновничества
первой половины XIX века (на материалах Тверской губернии) 58

В. А. Болдин

Иллиризм как феномен хорватского национального возрождения 62

О. В. Большакова

Основные направления деятельности охранных отделений в период
Первой русской революции (1907–1914 гг.)
(по материалам Рязанской губернии)..... 66

В. И. Бондаренко

Источники изучения природных и техногенных катастроф в СССР
и ликвидация их последствий 71

М. А. Бочарова

Консервативная волна в США..... 75

О. В. Булгакова

Научно-педагогическая интеллигенция в структуре интеллигенции
Украины в хрущевский период 79

Е. Е. Бурицева

Тульское купечество и его сословное самоуправление
в последней трети XIX — начале XX в..... 83

А. В. Ведерников

Административные реформы Н. С. Хрущева: региональный аспект
(1953–1964 гг.) 87

А. В. Ведерникова

Теория и практика мобилизационных реформ Ю. В. Андропова 90

А. А. Веселов

К вопросу о роли политического фактора в деятельности московских
профессиональных объединений художественной интеллигенции
на рубеже XIX–XX вв. 94

Л. В. Гавриловец

Проблема объединения Германии и позиция Польши
в середине 1950-х гг. 98

Д. Г. Голдинова

Представление Платона и Дж. Оруэлла о правильном и неправильном
государственном управлении..... 102

<i>А. В. Горбий</i> 1750–1850 гг.: «переломное время» европейской истории по теории Райнхарта Козеллека	106
<i>А. А. Горохов</i> Цензура и конституционные идеи в консервативной социально- политической мысли России первой половины XIX столетия	110
<i>А. В. Горшенин</i> История электротранспорта города Куйбышева в 1941–1945 гг. в документах местных архивов	115
<i>А. Г. Гусев</i> Факторы, влияющие на объективность исторической науки	120
<i>Я. Н. Даревская</i> Между обществом и властью: проект «Крестьянской газеты» и селькоровское движение 1920–1930-х гг.	124
<i>К. С. Десятков</i> Восприятие образа России ранними английскими просветителями	128
<i>Е. П. Емельянов</i> Н. В. Устюгов как историк колонизации Урала	133
<i>А. В. Емельянова</i> Мемуары об обучении купеческих детей в России в XVIII в.	137
<i>М. В. Еремин</i> Система административного деления и управления Северо-Востока России в XVIII–XIX вв.	141
<i>О. В. Ерохина</i> Концессионирование сельского хозяйства в экономической практике Советской России.	145
<i>А. А. Ефимов</i> Проекты строительства великокняжеских дворцов в Санкт-Петербурге в правление Александра II	151
<i>А. А. Журкина</i> «Monumenta Germaniae historica» как феномен археографии и истории организации исторической науки.	155
<i>О. В. Забельникова</i> Концепции формирования латиноамериканской цивилизации в мировой историографии.	161

<i>А. В. Зайцева</i> Московские универсанты — издатели учебной литературы (вторая половина XIX — начало XX в.)	165
<i>О. Ю. Игошина</i> Материалы федеральных и местных архивов о демографических процессах в Куйбышевской области в 1941–1945 гг.	169
<i>Д. А. Карпук</i> Духовная цензура церковно-исторических сочинений в середине XIX в. (по материалам фонда Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета)	173
<i>М. И. Кирова</i> Христианская религия и общество в современной Германии.	177
<i>О. М. Клименко</i> Празднование 40-й годовщины Победы в Киеве и Москве: сравнительный анализ	180
<i>М. К. Ковтуненко</i> Развитие панславизма в Российской империи в начале XX века	184
<i>А. М. Козлова</i> Эволюция концепции бюрократии в анархистской доктрине М. А. Бакунина	189
<i>А. А. Колдушко</i> «База данных репрессированных Прикамья: перспективы использования»	192
<i>Н. Н. Колодезникова</i> К вопросу изучения статуса представительств субъектов Российской Федерации	195
<i>М. С. Комкова</i> Россия 1917-го г. на страницах «Таймс»	202
<i>Н. А. Комочев</i> От памятника старины до исторического источника: Иван Филиппович Колесников как археограф	208
<i>А. А. Кононенко</i> 1917 год в Тюмени: уездная революция	215
<i>П. Г. Космач</i> Из истории государственно-конфессиональных отношений в США (дело «Церковь Святой Троицы против Соединенных Штатов», 1892 г.) ...	219

<i>Е. В. Косырева</i> Архив Российской академии наук: опыт издания научного наследия ученых	223
<i>А. С. Кочетова</i> Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК в оценке неправославных религиозных организаций	228
<i>К. Л. Кошемчук</i> «Русский вопрос» в консервативной публицистике XIX века	234
<i>Т. М. Кравченко</i> К вопросу изучения коллекционного фонда музея М. В. Ломоносова . . .	238
<i>Е. Н. Крякин</i> Коммунистический университет трудящихся Востока в системе подготовки национальных социалистических кадров в 1920–1930-е гг. в СССР	241
<i>О. А. Кудрявцева</i> Трансформация традиционных погребальных обрядов чукчей	245
<i>А. Л. Кузьминых</i> Развитие системы военного плена и интернирования в СССР (1939–1956 гг.)	248
<i>Н. В. Кукиль</i> А. А. Гирс о влиянии балканской проблемы на русско-германские отношения в конце XIX в.	252
<i>В. А. Куликов</i> Списки фабрик и заводов как источник по изучению промышленного развития Юга России начала XX века	256
<i>Т. Н. Лаптева</i> Проблемы описания личных фондов ученых русского зарубежья в перспективе их научной реконструкции (на примере личного архива А. В. Флоровского)	261
<i>О. Н. Ларина</i> Стиляги в советском обществе	265
<i>И. Н. Лобачева</i> Брачная структура купеческой семьи Тулы в 1860–1875 гг.	270
<i>И. Н. Лозбенев</i> Дискуссия о кулаке	274

<i>М. Ю. Луговцова</i> Французская коммунистическая группа в Москве. Цели создания и участники (ФКП)	278
<i>А. В. Лукашин</i> Деятельность политического руководства Украины в последние годы СССР (1990–1991 гг.). Стратегия реформирования. Тактика развала . . .	281
<i>Е. М. Лупанова</i> Технологии лесного хозяйства в России XVIII века	287
<i>А. Н. Максимчик</i> Нереализованный проект начала XX в.: история подготовки к изданию XIII тома Актов Кавказской археографической комиссии. . .	291
<i>А. А. Манухин</i> Фактор военной готовности в мексиканской политике США (1911–1914 гг.)	295
<i>К. Ю. Милованов</i> Теоретические аспекты изучения исторического опыта реформирования русского образования в XX веке	299
<i>Н. Н. Мокина</i> Почтовая связь Среднего Поволжья 1941–1945 гг. в документах федеральных и местных архивов	303
<i>А. Р. Нарский</i> Предыстория создания Всесоюзного научно-исследовательского института авиационных материалов в 1932 г. (по материалам историко-архивных изысканий)	307
<i>В. Г. Наследов</i> Использование труда различных групп аборигенного населения в русских колониях Северной Америки (1799–1867 гг.)	313
<i>Н. Е. Никовырин</i> Русско-японская война в дореволюционных публикациях 1904–1917 гг.	317
<i>Л. Н. Нурсултанова</i> Казахстанско-германское торгово-экономическое сотрудничество на современном этапе	324
<i>А. С. Опилкин</i> Практики взаимодействия органов политической полиции России начала XX века	328

А. О. Пеганов

К вопросу о «стене недоверия» между центрально-европейскими государствами в межвоенный период: анализ претензий Венгрии к Чехословакии после подписания Трианонского мирного договора 333

В. А. Полищук

«...у себя дома имею почти одни портреты царской семьи»: из практики рассмотрения в Екатеринбургском окружном суде уголовных дел против чести императора 337

В. А. Прокудин

Неопубликованная статья В. И. Ламанского «Славянский союз» 339

А. А. Пысин

Институт комиссаров Временного правительства в Пермской губернии 345

А. В. Радков

Документы по истории русской военной эмиграции 1920-х гг. в Государственном Архиве Российской Федерации 349

О. К. Радова-Каранастас

Документы Османского архива и архитектурные памятники в Республике Турция — объекты международного культурного наследия 352

Н. В. Раздина

Газета «За индустриализацию»: от первой пятилетки ко второй (контент-анализ газетных рубрик) 357

М. В. Раттур

Фабричное законодательство Российской империи пореформенного периода в контексте социальной защиты детства: от идеи к практическому воплощению 360

В. В. Ретин

Дискуссия в НКВД СССР касательно определения советской политики в бессарабской проблеме накануне Венской советско-румынской конференции 365

А. М. Репьева

Нравственные основания устройства нового общества (по работам В. В. Берви-Флеровского) 369

О. А. Рокутова

Региональный опыт профилактики детской беспризорности и безнадзорности в 1941–1950 гг. (на материалах Среднего Поволжья) . . . 373

<i>А. В. Рочева</i> Центральная научно-исследовательская лаборатория в развитии нефтегазовой отрасли на Европейском Севере России в 1940-х гг.	378
<i>М. В. Рычкова</i> Идея автономии и ее интерпретация коллективом МГУ им. М. В. Ломоносова на страницах периодической печати	381
<i>Н. В. Семенова</i> Юношеский дневник А. С. Тимашева: рецепция Первой мировой войны.	386
<i>В. Н. Сергеев</i> Левые диссиденты в СССР и Восточной Европе: частные примеры контактов и взаимодействий.	390
<i>Н. Р. Сетов</i> Модерн против постмодерна: трактовки истории и политики.	394
<i>Син Се Ра</i> Отношения между СССР и КНДР в 1945–1948 гг. (по материалам российских архивов)	398
<i>Ф. Л. Силицын</i> Национальный фактор в присоединении к СССР западной Украины и западной Белоруссии (1939–1941).	400
<i>Н. В. Словеснова</i> Критика С. И. Гессеном революционного коммунизма	404
<i>О. Е. Сорокопудова</i> А. де Токвиль и Л. А. Тихомиров о демократии.	407
<i>И. Н. Стрекалов</i> История успешного предпринимательства в США в XX веке. Социально-экономические и политические аспекты.	411
<i>Е. Л. Суббота</i> Фракция ВКП(б) как высший орган Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1921–1935 гг.)	415
<i>Е. С. Суворкина, А. В. Ахметова</i> Деятельность Комитетов Севера по развитию экономики и культуры коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1920–1930-е гг. ...	421

Г. Ю. Султангузина

Участие женотделов Башкирии в борьбе с детской беспризорностью
в первой половине 1920-х гг. 425

А. Ю. Суслов

Историческая память и социалисты в Советской России:
эволюция образа 429

Е. А. Суходоева

Тип политического лидерства И. В. Сталина как фактор мобилизации
СССР в 1930-е гг. 433

О. Д. Тальская

Религиозный вопрос как фактор формирования национальных
политических партий России в начале XX века 437

Л. Е. Терещенков

Материалы РГАСПИ о полемике по поводу взаимосвязей в изучении
истории Финляндской и Русской революций 1920–1930-е гг. 441

В. В. Тихонов

Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке:
А. Л. Сидоров vs И. И. Минц 446

Л. И. Томей

«Национальное» в консервативной мысли XIX века. 451

Д. В. Тумаков

Агентура милиции в сельской местности СССР в годы
Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
(на материалах Ярославской области) 455

Ш. Н. Уайсова

Казахстанско-британские отношения 459

Г. И. Устюгова

Изучение формирования позиции США по вопросу образования
и признания независимого государства Израиль на основе материалов
Конгресса США (1945–1949) 463

Л. А. Фадеев

Образование рабочих машиностроительных предприятий в годы
первых пятилеток: структура, проблемы и методы их решения. 466

А. И. Федорец

Размеры и «плотность» московских приходов по материалам
исповедных ведомостей середины XVIII в. 470

<i>А. П. Фернандес-Эрес</i> Испанские эмигранты в СССР: начальный период адаптации	475
<i>Е. К. Фокеева</i> Славянский вопрос в творчестве историка М. П. Погодина	480
<i>А. А. Фокин</i> Проблема первичной критики интернет-источников	484
<i>Ю. В. Фокина</i> К вопросу о русском революционном нигилизме	488
<i>О. Ю. Фролова</i> Переписка Бабефа из фондов РГАСПИ как основной источник для изучения Аррасского периода его жизни	492
<i>Д. А. Хворов</i> Основные этапы национально-освободительного движения в Ирландии	498
<i>К. Ю. Хворых</i> Женский вопрос в России: исторический фон возникновения, идейные истоки и основные представители	501
<i>А. В. Цыганова</i> Участие гимназисток в общественно-политической жизни Тверской губернии начала XX в. (на примере воспоминаний ученицы Тверской Мариинской женской гимназии Нины Ивановны Троицкой) ...	504
<i>И. В. Чарушкин</i> Добровольные ассоциации и чиновники полицейского ведомства: вопрос о свободе деятельности (на примере просветительских ведомств г. Москвы на рубеже XIX–XX вв.)	508
<i>Ж. Г. Черненко</i> Социально-политические условия возникновения «первой волны» феминизма	512
<i>И. С. Чирков</i> Новейшая история России в документах предвыборных кампаний	516
<i>М. Ш. Шарифов</i> Правовая природа суверенитета СССР в период 1922–1936 гг.	520
<i>Д. А. Шаронин</i> Архивные источники по истории электрификации СССР (1920–1930-е гг.)	525

<i>А. И. Шешнина</i>	
А. А. Сергеев (1886–1935) и его роль в развитии отечественной археографии.....	530
<i>И. С. Шилова</i>	
Учительские кадры Пермского региона в 1930-е гг.	537
<i>А. И. Шмакова</i>	
Принуждение и убеждение как методы управления обществом (на примере утопий Морелли и Г. Бабефа).....	541
<i>А. А. Шпенев</i>	
Восприятие Японии как потенциального противника накануне Русско-японской войны.....	546
<i>Е. О. Щеголькова</i>	
«Краткий курс истории СССР»: создание стабильного учебника для советской школы	550
<i>А. А. Яскунова</i>	
Источники изучения трудовой повседневности северной деревни 1930–1950-е гг.	554
Список сокращений.....	557
Сведения об авторах	560
Список организаций, принимающих участие в конференции «КЛИО-2013»	569

Научное издание

**Исторические документы
и актуальные проблемы археографии,
источниковедения, отечественной и всеобщей истории
нового и новейшего времени**

Сборник тезисов докладов участников
Третьей международной конференции
молодых ученых и специалистов
«Clio-2013»

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*
Корректор *А. В. Голубцова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 05.04.2013.
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,5.
Тираж 170 экз. Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1.
Тел.: (499) 685-15-75

